АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
им. Д. И. ГУЛИА АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛАШАРА»

63.4 (6Аб)
Т 65

М. М. ТРАПШ

ТРУДЫ

•

В четырех томах

Том второй

Редакционная коллегия:
Г. А. ДЗИДЗАРИЯ (председатель),
А. М. АПАКИДЗЕ, Ш. Д. ИНАЛ-ИПА, Л. Н. СОЛОВЬЕВ,
А. Х. ХАЛИКОВ, Л. А. ШЕРВАШИДЗЕ

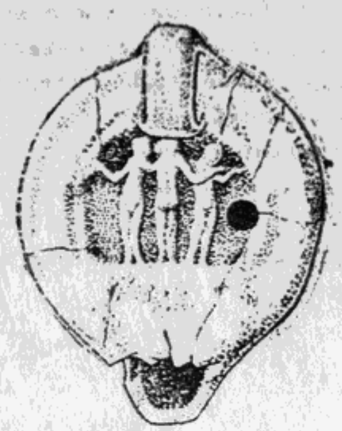
•

Сухуми — 1969

М. М. ТРАПШ

ДРЕВНИЙ СУХУМИ

•

Составитель тома и ответственный редактор
А. Х. ХАЛИКОВ

Сухуми

164196
АБХАЗСКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

902.6(C41)
Т 65

Когда возник Сухуми как город? Сколько тысячелетий и веков прошло с тех пор? Эти вопросы волнуют не только ученых, но и всех тех, кому дорог наш город. На эти вопросы попытался ответить М. М. Трапш в своей монографии «Древний Сухуми». Результаты многолетних археологических поисков в Сухуми и его окрестностях легли в основу этой книги. От римского Себастополиса к греческой Диоскурии, от Диоскурии к легендарной Эйе аргонавтов—таков тот путь, по которому проводит исследование автор. Археологи здесь найдут богатейшие неопубликованные материалы, относящиеся к финалу колхидско-кобанской бронзы, раннеантичному и римско-византийскому времени. Люди, просто интересующиеся историей, и те, кому не безразлично прошлое Сухуми, почерпнут для себя в этой книге много интересных новых сведений.

ДРЕВНИЙ СУХУМИ

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В 1951 году, завершив работу над материалами Куланурхвского могильника (см. I том настоящего собрания), М. М. Трапш обратился к археологическим древностям г. Сухуми. С тех пор, вплоть до последних дней своей жизни, он систематически и скрупулезно собирал материал по истории Сухуми, к написанию которой он приступил в 1960 г.

Первые археологические работы в Сухуми были начаты им весной 1951 года, когда на Сухумской горе ему удалось выявить ряд интересных памятников — поселение, могильник и большой клад металлических изделий колхидского времени, некрополь раннеантичного периода (V—III вв. до н. э.)[1]. В последующем были проведены раскопки в Сухумской крепости и возле нее (1952, 1959 гг.), где были исследованы археологические остатки г. Диоскурии, крепостные сооружения, жилые и хозяйственные постройки г. Себастополиса[2] и остатки христианского кладбища VI—VII вв. н. э. М. М. Трапш внимательно наблюдал и за работами своих коллег, изучавших археологические остатки античного Сухуми, — за исследованиями Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьева 1958—1959 гг. укреплений Себастополиса[3] и работами грузинских археологов А. М. Апакидзе и О. Д. Лордкипанидзе[4].

В 1952 г. М. М. Трапш были начаты исследования горы Гуад-иху[5], где за три года раскопок были изучены поселения энеолитического времени и обширный могильник VIII—II вв. до н. э. Остатки нескольких погребений позднеколхидского типа, античного поселения IV—II вв. до н. э. и великолепного средне-

---

1 М. М. Трапш, «Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 гг.», СА, XXIII, 1955, стр. 207—208.

2 М. М. Трапш, «Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г.», Труды АбИЯЛИ, XXXIII—XXXIV, Сухуми, 1963.

3 Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев, «Исследования древнего Себастополиса», СА, № 3, 1960.

4 Л. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе, «Новые материалы к археологии Диоскурии-Себастополиса», Труды АбИЯЛИ, XXXIII—XXXIV, Сухуми, 1963.

5 М. М. Трапш, «Краткий отчет о результатах археологических исследований в Сухуми в 1952 году», Труды АбИЯЛИ, XXVI, Сухуми, 1955.

векового укрепления XI—XII вв. были изучены М. М. Трапш при раскопках легендарного замка Баграта в 1954—1955 гг. Тогда же он провел раскопки башни с остатками стен римского времени и нескольких довольно богатых раннеантичных погребений на усадьбе Одынца в северо-западной части г. Сухуми. В эти же годы материалы по истории Диоскурии-Себастополиса обогатились несколькими античными шедеврами, изученными М. М. Трапш. В августе 1953 года на дне Сухумской бухты были найдены мраморный барельеф — надгробная стела конца V в. до н. э.[6] и скульптурный бюст I—II вв. н. э. Находка мраморного барельефа была оценена как большое событие в мировой археологии[7]

В 1956 г. М. М. Трапш провел обширную археологическую разведку в районе пос. Красный Маяк по побережью моря от кожзавода до устья р. Гумисты. В результате им здесь были зафиксированы остатки поселений энеолитического и античного времени и обширный Красномаяцкий могильник, оставленный местными солеварами VIII—II вв. до н. э. Многолетние раскопки, сосредоточенные в 1956—1959 гг. на месте могильника и раннеантичного поселения[8], дали большой материал для суждения о культуре и этносе местного населения древнего Сухуми — основе не только доантичных, но фактически и античных городов и поселений.

Так был накоплен огромный свод археологических источников для написания истории древнего Сухуми, к чему М. М. Трапш и приступил в 1960 г. Постепенно обрисовались и контуры монографии, посвященной истории возникновения и развития древнейших доантичных поселений, раннеантичной Диоскурии и римско-византийского Себастополиса. М. М. Трапш рассчитывал завершить эту огромную работу в 1968 г. — безвременная смерть помешала этому. Но все же основная часть монографии была написана. Она и составляет содержание настоящего второго тома трудов М. М. Трапш. Так как автор не успел написать введение к своей монографии, то в качестве такового помещается составленная М. М. Трапш карта археологических памятников доантичного и античного времени Сухуми и его окрестностей.

Здесь же помещен отрывок из опубликованной статьи М. М. Трапш об археологических раскопках на Сухумской горе

---

[6] М. М. Трапш. «Мраморный барельеф из Сухуми», ВДИ, № 1, 1954, стр. 163—165.

[7] Ch P. (Charles Picard). La stele gresque de Soukhoumi en Colchide (Caucase). Revue Archeologique. 1956, vol. XLVIII, Paris.

[8] М. М. Трапш. «Археологические раскопки в окрестностях Сухуми». Труды АбИЯЛИ, XXIX, Сухуми, 1958.

в 1951 г. Основная часть монографии, объемом свыше 30 авторских листов, публикуется впервые.

Настоящий том составлен и отредактирован А. Х. Халиковым. Иллюстрации выполнены В. С. Орелкиным и Ю. Н. Вороновым. В подготовке к печати рукописи и иллюстраций принял активное участие Ю. Н. Воронов. Им же составлен именной и предметный указатели.

Редакционная коллегия выражает свою благодарность всем, принявшим участие в подготовке к изданию и публикации монографии М. М. Трапш «Древний Сухуми».

ВВЕДЕНИЕ*

Территория Сухуми и его окрестности представляют большой интерес для изучения самых различных эпох, начиная от палеолита и кончая памятниками средневековья. Эта территория заслуживает самого тщательного археологического исследования. Достаточно сказать, что на территории Сухуми были расположены древняя Диоскурия и Себастополис. Однако нужно отметить, что историко-археологическое изучение этого района до 1950 г. систематически не проводилось.

Впервые археологические раскопки в Сухуми были произведены В. И. Сизовым в 1886 г. в западной части нынешнего сквера Руставели. В результате этих раскопок он собрал здесь богатый керамический материал: обломки простой глиняной посуды и амфор, чернолаковых и краснолаковых сосудов, свидетельствовавших о существовании здесь античного поселения в III—I вв. до н. э. Кроме того, В. И. Сизовым были найдены бронзовая монета города Амиса и остатки погребения у берега моря[1].

На территории того же сквера в 1925 г. археологические раскопки произвел А. С. Башкиров, который обнаружил много черепков изящной, прекрасного обжига, краснолаковой посуды, указывавшей на наличие здесь древнего поселения в I—III вв. н. э. Он произвел исследование также в Сухумской крепости, где им было установлено наличие трех разновременных культурных слоев, охватывавших период, начиная со II в. н. э. и кончая позднейшим средневековьем[2].

Культурные остатки древнего поселения были открыты также в 1940 г. при прокладке водопровода перед гостиницей «Рица». Здесь Л. Н. Соловьевым и И. А. Адзинба были

---

* От редакции. Настоящее введение включает часть статьи М. М. Трапш «Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 гг.» (СА, XXIII, 1955) и карту археологических памятников доантичного и античного времени, обнаруженных на территории г. Сухуми и его окрестностей.

[1] В. И. Сизов. «Восточное побережье Черного моря». МАК, вып. II, 1889, стр. 14—16.

[2] А. С. Башкиров. «Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г.» Изв. АбНО, вып. IV, 1926, стр. 4—18.

собраны пирамидальные грузила, амфориски, большое количество фрагментов посуды амфорного типа, изящно сделанной посуды, покрытой черным, а в отдельных случаях и бурым лаком и один фрагмент посуды типа так называемой «мегарской» чаши[3].

Наличие остатков античного поселения в Сухуми прослежено и далее по левой стороне р. Беслетки, вдоль берега моря до железнодорожной эстакады. Здесь кое-где под средневековым культурным слоем М. М. Иващенко[4] были обнаружены обломки чернолаковой посуды.

Такую посуду неоднократно находили и около того же района, на холме замка Баграта[5].

Чернолаковые сосуды III в. до н. э. вместе с железным оружием и другими вещами из частично разрушенного погребения были найдены Л. Н. Соловьевым в 1939 г. на западном склоне вершины холма Ахвыла-абаа, восточнее замка Баграта[6].

Систематические и углубленные исследования археологических памятников города Сухуми проводились в 1951—1967 годы автором настоящей монографии*. Вместе с раскопками им же велись постоянные наблюдения за земляными работами на территории города и фиксировались все случайные археологические находки.

В результате всех этих работ только на территории современного Сухуми было учтено более 50 археологических памятников, относящихся к колхидско-кобанскому времени (XII—VII вв. до н. э.), раннеантичному (VI—I вв. до н. э.) и римско-византийскому (I—V вв н. э.) периодам. В число этих памятников входят:

1. Античное поселение II—I вв. до н. э. — у парка им. Шота Руставели (бывшая ул. Ольгинская).

2. Позднеантичное (римского времени) поселение I—III вв. н. э. — между ул. 4-го Марта и Н. Лакоба, напротив гостиницы «Бзыбь».

3. Гробница античного времени — в западной части Сухумской крепости.

4. Античное поселение III—II вв. до н. э. — на пр. Ш. Руставели, на углу между гостиницей «Рица» и Абхазским драмтеатром.

---

3 Л. Н. Соловьев. «Диоскурия...» Труды АГМ., вып. I. Сухуми, 1947. стр. 120, 121.

4 М. М. Иващенко. «К вопросу о местонахождении Диоскурии древних». Изв. АбНО, вып. IV, 1926, стр. 100, 101.

5 Л. Н. Соловьев. Ук. соч., стр. 124, 125.

6 Там же, стр. 124.

* От редакции. На основании изучения результатов этих исследований, перечень которых дается в редакторском введении, и написан настоящий труд М. М. Трапш «Древний Сухуми».

Рис. 1. Общий вид раскопок могильника Гуадиху.

5. Бронзовый наконечник копья позднеколхидского времени; античное поселение IV—III вв. до н. э.; каменный саркофаг с остатками захоронения — на территории санатория № 22 Министерства обороны СССР.

6. Античное поселение — на ул. Джанашия между ул. 4 Марта и пр. Мира.

7. Античное поселение — правый берег приустьевой части р. Басла (Беслетка).

8. Находка железного кинжала с бронзовой рукояткой — сквер кинотеатра «Сухуми».

9. Поселение позднеколхидского времени — перекресток ул. Фрунзе и пр. Мира.

10. Себастополис — город-крепость римского времени — Сухумская крепость.

11. Надгробный бюст позднеантичной эпохи II в. н. э.— 50 м от берега в районе Большой пристани.

12. Поселение раннеантичного времени — ул. Фрунзе, напротив гостиницы «Абхазия».

13. Крепостное сооружение римского (?) времени — у здания Абхазского ОК КПГ.

14. Мраморная стела V в. до н. э. — на дне моря в 7 м от берега, напротив санатория № 22 Мин. обороны СССР.

15. Оборонительное сооружение — башня римского времени — на дне моря, напротив санатория № 22 Мин. обороны СССР.

16. Раннеантичное погребение V—IV вв. до н. э. — на левом берегу р. Келасури, в ограде древней Келасурской стены.

17. Поселение раннеантичное — на возвышенности правого берега р. Келасури, занятого новым зданием субтропического института.

18. Поселение римского времени (обломки краснолаковой посуды и керамических водопроводных труб) — устье р. Дзыхтва (Волчья).

19. Поселение позднеколхидское, поселение и погребение раннеантичного времени — на левом склоне холма Алексеевского ущелья, близ д/о им. Орджоникидзе.

20. Поселение и погребения раннеантичного времени — юго-восточный склон горы Баграта.

21. Раннеантичное поселение — под сооружениями замка Баграта.

22. Поселение и погребения раннеантичного времени — на холме левого берега р. Басла (Беслетка) выше кирпичного завода.

23. Находка бронзовых колхидских топоров — холм левого берега р. Басла (Беслетка) у кирпичного завода.

24. Могильник позднеколхидский и поселение раннеантичное — южный склон Сухумской горы.

25. Поселение и могильник позднего периода колхидско-кобанской бронзы — вершина Сухумской горы.

26. Клад бронзовых топоров колхидско-кобанского времени — седловина Сухумской горы.

27. Поселение и следы медеплавильного производства колхидско-кобанского времени — южный склон горы Гуадиху.

28. Могильник VIII—VI вв. до н. э. (Старший Гуадиху) — гора Гуадиху.

29. Могильник V—II вв. до н. э. (Младший Гуадиху) — гора Гуадиху.

30. Поселение раннеантичного времени — гора Гуадиху.

31. Целая античная амфора — ул. Казбеги в ущелье р. Хариквара.

32. Поселение раннеантичного времени и сторожевая башня римского периода — участок гр. Одинец на правом берегу р. Хариквара.

33. Находки бронзовых сечек — пос. Лечкоп.

34. Поселение солеваров позднеколхидского времени — у кожзавода.

35. Находки античных амфор — на берегу моря к западу от пос. Красный Маяк.

36. Поселения позднеколхидского и раннеантичного времени — к западу от пос. Красный Маяк, участок № 1 за усадьбой М. Д. Ислямова.

37. Красномаяцкий могильник позднеколхидского времени (IX—VI вв. до н. э.) — к западу от пос. Красный Маяк, у усадьбы Тимофеева.

38. Красномаяцкое поселение раннеантичного времени — там же, где № 37.

39. Красномаяцкий могильник раннеантичного времени — там же, где № 37, 38.

40. Находки античных амфор — в море на расстоянии около 1 км напротив устья р. Дзапш (Гнилушка).

---

16 9 61

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ СУХУМИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Глава I

НЕКРОПОЛЬ ГУАДИХУ

(Старший могильник)

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕКРОПОЛЯ И ВСКРЫТЫХ ПОГРЕБЕНИЙ

Среди памятников эпохи перехода от поздней бронзы к широкому освоению железа на Кавказе важное место занимает некрополь Гуадиху, расположенный на холме «Гуада» севернее Сухумской горы на границе между г. Сухуми и сел. Бырцха (рис. 1). С вершин его открывается широкая панорама на дальние горы и ущелья. Внизу лежит всхолмленная равнина, где расположились селения Бырцха, Абжаква и др.

Гуадиху был выбран для археологического исследования в результате производившихся в 1952 г. в окрестностях г. Сухуми рекогносцировочных[1] работ, во время которых внимание было обращено на значительное количество черепков от посуды, встречавшихся на склонах названной горы. При дальнейшем осмотре на северном ее склоне были найдены пирамидальное керамическое грузило и обломки чернолакового сосуда.

В районе обнаружения этих вещей тогда же были заложены в нескольких местах контрольные разведывательные шурфы (рис. 2). Здесь, в 4 м от места первоначальных находок, обнаружилось кремационное человеческое погребение с богатым могильным инвентарем, состоявшим из железных предметов (топор-секира, меч, наконечники копий) и глиняных сосудов (см. погр. 1. Мл. Гуадиху).

Этот результат дал основание приступить к археологическому исследованию возвышенности Гуада, начатому на северном ее склоне, на месте первоначальных находок; оно велось сначала разведывательными траншеями, давшими возможность наметить площадь для исследования 50 кв. м, на которой оказалось еще четыре простых грунтовых погребения

---

1 М. М. Трапш, «Краткий отчет о результатах археологических исследований в Сухуми в 1952», Труды АбИЯЛИ, т. XXVI, Сухуми, 1955, стр. 221.

АБХАЗСКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

с обрядом кремации. Дальнейшие работы, произведенные на северном склоне Гуадиху, не дали положительных результатов.

Следующим объектом исследования 1952 г. был избран южный склон Гуадиху, где после тщательных поисков траншеями удалось обнаружить некрополь и установить его юго-восточную границу, откуда и было начало исследование могильника (рис. 2).

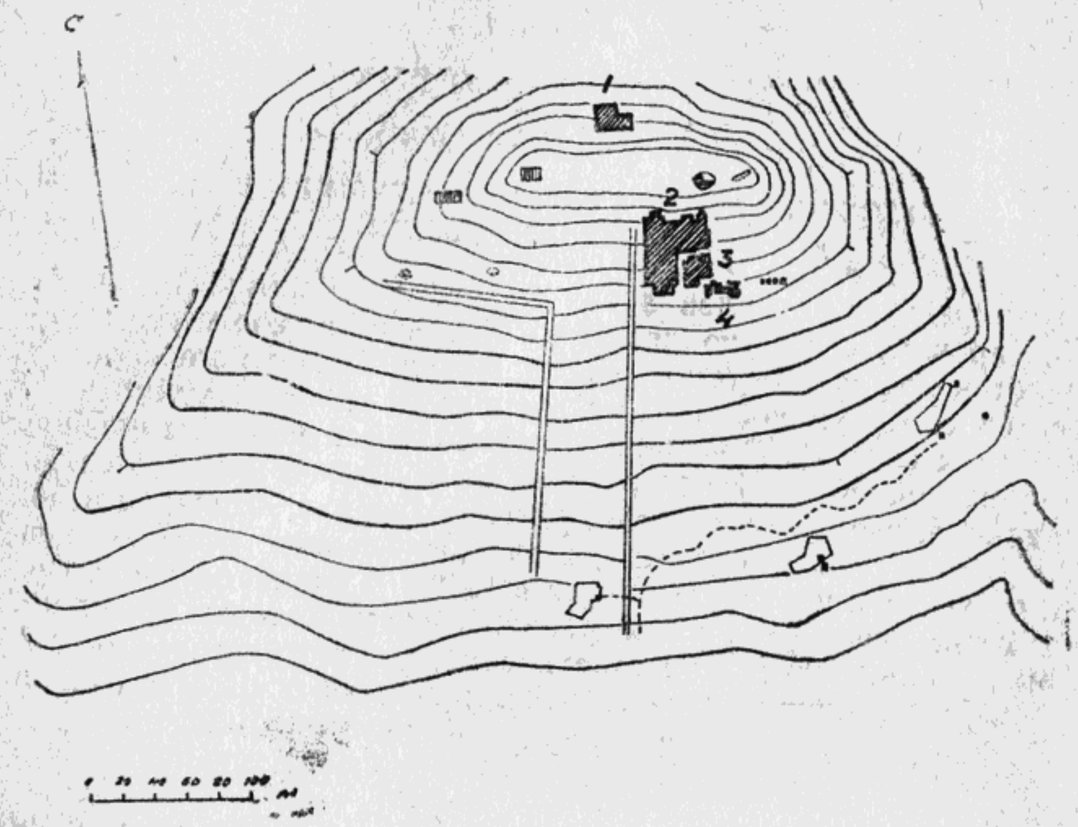

Рис. 2. Схема расположения раскопок 1952—1953 г. на горе Гуадиху. 1—4 раскопы.

Раскопанная площадь, составляющая более 300 кв. м, вскрыта четырьмя раскопами; она исследована до материка и дала 45 грунтовых погребений с обрядом кремации. В процессе раскопок на этой площади встречались каменные орудия — полированные топоры, мотыги, грузила, зернотерки и обломки от грубых лепных глиняных сосудов с простыми орнаментами, относящиеся к эпохе энеолита. Эти находки свидетельствуют о том, что освоение данной местности началось в очень ранний период.

Раскопками 1952 г. на горе Гуада вскрыто всего 50 погребений с обрядом кремации. В последующие 1953—1954 гг. были продолжены археологические исследования некрополя на южном склоне Гуадиху. Эти работы ставили своей задачей

выявить дополнительный археологический материал к раскопкам 1952 г., с тем, чтобы получить более полную картину развития культуры древнего населения, занимавшего территорию современного Сухуми в эпоху перехода от поздней бронзы к широкому освоению железа.

Раскопанная площадь в некрополе Гуадиху в 1953—1954 гг. составила более 600 кв. м и на ней обнаружено еще 41 кремационное погребение. На этой площади при ее расчистке встречались местами перекалившиеся на огне камни и глиняные обмазки, являвшиеся, видимо, остатками жилых помещений. Вместе с ними попадались также обломки от различных глиняных сосудов, относящиеся примерно к первой половине второго тысячелетия до н. э., когда в районе раскопок еще до возникновения некрополя существовало поселение эпохи ранней бронзы. Культурный слой этого времени почти везде прорезается могильными ямами.

Всего за три года экспедиционных работ на территории некрополя Гуадиху вскрыта площадь более 900 кв. м и обнаружено 91 погребение. Из них 32 относятся к эпохе перехода от поздней бронзы к широкому освоению железа (VIII—VI вв. до н. э.), а все остальные к V—II вв. до н. э.*.

Примерная протяженность основного участка некрополя Гуадиху с востока на запад 140 м, с севера на юг 130 м (рис. 2). Таким образом, перед нами сравнительно большой могильник, содержащий, видимо, еще немало захоронений.

Обширная площадь исследованного некрополя Гуадиху и сравнительно большое количество вскрытых погребений дали возможность достаточно отчетливо выявить формы погребального обряда. В значительной мере этому способствовала и сама методика, применявшаяся при полевых работах.

Раскопки производились большими площадями (всего восемь раскопов); они позволили вскрыть значительную часть памятника и тем самым выяснить точное соотношение между отдельными могилами, что нельзя было бы сделать при раскопках траншеями или маленькими площадями. Указанный прием исследования обеспечил возможность установить и определить группировку разнотипных и разновременных могил.

Как мы увидим ниже, погребения располагались довольно компактными группами, соприкасавшимися друг с другом. Характерно, что на вскрытой площади некрополя разновременные могилы никогда не прорезают и не перекрывают одна другую.

---

* Для удобства, далее погребения VIII—VI в. именуются погребениями Старшего Гуадиху, а погребения V—II вв. — Младшего Гуадиху.

Полное отсутствие случаев перекрывания или повреждения погребений при последующих захоронениях говорит, во-первых, о том, что могильник использовался без перерывов, во-вторых, о том, что сверху погребений имелись какие-то надмогильные сооружения или знаки, не сохранившиеся до нас.

Как выяснено, погребения различных типов захоронений и разного времени были сосредоточены группами, отдаленными друг от друга на 4—30 м. Расстояние между погребениями 50—100 см. Могильные ямы в большинстве случаев прослеживались слабо.

Частичное освещение результаты раскопок некрополя Гуадиху получили в небольшой статье предварительного характера, посвященной некоторым итогам археологических работ в Сухуми в 1951—1953 гг.[2]

Настоящая глава посвящена публикации материалов раскопок 32 могил Старшего некрополя Гуадиху, относящихся к VIII—VI вв. до н. э.

Погребение 1 (4)*. Вскрыто на северном склоне Гуадиху. Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (200 х 80 см), вытянутой с востока на запад и содержавшей в засыпи древесные угольки с золой. На дне ямы на глубине 50 см вскрыты остатки погребенного, подвергнутого частичной кремации.

У северо-западного угла ямы находился железный топор-молоток (табл. II—6), длиной 14.5 см и шириной лопасти 7 см.

В средней части могильной ямы, у северной ее стенки, обнаружены два черепка от различных глиняных сосудов темновато-серого обжига. Первый черепок от горшка с тонким гребенчатым рифлением и косыми врезными черточками. Второй черепок с врезным сетчатым орнаментом.

В северо-восточном углу ямы находились три железных наконечника копий: два из них с пером лавролистной формы и разрезной втулкой (рис. 3—6); третий — с пером конической формы, завершенной граненым острием (рис. 3—5).

Погребение 2 (5). Вскрыто на северном склоне горы Гуадиху. Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (180 х 90 см), вытянутой с востока на запад и содержавшей в засыпи древесные угольки с золой. На глубине 50 см расчищены остатки погребенного, подвергнутого частичной кремации.

---

[2] М. М. Трапш, «Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 гг.», СА, XXIII, М., 1955.

* Нумерация погребений дана по хронологическим группам, в скобках указан порядковый номер погребений, установленный в процессе раскопок.

У западной стенки ямы находился железный топор-молоток, длиной 12,2 см и шириной лопасти 5,5 см, в проушине сохранились следы дерева от рукояти (рис. 4—6).

В средней части ямы, у северной ее стенки, лежал железный ножичек со слегка выгнутой спинкой типа рис. 8—1, длиной 5 см и шириной лезвия 1,5 см.

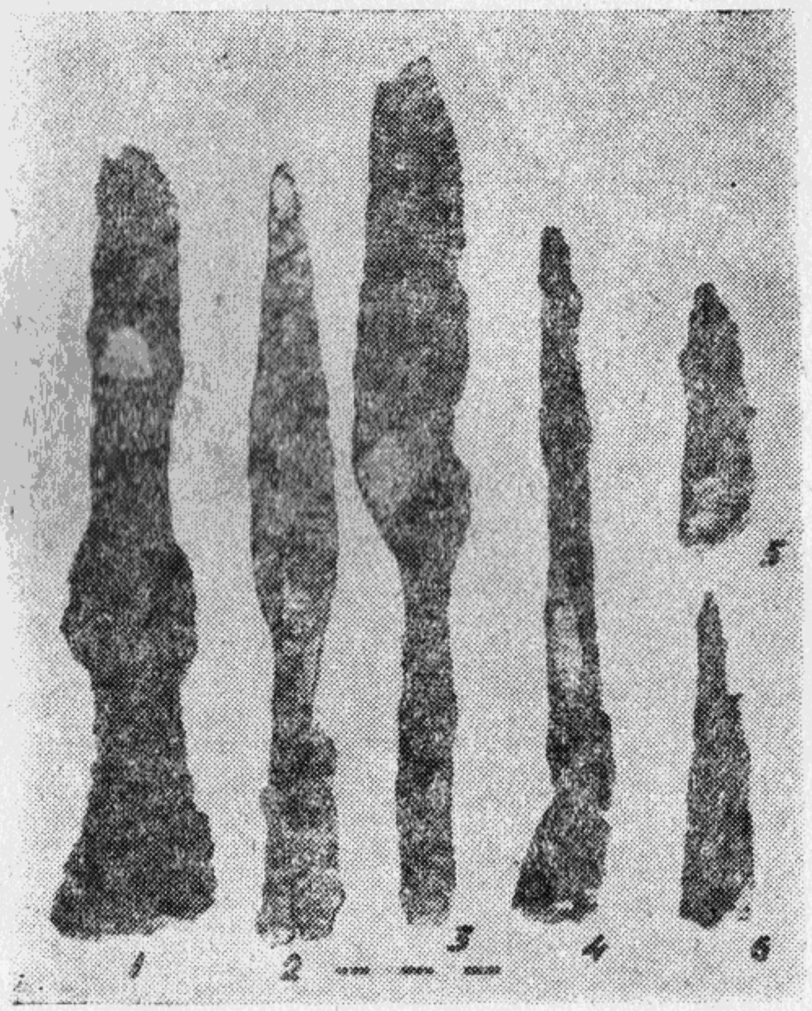

Рис 3. Железный кинжал (1) и наконечники копий (2—6) из могильника Гуадиху. Старшая группа могил VIII—VI вв. до н. э. 1 — погр. 8 (11); 2 — погр. 2 (5); 3 — погр. 10 (13); 4 — погр. 13 (55); 5, 6 — погр. 1 (4).

В юго-восточной части могильной ямы, у северной ее стенки, обнаружены два железных втульчатых наконечника копья. Первый наконечник вытянуто-листообразной формы со срединным ребром (рис. 3—2; табл. II—I). Второй наконечник конической формы со слегка граненой боевой частью (табл. II—3).

Погребение 3(6). В округлой яме (Д=55 см) на глубине 50 см обнаружено небольшое скопление мелких обломков пе-

режженных человеческих костей с древесными угольками и золой. Среди костей найдены следующие предметы:

Литая фрагментированная бронзовая булавка с головкой из трех расходящихся в плоскости стержней, прикрытых перекладиной, концы которой украшены смотрящими в противоположные стороны бараньими головками. Спинка перекладины украшена рельефным волнистым зигзагом в виде извивающейся змеи. Под основанием ажурной головки имеются рельефные спиральные завитки и круглое сквозное отверстие. Длина булавки 9 см (табл. IV—4).

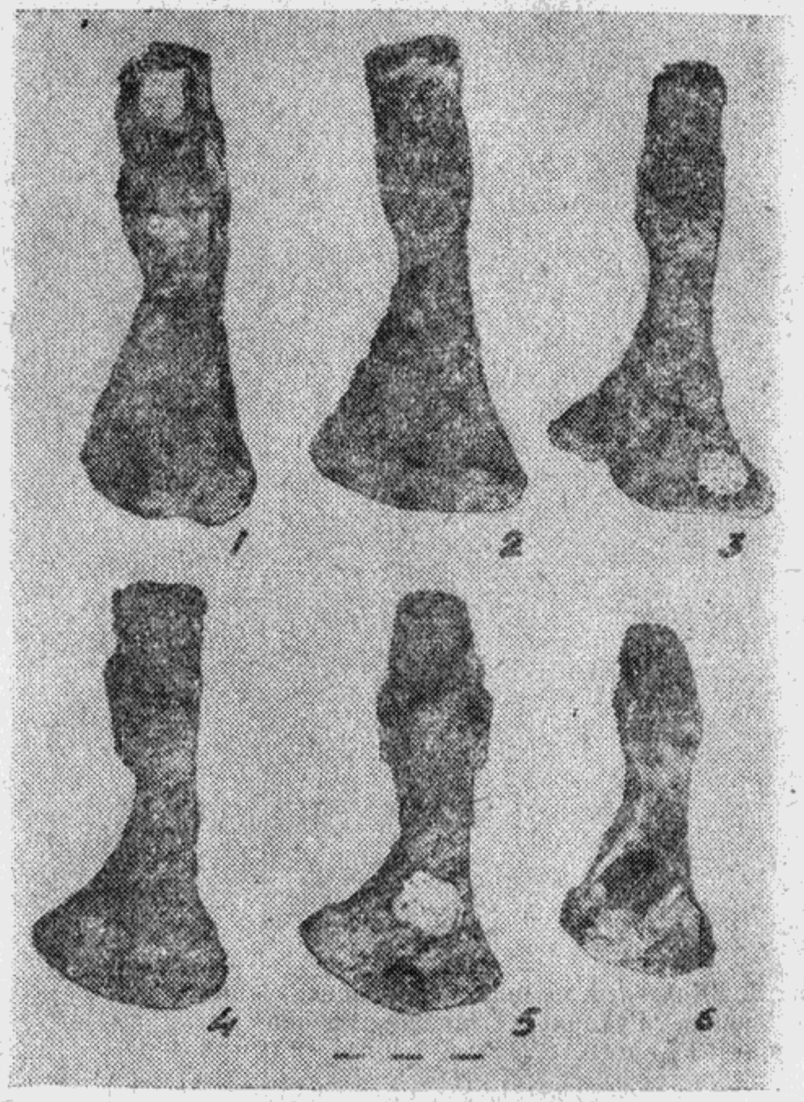

Рис. 4. Железные топоры из могильника Гуадиху. Старшая группа погребений. 1 — погр. 31 (79); 2 — погр. 32 (80); 3 — погр. 7 (70); 4 — погр. 8 (11); 5 — погр. 13 (55); 6 — погр. 2 (5).

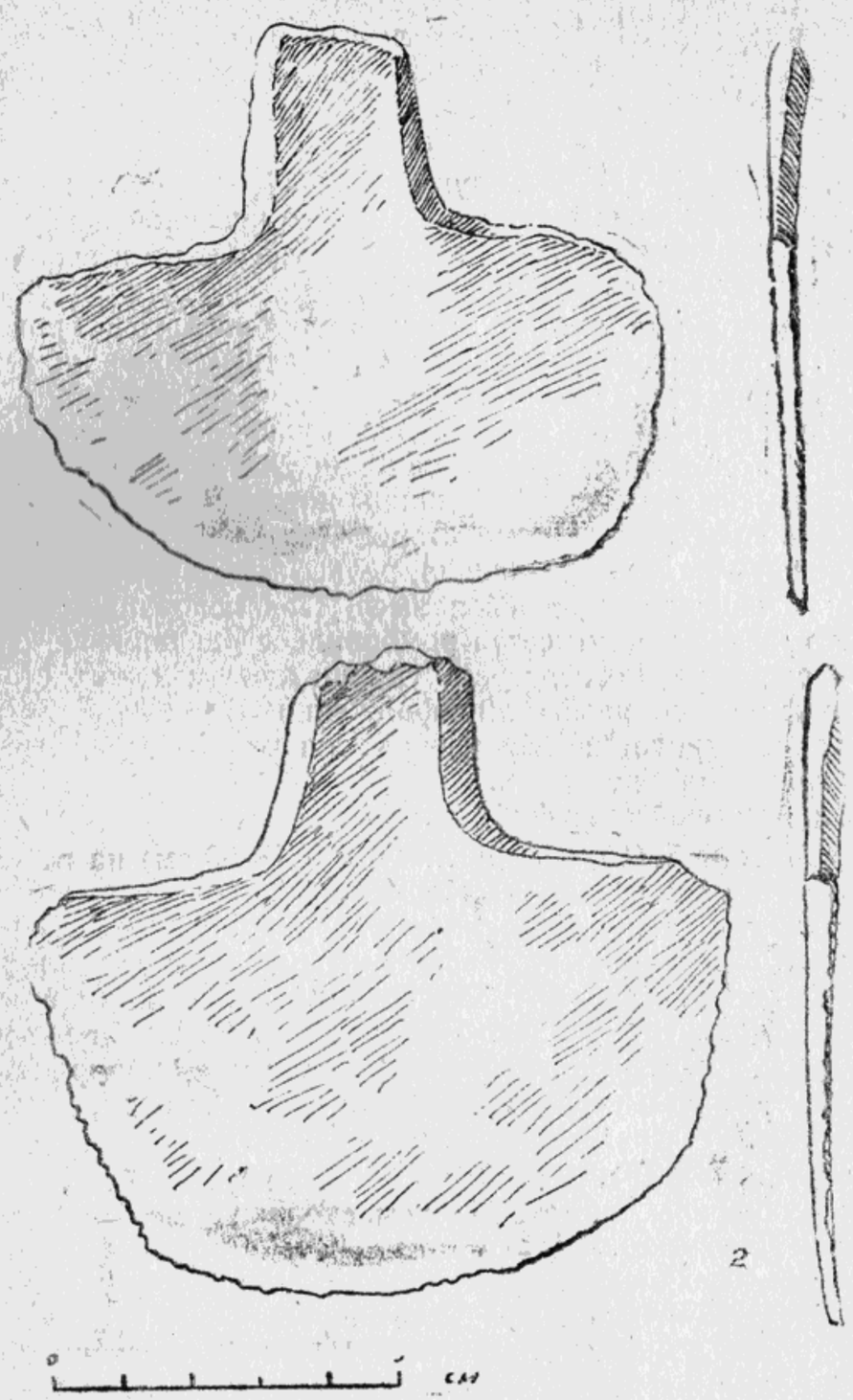

Рис. 5. Бронзовые сечки из погр. 5(8) старшей группы могильника Гуадиху.

Бронзовая фибула с пластинчатой дужкой, украшенной точечно-ямочным наколом. Основание дужки — четырехгранное. Длина фибулы 3,8 см (табл. V—6).

Обломки бронзового колокольчика и фрагменты цепочки с овальными звеньями, сделанными из слегка граненной проволоки типа табл. IV—6.

Обломок венчика черноглиняного горшка.

Погребение 4 (7). В округлой яме (Д=40 см) на глубине 50 см обнаружено скопление мелких кусочков пережженных человеческих костей с древесными угольками и золой. На скоплении лежали следующие предметы:

Обломки пластинчатого бронзового браслета с гравированным орнаментом, состоящим из елочных, спиральных и штриховых насечек (табл. III—4).

Фрагментированная бронзовая булавка (табл. IV—I) с ажурной головкой из трех расходящихся в плоскости стержней, прикрытых перекладиной, концы которой украшены смотрящими в противоположные стороны бараньими головками. Спинка перекладины украшена рельефной зигзагообразной линией, в виде извивающейся змеи. Под основанием ажурной головки булавки имеется ромбовидное расширение, снабженное сквозным отверстием, украшенное с обеих сторон рельефными очкообразными изображениями.

Фрагментированная бронзовая цепочка со звеньями из слегка граненной проволоки.

Обломки бронзовой фибулы.

Погребение 5 (8). В округлой яме (Д=60 см) на глубине 60 см обнаружено скопление мелких обломков пережженных человеческих костей с древесными угольками и золой. Сверху на костях, в середине могильной ямы, найдены две плоские бронзовые сечки (рис. 5). Заостренный рабочий край этих орудий в результате сильного воздействия огня в основном разрушился. Размеры первой сечки: длина 9,7 см, ширина лопасти 10,2 см. Размеры второй сечки: длина 8,5 см, ширина лопасти 9,5 см.

Погребение 6 (9). В округлой яме на глубине 50 см обнаружено небольшое, диаметром 60 см, скопление мелких пережженных человеческих костей с древесными угольками и золой. Здесь найдены следующие предметы:

Два фрагментированных круглопроволочных бронзовых браслета. Оба браслета типа табл. III—4, с пластинчатыми концами, орнаментированными тонкими круговыми надрезами, чередующимися с гладкой поверхностью.

Фрагментированная бронзовая фибула типа табл. V—5, с пластинчатой овальной дужкой, украшенной косой насечкой и косыми крестиками.

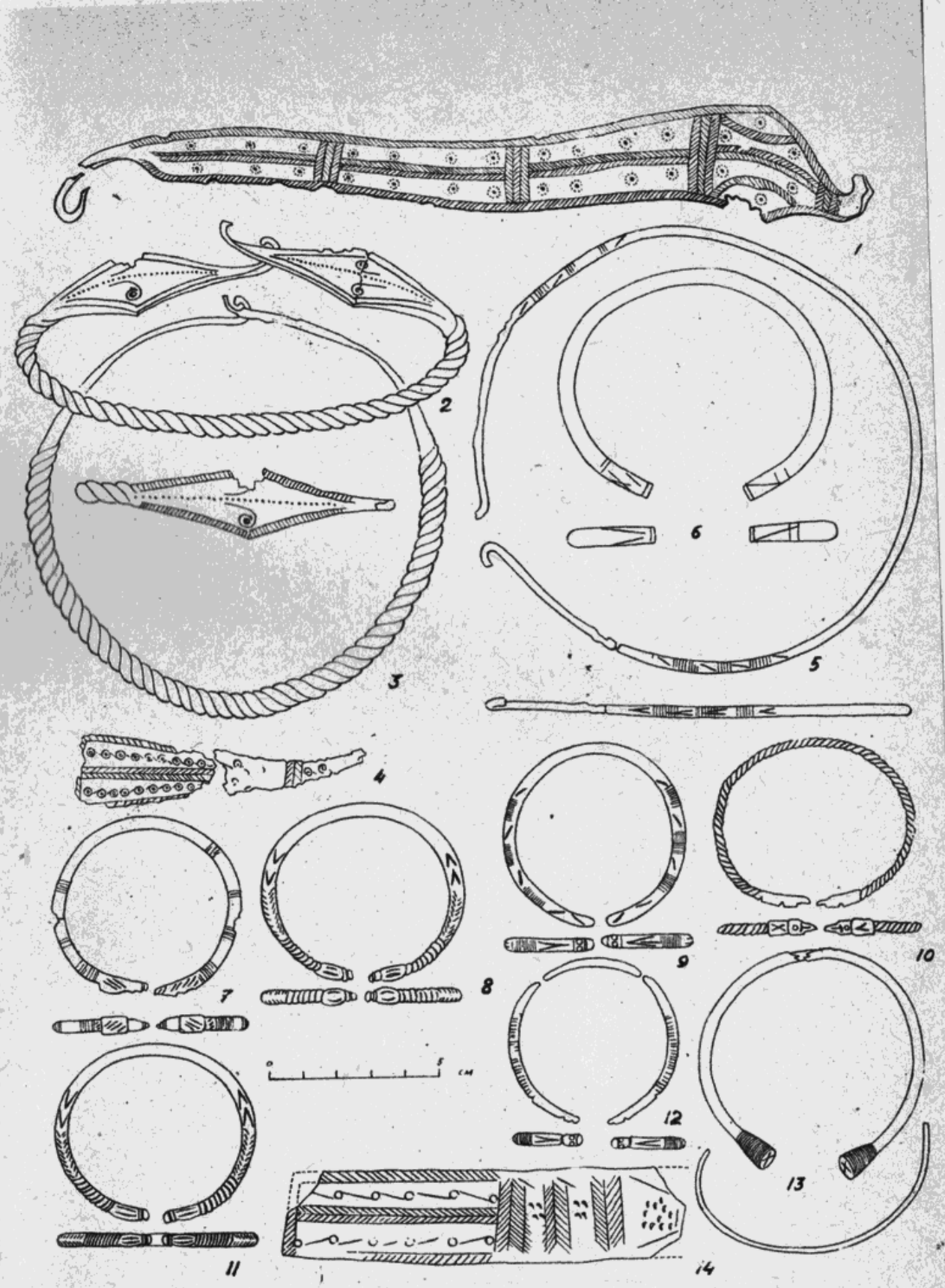

Таблица III. Могильник Гуадиху. Старшая группа погребений VIII-VI вв. до н. э. Бронзовые шейные гривны (2-5) и браслеты (6-14). 1—погр. 22 (69); 2, 3—погр. 23 (70); 4—погр. 4 (7); 5, 9—погр. 11 (14); 6—погр. 12 (15); 7, 8, 10—погр. 18 (60); 11—погр. 59 (17); 12—погр. 8 (11); 13—погр. 25 (72); 14—погр. 9 (12).

Погребение 7 (10). Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (190 x 80 см), вытянутой с востока на запад и содержавшей в засыпи древесные угольки с золой. На глубине 60 см вскрыты остатки погребенного, подвергнутого частичной кремации.

В западном углу погребальной ямы находились: железный топор-молоток (рис. 4—3) длиной 15 см, шириной лопасти 8 см; два глиняных кувшина буро-красного обжига.

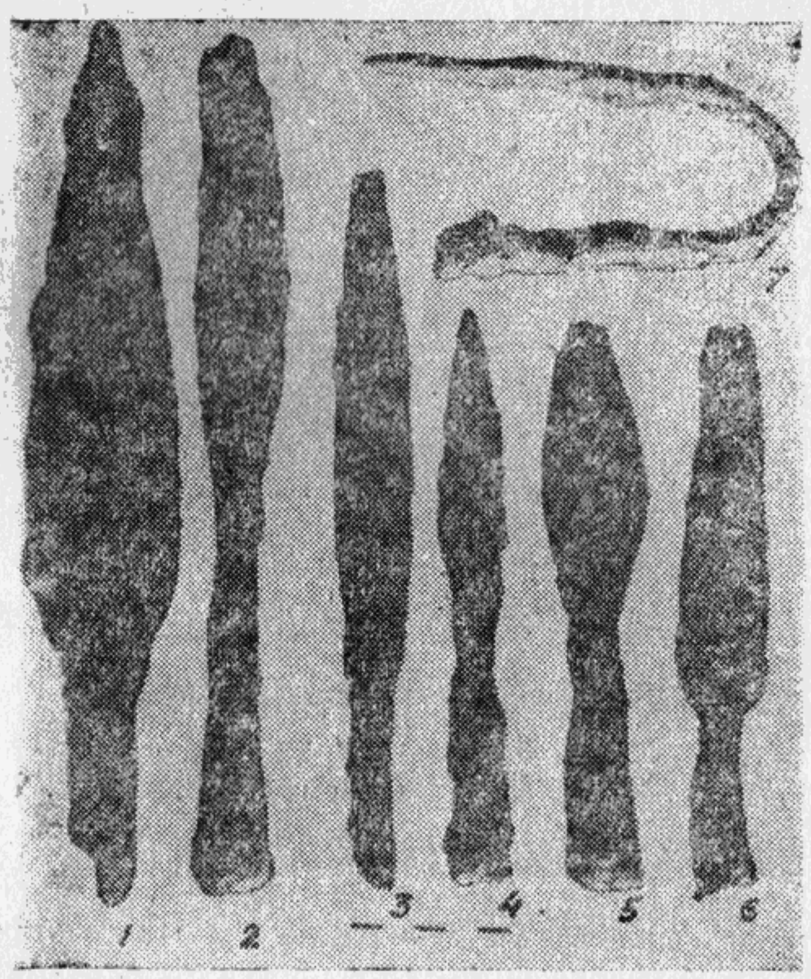

Рис. 6. Железные наконечники копий из старшей группы погребений могильника Гуадиху. 1—3 — погр. 7 (10), 4 — погр. 23 (70); 5 — погр. 8 (11); 6 — погр. 13 (55); 7 — погр. 19 (61).

Первый кувшин без ручки, с выпуклым туловом и обломанным венчиком. Рифление тулова гребенчатое. Предплечье сосуда украшено желобчатым пояском. Диаметр тулова—12 см; (табл. 1—12). Второй кувшин фрагментирован, рифление гребенчатое. Предплечье сосуда украшено врезными ломаными линиями.

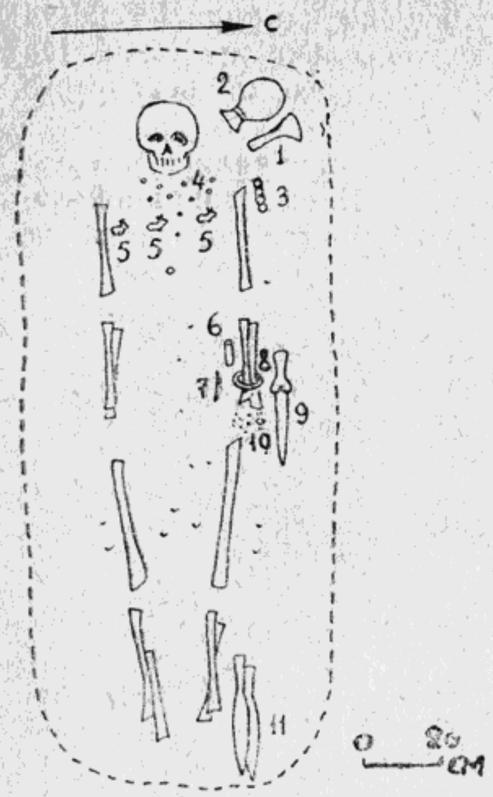

Рис. 7. Погребение 8(11) старшей группы могильника Гуадиху. 1—топор; 2—кувшин; 3—медные бусы-пронизи; 4—стеклянные и гешировые бусы; 5—подвески; 6—оселок; 7—нож; 8— браслет; 9—кинжал; 10—перстень; 11— наконечники копий.

У восточного угла могильной ямы лежали четыре втульчатых железных наконечника копий. Два наконечника листовидной формы, с резко выраженной реберчатой гранью (рис. 6—1). От второго сохранилась лишь концевая часть пера. Два других наконечника лавролистной формы с удлиненной втулкой (рис. 6—2, 3).

Погребение 8 (11). Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (190 х 80 см), содержавшей древесные угольки с золой (рис. 7). На глубине 60 см обнаружены остатки погребенного, подвергнутого частичной кремации. Покойник лежал на спине в вытянутом положении головой на запад, с некоторым отклонением на юг.

В погребальной яме найдено значительное количество предметов. К северу от черепа располагался железный топор-молоток (рис. 4—4), длиной 14,5 см и шириной лопасти 6,5 см (табл. II—9). Рядом с топором находился кувшин буро-серого обжига, с шаровидным туловом, без ручки, высотой 16,5 см (табл. 1—13).

У шеи располагались гешировые бусы цилиндрической формы, сильно попорченные огнем. Здесь же одна глазчатая бусина из синего стекла.

На груди покойника лежали три литые односторонне-выпуклые бронзовые бляхи в виде фигурок фантастических животных с петельками на обороте. Животные эти изображены в скачущих позах и у них стоячие заостренные уши, открытые пасти, закрученные хвосты, дугообразно назад направленные рога; украшены фигурки рельефным витым кантом (табл. V, 3—4). Третья фигурка от сильного воздействия огня распалась на мелкие части.

На левую руку был надет круглопроволочный бронзовый браслет с зооморфными головками на концах; в двух местах поперечные надрезы (табл. III—12).

Рис. 8. Железные ножи (1—4) и каменные точила (5—6) из старшей группы погребений могильника Гуадиху. 1, 6 — погр. 8 (11); 2 — погр. 23 (70); 3—погр. 26 (73); 4 — погр. 39 (52); 5 — погр. 9 (12).

На мизинец левой руки был надет бронзовый пластинчатый перстень с овальной формы щитком, на котором имеется врезное изображение птицы.

У пояса слева находился железный кинжал скифского типа с сердцевидным или бабочковидным перекрестием, дли-

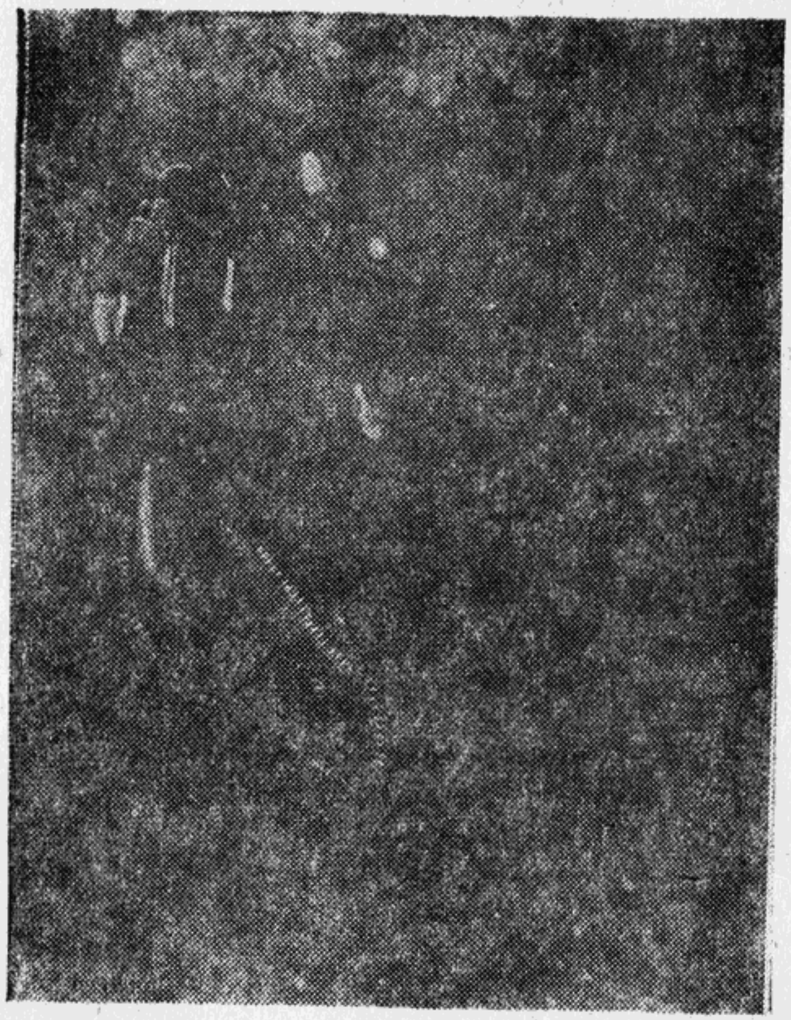

Рис. 9. Погребение 9(12) старшей группы могильника Гуадиху.

ной 24 см (рис. 3—1); рукоятка была облицована истлевшей листовой бронзой (табл. II—12).

Вместе с кинжалом находилась бронзовая круглопроволочная цепочка, длиной 5 см типа табл. IV—I.

Рядом с кистью левой руки обнаружен воткнутый острием в землю железный нож со слегка выгнутой спинкой, с ручкой, на которой сохранились следы деревянных планок (рис. 8—1). Длина ножа 9,1 см.

Около ножа находился точильный камень (одна концевая часть не сохранилась), длиной 9 см (рис. 8—6).

У левой берцовой кости располагались два железных наконечника копья; один из них острием был воткнут в землю. Первый наконечник лавролистной формы — без реберчатой грани. Второй наконечник — листовидной формы, с продольным ребром и разрезной втулкой (рис. 6—5).

Погребение 9 (12). Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (200x80 см), засыпь которой содержала много древесных угольков с золой (рис. 9). На глубине 65 см были обнаружены остатки погребенного, подвергнутые частичной кремации. Погребенный был положен на спину в вытянутом положении, головой на запад, с некоторым отклонением на юг (рис. 10). В погребении обнаружен ряд вещей.

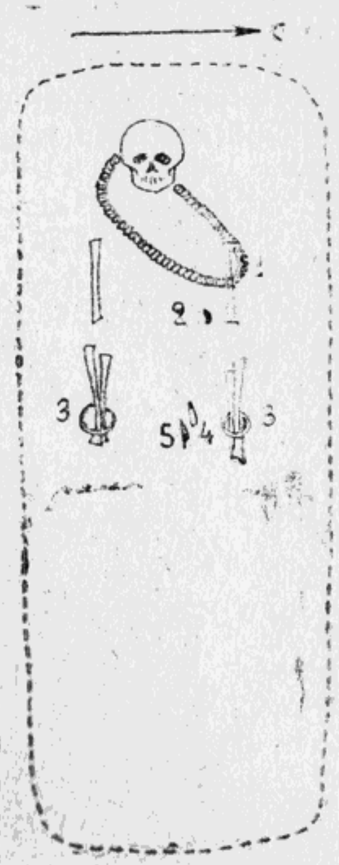

Рис. 10. Погребение 9(12) старшей группы могильника Гуадиху. 1 — бронзовые пронизи; 2 — подвеска; 3 — браслет; 4 — оселок; 5 — железный нож.

Верхняя половина костяка, от талии через правое предплечье и спину (рис. 9, 10) была опоясана 108 бронзовыми пронизями-колечками овальной формы, сделанными из трехгранной проволоки. Колечки эти располагались отверстием к отверстию. Это указывает на то, что они были нанизаны, вероятно, на кожаный ремень. Два концевых колечка снабжены петельками (рис. 11; табл. V—1).

На левой стороне грудной клетки лежал фрагментированный бронзовый колокольчик типа табл. IV—6.

На истлевшей левой руке были обнаружены два бронзовых фрагментированных браслета. Первый браслет — пластинчатый, с гравированным орнаментом, состоящим из елочных дорожек, косых штриховок, витых спиралей, кружочков (табл. III—14). Второй браслет типа табл. III—9 — круглопроволочный, с пластинчатыми концами, украшенными круговыми надрезами, чередующимися с гладкой поверхностью.

Правее кисти левой руки лежал точильный камень круглого сечения, с двусторонне сверленым отверстием для подвешивания (рис. 8—5).

Рядом с точильным камнем найдены фрагменты железного ножа, сильно изъеденного ржавчиной.

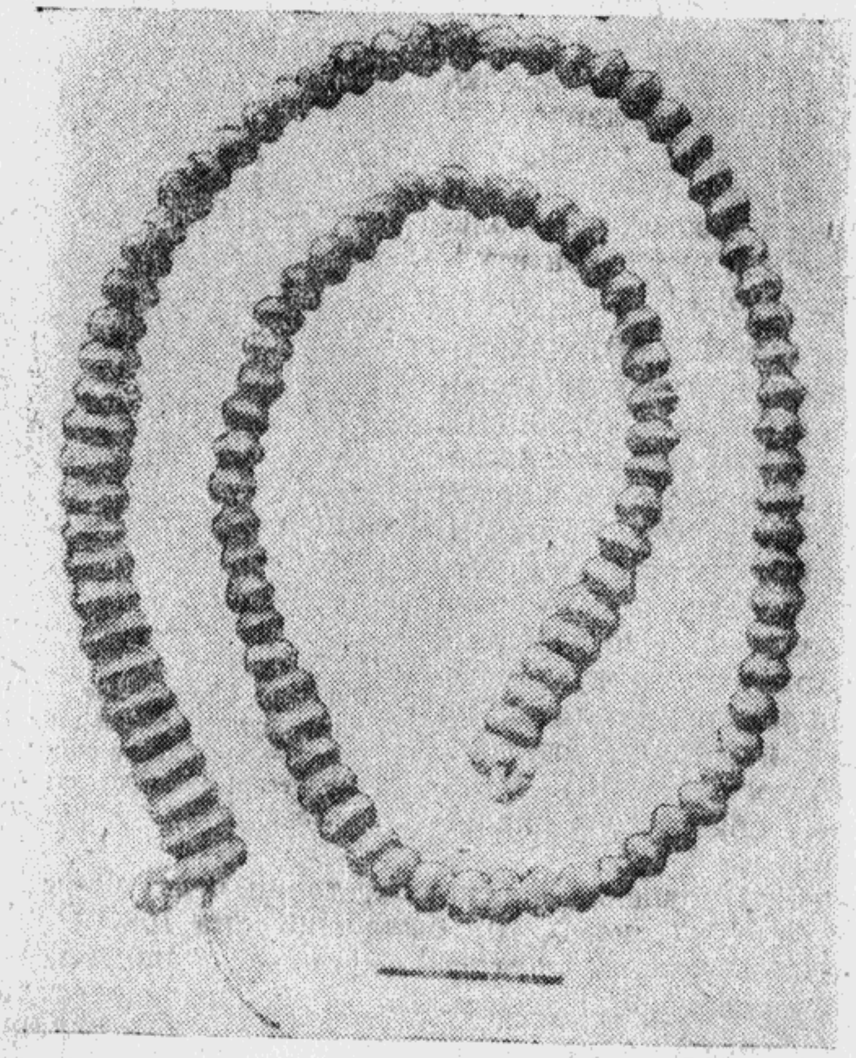

Рис. 11. Пояс-перевязь из бронзовых пронизей из погребения 9(12) старшей группы могильника Гуадиху.

Погребение 10 (13). Захоронение было произведено в подчетырехугольной яме (190 x 80 см), вытянутой с востока на запад; ее засыпь содержала немало древесных угольков с золой. На глубине 65 см были обнаружены остатки погребенного, подвергнутого частичной кремации (рис. 12). Покойника сопровождал ряд вещей.

В западном углу могилы находились два глиняных сосуда. Это миска темно-серого обжига, с вогнутым во внутрь краем, орнаментированным короткими штрихами и волнообразной линией (табл. 1—2), и кувшин красно-серого обжига, с выпуклым туловом, воронковидной горловиной, дугообразной ручкой. Последний орнаментирован тонкой врезной волной и ногтевидными вдавлениями. Высота его 17,5 см (табл. 1—9).

В средней части могильной ямы, у северной ее стенки, лежали два втульчатых железных наконечника копья лавролистной формы с реберчатой гранью (рис. 3—3), длиной в 26 и 20,7 см.

Рис. 12. Погребение 10 (13) старшей группы могильника Гуадиху. 1, 2 — сосуды; 3, 4 — железные наконечники копий; 5 — угли.

Погребение 11 (14). Захоронение произведено в большой подчетырехугольной яме, содержавшей много древесных угольков с золой. На глубине 60 см были обнаружены остатки погребенного, подвергнутого частичной кремации. Костяк лежал на спине в вытянутом положении головой на запад (рис. 13). Покойника сопровождал ряд вещей.

Рядом с черепом к северу находился втульчатый железный наконечник копья типа табл. II—4, листообразной формы.

На шею была надета круглопроволочная бронзовая гривна с отогнутыми петлевидными концами; она орнаментирована у концов поперечными надрезами, чередующимися остроугольниками. Внутренний диаметр гривны 11,6 x 13,3 см

(табл. III—5). Вокруг шеи собраны 5 бронзовых и 2 гешировых бус. Бронзовые бусы имеют бочонкообразную форму, сделаны из узеньких пластинок. Гешировые бусы цилиндрической формы, в основном фрагментированы.

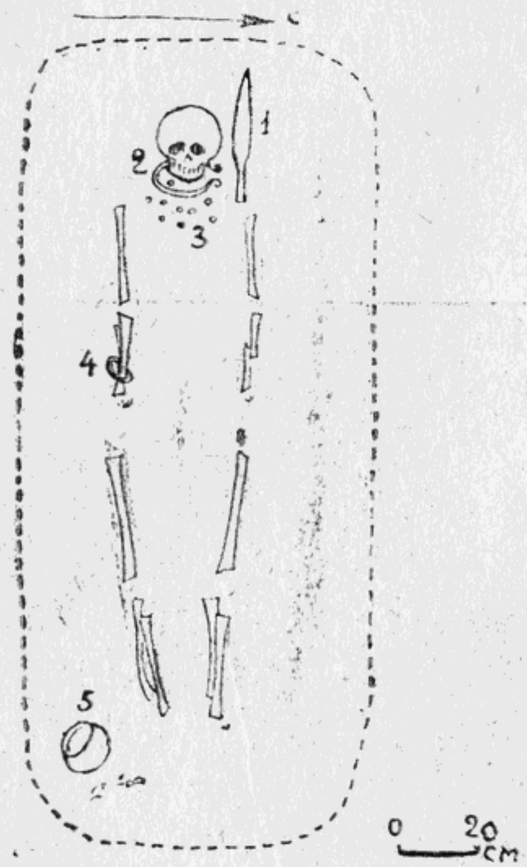

Рис. 13. Погребение 11 (14) старшей группы могильника Гуадиху. 1 — наконечник копья; 2 — гривна; 3 — бусы; 4 — браслет; 5 — сосуд.

На правую руку был надет браслет из слепка граненной бронзовой проволоки, украшенной зооморфными головками на концах. У концов он орнаментирован поперечными надрезами, чередующимися с косыми врезными крестиками (табл. III—9).

Северо-восточнее кисти правой руки собраны обломки глиняного сосуда красно-серого обжига.

Погребение 12 (15). Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (190×80 см), вытянутой с востока на запад, засыпь которой содержала древесные угольки с золой. На глубине 65 см были обнаружены остатки погребенного, подвергнутого частичной кремации. В погребении обнаружен ряд вещей.

В западном углу ямы находился глиняный кувшин бурого обжига, с выпуклым низким туловом и гладкой поверхностью, горловина и часть ручки отсутствовали (табл. 1—11).

В средней части могильной ямы лежала бронзовая булавка типа табл. IV—1 с ажурной головкой из трех радиально расходящихся в плоскости стержней, прикрытых дугообразной перекладиной, концы которой украшены смотрящими в противоположные стороны бараньими головками. Перекладина с обеих сторон украшена змеевидными зигзагообразными рельефными линиями. Под основанием ажурной головки булавки на одной стороне имеется рельефное очкообразное изображение, а на другой стороне ушко, которое разрушено.

С булавкой найдено граненое бронзовое круглое колечко.

В средней части могильной ямы, к северной ее стенке,

обнаружен круглопроволочный бронзовый браслет с зооморфными головками на концах (табл. III—6).

Погребение 13 (55). Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (180 x 80 см), вытянутой с востока на запад, содержавшей немало древесных угольков с золой. Покойник, подвергнутый частичной кремации, полностью истлел.

В погребальной яме на глубине 60 см обнаружен ряд вещей. В северном углу ямы находился железный топор-молоток (рис. 4—5) с четырехгранной молоточной частью, завершенной плоской обушной площадкой.

В средней части могильной ямы, к северной ее стенке, собраны обломки глиняного кувшина буро-красного обжига типа табл. 1—9, с гребенчатым рифлением. Ручка украшена различными видами орнаментации, состоящими из продольного поясковидного валика с косой врезной штриховкой и желобчатых продольных линий с косыми насечками.

У юго-восточного угла могилы находились два железных наконечника копий. Первый наконечник листообразной формы, втулка частично разрушена (рис. 6—6). Длина сохранившейся части 18,5 см. Второй наконечник с четырехгранной боевой частью и надломленной втулкой (рис. 3—4; табл. II—5). Длина наконечника 21 см.

Погребение 14 (56). В округлой яме (Д=70 см), на глубине 50 см обнаружено скопление мелких обломков пережженных человеческих костей с древесными угольками и золой. Среди костей, посередине могильной ямы (рис. 14), находились следующие предметы:

Бронзовая литая булавка из шести лучеобразно расходящихся в плоскости полосок, длиной около 7 см, состоящая каждая из двух как бы сплетенных жгутов (табл. IV—3). Полоски упираются в перекладину, концы которой украшены смотрящими в противоположные стороны бараньими головками. Перекладина снабжена восемью ушками, с подвесками в виде колокольчиков. У основания полосок с одной стороны положен спиральный круг, а с другой стороны имеется ушко. Длина булавки около 21,5 см.

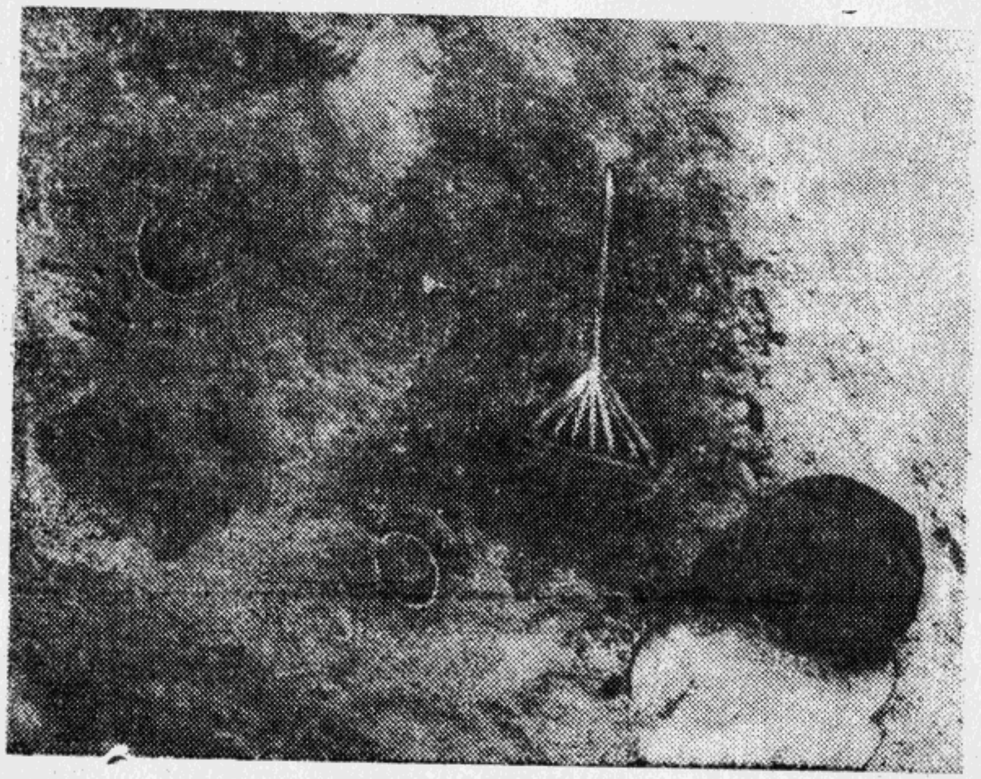
Два бронзовых браслета овальной формы. Первый браслет круглопроволочный типа табл. III—7 с семью промежутками, украшенными продольными насечками, заключенными в тонкие врезные поперечные черточки. Внутренний диаметр овала 4,7 x 6 см. Второй браслет из полукруглой проволоки с зооморфными головками на концах типа табл. III—12, снабжен в пяти местах трехгранными трехдольными утолщениями призматической формы с поперечными надрезами. Внутренний диаметр овала 5,5 x 6 см.

Фрагменты железного круглопроволочного браслета.

Фрагментированный бронзовый перстень с щитком овальной формы, имевшим врезное изображение какого-то животного.

Три бронзовых предмета конической формы с плоским основанием, высотой 1 см, диаметр основания 1,6 см. В средней части одного из них имеется круговой точечный накол.

Погребение 15 (57). В округлой яме (Д=60 см), на глубине 55 см, обнаружено небольшое количество мелких обломков пережженных человеческих костей с древесными угольками и золой. Сверху на костях, посередине могильной ямы, находился круглопроволочный бронзовый браслет типа табл. III—10, украшенный птицеобразными на концах головками, на которых изображены остроугольники и симметрично расположенные глазки; он у концов орнаментирован также врезными елочными дорожками. Внутренний диаметр браслета 5,5 см.

Р и с. 14. Погребение 14 (56) старшей группы могильника Гуадиху.

Погребение 16 (58). В округлой яме диаметром 60 см, на глубине 50 см обнаружено скопление мелких кусочков пережженных человеческих костей с древесными угольками и золой. Сверху на костях найдены следующие предметы:

Глиняный кувшин красно-серого обжига, с шарообразным туловом, орнаментированным врезными поясками горизонтальных прямых и волнистых линий (табл. 1—8). Высота сохранившейся части кувшина 10,5 см, диаметр тулова 17 см.

Обломки круглопроволочного бронзового браслета типа табл. III—9, украшенного на концах зооморфными головками, по которым нанесены тонкие поперечные надрезы и остроугольники.

Погребение 17 (59). В округлой яме (Д=70 см), на глубине 60 см, обнаружены остатки пережженных человеческих костей с древесными угольками и золой. Сверху на костях найдены мелкие фрагменты обгорелого круглопроволочного бронзового браслета и два глиняных кувшина. Первый темно-бурого обжига сильно фрагментирован и восстановить его не удалось. Второй кувшин с отбитым горлом серо-красного обжига, с низким выпуклым туловом и округлым дном (табл. I—14). Предплечье сосуда орнаментировано широким поясом, заполненным штриховыми насечками. Высота сохранившейся части кувшина 16 см, диаметр тулова 16 см.

Погребение 18 (60). В округлой яме (Д=60 см), на глубине 40 см, обнаружено скопление мелких обломков пережженных человеческих костей с древесными угольками и золой, сверху которых лежали три бронзовых браслета, бронзовая булавка и венчик горшка. Первый браслет круглопроволочный, овальной формы, с винтовой нарезкой (табл. III—10). Концы его украшены птичьими головками. Второй — из слегка граненой проволоки овальной формы, с зооморфными головками на расширенных концах (табл. III—8). Он у концов орнаментирован также поперечными надрезами, елочными дорожками и остроугольниками. Третий браслет — круглопроволочный, круглой формы, со змеиными головками на концах (табл. III—7). Он орнаментирован разреженными круговыми поперечными надрезами.

Бронзовая литая булавка типа табл. IV—4 с ажурной головкой из трех лучеобразно расходящихся в плоскости полосок, состоящих каждая из двух как бы сплетенных жгутов. Полоски эти прикрыты сверху дугообразной перекладиной, концы которой украшены смотрящими в противоположные стороны бараньими головками. Перекладина орнаментирована рельефными волнистыми зигзагами в виде извивающихся змей. У основания полосок на одной стороне имеется очкообразное рельефное изображение, а на другой стороне—ушко, которое было снабжено бронзовой цепочкой.

Погребение 19 (61). Захоронение произведено в большой подчетырехугольной яме (200 x 80 см), вытянутой на запад, содержавшей древесные угольки с золой. На глубине 40 см

вскрыты остатки погребенного, подвергнутого частичной кремации (рис. 15).

В погребении найден ряд вещей. В северо-западном углу ямы находилась глиняная миска сероватого обжига, с вогнутым во внутрь краем, выпуклым туловом (табл. 1—1). Диаметр тулова сосуда 17 см, диаметр дна — 12 см, высота 7 см.

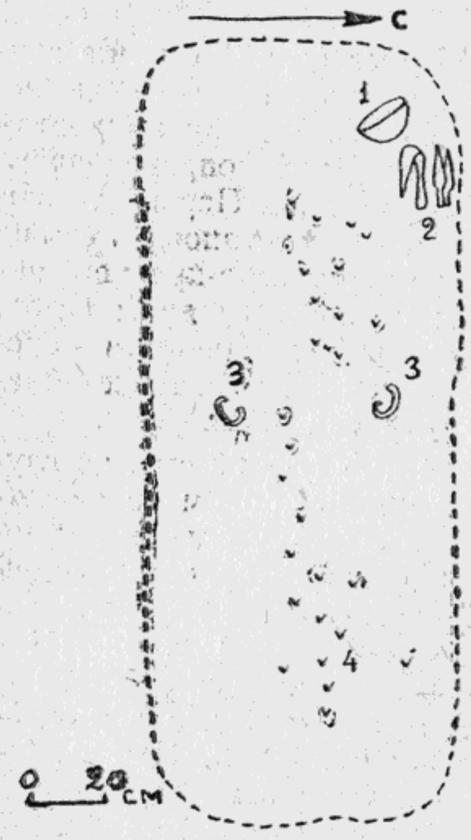

Рис. 15. Погребение 19 (61) старшей группы могильника Гуадиху. 1 — миска; 2 — жел. наконечники копий; 3 — браслет, 4 — угли.

Рядом с миской находились три железных втульчатых наконечника копья. Первый наконечник, вытянутой листообразной формы (рис. 6—7, табл. II—10), изогнут пополам, с намерением порчи; во втулке сохранились следы дерева от копья. Длина наконечника 34 см. Второй наконечник конической формы, со слегка пряженной боевой частью (табл. II—7). Длина его 11,3 см. Третий наконечник предыдущего типа, но втулка и острие частично разрушены. Длина сохранившейся части 7,8 см.

В средней части могильной ямы, ближе к северной и южной стенкам, находилось по одному фрагментированному бронзовому браслету. Первый браслет сделан из четырехгранной проволоки с гравированным орнаментом, состоящим из поперечных черточек, чередующихся косыми крестиками. Второй — из круглой проволоки с орнаментом из тонких круговых поперечных надрезов, чередующихся остроугольниками.

Погребение 20 (65). В округлой яме (Д=60 см), на глубине 40 см, обнаружено скопление мелких обломков пережженных человеческих костей с древесными угольками и золой (рис. 16). Сверху на костях находилось трехстерженьковое бронзовое навершие, вероятно, от костяной или деревянной булавки (табл. IV—2). Вертикальный стержень — полый, ворончатый, а горизонтально отходящие стерженьки — массивные, с овальной формы шляпками. Промежуток между ними с обеих сторон орнаментирован спиральными завитками.

Погребение 21 (68). В округлой яме (Д=60 см), на глубине 43 см, обнаружено скопление до двух десятков мелких обломков пережженных костей с древесными угольками и золой (рис. 17), сверху которых лежали:

Глиняная кружка буро-красного обжига с шарообразным туловом, со слегка отогнутым наружу венчиком и петлевидной ручкой, верхний конец которой прикреплен к краю венчика, а нижний — к средней части тулова (табл. 1—5). Передняя часть сосуда сильно прокалена. Высота кружки 8,8 см, диаметр по верхнему открытому краю 7,2 см, диаметр тулова 9,5 см, диаметр дна 7 см, толщина стенок 0,5 см.

Рис. 16. М. М. Трапш за расчисткой погребения № 20 (65) на могильнике Гуадиху.

Бронзовый колокольчик конусообразной формы типа табл. IV—6, с вертикальной прорезью в нижней части и ушком для подвешивания вверху. По краю основания нанесена зигзагообразная рельефная линия в виде извивающейся змеи. Колокольчик был снабжен бронзовой цепочкой из узеньких пластинчатых звеньев овальной формы.

15 пастовых бус серого цвета, круглой колечкообразной формы, диаметром не более 0,5 см.

Погребение 22 (69). В округлой яме (Д=60 см), на глубине 50 см, обнаружено небольшое скопление мелких об-

ломков пережженных человеческих костей с древесными угольками и золой, сверху которых лежала фигурная бронзовая пластинка, длиной 24 см (табл. III—1). Верхняя широкая ромбовидная часть ее на конце сужена и загнута в крючок. По широкой плоскости тонким резцом нанесен орнамент в виде разделенных перегородками полей, заполненных циркульными кружками. Нижняя часть пластинки, постепенно суживаясь, заканчивается круглопроволочной петлей, на которой висел колокольчик цилиндрической формы (высотой 3,5 см) с боковой прорезью, вертикальными ребрами, отделенными желобками с рельефными черточками (табл. IV—7).

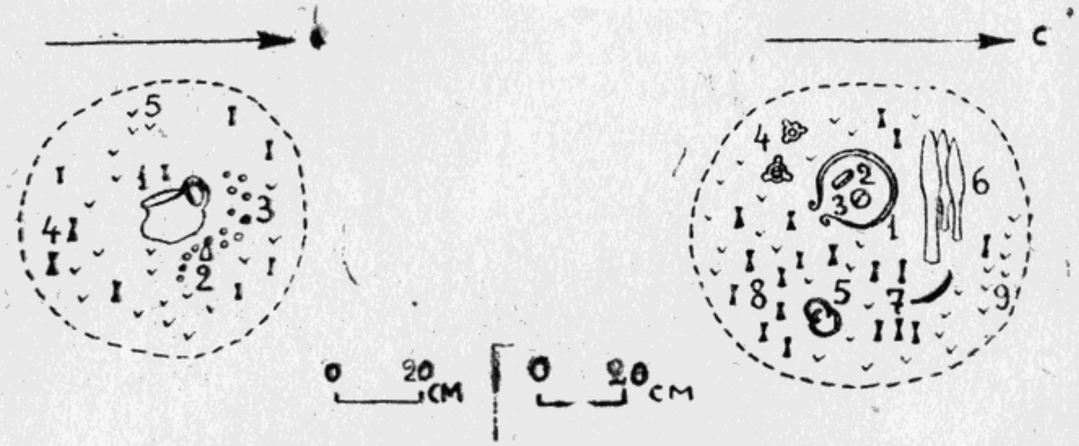

Рис. 17. Погребение 21 (68) старшей группы могильника Гуадиху. 1—сосуд; 2—подвеска; 3—бусы; 4—обожженная кость; 5—уголь.

Рис. 18. Погребение 23 (70) старшей группы могильника Гуадиху. 1—гривна; 2—пронизь; 3—бляшка; 4—бляшка; 5—браслет; 6—наконечник копья; 7—нож; 8—пережженная кость; 9—уголь.

Такой своеобразный предмет неизвестен среди древностей Кавказа.

Погребение 23 (70). В округлой яме (Д=70 см), на глубине 45 см, обнаружено скопление мелких пережженных человеческих костей, древесных угольков и золы, сверху которых находились (рис. 18):

Бронзовая витая шейная гривна с ромбовидно уширенными пластинчатыми концами, переходящими в четырехгранно-проволочные крючки, сцепленные друг с другом. Ромбовидные уширения гривны украшены точечно-ямочным, штриховым и очкообразно-линейным орнаментом (табл. III—2, 3). Внутренний диаметр гривны 11 см, наибольшая ширина пластинчатых концов 1,9 см.

2 бронзовые односторонне выпуклые нашивные бляхи, снабженные петельками (табл. V—9). На поверхности одной

из них имеются продольные бороздки. Одна бронзовая «пуговица» выпуклой формы с петелькой (табл. V—11).

Бронзовое, слегка граненое колечко-пронизь овальной формы со сходящимися посередине концами типа колечек-пронизей 7-го и 24-го погребений.

Фрагментированный круглопроволочный бронзовый браслет с зооморфными головками на концах типа табл. III—9. Браслет этот с гравированным орнаментом, состоящим из тонких поперечных надрезов и остроугольников.

Три железных втульчатых наконечника копий с разрезанными втулками. Первый наконечник вытянутой листообразной формы; острие и втулка частично разрушены (табл. II—2). Длина сохранившейся части 29 см, ширина пера 1—2,5 см, диаметр сохранившейся части втулки 1,6 см. Второй наконечник такого же типа, но с разрушенной втулкой. Длина сохранившейся части наконечника 11,5 см. Третий наконечник приближается к лавролистной форме (рис. 6—4). Его длина 18 см, ширина пера до 2,2 см, диаметр втулки 1,4 см.

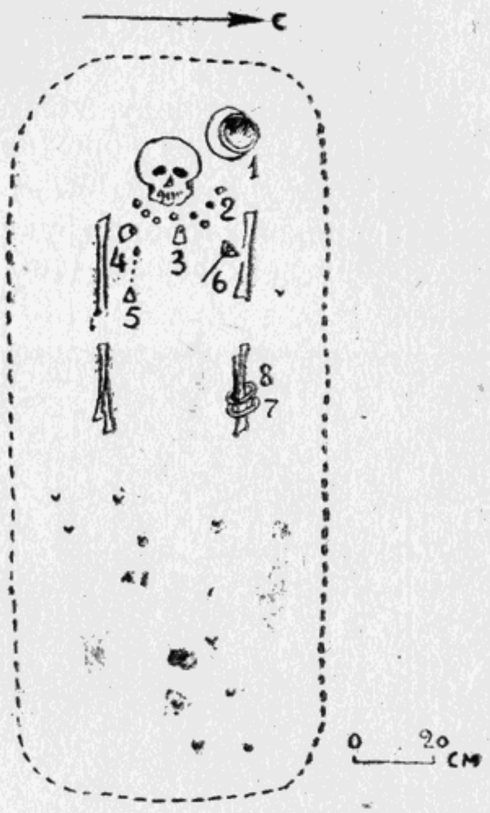

Рис. 19. Погребение 24 (71) старшей группы могильника Гуадиху. 1 — кувшин; 2 — бусы; 3 — подвеска; 4 — фибула; 5 — колокольчиковидная подвеска; 6 — булавка; 7 — бронз. браслет; 8 — железный браслет.

Серповидный железный нож с клинковидным острием (рис. 8 — 2; табл. II — 8). Длина — 12,4 см, ширина лопасти до 2,5 см.

Погребение 24 (71). Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (190 x 80 см), содержавшей древесные угольки с золой. Покойник, подвергнутый частичной кремации до обугливания костей, в основном истлел. Он был положен на спину вытянуто головой на запад (рис. 19).

В погребальной яме на глубине 45—50 см обнаружен ряд вещей: севернее черепа находился глиняный кувшин серого обжига, раздавленный тяжестью земли.

Вокруг нижней части черепа располагались гешировые и янтарные бусы, перекаленные в огне и рассыпавшиеся при извлечении их из могилы. Здесь же находилась пирамидальная подвеска из синего стекла, с плоским четырехугольным основанием и сквозным отверстием под вершиной.

На предплечье лежала фрагментированная бронзовая фибула с пластинчатой дужкой овальной формы типа табл. V—6, украшенной елочной дорожкой и косыми насечками. Фибула с одним витком у зарождения дуги.

На правой стороне груди лежал бронзовый колокольчик конусообразной формы (табл. IV—6), с вертикальной про-

Р и с. 20. Погребение 25 (72) старшей группы могильника Гуадиху.

резью, ушком для подвешивания к костюму. У основания его вокруг имеется рельефная зигзагообразная линия в виде извивающейся змеи. Колокольчик был снабжен бронзовой цепочкой, состоящей из узеньких пластинчатых звеньев сваль-ной формы со сходящимися посередине концами.

На левой стороне грудной клетки находилась деформированная литая бронзовая булавка с головкой из трех лучеобразно расходящихся в плоскости полосок, состоявших из двух как бы сплетенных жгутов (табл. IV—5). Полоски эти были прикрыты перекладиной, концы которой украшены смотрящими в противоположные стороны бараньими головками.

В средней части могильной ямы, к северной ее стенке, обнаружены два браслета. Первый — бронзовый типа табл. III—9, сделан из полукруглой проволоки, с зооморфными головками на концах; он с гравированным орнаментом, состоящим из поперечных надрезов, чередующихся продольными тонкими черточками. Второй браслет железный, фрагментирован.

Погребение 25 (72). Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (190 x 80 см), содержавшей древесные угольки с золой (рис. 20). Покойник, подвергнутый частичной кремации до обугливания костей, был положен на спину в вытянутом положении, с ориентацией головы на запад.

Погребенного сопровождало довольно много вещей: у висков обнаружены круглопроволочные серебряные серьги с заходящими друг за друга утоньшенными концами (табл. V—2). Внутренний диаметр серег 1,8 см.

Под подбородком найдена янтарная бусина овальной формы (табл. V—16) и янтарная подвеска в виде сильно стилизованной головки кабана со слегка приподнятой вверх мордой (табл. V—15).

Ниже правого предплечья находились три бронзовые фибулы. Первая — с пластинчатой дужкой овальной формы, имеющей один виток пружины, гравирована по щитку орнаментом, состоящим из овала с остроугольными концами и косых насечек (табл. V—5). Вторая фибула кобанского типа, проволочная, с четырехгранной ромбовидного сечения дужкой и одновитковой проушиной (табл. V—10). Третья фибула—двучленная, проволочная, со своеобразной разделкой дужки в виде круглой прорезной розетки, обрамленной восемью спиралеобразными выступами; дужка с крючкообразно изогнутым основанием, соединенным с четырехвитковопружинной иглой (табл. V—7).

На левую руку был надет круглопроволочный бронзовый браслет с утолщенными концами конической формы, украшенными винтообразной нарезкой и врезными косыми крестиками (табл. III—13). Диаметр браслета 6 см.

Рядом с кистью левой руки находилось круглопроволочное бронзовое колечко с разомкнутыми концами.

Около кисти правой руки находилось керамическое пряслице конусообразной формы (табл. V—13), высотой 2,2 см и диаметром плоского основания 3,1 см.

У юго-восточного угла могильной ямы стоял глиняный горшок темно-серого обжига с горлом, отходящим от тулова раструбом (табл. 1—4,

Погребение 26 (73). Захоронение праха покойника произведено в подчетырехугольной яме (190 х 80 см), вытянутой с востока на запад, содержавшей древесные угольки с золой.

В западной части погребальной ямы располагались отверстием к отверстию бронзовые трехгранные колечки-пронизи овальной формы, со сходящимися посередине концами, в количестве 125 штук. Судя по расположению их, они были нанизаны на узкий кожаный ремень (рис. 21—1).

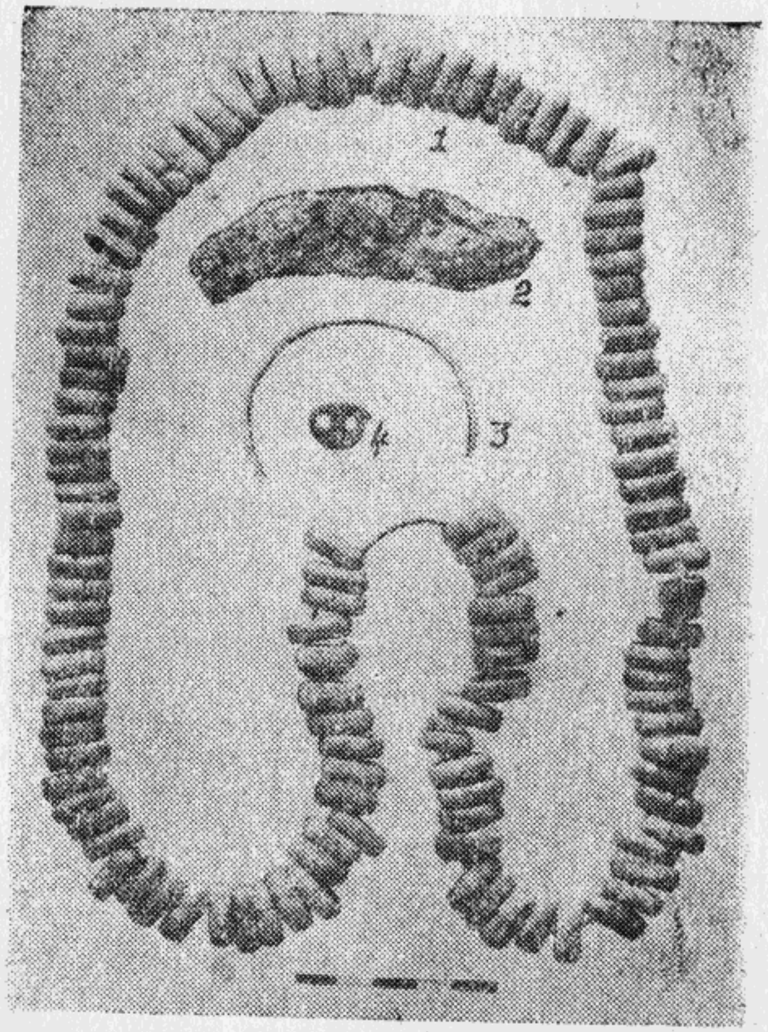

Рис. 21. Инвентарь погребения 26 (73) старшей группы могильника Гуадиху. 1 — бронзовые пронизи; 2 — железный нож; 3 — бронзовый браслет; 4 — каменная муфта.

Вместе с колечками-пронизями находилась застежка («муфта»), сделанная из черной галечки и имеющая два продольных отверстия цилиндрической формы (рис. 21—4).

В средней части могильной ямы, возле ее южной стенки, обнаружен бронзовый браслет из полукруглой проволоки с четырехгранными, частично обломанными концами (рис. 21—3). Браслет с гравированным орнаментом, состоящим из поперечных надрезов и продольных черточек.

Рядом находился серповидный железный нож (рис. 21—2) с частично отломанной ручкой. Длина сохранившейся части ножа 8,7 см.

Погребение 27 (75). В округлой яме (Д=40 см) на глубине 50 см обнаружено небольшое количество мелких обломков пережженных человеческих костей, перемешанных с древесными угольками и золой. Сверху найдены следующие предметы:

Керамическая бусина биконической формы, длиной 1,7 см (табл. V—12).

Обломок серповидного железного ножа типа рис. 8—3 с длиной сохранившейся части 4,5 см и шириной лопасти 2,5 см.

Погребение 28 (76). В округлой яме (Д=40 см) на глубине 50 см обнаружено скопление мелких обломков пережженных человеческих костей вместе с древесными угольками и золой, сверху которых лежали:

Глиняный горшочек красно-серого обжига, близкий к банкообразной форме (табл. 1—3). Сосуд со слегка отогнутым наружу бортиком, с тонким гребенчатым рифлением. Высота его 10 см, диаметр тулова около 10 см, диаметр дна 7,3 см.

Фрагментированный круглопроволочный бронзовый браслет с уширенными пластинчатыми концами типа табл. III—4. Он орнаментирован тонкими поперечными надрезами, чередующимися с гладкой поверхностью.

Погребение 29 (77). Захоронение праха покойника произведено в подчетырехугольной яме (190 х 80 см), вытянутой с востока на запад и содержавшей древесные угольки с золой (рис. 22). На глубине 50 см вскрыты остатки покойника, подвергнутого частичной кремации до обугливания костей.

В погребальной яме обнаружен ряд вещей. У северо-западного угла ямы находился железный наконечник с широким пером лавролистной формы и реберчатой гранью (табл. II—4). Длина сохранившейся части наконечника 18 см, ширина пера у основания уширения 2,5 см, у конца — 1,5 см.

В средней части могилы, у северной ее стенки, обнаружен круглопроволочный бронзовый браслет круглой формы с зооморфными головками на концах типа табл. III—9. Он орнаментирован врезными остроугольниками, чередующимися тонкими поперечными надрезами.

Рядом с браслетом находился серповидный железный

нож типа табл. II—8, с обломанным острием и короткой ручкой. Длина сохранившейся части ножа 5,5 см, ширина лезвия 1,5 см.

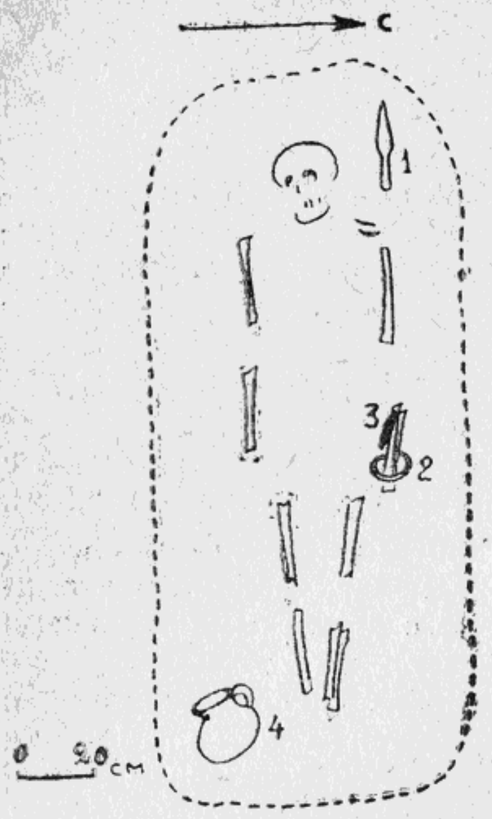

Рис. 22. Погребение 29 (77) старшей группы могильника Гуадиху. 1 — железный наконечник копья; 2 — браслет; 3—нож; 4—кувшин.

У юго-восточного угла ямы обнаружен фрагментированный глиняный кувшин типа табл. 1—10 буро-красного обжига с ручкой овального сечения. Тулово с гребенчатым рифлением. Диаметр дна 11 см.

Погребение 30 (78). Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (190х80 см), вытянутой с востока на запад и содержавшей много древесных угольков с золой. Покойник, подвергнутый частичной кремации до обугливания костей, полностью истлел.

В погребальной яме на глубине 60 см обнаружен ряд вещей. В средней части ямы, у северной ее стенки, находился фрагментированный серповидный железный нож типа табл. II—8.

У северо-восточного угла ямы лежал втульчатый железный наконечник копья лавролистной формы типа табл. II—3. Длина наконечника 22 см, ширина пера у основания уширения 2,5 см, диаметр втулки 2 см.

Рядом с наконечником копья располагались два глиняных кувшина красно-серого обжига, с низким выпуклым туловом. Первый кувшин с вертикальными каннелюрами; горловина его не сохранилась (табл. 1—6). Высота сохранившейся части 5,5 см, диаметр тулова около 8 см, диаметр дна 5 см. Второй кувшин без орнамента; предплечье вместе с горловиной не сохранилось. Высота сохранившейся части 5,5 см, диаметр тулова 11 см, диаметр дна 5,5 см.

Погребение 31 (79). Захоронение праха покойника произведено в подчетырехугольной яме (180 х 80 см), вытянутой с востока на запад и содержавшей древесные угольки с золой. Покойник, подвергнутый частичной кремации до обугливания костей, полностью истлел.

В могильной яме на глубине 60 см найден ряд вещей. У северо-западного угла ямы находился железный топор-молоток с четырехгранной молоточной частью (рис. 4—1). Длина топора 15,5 см, ширина лопасти 6 см, диаметр проушины 2,5 х 3 см.

Рядом с топором лежал железный втульчатый наконечник копья листообразной формы типа табл. II—4, с фрагментированной втулкой. Длина сохранившейся части 16,1 см, ширина пера у основания уширения 2,8 см.

У юго-восточного угла ямы находился фрагментированный глиняный кувшин с ручкой красно-серого обжига.

Погребение 32 (80). Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (190 х 80), вытянутой с востока на запад, содержавшей древесные угольки с золой. Покойник, подвергнутый частичной кремации до обугливания костей, в основном истлел.

В погребальной яме на глубине 55 см обнаружен ряд вещей. В северо-восточном углу ямы находился глиняный кувшинчик буро-красного обжига (табл. 1—7), часть тулова вместе с горловиной не сохранилась. Кувшинчик этот орнаментирован вертикальными каннелюрами. Высота сохранившейся части 11 см, диаметр тулова 11,5 см, диаметр дна 7,3 см.

Рядом находился железный топор-молоток, с четырехгранной молоточной частью, плоской обушной площадкой (рис. 4 — 2). Длина топора 15,5 см, ширина лопасти 7,2 см, диаметр проушины 2,1 х 3 см.

У северо-восточного угла ямы обнаружены два втульчатых железных наконечника копья, близких к лавролистной форме. Первый наконечник, втулка которого частично разрушена, был длиной в 24 см, второй — в 21,1 см.

2. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

Раскопанные погребения в старшем могильнике Гуадиху по своему устройству и обряду захоронения подразделяются на два типа.

К первому типу относятся округлые грунтовые могильные ямы без всякой обкладки с полной кремацией покойников. Покойники, хоронившиеся по этому обряду, подвергались кремации на стороне в костюме вместе с предметами украшения, затем их пепел вместе с остатками инвентаря, древесными угольками и золой складывался в погребальные ямы. Таких погребений 15 : 3 — 6, 14 — 18, 20 — 23, 27 — 28 (см. рис. 14, 17, 18).

Во всех этих погребениях средний диаметр ям 50—60 см, глубина — 40—50 см. Реже встречаются могилы глубиной до 60 см и более.

В погребениях рассматриваемого типа оружие и посуда не носят никаких следов действия огня. Поэтому следует считать, что их клали в погребальную яму без предварительного помещения в погребальный костер.

Ко второму типу захоронения некрополя Гуадиху принадлежат погребения в больших длинных ямах с частичным сожжением покойников до обугливания костей. Этот обряд захоронения совершался непосредственно в могильных ямах, вытянутых с востока на запад, иногда с некоторым отклонением на северо-запад или юго-запад. Таких погребений 17: 1—2, 7—13, 19, 24—26, 29—32 (см. рис. 7, 9, 10, 12, 13, 15, 19, 20, 22).

Во всех этих погребениях ямы совершенно одинаковы — подчетырехугольной формы, длиной в среднем 190 см, реже до 2 м. Ширина ям 80 — 90 см, глубина от 40 до 60 см.

Кости в этих ямах почти не сохранились. Только в некоторых погребениях (8, 9, 11), судя по следам расположения костей, удалось установить положение покойника. Обычно они клались на спину, головой на запад, с некоторым отклонением на север или юг.

Могильный инвентарь этого типа захоронения также носит следы действия огня, но не такого сильного, как в первом случае. Очевидно, все погребальные предметы находились вместе с покойником в погребальной яме при совершении обряда частичной кремации.

Относительно небольшая глубина вскрытых погребений в некрополе Гаудиху объясняется, во-первых, видимо, каменистостью грунта, затруднявшего выкапывание глубоких могильных ям. Во-вторых, частичным размыванием этого грунта, ибо могильник располагался на склоне горы.

Установленные два типа захоронения, на восьми исследованных раскопах в некрополе Гуадиху располагались по группам, в основном от 2 до 6 погребений включительно. Так, в раскопе 1 выявлен только первый тип захоронений — №№ 3—6.

В раскопке II обнаружены только шесть погребений второго типа — №№ 7—12.

В раскопе V вскрыты оба типа захоронения. В северной его части обнаружено пять погребений первого типа — №№ 14—18, а в западной — одно погребение второго типа № 13.

В раскопе VI вскрыто одно погребение первого типа (погр. 20) и одно погребение второго типа (погр. 19).

В раскопе VII представлены оба типа захоронения. В восточной части раскопа обнаружено три погребения первого типа (погр. 21—23), а в центральной части раскопа вскрыто три погребения второго типа (погр. 24—26).

В раскопе VIII представлены оба типа захоронения: два погребения (№№ 27, 28) первого типа и четыре погребения второго типа (№№ 29—32).

Групповое расположение близких по времени и погребальному обряду захоронений, очевидно, следует объяснить тем, что отдельные части могильника принадлежали различным родовым группам, каждая из которых хоронила своих сородичей на определенном участке.

Количество инвентаря в отдельных захоронениях различно. Одни из них имеют от пяти до нескольких десятков вещей, другие же содержат лишь единицы; в отдельных погребениях инвентарь разнообразен, в других же состоит из одних украшений. Большинство погребений содержало глиняную посуду. Не было сосудов в 12 погребениях: 2, 4, 5, 6, 14, 15, 18, 20, 22, 23, 26, 27. Оружие представлено в тринадцати погребениях. Браслеты обнаружены в четырнадцати погребениях. В пяти могилах найдены фибулы. Булавки представлены в шести погребениях. Шейные гривны найдены в двух могилах. В одной могиле представлен железный кинжал скифского типа.

В расположении вещей в могилах второго типа устанавливается следующая закономерность. У висков встречаются серебряные серьги; на шее бусы и гривны; на груди фибулы и различные нашивные бляхи; на руках браслеты; за головой или у ног глиняные сосуды и предметы вооружения.

Следует отметить, что оружие так же, как и глиняная посуда, встречалось в основном в погребениях второго типа.

Для исследователей-археологов, как известно, существенным источником, с помощью которого классифицируются погребения некрополей на различные хронологические группы, является инвентарь, сопровождающий покойников. Инвентарь первого и второго типов погребений некрополя Гуадиху является в основном одинаковым. Вследствие этого оба типа погребений нужно признать сосуществовавшими и оставленными родственными группами населения.

Первый тип захоронения некрополя Гуадиху, т. е. обычай полной кремации покойника в стороне от могилы и последующее укладывание остатков трупосожжения вместе с инвентарем на дно округлой погребальной ямы, не засвидетельствован пока на территории распространения колхидско-кобанской культуры и вобщее на территории всего Кавказа, если

не считать погребения, вскрытые нами в 1951 г. на Сухумской горе[3].

Выявление такого типа захоронения в некрополе Гуадиху, видимо, свидетельствует о новом обычае захоронения, который возникает на Кавказе в эпоху перехода от поздней бронзы к раннему железу. Поиски на месте зарождения этого обряда захоронения пока не дали положительного результата, так как в памятниках предшествующего времени отсутствуют какие-либо материалы для решения данного вопроса.

Однако обряд полной кремации покойников, но с укладыванием их остатков не в грунтовую яму, а в урны имел место на территории Южного Кавказа. В частности, он зафиксирован в могильнике у сел. Малоклю, относящемся к ванской эпохе. Здесь, как в погребениях первого типа захоронения в некрополе Гуадиху, покойник сжигался полностью одетым в костюм вместе с предметами украшения. При этом определенная часть инвентаря не носила на себе действия огня; она клалась рядом с урной после обряда трупосожжения[4].

Основные черты погребального обряда из Малоклю, например, трупосожжение в костюме вместе с предметами украшения, отсутствие действия огня на некоторой части погребальных вещей и другие, совпадают с деталями обычая первого типа захоронения некрополя Гуадиху. В хронологическом отношении эти памятники также соприкасаются друг с другом, хотя в погребальных вещах некрополей Гуадиху и Малоклю мало общего.

Второй тип захоронения из некрополя Гуадиху, т. е. обычай частичного трупосожжения до обугливания костей, совершавшийся непосредственно в могильной яме, на территории Закавказья засвидетельствован в Западной Грузии, в частности в Брильском могильнике[5] (раскопки Г. Ф. Гобеджишвили), в погребениях VII—VI вв. до н. э., если не считать особого типа курганных погребений, с полусожжением и обугленными деревянными настилами, открытыми Реслером в Азербайджане, на территории Ганджа-карабахской культуры.

Следует отметить, что в Брильском могильнике, наряду с обрядом частичного трупосожжения, существует обычай трупоположения в простых грунтовых ямах, который здесь является господствующим.

---

3 А. Н. Каландадзе, Археологические памятники Сухумской горы, Сухуми, 1954, стр. 86—87.

4 Б. А. Куфтин, «Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Араксский энеолит», Вестник ГМГ, XIII—B, Тбилиси, 1944, стр. 69.

5 Г. Ф. Гобеджишвили, «Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях с. Геби», Сообщения АН Груз. ССР, т. XIII, № 3, Тбилиси, 1952, стр. 186.

Сходство между могильниками Гуадиху и Брили не только в обряде кремации, но и отчасти в могильном инвентаре (предметы оружия, украшения и т. д.).

Сам факт существования обряда кремации в Абхазии и Западной Грузии, видимо, указывает на родство ряда племен, занимавших эту территорию в VIII—VI вв. до н. э., и существование в то время между ними тесных межплеменных связей.

Для выяснения причин изменения погребального обряда, т. е. появление обычая кремации, у нас пока нет достаточных данных. Но все же можно полагать, что в основе изменений погребального обряда в могильниках Гуадиху и Брили в VIII—VI вв. до н. э. лежит, видимо, не столько появление нового этнического элемента, сколько изменение общественных отношений, глубокие процессы развития которых наблюдались в Абхазии и в Западной Грузии в течение перехода от эпохи развитой бронзы к периоду широкого освоения железа.

Интересно отметить, что в раннескифское время на территории Киевщины, в надкурганных погребениях и в некоторых могильниках полей погребений, наряду с обрядом трупоположения, существовал обычай неполной кремации умершего вместе с погребальным инвентарем непосредственно в яме[6], как в могильниках Гуадиху и Брили. На той же территории в тот же период бытовал также обычай полного трупосожжения, совершавшегося вне ямы, с размещением остатков кремации вместе с инвентарем в могильной яме[7].

Оба типа погребений зафиксированы в Каневской курганной группе, в частности в курганах № 419 у с. Лазурцы (раскопки Бранденбурга)[8] и №№ 35, 36 у с. Бобрицы (раскопки Зноско-Боровского)[9].

По данным П. Д. Либерова, частичная кремация покойника непосредственно в яме и полное трупосожжение вне ямы с последующим уложением остатков покойника вместе с инвентарем в могилу существовали на территории Киевщины в течение длительного времени, начиная с рубежа VIII—VII вв. до н. э. и до позднескифского времени. Некоторые сходные типы захоронений встречались здесь и позднее, в позднеэллинистическое или римское время[10].

---

6 П. Д. Либеров, «К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени на Киевщине», КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 77.

7 Там же, стр. 77—78.

8 Н. И. Печенкин, Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга, 1888—1902 гг., СПб., 1908, стр. 117.

9 А. А. Бобринский, Курганы и случайные археологические находки близ мест. Смелы, т. III, СПб., 1901, стр. 112—115.

10 П. Д. Либеров, Указ. соч., стр. 79.

Совпадение обрядов кремации некрополя Гуадиху с обычаями трупосожжения скифских подкурганных погребений и некоторых могильников полей погребений Киевщины является, видимо, результатом достаточно тесных связей Абхазии со степной полосой европейского юга СССР в VIII—VII вв. до н. э. Но решить вопрос о том, кто у кого заимствовал эти обряды кремации, пока невозможно ввиду отсутствия необходимых вещественных источников.

Если проследить вопрос о происхождении обряда кремации, то следует отметить, что этот обряд имел широкое распространение в Передней Азии еще в IV тысячелетии до н. э. Так, например, некрополи с обрядом кремации, но с положением пепла в урны известны из древнейших культурных слоев Ниппура в Шумерской Месопотамии[11]. Своеобразный обычай кремации открыт также в Уруке, где обернутые глиной тела обжигались в особом помещении[12]. Аналогичный способ захоронения практиковался и в Аккаде. В Уре и древнем Ашшуре зарегистрированы обряды частичной и полной кремации. Раскопки в Гезере (Палестина) показали, что обычай кремации покойников господствовал там еще в неолитическую эпоху.

В Северной Сирии в ряде пунктов кремация практиковалась и в более поздние периоды истории, примерно в VII в. до н. э.

Хотя эти данные о распространении обряда кремации в Передней Азии и являются отрывочными, все же они указывают на глубокую древность появления в более южных районах обычая предавать тело покойников огню.

Можно полагать, что на территории распространения колхидской культуры — Западном Закавказье — обряд кремации появляется в VIII в. до н. э. Этот обряд, по всей вероятности, возник здесь в процессе складывания новых социально-экономических отношений. Появлению такого обряда мог способствовать также и тот факт, что в интересующее нас время, т. е. в VIII—VI вв. до н. э., весь Кавказ, в том числе и современная Абхазия, был ареной бурных исторических событий[13], от которых могли сохраниться следы в традициях и культуре.

---

[11] G. Contenau, Manuel d'archedogie orientale, t. I, Paris, 1931, стр. 83.

[12] V. Gordon Childe, New light on the most Ancient East, London, 1935, стр. 158.

[13] А. А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947, стр. 34—39.

3. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Добытый археологический материал в описанных выше погребениях в основном местного производства. Он является ценнейшим вещественным источником для изучения истории древнего населения Сухуми в социальном, экономическом и культурном отношениях.

Погребальный инвентарь состоит из посуды, хозяйственных орудий, предметов домашнего обихода, оружия, предметов убора и украшений.

Посуда. Посуда, представленная в старших погребениях некрополя Гуадиху, является глиняной, в основном красно-серого обжига, изготовлена на гончарном кругу. Глина плохо отмучена и содержит значительный процент песка. Всего обнаружено 24 сосуда.

Все они по форме могут быть подразделены на четыре группы.

К первой относятся кувшины с преимущественно низким выпуклым туловом (табл. 1—6—14; рис. 5). Всего их 16 экземпляров (часть из них фрагментирована), обнаружены они в погребениях 7, 8, 10, 12—13, 16—17, 21, 29—32. Четыре кувшина с ручками округлоовального сечения (табл. 1—9, 11), остальные без ручек; пять кувшинов с довольно узким горлом (табл. 1—14) и два с широким горлом (табл. 1—9). Часть кувшинов с врезным орнаментом, состоящим из поясков (табл. 1—9), волнообразных (табл. 1—8) и ломаных линий, вертикальных каннелюр (табл. 1—6,7), ногтевых вдавлений.

Определенная группа кувшинов рассматриваемой формы имеет аналогию с посудой, известной из погребений VII—VI вв. до н. э. Сухумской горы[14].

Ко второй группе сосудов из некрополя Гуадиху принадлежат горшки; они характеризуются двумя различными типами. К первому типу относится один горшок, найденный в погребении 25 (табл. 1—4). Он с выпуклыми шарообразно-вытянутым туловом, плоским дном, почти равным в диаметре с горлом, темно-серого обжига. Предплечье сосуда опоясано желобчатыми круговыми линиями.

Этот сосуд напоминает посуду, известную из курганообразных холмов поздней бронзы Колхидской низменности в Западной Грузии[15].

Близкого типа горшки происходят также из Южной Осетии[16] и Самтаврского могильника[17].

---

[14] А. Н. Каландадзе, Указ. соч., стр. 76, 79, 86, табл. V, 1, 3; XI, 7—9.

[15] Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, II, Тбилиси, 1950, рис. 48, 37, 53—54, 75.

[16] Г. Ф. Гобеджишвили, Археологические раскопки в Советской Грузии, Тбилиси, 1952, табл. XXXIII, 6.

[17] Там же, см. табл. XIX.

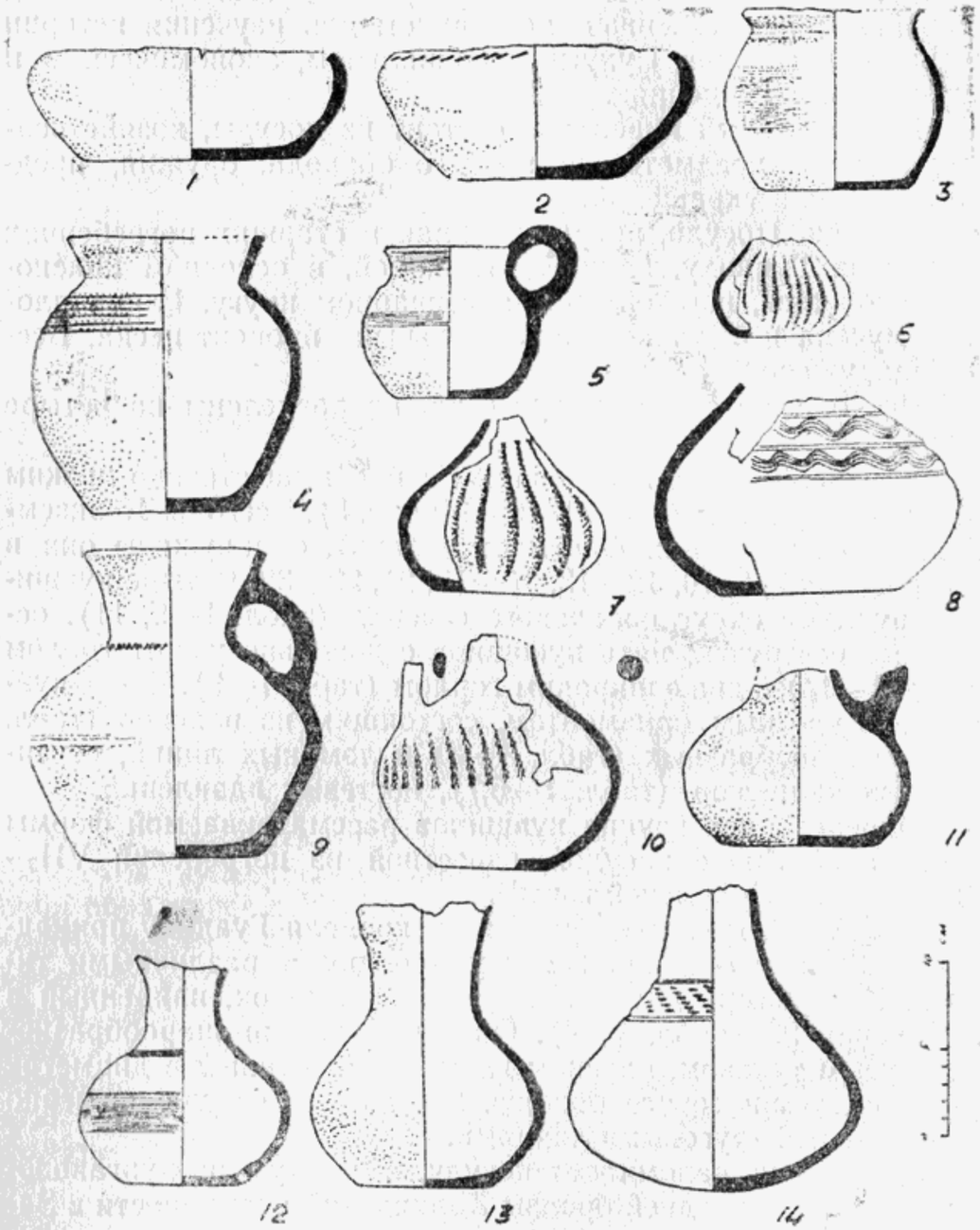

Таблица 1. Могильник Гуадиху. Старшая группа погребений VIII—VI вв.до н. э. Глиняная посуда. 1—погр. 19 (61); 2, 9— погр. 10 (13); 3 — погр. 28 (76); 4 — погр. 25 (72); 5—погр. 21 (68); 6—погр. 30 (78); 7 — погр. 32 (80); 8 — погр. 16 (58); 10 — погр. 14 а (27); 11 — погр. 12 (15); 12 — погр. 7 (10); 13 — погр. 8 (11); 14 — погр. 17 (59).

Но наиболее близки к нашему горшку сосуды из таких кобанских могильников, как Луговой[18], Кобанский[19], Чми[20], Кумбулта[21].

Второй тип горшков более вытянутый, приближающийся к баночной форме, со слабо оттогнутым венчиком, низкой горловиной, покатыми плечиками, плоским дном, равным диаметру горловины (табл. 1—3). Всего их три экземпляра, найдены они в погребениях 1, 18, 28. Сосуды эти красно-серого обжига, с тонким гребенчатым рифлением; на одном из них имеются врезные косые насечки.

Близкие по форме горшки обнаружены в синхронных погребениях Сухумской горы[22]. Подобные сосуды, но в основном фрагментированные, засвидетельствованы также в курганообразных холмах Колхидской низменности в Западной Грузии[23]. Аналогичная посуда встречается также в могильниках раннескифского времени Прикубанья[24], на Среднем Поднепровье[25], у степного Крыма[26].

Третья группа сосудов в некрополе Гаудиху представлена двумя мисками, найденными в погребениях 10 и 19. Стенки их довольно толстые, вогнутые. Края округлые и загнутые внутрь (табл. I—1, 2). Донышки плоские, диаметром 12 см. Миски эти невысокие и широко открытые. По бортику одной миски имеется врезной орнамент, состоящий из волнообразных линий и косых насечек (табл. I—2).

Одна такая миска известна из городища Гюэнос в Очамчира[27]. В Западной Грузии такой же тип сосуда встречен в культурном слое поселений у сел. Гоми Самтредского района[28], а также в Самтаврском[29] и Триалетском[30] могильниках.

[18] Е. И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, табл. XX, 1.

[19] П. С. Уварова, «Могильники Северного Кавказа», МАК, вып. VIII, М., 1900, табл. XLI, 3, 4; XLII, 7.

[20] Там же, табл. CXXVIII, 4.

[21] Там же, табл. CXXIX, 6.

[22] А. Н. Каландадзе, Указ. соч., табл. V, 4, 5.

[23] Б. А. Куфтин, Указ. соч., рис. 48, 59; 49 а, 8; 69.

[24] Н. В. Анфимов, «Археологические разведки по Среднему Прикубанью», КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 46, рис. 16,3; Его же, «К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху», СА, XI, 1949, стр. 248, рис. 6, 4. Его же. «Меото-Сарматский могильник у станции Усть-Лабинской», МИА СССР, 23, 1951, стр. 170, 192, рис. 5, 2—3, 7; 15, 4.

[25] В. А. Ильинская, «Керамика скифских погребений Посулья», ВССА, М., 1952, стр. 174. 178, табл. I, 12; II, 18; см. табл. IV и V.

[26] О. Д. Дашевская, «Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма», КСИИМК, 64, 1958, стр. 250, рис. 1, 4.

[27] Л. Н. Соловьев, «Селище с текстильной керамикой...», СА, XIV, 1950, стр. 278, рис. 8.

[28] Б. А. Куфтин, Указ. соч., стр. 97, рис. 24, 18, 19; табл. 32, 6.

[29] Г. Ф. Гобеджишвили, Указ. соч., см. табл. XVIII.

[30] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. 1, Тбилиси, 1941, стр. 33, см. табл. IV.

Аналогии к нашим мискам известны также на Северном Кавказе, в частности из позднекобанских могильников у сел Корца[31], Моздокского[32], Нестеровского[33], Змейского поселения[34]. Такая же посуда хорошо представлена в Прикубанье, в могильниках Пашковском[35], Усть-Лабинском[36], датируемых VI – V вв. до н. э.

Четвертая группа керамики некрополя Гуадиху представлена одной кружкой, близкой к баночной форме, найденной в погребении 21. Кружка эта с гребенчатым рифлением, высокой ручкой овально-округлого очертания. Одним концом ручка упирается в корпус, а другим, верхним концом, прикреплена к самому краю, несколько выступая над линией края сосуда (табл. I—5).

Глиняные кружки, близкие к нашей, известны из тех же позднекобанских могильников Северного Кавказа, в частности из Кобани[37], Кумбулта[38], Верхней Рутхи[39], Нестеровского[40].

Хозяйственные орудия. Хозяйственные орудия представлены двумя бронзовыми сечковидными резаками погребения 5 (рис. 5). Они впервые встречаются в погребении. Сечки эти имеют одинаковую форму—вид плоского стержня с округлым лезвием. Орудия подобного типа встречаются только на территории распространения колхидской культуры, начиная от Сухуми до современного турецкого Лазистана[41]. Такие изделия в древней Колхиде применялись, по-видимому, для разделки кожи.

Предметы домашнего обихода представлены пряслицами, оселками, ножами.

Пряслица. Одно целое, хорошей сохранности найдено в погребении 25. Оно имеет коническую форму со сквозным отверстием и прямое основание (табл. V—13).

31 П. С. Уварова, Указ соч., табл. XXIX, 11, 13.
32 А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский, «Моздокский могильник» ГосЭрмитаж, Л., 1940, табл. II, VI, VIII.
33 Е. И. Крупнов, Указ. соч., стр. 264, табл. V, 7, 9.
34 Там же, стр. 148, табл. XXII, 1—4.
35 К. Ф. Смирнов, «Меотский могильник у станицы Пашковской», МИА СССР, 64, 1958, стр. 277, 281, 287, рис. 5, 10, 16; 8, 15.
36 Н. В. Анфимов, «Меото-сарматский могильник», МИА СССР, 23, 1951, стр. 160, рис. 1, 6; Его же, «К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху», СА, XI, 1949, стр. 247, рис. 4, 3; 8, 2.
37 П. С. Уварова, Указ. соч.
38 Там же, табл. XCVIII, 1, 3.
39 Е. И. Крупнов. Указ. соч., табл. XLIII, 1, 3, 5, 7; XV, 2.
40 Там же, табл. VI, 8.
41 Н. В. Хоштария, «Об одном бронзовом орудии из Колхиды», КСИИМК, вып. XXX, 1951, стр. 177, 178; Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, I, Тбилиси, 1949, стр. 221—222, рис. 42; 43, 9—11; Н. В. Трубникова, «К вопросу о назначении «кобанских сечек». КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 49, 50.

Пряслица подобного типа связаны с ткацким ремеслом, распространяются на территории Кавказа в массовом обиходе в VII—VI вв. до н. э., причем в Колхиде и во всем Закавказье широкое их внедрение происходит, видимо, еще в IX—VIII вв. до н. э. Пряслица подобной формы, сделанные из глины, известны из культурного слоя поселения Дабла Гоми в Западной Грузии[42].

На Северном Кавказе аналогичные глиняные пряслица встречены в Змейском поселении (не позднее VIII в. до н. э.[43]) в могильниках Нестеровском[44], Луговом[45], Исти-су[46] и т. д.

К нашему близки также глиняные пряслица, происходящие из скифских поселений и могильников на территории Украины, в частности из окрестностей местечка Смелы[47], села Аксютинцы[48] и из других пунктов степной полосы европейской части юга СССР[49].

Оселки. Оселки, представленные по одному экземпляру в погребениях 8 и 9, сделаны из черного песчаника-мергеля. Первый оселок цилиндрической формы круглого сечения, с отверстием на одном конце (рис. 8—5, погр. 9). Второй оселок, овальный в сечении, с одного конца обломан, сохранившийся другой конец слегка округлый (рис. 8—6).

Подобные точильные камни известны из многочисленных могильников Кавказа[50], хронологически близких с некрополем Гуадиху. Широкое распространение подобные оселки имели в эпоху раннего железа в Евразии[51].

Ножи. Все они (7 экз. — погр. 2, 8—9, 23, 26—27, 30) железные и принадлежат к двум типам: ножи с прямой спинкой и ножи серповидной формы. Последние преобладают.

Серповидные железные ножи были широко распространены в начале эпохи раннего железа в Евразии.

Подобные ножи засвидетельствованы в Куланурхвском

42 Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, II, 1950, стр. 111, табл. 35, 12, 15, 19.
43 Е. И. Крупнов, Указ. соч., табл. IX, 4.
44 Там же, табл. X, 5; рис. 48, 30.
45 Там же, табл. XI, 1, 4.
46 О. А. Артамонова-Полтавцева, «Культура северо-восточного Кавказа в скифский период», СА, XIV, 1950, рис. 19, 9.
47 А. А. Бобринский, Указ. соч., т. I, СПб., 1887, табл. 4, 16; т. II, СПб., 1894, табл. II, 11, 22.
48 Там же, т. III, СПб., табл. IV, 2. 16, стр. 25, фиг. 3.
49 Б. Н. и В. Н. Ханенко, Древности Поднепровья, вып. II, 1889, стр. 41, см. табл. XXXXIV.
50 А. А. Иессен, «Археологические памятники Кабардино-Балкарии», МИА СССР, 3, 1941, рис. 4, 6; Е. И. Крупнов, Указ. соч., табл. XVI, 1,2.
51 М. П. Грязнов, Так называемые оселки скифо-сарматского времени, Исследования по археологии СССР, Л., 1961, стр. 142.

некрополе VII—VI вв. до н. э. в Абхазии[52]. Известны они также из ряда могильников Закавказья: у Бешташенской крепости[53], Самтаврском[54], Дванском[55], Хртаноцском (Армянская ССР)[56], в могильнике-колумбарии у села Молаклю (южная подошва Арарата)[57] и т. д.

Ножи со слегка загнутой спинкой представлены в одном из подкурганных дольменов в Геленджике, на северо-западном Кавказе[58], в погребениях могильников Исти-су[59] и Нестеровского[60] на Северном Кавказе. В раннескифских курганах Украины они встречаются очень часто: в кургане № 4 у хут. Дарьевка[61], в курганах у села Шандра (бывш. Киев. губ.), и в могильниках у села Долинское[62], и в городище близ с. Голущино, и в курганах на Майдане (близ Смелы)[63].

Железные ножи интересующих нас типов на Кавказе появляются, видимо, в начале VII в. до н. э., а в V—VI вв. до н. э. они имеют широкое распространение как на Кавказе, так и в степной полосе европейского юга СССР.

Оружие. Среди материалов, происходящих из некрополя Гуадиху, особое место занимает оружие. Оно представлено железными боевыми топорами-молотками, железным коротким кинжалом, железными наконечниками копий.

Железные топоры-молотки (табл. II—6, 9, 12, 13; рис. 4). Железные топоры-молотки обнаружены в погребениях 1—2, 7—8, 13, 31—32. Молоточная часть всех топоров четырехгран-

---

52 М. М. Трапш, Памятники колхидской и скифской культур в с. Куланурхва Абхазской АССР, Сухуми, 1962, стр. 43, табл. XIV, 1,2; XV, 1—3.

53 Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1941, стр. 267, табл. XVI.

54 Р. М. Абрамишвили, «К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике», Вестник ГМГ, т. XIV—A и XXI—B, 1957, табл. 1, 90, 137, 148.

55 С. И. Макалатия, «Раскопки Дванского могильника», СА, XI, 1949, стр. 226—228, рис. 4, 5, 6.

56 А. А. Мартиросян, Раскопки в Головино, Ереван, 1954, стр. 21, табл. III, 3.

57 Б. А. Куфтин, «Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Араксский энеолит», Вестник ГМГ, 1944, стр. 54, табл. VIII, 6—8.

58 И. И. Аханов, «Геленджикские подкурганные дольмены», СА, № 1, 1961, стр. 145, рис. 5, 3—4.

59 О. А. Артамонова-Полтавцева, «Культура северо-восточного Кавказа в скифский период», СА, XIV, стр. 47, рис. 19, 4—7.

60 Е. И. Крупнов, Указ. соч., стр. 286, рис. 46, 6.

61 А. А. Бобринский, Указ. соч., т. II, СПб., 1894, стр. 128, табл. XV, 4, 6.

62 О. Н. Мельниковская, «Могильник у с. Долинское Черниговской области», КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 71, рис. 19,5.

63 А. А. Бобринский, Указ. соч., т. I, СПб., 1887, стр. 76—77.

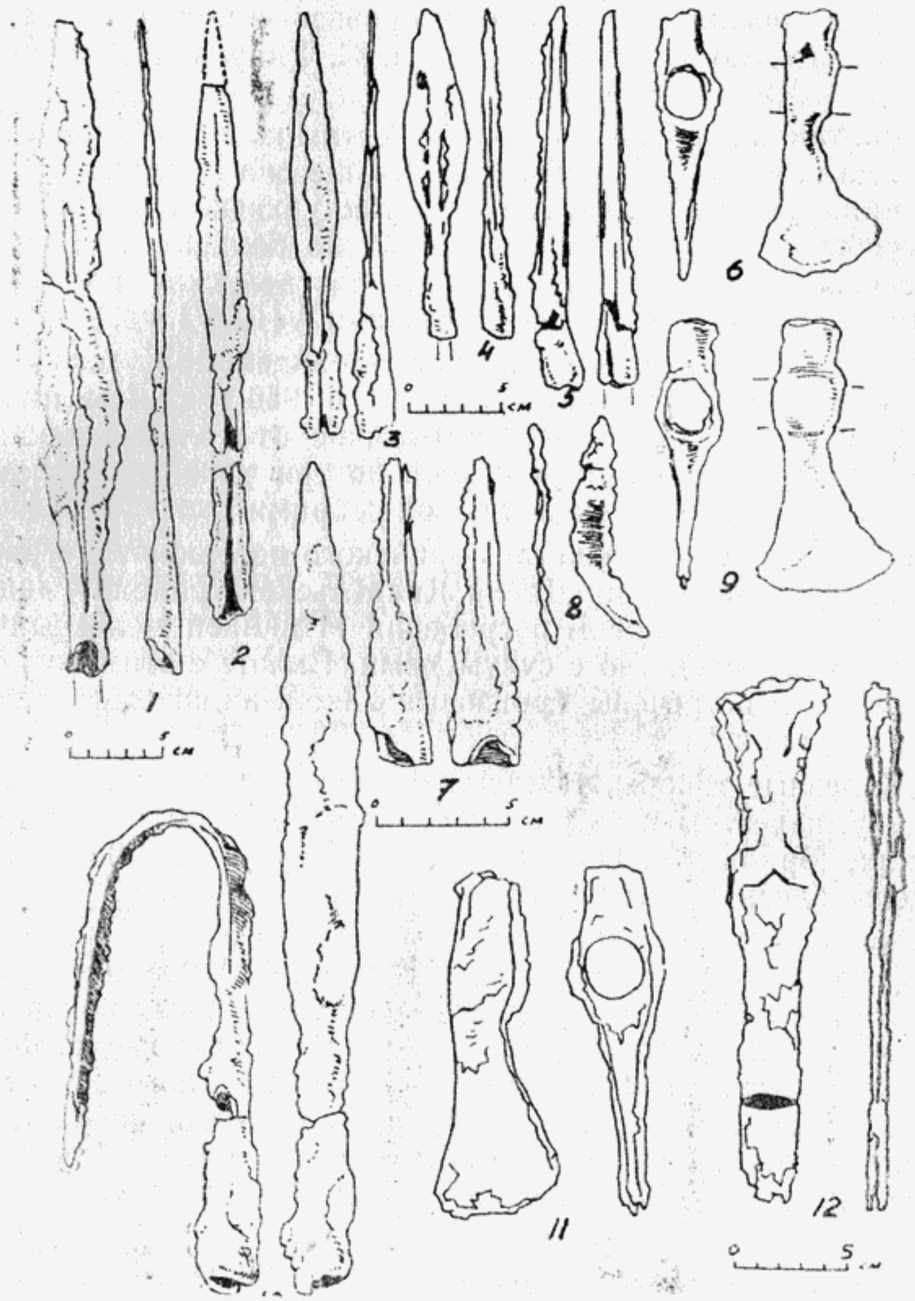

Таблица II. Могильник Гуадиху. Старшая группа погребений VIII—VI вв. до н. э. Железное оружие и орудия труда. 1—5, 7, 10—наконечники копий; 6, 9, 12, 13 — топоры, 8—нож; 11 — кинжал. 1, 3, 12 — погр. 2 (5); 2 — погр. 23 (70); 4 — погр. 29 (77); 5, 13 — погр. 13 (55); 6—погр. 1 (4); 7, 10—погр. 19 (61); 8—погр. 23 (70); 9, 11—погр. 8 (14).

ная, с плоской обушной площадкой. Рабочая часть (лезвие) сегментовидная, выгнутая. Проушина имеет овальную форму. Эти топоры по некоторым своим чертам (овальная проушина, общий профиль) напоминают бронзовые колхидские топоры типа «б», по классификации П. С. Уваровой[64], или типа 1, по О. М. Джапаридзе[65].

Два таких железных топора известны из погребений VII—VI вв. до н. э. на Сухумской горе[66]. Еще два аналогичных топора обнаружены в 1948 году в Куланурхвском могильнике, в погребении 5. Вместе с ними найдено большое количество бронзовых и железных наконечников стрел скифского типа, которые датируют погребение рубежом VII—VI вв. до н. э.[67]

Один близкий железный топор найден при раскопках Красномаяцкого могильника в Сухуми в 1956 году (см. ниже). Обушная часть этого топора в отличие от куланурхвских и гуадихинских имеет с двух сторон по три узких продольных желобка, разделенных между собой ребрами[68].

В 1945 году раскопками Горийского историко-этнографического музея в селении Двани Кварельского района (Западная Грузия) в групповом погребении 11 найден железный топор, имеющий сходство с сухумскими. Вместе с этим топором в погребении встречены бронзовые наконечники стрел раннескифского типа[69].

Железные топоры, тождественные с топорами некрополя Гуадиху, известны и из раскопок Г. Ф. Гобеджишвили в могильнике Брили у с. Геби (Западная Грузия). Топоры эти найдены здесь в погребениях VII—VI вв. до н. э.[70]

Очень близкий железный топор с остатками деревянной рукоятки найден в Тлийском могильнике[71] (Южная Осетия), в погребении № 16, содержавшем два скорченных на правом боку костяка. Заслуживают внимание погребальные комплексы обоих костяков. Инвентарь первого костяка состоит из двух бронзовых кобанских топоров, бронзового кинжала кобанской формы, бронзовой ситулы-кружки и т. д. Инвентарь второго костяка, в состав которого входит интересующий нас

64 П. С. Уварова, Указ. соч., стр. 15—16, табл. IV, 3, V, 3.
65 О. М. Джапаридзе, «Бронзовые топоры Западной Грузии», СА, XVIII, 1953, стр. 285, см. рис. 1.
66 А. Н. Каландадзе, Указ. соч., стр. 80, 85, табл. IX, 13; XI, 1.
67 М. М. Трапш, Указ. соч., стр. 40, рис. 8, табл. XIII, 1, 2.
68 М. М. Трапш, «Археологические раскопки в окрестностях Сухуми», Тр. АбИЯЛИ, XXIX, 1958, стр. 200, рис. 13.
69 С. И. Макалатия, Указ. соч., стр. 229, рис. 10, 2.
70 Г. Ф. Гобеджишвили, Указ. соч., стр. 99, табл. XLIII; XLV; XLVII.
71 Б. В. Техов, «Могильник эпохи поздней бронзы в с. Тли», СА, 1, М., 1960, стр. 170—171, рис. 6.

железный топор, состоит из массивного железного кинжала, бронзового пластинчатого пояса с пряжкой кобанской формы, бронзовой дугообразной фибулы с проволочной дужкой и т. д.[72].

Особый интерес представляет факт наличия бронзовой ситулы-кружки в инвентаре первого костяка. Она общекавказского происхождения, что дает возможность правильно подойти к вопросу датировки как вышеуказанных тлийских погребальных комплексов, так и сухумских топоров. Е. И. Крупнов[73] и Б. Б. Пиотровский[74] в ряде своих работ подробно перечисляют найденные на Кавказе и за его пределами подобные бронзовые сосуды. В настоящее время их уже насчитывается много, и все они не выходят за пределы VIII—VI вв. до н. э.[75]

Железные топоры рассматриваемого типа происходят и из Самтаврского могильника (раскопки А. Н. Каландадзе). Они встречены здесь в комплексах второй половины VII—VI вв. до н. э.

Один железный топор, имеющий сходство с сухумскими, известен из могильника у села Бешташени в Триалети[76].

Два железных топора, напоминающие сухумские, встречены в одном из подкурганных дольменов (VII в. до н. э.) в Геленджике на северо-западном Кавказе[77].

На Северном Кавказе железные топоры, по типу близкие к рассматриваемым и относящиеся к раннескифскому времени, происходят из аула Псадоха[78], могильников Нестеровского[79] и Кашнатау[80], а также из различных пунктов Северной Осетии — Дергавс[81], Чми[82], Корца[83].

Железные топоры-молотки, имеющие сходство с сухумскими, представлены также в скифских курганах на территории Посулья (Украинская ССР). В 1886 году в с. Аксютинцы

72 Б. В. Техов, Указ. соч., стр. 167—171.
73 Е. И. Крупнов, Жемталинский клад, М., 1952, стр. 5—20, 28, табл. II, 5, 7; III, 1—3.
74 Б. Б. Пиотровский, «Скифы в Закавказье», Труды отдела ист., культ. и иск. Востока, ГосЭрмитаж, т. III, Л., 1940, стр. 89—90; его же, Урарту, Древнейшее государство Закавказья, Л., 1939, стр. 55, рис. 38.
75 Р. М. Абрамишвили, Указ. соч., стр. 140, табл. 1, 4—9.
76 Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, 1, Тбилиси, 1941, см. табл. XVI.
77 И. И. Аханов, Указ. соч., стр. 145, рис. 5, 6, 7.
78 ОАК за 1898, стр. 161.
79 Е. И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 277—278, рис. 45.
80 Е. И. Крупнов, Указ. соч., стр. 278, рис. 21, 7.
81 П. С. Уварова, Указ. соч., табл. X, 11.
82 Там же, табл. X, 12.
83 Там же, табл. XXVII, 1.

бывш. Роменского уезда, в кургане № 5 (раскопки С. А. Мазараки) был обнаружен один железный топор-молоток, хранящийся ныне в ГИМе. Другой такой же топор, хранящийся там же, найден в селе Волковцы бывш. Роменского уезда, в кургане № 12 (раскопки С. А. Мазараки). Подобные топоры известны также из кургана близ хутора Шумейка (бывш. Роменского уезда, Полт. губ.).

Железный топор типа сухумских найден в 1876 году Д. Я. Самоквасовым в Старшей могиле (курган № 1), близ с. Аксютинцы на Полтавщине[84]. Он имеет четырехгранную обушную рабочую часть. Вместе с ним в могиле встречены наконечники стрел, железный меч и другие вещи. Весь комплекс из кургана Старшая могила близ с. Аксютинцы В. А. Ильинская[85] относит к первой половине VI в. до н. э.

Два топора, близкие по типу к рассматриваемым, вместе с акинаком, наконечником копья, изогнутым ножом, ланцетовидными стрелами и костяными псалиями были обнаружены в одном из курганов близ Триполья в 1897 г. при раскопках В. В. Хвойко[86].

Приведенные выше данные показывают, что железные топоры рассматриваемого типа на Северном Кавказе и в степной полосе европейского юга СССР появляются несколько позднее, чем в Западном Закавказье. Это обстоятельство позволяет ставить вопрос о местном Западно-Закавказском, а не о Кавказском вообще[87] или Закавказском в целом[88] происхождении этих топоров, проникавших на Северный Кавказ и в далекую Скифию.

Проникновение топоров рассматриваемого типа на Северный Кавказ и даже в далекую Скифию, если иметь в виду, с одной стороны, давние связи Северного Кавказа с Закавказьем и, с другой стороны, Северного Причерноморья с Кавказом в целом, считается вполне вероятным[89].

Кинжал (табл. II—11; рис. 3—1) железный, найден в погребении 8. Он принадлежит к числу оружий скифского типа. Рукоять довольно широкая, массивная, плоская. Навершие деформированное, возможно, оно имело антеновидные ответ-

[84] Д. Я. Самоквасов, Могилы русской земли, М., 1908, стр. 96.
[85] В. А. Ильинская, «Курган Старшая могила» (на укр. яз.), Археология, т. V, Киев, 1951, стр. 196—212.
[86] Б. Н. и В. И. Ханенко, Древности Приднепровья, вып. II, Киев, 1889, стр. 7—8.
[87] Е. И. Крупнов, Указ. соч., стр. 279.
[88] Г. Ф. Гобеджишвили, «Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях Геби», Сообщения АН Груз. ССР, т. XIII, № 3, Тбилиси, 1952, стр. 188.
[89] А. А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947, стр. 39—50; Е. И. Крупнов, Жемталинский клад, 1952, стр. 29—30.

вления. Перекрытие, также деформированное, было с опущенными концами или имело сердцевидную форму.

Вопрос датировки железного кинжала из некрополя Гуадиху может быть разрешен лишь на основании типологического анализа. Такое оружие в скифское время имело широкое распространение. В Абхазии подобный железный кинжал вместе с фрагментированными железными наконечниками копий и посудой был найден в 1951 г. в селе Колхида Гагрского района[90]. Кинжал находился в уникальных, богато орнаментированных колхидских бронзовых ножнах[91].

Железный кинжал, сходный с гагрским, обнаружен на Сухумской горе в 1951 году в связи со строительством городского лесопарка[92]. Он своим рогообразным навершием приближается к гуадихинскому.

В Грузии железный кинжал рассматриваемого типа известен из ряда пунктов. Так, в 1944 г. раскопками Горийского историко-этнографического музея у села Двани Кварельского района, в погребении № 2 найден железный кинжал[93], аналогичный нашему. Вместе с ним обнаружены трехгранные бронзовые наконечники стрел скифского типа и другие предметы, которые датируют данное погребение концом VII—началом VI вв. до н. э.

Аналогичные железные кинжалы в большом количестве представлены в погребениях VII—V вв. до н. э.[94] Брильского могильника.

Подобные железные кинжалы обнаружены при археологических работах в Самтаврском могильнике, около гор. Мцхета (раскопки А. Н. Каландадзе), в погребениях второй половины VII—VI вв. до н. э.[95]

Кинжал гуадихинского типа известен из ряда пунктов Западного и Северного Кавказа, в том числе из Краснодарского могильника[96], из могильника у села Пседахи, исследованного В. И. Долбежовым в 1898 г.[97], из могильников Пятигорья, рас-

[90] М. М. Трапш, «Новая археологическая находка в Абхазии», КСИИМК, вып. 53, М., 1954, стр. 139, рис. 62, 2.
[91] Там же, рис. 62, 3—5.
[92] А. Н. Каландадзе, Археологические памятники Сухумской горы, Сухуми, 1954, стр. 78, табл. VIII, 19.
[93] С. И. Макалатия, Указ. соч., стр. 225, рис. 4, 1.
[94] Г. Ф. Гобеджишвили, Археологические раскопки в Советской Грузии (на груз. яз.), Тбилиси, 1952, см. табл. XLIII; XLIV; XLV, его же, «Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях с. Геби», Сообщения АН Груз. ССР, т. VIII, № 3, 1952, стр. 188.
[95] Р. М. Абрамишвили, Указ. соч., стр. 140, табл. 1, 12; табл. II, см. № 212.
[96] Н. В. Анфимов, «К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху», СА, XI, 1949, стр. 258, рис. 9.
[97] ОАК, 1898, стр. 161.

копанных Д. Я. Самоквасовым[98]. Подобное оружие обнаружено также в станице Келермесской[99], в могильниках у гор. Минеральные воды[100], в Нестеровском могильнике[101]. Кинжалы, происходящие из Нестеровского могильника, Е. И. Крупнов датирует VI в. до н. э.[102]

Аналогичные кинжалы наиболее хорошо представлены на территории Украины; они найдены в могилах № 12 и 46 у Ивановского склада близ Смелы [103], в местечке около Староселья[104] близ гор. Чигирина, в окрестностях села Журавки[105] и др.

Особое внимание обращает на себя замечательный железный кинжал, обнаруженный в окрестностях гор. Вольска (близ Саратова)[106], имеющий сходство с кинжалами подобного типа из Абхазии.

В. Гинтерс в работе о скифских и сарматских мечах в южной России датирует кинжалы интересующего нас типа VI в. до н. э.[107] Этим же временем датирует их и К. Ф. Смирнов, выделяющий подобные кинжалы в савроматском оружии[108].

Все приведенные выше данные свидетельствуют о том, что еще в VI в. до н. э. кинжалы интересующего нас типа, как колющее оружие ближнего боя, применялись на большой территории. Нередкое нахождение в Закавказье железных кинжалов описанного типа дает основание ставить вопрос о местном производстве таких кинжалов.

Наконечники копий. (табл. II—1—5, 7, 10; рис. 3, 6). Наконечников копий — железных, втульчатых — 27 экземпляров. Принадлежат они к четырем различным типам.

К первому типу относятся наконечники с пером листообразной формы, переходящим во втулку под выраженным углом и имеющим реберчатое утолщение посередине. Всего таких наконечников 10 экземпляров. Они обнаружены в погре-

98 Д. Я. Самоквасов, Указ, соч., стр. 125.
99 А. А. Миллер, «Раскопки в районе древнего Танаиса», ИАК, вып. 35, 1910, стр. 104, табл. V, рис. 23 а.
100 Е. И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 176, рис. 21, 4.
101 Там же, стр. 279, табл. XII, 1, 2.
102 Там же, стр 282.
103 А. А. Бобринский, Указ. соч., т. 1, СПб., 1887, табл. VII, рис. 2.
104 Там же, табл. VII, 6.
105 А. А. Бобринский, «Отчет о раскопках близ с. Журавки и Капщаповки», ИАК, вып. 17, стр. 30.
106 Н. В. Трубникова, «Городецкие племена и связи их со скифами и сарматами», КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 123, рис. 39.
107 W. Ginters, Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Sudrussland. Vorgeschichtliche Forschungen. Bd. 2; h. 1, Berlin, 1928.
108 К. Ф. Смирнов, «Вооружение савроматов», МИА, 101, М., 1961, стр. 18 и сл.

бениях 2, 7—8, 11, 13, 19, 23, 31 (табл. II—1, 2; рис. 3.—2, 4; 6—4).

Ко второму типу принадлежат наконечники лавролистной формы без четкой реберчатой грани и выраженного угла у перехода пера во втулку. Всего таких наконечников 12 экземпляров. Они найдены в погребениях 1, 6—7, 10, 23, 29, 30, 32 (табл. II—3, 10). Один из наконечников данного типа оказался изогнутым пополам с намерением порчи (рис. 6—7). Это повреждение, видимо, было произведено в культовых целях при совершении погребального обряда. Аналогичные явления установлены Б. А. Куфтиным[109] в Триалети в погребениях эпохи поздней бронзы и А. Н. Каландадзе в Самтаврском могильнике в комплексах VIII—первой половины VII вв. до н. э.[110].

К третьему типу относится один наконечник с четырехгранной боевой частью (табл. II—5; рис. 3—4), обнаруженный в погребении 13.

К четвертому типу относятся короткие наконечники конической формы (табл. II—7) длиной от 8 до 11 см, найденные в количестве 4 экземпляров в погребениях 1—2, 19.

Первые два типа железных наконечников копий из некрополя Гуадиху ведут свое происхождение от местных более древних типов, еще изготовленных из бронзы, с несомкнутыми удлиненными втулками, которые входили в ассортимент оружия колхидской бронзы и в целом культуры закавказских и северо-кавказских племен эпохи поздней бронзы.

На территории Абхазии бронзовые наконечники копий, являющиеся прототипами рассматриваемых первых двух форм железных наконечников копий, известны из могильников Приморского (Гудаутский район)[111], Эшерского (Сухумский район)[112], Красномаяцкого (Сухуми)[113].

В Абхазии[114] и в Западной Грузии[115] в погребениях конца VIII—VII вв. до н. э. засвидетельствовано совместное нахождение бронзовых и железных наконечников копий.

В VII в. до н. э. железные наконечники копий первых двух указанных типов, имитирующих бронзовые, были распростра-

109 Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, 1, Тбилиси, 1941, стр. 66, табл. XL, XLI, XLVII; XLIX.
110 Р. М. Абрамишвили, Указ. соч., стр. 140, табл. 1, 88.
111 Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, 1, Тбилиси, 1949, стр. 140, табл. X, 2.
112 Там же, стр. 199; табл. XX, 4, 5.
113 М. М. Трапш, «Археологические раскопки в окрестностях Сухуми», Труды АбИЯЛИ, XXIX, Сухуми, 1958, стр. 189, рис. 4, 1.
114 Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, 1, Тбилиси, 1949, стр. 199, табл. XX, 1, 4, 5; М. М. Трапш, Указ. соч., стр. 189, рис. 4, 1—5.
115 С. И. Макалатия, Указ. соч., стр. 231, рис. 9, 1—3.

нены на широкой территории. Они особенно характерны для Закавказских могильников.

В Абхазии подобные наконечники известны из ряда погребений Сухумской горы[116] и других мест. Аналогичные наконечники копий представлены в погребениях могильников Брили, Самтавро[117], Бешташени (Триалети)[118], а также Цинцкаройском и Так-килисинском некрополях [119]. Огромное количество аналогичных наконечников копий обнаружено Ж. де Морганом при раскопках в Мусиери, Ахтала, Шайтан-Таге и в других могильниках Лелвара, датировка которых определяется двухперыми или трехперыми наконечниками стрел раннескифского образца (погр. № 242). Аналогичные же наконечники копий известны из могильника Хртаноц в Армении[120].

Значительное количество железных наконечников копий листообразной и лавролистной форм найдено раскопками Б. Б. Пиотровского в урартской крепости Тейшебаини во всех помещениях цитадели[121].

Особый интерес представляет тот факт, что распространение разбираемых двух типов наконечников копий из некрополя Гуадиху не ограничивается Закавказьем. В могильниках скифского времени на территории северо-восточного Кавказа, у аулов Исти-су, Бойси-ирзо и Ани-ирзо, были обнаружены наконечники копий, весьма близкие к Закавказским образцам. О. А. Артамонова-Полтавцева[122], опубликовавшая эти комплексы, вполне справедливо отметила близость их к Так-килисинским образцам.

Наконечники копий двух рассматриваемых типов представлены также в могильниках у станицы Пашковской на Кубани[123], в Нестеровском и Луговом могильниках[124], в Каменномостском и других могильниках Северного Кавказа[125]. Судя по рисункам, несколько наконечников копий, происходящих из

116 А. Н. Каландадзе, Указ. соч., табл. IX, 7—9, 17—18.
117 Г. Ф. Гобеджишвили, Указ. соч., см. табл. XXVI; Р. М. Абрамишвили, Указ. соч., табл. 1, 139.
118 Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, I, 1941, см. табл. XVI.
119 Там же, табл. XXXV.
120 А. А. Мартиросян, Раскопки в Головино, Ереван, 1954, табл. I—II; XIII, 8, 11.
121 Б. Б. Пиотровский, Кармир-Блур, вып. 1, Ереван, 1950.
122 О. А. Артамонова-Полтавцева, Указ. соч., СА, М., 1950, рис. 20, 1—3; рис. 22, 1, 3, 4.
123 К. Ф. Смирнов, «Меотский могильник у станицы Пашковской», МИА СССР, 64, 1954, рис. 5, 2—5; 8, 7; 9, 9—13.
124 Е. И. Крупнов, Указ. соч., табл. XII, 3, 5—7; XIII.
125 А. А. Иессен, «Археологические памятники Кабардино-Балкарии», МИА СССР, 3, Л., 1941, рис. 4, 3.

раскопок скифского городища близ с. Глущино (бывш. Киев. губ.) близко напоминают закавказские[126], хотя наконечники копий, обнаруженные в скифских курганах VI в. до н. э., в целом отличаются от наших.

Железные наконечники копий в Закавказье в большом количестве появились в VII—VI вв. до н. э. Появление и развитие их прослеживается на местной почве.

Местное происхождение лавролистных и листообразных наконечников копий из некрополя Гуадиху не вызывает сомнений, тем более, что такие наконечники хорошо представлены как в Абхазии, так и во всем Закавказье.

Что касается третьего типа наконечника копья из некрополя Гуадиху, т. е. наконечника с четырехгранной боевой частью, то он стоит особняком и характерен пока лишь для территории Абхазии. Такой вид оружия в двух экземплярах различных размеров обнаружен в погребениях VI—IV вв. до н. э. на Сухумской горе в 1951 г.[127] Подобные наконечники в Абхазии засвидетельствованы и в некрополях позднеантичного времени в Цебельде раскопками И. А. Гзелишвили[128] в 1945 году и раскопками автора в 1960—1961 гг.[129].

Четвертый тип наконечников копий из некрополя Гуадиху, т. е. короткие наконенчики конической формы, имеет аналогию с четырьмя подобными экземплярами, известными из погребений VI—IV вв. до н. э. на Сухумской горе[130].

Аналогичные наконечники представлены в Самтаврском могильнике в погребениях VII—VI вв. до н. э.[131] Такие наконечники известны также из могильника Исти-су на Северном Кавказе[132].

Заканчивая рассмотрение предметов оружия из некрополя Гуадиху, следует подчеркнуть тот факт, что отсутствие бронзового оружия в этом некрополе свидетельствует об окончательном переходе населения Абхазии и всего Закавказья в VI в. до н. э. от бронзового оружия к железному.

Предметы убора и украшения. Предметы убора и украшения состоят из браслетов, шейных гривен, пронизей, булавок, фибул, фигурной пластинки с подвесным колокольчиком, скульптурных фигурок животных, серег, колокольчиков, бус, подвесок.

126 Б. Н. и В. И. Ханенко, Древности Приднепровья, вып. II, Киев, 1899, табл. 1, 3, 5, 6.
127 А. Н. Каландадзе, Указ. соч., табл. VIII, 18; IX, 14.
128 И. А. Гзелишвили, «Остатки кремации, погребенные в глиняных сосудах в Абхазии», Сообщение АН Груз. ССР, т. VIII, № 1—2, 1947, стр. 97.
129 См. III том настоящего собрания сочинений, соотв. разд.
130 А. Н. Каландадзе, Указ. соч., стр. 78—79, табл. VIII, 9; IX, 10—12.
131 Р. М. Абрамишвили, Указ. соч., табл. 1, 38, 53, 54.
132 О. А. Артамонова-Полтавцева, Указ. соч., стр. 50, рис. 20, 4.

Браслеты. Браслеты в некрополе Гуадиху являются наиболее многочисленными украшениями. Они найдены в погребениях 4, 6, 8—9, 11—12, 14—16, 18—19, 23—26, 28—29. Браслеты эти принадлежат к двум различным группам. Первая группа браслетов характеризуется проволочными (15 бронзовых и один железный фрагментированный); она состоит из следующих основных типов:

первый тип — браслет с семью наплывами, украшенными продольными рубцами;

второй тип (табл. III—7) — браслет, снабженный в пяти местах трехдольными утолщениями, трехгранно-призматической формы;

третий тип (табл. III—26) — браслет с гладкой поверхностью, конусовидно-утолщенными концами, украшенными гравированным орнаментом, изображающим схематически выполненную головку какого-то животного;

четвертый тип (табл. III—13) — браслет с утолщенными концами конической формы, украшенными винтовой нарезкой и косыми крестиками;

пятый тип (табл. III—12) — браслет со змеиными головками;

шестой тип (табл. III—9) — браслеты со звериными головками на концах;

седьмой тип (табл. III—10) — браслет с винтовой нарезкой и птицеобразными головками на концах.

На некоторых браслетах указанных типов встречается по наружной поверхности гравированный орнамент, состоящий из поперечных насечек, рубчиков и остроугольников.

На территории Абхазии браслеты, аналогичные первым двум типам, известны пока только из с. Абгархук[133] Гудаутского района. Они происходят из разрушенного погребения и относятся к периоду раннего железа.

Подобные браслеты представлены и в кувшинных погребениях Дабла Гоми в Западной Грузии[134]. Эти браслеты на основании монет-колхидок триоболов датируются VI—V вв. до н. э.[135]

Третий тип браслета, т. е. браслет с гладкой поверхностью и конусовидно-утолщенными концами, имеет широкое распространение на Кавказе и за его пределами. Один такой браслет, найденный в Гудаутском районе, опубликован А. Л. Лукиным[136]. Этот тип браслета в Абхазии в виде гладкого экземпляра появляется в период развитого железа, т. е. в VII—VI вв. до н. э. и бытует до V в. н. э.

Четвертый тип браслета, т. е. браслет с утолщенными концами конической формы, имеет полную аналогию с браслетами, известными из погребений №№ 3 и 5 Таманского некрополя. В Таманском погребении № 3 при костяке, лежащем в вытянутом положении, вместе с интересующим нас браслетом[137] были найдены сосуды ионического происхождения: арибаллический расписной лекиф, чаша на высокой ножке, расписная амфора и др. Дата погребения, по определению В. Ф. Гайдукевича, вторая половина VI в. до н. э.[138]. В следующем таманском погребении № 5 при костяке, лежащем в вытянутом положении на спине, вместе с интересующим нас браслетом[139] были найдены: чернолаковый арибаллический лекиф, железный меч, бронзовые и железные наконечники стрел скифского типа и др. Дата погребения, по определению В. Ф. Гайдукевича, вторая половина VI в. до н. э.[140]

Остальные типы браслетов из некрополя Гуадиху пока не имеют прямых аналогий.

Вторая группа браслетов из некрополя Гуадиху, характеризующаяся пластинчатой формой, принадлежит к двум типам. К первому типу (табл. III—4) относится браслет, сделанный из вытянуто-овальной формы пластинки с утолщенными узкими концами, шириной в средней части 2 см. Второй тип (табл. III—14) браслета сделан из пластинки ленточновидной формы, шириной 2,8 см. Оба типа браслета с гравированным орнаментом, состоящим из елочных дорожек, спиральных завитков, косых насечек.

Последний тип браслета по своей форме и орнаментальным мотивам имеет аналогию с тремя бронзовыми пластинчатыми браслетами[141], известными из различных мест Гудаутского района и относящимися ко времени VII в. до н. э. Такой же тип браслета происходит из кремационного погребения на Сухумской горе, датируемого приблизительно VII в. до н. э.[142]

Орнаментальные мотивы рассматриваемой группы пластинчатых бронзовых браслетов хорошо известны на различных памятниках колхидско-кобанской бронзы (на топорах, пряжках и т. д.)[143].

---

133 А. Л. Лукин, «Материалы по археологии Бзыбской Абхазии», Труды ОИПК ГосЭрмитажа, т. 1, Л., 1941, табл. XV, 3, 4; XXI, 7.
134 Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, II, Тбилиси, 1950, см. табл. 10 и рис. 10,3.
135 Там же, стр. 58.
136 А. Л. Лукин, Указ. соч., рис. 9.
137 В. Ф. Гайдукевич, «Некрополи боспорских городов», МИА СССР, 69, 1959, стр. 165—166, рис. 2, 2.
138 Там же, стр. 166.
139 Там же, стр. 158, рис. 2, 1.
140 Там же, стр. 159.
141 А. Л. Лукин, Указ. соч., табл. XXV, 2, 3, XXVI, 6.
142 А. Н. Каландадзе, Указ. соч., стр. 52, 86; рис. 22.
143 П. С Уварова, Указ. соч., табл. V, 1, 3; XVII, 4; XVIII, 3; XIX, 2, 3.

Шейные гривны. Шейные гривны — бронзовые, найдены по одной в погребениях 11 и 23. Гривна, обнаруженная в погребении 11, сделана из гладкой круглой проволоки с загнутыми концами (табл. III—5). Ближе к концам она орнаментирована зонально расположенными поперечными насечками, отделенными друг от друга остроугольниками. Одна круглопроволочная гладкая серебряная гривна[144], имеющая аналогию с нашей, известна из могильника VI—Vвв. до н. э. у села Бешташени в Триалети[145].

Гладкие круглопроволочные бронзовые гривны, но с пластинчато завернутыми концами[146], представлены в Брильском могильнике (Западная Грузия) в погребениях VII—VI вв. до н. э.

Вторая шейная гривна из некрополя Гуадиху, найденная в погребении 23, витая, массивная, с ромбовидно уширенными пластинчатыми концами, переходящими в четырехграннопроволочные крючки, сцепленные друг с другом (табл. III—2,3). Ромбовидные уширения гривны украшены точечно-ямочным, штриховым и очкообразно-линейным орнаментом. Эта гривна является пока единственной находкой в Абхазии. Она имеет определенное сходство с гривнами из погребений VII—VI вв. до н. э. Брильского могильника[147] и шейным украшением из погребений VI—V вв. до н. э. в Нестеровском могильнике на Северном Кавказе[148].

Витые бронзовые гривны, отличающиеся от рассматриваемого типа закругленными или пластинчатыми концами, известны из Чечни, быв. крепости Воздвиженской, Березовского могильника и т. д.[149]. Подобные шейные гривны представлены и в горном Крыме. В отчете Н. И. Репникова о раскопках каменных ящиков Байдарской долины приводятся и гладкие, и витые гривны[150]. Таврские погребения горного Крыма суммарно датируются раннескифским временем[151].

Как известно, бронзовые гривны в ранних колхидских и кобанских погребениях делались из толстого бронзового прута со свернутыми в спираль пластинчатыми концами. Они хорошо известны в Абхазии[152] и в Кобанском могильнике на Северном Кавказе[153]. С этими гривнами раннего времени генетически связаны рассматриваемые более позднего времени (VII—VI вв. до н. э.) гривны из некрополя Гуадиху, а также гривны из могильников Брильского, Нестеровского и т. д.

Пронизи. Пронизи состоят из бронзовых трехгранных колечек овальной формы, со сходящимися посередине концами (рис. 11,21). Они найдены в погребениях 9 и 26. Пронизи эти, в момент обнаружения в погребениях, лежали отверстием к отверстию, то есть они были надеты на не сохранившийся кожаный ремень. В погребении 9 их было обнаружено 108 экземпляров, среди которых два концевых колечка снабжены петельками (рис. 11). В погребении 26 найдено 125 пронизей—колечек и один конусообразной формы предмет из черного песчаного камня, с усеченной вершиной, двумя продольными цилиндрическими отверстиями диаметром 4 мм (рис. 21). Последний предмет, видимо, служил застежкой для концов ремня, на который были надеты пронизи.

Рассматриваемые пронизи, по всей вероятности, являлись оригинальными принадлежностями пояса или нагрудно-шейным украшением.

Булавки. Все — бронзовые, найдены в погребениях 3—4, 12, 14, 18, 24 (табл. IV). Они с головками из трех или шести расходящихся в плоскости полосок, упирающихся в прямую или дугообразную перекладину, концы которой украшены смотрящими в противоположные стороны бараньими головками с раскрученными рогами (табл. IV—1, 4, 5). Одни булавки с петельками (табл. IV—1, 4), другие—со сквозными отверстиями (табл. IV—5) для прикрепления к костюму. Некоторые из булавок снабжены круглопроволочными бронзовыми цепочками (табл. IV—I). Украшены булавки рельефным орнаментом, состоящим из волнистых меандрообразных линий или в виде извивающихся змей, очкообразных и S-образных изображений и т. д.

Среди булавок некрополя по величине и техническому мастерству исполнения обращает на себя внимание булавка из погр. 14 с головкой из шести расходящихся в плоскости полосок, состоящих каждая из двух как бы сплетенных жгутов. Полоски эти упираются в перекладину, концы которой украшены обычными бараньими головками. Перекладина снабжена восемью ушками с подвесками в виде колокольчиков. У основания полосок с одной стороны положен спиральный круг, а с другой стороны имеется ушко. Длина булавки—около 21,5 см (табл. IV—3).

---

144 Б. А. Куфтин называет ее височным кольцом.

145 Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, 1, Тбилиси, 1941, стр. 41—42, рис. 40, 5.

146 Г. Ф. Гобеджишвили, Археологические раскопки в Советской Грузии (на груз. яз.), Тбилиси, 1952, см. табл. X VII.

147 Гривны хранятся в ГМГ.

148 Е. И. Крупнов, Указ. соч., стр. 288—289, рис. 48, 33.

149 Там же, табл. II, 1; III, 2, 3; XXXIII, 3.

150 Н. И. Репников, «Каменные ящики Байдарской долины», ИАК, вып. 30, СПб., 909, стр. 151, рис. 29, 5, 10.

151 П. Н. Шульц, «Исследование Неаполя скифского», История и археология древнего Крыма, Киев, 1957, стр. 65.

152 Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, 1, 1949, Тбилиси, табл. X, 8; XX, 7; А. Л. Лукин, Указ. соч., табл. XII.

153 П. С. Уварова, Указ. соч., табл. XXX, 3.

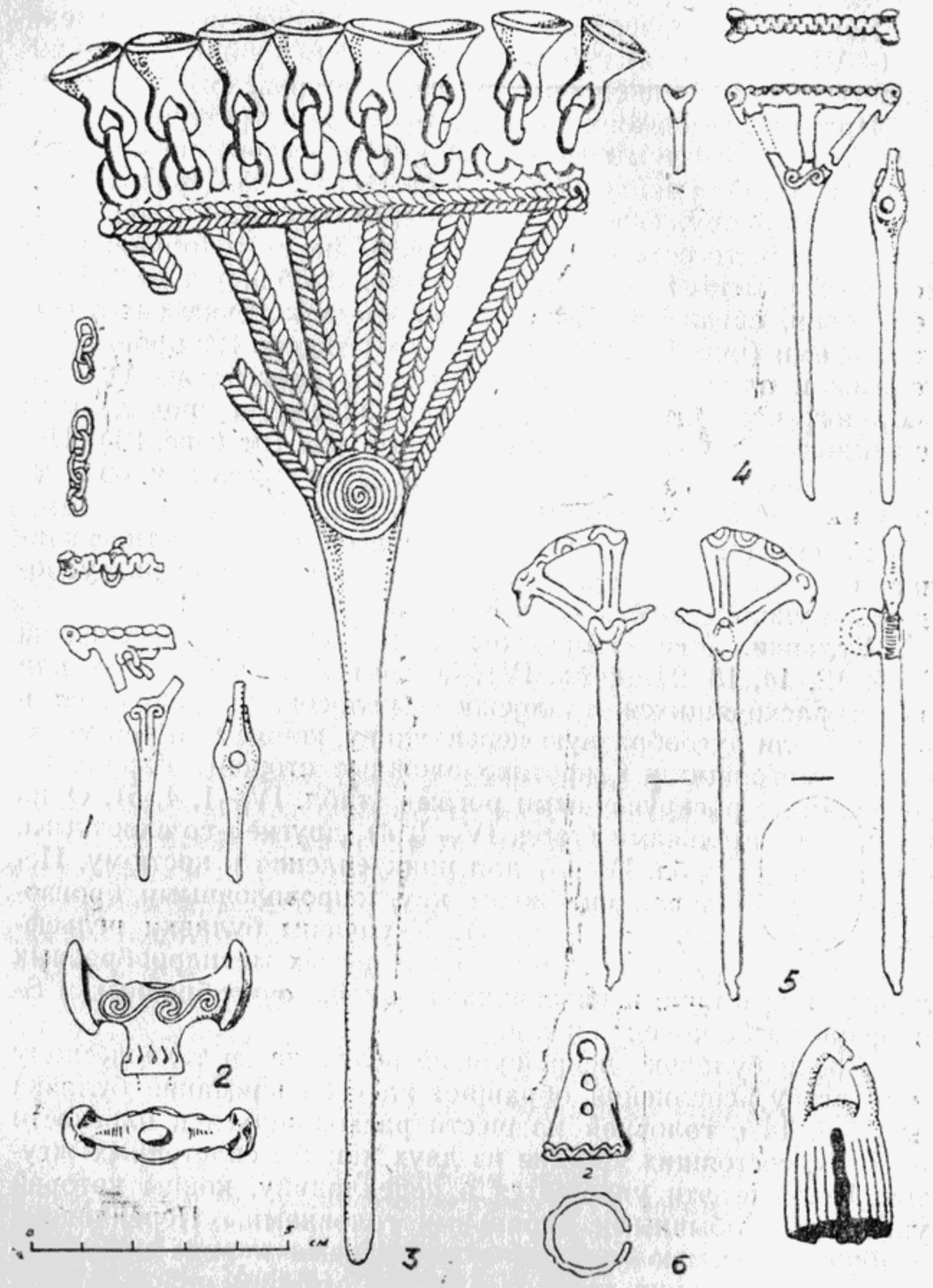

Таблица IV. Могильник Гуадиху. Старшая группа погребений VIII—VI в. до н. э. Бронзовые булавки (1—5) и подвески (6, 7). 1—погр. 4 (7); 2 — погр. 20 (65); 3—погр. 14 (56); 4 — погр. 3 (6); 5, 6, — погр. 24 (71); 7— погр. 22 (69).

Одна бронзовая булавка гуадихинского типа с головкой из трех расходящихся в плоскости полосок и с дугообразной перекладиной известна из села Мцара (у слияния рек Аапста и Дахуарта) Гудаутского района Абхазской АССР[154]. Она была найдена вместе с бронзовой фибулой и бронзовым втульчатым наконечником копья[155]. Эту находку в целом А. Л. Лукин относит к эпохе развитого железа, т. е. приблизительно к VII в. до н. э.

Рассматриваемые булавки[156] не имеют прямых аналогий среди известных нам в археологической литературе булавок, найденных в других пунктах Кавказа и за его пределами. Они характерны пока для территории Абхазии. Но при этом следует отметить, что рельефные орнаментальные мотивы наших булавок, в частности плетенные жгуты, очкообразные изображения, концентрические кружочки, круторогие бараньи головки хорошо известны на различных бронзовых предметах памятников колхидской[157] и кобанской[158] культур. Следовательно, по своим орнаментальным мотивам булавки из некрополя Гуадиху не чужды художественным традициям памятников колхидско-кобанской бронзы в целом.

Фибулы. Они все сделаны из бронзы, найдены в погребениях 3—4, 6, 24—25 и принадлежат к трем различным типам.

К первому типу (табл. V—5, 6) относятся фибулы с пластинчатой орнаментированной дужкой овальной формы, имеющей один виток у зарождения дуги вместе с иглой. Две подобные фибулы найдены в погребении VII в. до н. э. Куланурхвского могильника[159]. Еще одна такая бронзовая фибула происходит из села Абгархук Гудаутского района[160]. Из других районов Кавказа подобные фибулы неизвестны.

Ко второму типу фибул принадлежит проволочная фибула со слегка граненной дужкой, с одним витком у основания дуги вместе с иглой (табл. V—10). Подобные фибулы

---

154 А. Л. Лукин, Указ. соч., стр. 60, табл. XV, 2.

155 А. Л. Лукин, Указ. соч., стр. 52, табл. XV, 6, 7.

156 В указанной работе А. Л. Лукина (стр. 60) говорится, что аналогичные бронзовые булавки (коллекция В. П. Ренгортена), происходящие из Балкарии, хранятся в ГосЭрмитаже в Ленинграде.

157 А. Л. Лукин, Указ. соч., табл. XXII, 1—2; Г. Ф. Гобеджишвили, Указ. соч., табл. X IX, 2.

158 П. С. Уварова, Указ. соч., рис. 50; 202; 203; табл. XXXV, 9; XXXVII, 8; XLIII, 1, 2, XCVI, 7; 203; табл. CXXXI, 3; CXXXIV, 3; Е. И. Крупнов, «Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа», КСИИМК, вып. 78, 1960, рис. 40, 5.

159 М. М. Трапш, Памятники колхидской и скифской культуры з с. Куланурхва Абхазской АССР, Сухуми, 1962, стр. 66—67, табл. XXXIII, 2, 3.

160 А. Л. Лукин, Указ. соч., табл. XV, 7.

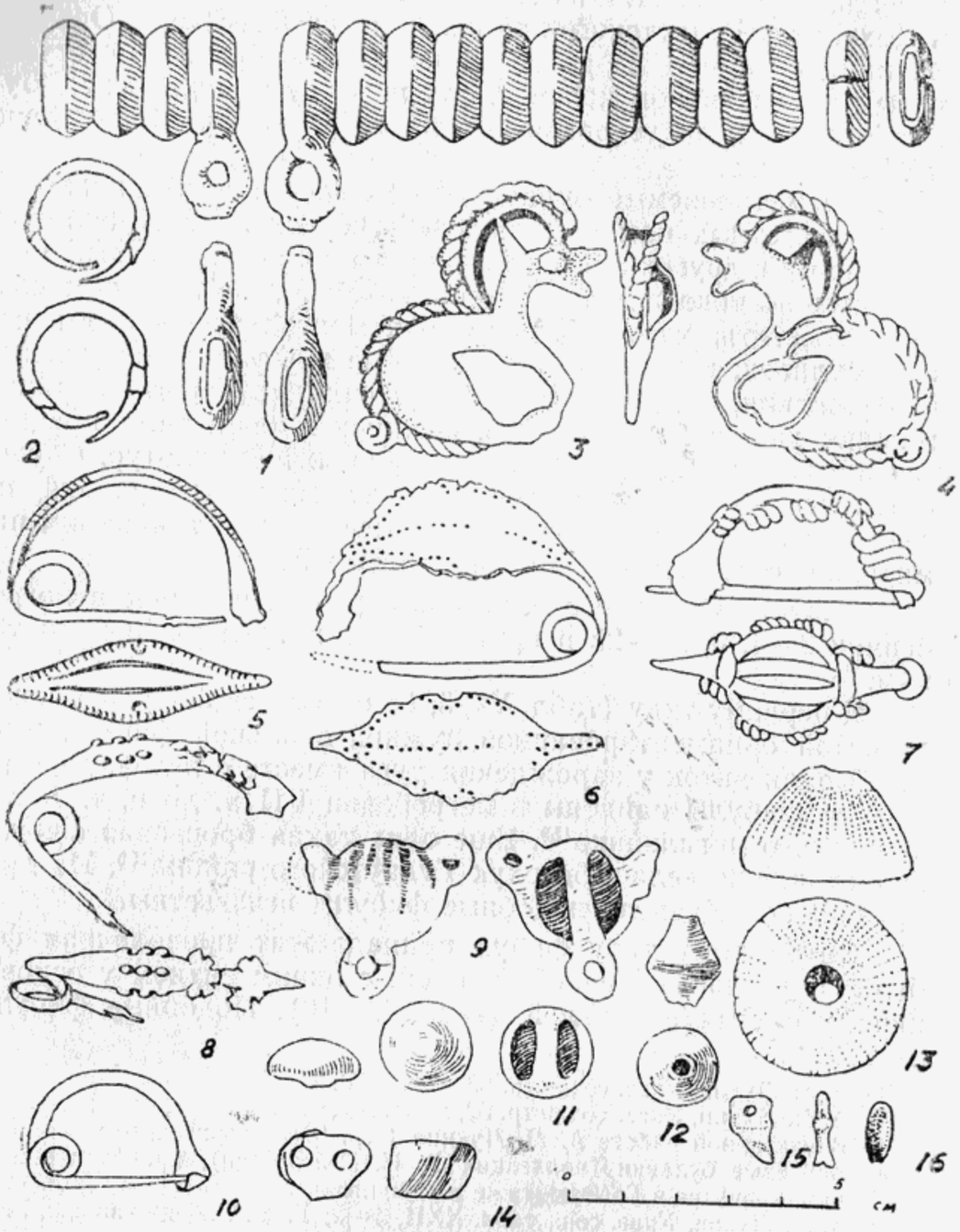

Таблица V. Могильник Гуадиху. Старшая группа погребений VIII—VI вв. до н. э. Мелкие бронзовые (1—11), глиняные (12, 13), каменные (14), янтарные (15, 16) предметы. 1—погр. 9 (12); 2, 5, 7, 10, 13, 15, 16 — погр. 25 (72); 3, 4 — погр. 8 (11); 6—погр. 3 (6); 8 — погр. 13 (55); 9, 11 — погр. 23 (70); 12 — погр. 27 (75); 14 — погр. 26 (73).

с гладкой проволочной дужкой, но более крупных размеров, хорошо известны в Кобанском могильнике[161] и в других пунктах Северного Кавказа[162].

К третьему типу фибул из некрополя Гуадиху относится круглопроволочная двучленная фибула со своеобразной разделкой дужки в виде круглой прорезной розетки, обрамленной восемью спиралеобразными выступами; у крючкообразно изогнутого основания дуги прикручена игла с четырехвитковой пружиной (табл. V—7). Такой тип фибулы не известен нам из других пунктов Кавказа.

Следует отметить, что все фибулы Гуадиху по форме дуги близки к фибулам колхидско-кобанской бронзы.

Фигурная пластинка с подвесным колокольчиком (табл. III — 1; IV—7). Эта пластинка, служившая, по-видимому, нагрудным украшением, покрыта богатым гравированным орнаментом. Верхняя широкая ромбовидная часть ее на конце сужена и загнута в крючок. Нижняя часть фигурной пластинки, постепенно суживаясь, заканчивается круглопроволочной петлей с висящим на ней бронзовым колокольчиком цилиндрической формы, высотой 3,5 см, с боковой прорезью, вертикальными ребрами, между которыми расположены рельефные поперечные черточки (табл. IV—7). По средней части пластинки расположены елочные дорожки, отделенные друг от друга поперечными штриховыми полосками. Боковые поля елочных дорожек, ограниченные линиями и штриховыми черточками, украшены циркульными кружками. На ромбовидном уширении пластинки размещены дугообразные полоски, заполненные короткими штрихами (табл. III—1). Такой своеобразный фигурный предмет не известен нам среди древностей Кавказа.

Скульптурные фигурки животных. Фигурки эти — литые, бронзовые, сделаны с высоким техническим мастерством, найдены в количестве трех экземпляров (табл. V—4) на груди покойника в погребении 8. Все они однотипны, с дугообразными, назад направленными рогами, со стоячими ушами, с закрученным вверх хвостом, открытой пастью; обрамлены от основания рог до бедер рельефным витым кантом; снабжены петельками. Скорее всего они изображают скачущего стилизованного животного. С одной стороны, судя по хвосту и открытой пасти, они напоминают охотничью или сторожевую собаку, а, с другой, судя по рогам и ушам, — горного тура или горного козла.

Рассматриваемые фигурки, служившие украшением кос-

161 П. С. Уварова, Указ. соч., табл. XXXII, 1, 9.
162 Е. И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, табл. XIV, 6.

тюма не имеют аналогии в известной нам археологической литературе.

Серьги. Серьги — серебряные, круглопроволочные, с заходящими друг за друга утоньшенными концами, на которых сохранились следы тонкого листового серебра (табл. V—2). Подобные серьги, также серебряные, обнаружены в Куланурхвском могильнике в женском погребении VII в. до н. э.[163] Известны они и в Нестеровском могильнике[164] на Северном Кавказе.

Колокольчики (табл. IV—6). Колокольчики — литые, бронзовые, служившие, видимо, амулетами и украшениями, пришивавшимися к головному убору, поясу или другим частям костюма, найдены в погребениях 9, 21, 24. Восстановленные два колокольчика, размером не более 2,5 см, по своей форме конические, с боковой прорезью и с петлей (табл. IV—6). Над основанием вокруг каждого колокольчика рельефный кант в виде изображения извивающейся змеи. Подобные подвески происходят из Бомборской поляны[165] и, Сухумской горы[166].

Подвесные бронзовые колокольчики различных размеров, имеющие по форме близкую аналогию с абхазскими, известны из Брильского могильника[167] в Западной Грузии и из ряда пунктов Северного Кавказа[168].

Бусы. Немногочисленные бусы Гуадиху сделаны из бронзы, агата, стекла, пасты, янтаря, керамической массы.

Бронзовые бусы, найденные в погребении 11, имеют бочонкообразную форму и свернуты из тонкой листовой пластинки, со сходящимися посередине концами. Всего их пять экземпляров. Подобные бусы известны из Кобанского могильника в Северной Осетии[169].

Гагатовые бусы, встреченные в погребениях 8 и 11, мелкие, цилиндрической формы. Всего таких бус 16 штук. При вскрытии погребений их было больше, но от действия погребального костра они стали настолько хрупкими, что рассыпались на мелкие части при извлечении их из могильных ям.

Гагатовые бусы на Кавказе известны среди памятников VI—V вв. до н. э.[170], но в малом количестве. Видимо, в интересующее нас время бусы из такого материала не имели широкого распространения на Кавказе.

Стеклянные бусы в некрополе Гуадиху встречаются очень редко. Только одна бусина округлой формы из синего стекла с глазками в белой кайме найдена в погребении 8. Глазчатые стеклянные бусы хорошо известны из могильников VII—VI вв. до н. э. Кавказа[171], степного юга СССР[172] и горного Крыма[173].

Пастовые бусы серого цвета, в количестве 12 штук, найдены в погребении 21. Бусы эти мелкие, колечкообразной формы. На территории Закавказья пастовые бусы вообще характерны для эпохи интенсивного освоения железа (VII—VI вв. до н. э.). Они широко известны в материалах Куланурхвского[174] и Самтаврского могильников[175], в Триалети[176], Хртаноцском[177] могильнике и т. д.

Родиной изготовления стеклянных и пастовых бус являлись такие прославленные в древности ремесленные центры Восточного Средиземноморья, как финикийские города — Тир и Сидон и египетские — Фивы, Мемфис, а позднее Александрия и Навкратис. Раньше предполагалось, что синие стеклянные бусы различных форм изготовлялись в финикийских производственных центрах (в городах Тире и Сидоне), а глазчатые—в Египте (в Фивах, Мемфисе и других городах)[178]. Е. И. Крупнов во время своей научной командировки в Ливан в 1957 году на основании полученной им консультации у специалистов Бейрута и Дамаска пришел к убеждению, что глазчатые бусы изготовлялись и в финикийских городах[179].

Янтарные бусы в некрополе Гаудиху очень редки: одна янтарная бусина овальной формы обнаружена в погребении 72. Янтарь впервые на Кавказе появляется в эпоху Кобанского могильника[180] и широко распространяется в раннескифское время.

Керамическая бусина серого цвета биконической формы найдена в некрополе Гуадиху в погребении 27 (табл. V—12). Изготовление бус из глины—редкое явление.

---

163 М. М. Трапш, Указ. соч., табл. XXIV, 1, 2.
164 Е. И. Крупнов, Указ. соч., табл. XIV, 18, 19.
165 А. Л. Лукин, Указ. соч., стр. 65, табл. XX, 2.
166 А. Н. Каландадзе, Указ. соч., табл. VII, 3.
167 Г. Ф. Гобеджишвили, Указ. соч., табл. X, VII; X, III.
168 П. С. Уварова, Указ. соч., табл. XXXVI, 6, 16; XX, 1; CXXII, 4.
169 Там же, стр. 70.
170 О. А. Артамонова-Полтавцева, Указ. соч., 1950, стр. 58—59, рис. 9, 8; 14, 2; Я. Н. Смирнов, Ахалгорийский клад, Тифлис, 1934, стр. 17, табл. II, 18; А. П. Круглов, Предскифские памятники северо-восточного Кавказа, Уч. зап. ЛГУ, серия историч. наук, вып. 13, Л., 1949, стр. 115, 117 и 122, рис. 3, 10; рис. 5,6; рис. 6; Д. Я. Самоквасов, Указ. соч., стр. 32, 124—126.

171 Е. И. Крупнов, Указ. соч., см. табл. XIX; Г. Ф. Гобеджишвили, Археологические раскопки в Советской Грузии, Тбилиси, 1952, см. табл. X II; Б. А. Куфтин, материалы к археологии Колхиды, II, Тбилиси, 1950, рис. 9, 5, 7.
172 К. Ф. Смирнов, «Меотский могильник у станицы Пашковской», МИА СССР, 64, 1958, рис. 8, 3, рис. 10, 7.
173 Н. И. Репников, Указ. соч., рис. 28, 9, 15.
174 М. М. Трапш, Указ. соч., стр. 73.
175 Инвентарь могильника хранится в ГМГ.
176 Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, I, 1941, стр. 57—59.
177 А. А. Мартиросян, Раскопки в Головино, Ереван, 1954, стр. 25 и 85.
178 П. С. Уварова, Указ. соч., стр. 374.
179 Е. И. Крупнов, Указ. соч., стр. 353.
180 П. С. Уварова, Там же, стр. 70.

Рассматриваемая бусина по своей форме аналогична бронзовым бусам биконической формы, известным из Эшерского могильника[181] и Аагстинского погребения[182] колхидской культуры в Абхазии.

Подвески. Два экземпляра. Первая сделана из синего стекла, найдена в погребении 24. Она пирамидальной формы, четырехгранная, с прямоугольным основанием. Такая же пирамидальная подвеска из синего стекла, по данным Б. А. Куфтина[183], вместе с сердоликовыми бусами, бронзовым топором колхидского типа, бронзовыми наконечниками копий и другими предметами найдена в одном из урновых погребений Эшерского могильника в Абхазии. Этот факт заслуживает особого внимания. Он дает основание отнести эшерские урновые погребения с инвентарем колхидской бронзы ко времени не позднее VII в. до н. э. Наша подвеска относится, видимо, к более позднему времени, примерно к VI в. до н. э. В этот период и позднее подобные пирамидальные подвески из различных материалов (синего стекла, гагата) получают широкое распространение на Кавказе. Такие подвески известны из могильников Лугового[184], Исти-су[185] и других мест Кавказа[186].

Вторая подвеска из некрополя Гуадиху представляет скульптурную головку кабана (табл. V—15), со слегка приподнятой вверх мордой. Сделана она из янтаря, найдена в погребении 25.

Рассматриваемая скульптурная головка кабана служила, видимо, амулетом. Она не имеет прямых аналогий в известной нам археологической литературе.

4. ДАТИРОВКА НЕКРОПОЛЯ

Анализ вещевых находок из некрополя Гуадиху и сопоставление их с материалами из разных областей Кавказа, степного юга СССР и Крыма позволяет все вышеописанные 32 погребения вместить в хронологические рамки VIII—VI вв. до н. э.

---

181 М. М. Иващенко, Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии, Известия Научно-исслед. ин-т. Кавказоведения, Тифлис, 1935, см. рис. XVII.

182 А. Л. Лукин, Указ. соч., табл. V, 1.

183 Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, I, Тбилиси, 1949, стр. 176, см. табл. XVII, 1.

184 Е. И. Крупнов, Указ. соч., табл. XIX, 10, 11

185 О. А. Артамонова-Полтавцева, Указ. соч., рис. 14, 1, 23, 3.

186 Д. Н. Анучин, «Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года», ИИРГО, XX, СПб., 1884, стр. 21.

Судя по составу погребальных комплексов, к наиболее раннему времени, приблизительно к VIII—первой половине VII вв. до н. э., относятся двенадцать погребений: 3—6, 9, 12, 14, 18, 20, 22, 26—27.

Основаниями для такой датировки указанной группы погребений являются следующие.

Во-первых, весь инвентарь, представленный в погребениях 3—6, 9, 12, 18, 14, 20, 22, 26—27 является в основном бронзовым, характерным для конца эпохи поздней бронзы. Он характеризуется архаическими хозяйственными орудиями (так называемыми сечками, фигурной пластинкой с подвесным колокольчиком, пластинчатыми браслетами, булавками, трехстерженьковой подвеской, пронизями-колечками овальной формы, керамической бусиной биконической формы и т. д.).

Во-вторых, рельефные орнаментальные мотивы булавок (погребения 3—4, 12, 14, 18, 24), состоящих из бараньих головок, спиральных изображений круговых спиралей, имеют полную аналогию с орнаментами предметов, встречающихся на многочисленных памятниках колхидско-кобанской культуры, относящихся к эпохе поздней бронзы и раннего железа.

Остальную часть погребений, в количестве двадцати могил, следует датировать второй половиной VII—VI вв. до н. э.

Основными аргументами для такой датировки являются:

Во-первых, наличие железных топоров-молотков из некрополя Гуадиху, напоминающих по своей форме бронзовые колхидские топоры типа «б», по Уваровской классификации в точности соответствующие железному топору, найденному в Тлийском могильнике (Южная Осетия) в погребении № 16, вместе с бронзовой ситулой-кружкой, датированной Е. И. Крупновым и Б. Б. Пиотровским VIII—VI вв. до н. э.

Наличие значительного числа железных топоров-молотков в некрополе Гуадиху, к тому же довольно массивных, не позволяет вывести возраст этих топоров глубже VII в. до н. э., так как еще в VIII—VII вв. до н. э. на территории Кавказа изготовление массивного оружия из железа являлось редким явлением.

Во-вторых, железный кинжал из некрополя Гуадиху имеет аналогию с гагрским подобным кинжалом скифского типа в колхидских бронзовых ножнах, относящихся к рубежу VII—VI вв. до н. э. В VI в. до н. э. подобный кинжал, как колющее оружие ближнего боя, применялся на широкой территории (Кавказ, степная полоса Европейской части юга СССР, Крым и т. д.).

В-третьих, бронзовая с витым стержнем шейная гривна из некрополя Гуадиху имеет близкое сходство с менее массивной бронзовой шейной гривной, известной из Нестеровского

могильника на Северном Кавказе, датированного VI в. до до н. э. Шейные гривны, типологически близкие к нашей, но менее массивные, засвидетельствованы в позднеколхидских и позднекобанских погребальных комплексах VII—V вв. до н. э.

В-четвертых, круглопроволочные серебряные серьги с заходящими друг за друга утоньшенными концами из некрополя Гуадиху тождественны серебряным серьгам, известным из 3 погребения Куланурхвского могильника, датированного второй половиной VII в. до н. э. Такие же серьги представлены и в Нестеровском могильнике на Северном Кавказе, относящемся к VI в до н. э.

В-пятых, пирамидальная стеклянная подвеска из некрополя Гуадиху имеет аналогию с подобными подвесками (из синего стекла, гагата), которые впервые на Кавказе появляются не ранее рубежа VII—VI вв. до н. э.

В-шестых, бронзовый круглопроволочный браслет конической формы с утолщенными концами из некрополя Гуадиху имеет полное сходство с подобными бронзовыми браслетами, известными из Таманского некрополя и датированными ионической посудой (чашей, амфорой, чернолаковым лекифом) второй половины VI в. до н. э.

Таким образом, приведенные выше данные дают возможность все рассмотренные погребения из некрополя Гуадиху отнести ко времени не ранее VIII и не позднее VI вв. до н. э.

Глава II

КРАСНОМАЯЦКИЙ НЕКРОПОЛЬ

Выводы, полученные на основании изучения материалов Гуадиху, в значительной степени подтверждаются и дополняются материалами Красномаяцкого могильника, являющегося одним из наиболее широко изученных археологических памятников Кавказа начальной поры эпохи железа.

Некрополь этот получил свое название по месту его расположения в поселке Красный Маяк на западной окраине Сухуми, в пределах Сухумской низменности.

Сухумская низменность образована на месте отступавшего Черного моря и обязана своим происхождением созидательной деятельности р. Гумисты. Мощные выносы р. Гумисты сыграли определенную роль в формировании рельефа местности и образовании некоторых типов грунтов. Вынося огромное количество наносов и отлагая их в своем устье, река постепенно наращивала морской берег. Береговая полоса в районе расположения могильника, созданная в результате

совместной аккумулятивной деятельности р. Гумисты и моря, заметно приподнята; высота береговых дюн почти повсюду достигает 2,5—3 м (рис. 23, 24).

Ниже залегают пески морского и дюнного происхождения, серого цвета, разно-зернистого характера с включением

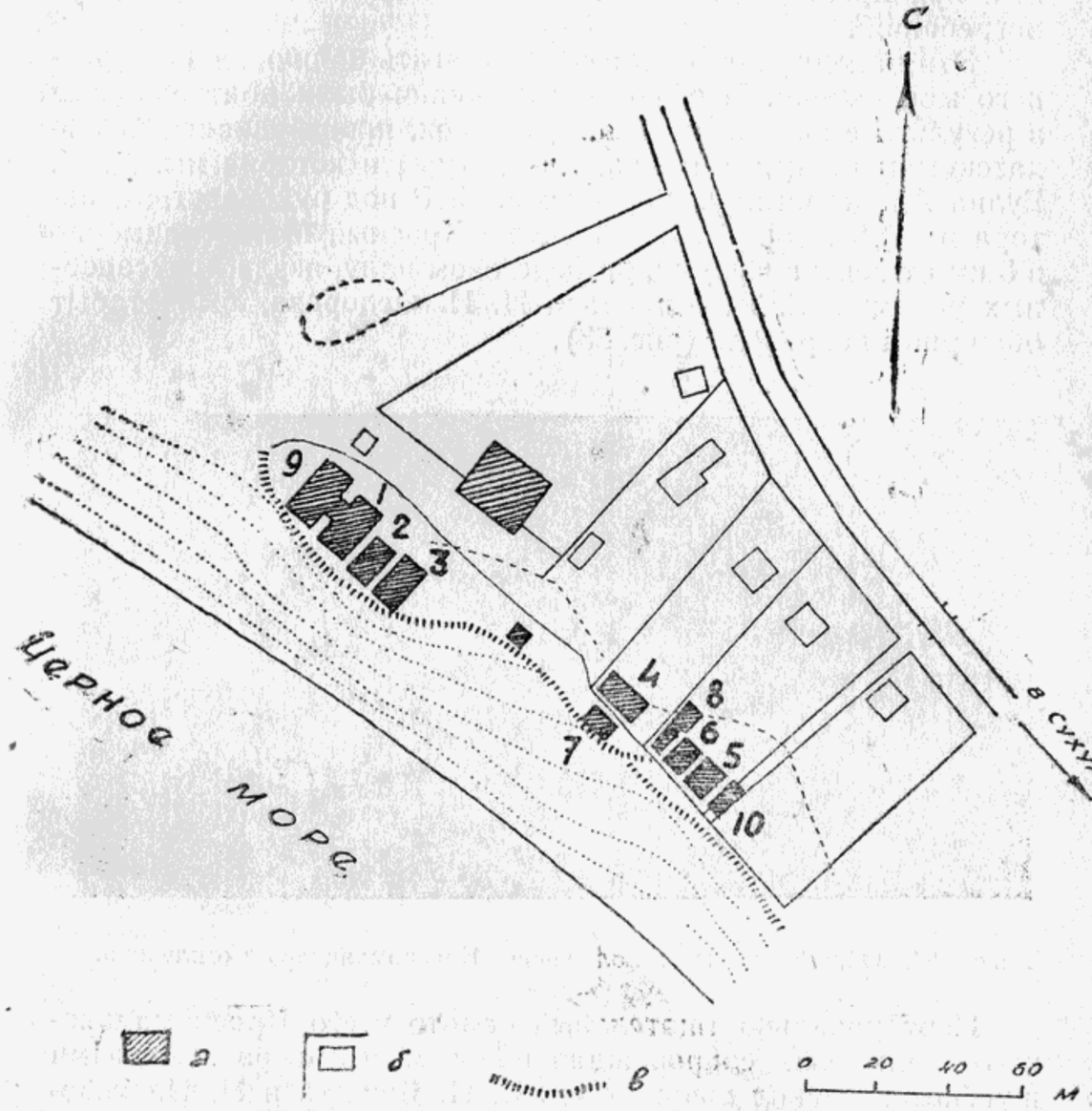

Рис. 23. План расположения Красномаяцкого могильника. а — раскоп; б — усадьба; в — край террасы.

гальки, малых валунов (хорошо окатанных, обычно имеющих плоскую форму). Мощность этих накоплений по геологическим данным доходит до 20—30 метров.

В радиусе 200—250 метров от места расположения мотильника наблюдаются глинистые прослои, толщиной до 2 метров в верхней зоне древнеморских накоплений.

Впервые археологические разведки в районе поселка Красный Маяк производила экспедиция ГАИМКа в 1935 году. Тогда в одном из обнажений берегового вала была выявлена небольшая вымостка из мелкой морской гальки, на которой стояли два глиняных сосудика[1]. В 1947 году, видимо, на том же береговом валу, в 10 метрах от берега моря, в песках, при проведении канавы были обнаружены остатки двух погребений[2].

Эти находки позволили предполагать наличие здесь древнего могильника. И эти предположения были подтверждены в результате археологических разведок, производившихся Абхазским институтом языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР под руководством автора в 1956 году. Тогда в поселке Красный Маяк, примерно в 5 км от центра Сухуми, на береговом валу, возле приусадебных участков Е. И. Яшкина и Н. И. Федорова, был открыт обширный некрополь (рис. 23).

Рис. 24. Общий вид местоположения Красномаяцкого могильника.

Первоначально тщательный осмотр всего Красномаяцкого приморья, сопровождавшийся местами разведочными шурфами, выявил возле домов Е. И. Яшкина и Н. И. Федорова в обнажении берегового вала культурные слои позднеантичного времени, насыщенные обломками различных керамических изделий и многочисленными кусками обожженного глиняного теста. Затем здесь же был заложен раскоп, раз-

[1] А. А. Иессен, «Сухумская экспедиция ГАИМКа», СА, III, 1937, стр. 251—252.

[2] Л. Н. Соловьев, «Селище с текстильной керамикой...», СА, XIV, 1950, стр. 281—283.

мером 10 x 10 метров, выявивший разновременные культурные слои.

Верхний слой представляет коричнево-серый суглинок, местами со следами пережога кирпично-красного цвета, толщиной до 60—70 см. В этом слое были обнаружены: остатки отопительной камеры гончарной печи, выложенной булыжными камнями на толстом глиняном растворе; многочисленные керамические изделия позднеантичного времени: обломки черепицы, кирпичи квадратной формы, пирамидальные отвесы для ткацкого станка, обломки пифосов, амфор, кувшинов, горшков, мисок и т. д.

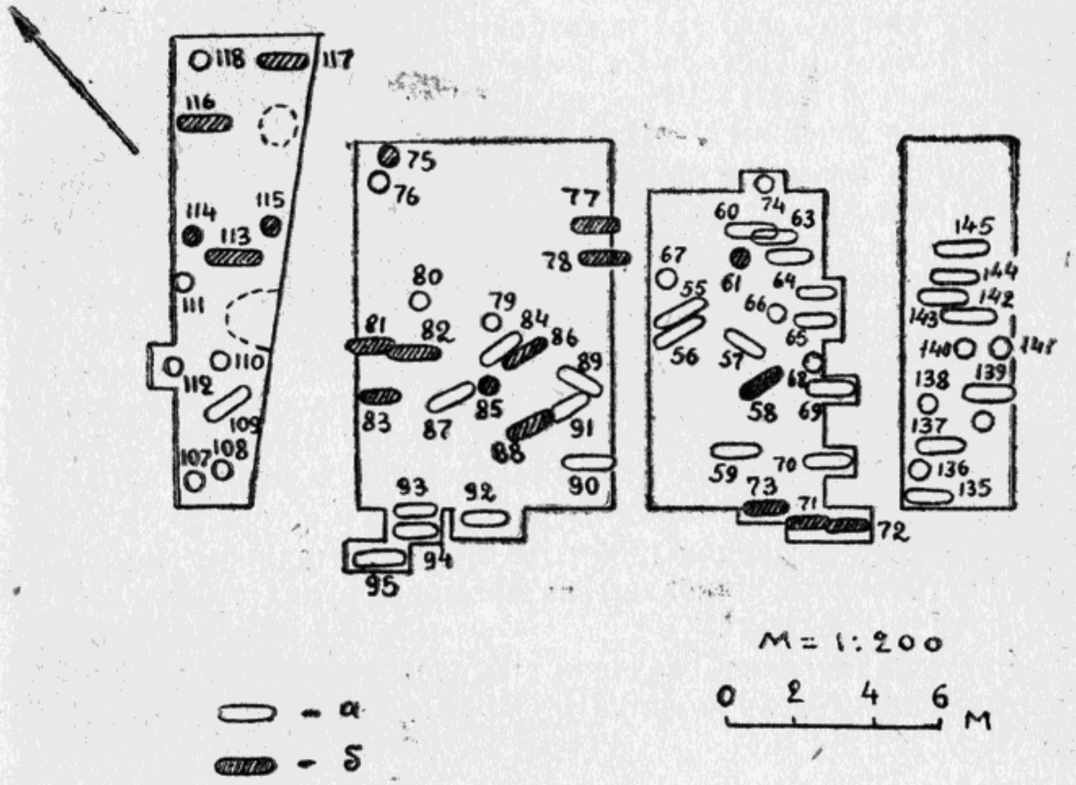

Рис. 25. Планы V, VI, VIII, X раскопов Красномаяцкого могильника. а — погребение VIII—VI вв. до н. э.; б — погребение IV—II вв. до н. э.

Под слоем керамических изделий позднеантичного времени попадались местами отдельные фрагменты амфор и обломки кровельной черепицы синопского происхождения, которые датируются IV—III вв. до н. э.

В самом нижнем культурном слое раскопа, на глубине 100—125 см от дневной поверхности, было вскрыто десять человеческих погребений и одно конское захоронение.

В последующие 1957—1959 годы были развернуты планомерные и систематические раскопки Красномаяцкого могильника, с задачей исчерпывающим образом исследовать этот некрополь, накопить как можно больше фактического

археологического материала и тем самым дать широкую картину исторического развития древнего населения предантичного Сухуми.

В районе могильника в течение многих лет производилась разработка песчаного карьера. В результате значительная часть могильника была разрушена полностью, а оставшаяся часть некрополя оказалась изрезанной глубокими траншеями и окопами, вырытыми в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Мы в своих исследованиях постарались изучить всю доступную территорию могильника. Раскопанная площадь в Красномаяцком некрополе за период работ 1956—1959 гг. составила около 800 кв. м, в пределах которой обнаружено всего 152 погребения. 104 могилы из них относятся к эпохе перехода от поздней бронзы к широкому освоению железа (VIII—VI вв. до н. э.), а остальные 48 погребений к последующим V—II вв. до н. э.

Приблизительная протяженность исследованной части Красномаяцкого некрополя с запада на восток 200 м (?), с севера на юг 30 м (рис. 23). Восточная граница некрополя окончательно еще не установлена ввиду наличия здесь жилых строений с фруктовыми насаждениями.

Раскопки производились большими площадями (всего десять раскопов), что позволило вскрыть значительную территорию и проследить соотношения между отдельными погребениями, которые на всех исследованных раскопах располагались довольно компактно (рис. 25).

Материалы раскопок 1956 года в Красномаяцком могильнике частично опубликованы автором в Трудах Абхазского института в 1958 году[3].

Настоящая глава содержит исследования погребений Красномаяцкого некрополя VIII—VI вв. до н. э.

1. ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ КРАСНОМАЯЦКОГО МОГИЛЬНИКА VIII—VI вв. до н. э.

Погребение 1. Вскрыто в раскопе 1. Захоронение произведено в округлоовальной яме (190 x 80 см). Дно ее, выявленное на глубине 120 см, вымощено мелкой морской галькой. Погребенный находился в скорченном положении на правом боку, с ориентацией головы на северо-запад. Руки были согнуты в локте и подтянуты к подбородку (рис. 26).

[3] М. М. Трапш. «Археологические раскопки в окрестностях Сухуми», Труды АбИЯЛИ, XXIX, Сухуми, 1958.

Покойнику был положен ряд предметов. Под подбородком лежали две бусины. Первая бусина сердоликовая, округлой формы, хорошей полировки, с двусторонне сверленным цилиндрическим каналом. Вторая бусина пастовая, светловато-серого цвета с голубыми оттенками, имеет цилиндрическую форму с некоторым утолщением в средней части. Поверхность ее орнаментирована косыми врезными линиями.

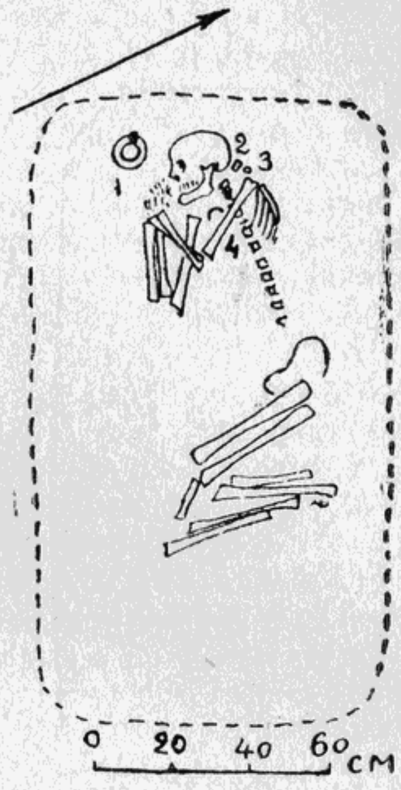

Рис. 26. Красномаяцкий могильник. Погребение 1. 1—сосуд; 2, 3 — серьги; 4—фибула.

Правее черепа погребенного стоял гончарный горшочек баночной формы, сделанный из глины красно-серого обжига, с примесью мелкого песка (табл. XVIII—5). Он со слегка отогнутым наружу венчиком, петлевидной ручкой, верхний конец которой является продолжением края венчика, а нижний упирается в тулово. Поверхность сосуда покрыта вертикальным гребенчатым рифлением, предплечье украшено врезной елочной дорожкой; ручка валиками, имеющими косые насечки. Выделка сосуда небрежная, а обжиг слабый, что объясняется, очевидно, ритуальным назначением сосуда. Высота горшка 12 см, диаметр по верху 9,5 см, диаметр тулова 11,5 см, диаметр дна 6,5 см.

На груди покойника лежали следующие предметы: фрагментированная железная фибула; скульптурная фигурка бегущего горного козла с петлей, снабженной круглопроволочной бронзовой цепочкой (табл. XXVII—1); бронзовый ворончатый стерженек, длиной, в 1,5 см, украшенный врезными черточками; он служил, по-видимому, головкой деревянной или костяной булавки.

Погребение 2. Вскрыто в раскопе 1. Захоронение произведено в округлоовальной яме (200 x 80 см). Дно ее на глубине 190 см вымощено мелкой морской галькой. Покойник был положен скорченно на правом боку с ориентацией головы на юго-восток. Руки были согнуты в локте и подтянуты к подбородку (рис. 27).

Покойнику было положено несколько предметов. У черепа лежал фрагментированный железный наконечник копья лавролистной формы, с разрезной втулкой типа табл. XXI—11. Длина сохранившейся части наконечника 21 см, ширина пера у основания 5 см.

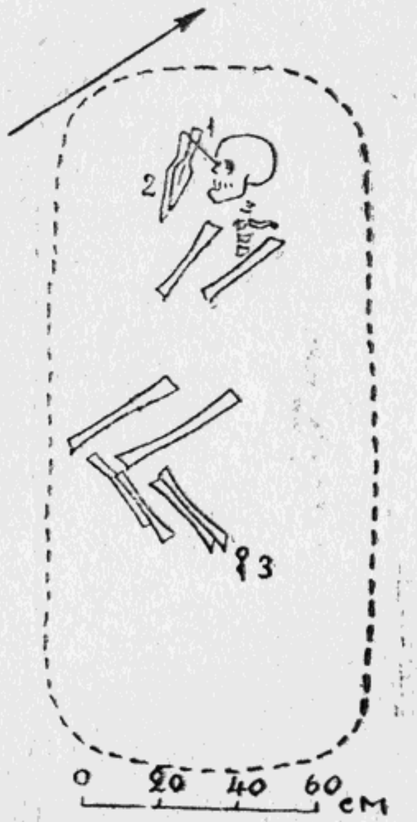

Рис. 27. Красномаяцкий могильник. Погребение 2.1—наконечник копья; 2 — железные ножи; 3—железный стержень; 4—галечниковая подстилка.

Под наконечником копья находились два железных ножа серповидной формы типа табл. XX—11, 12. **Длина первого**— 8,5 см, второго—14 см, ширина лезвия—по 1,7—1,8 см.

На поверхности второго ножа сохранился отпечаток ткани.

У ног лежал железный, круглый в сечении стержень со слегка изогнутым плоским концом шаровидной головкой и боковым шипом полусферической формы. Длина стержня 21 см, диаметр до 0,7 см. Назначение неопределенно.

Погребение 3. Раскоп 1. Захоронение произведено в овальной яме (200x80 см), дно которой было вымощено мелкой морской галькой. Погребенный, остатки которого были выявлены на глубине 100 см, лежал на спине вытянуто, головой на юго-восток.

Покойнику был положен ряд вещей. На правой руке находилось три браслета. Первый из слегка граненой медной проволоки имеет рельефные зооморфные головки на концах. Спинка браслета в двух местах украшена такими же головками, сходящимися мордочкой к мордочке (табл. XXIV—8). Все головки с рельефными глазками, врезными дугообразными линиями, косыми и продольными черточками. Диаметр браслета 4,4 x 5,7 см, толщина проволоки до 0,4 см. Второй браслет из круглой в сечении бронзовой проволоки, диаметром 0,3 см. Спинка браслета украшена тонкими поперечными надрезами, чередующимися с гладкой поверхностью. Третий браслет — железный, фрагментированный.

На левую руку было надето два бронзовых браслета из круглой в сечении проволоки с утоньшенными концами. Диаметр одного 4,9 x 4,9 см. Второй сильно фрагментирован.

Погребение 4 обнаружено на глубине 120 см под предыдущей могилой. Захоронение произведено в округлоовальной яме (200 x 80 см). Покойник находился в скорченном положении на правом боку, с ориентацией головы на юго-восток.

Покойнику было положено большое число предметов. Северо-восточнее черепа находились два железных ножа. Первый нож серповидный, с язычковидной ручкой, являющейся продолжением его спинки. Длина его 11,8 см, ширина лопасти 2,3 см (табл. VI—9). На поверхности ножа сохранились следы дерева и кусочки ткани, пропитанные железной ржавчиной. Второй нож с прямой спинкой, с уступом под углом при переходе к язычковидной ручке. Длина его 10 см, ширина лопасти 1,4 см (табл. VI—9).

Под подбородком находились две сердоликовые и янтарные бусины. Сердоликовые бусины темно-розового и коричневатого (цвета пива) цвета, округлой формы, хорошей полировки, с односторонне сверленным цилиндрическим каналом (табл. VI—5,6). Янтарные бусины фрагментированы, за исключением одной овальной формы диаметром 1,1 см (табл. VI—7).

В районе груди лежали две бронзовые фибулы. Первая с крутой дужкой, плоским ромбовидным брюшком, лопатообразным приемником и одним витком у зарождения дуги. Ромбовидная часть фибулы украшена врезными кружочками, елочной дорожкой и косыми насечками (табл. VI—2). Размеры: длина 4 см, высота 2,4 см. Вторая фибула с крутой четырехгранной проволочной дужкой ромбовидного сечения, пластинчатым веслообразным приемником и одним витком у зарождения дуги. Фибула без орнамента. Размеры: длина 4, 8 см, высота 3,4 (табл. VI—4).

На левой руке находился бронзовый пластинчатый браслет овальной формы. Он сделан из пластинки двухсантиметровой ширины, с желобками, разделенными четырьмя продольными ребрами. Края браслета украшены спиралевидными выступами, а концы—рельефно витыми кружочками. Размеры: внутренний диаметр овала 4,5 x 6,1 см, ширина просвета между концами 1 см, толщина около 3 мм (табл. VI—1).

Браслет покоился на двух железных наконечниках копий с разрезными втулками. Первый наконечник листообразной формы; перо переходит во втулку под выраженным углом (табл. VI—13). Длина его 34 см, ширина пера у основания 6 см, в средней части 3,2 см, у конца 2 см, диаметр втулки 1,8 см. Второй наконечник копья лавролистной формы (табл.

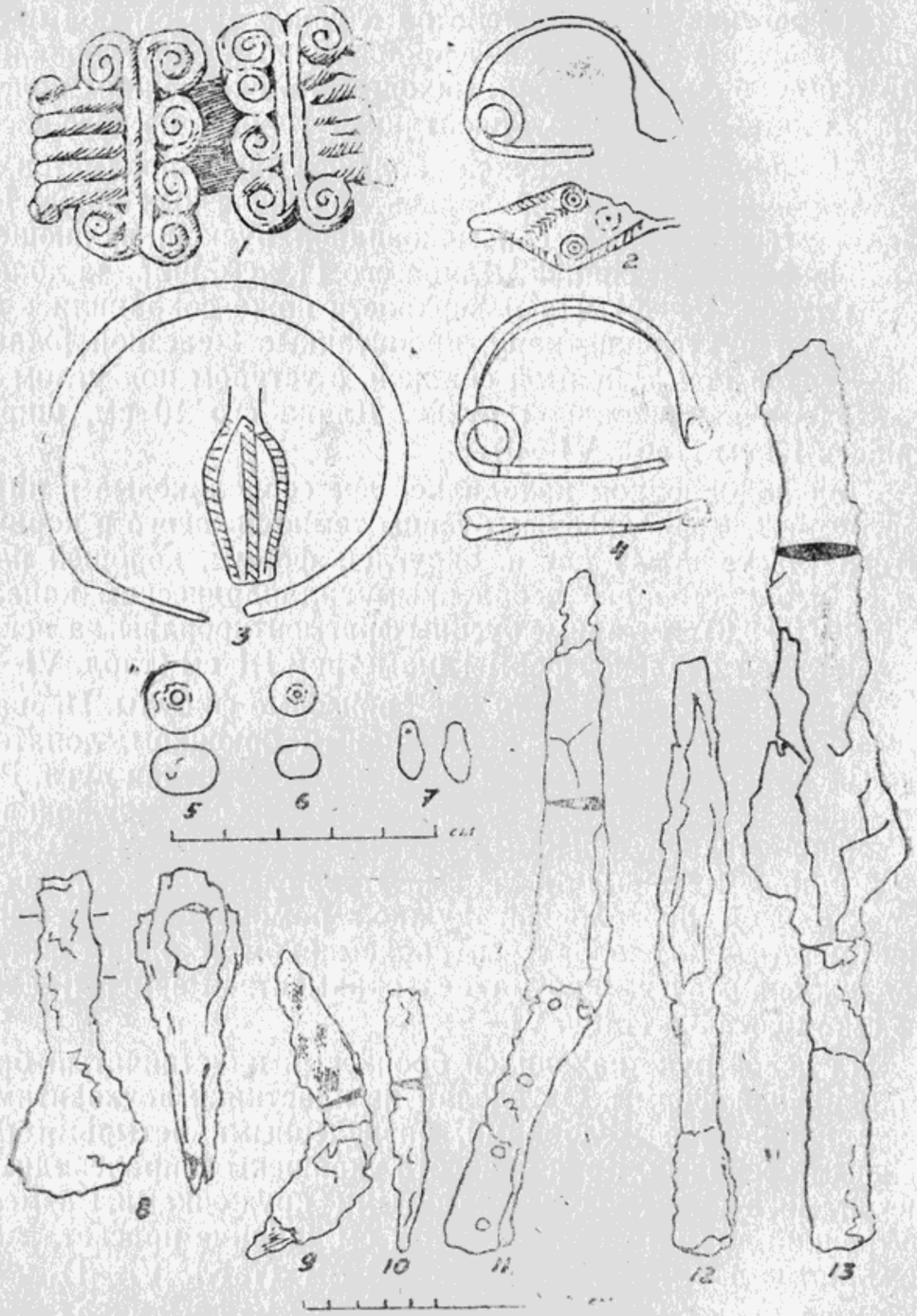

Таблица VI. Могильник Красномаяцкий. Инвентарь погребения № 4. 1—4 — бронза; 5—6 — стекло; 7 — янтарь; 8—13—железо.

VI—12). Длина его 22 см, ширина пера в средней части 2,6 см, у конца—1,5 см, диаметр втулки 1,5 см.

Поперек наконечников копий лежал железный топор с короткой четырехугольной молоточной частью, плоской обушной площадкой (табл. VI—8). Длина топора 12,5 см, ширина лопасти 5,5 см, диаметр проушины 2 х 2,5 см, наибольшая толщина топора под проушиной 2,7 см. На обухе топора сохранился кусочек ткани, пропитанный железной окисью.

На правую руку был надет круглопроволочный бронзовый браслет со змеевидными концами (табл. VI—3). Внутренний диаметр браслета 5,8 х 6 см, ширина просвета между концами 7 мм, диаметр круглого сечения 6—7 см.

Около браслета лежал длинный железный нож со слабо выраженной серповидной спинкой, с плоской ручкой, снабженной четырьмя бронзовыми стерженьками для прикрепления планок (табл. VI—11). Длина ножа 26,5 см, наибольшая ширина лопасти 3 см, наименьшая 1 см, толщина спинки 4—6 мм. На поверхности ножа сохранились следы дерева и кусочки ткани, пропитанные железной ржавчиной.

Погребение 5. Раскоп 1. Захоронение произведено в овальной яме (190 х 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно ее на глубине 110 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В северо-западной части дна ямы обнаружено височное колечко овальной формы с заходящими друг за друга концами, сделанное из четырехгранной бронзовой проволоки. Размеры: внутренний диаметр овала 0,5 х 1 см, толщина проволоки 3 мм.

В средней части ямы у северной ее стенки лежал пластинчатый бронзовый браслет с отогнутыми в петлю концами. Внутренний ее диаметр 3,6 х 4,1 см.

У юго-западной стенки могильной ямы находился фрагментированный глиняный горшочек красно-серого обжига, с отогнутым наружу венчиком. Поверхность его, покрытая тонким гребенчатым рифлением, украшена налепными пуговицевидными выступами, разделенными на четыре части врезными косыми крестиками (табл. XVIII—16). Выделка сосуда небрежная и обжиг слабый. Горшочек по форме, выделке и обжигу аналогичен сосуду, найденному в первом погребении (табл. XVIII—1).

Погребение 6. Раскоп 1. Захоронение произведено в овальной яме (190 х 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно ее на глубине 115 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

У северо-западной стенки дна ямы найдены две бусины: гешировая, округлой формы (диаметр 1,1 см), с двухсторонне сверленным цилиндрическим каналом и янтарная, многогранная, длиной 1,8 см, толщиной 0,8 см.

Юго-восточнее находилась литая бронзовая фибула с крутой вздутой дужкой, лопатообразным пластинчатым приемником и одним витком у зарождения дуги типа табл. XXV—9. Вздутая часть дуги орнаментирована косыми насечками. Размеры фибулы: длина 4,8 см, высота 4,2 см.

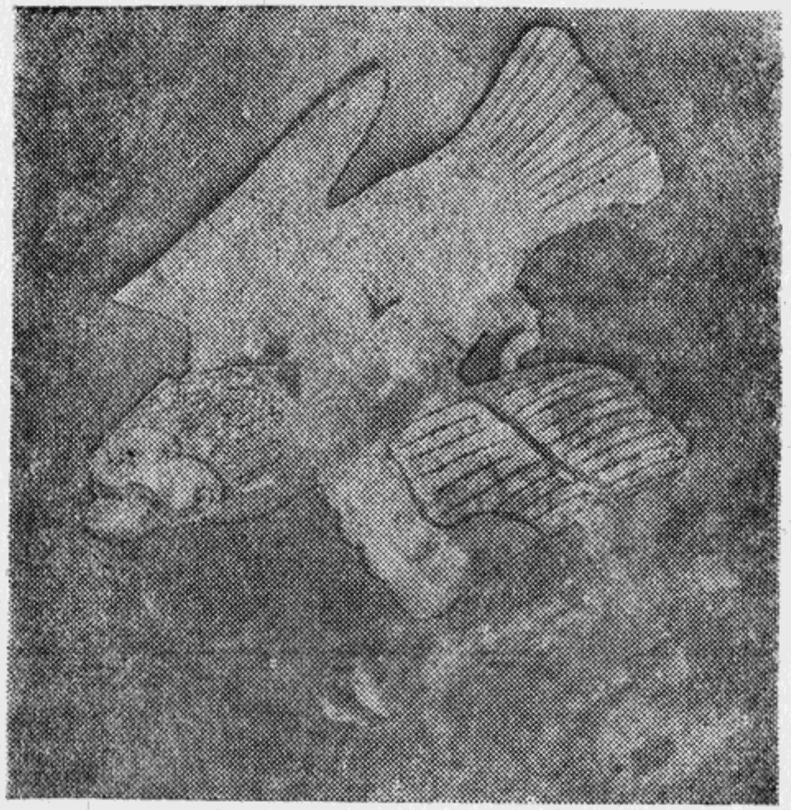

Рис. 28. Красномаяцкий могильник. Погребение 7.

Погребение 7. Раскоп 1. Захоронение произведено в овальной яме (200 x 115 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно ее на глубине 120 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В средней части могильной ямы (рис. 28) лежал панцирь из тонкой трехсоставной листовой бронзы, изображающий грифа с распростертыми крыльями и распущенным хвостом; к туловищу грифа бронзовыми стерженьками приклепаны его крылья. Вокруг грифа расположены выпуклые кружочки, сделанные чеканным способом. Чеканным же способом искусно изображены глаза грифа, «чешуйчатые» перья

на шее и груди, перья крыльев и хвоста. У краев панциря грифа имеются парные пятимиллиметрового диаметра сквозные отверстия, указывающие на то, что панцирь этот имел кожаную подкладку. Размеры грифа: длина 54 см, размах крыльев 60 см, толщина листовой бронзы 0.5—1 мм (рис. 29).

К северо-западу от панциря лежали два железных наконечника копья с ребристым листообразным пером, разрезными втулками типа табл. XXI—14. Длина первого 45 см, ширина у основания пера 4,5 см, у конца — 1 см, диаметр втулки 1,8 см; длина второго 25 см, ширина у основания пера 3 см,

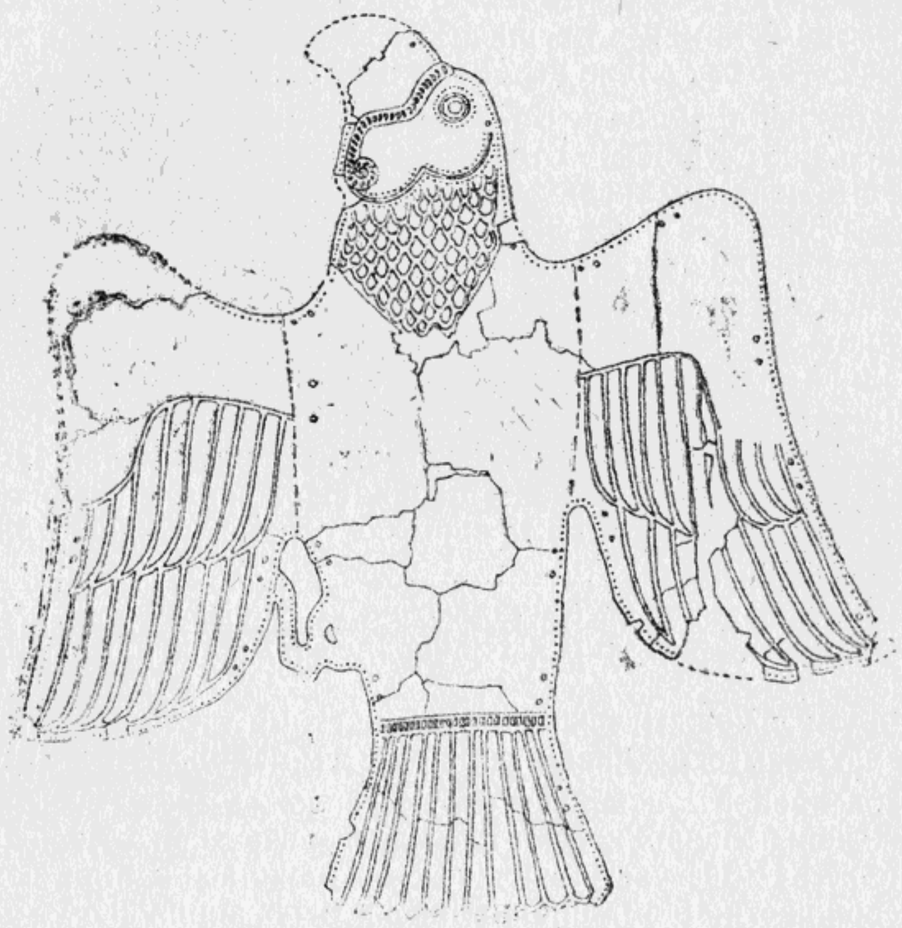

Рис. 29. Красномаяцкий могильник. Бронзовый панцирь из погребения 7.

у конца 1 см, диаметр втулки 1,5 см. Оба наконечника были плохой сохранности; они раскололись на мелкие части при извлечении их из могилы; на втулках местами сохранились отпечатки ткани.

Рядом с наконечниками копий находился железный ножичек типа табл. XX—9, со слабо выраженной серповидной

спинкой, с плоской язычковидной ручкой, являющейся продолжением его спинки. Длина ножа вместе с ручкой 9 см, наибольшая ширина лопасти 2 см, у конца—1 см.

Погребение 8 (конское) располагалось вплотную рядом с предыдущей могилой. В погребальной яме находился конский череп. Дно могилы песчаное, без галечного подстила.

В зубах черепа торчали литые бронзовые удила (табл. XXII—2). Удила эти с неподвижными под углом согнутыми псалиями, отлитые в одно целое с мундштуком, покрытым мелкими шипами. Псалии заканчиваются кнопкообразными шляпками; они снабжены кольцами и петельками; конец одной псалии отломан в древности. Размеры удил: длина мундштуков 5—5,5 см, длина целой псалии 18,2 см.

Западнее удил на расстоянии 18 см находился бронзовый колокольчик с ушком, отвесными стенками, боковой прорезью и подвесным железным язычком. Высота колокольчика с ушком 5 см, без ушка 3,5 см, внутренний диаметр у основания колокольчика 3 см, у вершины 2 см, толщина стенки 2 мм. На поверхности колокольчика имеется рельефный орнамент, состоящий из летящей двуглавой птицы-грифа и вертикальных линий с косыми черточками (табл. XXII—5).

Погребение 9. Раскоп 1. Захоронение произведено в овальной яме (200 x 80 см). Дно могилы на глубине 115 см вымощено мелкой морской галькой. Покойник находился в скорченном положении на правом боку, с ориентацией головы на северо-запад.

В погребальной яме найдено несколько вещей. В районе грудной клетки находился сильно деформированный железный нож.

Рядом с ножом лежал двухлопастный железный пинцет с петельчатым основанием, длиной 8 см (табл. XXV—15).

Под правой ключицей покойника лежал железный наконечник копья лавролистной формы, с разрезной втулкой типа табл. XXI—11; часть втулки не сохранилась. Длина сохранившейся части 15 см, ширина пера у основания 2,5 см, у конца 1 см.

Погребение 10. Раскоп 1. Захоронение произведено в овальной яме (190 x 70 см). Дно ее на глубине 105 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк, очень плохой сохранности, находился в скорченном положении на правом боку, с ориентацией головы на северо-запад (рис. 30).

В могильной яме обнаружен ряд предметов. На шею покойника была надета бронзовая гривна (фрагментирована) из слегка раскрученной проволоки, толщиной 4 мм, с уширенными пластинчатыми концами типа табл. XXIII—9.

В районе тлена тазовых костей находился оселок из черной речной гальки овальной формы, с двухсторонне сверленным сквозным отверстием. Длина его 7,2 см, ширина в средней части 1,7 см, диаметр отверстия 3 мм.

Рядом лежал железный нож с ручкой в виде плоской пластины с двумя стерженьками для прикрепления планок. Длина ножа 19,5 см.

Погребение 11. Раскоп 1. Захоронение произведено в овальной яме (200 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно ее на глубине 110 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

Покойнику был положен ряд вещей, располагавшихся в северо-западной части могильной ямы. В том числе:

Железный топор с длинной четырехгранной молоточной частью, плоской прямоугольной обушной площадкой (табл. XIX—8). Он был воткнут лопастью в песок. Молоточная часть топора с двух сторон имеет по три продольных ребра, отделенных друг от друга желобками. Размеры топора: длина 21 см, ширина лопасти 4,3 см, диаметр проушины топора 2x3 см, наибольшая толщина под проушиной 2 см.

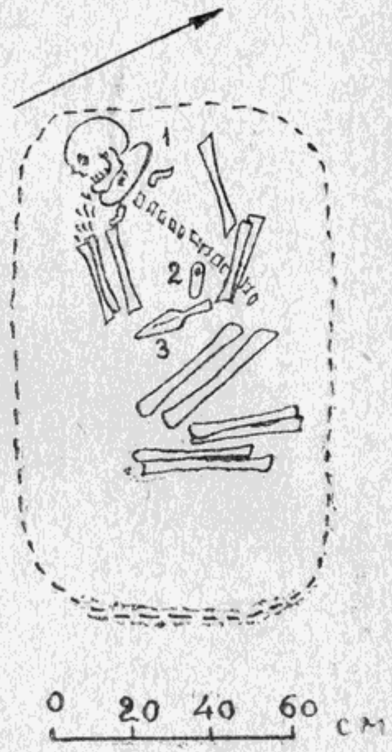

Рис. 30. Красномаяцкий могильник. Погребение 10. 1—гривна; 2—оселок; 3—железный нож.

Четыре железных наконечника копья листообразной формы с разрезными втулками типа табл. XXI—10, 11. Размеры первого наконечника: длина 22 см, ширина пера у основания 3,7 см, у конца 1 см, диаметр втулки 1,5 см. На поверхности наконечника сохранились кусочки ткани. Длина второго 19,5 см, ширина пера у основания 3 см, у конца 1,6 см, диаметр втулки 1,5 см. Длина третьего 18 см, ширина у основания 3,5 см, у конца—2 см, диаметр втулки 1,4 см. Длина сохранившейся части четвертого наконечника 29 см, ширина пера в средней части 3 см, у конца—1,5 см, диаметр втулки 1,6 см. На поверхности наконечника сохранились кусочки ткани.

Железный нож со слабо изогнутой спинкой, с приподнятым вверх острием; ручка фрагментирована. Длина сохранившейся части лезвия 10,5 см, ширина лопасти в средней части 2 см, у конца—1 см.

Девятнадцать сердоликовых бус темно-розового цвета, с хорошей полировкой поверхности; одна из них шарообразной формы, с двусторонне сверленным цилиндрическим каналом, диаметр окружности 10 мм.

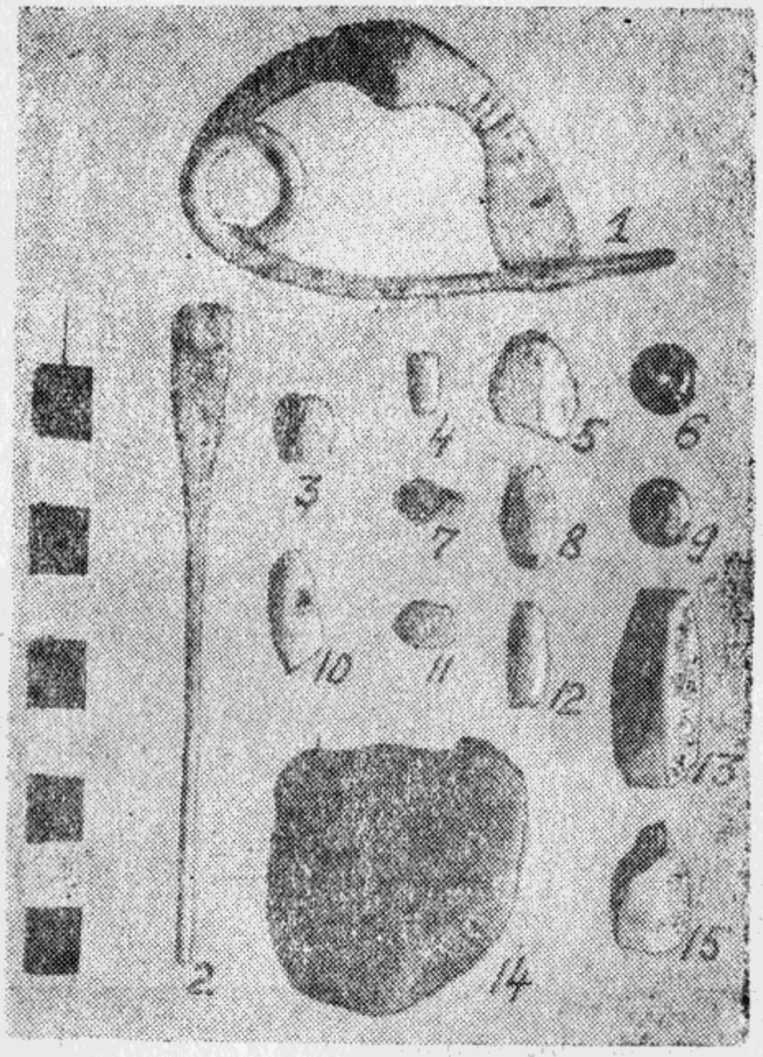

Рис. 31. Красномаяцкий могильник. Инвентарь погребения 12 (13). 1, 2 — бронза; 3—15 — стекло, камень, сердолик, янтарь.

Шестнадцать бус с двусторонне сверленым цилиндрическим каналом и две с односторонне сверленным цилиндрическим каналом — округлой формы и диаметром в 0,7—0,9 см.

Погребение 12 (13)*. Раскоп II. Захоронение праха покойника произведено в овальной яме (200 x 80 см). Дно могилы на глубине 100 см вымощено мелкой морской галькой. Слабо сохранившийся костяк лежал в скорченном положении на правом боку, с ориентацией головы на северо-запад.

Покойника сопровождал ряд вещей. Рядом с перегнившим черепом находилась плоская черная галька (3,9 x 4,1 см) со схематическим изображением на одной ее стороне человеческой головы в профиль (рис. 31—14).

Вокруг располагались остатки ожерелья:

Двадцать янтарных бусин различных размеров и форм. Среди них имеются ромбовидные, овальные, цилиндрические, треугольные, величиной от 1 до 3 см (рис. 31—3—13); стеклянная бусина золотистого цвета биконической формы (0,7 x 1 см); одна сердоликовая бусина шаровидной формы цвета пива, с прекрасной полировкой поверхности, двусторонне сверленным цилиндрическим каналом (диаметр 1 см и просверленная подвеска из кабаньего (?) клыка.

В районе груди лежали:

Бронзовая круглопроволочная булавка со свернутой в один оборот уширенной пластинчатой головкой (табл. XXVII—1). Размеры: длина 9,7 см, диаметр сечения 2—4 мм (рис. 31—2).

Фрагменты тонкопроволочной бронзовой цепочки, состоящей из овальной формы звеньев со сходящимися посередине концами.

Круглопроволочная бронзовая фибула с ромбовидной дужкой, украшенной в двух местах желобчатыми надрезами; фибула с иглой, одним витком у зарождения дуги и лопатообразным приемником (рис. 31—1). Размеры: длина вместе с иглой 7 см, высота 3,8 см.

Фрагментированная железная фибула с пластинчатой дужкой овальной формы. Приблизительные размеры: длина 4,5 см, высота 2,5 см.

В районе тлена от тазовых костей находился фрагментированный глиняный горшочек буро-красного обжига, со слегка отогнутым наружу венчиком.

Погребение 13 (14). Захоронение произведено в овальной яме (190 x 95 см). Дно могилы на глубине 107 см вымощено мелкой морской галькой. Судя по тлену, костяк лежал на правом боку, скорченно, головой на северо-запад.

---

* Номер вне скобки означает порядковый номер серии погребений VIII—VI вв. до н. э., номер в скобке — общий номер вскрытых на могильнике погребений.

У головы стоял глиняный кувшин красно-серого обжига с петлевидной ручкой, шарообразно вытянутым туловом, широкой короткой горловиной, отогнутым наружу венчиком, с гребенчатым рифлением. Сосуд орнаментирован — края венчика с косыми желобочками; ручка с поперечными валиками, отделенными друг от друга желобчатыми надрезами (табл. XVII—5). Размеры кувшина: высота 25 см, диаметр горловины 13 см, диаметр тулова 20 см, диаметр дна 12 см.

Южнее кувшина, на расстоянии 40 см, найдена фигурная бронзовая пластинка, длиной 10,2 см, шириной 7 см, толщиной 1 мм, передающая в плане форму банкообразного сосуда. По краям ее сквозные отверстия на расстоянии 0,7 см друг от друга. Она, видимо, была предназначена для ремонта бронзового сосуда и принадлежала, по всей вероятности, мастеру-литейщику.

На груди покойника лежала проволочная ромбического сечения бронзовая фибула с крутой дужкой. Размеры: длина 4 см, высота 2,7 см, толщина проволоки в средней части дуги 4 мм.

В средней части могильной ямы у ее южной стенки лежал на боку глиняный горшочек темно-серого обжига с фрагментированным венчиком. Высота сохранившейся части горшка 13 см, диаметр тулова 10 см, диаметр плоского дна 5,5 см (табл. XVIII—13).

У ног находился фрагментированный железный наконечник копья.

Погребение 14 (15). Раскоп II. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 70 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 110 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В средней части могильной ямы, к северной ее стенке, острием на северо-запад лежал короткий железный кинжал треугольной формы, снабженный у перекрестия двумя железными стерженьками (табл. XX—2). Длина кинжала 20 см, наибольшая ширина перекрестия 4,5 см.

Около кинжала находились два железных наконечника копий с разрезными втулками без четкой реберчатой грани. Первый наконечник имеет лавролистную форму: острие отломано. Длина сохранившейся части 25 см, наибольшая ширина пера 3,5 см, диаметр втулки 1,7 см. Второй наконечник имеет узкое листовидное перо, переходящее во втулку под выраженным углом (табл. XXI—15). Втулка частично отломана, в ней сохранились следы дерева. Длина сохранившейся части 20 см, наибольшая ширина пера у основания 3,5 см, диаметр втулки 1,6 см.

Между наконечниками копий и кинжалом лежал железный нож со слабо выгнутой спинкой и плоской ручкой. Длина его 17,5 см, ширина лопасти 1,6 см (табл. XX—8).

Погребение 15 (16). Раскоп II. Захоронение праха произведено в овальной яме (190 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 100 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

У северо-западного угла ямы стоял глиняный горшочек баночной формы красно-серого обжига с петлевидной ручкой, отогнутым наружу венчиком и гребенчатым рифлением по тулову (табл. XVIII—15). Высота горшка 8,5 см, диаметр горловины 6 см, диаметр тулова 8,5 см, диаметр плоского дна 6,7 см.

Около горшка обнаружена бронзовая цепочка, длиной в 40 см, состоящая из овальной формы звеньев со сходящимися посередине концами.

Восточнее, рядом с цепочкой собраны мелкие пронизи-бусы круглой формы, сделанные из узеньких бронзовых пластинок, со сходящимися посередине концами. В них сохранились кусочки тканевого шнурка. Диаметр пронизей-бусин около 0,4 см.

Погребение 16 (17). Раскоп II. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 110 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк истлел.

В северо-западной части ямы найдены: круглопроволочная игла бронзовой фибулы длиной 4,7 см; фрагменты бронзовой цепочки, состоящей из овальной формы звеньев, со сходящимися посередине концами.

В средней части ямы найдены остатки украшений пояса. В том числе: поясная пряжка кобанского типа, сделанная из узкой литой бронзовой пластинки, с волнообразными продольными краями, семью сквозными отверстиями трехмиллиметрового диаметра для прикрепления пояса и с крючком на оборотной стороне. Лицевая сторона пряжки слегка выпуклая, с гравированным орнаментом, состоящим из косых черточек и точечных наколов (табл. XXVI—18); кусочек тонкой листовой бронзы, по-видимому, от пояса; оселок овальной формы из черной речной гальки с двусторонне сверленным отверстием (рис. 32—2). Длина его 14 см, ширина 2,5—3 см, толщина 2,2 см, диаметр отверстия 1,7 см.

Рядом располагались фрагменты железного наконечника копья.

Погребение 17 (19). Раскоп II. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 115 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк в основном истлел.

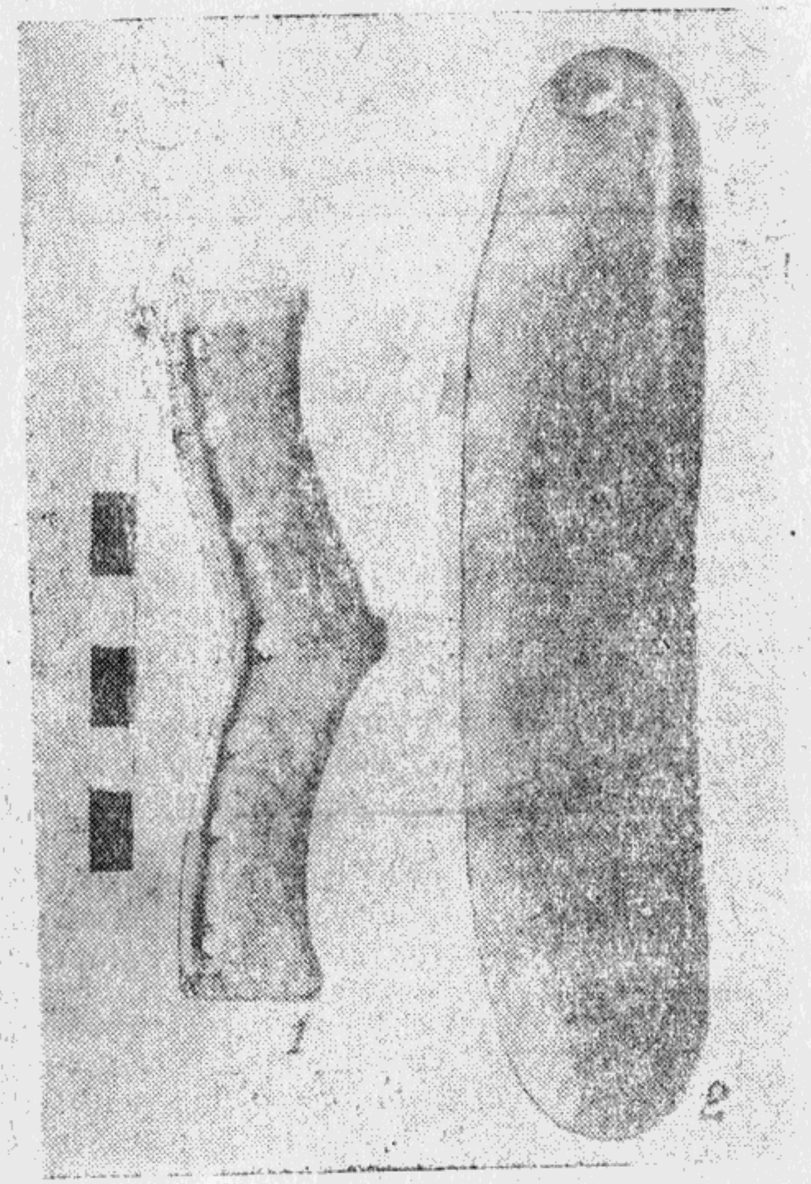

Рис. 32. Красномаяцкий могильник. Инвентарь погребения 16 (17).
1 — бронзовая пряжка; 2 оселок-точило.

У северо-западного угла ямы находился фрагментированный горшочек красно-серого обжига с гребенчатым рифлением тулова.

В средней части могилы, у северной ее стенки, обнаружен бронзовый браслет из полукруглой в сечении проволоки, с расплющенными веслообразными концами. Внутренний диаметр его 5 x 5 см, ширина просвета между концами 7 мм, толщина проволоки 3 мм. Расплющенные концы браслета украшены косыми поперечными насечками.

Погребение 18 (20). Раскоп II. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 115 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк в основном истлел.

В северо-западной части могильной ямы находилась бронзовая булавка с головкой из шести расходящихся в плоскости стерженьков, с винтовидными нарезками ромбовидной части иглы (табл. XXVII—2). Стерженьки упираются в перекладину, имеющую длину до 4 см. Вместе с булавкой обнаружена фрагментированная бронзовая цепочка из овальной формы звеньев со сходящимися посередине концами. Одно более крупное звено (длиной 1,7 см) цепочки сохранилось в сквозном отверстии булавки (табл. XXVII—2).

В средней части могильной ямы, у северной ее стенки, найден круглопроволочный бронзовый браслет со змеевидными пластинчатыми концами, орнаментированными симметрично расположенными глазками, продольными полосками, косыми насечками. Спинка браслета у его змеевидных концов украшена поперечными желобчатыми надрезами, отделенными друг от друга ребрами (табл. XXIV—4). Внутренний диаметр браслета 6,5 x 6,6 см, ширина просвета между концами 5 мм, диаметр сечения 6 мм.

Погребение 19 (21). Раскоп II. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 70 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 105 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк почти истлел.

Покойнику была положена только одна бронзовая фибула с пластинчатой ромбовидной дужкой, украшенной елочной дорожкой, косыми насечками и двумя симметрично расположенными кружочками. Фибула эта с одним витком у зарождения дуги. Размеры: длина 2,9 см, высота 1,6 см.

Погребение 20 (22). Раскоп III. Захоронение произведено в овальной яме (95 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 105 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк почти не сохранился. Это погребение, судя по размерам ямы, являлось, по-видимому, детским.

В могильной яме обнаружен только один бронзовый колокольчик конической формы типа табл. XXII—1, снабженный ушком, боковой прорезью и сквозным отверстием под вершиной. Размеры: высота с ушком 2,9 см, внутренний диаметр у основания 1,3 см, у вершины 9 мм, внутренний диаметр ушка 7 мм, диаметр сквозного отверстия 3 мм, толщина стенки 1 мм.

Погребение 21 (23). Раскоп III. Захоронение произведено в овальной яме (190 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 105 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк почти не сохранился (рис. 33).

Покойнику было положено значительное количество предметов. В северо-западной части ямы находились:

Фрагментированный глиняный кувшинчик красно-серого обжига (табл. VII—1). Горловина его опоясана желобчатыми полосками, предплечье — врезной волной, средняя часть тулова — косыми врезными черточками, расположенными тремя горизонтальными параллельными рядами, отделенными друг от друга круговыми поясками.

Бронзовая шейная гривна из перекрученной проволоки, с ромбовидными пластинчатыми уширениями, заканчивающимися загнутыми в крючок концами (табл. VII, 25). Внутренний диаметр гривны 13 x 13 см. Пластинчатые ромбовидные уширения гривны с гравированным орнаментом, состоящим из ромбиков, косых насечек, остроугольных заштрихованных полосок.

Рядом с гривной находился слегка граненый бронзовый браслет круглой формы с утоньшенными концами (табл. VII, 4). Средняя часть и концы браслета украшены мелкими врезными черточками. Внутренний его диаметр 4,6 x 4,8 см, ширина просвета между концами 2 см.

Около 30 янтарных бус. Некоторые из них фрагментированы. Сохранившиеся принадлежат семи различным типам. К первому относятся 4 бусины ромбовидной формы; ко второму — бусина пирамидальной формы; к третьему — плоские пуговицеобразные бусины круглой формы; к четвертому — бусина грушевидной формы; к пятому — бусина овальной формы; к шестому—бусина биконической формы: последний тип представлен 4 многогранными бусинами. Все бусины средних размеров, около 1 см в диаметре (табл. VII, 5—13, 18).

Одна сердоликовая бусина шаровидной формы около 1 см в диаметре, темновато-розового цвета, хорошей полировки, с двусторонне сверленным цилиндрическим каналом.

Бронзовая цепочка, длиной 90 см, состоящая из круглой

формы звеньев, сделанных из узеньких пластинок со сходящимися посередине концами (табл. VII, 21).

Два бронзовых колокольчика конической формы, со сквозными отверстиями под вершиной (табл. VII, 23—24).

Две бронзовые пластинчатые подвески треугольной формы, размером 3 x 3,5 см, орнаментированные пунсоном по краям и в центре (табл. VII, 16—17). Этот орнаментальный мотив является, по-видимому, изображением культа солнца, небесных светил, вселенной.

Крестообразная подвеска из вогнутой бронзовой пластинки с круглопроволочным спиральным завитком с задней стороны.

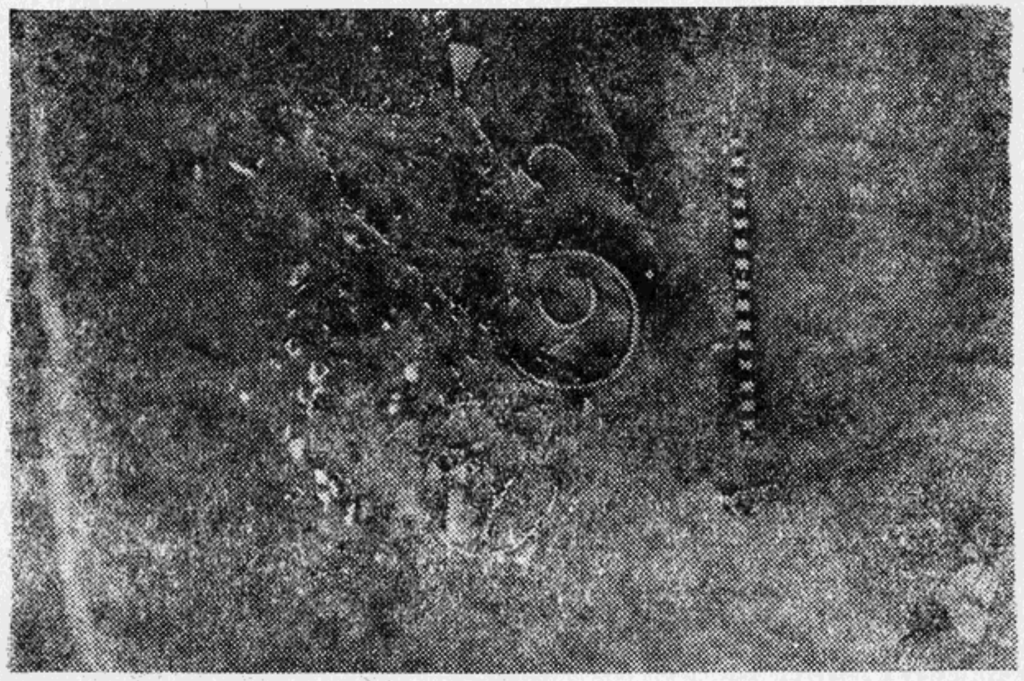

Рис. 33. Красномаяцкий могильник. Погребение 21 (23).

Скульптурные фигурки трех отлитых вместе птиц-голубей с распущенными хвостами и приподнятыми вверх головками. Средняя фигурка снабжена овальной формы ушком (табл. VII, 20).

Миниатюрная бронзовая топоровидная подвеска длиной 2,5 см (табл. VII, 22).

Литая бронзовая фибула с толстой ромбовидной дужкой, лопатообразным приемником, одним витком у зарождения дуги. Размеры: длина 6,4 см, высота 4,8 см. Дугообразная часть фибулы в двух местах орнаментирована четырьмя желобчатыми поперечными надрезами, отделенными друг от друга ребрами.

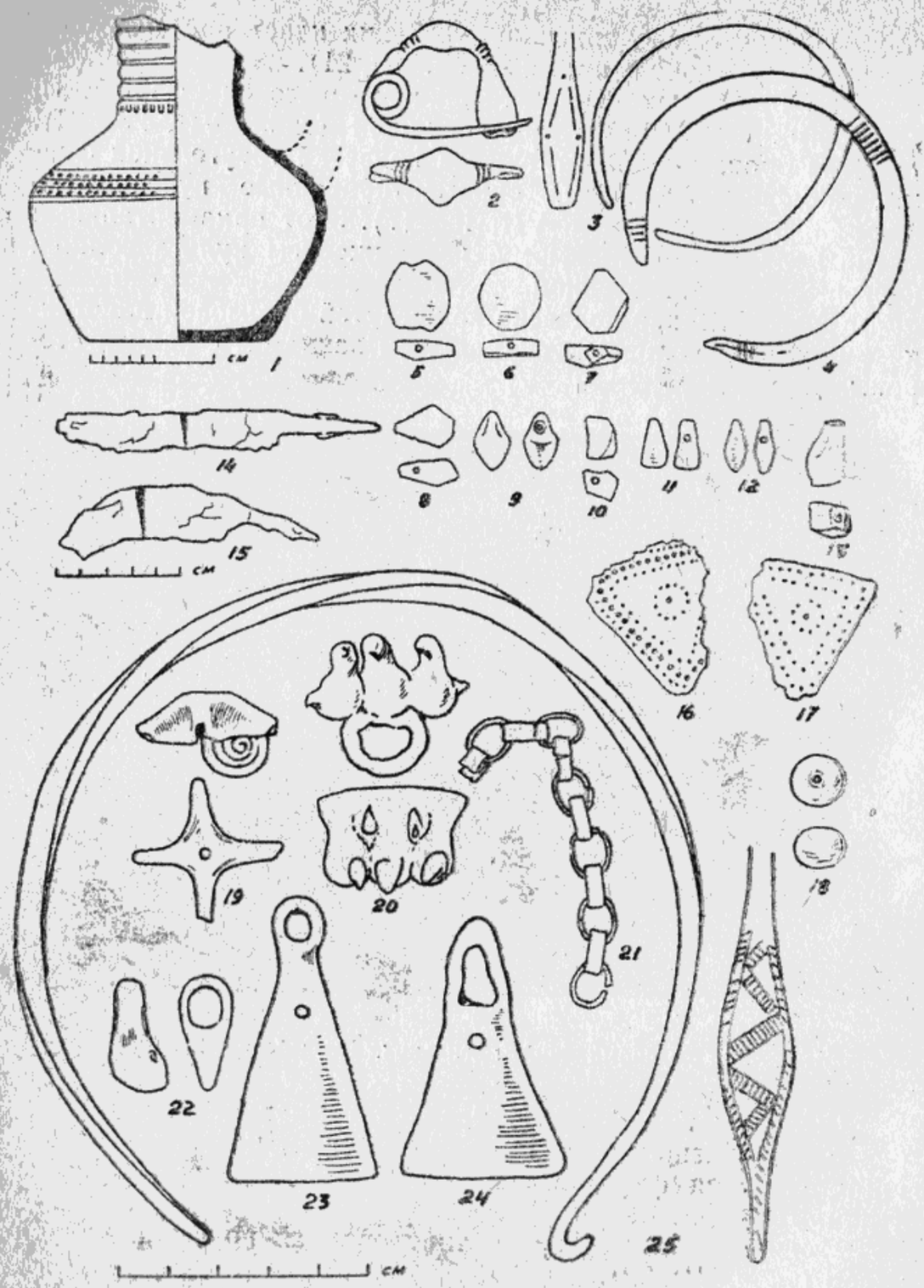

Таблица VII. Красномаяцкий могильник. Инвентарь погребения № 21 (23). 1—глина; 2—4, 16, 17, 19—25—бронза; 5—13— янтарь; 14, 15— железо; 18 — сердолик.

Посередине могильной ямы, ближе к ее южной стенке, лежал бронзовый браслет из полукруглой в сечении проволоки со змеевидными плоскими концами, украшенными симметрично расположенными глазками и продольными врезными полосками. Браслет имеет овальную форму с внутренним диаметром 4,2 х 4, 8 см (табл. VII, 3).

Рядом с браслетом находились два железных ножа. Первый нож с прямой спинкой и плоской рукояткой (табл. VII, 14). Длина его 13 см, ширина лопасти 1,5 см. Второй — серповидный, длиной 11 см и наибольшей шириной лопасти 2,2 см (табл. VII, 15). На поверхности последнего сохранились следы дерева.

Погребение 22 (24). Раскоп III. Захоронение произведено в овальной яме (190 х 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 105 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк почти полностью истлел.

У северо-западного угла ямы находился фрагментированный глиняный горшочек красно-серого обжига. Юго-восточнее горшка лежала цепочка длиной 10 см из полукруглой в сечении бронзовой проволоки, состоящая из овальной формы звеньев со сходящимися посередине концами. Вероятно, цепочка носилась на руке вместо браслета, так как концы ее были связаны тканевым шнурком.

Посередине могильной ямы, ближе к северной ее стенке, находился браслет из полукруглой в сечении бронзовой проволоки овальной формы (3 х 4 см), с утоньшенными концами.

Погребение 23 (25). Раскоп III. Захоронение произведено в овальной яме (190 х 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 105 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В средней части могильной ямы лежал на боку глиняный сосудик баночной формы, неравномерного красно-серо-темного обжига, с петлевидной ручкой, со слегка отогнутым наружу венчиком, тонким гребенчатым рифлением (табл. XVIII, 12). По ручке сосуда нанесены продольные желобочки, отделенные друг от друга ребрами. Передняя часть горшка перекалена и покрыта копотью. Предплечье сосуда опоясано налепными пуговицевидными кружочками, разделенными на четыре части врезными косыми и прямоугольными крестиками. Высота сосуда 10 см, диаметр по верхнему открытому краю 8 см, диаметр тулова в средней части 10,5 см, диаметр дна 7 см, толщина стенки 5 мм.

Около горшочка в разных местах располагались:

Браслет типа табл. XXIII, 10 из полукруглой в сечении бронзовой проволоки, с заходящими друг за друга пластинчатыми веслообразными концами, украшенными косыми на-

сечками. Внутренний диаметр браслета 3,4 x 3,8 см, толщина проволоки 2,5 мм.

Бронзовая литая крестообразная пятиконечная подвеска с петелькой и коническими концами (табл. XXVII, 20).

Бронзовая цепочка длиной 11 см из круглой и овальной формы звеньев, сделанных из узеньких пластиночек, со сходящимися посередине концами (табл. XXVII, 13). Цепочка эта, очевидно, служила браслетом, так как концы ее были связаны тканевым шнурком.

Янтарная бусина треугольной формы со слегка усеченной вершиной.

Погребение 24 (31). Раскоп III. Захоронение произведено в овальной яме (190 x 70 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 105 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк полностью истлел.

В северо-западной части могильной ямы найдены:

Глиняный кувшинчик красно-серого обжига с дугообразной плоской ручкой, шарообразным туловом, воронкообразной горловиной и гребенчатым рифлением по тулову (табл. XVIII, 6). Размеры: высота 13,5 см, диаметр горловины 6,5 см, диаметр тулова 11,4 см, диаметр дна 6,5 см.

Глиняный горшок красно-серого обжига, с отогнутым наружу венчиком и выпуклым округлым туловом (табл. XVIII, 2). Высота горшка 12 см, диаметр по верхнему открытому краю 11,2 см, диаметр тулова 15 см, диаметр дна 8 см.

Фрагментированная круглопроволочная бронзовая шейная гривна типа табл. XXIII, 2, орнаментированная поперечными врезными линиями, чередующимися гладкой поверхностью.

Браслет овальной формы типа табл. XXIV, 3 из полукруглой в сечении бронзовой проволоки с утоньшенными концами. Его внутренний диаметр 3,6 x 4,2 см.

Погребение 25 (34). Раскоп III. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 70 см). Дно могилы на глубине 100 см вымощено мелкой морской галькой. От костяка сохранились истлевшие фрагменты черепа, лучевых и локтевых костей рук, ключиц, по которым установлено, что покойник был ориентирован головой на северо-запад.

В северо-западной части могильной ямы обнаружены:

Сероглиняный сосудик баночной формы со слегка отогнутым наружу венчиком и гребенчатым рифлением по тулову (табл. XVIII, 18). Высота его 8,3 см, диаметр по верхнему открытому краю 7,5 см, диаметр тулова 8,9 см, диаметр дна 5,5 см, толщина стенки 4 мм.

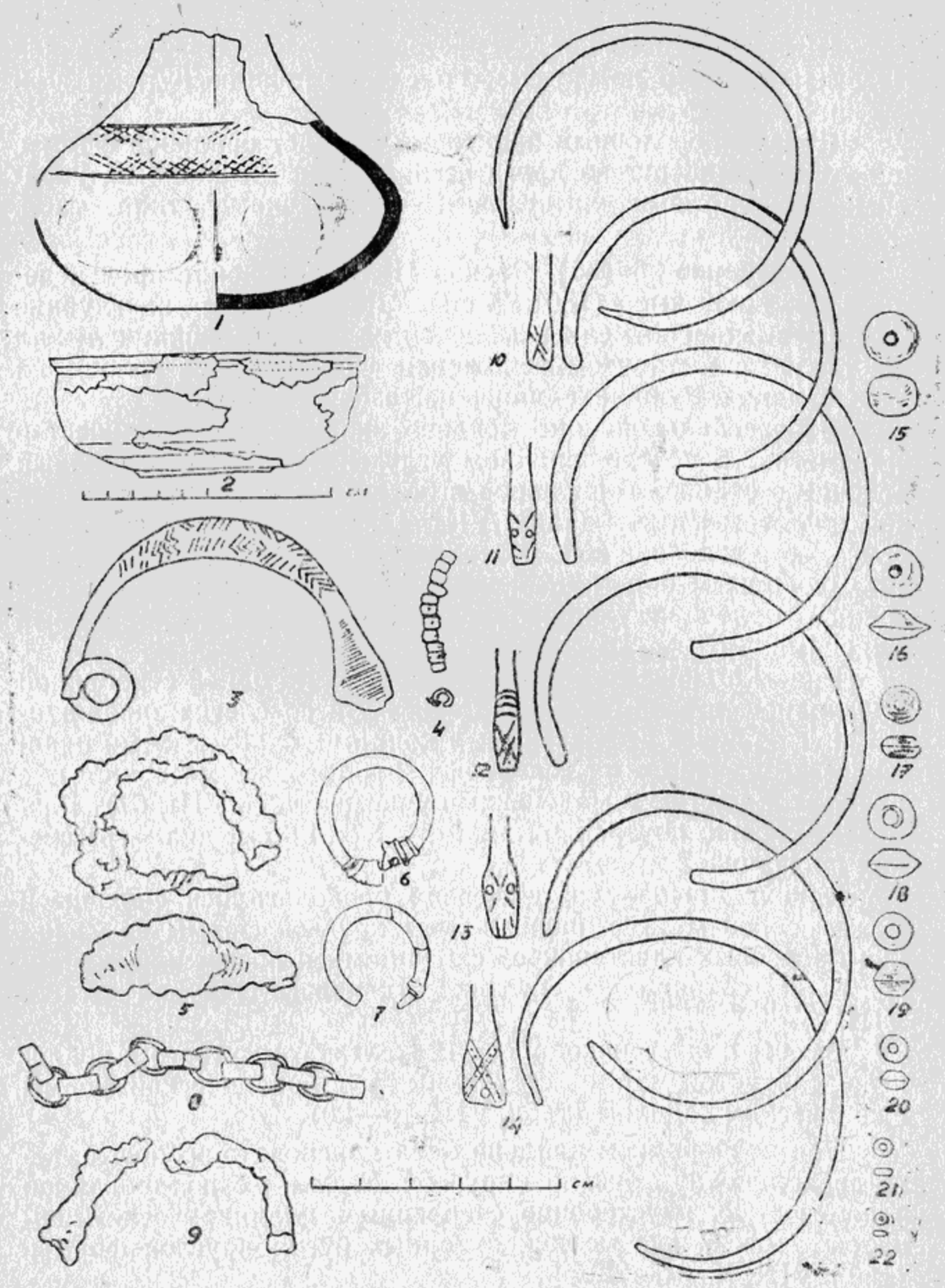

Таблица VIII. Красномаяцкий могильник. Инвентарь погребения № 26 (35). 1 — глина; 2—4, 8, 10—14 — бронза; 5, 9 — железо; 6, 7 — серебро; 15—22 стекло, сердолик.

Шесть голубого цвета пастовых бусин шарообразной формы (диаметр до 0,5 см), со слегка приплюснутыми концами.

Круглопроволочный бронзовый браслет овальной формы, с заходящими друг за друга веслообразными концами, украшенными косыми крестиками и насечками типа табл. XXIII, 10.

Погребение 26 (35). Раскоп III. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 75 см). Дно могилы на глубине 110 см вымощено мелкой морской галькой. Покойник лежал на спине, в вытянутом положении с ориентацией головы на северо-запад. Руки находились на тазовых костях.

В погребальной яме найдено значительное количество предметов. В северо-западном углу могилы стоял глиняный кувшин с отбитой горловиной и без ручки, с округлым и низким туловом и дном (табл. VIII, 1). Сосуд красноватого обжига, с чернолощеной поверхностью; предплечье покрыто штампованным орнаментом из врезных зубчатых остроугольников; горловина украшена горизонтальными желобчатыми поясками.

Рядом с висками черепа находились по одной серебряной круглопроволочной сережке. Серьги эти со слегка заходящими друг за друга утоньшенными концами, снабженными пластинчатыми звериными головками (из того же материала), с раскрытой пастью и маленькими ушами (табл. VIII, 67). Размеры сережек: внутренний диаметр 1,7 x 1,8 см, диаметр сечения проволоки 2 мм.

Вокруг нижней части черепа располагались спекшиеся между собой мелкие пронизи-бусы круглой формы из узеньких бронзовых пластинок со сходящимися посередине концами. В них сохранились кусочки тканевого шнурка (табл. VIII, 4).

Вместе с ними находилось 12 желтовато-мутного и коричнево-золотистого цветов стеклянных бус биконической формы с коническим каналом (табл. VIII, 16—20).

Под подбородком найдена одна красновато-розового цвета сердоликовая бусина округлой формы, с полированной поверхностью, двусторонне сверленным цилиндрическим каналом и несколько мелких янтарных бусин круглой формы (табл. VIII, 15, 21—22).

Под кистью правой руки лежала фрагментированная железная фибула с пластинчатой овальной дужкой (табл. VIII, 5).

На груди покойника найдена бронзовая фибула со вздутой слегка граненой дужкой, орнаментированной косыми врезными черточками. Фибула с одним витком у зарождения дуги и

лопатообразным приемником (табл. VIII, 3). Размеры: длина 6,6 см, высота 4, 1 см, диаметр вздутой части дуги 8 мм, ширина пластинчатого лопатообразного приемника 1 см. Игла фибулы отломана. Облом старый.

Вокруг шеи, предплечья и на груди располагалась бронзовая цепочка, длиной 120 см, состоящая из круглой и овальной формы звеньев, сделанных из узеньких пластинок со сходящимися посередине концами (табл. VIII, 8).

Посередине могильной ямы лежал бронзовый сосуд в виде фиала. Размеры: высота 6 см, диаметр по верхнему открытому краю 9,5 x 10,5 см, диаметр тулова в средней части 11 см, диаметр дна 5,2 см, толщина стенки 0,5 мм. Весь сосуд распался на мелкие части при извлечении его из могилы (табл. VIII, 2).

У предплечья правой руки лежала фрагментированная железная фибула с пластинчатой дужкой, одним витком у зарождения дуги. Фибула покрыта толстым бугристым слоем леска, пропитанным железной ржавчиной. Размеры: длина 5 см, высота 2,5 см. (табл. VIII, 9).

На правой руке были два круглопроволочных бронзовых браслета с зооморфными головками на концах (табл. VIII, 10—13). Размеры первого браслета: внутренний диаметр 5,4 x 5,6 см, ширина просвета между концами 3 см, круглого сечения—4 мм. Звериные головки браслета с гравированным орнаментом, состоящим из симметрично расположенных глаз и остроугольников. Размеры второго браслета: внутренний диаметр 5 x 6 см, ширина просвета между концами 3,3 см, диаметр круглого сечения 5 мм. Звериные головки этого браслета украшены врезными косыми крестиками и поперечными надрезами.

На левую руку были надеты четыре проволочных бронзовых браслета. Первый — со змеевидными головками на концах, с двумя симметрично расположенными на них глазками, отделенными друг от друга крестообразными черточками (табл. VIII, 11). Размеры браслета: внутренний диаметр 4,8 x 6 см, ширина просвета между концами 2,2 см, диаметр круглого сечения 4 мм. Второй браслет также со змеевидными головками на концах, украшенными врезными остроугольниками (табл. VIII, 12). Размеры: внутренний диаметр 4,3 x 5 см, ширина просвета между концами 2,2 см, диаметр круглого сечения 3,5 мм. Третий браслет с уширенными пластинчатыми концами, орнаментированными кружочками и косыми крестообразными полосками; последние заполнены точечными ямками (табл. VIII, 14). Размеры браслета: внутренний диаметр 5,2x6,5 см, ширина просвета между концами 3,3 см, диаметр круглого сечения 3,5 мм. Четвертый браслет с утоньшенными

концами (табл. VIII, 10а). Размеры: внутренний диаметр 5,3 х 5,5 см, ширина просвета между концами 2,3 см, толщина полукруглой в сечении проволоки 3 мм.

Погребение 27 (36). Раскоп III. Захоронение произведено в овальной яме (190 х 70 см.). Дно могилы на глубине 100 см вымощено мелкой морской галькой. От костяка сохранились истлевшие фрагменты черепа, локтевых и берцовых костей, по которым удалось установить, что покойник лежал на спине в вытянутом положении с ориентацией головы на северо-запад.

У северо-западной стенки могилы стоял глиняный красно-серого обжига сосудик, близкий к баночной форме, с петлевидной ручкой и отогнутым венчиком (табл. XVIII, 6). По шейке сосуда расположены рельефные налепные пуговки. Размеры горшка: высота 11 см, диаметр по верхнему открытому краю 9 см, диаметр тулова 11 см, диаметр дна 7.5 см, толщина стенки 5 мм.

Юго-восточнее горшка на расстоянии 27 см находился бронзовый браслет из проволоки ромбического сечения, со слегка заходящими друг за друга концами. Внутренний диаметр браслета 3,5 х 4,5 см, толщина сечения проволоки 5 мм.

Погребение 28 (37). Раскоп III. Захоронение произведено в овальной яме (180 х 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 110 см вымощено мелкой морской галькой. От костяка почти ничего не сохранилось.

В северо-западном углу ямы находились два железных наконечника копья листообразной формы с разрезными втулками. Длина первого со втулкой 24,5 см, наибольшая ширина пера у основания 3,8 см, диаметр втулки 1,9 см. Размеры второго наконечника: длина со втулкой 21 см, ширина пера у основания 3,3 см, диаметр втулки 1,8 см.

Южнее наконечников копий лежали два железных ножа. Первый нож серповидный (острие отломано) с язычковидной ручкой, являющейся продолжением его спинки (табл. XX, 12). Длина его сохранившейся части 10 см, ширина лопасти у основания 2 см. Второй нож треугольной формы, с уступом при переходе к черенку; на черенке сохранились следы дерева (табл. XX, 9). Размеры ножа: длина с ручкой 12,5 см, ширина лопасти у основания 2 см.

Погребение 29 (38). Раскоп III. Захоронение произведено в овальной яме (190 х 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 110 см вымощено мелкой морской галькой. От костяка почти ничего не сохранилось.

У северо-западной стенки ямы найдены две серебряные круглопроволочные серьги со слегка заходящими друг за друга утоньшенными концами, снабженными пластинчатыми

звериными головками (из того же металла), с раскрытой пастью и маленькими ушами (табл. XXVII, 12). Звериные головки в трех местах украшены мелкой зернью.

Юго-восточнее сережек найдены: фрагментированная шейная гривна из раскрученной бронзовой проволоки, с уширенными плоскими концами, украшенными косыми насечками типа табл. XXIII, 2; пять янтарных бусин пирамидальной, граненой, конусовидной и круглой формы; фибула со вздутой крутой дужкой из бронзовой проволоки ромбического сечения, с одним витком у зарождения дуги, с гравированным орнаментом, состоящим из продольных линий и косых насечек (табл. XXV, 1).

По месту нахождения гривны и височных колец устанавливается, что покойник был ориентирован головой на северо-запад.

Погребение 30 (39). Раскоп III. Захоронение произведено в овальной яме (180 х 70 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 105 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк почти полностью истлел.

У северо-западного угла ямы находился глиняный кувшинчик красно-серого обжига, с выпуклым тупореберчатым туловом. Предплечье сосуда опоясано врезными косыми насечками (табл. XVII, 7). Размеры кувшинчика: высота 10,3 см, диаметр горловины 4,9 см, диаметр тулова 8,5 см, диаметр дна 6,3 см, толщина стенки 0,5 см.

В средней части могильной ямы лежали два круглопроволочных с винтообразной нарезкой бронзовых браслета овальной формы с заходящими друг за друга пластинчатыми уширенными концами, снабженными сквозными отверстиями и орнаментированными косыми врезными черточками и остроугольниками (табл. XXIII, 9). Диаметры браслетов 3,5 х 4 см.

Погребение 31 (44). Раскоп IV. Захоронение праха покойника произведено в овальной яме (190 х 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 100 см вымощено мелкой морской галькой. От костяка почти ничего не сохранилось.

В средней части могильной ямы лежал фрагментированный лентовидный пластинчатый бронзовый пояс типа табл. XXVI, 1 с пряжкой, украшенной звериной головкой на длинной крючковидной шее. Длина сохранившихся фрагментов пояса 50 см, ширина 4,5 см, толщина 0,5 мм. Конец пояса закруглен. Поясная пряжка имеет вытянутую четырехугольную форму размером 1,5 х 4,5 см.

На поясе сохранились отпечатки ткани от одежды покойника (рис. 34).

Погребение 32 (45). Раскоп IV. Захоронение произведе-

но в овальной яме (180 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 110 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В северо-западной части ямы найдено тридцать сердоликовых бус цвета пива типа табл. VIII, 15. Одна бусина круглой формы с односторонне сверленным цилиндрическим каналом, восемнадцать бусин округлой формы с двухсторонне сверленным цилиндрическим каналом, восемь — шарообразной формы, с двусторонне стверленным цилиндрическим каналом, три — биконической формы, с двусторонне сверленным цилиндрическим каналом. Средний их диаметр около 1 см.

Вместе с сердоликовыми бусами находились две литые бронзовые двуконусные бусины длиной 2,2—3,3 см и диаметром сечения в средней части 1,8 см (табл. XXVII, 25). В отверстии одной бусины сохранился кусочек шнурка из нескольких нитей.

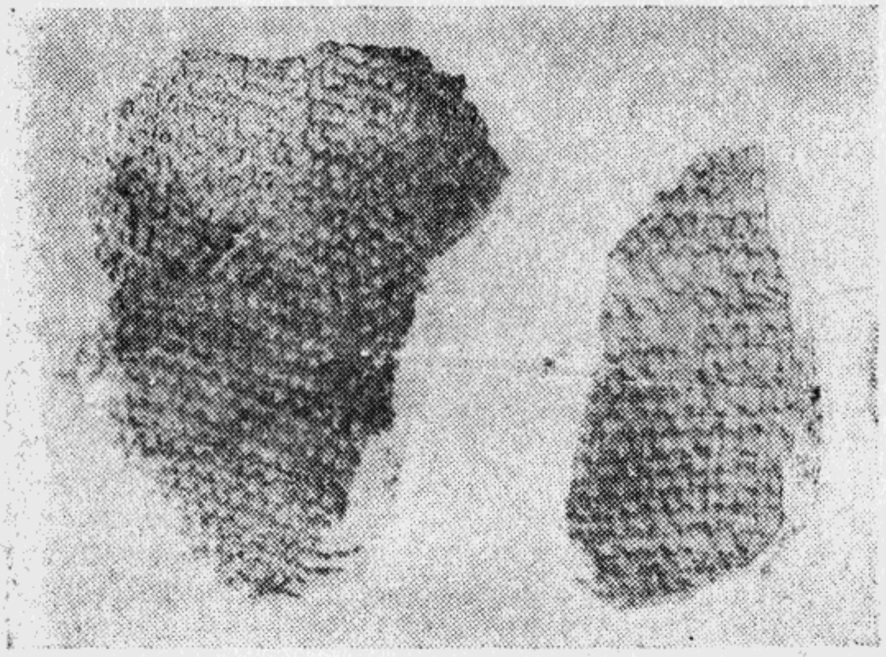

Рис. 34. Красномаяцкий могильник. Погребение 31 (44). Остатки ткани.

В средней части могильной ямы найдены два железных кольца из толстого круглого сечения прута с разомкнутыми концами (табл. XXIII, 5), располагавшиеся на расстоянии 40 см друг от друга. Внутренний диаметр их 5 x 5 см, диаметр круглого сечения 2 см, ширина просвета между концами 2,2 см. Изделия эти по своей форме, толщине и размерам копируют бронзовые так называемые ножные кольца, известные среди колхидско-кобанских вещевых находок.

Погребение 33 (46). Раскоп IV. В могильной яме округлой формы (диаметр 70 см) на глубине 110 см дно было обложено морской галькой. Следов костей не выявлено. Лишь в центре дна обнаружена миниатюрная бронзовая булавка длиной 1,5 см.

Погребение 33-а (47). Раскоп IV. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 110 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк в основном истлел.

У северо-западной стенки ямы находилось височное круглопроволочное бронзовое колечко овальной формы, с заходящими друг на друга слегка утоньшенными концами, судя по которому погребенный был ориентирован головой на северо-запад.

В средней части могильной ямы найдены:

Умбоновидная бронзовая поясная пряжка круглой формы типа табл. XXVI, 6, снабженная на оборотной стороне крючком и двумя петельками. Лицевая ее сторона с металлической темновато-серого цвета инкрустацией, изображающей шесть извивающихся змей и ленточковидный круг. Изображения вклепаны в щиток, а заклепки видны с тыльной стороны пряжки. Размеры пряжки: диаметр окружности 6 см, толщина пластинки 2 мм.

Серповидый железный нож, уширенный к основанию (табл. XX, 14). Черенок отломан. Длина сохранившейся части ножа 12 см, ширина у основания 3,8 см.

Погребение 34 (48). Захоронение произведено в овальной яме (190 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 100 см вымощено мелкой морской галькой. От костяка почти ничего не сохранилось.

У северо-западной стенки могилы лежала шейная гривна из толстого круглого сечения бронзового прута с закрученными в противоположные стороны пластинчатыми концами (табл. XXIII, 1). Один конец гривны орнаментирован косыми, елочковидно расположенными насечками. Внутренний диаметр гривны 9,3 x 11,3 см, диаметр сечения 1,4 см.

Юго-восточнее, около гривны, находились два бронзовых наконечника копья с разрезными втулками, снабженными сквозными отверстиями; во втулках сохранились следы дерева (табл. XXI, 6). Один наконечник лежал острием на юго-восток, другой — на северо-запад. Оба наконечника со срединными ребрами. Первый — лавролистной формы. Длина его 20,7 см, ширина пера у основания 3 см, диаметр втулки 1,4 см. Второй наконечник имеет узколистовидное перо, переходящее во втулку под выраженным углом. Длина его 18,5 см, ширина пера у основания 2,3 см, диаметр втулки 1,3 см. Втулка

второго наконечника с гравированным орнаментом, состоящим из поясков и зубцевидных остроугольников (табл. XXI, 3).

Погребение 35 (51). Раскоп IV. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 100 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В погребальной яме, у юго-западной ее стенки, собраны шестьдесят бронзовых бусин биконической формы, диаметром в средней части от 5 до 8 мм.

Погребение 36 (52). Раскоп IV. Захоронение произведено в овальной яме (190 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 120 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк полностью истлел. Яма сверху до глубины 100 см перекрыта ямой № 34 (48).

У северо-западного угла ямы лежал вверх дном сероглиняный кубковидный сосуд с выпуклым округлой формы туловом, короткой цилиндрической ножкой, изогнутым внутрь краем, с двумя петлевидными ушками, украшенными у верхних оснований налепными пуговками. Тулово сосуда орнаментировано каннелюрами; предплечье — ленточковидным пояском, заполненным косыми врезными черточками (табл. XVII, 10). Размеры горшка: высота 12 см, диаметр по верхнему открытому краю 9,3 см, диаметр тулова 17,5 см, диаметр дна 8 см.

Погребение 37 (53). Раскоп IV. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 115 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк полностью истлел.

В погребальной яме найдена одна умбоновидная бронзовая бляшка круглой формы, с петлей на оборотной стороне (табл. XXVII, 18). Диаметр окружности бляшки 3 см.

Погребение 38 (55). Раскоп V (рис. 35). Захоронение произведено в овальной яме (180 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы, выявленное на глубине 106 см, без галечного подстила. Костяк не сохранился (рис. 36).

У северо-западной стенки ямы находились два проволочных серебряных височных завитка овальной формы, с заходящими друг за друга расплющенными концами, украшенными поперечными надрезами (табл. IX, 8). Судя по ним, погребенный был ориентирован головой на северо-запад.

Юго-восточнее обнаружены:

Одна янтарная бусина вытянутой четырехугольной формы (табл. IX, 11).

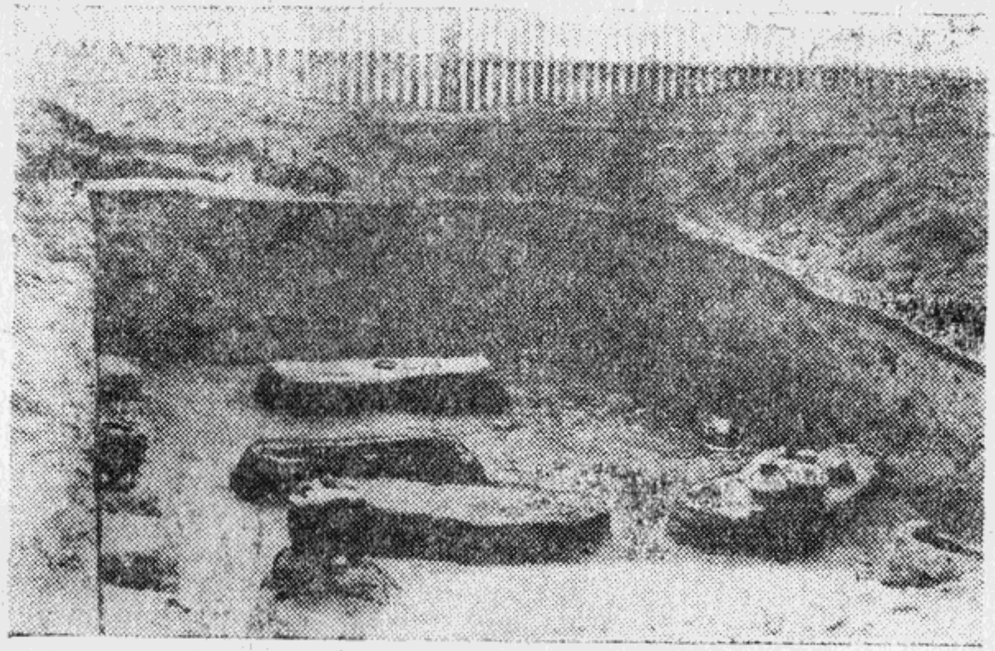

Рис. 35. Красномаяцкий могильник. Раскоп V.

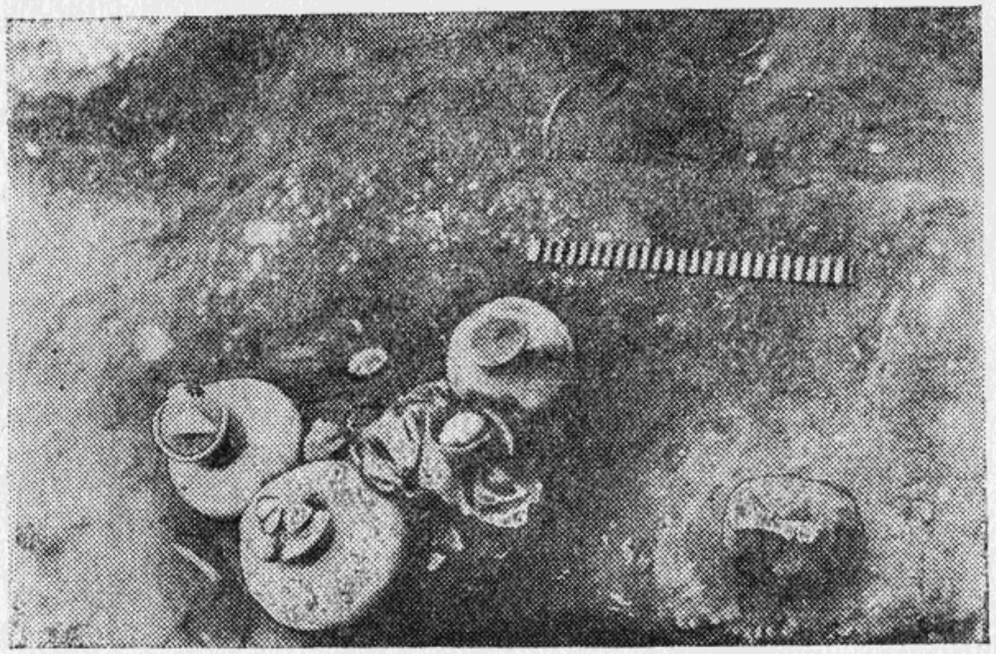

Рис. 36. Красномаяцкий могильник. Погребение 38 (55).

Две фигурные янтарные подвески (одна фрагментирована): целая, величиной 1,8 см, (табл. IX, 9, 10).

Десять мелких гешировых бусин бочонкообразной формы, величиной 5—6 мм (табл. IX, 14).

Две круглопроволочные бронзовые фибулы (одна фрагментирована) с одним витком у зарождения дуги (табл. IX, 5, 7). Утоньшенная часть дуги включена как поперечник в кружок, обсаженный в плоскости десятью шариками, диаметром 4 мм. Эта ажурная розетка, составляющая площадку дуги, диаметром 2—2, 2 см. Длина фибулы 4 см, высота 3 см.

В средней части могильной ямы находились следующие предметы:

Железный топор-молоток с короткой четырехгранной молоточной частью, плоской обушной площадью (табл. IX,6). Размеры: длина 13,5 см, ширина лопасти 6 см, диаметр проушины 2,2 х 3 см, толщина под проушиной 2,3 см.

Два браслета из тонкой бронзовой лентовидной пластинки шириной 1,5 см; они с гравированным орнаментом, состоящим из елочных дорожек, ломаных остроугольных линий, зубцевидных остроугольников, косых насечек. Некоторые из этих видов орнаментации ограничены врезными линиями (табл. IX, 15—16). Внутренний диаметр первого браслета 5,2 х 6 см, второго — 5 х 5,7 см.

Обломок железного ножичка со слегка загнутой спинкой (табл. IX, 13).

В юго-восточной части могильной ямы находились четыре глиняных кувшина красно-серого обжига. Первый кувшин с тупореберчатым туловом, дугообразной ручкой овального сечения и широкой горловиной; горловина и предплечье орнаментированы желобчатыми круговыми поясками и врезными остроугольными ломаными линиями; ручка сосуда у верхнего ее конца имеет налепную пуговку (табл. IX, 1). Высота сосуда 25,5 см, диаметр горловины 11 см, диаметр тулова 21 см, диаметр дна 9 см, толщина стенки 7 мм. Второй кувшин, типа предыдущего (табл. IX, 2); орнаментирован елочной дорожкой, волнообразными линиями и желобчатыми круговыми поясками. Высота его 23 см, диаметр горловины 9 см, диаметр тулова 19 см, диаметр дна 11 см, толщина стенки 6 мм. Третий кувшин без ручки со вздутым шаровидным туловом, широкой горловиной; орнаментирован желобчатыми круговыми поясками и волнообразными линиями (табл. IX, 4). Высота его 29 см, диаметр горловины 13 см, диаметр тулова 24 см, диаметр дна 13 см. Четвертый кувшин без ручки, с воронкообразной горловиной, вздутым шарообразным туловом, слегка выпуклым дном, без орнамента (табл. IX, 3). Высота его 21 см, диаметр горловины 9 см, диаметр тулова 15 см, диаметр слегка выпуклого дна 8 см.

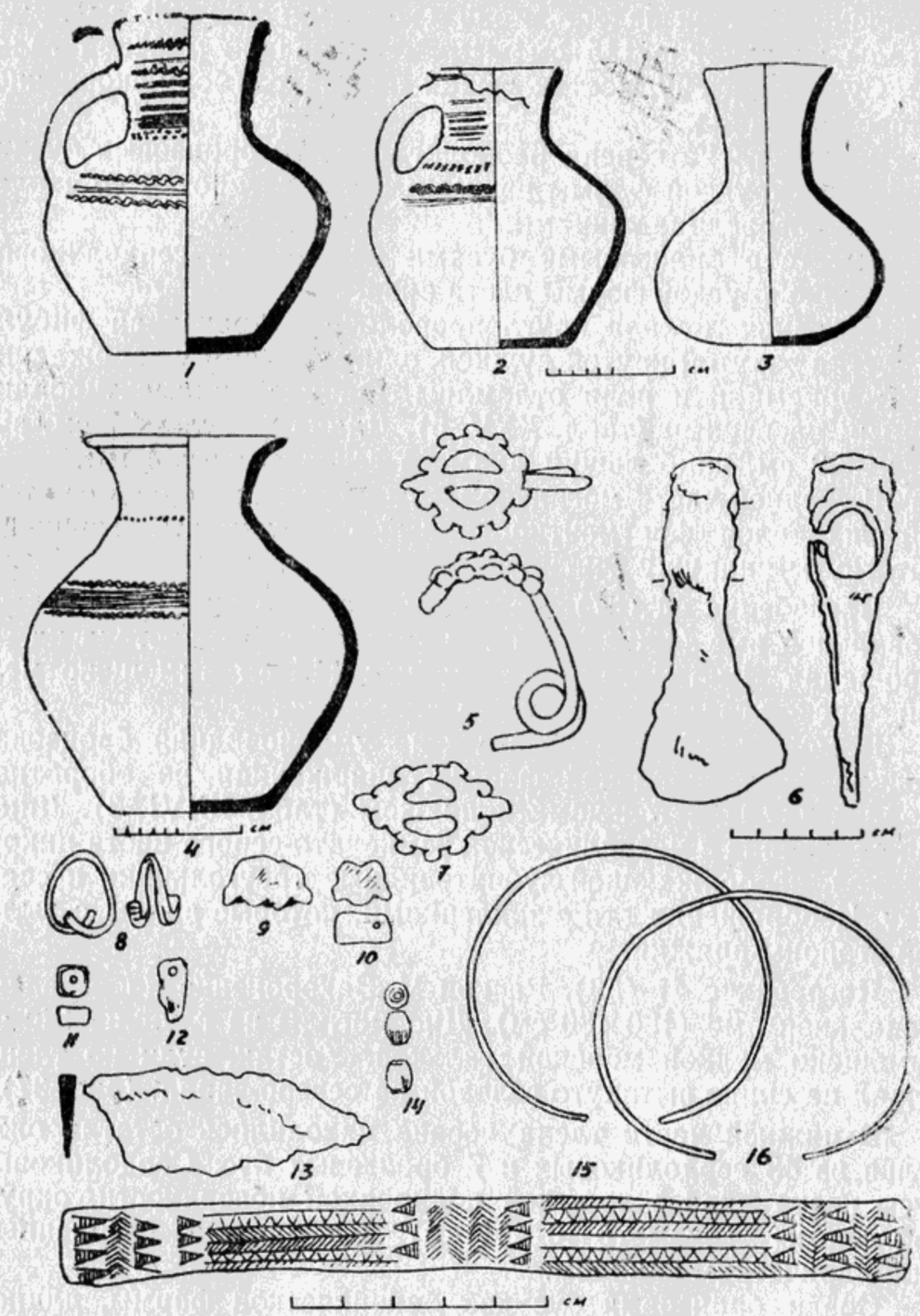

Таблица IX. Красномаяцкий могильник. Инвентарь погребения № 38 (55). 1—4 — глина; 5, 7, 8, 15, 16 — бронза; 6, 13—железо; 9—12, 14 — сердолик, стекло, янтарь.

Погребение 39 (56). Раскоп V, под предыдущей могилой. Захоронение произведено в овальной яме (190 x 80 см). Дно могилы на глубине 115 см вымощено мелкой морской галькой. Судя по тлену, костяк лежал на правом боку скорченно, головой на запад.

Вокруг тлена черепа располагались 70 бронзовых бусин-пронизей округлой формы из узеньких пластиночек со сходящимися посередине концами.

Вместе с бронзовыми бусами находилось сердоликовое украшение круглой формы цвета пива.

На груди лежала круглопроволочная бронзовая фибула со слегка вздутой крутой дужкой, одним витком у зарождения дуги; приемник и игла отломаны. Фибула орнаментирована косыми насечками (табл. XXV, 5). Длина фибулы 4,7 см, высота—3,2 см, наибольший диаметр сечения дуги 4 мм.

В средней части могильной ямы рядом с северной ее стенкой находился фрагментированный сероглиняный горшочек с отогнутым наружу венчиком.

Погребение 40 (57). Раскоп V. Захоронение произведено в овальной яме (190 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 115 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В могильной яме обнаружена умбоновидная бронзовая пряжка конусообразной формы, снабженная на оборотной стороне двумя петельками и крюком (табл. XXVI, 3). Лицевая ее сторона с металлической темновато-серого цвета инкрустацией, изображающей зубчатовидные треугольники и свастику. Изображения эти с заклепками, которые видны с тыльной стороны пряжки.

Погребение 41 (59). Раскоп V. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 80 см). Дно могилы на глубине 120 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк, судя по тлену, лежал на спине вытянуто головой на северо-запад. (рис. 37).

В нижней части тлена черепа находились остатки ожерелья из 43 сердоликовых и 7 бронзовых бус. Сердоликовые бусы цвета пива с хорошей полировкой поверхности, округлой формы (диаметр 10—11 см), двусторонне сверленным цилиндрическим каналом.

Среди бронзовых бус две биконической формы, длиной 1,7 см, третья — двуконусная, длиной 3,3 см, остальные четыре, сделанные из узеньких пластинок со сходящимися посередине концами, имеют бочонкообразную форму (табл. XXVII, 23).

Юго-восточнее бусин на расстоянии 50 см находились два бронзовых браслета из толстого круглого сечения прута (табл. XXIII, 7), располагавшиеся параллельно на расстоянии 24 см друг от друга. Внутренний диаметр первого 5 x 5,5 см, ширина просвета между концами 1,7 см, диаметр круглого сечения 1,2 см. Внутренний диаметр второго браслета 4,7 x 4,9 см, ширина просвета между концами 1,3 см, диаметр круглого сечения 1,2 см.

Посередине могильной ямы лежал фрагментированный бронзовый пластинчатый пояс с пряжкой типа табл. XXVI, 1, украшенный звериной головкой на длинной крючковидной шее. Размеры пояса: длина сохранившихся фрагментов 7,0 см, ширина—5,2 см, толщина—0,5 мм. Пряжка удлиненной четырехугольной формы (1,5 x 5,7).

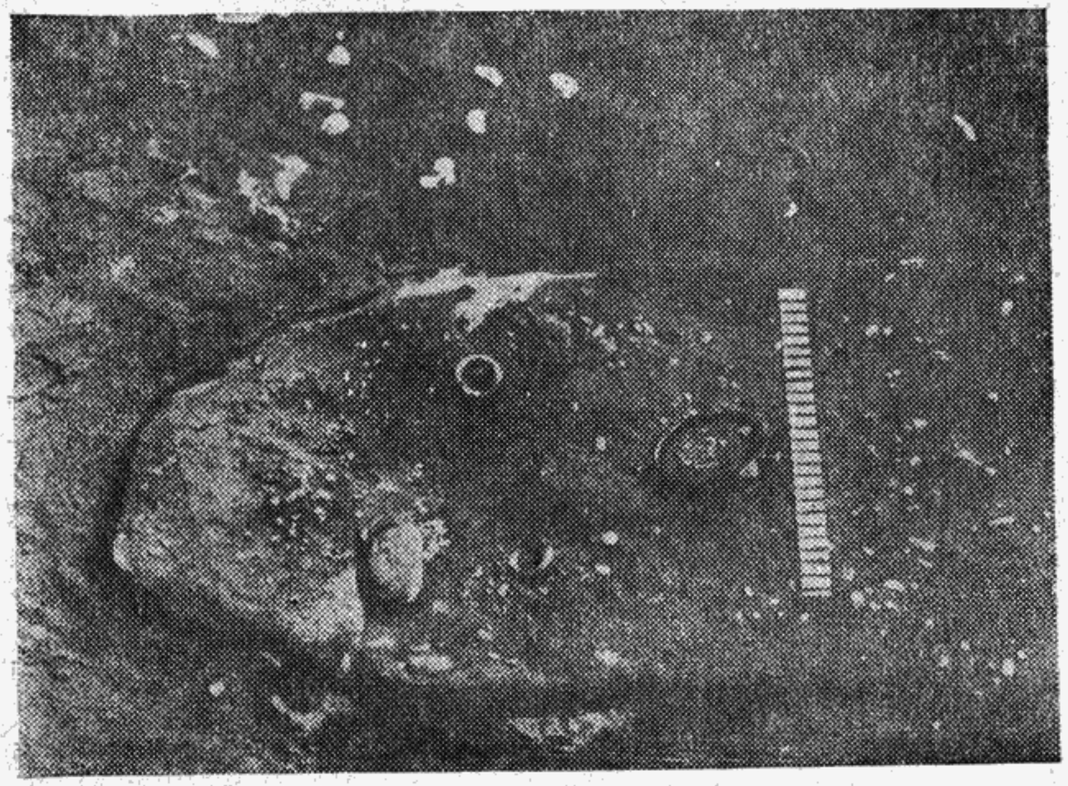

Рис. 37. Красномаяцкий могильник. Погребение 41 (59).

Погребение 42 (60). Раскоп V. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 110 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В северо-западной части ямы найдены: бронзовый наконечник копья типа табл. XXI, 1, треугольной формы, с выраженным срединным ребром, с разрезной разомкнутой втулкой. Длина сохранившейся части наконечника 14 см, ширина пера у основания 3,1 см, у конца—1 см.

Два круглопроволочных бронзовых височных завитка

овальной формы (табл. XXVII, 4), с заходящими друг за друга, слегка утоньшенными концами. Размеры первого завитка. наружное очертание овала 2 x 2,8 см, диаметр круглого сечения проволоки 6 мм. Размеры второго завитка: наружное очертание овала 1,7 x 2,1 см, диаметр круглого сечения проволоки 5 мм.

Сердоликовые бусы цвета пива. Всего их одиннадцать штук; из них девять округлой формы с односторонне сверленным цилиндрическим каналом, диаметр сечения 6—12 мм, диаметр отверстия со стороны сверления 2—2,5 мм; десятая бусина имеет овальную форму, с двусторонне сверленным цилиндрическим каналом, длиной 12 мм, диаметр отверстия 2 мм; одиннадцатая — приближается к конусообразной, с односторонне сверленным цилиндрическим каналом, величиной 10 мм.

Одна бронзовая бусина округлой формы из узенькой пластинки со сходящимися посередине концами.

В средней части могильной ямы лежала плоская бронзовая пряжка полуовальной формы, с двумя петельками и крючком на оборотной стороне (табл. XXVI, 13). Лицевая сторона пряжки с металлической темновато-серого цвета инкрустацией, изображающей полуовальный поясок и пять извивающихся змей. Изображения эти с заклепками, которые видны на оборотной стороне пряжки. Диаметр пряжки— 5,5 x 8 см, толщина 2,5 мм.

Погребение 42-а (61). Раскоп V. Захоронение произведено в округлой яме (диаметр — 80 см). Дно ее на глубине 110 см вымощено мелкой морской галькой. От костяка сохранились отдельные части черепа и позвонков.

Посередине могильной ямы лежала вверх дном сильно фрагментированная глиняная миска.

Погребение 43 (62). Раскоп V. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 118 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк полностью истлел (рис. 38).

У северо-западной стенки ямы лезвием на юг лежал бронзовый острообушный колхидский топор (табл. X, 1). Длина его 17,5 см, ширина лопасти 6 см, диаметр проушины топора 2,2 x 4 см, толщина под проушиной 3 см.

Юго-восточнее, около топора, находились четыре наконечника копий — 2 бронзовых и 2 железных.

Бронзовые наконечники копий листообразной формы, с разрезными разомкнутыми втулками, имеющими сквозные отверстия для крепления. Листовидное перо наконечников переходит во втулку под выраженным углом. Первый наконечник без четкой реберчатой грани; втулка частично разрушена (табл. X, 2). Длина его 20,5 см, ширина пера у основания 2,2 см, диаметр втулки 1,3 см. Второй наконечник с выраженной реберчатой гранью; втулка в значительной степени разрушена (табл. X, 3). Длина сохранившейся части 19 см, ширина пера у основания 3,2 см.

Железные наконечники копий с разрезными втулками. Первый имеет листовидное перо, переходящее во втулку под выраженным углом; втулка разрушена (табл. X,4). На поверхности наконечника сохранился кусочек ткани, пропитанный ржавчиной. Длина наконечника 17 см, ширина пера у основания 3,1 см. Второй наконечник лавролистной формы; острие отогнуто; (табл. X, 5), на втулке сохранился кусочек ткани, пропитанный ржавчиной. Длина наконечника 26 см, ширина пера у основания 3 см, диаметр втулки 1,6 см.

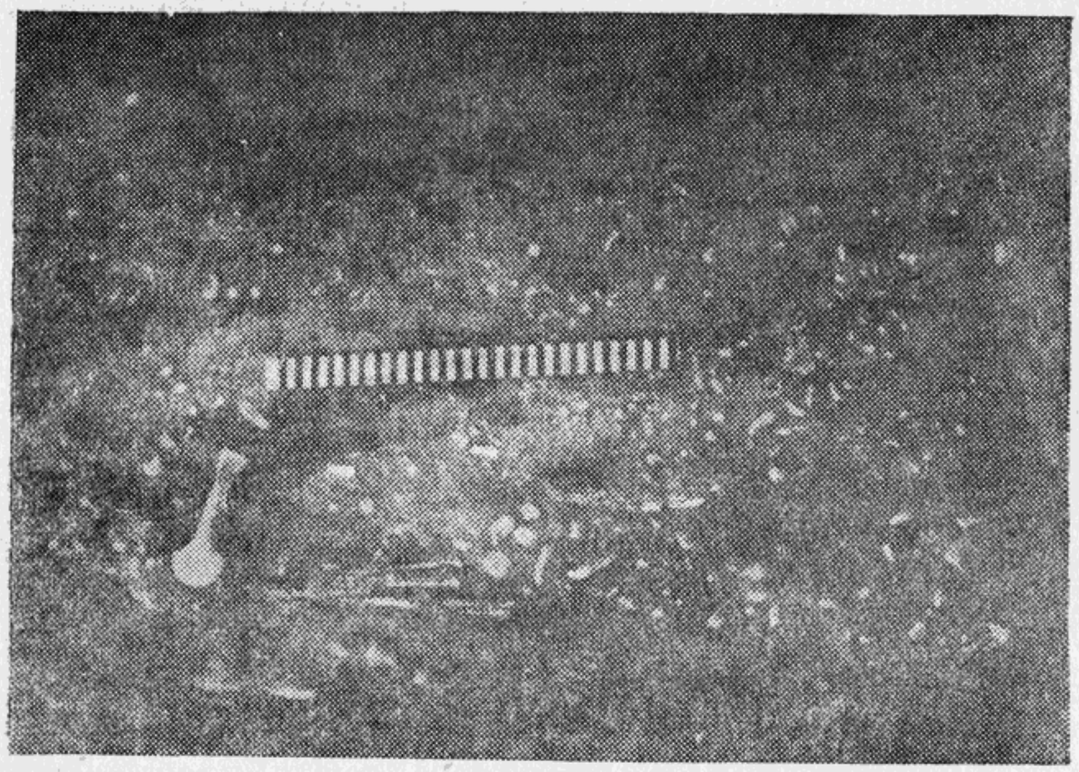

Рис. 38. Красномаяцкий могильник. Погребение 43 (62).

Юго-восточнее наконечников копий находился короткий железный кинжал с реберчатой гранью, остроугольным черенком, снабженным стерженьком для прикрепления рукояти; острие кинжала разрушено (табл. X, 6). На поверхности клинка видны остатки деревянных ножен. Длина сохранившейся части клинка 20 см, ширина клинка у основания 3,5 см, в средней части—2,9 см.

Вместе с кинжалом лежал железный нож с прямой спинкой, со слегка приподнятым вверх острием (табл. X,7). На поверхности его сохранились следы деревянных ножен. Длина ножа 13 см, ширина лопасти в средней части 2 см, у конца— 1,5 см.

Рядом с ножом находилась примитивно и схематически выполненная бронзовая фигурка человеческого торса со сложенными на груди руками. (табл. X, 8).

При дальнейшей разборке дна могилы, у северо-западной его стенки найдено одно круглопроволочное бронзовое височное колечко овальной формы с заходящими друг за друга слегка утоньшенными концами (табл. X, 9). Размеры: наружное очертание овала 2,2 x 2,9 см, диаметр круглого сечения 6 мм.

Погребение 44 (63). Вскрыто в раскопе V. Находилось под могилой № 60 (90). Захоронение произведено в овальной яме (180 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 130 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк полностью истлел (рис. 39).

В северо-западной части могильной ямы находились следующие предметы:

9 сердоликовых бус цвета пива округлой формы диаметром около 1 см (табл. XXVII, 26).

Несколько бронзовых бусин-пронизей круглой формы в виде колечек.

Бронзовое «шильце» из тонкой проволоки длиной 5 см.

Два бусовидных сероглиняных предмета шарообразной формы диаметром 2,5—2,7 см. (табл. XXVII, 15—16).

Подвеска скульптурная, керамическая, с тремя концами в виде звериных головок с раскрытой пастью (табл. XXVII, 10). Концы сверху покрыты серо-светлого цвета пастовой инкрустацией, изображающей волнистые полоски в виде извивающихся змей.

В средней части могильной ямы лежала пластинчатая бронзовая поясная пряжка полуовальной формы с восемью сквозными отверстиями для прикрепления пояса и крючком на оборотной стороне. У краев ее вокруг имеется гравированный орнамент, состоящий из косых насечек. Лицевая сторона пряжки с металлической темновато-серого цвета инкрустацией, изображающей ленточковидный полуовальный круг и трех в один ряд идущих гусей или лебедей, с вытянутыми вверх шеями (табл. XXVI, 13). Изображения эти с заклепками, которые видны с оборотной стороны пряжки. Размеры: пряжки диаметр полуовала 7,5 x 10,5 см, толщина пластинки 2 мм.

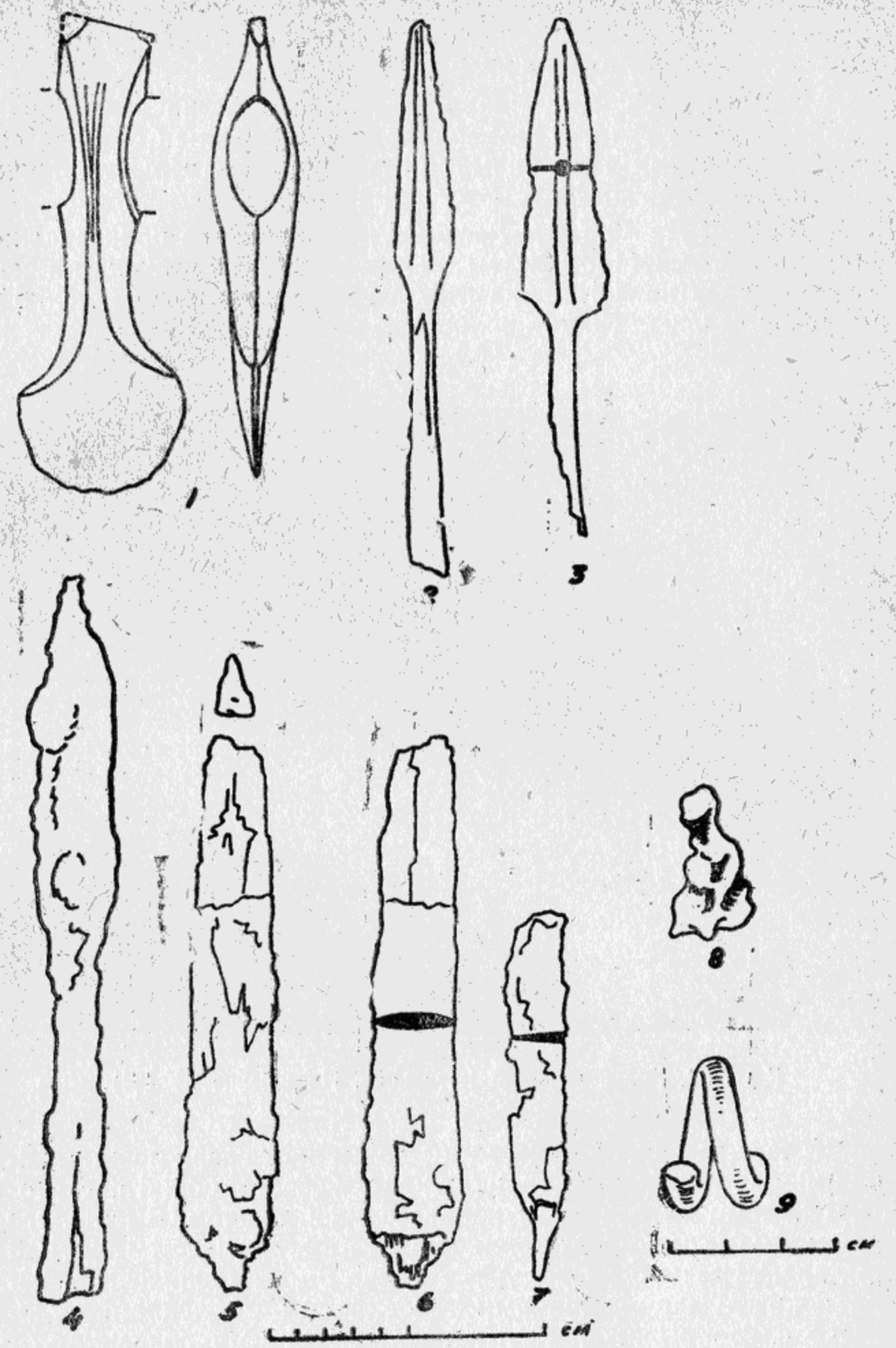

Таблица X. Красномаяцкий могильник. Инвентарь погребения № 43 (62). 1—3, 8, 9 — бронза; 4—7 — железо.

Погребение 45 (64). Раскоп V. Захоронение произведено в овальной яме (190 х 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 105 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк полностью истлел.

В могильной яме обнаружена одна пластинчатая бронзовая поясная пряжка круглой формы. Оборотная сторона ее снабжена двумя петельками и крючком. Размеры пряжки: диаметр окружности 4,3 см, толщина 2 мм.

Погребение 46 (65). Раскоп V. Захоронение произведено в овальной яме (180 х 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 105 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк полностью истлел.

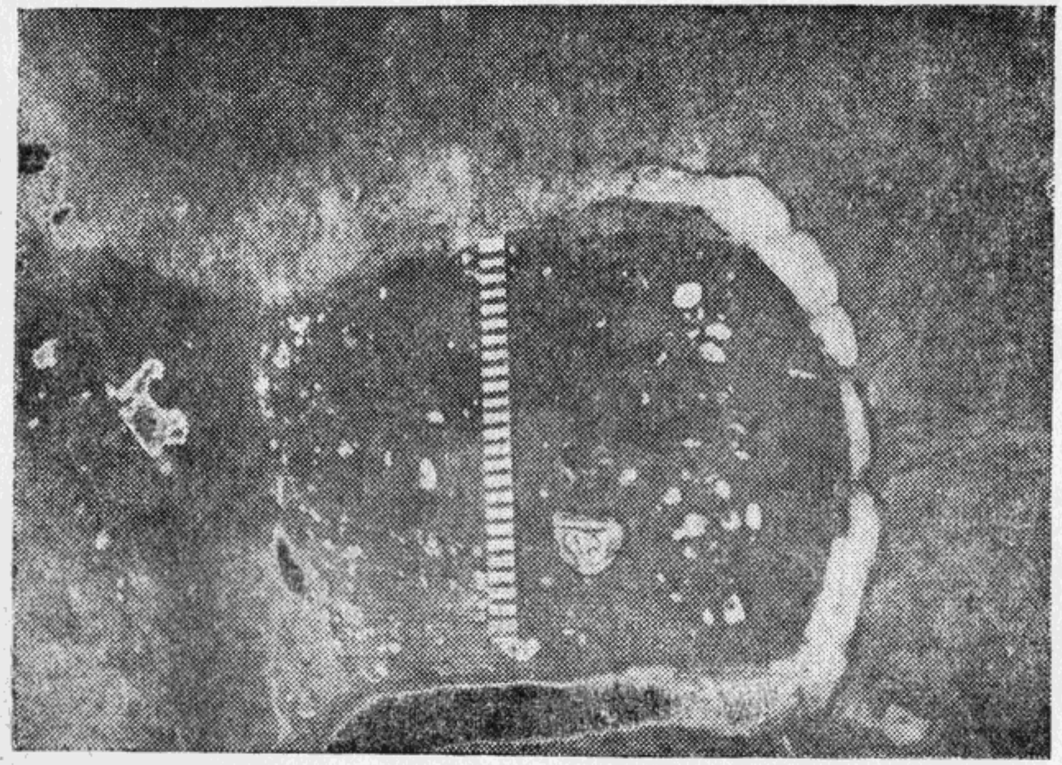

Рис. 39. Красномаяцкий могильник. Погребение 44 (63).

У юго-восточной стенки ямы донышком вверх лежал глиняный баночковидный горшок красно-серого обжига, с отогнутым наружу венчиком и петлевидной ручкой. Высота его 12 см, диаметр по верхнему краю 10,2 см, диаметр тулова 10,8 см, диаметр дна 6 см, толщина стенки 5 мм. Предплечье сосуда покрыто горизонтальным гребенчатым рифлением; тулово со слабо выраженными каннелюровидными полосками.

Погребение 47 (66). Раскоп V. Кувшинное, с обрядом вторичного захоронения. Могильная яма занимала площадь 90 см, глубина ее от дневной поверхности 130 см. Погребальный сосуд красно-серого обжига, со вздутым туловом, тонкостенный, неорнаментированный, находился донышком вверх (табл. XI, 1).

В кувшине, вместе с неполным человеческим костяком, в основном истлевшем, находились следующие предметы:

Бронзовая поясная пряжка удлиненно-четырехугольной формы, величиной 2 х 5 см, с пятью отверстиями для прикрепления пояса и крючком на оборотной стороне. Лицевая ее сторона с гравированным орнаментом, состоящим из ломаных остроугольных линий и косых насечек (табл. XI, 8).

Бронзовый пластинчатый браслет с заходящими друг за друга веслообразными концами, украшенными гравированным орнаментом, состоящим из елочных дорожек и извивающихся змей с точечными наколами (табл. XI, 7). Внутренний диаметр браслета 4—4,2 см.

Два круглопроволочных бронзовых височных завитка в полтора оборота, с заходящими друг за друга концами (табл. XI,9—10). Внутренний диаметр завитка 1 см, диаметр круглого сечения 5 мм.

Двенадцать бронзовых бусин, из них одна двуконусная, длиной 2 см (табл. XI, 2), остальные биконической формы, свернутые из узеньких пластиночек со сходящимися посередине концами (табл XI, 3—6).

Мелкие рубленые одинарные и тройные пастовые бусы голубого цвета круглой формы, диаметром 2—3 мм.

Бронзовый кнопкообразный предмет с острым кончиком.

Погребение 48 (67). Раскоп V. Кувшинное, с обрядом вторичного захоронения. Могильная яма занимала площадь 80 см, глубина ее 120 см. Погребальный сосуд красно-серого обжига со вздутым туловом, тонкостенный, неорнаментированный, находился донышком вверх.

В кувшине, рассыпавшемся на мелкие части при его извлечении, за исключением почти сгнивших кусочков черепа, локтевых костей, ключиц, не оказалось ни одного предмета.

Погребение 49 (68). Раскоп V. Кувшинное, с обрядом вторичного захоронения. Могильная яма занимала площадь 90 см, глубина ее 130 см. Погребальный сосуд красно-серого обжига со вздутым туловом, тонкостенный, неорнаментированный, находился донышком вверх. Выделка небрежная, плохого обжига. Сосуд распался на мелкие части при извлечении его из могилы.

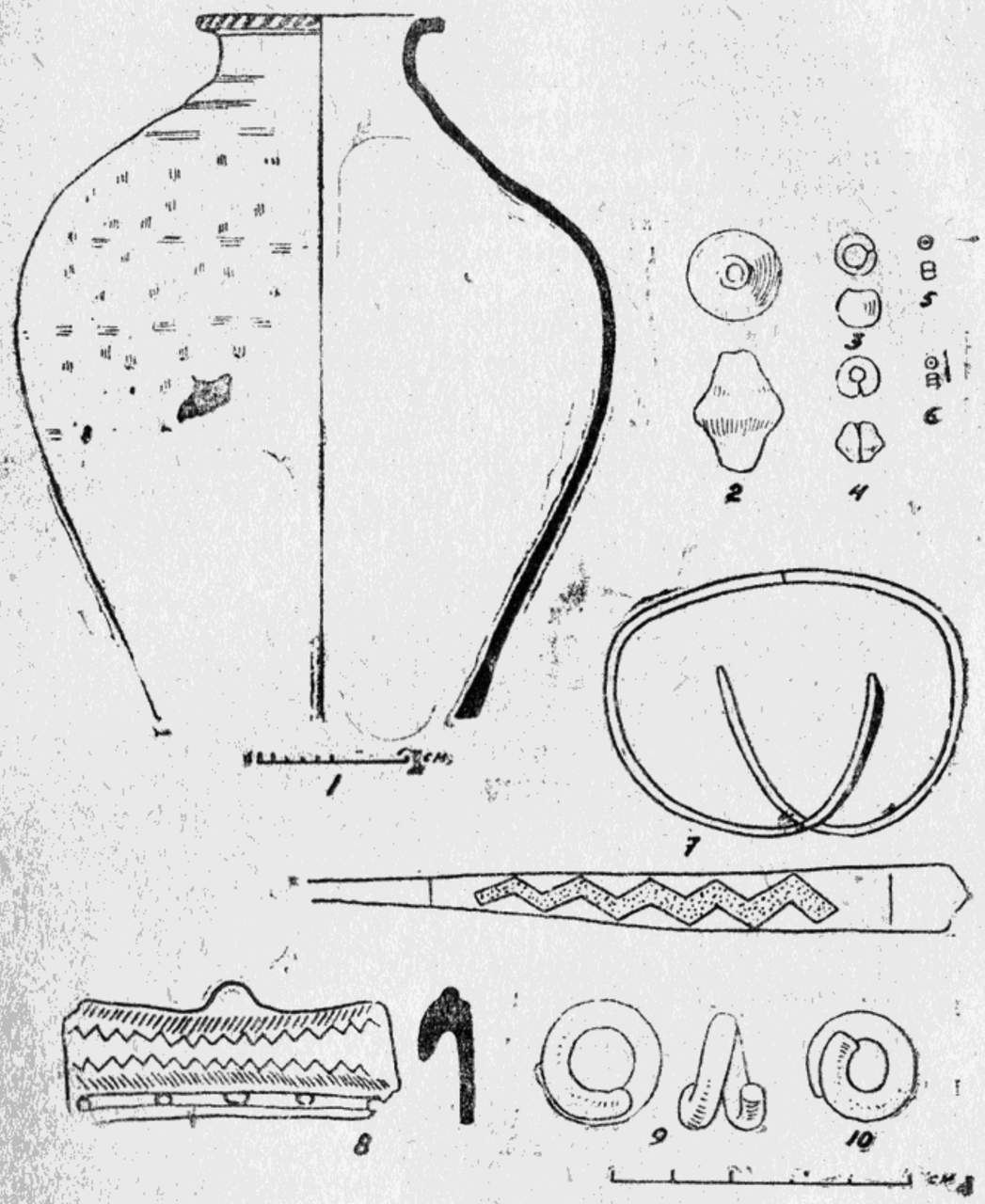

Таблица XI. Красномаяцкий могильник. Инвентарь погребения № 47 (66). 1, 2 — глина; 3—6 — стекло, паста; 7—10 — бронза.

В кувшине, вместе с перегнившими костями человеческого черепа, находились:

Круглопроволочная бронзовая фибула со слегка вздутой дужкой лучковой формы, одним витком у зарождения дуги и плоским веслообразным приемником. Фибула с гравированным орнаментом, состоящим из продольных елочных дорожек (табл. XXV, 7). Размеры: длина 9,5 см, высота 5 см, диаметр сечения вздутой части дуги 6 мм.

Шесть бронзовых бусин; из них одна бочонкообразной формы, длиной 8 мм (табл. XXVII, 24), остальные биконической формы, величиной 16—17 мм.

Погребение 50 (69). Раскоп V. Захоронение произведено в овальной яме (190 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 100 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В северо-западной части ямы найдены:

Бронзовая колечковидная бусина округлой формы (диаметр 1,3 см).

Фрагменты пластинчатой спирали со срединным продольным ребром с сохранившейся длиной в 3,5 см (табл. XXII, 6).

Круглопроволочный бронзовый браслет с внутренним диаметром 3,5 x 3,5 см (табл. XXIV, 6).

Погребение 51 (70). Раскоп V. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 115 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк истлел.

Посередине могильной ямы находилась пластинчатая бронзовая поясная пряжка удлиненной четырехугольной формы, размером 2 x 4 см, с четырьмя отверстиями для прикрепления пояса и крючком на оборотной стороне. Лицевая ее сторона с гравированным орнаментом, состоящим из спиральных завитков, заключенных в вытянутый четырехугольный поясок, заполненный сетчатой штриховкой (табл. XXVI, 17).

Погребение 52 (74). Раскоп V. Захоронение произведено в округлой колодцеобразной яме (Д = 70 см). Дно могилы на глубине 100 см вымощено мелкой морской галькой. От костяка, видимо, вторичного захоронения, сохранились истлевшие части черепа, ключиц и локтевых костей. В середине ямы находились:

Фрагментированный глиняный горшок серо-темного обжига.

Три бронзовые бусины, из них две—округлой формы, третья — двуконусная.

Одна сердоликовая бусина цвета пива округлой формы с двусторонне сверленным цилиндрическим каналом.

Двадцать бисеринок из голубой пасты круглой формы, рубленые — одинарные, двойные, тройные.

Умбоновидная поясная бронзовая пряжка круглой формы (табл. XXVI, 6). Оборотная сторона ее снабжена двумя петельками и крючком. Лицевая сторона пряжки с металлической серовато-темного цвета инкрустацией, изображающей ленточковидный овальный круг и пять извивающихся змей. Изображения эти, покрытые сверху пастой голубого цвета, хорошо вырисовываются на зеленом фоне пряжки.

Погребение 52-а (75). Раскоп VI. (рис. 40). На дне колодцеобразной округлой ямы (диаметр 70 см, глубина 110 см), вымощенной мелкой морской галькой, обнаружены полуистлевшие обломки человеческого черепа и фрагменты сероглиняного горшка с отогнутым наружу венчиком.

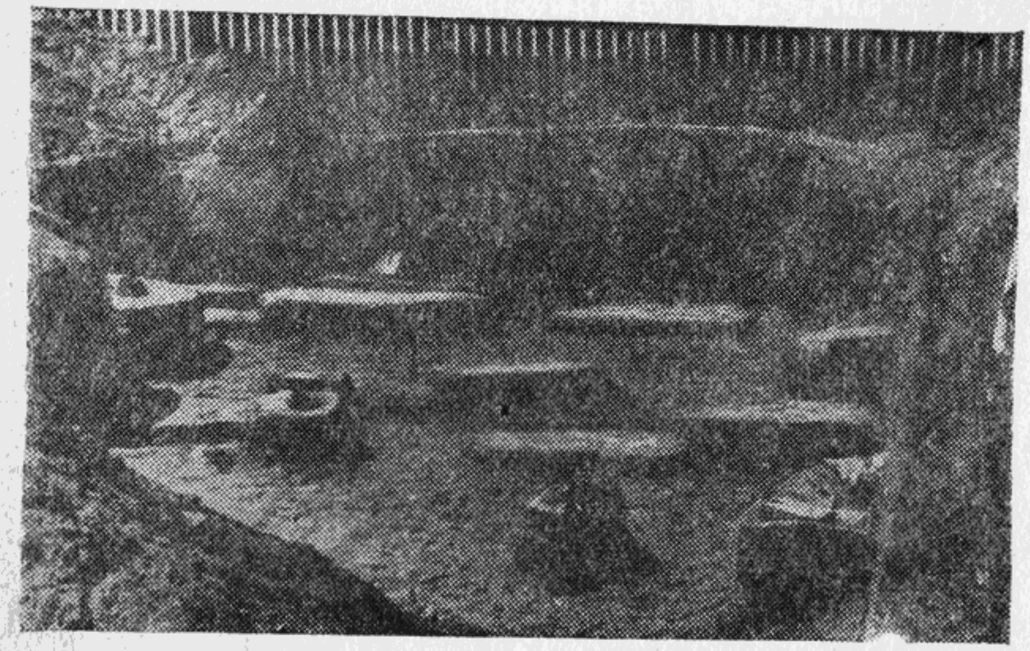

Рис. 40. Красномаяцкий могильник. Раскоп VI.

Погребение 53 (76). Раскоп VI. Захоронение произведено в округлой колодцеообразной яме (диаметр 70 см). Дно могилы на глубине 100 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

Посередине могильной ямы лежал на боку горшочек баночной формы серо-темного обжига, со слегка отогнутым наружу венчиком, с петлевидной ручкой, у верхней части которой имеется продольный налепной валик. Тулово сосуда со слабо выраженными каннелюрообразными вертикальными полосками (табл. XVIII, 19). Высота горшка 10 см, диаметр

по верхнему открытому краю 8,5 см, диаметр тулова 9 см, диаметр дна 5 см, толщина стенки 5 мм.

Погребение 54 (77). Раскоп VI. Захоронение произведено в овальной яме (190 x 70 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 100 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В северо-западном углу ямы лежал на боку глиняный горшочек буроватого обжига, приближающийся к баночной форме, с отогнутым наружу венчиком, с плоской язычковидно выступающей от тулова ручкой. Предплечье сосуда украшено резной волной; тулово — слабо выраженными каннелюровидными вертикальными полосками (табл. XVIII, 20). Высота горшка 10 см, диаметр по верхнему окрытому краю 7,5 см, диаметр тулова 9 см, диаметр дна 5 см, толщина стенки 4—5 мм.

Погребение 54-а (79). Раскоп VI. На дне колодцеобразной ямы (диаметр 80 см, глубина 120 см), вымощенной мелкой галькой, обнаружен раздавленный глиняный горшок серовато-темного цвета, с ручкой, украшенной звероподобными ушками и косыми продольными валиками.

Погребение 55 (80). Вскрыто в раскопе VI. Кувшинное, с обрядом вторичного захоронения. Могильная яма занимала площадь 90 см, глубина ее от дневной поверхности 130 см. Сосуд красно-серого обжига, хрупкий, со слегка отогнутым наружу венчиком, с двумя петлевидными ручками (табл. XVI, 1); он находился горловиной вниз, сильно фрагментирован тяжестью земли. Тулово кувшина орнаментировано рельефными поясками с косыми на них врезными черточками и вертикальными каннелюрообразными полосками, отделенными друг от друга косыми врезными черточками. Ручка сосуда украшена валиками, отделенными друг от друга желобочками.

В кувшине, за исключением некоторых человеческих костей, в основном перегнивших, не оказалось ни одной вещи.

Погребение 56 (85). Раскоп VI. Захоронение произведено в овальной яме (190 x 70 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 110 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В могильной яме обнаружены:

Железный наконечник копья лавролистной формы, с разрезной втулкой, без реберчатой грани (табл. XXI, 11). На поверхности наконечника в нескольких местах сохранились кусочки ткани, пропитанные ржавчиной. Длина наконечника 29 см, ширина пера у основания 3,5 см, диаметр втулки 2 см.

Бронзовый наконечник копья лавролистной формы, с выраженной реберчатой гранью; втулка наконечника без бокового разреза, снабжена сквозным отверстием для гвоздя; она имеет в разрезе слегка ромбическое сечение, типа табл. XXI, 5. Длина наконечника 16,5 см, ширина пера у основания 3 см, диаметр втулки 1,3 х 1,5 см.

Погребение 56-а (85). Раскоп VI. Округло-колодцеобразная яма (диаметр 70 см) по дну на глубине 110 см была вымощена мелкой галькой. Следов костяка и вещей не обнаружено.

Погребение 57 (86). Раскоп VI. Захоронение поизведено в овальной яме (180 х 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 115 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В погребальной яме обнаружена одна крестообразная бронзовая подвеска с четырьмя отходящими в противоположные стороны стерженьками, оканчивающимися кнопкообразными шляпками (табл. XXVII, 19). Подвеска с отверстием посередине, в котором сохранился кусочек тканевого шнурка.

Погребение 58 (87). Раскоп VI. Захоронение произведено в овальной яме (180 х 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 105 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк истлел.

У северо-западной стенки ямы находились 60 бронзовых одинарных, двойных, тройных, многопарных бусин биконической формы, сделанных из узеньких пластиночек со сходящимися посередине концами. В них сохранилась тканевая нить. Средняя длина бусины 4 — 6 мм, диаметр сечения до 6 мм.

Юго-восточнее лежал оригинальный литой бронзовый кинжальчик изящной работы, покрытый черной благородной патиной зеркального блеска (табл. XX, 7). Длина его 9,7 см, ширина у основания клинка 2 см. На вершине рукояти, снабженной сквозным отверстием для подвешивания, прикреплена скульптурная головка собачки с раскрытой пастью и стоячими ушами. Лезвие покрыто гравированным орнаментом, состоящим из штриховых зубцевидных треугольников, треугольников со сходящимися вершинами, фантастического животного с раскрытой пастью со стоячими остроугольными ушами, рыбы или дельфина с плавниками. Три последних вида орнаментации заполнены точечными ямками. Аналогичные изображения часто встречаются на различных изделиях колхидско-кобанской бронзы.

В средней части могильной ямы лежал фрагментированный лентовидный пластинчатый бронзовый пояс, типа табл. XXVI, 1, с пряжкой, украшенной звериной головкой на длинной крючковидной шее; на одном из его фрагментов сохранился кусочек ткани, пропитанной медной окисью. Общая длина собранных фрагментов 60 см, ширина—3,6 см, толщина—0,5 мм. Пряжка имеет удлиненно-четырехугольную форму, размером 1,5 х 3,5 см.

Погребение 59 (89). Раскоп VI. Захоронение произведедено в овальной яме (180 х 70 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 100 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В северо-западной части могильной ямы обнаружены: сердоликовая бусина цвета пива округлой формы, с двусторонне сверленным цилиндрическим каналом и две пластинчатые двуконусные бронзовые спирали длиной в 3—3,7 см (табл. XXII, 7).

Посередине могильной ямы, ближе к северной ее стенке, располагались два фрагментированных глиняных кувшина буро-красного обжига. Первый — с чернолощеной поверхностью, орнаментирован вертикальными каннелюровидными полосками и рельефными поясками с косыми на них врезными черточками. Второй кувшин, меньшего размера, с серолощеной поверхностью, орнаментирован такими же вертикальными каннелюрами и круговыми желобчатыми поясками.

Погребение 60 (90). Раскоп VI. Захоронение произведено в овальной яме (180 х 75 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 100 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

Посередине могильной ямы лежала бронзовая пластинчатая поясная пряжка вытянутой четырехугольной формы, размером 4 х 8,5 см; она с семью сквозными отверстиями для прикрепления пояса и крючком на оборотной стороне. Лицевая сторона пряжки с металлической темноватого цвета инкрустацией, изображающей три извивающиеся змеи (табл. XXVI, 15).

Погребение 61 (91). Раскоп VI. Захоронение произведено в овальной яме (190 х 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 110 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

У северо-западного угла погребальной ямы лежал на боку глиняный сосуд красно-серого обжига баночной формы с отогнутым наружу венчиком, плоской дугообразной ручкой, орнаментированной врезными линиями, косыми насечками и налепной штрихованной пуговкой (табл. XVIII, 10). Верхний конец ручки является продолжением края венчика, а нижний

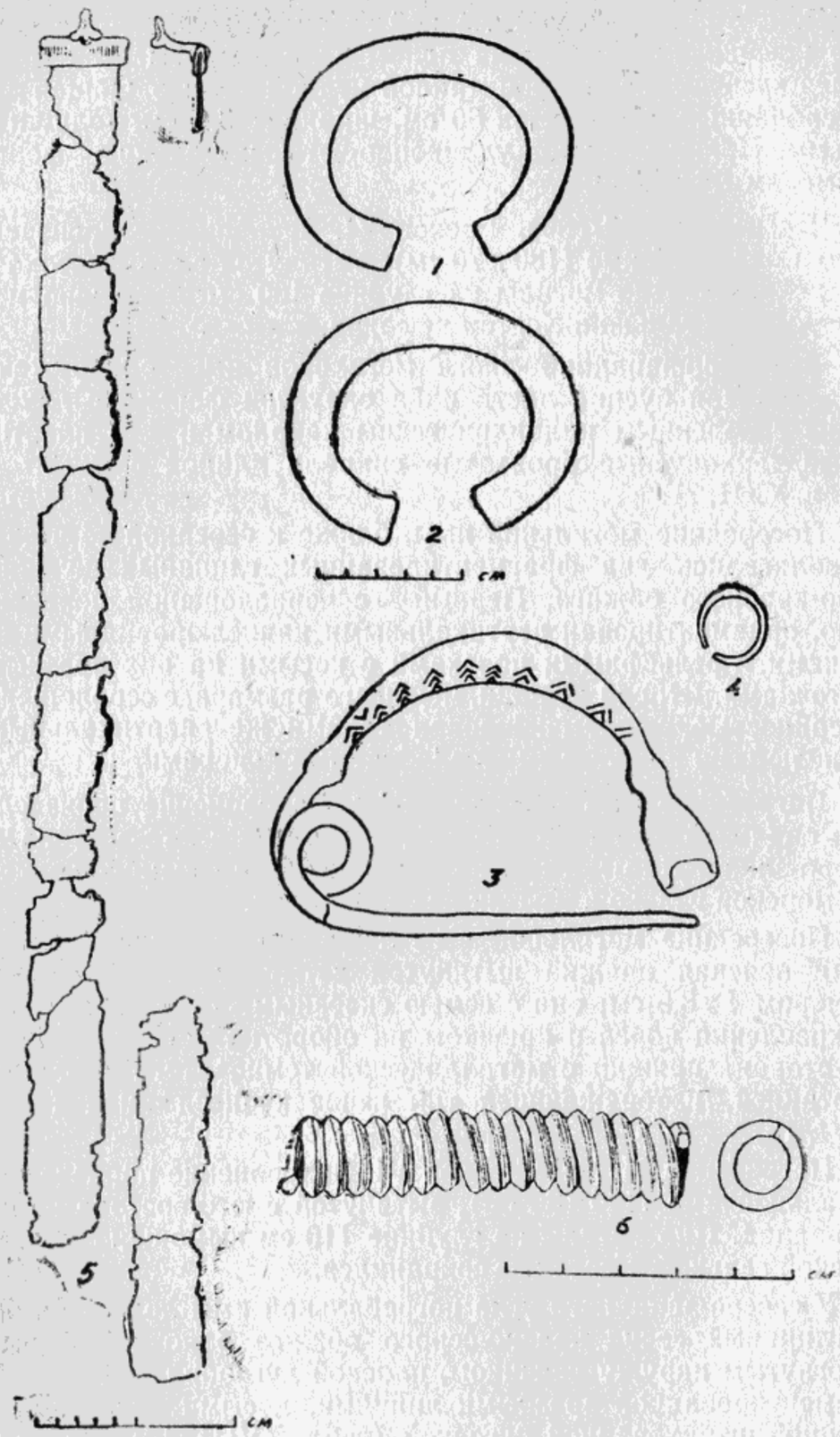

Таблица XII. Красномаяцкий могильник. Инвентарь погребения № 62 (92). 1—6 — бронза.

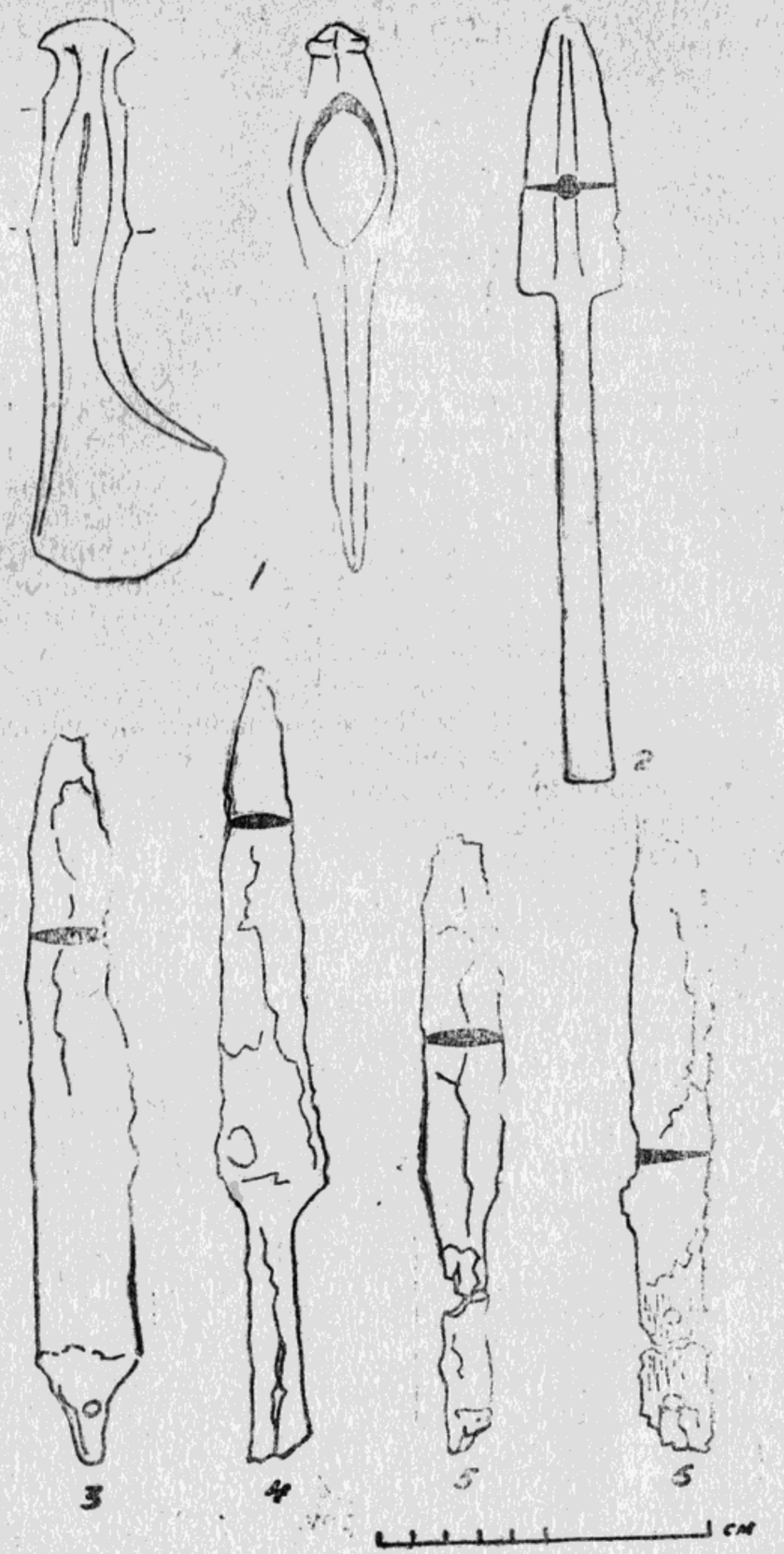

Таблица XIII. Красномаяцкий могильник. Инвентарь погребения № 63 (93). 1, 2 — бронза; 3—6 — железо.

прикреплен к средней части тулова. Высота горшка 12 см, диаметр по верхнему открытому краю 9 см, диаметр тулова в средней части 11 см, диаметр донышка 7,5 см, толщина стенки 5 мм.

Погребение 62 (92). Раскоп VI. Захоронение произведено в овальной яме (190 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 120 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк в основном истлел.

В северо-западной части могильной ямы найдены:

Бронзовая спиральная трубка, сделанная из трехгранной узенькой пластинки (табл. XII, 6). Длина его 8,2 см, диаметр колец 1 см, ширина пластинки 4 мм.

Бронзовая фибула с крутой вздутой дужкой, одним витком у зарождения дуги, с иглой и лопатообразным пластинчатым приемником. Фибула с ребристыми утолщениями в двух местах и гравированным орнаментом, состоящим из елочных дорожек (табл. XII, 3). Длина его 7,5 см, высота 4,8 см, диаметр сечения вздутой части дуги 8 мм.

Два браслета из толстого бронзового прута круглого сечения (табл. XII,1—2). В них сохранились полуистлевшие кисти рук покойника, лежавшего, судя по месту нахождения браслетов, в скорченном положении на левом боку. Размеры браслетов: внутренний диаметр 4,8 x 7 см, ширина просвета между концами 3 см, диаметр круглого сечения 1,8 см.

Посередине могильной ямы находился фрагментированный лентовидный пластинчатый бронзовый пояс с пряжкой, украшенной звериной головкой на длинной крючковидной шее (табл. XII, 5). Длина сохранившихся фрагментов 94 см, ширина 4 см, толщина 0,5 мм. Пряжка имеет удлиненно-четырехугольную форму, размером 1,7 x 4,5 см.

У юго-западного угла раскопа VI, в одной общей могильной яме (200 x 150), вскрыто два лежавших рядом погребения—63 (93) и 64 (94). Дно могилы на глубине 130 см вымощено мелкой морской галькой. Костяки в основном перегнили.

Погребение 63 (93). Покойнику был положен ряд вещей. У северо-западной стенки могильной ямы лежал бронзовый колхидско-кобанский топор с двускатным тупореберчатым обухом (табл. XIII, 1). На боковых полях овальной проушины имеется по три ребра, отделенных друг от друга двумя желобками. Топор покрыт зеленой патиной и лишен орнамента. Длина его 17 см, ширина лопасти 6,5 см, диаметр проушины 2,5 x 4 см, толщина топора под проушиной 2,5 см.

Рядом находился железный кинжал с остроугольным язычковидным черенком, снабженным стерженьком для при-

крепления рукояти (табл. XIII, 3); клинок имеет овальное сечение. Длина кинжала 22 см, ширина у основания 3,3 см.

Под кинжалом обнаружен железный нож с прямой спинкой. Ручка его плоская, снабженная двумя стерженьками, является продолжением спинки ножа (табл. XIII, 6). На ней сохранились фрагменты костяных планок. Длина ножа 21 см, ширина лопасти 2,5 см.

Рядом располагались три втульчатых наконечника копья. Первый — бронзовый, треугольной формы, с реберчатой гранью, с разрезной разомкнутой втулкой, снабженной сквозным отверстием для гвоздя (табл. XIII, 2). Длина его 24 см, ширина пера у основания 3,2 см, диаметр втулки 1,3 см. Второй наконечник копья железный, с листообразным пером, переходящим во втулку под косым углом; втулка разрезная — часть ее не сохранилась (табл. XIII, 4). Длина сохранившейся части 24 см, ширина пера у основания 3, 3 см. Третий наконечник копья также железный, лавролистной формы, с разрезной втулкой; конец наконечника и часть втулки отломаны (табл. XIII, 5). Длина сохранившейся части наконечника 18,5 см, ширина пера у основания 2,5 см.

Погребение 64 (94). У северо-западной стенки могильной ямы лежала бронзовая фибула с винтообразно нарезной дужкой, одним витком у зарождения дуги и веслообразным приемником; виток, игла и приемник фибулы фрагментированы (табл. XXV, 8). Длина фибулы 9 см, высота—6 см, диаметр сечения дуги в средней части 7 мм.

Юго-восточнее фибулы находился двухлопастный бронзовый пинцет длиной 11 см, с петельчатым основанием, уширенными концами (табл. XXV, 11) и с гравированным орнаментом, состоящим из елочных дорожек и сходящихся вершинами треугольников.

Посередине ямы лежал фрагментированный лентовидный пластинчатый бронзовый пояс с пряжкой. Пряжка украшена звериной головкой на длинной крючковидной шее (табл. XXVI, 7). Общая длина сохранившихся фрагментов 40 см, ширина 4 см, толщина 0,5 мм. Пряжка вытянутой четырехугольной формы, размером 1,6 x 4 см.

Рядом располагались три бронзовые подвески. Две подвески в виде треугольных пластинок (4 x 4 см), украшенные звериной головкой на крючковидной шее, с утолщением, снабженным сквозным отверстием (табл. XXVII, 5—6). Третья подвеска в виде полого ворончатого вертикального стерженька с горизонтально отходящими от его основания в две стороны плоскими стерженьками, завершенными овальной формы шляпками и орнаментированными с двух сторон рельефными спиральными завитками (табл. XXVII, 3).

Погребение 65 (95). Раскоп VI. Захоронение произведено в овальной яме (180 х 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 130 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

У северо-западной стенки могильной ямы находились 28 бронзовых бусин округлой формы из узеньких пластинок со сходящимися посередине концами.

В средней части могильной ямы лежал фрагментированный пластинчатый бронзовый пояс с пряжкой, украшенной звериной головкой на длинной крючковидной шее, типа табл. XXVI, 1; на одном из его фрагментов сохранился кусочек ткани, пропитанной медной окисью. Общая длина сохранившихся фрагментов 46 см, ширина — 4 см, толщина—0,5 мм. Пряжка имеет вытянутую четырехугольную форму, размером 1,5 х 4 см.

Погребение 66 (97). Раскоп VII. Захоронение произведено в овальной яме (180 х 70 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 105 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

У северо-западной стенки ямы лежал короткий железный кинжал с плоским язычковидным черенком, снабженным стерженьком для прикрепления планок к черенку, и клинком со срединным ребром. (табл. XX,3). Длина его 19,3 см, ширина у основания 4 см.

Погребение 66-а (99). Раскоп VII. Захоронение произведено в округлой колодцеобразной яме (диаметр 70 см), дно которой на глубине 110 см было покрыто мелкой галькой.

На дне вместе с фрагментами человеческого черепа и бедренных костей найдены обломки круглопроволочного бронзового браслета.

Погребение 67 (101). Раскоп VII. Захоронение произведено в овальной яме (180 х 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 120 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк полностью истлел.

У северо-западной стенки ямы находилась бронзовая шейная гривна из толстого круглого сечения прута, с закрученными в противоположные стороны пластинчатыми концами, типа табл. XXIII, 1. Она орнаментирована у концов елочными дорожками. Внутренний диаметр гривны 10 х 11 см, диаметр круглого сечения 1,4 см, ширина просвета между концами 6,6 см.

Вместе с гривной находились две бронзовые бусины бочонкообразной формы, сделанные из узеньких пластинок со сходящимися посередине концами.

Южнее располагался бронзовый наконечник копья листообразной формы, с разрезной разомкнутой втулкой, снабжен-

ной сквозным отверстием для гвоздя; листовидное перо наконечника, имеющее резко выраженное срединное ребро, переходит во втулку под углом (табл. XXI, 1). Длина наконечника 17 см, ширина пера у основания 3,3 см, диаметр втулки 1,3 см.

Погребение 68 (102). Раскоп VII. Захоронение произведено в овальной яме (180 х 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 105 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк в основном истлел.

В средней части ямы находился фрагментированный ленточковидный пластинчатый бронзовый пояс с пряжкой, украшенной звериной головкой на длинной крючковидной шее (табл. XXVI, 1,9). Общая длина сохранившихся фрагментов 60 см, ширина—4 см, толщина—0,5 мм. Пряжка имеет вытянутую четырехугольную форму, размером 1,3 х 4 см.

Около пояса, у северной стенки могильной ямы, находились фрагменты сероглиняного горшка, стенки и ручка которого были украшены валиками.

Погребение 69 (106). Раскоп VII. Захоронение произведено в овальной яме (190 х 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 105 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк в основном истлел.

В северо-западной части могильной ямы обнаружены:

Глиняный сосуд красноватого обжига баночной формы, со слегка отогнутым наружу венчиком, с чернолощеной поверхностью. Тулово сосуда с вертикальными каннелюровидными полосками (табл. XVIII, 17). Высота 10,5 см, диаметр по верхнему открытому краю 7,5 см, диаметр тулова в средней части 9 см, диаметр дна 5,5 см, толщина стенки 3—4 мм.

Бронзовая двуконусная бусина (табл. XXVII, 22) длиной 1,8 см.

Посередине могильной ямы лежал фрагментированный ленточковидный пластинчатый бронзовый пояс с пряжкой, украшенной звериной головкой на длинной крючковидной шее, типа табл. XXVI, 1. Общая длина сохранившихся фрагментов 70 см, ширина—4 см, толщина—0,5 мм. Пряжка имеет вытянутую четырехугольную форму размером 1,5 х 4 см.

Погребение 70 (107). Раскоп VIII. Захоронение произведено в округлой колодцеобразной яме (диаметр 80 см). Дно могилы на глубине 130 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В могильной яме обнаружена пластинчатая бронзовая поясная пряжка полуовальной формы, со сквозными отверстиями для прикрепления пояса. Лицевая сторона пряжки с металлической темноватого цвета инкрустацией, изображающей зубцевидные треугольники и ленточновидный полуовальный круг. Края пряжки разрушены (табл. XXVI, 5).

Погребение 71 (108). Раскоп VIII. Захоронение произведено в колодцеобразной яме (диаметр 70 см). Дно могилы на глубине 100 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В центре дна ямы находился глиняный сосудик неравномерного красно-серо-темного обжига банкообразной формы, с отогнутым наружу венчиком и ручкой. Тулово сосуда с вертикальными каннелюровидными полосками; предплечье опоясано гребенчатым рифлением (табл. XVIII, 7). Высота сосуда 12 см, диаметр по верхнему открытому краю 9,5 см, диаметр тулова 11 см, диаметр дна 6,5 см.

Здесь же лежали 12 мелких пастовых бусинок величиной 4 х 5 мм.

Погребение 72 (109). Раскоп VIII. Захоронение произведено в овальной яме, вытянутой с юго-востока на северо-запад (180 х 70 см). Дно могилы на глубине 100 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В могильной яме, у северо-западного ее угла, лежали фрагменты горшка красно-серого обжига.

Погребение 73 (110). Раскоп VIII. Захоронение произведено в округлой колодцеобразной яме (диаметр 80 см). Дно могилы на глубине 130 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В могильной яме находился сильно фрагментированный черноглиняный горшок с отогнутым наружу венчиком. Предплечье сосуда орнаментировано налепными пуговками. Высота — 17,5 см, наибольший диаметр тулова — 16 см.

Погребение 74 (111). Раскоп VIII. Захоронение произведено в округлой колодцеобразной яме (диаметр 80 см). Дно могилы на глубине 120 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился. В могильной яме не оказалось никаких вещей.

Погребение 75 (112). Раскоп VIII. Захоронение произведено в округлой колодцеобразной яме (диаметр 80 см). Дно могилы на глубине 140 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В центре дна ямы лежала пластинчатая бронзовая поясная пряжка полуовальной формы с шестью отверстиями для прикрепления пояса; она с крючком и тремя петельками на оборотной стороне. Лицевая сторона пряжки с голубой пастовой инкрустацией, изображающей треугольники со сходящимися вершинами и ленточновидный полуовальный круг (табл. XXV, 11). Диаметр полуовала 7 х 10 см, толщина—2 мм.

Рядом лежал круглопроволочный бронзовый височный завиток овальной формы, типа табл. XXVII, 7.

Погребение 75-а (114). Раскоп VIII. Захоронение произведено в округлой колодцеобразной яме (диаметр 70 см). Дно ее на глубине 110 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк в основном истлел.

В могильной яме находился только один фрагментированный сероглиняный сосудик — кружка со слегка отогнутым наружу венчиком, ручкой, уширяющейся к концам прикрепления. Предплечье сосуда покрыто тонким гребенчатым рифлением.

Погребение 75-б (115). Раскоп VIII. Захоронение произведено в округлой колодцеобразной яме (диаметр 80 см). Дно ее на глубине 115 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В могильной яме найдены фрагменты круглопроволочного бронзового браслета.

Погребение 76 (118). Раскоп VIII. Захоронение произведено в округлой колодцеобразной яме (диаметр 80 см). Дно могилы на глубине 120 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

Посередине могильной ямы находилась пластинчатая бронзовая поясная пряжка удлиненно-прямоугольной формы, размером 2,5 х 6,5 см, при толщине 2 мм, с пятью сквозными отверстиями для прикрепления пояса и крючком на оборотной стороне. Лицевая ее сторона покрыта гравированным орнаментом в виде пяти в ряд расположенных свастик, заключенных в ромбики (табл. XXVI, 16).

Погребение 76-а (120). Раскоп IX. На дне колодцеобразной ямы (диаметр 70 см), вымощенной на глубине 110 см морской галькой, обнаружен фрагмент круглопроволочного бронзового височного завитка.

Погребение 77 (123). Раскоп IX. Захоронение произведено в округлой колодцеобразной яме (диаметр 70 см). Дно могилы на глубине 100 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

Посередине могильной ямы находился глиняный сосуд баночной формы, красно-серого обжига, с петлевидной ручкой и со слегка отогнутым наружу венчиком, украшенным ногтевым-пальчатым вдавлением (табл. XVIII, 8). Высота сосуда 14 см, диаметр дна 6,8 см, толщина стенки 5 мм.

Погребение 78 (124). Раскоп IX. Захоронение произведено в овальной яме (190 х 70 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 100 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

У северо-западного угла ямы было сложено в кучу пять скипевших ржавчиной железных наконечников копий лавролистной формы с разрезными разомкнутыми втулками (табл.

XXI, 9). Длина их от 25 до 36,5 см, ширина перьев у основания от 2,2 до 5,4 см, диаметры втулок 1,5—2,5 см.

Погребение 79 (125). Раскоп IX. Кувшинное с обрядом вторичного захоронения. Могильная яма занимала площадь 90 см, глубиной 130 см от дневной поверхности. Дно ее вымощено мелкой морской галькой. Погребальный сосуд красно-серого обжига, со вздутым туловом располагался донышком вверх (рис. 41). Кувшин украшен желобчатыми поясками, штрихованными треугольниками, горизонтальными и вертикальными поясковидными рельефными выступами с косыми врезными черточками, елочными дорожками.

Рис. 41. Красномаяцкий могильник. Погребение 79 (125).

В урне, кроме отдельных человеческих костей (черепа, руки), в основном истлевших, не оказалось никаких вещей.

Южнее, рядом с погребальной урной, находился донышком вверх глиняный горшок серого обжига, шарообразно вытянутым туловом; он с гладкой поверхностью, отогнутым наружу венчиком, петлевидной ручкой, украшенной налепным валиком. Предплечье сосуда опоясано двумя параллельными врезными линиями, под которыми расположены мелкие налепные пуговки (табл. XVIII, 3). Высота горшка 18 см, диаметр по верхнему открытому краю 12,4 см, диаметр тулова 15 см, диаметр дна 8 см, толщина стенки 3 мм.

Погребение 80 (126). Раскоп IX. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 70 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 100 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

У северо-западной стенки ямы находился глиняный горшок красно-серого обжига, имеющий расширенное тулово с округлыми боками (табл. XVIII, 4). Сосуд с небольшим, слегка отогнутым наружу венчиком, петлевидной ручкой, орнаментированной поперечными валиками, отделенными друг от друга желобочками с косыми насечками. Наружная поверхность горшка местами покрыта гребенчатым рифлением. Высота сосуда 13,3 см, диаметр по верхнему открытому краю 11 см, диаметр тулова 13 см, диаметр дна 7 см, толщина—3—4 мм.

Погребение 81 (127). Захоронение произведено в овальной яме (180 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 120 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк полностью истлел.

В северо-западной части могильной ямы стоял глиняный кувшинчик красно-бурого обжига с шарообразным туловом и дугообразной ручкой, типа табл. XVIII, 6. Горловина сосуда украшена узкими желобчатыми поясками; предплечье — косыми ямками, ручка у верхнего ее конца налепной пуговкой. Высота его 17 см, диаметр горловины 8 см, диаметр тулова 13,5 см, диаметр дна 9 см, толщина стенки 6 мм.

Погребение 82 (128). Раскоп IX. Захоронение произведено в овальной яме (190 x 80 см). Дно могилы на глубине 120 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк, почти полностью истлевший, лежал вытянуто на спине с ориентацией головы на северо-запад.

У головы стоял кувшинчик буро-красного обжига, с низким выпуклым тупореберчатым туловом и воронкообразно расширяющейся к верху горловиной, без ручки (табл. XVII, 11). Предплечье сосуда украшено широким круговым поясом с косой штриховкой. Высота его 14 см, диаметр горловины 6 см, диаметр тулова 13 см, диаметр дна 6 см, толщина стенки 5 мм.

На правой руке были два круглопроволочных бронзовых браслета. Первый — с зооморфными головками на концах, типа табл. XXIV, 5; наружная поверхность его орнаментирова-

на поперечными надрезами. Внутренний его диаметр 5,1 х 5,3 см, ширина просвета между концами 2,1 см, диаметр сечения дрота 4 мм. Второй браслет фрагментирован.

Посередине могильной ямы, у северо-восточной ее стенки, лежали:

Втульчатый трехлопастный бронзовый наконечник стрелы скифского типа с частично разрушенной втулкой. Длина сохранившейся части 3,2 см, ширина—8 мм, диаметр втулки 5 мм.

Два фрагментированных железных наконечника копий листообразной формы, типа табл. XXI, 10, покрытых железной ржавчиной с песком.

Железный нож с прямой спинкой и язычковидным черенком типа табл. XX, 9. Длина ножа 11, 5 см, ширина лопасти в средней части 2, 5 см, у конца 1,5 см, толщина спинки 4 мм.

Погребение 83 (129). Раскоп IX. Захоронение произведено в овальной яме (190 х 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 130 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В северо-западной части могилы, у южной ее стенки, лежали два фрагментированных наконечника копья, с разрезными разомкнутыми втулками, типа табл. XXI, 10, покрытых песком, пропитанных железной ржавчиной. На поверхности их местами сохранились остатки ткани, пропитанной ржавчиной.

Посередине могильной ямы, у северо-восточной ее стенки, находились:

Оселок из плоской морской гальки, приближающейся к овальной форме, со сквозным отверстием для подвешивания к поясу. Длина его 8,2 см, ширина в средней части 2,5 см, толщина—8 мм, диаметр отверстия 7 мм.

Нож со слегка загнутой спинкой, с немного приподнятым вверх острием, язычковидным черенком (частично отломан), на черенке сохранились следы дерева. Длина сохранившейся части 12 см, ширина у основания 1,8 см, толщина спинки 5 мм.

Железный гвоздеобразный предмет с отогнутым концом, длиной около 4 см.

Погребение 84 (130). Вскрыто в раскопе IX. Захоронение произведено в овальной яме (190 х 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно ее на глубине 130 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк в основном истлел.

У северо-западной стенки ямы лежали две фрагментированные бронзовые шейные гривны из раскрученной проволоки, типа табл. XXIII, 2. Среди них одна с пластинчатыми веслообразными концами, другая—с отогнутыми в противоположные стороны крючковидными концами. Вместе с ними находились фрагменты круглопроволочной бронзовой цепочки с овальной формы звеньями.

В средней части могильной ямы, у северо-восточной ее стенки, обнаружены:

Два втульчатых фрагментированных железных наконечника копий, типа табл. XXI, 12.

Оселок из плоской морской гальки вытянутой четырехугольной формы, с двусторонне сверленным отверстием для подвешивания к поясу. Конец его обломан.

Железный нож со слегка загнутой спинкой, типа табл. XX, 12, с черенком, на котором сохранились следы дерева. Длина сохранившейся части ножа 9,7 см, ширина лопасти в средней части 1,8 см.

Бронзовая петелька овальной формы из раскрученной проволоки, с заходящими друг за друга концами.

Железное колечко с вытянутым щитком овальной формы (табл. XXVII, 11). Внутренний диаметр кольца 1,4 х 1,7 см, длина овального щитка 2,5 см при ширине 1 см.

Погребение 85 (131). Раскоп IX. Захоронение произведено в овальной яме (180 х 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 130 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк, в основном истлевший, очевидно, лежал головой на северо-запад.

В северо-западной части могилы, на истлевшей человеческой челюсти, лежала литая бронзовая подвеска, типа табл. XXVII, 6, состоящая из подтреугольной пластинки, украшенной звериной головкой на длинной крючковидной шее с утолщением, снабженным сквозным отверстием. Общая длина подвески 3,5 см, диаметр отверстия 4 мм.

В средней части ямы находились два железных втульчатых наконечника копий лавролистной формы, типа табл. XXI, 10, покрытые песком, пропитанным железной ржавчиной; они рассыпались на мелкие части при извлечении их из могилы.

Погребение 86 (132). Раскоп IX. Захоронение произведено в овальной яме (180 х 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глибине 130 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк в основном истлел.

В погребальной яме найдены три бронзовые двуконусные бусины, типа табл. XXVII, 22 длиной 2,2 см и диаметром в средней части 2,1 см.

Погребение 87 (133). Раскоп IX. Захоронение произведено в овальной яме (190 х 70 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 105 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк в основном истлел.

У северо-западной стенки могилы стоял кувшин красноватого обжига, с выпуклым тупореберчатым туловом, широкой горловиной и двумя ручками (табл. XVII, 9). Высота его 19,5 см, диаметр горловины 9, 2 см, диаметр тулова 17 см, диаметр дна 8 см, толщина стенки 6—7 мм.

В средней части ямы, у северо-восточной ее стенки, обнаружен двухлопастный бронзовый пинцет с петельчатым основанием и уширенными концами; он с гравированным орнаментом, состоящим из языковидной полоски, обрамленной по краям косыми крестиками (табл. XXV, 14). Размеры пинцета: длина 6,7 см, ширина лопасти 5—11 мм, при толщине 1 мм.

Погребение 88 (134). Раскоп IX. Захоронение произведено в овальной яме (190 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 130 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

У северо-западного угла ямы находились два железных наконечника копья с листовидными перьями, переходящими под углом в разрезные втулки. Первый наконечник со слегка выделяющимся срединным ребром (табл. XXI, 14). Длина его 27,5 см, ширина пера у основания 2,9 см, диаметр втулки 1,3 см. Второй наконечник с овальным сечением пера (табл. XXI, 10). Длина его 26,5 см, ширина пера у основания 2,6 см, диаметр втулки 1,3 см.

В средней части ямы, ближе к ее северной стенке, лежал двухлопастный бронзовый пинцет с петельчатым основанием и сильно уширенными концами (табл. XXV, 13). Размеры: длина 7,7 см, ширина лопасти у петельчатого основания 5 мм, у конца 2 см, толщина лопастей пинцета — 1—1,5 мм.

Погребение 89 (135). Раскоп X. Захоронение произведено в овальной яме (190 x 80 см); на глубине 1 м дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк, почти истлевший, лежал вытянуто на спине с ориентацией головы на северо-запад.

У северо-западной стенки ямы находилось бронзовое круглопроволочное височное колечко с заходящими друг на друга в полтора оборота концами, типа табл. XXVII, 7.

Под подбородком покойника найдены:

Литой бронзовый кинжальчик с треугольной формы клинком, ручкой,верхняя часть которой имеет овальное утолщение со сквозным отверстием для подвешивания (табл. XX, 10). Длина его 4,2 см, ширина у основания 1,1 см.

Несколько мелких бронзовых бусин, величиной 3—4,5 мм, одна сердоликовая бусина цвета пива шарообразной формы (диаметр 1,3 см), с двусторонне сверленным цилиндрическим каналом.

В средней части ямы лежали два бронзовых браслета из толстого, круглого сечения прута, типа табл. XXIII, 7. Внутренний их диаметр 5 x 5,5 см, ширина просвета между концами 2 см, диаметр сечения 1,2 см.

Погребение 90 (136). Раскоп X. Кувшинное, с обрядом вторичного захоронения. Могильная яма занимала площадь 90 см, глубина ее от дневной поверхности 130 см. Погребальный сосуд красно-серого обжига, хрупкий, с плоским дном, находился горловиной вниз. Высота сохранившейся части 60 см, диаметр тулова 40—45 см, диаметр плоского дна 14 см, толщина стенки 8 мм. Кувшин орнаментирован врезной волной, чередующейся желобчатыми линиями (табл. XVI, 4).

В погребальном сосуде вместе с отдельными человеческими костями (череп, руки), в основном перегнившими, находились следующие предметы:

Черноглиняный бокальчик с петлевидной ручкой овального сечения и рюмкообразной ножкой (табл. XVIII, 1). Поверхность его украшена врезным орнаментом, состоящим из ленточновидного кругового пояска, с косыми по нему штрихами. Высота его 8,7 см, диаметр по верхнему открытому краю 5, 3 см, диаметр тулова 5,5 см, диаметр плоского основания ножки 3, 3 см, толщина стенки 3—4 мм.

Бронзовый топор с двускатным клиновидным обухом (табл. XIX, 4). Лезвие обломано, облом старый. На боковых проушинах топор имеет по три ребра, отделенные друг от друга желобками. Длина сохранившейся части 17,2 см, ширина лопасти 7,2 см, диаметр проушины 2,5 x 3,9 см, наибольшая толщина под проушиной 2,4 см.

Бронзовый наконечник копья, приближающийся к лавролистной форме, с резко выделяющейся ребристой гранью и разрезной разомкнутой втулкой, типа табл. XXI, 6. Размеры наконечника: длина 19,5 см, ширина пера у основания 3 см, у конца 1 см, диаметр втулки 1,3 см.

Изогнутый пополам в петлю двухлопастный железный предмет с крючковидно отогнутыми в противоположные стороны концами, длиной 15 см; одна из лопастей предмета сильно фрагментирована.

Трубчатая бронзовая спираль (один фрагмент), типа табл. XXII,8.

Погребение 91 (137). Раскоп X. Захоронение произведено в овальной яме (190 x 80 см). Дно могилы на глубине 130 см вымощено морской мелкой галькой. Костяк, в основном истлевший, лежал на спине вытянуто головой на северо-запад.

В погребальной яме обнаружен ряд вещей (табл. XIV). У черепа располагалась бронзовая ситула-кружка, с дуго-

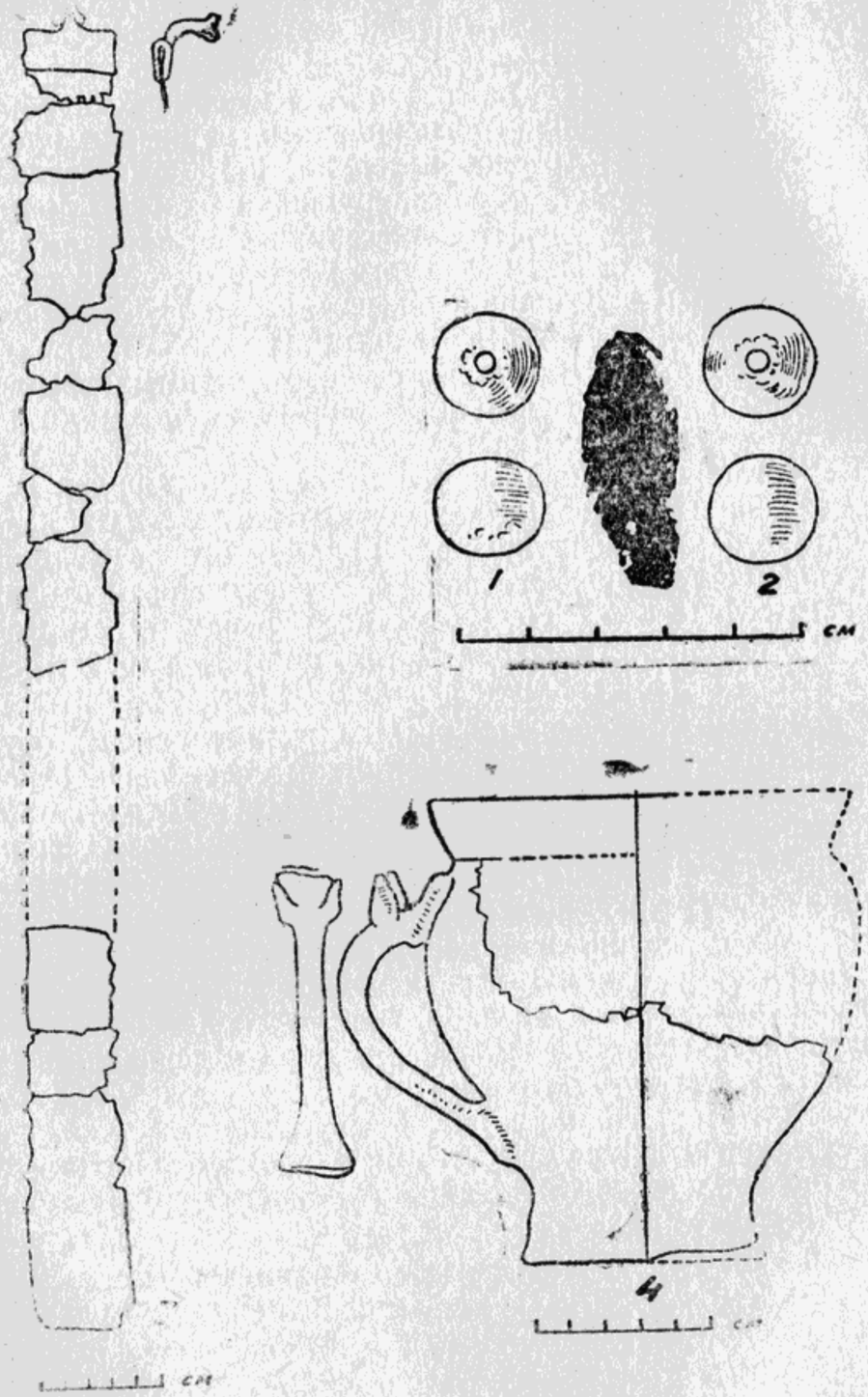

Таблица XIV. Красномаяцкий могильник. Инвентарь погребения № 91 (137). 1, 2 — сердолик; 3, 4 — бронза.

образной ручкой, украшенной звериными ушами (табл. XIV, 4). Высота его 12,5 см, диаметр по верхнему открытому краю 9 см, диаметр тулова 10 см (?), диаметр дна 7,3 см. Ручка массивная, круглого сечения, диаметром 9 мм.

Под подбородком найдены две сердоликовые бусины шарообразной формы вишневого цвета, хорошей полировки, с двусторонне сверленным цилиндрическим каналом (табл. XIV, 1—2). Диаметр бусин 1,5 см.

Посередине могильной ямы находился фрагментированный лентовидный бронзовый пояс с пряжкой, украшенной звериной головкой на длинной крючковидной шее (табл. XIV, 3). Общая длина сохранившихся фрагментов 20 см, ширина 4,3 см, толщина 0,5 мм. Поясная пряжка мелкая, вдвое согнута, с расщелиной, имеет удлиненно-четырехугольную форму, размером 2 x 4,3 см.

Погребение 92 (138). Раскоп X. Кувшинное, с обрядом вторичного захоронения. Могильная яма занимала площадь 90 см, глубина ее от дневной поверхности 130 см. Погребальный сосуд красно-серого обжига, хрупкий, с горизонтально отходящим полочковидным венчиком, находился горловиной вниз; донышко не сохранилось. Кувшин, заполненный землей, распался на мелкие части при его препарации. Приблизительные размеры сосуда: высота 80 см, диаметр горловины 22 см, диаметр тулова 60 см, толщина стенки 12 см. Урна украшена различными видами орнаментации: венчик косыми желобочками; предплечье — круговыми полосками, отделенными друг от друга врезными линиями; тулово—гребенчатым рифлением, круговыми и вертикальными рельефными поясками, образующими широкую сетчатую клетку, заполненную врезными косыми черточками, сетчатками, пальчато-ногтевыми вдавлениями (табл. XVI, 3).

Погребальный сосуд содержал человеческий череп плохой сохранности и два бронзовых пинцета. Пинцеты эти двухлопастные с гравированным орнаментом, состоящим из елочных дорожек, косых насечек, поперечных черточек, кружочков с точечными наколами (табл. XXV, 10. 12). Длина первого пинцета 13 см, ширина лопасти 5—13 мм, при толщине 1—2 мм. Второй пинцет длиной 11, 5 см, ширина лопасти 4—10 мм, при толщине 1—2 мм.

Погребение 93 (139). Раскоп X. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы без галечной вымостки. Костяк не сохранился.

В погребальной яме на глубине 100 см обнаружен ряд вещей. У северо-западной стенки — две бусины. Первая бусина сердоликовая, цвета пива, округлой формы (диаметр 0,9 см),

с односторонне сверленным цилиндрическим каналом. Вторая бусина бронзовая, биконической формы, сделана из узенькой пластинки со сходящимися посередине концами.

Вместе с бусами находился обломок конусообразной бронзовой спирали с круглыми кольцами, типа табл. XXII, 7.

У юго-восточной стенки ямы находились два глиняных сосуда красно-серого обжига. Первый — банкообразной формы, лепной, со слегка вогнутым во внутрь верхним краем (табл. XVIII, 14). Высота его 11,8 см, диаметр по верхнему открытому краю 7,5 см, диаметр дна 6,5 см, толщина стенки 7—11 мм. Второй сосуд со слегка отогнутым наружу венчиком (табл. XVI, 2). Он с различными видами орнаментации — предплечье опоясано врезными черточками и параллельно расположенными круговыми поясками; тулово с вертикальными каннелюрами.

Погребение 94 (140). Раскоп X. Кувшинное, с обрядом вторичного захоронения. Глубина могильной ямы от дневной поверхности 130 см. Погребальный сосуд сероватого обжига, хрупкий, находился донышком вверх; венчик не сохранился. Высота сохранившейся части сосуда 60 см, диаметр тулова 50 см, диаметр дна 20 см, толщина стенки 5 мм. Кувшин с врезным орнаментом, состоящим из остроугольных ломаных линий, круговых, слегка желобчатых поясков; штрихованных треугольников, вертикальных каннелюров (табл. XV, 3).

В погребальном сосуде находился перегнивший человеческий череп в сопровождении следующих предметов:

Бронзовая пластинчатая рогулька с плоской ручкой (табл. XV, 1). Уширенное ее основание, закругляясь, переходит к ручке. Общая его длина 17 см, ширина под развилкой 5,5 см, ширина рожков 1,7—2,8 см.

Бронзовый наконечник копья лавролистной формы, со срединным ребром, с разрезной разомкнутой втулкой (табл. XV, 6). Длина его 19,5 см, ширина пера у основания 2,2 см, у конца 7 мм, диаметр сохранившейся части втулки 1,5 см.

Бронзовый остробушный топор с богатым гравированным орнаментом, состоящим из сетчатых поясков, зубцевидных треугольников, остроугольных полосок, фантастических животных в виде собак с раскрытой пастью и стоячими ушами, рыб с поплавками, извивающихся в виде полосок змей, головок фантастических животных со стоячими ушами и раскрытой пастью (табл. XV, 2). Многие из этих видов орнаментации заполнены точечными наколами, а на собаковидных фантастических существах, наряду с точечными наколами, имеются елочные дорожки. Длина топора 15,2 см, ширина лопасти 5 см, диаметр проушины 2 x 4 см, толщина топора под проушиной 2, 3 см.

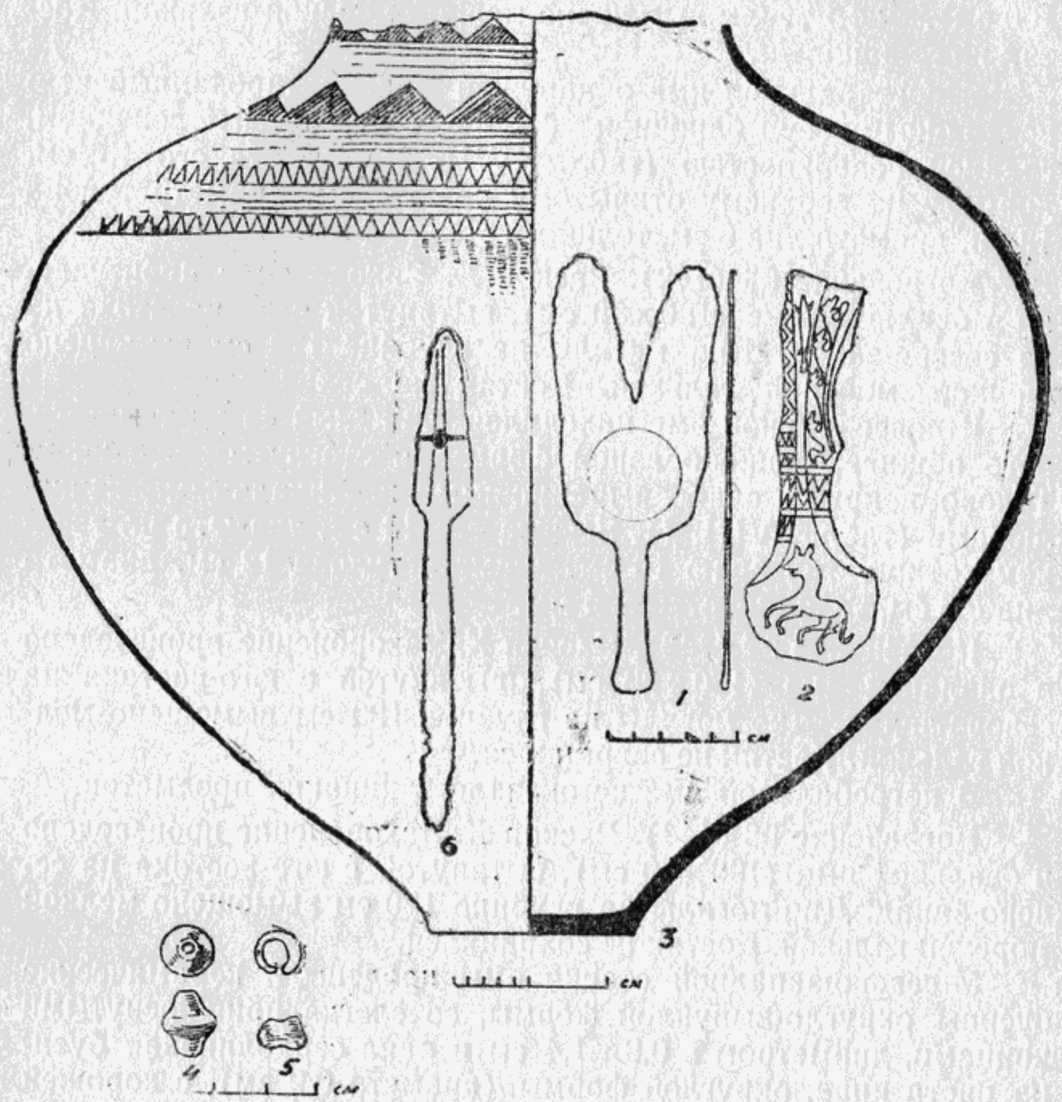

Таблица XV. Красномаяцкий могильник. Инвентарь погребения № 94 (140). 1, 2, 4—6 — бронза; 3 — глина.

Две бронзовые бусины. Первая — округлой формы, диаметром сечения 1 см. Вторая бусина — двуконусная длиной 1,1 см (табл. XV, 4—5).

Погребение 95 (141). Раскоп X. Захоронение произведено в округлой колодцеобразной яме (диаметр 70 см, глубина 100 см). Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В погребальной яме обнаружен фрагментированный черноглиняный сосуд баночной формы, с отогнутым венчиком, гладкой поверхностью (табл. XVIII, 9). Высота его 13 см, диаметр по верхнему открытому краю 9 см, диаметр тулова 12 см, диаметр дна 6 см, толщина стенки 4 мм.

Погребение 96 (142). Раскоп X. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 80 см), вытянутой с юго-востока на на северо-запад. Дно могилы на глубине 120 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В погребальной яме находился глиняный сосуд темно-серого обжига, банкообразной формы, с отогнутым венчиком. Тулово покрыто слабо выраженными вертикальными каннелюрами (табл. XVIII, 1). Высота его 13 см, диаметр по верхнему открытому краю 10 см, диаметр тулова 12 см, диаметр дна 8,5 см, толщина стенки 4 мм.

Погребение 97 (143). Раскоп X. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 120 см вымощено мелкой галькой. Костяк не сохранился.

В погребальной яме не оказалось никаких предметов.

Погребение 98 (144). Раскоп X. Захоронение произведено в овальной яме (190 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 120 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

У северо-западной стенки ямы найдены 3 керамические бусины округло-выпуклой формы, со слегка приплюснутыми концами, диаметром в 0,8—1,4 см и одна сердоликовая бусина цвета пива, округлой формы (диаметр 0,9 см), с хорошей полировкой поверхности, односторонне сверленным цилиндрическим каналом.

Посередине могильной ямы лежала пластинчатая бронзовая поясная пряжка полуовальной формы, с четырьмя сквозными отверстиями для прикрепления пояса; она снабжена крючковой застежкой и двумя разрушенными петельками на оборотной стороне. Лицевая сторона пряжки с пастовой инкрустацией, изображающей ленточновидный полуовальный круг и четыре параллельно расположенные извивающиеся змеи со стилизованными головками ромбической формы (табл. XXVI, 10).

Погребение 99 (145). Раскоп X. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 130 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В могильной яме найдена умбоновидная бронзовая поясная пряжка круглой формы, с диаметром окружности 6,4 см; она снабжена двумя петельками и крючковой застежкой на оборотной ее стороне. Лицевая сторона пряжки покрыта сероватого цвета пастовой инкрустацией, изображающей ленточновидный круг и десятиконечную зубцевидную звездочку (табл. XXVI, 4).

Погребение 100 (146). Раскоп X. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 70 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 100 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В северо-западной части ямы найдена круглопроволочная бронзовая фибула с крутой дужкой, одним витком у зарождения дуги и пластинчатым приемником. Игла не сохранилась (табл. XXV, 4). Длина 7,2 см, высота 4,7 см, диаметр круглого сечения около 3 мм.

В средней части могильной ямы обнаружены три неорнаментированных круглопроволочных бронзовых браслета (табл. XXIII, 8); из них два лежали у северо-восточной стенки погребальной ямы, а третий—у юго-западной стенки.

При разборке могильной ямы у северо-западного ее угла найдено бронзовое тонкопроволочное колечко с заходящими друг на друга концами; один из концов колечка с надрезами, типа табл. XXIV, 3. Размеры предмета: внутренний диаметр 1,5 x 1, 8 см, толщина проволоки 2 мм. Изделие это служило, видимо, височным украшением.

Погребение 101 (147). Раскоп X. Захоронение произведено в овальной яме (190 x 70 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 100 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В погребальной яме у северо-западного угла располагались мелкие бронзовые бусы бочонкообразной формы, величиной 4—6 мм. В отверстиях бусин сохранилась тканевая нить.

В средней части могильной ямы найдены три неорнаментированных круглопроволочных бронзовых браслета, типа табл. XXIV,6; из них два браслета находились у северо-восточной стенки ямы, а третий—у юго-западной стенки. Внутренний диаметр первого 4,3 см, второго — 3,8 x 4, 1 см, третьего — 3,7 x 4,2 см.

Погребение 102 (148). Раскоп X. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 80 см), вытянутой с юго-востока на

северо-запад. Дно могилы на глубине 130 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

У северо-западной стенки ямы найдено несколько керамических с бронзовым покрытием бусин шарообразной формы, со слегка приплюснутыми концами.

Вместе с бусами находилась подвеска из керамической массы, покрытая тонким слоем бронзы, изображающая звериную головку животного с раскрытой пастью и стоячими ушами (табл. XXVII, 27). Общая длина подвески 1,8 см.

В средней части могильной ямы у северной ее стенки находился бронзовый кинжальчик с вытянутой треугольной формы клинком овального сечения и язычковидным черенком. У расширенного его основания имеются два сквозных отверстия для прикрепления планок (табл. XX, 6). Длина кинжала вместе с ручкой 17 см, ширина у основания 2 см.

Погребение 103 (151). Раскоп X. Захоронение произведено в овальной яме (180 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 120 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

У северо-западного угла погребальной ямы располагался фрагментированный горшочек красно-серого обжига со слегка отогнутым наружу венчиком, украшенным косыми желобочками.

Юго-восточнее горшочка, на расстоянии 30 см, лежала бронзовая фибула с пластинчатой дужкой, одним витком у зарождения дуги (приемник и игла не сохранились). Фибула эта с гравированным орнаментом, состоящим из косых насечек, расположенных у краев дужки. Размеры фибулы: длина 3,5 см, высота 2 см, толщина пластинчатой дужки 1,5 мм.

Погребение 104 (152). Раскоп X. Захоронение произведено в овальной яме (190 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. Дно могилы на глубине 130 см вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В северо-западной части могильной ямы найдены:

Один бронзовый наконечник копья треугольной формы со срединным ребром и разрезной разомкнутой втулкой типа табл. XXI,1. Втулка частично разрушена. Длина сохранившейся части наконечника 17,5 см, ширина у основания 3,4 см, диаметр сохранившейся части втулки 1,1 см.

Один железный наконечник копья, типа табл. XXI, 14 с узким листовидным пером со срединным ребром, переходящим во втулку под резко выраженным углом. Втулка частично разрушена; на поверхности ее сохранились следы ткани. Длина сохранившейся части 20,2 см, ширина пера у основания 2,5 см, диаметр сохранившейся части втулки 1 см.

Бронзовая шейная гривна из толстого прута, со свернутыми в противоположные стороны пластинчатыми концами, типа табл. XXXIII, 1; она с гладкой прекрасно полированной поверхностью без орнамента. Внутренний ее диаметр 10,5 x 12 см, ширина просвета между концами 6,2 см, диаметр круглого сечения 1,2 см.

Посередине могильной ямы лежал широкий лентовидный бронзовый пояс с поясной пряжкой (табл. XXVI, 2, 8). Пояс с чеканным орнаментом, состоящим из точечных ямок и извивающихся змей. Поясная пряжка удлиненно-четырехугольной формы, размером 1,5 x 10,3 см, с расщелиной для зажима пояса; она украшена звериной головкой на длинной крючковидной шее. Оборотная сторона пряжки с крючком.

2. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

Описанные выше погребения VIII—Vвв. до н. э. Красномаяцкого могильника, как установлено раскопками, принадлежат к трем различным типам.

Первый тип захоронения характеризуется вытянутым положением покойника на спине. Таких погребений 77 (70% из общего числа 110 погребений): 3—8, 11, 14, 15—38, 40—46, 50, 51, 54, 56—69, 78, 80—89, 91, 31, 96—104. Костяки сохранились удовлетворительно в погребениях 3, 25—27, 41. 82, 83, 91 (рис. 37). Они были ориентированы головой на северо-запад, только в двух случаях (погр. 3 и 4) на юго-восток.

Второй тип захоронения представляет скорченное положение покойника на правом боку. Таких погребений 7 (или 6,5%): 1, 2, 9, 10, 12, 13, 39 (рис. 26—27, 30—31). Костяк ориентирован головой на северо-запад, только в одном случае (погр. 2) покойник был ориентирован головой на юго-восток, а в другом (погр. 39) на запад.

Оба типа погребений являются ямно-грунтовыми; покойники лежали в больших округло-овальных могильных ямах, дно которых, за исключением нескольких погребений (погр. 8, 38, 93), вымощено мелкой морской галькой*. Длина могильных ям от 1,8 до 2 м, ширина 80—100 см, а глубина достигает 1—1,3 м от дневной поверхности.

К третьему типу захоронений относится обряд вторичного погребения: кости покойника после разложения мышц и соединительных тканей укладывались в округлую колодцеобразную яму или в сосуд, который ставился в специально вырытую яму горловиной вниз (рис. 41) и забрасывался землей. Всего погребений с обрядом вторичного захоронения 26, из них

* Погребение № 8 являлось конским захоронением, поэтому здесь, очевидно, и не применена была подсыпка гальки (ред.).

грунтовых 18 (16%): 52, 52а, 53, 54а, 56а, 66а, 70—75, 75а, 76, 76а, 77, 95; урновых 8 (7,5%): 47, 48, 49, 55, 79, 90, 92, 94.

Во всех погребениях третьего типа захоронения глубина могильных ям 1—1,40 м, при диаметре их 80—90 см.

Количественное соотношение всех указанных типов погребений Красномаяцкого могильника показывает, что обряд погребения в длинных могильных ямах является господствующим и составляет 76,5%. Погребения разных типов располагаются вперемежку и никаких особых групп не составляют. Все три типа захоронения, судя по инвентарю, а также по расположению погребений на площади одного могильника, сосуществовали в определенный период времени, охватывающий суммарно VIII—VI вв. до н. э. Это обстоятельство дает основание полагать, что в VIII—VI вв. до н. э. древнее население, оставившее Красномаяцкий некрополь, принадлежало к одной этнической группе*.

Археология знает много фактов сосуществования различных способов погребений в окрестностях одного памятника и одного отрезка времени, но не всегда в состоянии объяснить их. На помощь приходит этнография с ее живыми примерами.

В многочисленной этнографической литературе широко известны случаи, когда погребальный ритуал для членов одного и того же рода бывает различным. Обычно он зависит в основном от таких причин, как положение, которое занимал человек в обществе, характер его смерти, возраст и пол умершего и т. п.

Немало примеров различных способов захоронений, применявшихся у одного и того же народа, приводит Л. Я. Штернберг в работе «Первобытная религия в свете этнографии»[4]. Помимо зависимости захоронений от определенной традиции, связанной с воспоминанием людей о территории, где они прежде жили, и о путях их передвижения в район

---

* Следует заметить, что для всех типов захоронений могильника выделяются, помимо вышеприведенных общих моментов, и такие черты единства, как почти обязательная для всех ям подсыпка дна мелкой морской галькой, отсутствие каких-либо следов кремации и вообще признаков огня, отсутствие следов жертвоприношений, сопровождение умерших глиняной посудой и др. Рядом из этих особенностей (подсыпка дна галькой, глубокие грунтовые ямы, отсутствие кремации и т. п.) погребения VIII—VI вв. Красномаяцкого могильника отличаются от синхронных погребений могильника Гуадиху (см. выше, 1 главу).

Поэтому есть все основания полагать, что население, оставившее Красномаяцкий некрополь, и население, хоронившее на Гуадиху, несмотря на их территориальную и хронологическую близость, относились к различным этническим группам (ред).

4 Л., 1936.

современного поселения (похороны в лодках или на санях), погребальный обряд во многих случаях зависел и от характера смерти. Л. Я. Штернберг пишет: «Наряду с традиционной у одного народа формой погребения существуют еще и формы исключительные, особенно для людей, умерших неестественной смертью. Так, например, у гиляков, которые обычно покойников сжигают, человека, которого задрал медведь, не сжигают, а хоронят в особом амбаре и сажают верхом на предварительно убитого в отместку медведя: он должен остаться здесь на земле, ибо задранный медведем становится сам медведем и переходит в род хозяина-медведя. Если человек утонул, то опять-таки его нельзя сжигать, потому что это значит, что он — избранник хозяина воды и становится одним из сородичей его, а потому его кладут в лодку на берегу моря. То же самое с убитым молнией и т. д.[5]

«У ацтеков было три типа погребения в связи с представлением о различной судьбе после смерти лиц разного социального положения или в зависимости от причины их смерти (от молнии, в бою, от родов, от болезни)»[6].

На наличие разных, существовавших одновременно способов погребения у якутов, указывает А. А. Попов[7].

Различия в обряде погребения наблюдались у алтайцев. «Тела умерших хоронят различно,—пишет В. И. Вербицкий,—или кладут в деревянные срубы, утвержденные сверх земли на 4-х столбах, или закапываются в горы вместе с любимыми конями покойников, или сжигаются, или, наконец, привешиваются на сучьях деревьев, в бересте»[8].

Отсутствует единство в обряде погребения и у абхазов. Одна часть абхазского населения, принявшая мусульманскую религию в позднее средневековье, хоронит своих покойников в простых грунтовых ямах с ориентацией головы на восток, а другая часть абхазов, исповедующая христианскую религию, укладывает своих покойников в гроб и предает земле с ориентацией головы на запад. В первом случае руки покойника, согнутые в локте и подтянутые к подбородку, лежат на груди, а во втором случае руки, согнутые в локте, лежат на животе.

---

5 Л. Я. Штернберг, Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, Хабаровск, 1933, стр. 328.

6 Л. Я. Штернберг, Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936, стр. 340.

7 А. А. Попов, «Материалы по истории религии якутов б. Вилюйского округа», Сборник МАЭ, т. XI, 1949, стр. 307.

8 В. И. Вербицкий, «Инородцы», Сборник этнографических статей и исследований, М., 1893, стр. 86.

Приведенные этнографические примеры, свидетельствующие о наличии у ряда народов различных способов погребения, существовавших одновременно, помогают найти объяснение для различий в форме погребального обряда, имевших место в Красномаяцком могильнике. По-видимому, способы захоронений — в скорченном и вытянутом положении, в урнах и колодцеобразных ямах, следует считать сосуществовавшими в определенный исторический отрезок времени.

Вскрытые погребения в Красномаяцком могильнике содержат различный по числу и качеству погребальный инвентарь. Одни погребения имеют от нескольких десятков, иногда до ста и более предметов; другие содержат лишь отдельные вещи; два погребения второго типа захоронения (погр. 48, 55) и два погребения третьего типа захоронения (погр. 56а, 74) без инвентаря; в отдельных погребениях инвентарь разнообразен, в других же состоит из одних украшений. По обилию инвентаря и значению отдельных вещевых находок выделяются погребения №№ 2, 4, 7, 11, 21, 26, 38, 41, 63, 64, 94, 104*.

Представляет интерес количественное соотношение различных групп вещевых находок, обнаруженных в погребениях. Оно выглядит следующим образом. Глиняная посуда представлена в 42 погребениях: 1, 5, 12, 13, 15, 17, 21—27, 30, 36, 38, 39, 46, 47, 52—54, 54а, 59, 61, 68, 69, 71—73, 75а, 77, 79, 80—82, 87, 93, 95, 96, 103; бронзовые сосуды в двух погребениях: 26 и 91; оружие в 20 могилах: 2, 4, 7, 9, 11, 14, 28, 34, 38, 42, 43, 56, 63, 78, 82—85, 88—104. Ножи в 16 погребениях: 2, 4, 7, 9—11, 14, 21, 28, 33, 38, 43, 63, 82—84; шейные гривны в восьми погребениях: 10, 21, 24, 29, 34, 67, 84, 104; браслеты в 24 погребениях: 3, 4, 15, 17, 18, 21—27, 30, 38, 41, 47, 50, 62; 66а, 75б, 82, 89, 100, 101; фибулы в 16 могилах: 4, 6, 12, 13, 16, 19, 21, 26, 29, 38, 39, 49, 62, 64, 100, 103; булавки в двух погребениях: 12 и 18; пряжки поясные в 25 могилах: 16, 31, 33, 37, 40—42, 44, 45, 51, 52, 58, 60, 62, 64, 65, 68—70, 75, 76, 91, 98, 99, 104; янтарные бусы в восьми погребениях: 4, 6, 12, 21, 23, 26, 29, 38; сердоликовые бусы в 16 могилах: 1, 4, 11, 12, 21, 26, 32, 41, 42, 44, 52, 59, 89, 91, 93, 98; стеклянные бусы в двух погребениях: 12 и 26; бронзовые бусы в 21 погребении: 15, 26, 32, 35, 39, 41, 42, 44, 47, 49, 50, 52, 58, 65, 67, 69, 86, 89, 93, 94, 101; пастовые бусы в 5 погребениях: 1, 25, 47, 52, 71; гешировые бусы в двух погребениях: 6 и 38; керамические бусы в трех могилах: 44, 98, 102; височные кольца в 9 погребениях: 5, 33, 38, 41, 43, 47, 75, 76а, 89; сережки в двух могилах: 26 и 29; пинцеты в 5 погребениях: 9, 64, 87, 88, 92.

---

* Наиболее бедны инвентарем вторичные захоронения в колодцеобразных ямах. Они обычно содержат лишь один сосудик или один мелкий предмет, редко несколько (см. №№ 42, 52, 52а, 53, 54а, 55 и др.).

В описанных выше погребениях найдены также и другие предметы: подвески из различных материалов, скульптурные фигурки, спиральные трубки, цепочки и т. д. Единичными находками в погребальном инвентаре некрополя являются: бронзовый панцирь, изображающий грифа (погр. 7); бронзовый наконечник стрелы скифского типа (погр. 82); бронзовые удила (погр. 8); бронзовая рогулька (погр. 94).

В размещении погребального инвентаря в длинных ямах устанавливается в основном четкая закономерность. У висков встречаются серебряные серьги и височные завитки; на шее бусы и гривны; на груди фибулы и различные нашивные бляшки и фигурки; на руках браслеты; на талии поясные пряжки; за головой, реже у ног и очень редко у пояса глиняные сосуды и предметы вооружения.

Первый тип захоронения Красномаяцкого могильника, т. е. обряд вытянутого положения на спине, в Абхазии пока не засвидетельствован вглубь за пределы эпохи поздней бронзы. Но он, несомненно, существовал здесь еще в эпоху неолита, так как первоклассные поселения этого периода на территории Абхазии хорошо представлены. Но ввиду недостаточных разведочных работ, произведенных в крае по выявлению некрополей неолитического времени, данный способ захоронения пока, очевидно, просто не обнаружен. Однако в других пунктах Кавказа этот наиболее простой вид погребального обряда зафиксирован и в более ранних памятниках, в частности эпохи позднего неолита. Таковы подкурганные захоронения на территории Чечено-Ингушети (курган № 6 у хут. Новый Аршти), в Нагорно-Карабахской автономной области (курган № 2 на правом берегу р. Хаченагет)[9].

Способ захоронения покойников в вытянутом положении был весьма древним погребальным обычаем. Для примера можно указать на Мариупольский неолитический могильник[10], где подавляющее большинство погребений было совершено таким именно способом.

Второй тип захоронения Красномаяцкого могильника, т. е. способ скорченного положения на боку, был известен в Абхазии еще в эпоху энеолита. Он засвидетельствован раскопками Л. Н. Соловьева в Сухуми, в районе Лечкопа[11]. Этот обряд погребения на Кавказе существовал, очевидно, и в более раннее время.

---

9 Р. М. Мунчаев, Древнейшая культура Северо-восточного Кавказа, МИА, № 100, М., 1961, стр. 139—140.

10 М. Макаренко, Мариупольский могильник, Киев, 1933. (на укр. яз.).

11 Материалы раскопок Л. Н. Соловьева хранятся в Гос. музее Абхазии.

Характерные особенности первого и второго типов погребения Красномаяцкого могильника — захоронения в простых грунтовых ямах овальной формы, подстилка дна могилы галькой и т. п. свойственны для могильников ранней бронзы Северного Кавказа. Тождественные черты погребального обряда мы наблюдаем в группе памятников Прикубанья и Кабардино-Пятигорья, представляющих, по А. А. Иессену, «раннекубанскую»[12], а по Е. И. Крупнову, «майкопскую»[13] культуру, наиболее вероятная дата которых определяется в пределах 2300—1700 гг. до н. э.[14]

В эту группу входят такие памятники, как знаменитый Майкопский курган, раскопанный в конце XIX в. Н. И. Веселовским, курган № 2 у станицы Костромской[15], курган № 4 у г. Армавира[16], курган в Садках у селений Саоломенки, Старый Лескен и Старый Урук (в Кабарде)[17] и др. Завершают эту группу памятники, хронологически связанные и близкие кургану близ ст. Новосвободной.

Почти для всех погребений «раннекубанской»—«майкопской» культуры характерны подстилка дна погребения галечником, овальная форма могильных ям, вытянутое и скорченное на правом боку положение умерших и т. п.

Подстилка дна могилы галечником засвидетельствована и в древнейших погребениях с обрядом вторичного захоронения. В Абхазии она прослежена почти во всех изученных дольменах в селе Верхняя Эшера, около Сухуми, относящихся к рубежу III—II тыс. до н. э.[18] Подстилка галькой дна могилы с обрядом вторичного захоронения установлена в ряде могильников Дагестана первой половины II тыс. до н. э.[19]

---

12 А. А. Иессен, К хронологии «больших кубанских курганов», СА, XII, 1950, стр. 198.

13 Е. И. Крупнов, «Древнейший период истории Кабарды», Сб. по истории Кабарды, вып. 1. Нальчик, 1951, стр. 44.

14 А. А. Иессен, Указ. соч., стр. 198.

15 ОАК за 1897 г.

16 А. А. Иессен, «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе», Изв. ГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 88, 89.

17 МИА, № 3, 1941, стр. 193—196, 213—293; Е. И. Крупнов, «Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г.» Учен. зап. КНИИ, IV, Нальчик, 1948. Его же, «Археологическая экспедиция в Кабардинской АССР в 1948 г.», Учен. зап. КНИИ, V, Нальчик, 1950.

18 Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, 1, Тбилиси, 1949, стр. 277, 287.

19 Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов, «Археологические памятники близ с. Карабудахкент» (Дагестанская АССР), МИА, № 69, 1958, стр. 148—149, 161; А. А. Русов, Отчет о летних и осенних археологических работах (1880 г.) в Южном Дагестане, V Арх. съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета, М., 1882, стр. 445, 590.

Следует отметить, что подсыпка морской гальки прослежена в жилых помещениях Очамчирского энеолитического селища[20]. Это обстоятельство дает основание предполагать, что посыпка дна могильной ямы галькой связана, видимо, с жилыми помещениями энеолитической эпохи.

Таким образом, галечная подстилка дна могильной ямы, представленная в погребениях Красномаяцкого могильника, является древнейшей общекавказской традицией, сохранившейся на Черноморском побережье Абхазии еще в эпоху поздней бронзы.

Третий тип захоронения Красномаяцкого могильника, т. е. обряд вторичного погребения в урнах или простых округлых ямах получает широкое распространение в начале I тыс. до н. э. в Абхазии. Впервые на наличие этого способа захоронения в Абхазии еще в начале XX в. обратил внимание Вс. Миллер, который писал: «Подтверждение обычая, существовавшего некогда у колхов, кажется, можно видеть в одной находке, сделанной на восточном побережье Черного моря, недалеко от Гагр. В слое песка, в недалеком расстоянии от моря, были открыты случайно глиняные сосуды с человеческими костями. Это так называемое вторичное погребение, практиковавшееся у многих народов»[21].

Вторичные погребения в урнах были засвидетельствованы В. И. Стражевым[22] и М. М. Иващенко в 1925 году в селе Приморском (б. Петропавловка). В 1930 г. М. М. Иващенко[23] исследовал несколько вторичных погребений в урнах в селе Нижняя Эшера около Сухуми. Вслед за М. М. Иващенко там же вторичное погребение было открыто Б. А. Куфтиным в 1934 г.[24]

Обряд вторичного погребения в Абхазии уходит своими местными корнями в глубокую древность, по крайней мере в эпоху энеолита.

В эпоху энеолита и ранней бронзы на территории современной Абхазии вторичные погребения совершались как в дольменах, так и в простых грунтовых ямах, иногда в пеще-

---

20 Л. Н. Соловьев, «Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии», Труды Абхазского НИИ, вып. XV, Сухуми, 1939, стр. 49.

21 Вс. Миллер, «О некоторых древних погребальных обрядах на Кавказе», Этнографическое обозрение, №№ 1—2, СПб., 1911.

22 В. И. Стражев, «Бронзовая культура в Абхазии», Известия АбНО, вып. 4, Сухуми, 1926, стр. 107.

23 М. М. Иващенко, Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии, Тифлис, 1935, стр. 58.

24 Б. А. Куфтин, Указ соч., стр. 178—182, рис. 35 и 36, табл. XVIII.

рах или у их входа. Раскопками в селе Верхняя Эшера[25] установлено, что на дне дольменов, заменявших оссуарии, располагались беспорядочно лежавшие человеческие кости. Такое их положение могло быть вызвано лишь обрядом вторичного захоронения, совершавшегося после отделения костей от тканей в результате полного разложения трупа.

В простых грунтовых ямах и в пещерах этот обряд погребения засвидетельствован на территории Адлерского овощного совхоза, в Старых Гаграх (в районе Приморского парка, в карстовой пещере), в селе Калдахвара (в гроте у левого берега р. Бзыбь, около моста) и др.[26]

Следы обряда вторичного, или, как иногда говорят, расчлененного погребения, отмечены и в других древнейших могильниках Закавказья конца III — первой половины II тыс. до н. э. Так, в 1936 г. на Цалкинском плоскогорье в с. Таш-Баш среди могил позднеримской и сасанидской эпох было открыто погребение с характерной энеолитической керамикой (семь сосудов). Как отмечает Б. А. Куфтин, между сосудами лежали беспорядочно кости одного человека, причем череп и нижняя челюсть его находились в двух рядом стоявших мисках[27].

Погребения в расчлененном состоянии отмечены Т. Н. Чубинишвили и в древнейшем могильнике на Амиранис-Гора (Ахалцихский район, южная Грузия)[28].

Расчлененные погребения открыты также А. А. Мнацаканяном в кургане у с. Джарарант Ахтинского района Армянской ССР.

Обряд вторичного погребения в расчлененном состоянии наблюдается и на Северо-восточном Кавказе (Дагестанская АССР), в частности в Карабудахкентском могильнике № 2 (погр. 1), относящемся к эпохе ранней бронзы[29].

На той же территории Дагестана вторичные захоронения обнаружены и в других пунктах:

В Катарагач-Така. Здесь в одном кургане было вскрыто несколько человеческих скелетов в «расчлененном» положе-

---

25 Б. А. Куфтин, Указ. соч., стр. 269, 272—278; Л. Н. Соловьев, «Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района», Труды АбИЯЛИ, XXXI, Сухуми, 1960, стр. 74—80.

26 Л. Н. Соловьев, Указ. соч., стр. 80—90.

27 Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1941, стр. 117.

28 Т. Н. Чубинишвили, «Раскопки на Амиранис-Гора в 1958—1959 гг.», Доклад, прочитанный на секции неолита и бронзы Пленума ИА АН СССР и ИА УССР в г. Киеве 9 мая 1960 г.

29 Р. М. Мунчаев, Указ. соч., стр. 133; Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов, Указ. соч., стр. 147—149.

нии. Курганы Катарагач-Така и Карабудахкент хронологически близки друг другу.

В урочище Каркома-Хола у ст. Манас в кургане № 2 были выявлены остатки неполного человеческого скелета, кости которого были положены в могилу после истления трупа и находились без порядка[30].

В местности Нхола-Ад, близ аула Чох и в Кизил-Яре[31], в могильнике рубежа II—I тыс. до н. э.

На Северном Кавказе вторичное захоронение зафиксировано Б. Е. Дегеном в кургане № 2 (Садки) в Нальчике[32].

Можно было бы продолжить перечень вторичных погребений, выявленных в различных районах Закавказья и Северного Кавказа, но указанного достаточно, чтобы убедиться в широком распространении во II—I тыс. до н. э. на Кавказе рассматриваемого обряда.

Обряд вторичного погребения не получает дальнейшего широкого развития на Кавказе, за исключением Дагестана.

В Дагестане, на рубеже и в первые века нашей эры, способ вторичного захоронения становится, наряду с сарматским обычаем погребения, ведущим погребальным обрядом у местных племен. Об этом свидетельствуют раскопки Таркинского могильника[33] и одновременных ему погребений 1 Карабудахкентского могильника.

При современном уровне наших археологических и исторических знаний трудно представить себе, как происходил обряд вторичного погребения, особенно в древнейший период. Утверждать, что здесь мы имеем дело с обычаем искусственной депорпации трупа с последующим захоронением, не представляется возможным, потому что очень мало костей сохранилось и они не несут на себе следов расчленения.

Да и на территории всего Кавказа этот обычай этнографически известен только в Дагестане, в период средневековья[34].

Арабские писатели Абу-Хамид эль-Андалузи (XII в.) и Казвини (XIII в.) оставили интересные подробности об этом обряде погребения у кубачинцев в Дагестане. По их описанию, трупы умерших поступали в особые подземные помещения, отдельные для мужчин и женщин, где специальные лю-

---

30 К. Ф. Смирнов, Отчет о работе Дагестанской археологической экспедиции в 1951 г., Архив ИА АН СССР, ф. 1 Р, № 604, стр. 7.

31 Д. Н. Анучин, «Отчет о поездке в Дагестан», «Древности», Труды МАО, вып. 2—3, Протоколы, 1883, стр. 36.

32 МИА № 3, М., 1941, стр. 220 и 232.

33 К. Ф. Смирнов, «Археологические исследования в районе дагестанского селения Тархи в 1948—1949 гг.», МИА, № 23, 1951, стр. 226 и сл.

34 Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов, Указ. соч., стр. 58.

ди очищали мясо от костей и собирали последние уже сухими в мешок, на котором подписывались имя, год рождения и смерти умершего. Снятое же мясо относилось на возвышенные места, отдельные для мужчин и женщин и лежащие вне аула, и там отдавалось на съедение воронам и коршунам[35].

Мы не знаем на Кавказе в целом других случаев искусственной депорпации трупа, если не считать двух погребений из Хоцларского района Азербайджанской ССР, исследованных Я. И. Гуммелем. Здесь, пожалуй, мы имеем единственные для всего Кавказа эпохи II—I тыс. до н. э. расчлененные погребения в курганах №№ 13 и 34[36].

В обоих случаях Я. И. Гуммель подчеркивает, что кости в местах их расчленения были разрублены; таким образом, здесь наблюдается искусственная депорпация трупов с последующим захоронением костей.

Захоронение с искусственным расчленением трупа явление спорадическое и малоизвестное на Кавказе, больше того, чуждое Кавказу[37].

Указанные единичные случаи расчлененных захоронений не дают основания для каких-либо выводов относительно характера погребального обряда и потому не могут быть серьезно приняты в счет при изучении рассматриваемого вопроса[38].

Таким образом, совокупность приведенных данных делает маловероятным предположение об искусственной депорпации трупов, погребенных в округлых ямах и урнах в Красномаяцком могильнике. Нам представляется наиболее возможным здесь вторичное погребение костей покойника. Это подтверждается, прежде всего, размерами погребальных урн и округлых могильных ям, в которых не вмещался целый покойник. Кости укладывались в них после значительного разрушения трупа. Этим объясняется, пожалуй, и отсутствие многих костей в округлых погребальных ямах и урнах.

Обряд вторичного захоронения с положением в яму или специальное вместилище лишь части костей является характерным для Передней Азии, Месопотамии, Южной Персии, Урарту (близ оз. Урмии). В этих районах часто находят погребения в особых, как правило, небольших глиняных и каменных оссуариях, не могущих вместить целого покойника.

35 А. С. Уваров, «Курганы с расчленением близ Дербента», Труды V АС, М., 1887, стр. 73, 74.

Следует отметить, что здесь А. С. Уваров ошибочно приписывает приведенные известия Масуди (середина X в.), который ничего не пишет о подобном обряде.

36 Я. И. Гуммель, Археологические очерки, Баку, 1940, стр. 60, 61.

37 Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов, Указ. соч., 1958, стр. 152.

38 Там же.

Часть из этих оссуариев относится к парфянской эпохе и явно связана с маздеизмом, запрещавшим осквернять трупом землю, предписывавшим предварительное освобождение костей от мускулов и соединительных тканей вне земли и погребение лишь очищенных тем или иным путем костей[39]. Одним из широко распространенных способов, применявшихся с этой целью в маздеизме, можно считать способ, описанный еще Геродотом. «Труп умершего перса погребается не раньше, как его разорвет птица или собака»[40]. К. Силий Италик упоминает, что и в «Иверской земле говорят: таков древний обычай — поганый коршун уничтожает бездыханные тела, в то время как у урканцев в обычае употреблять собак, когда царские тела покинут свет»[41].

К одному из подобных же способов может быть отнесен и обычай в Средней Азии просто оставлять труп на воздухе и только после освобождения таким образом костей от мяса помещать кости в оссуарии или предавать земле.

Любопытно, что в той же Средней Азии, где пережиточно долго сохранялся обычай депорпации, применялся способ, заключавшийся в том, что трупы подвешивались на деревья. Картинно описывает этот обычай, существовавший еще в начале прошлого столетия Ф. Назаров: «Проезжая зимой по киргизским степям, с ужасом встречаешь подобные развешенные на деревьях, покрытые инеем обледенелые тела, качаемые буйным ветром»[42].

С той же территории К. Силий Италик в I в. н. э. увязывает свой стих: «А у скифского племени медленный день погребает трупы, прикрепленные к древесным стволам...»[43].

Подобный же способ был записан Б. А. Куфтиным в 1922 г. со слов стариков в мордовском селении Оркино Саратовской губернии[44]. При этом там существовал обычай предания земле всех накопившихся таким образом покойников в один общий день, но каждого в свою могилу.

Подвешивание покойников на деревьях, но без указания на вторичное погребение костей, еще недавно было известно в Абхазии. О существовании подобных погребений подробно рассказывает ряд путешественников XVII — XVIII вв. Одно из наиболее ранних, относящихся к этому времени свиде-

39 Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, I, Тбилиси, 1949, стр. 184.

40 Геродот, История в 9 книгах, пер. Ф. Г. Мищенко, т. 1, М., 1888, стр. 75.

41 В. В. Латышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. II, СПб., 1904, стр. 216.

42 Ф. Назаров, Записки о народах Средней Азии в 1813 г., СПб., 1821, стр. 14.

43 В. В. Латышев, Указ. соч., стр. 216.

44 Б. А. Куфтин, Указ. соч., стр. 185.

тельств, принадлежит итальянскому монаху Джиновани Люча[45], посетившему восточное побережье Черного моря в начале XVII в., не позже 1633 года, и оставившему записки, которые сохранились лишь во французском и голландском переводах. Он говорит, согласно последнему, что у «абхазцев специальные священники (Рара), не имеющие других обязанностей, кроме как хоронить мертвых и заботиться об их душе, кладут покойников в долбленные колодки, служившие им гробом, и привязывают их к стойкам свободно висеть наверху». По французскому переводу гроб привязывают (от шакалов) к четырем столбам[46]. Об этом же обычае сообщает турецкий географ Эвлия-Челеби-Эфенди, посетивший Черноморское побережье Кавказа в 1641 г. Он пишет: «Этот абхазский народ странным образом хоронит своих беков (князей); тело усопшего кладут в деревянный ящик, который прикрепляется к ветвям высокого дерева; над головою в ящике оставляется отверстие, дабы бек мог, как они говорят, видеть небо; пчелы же входят в ящик и делают мед, совершенно покрывая находящийся в ящике труп»[47].

Подобное известие о способе погребения было опубликовано в Неаполе в 1654 г. католическим миссионером Арканджело Ламберти, 18 лет проведшем в Мегрелии. Он пишет, что «у абхазов есть удивительный обычай, являющийся их особенностью. Они не погребают и не сжигают тела своих покойников, но помещают их в выдолбленные деревянные колоды, служащие гробом, и привязывают их с помощью виноградной лозы к верхушкам деревьев. Тут же помещают его оружие и одежду, а чтобы отправить вслед за хозяином его лошадь, гоняют ее вокруг дерева до тех пор, пока она не околеет»[48]. Знал об этом погребальном обычае и Вахушти[49].

Гораздо существеннее, что мы сверх всего имеем значительно более древнее сообщение Аполлония Родосского, писателя III в. до н. э., о способе погребения на деревьях в древней Колхиде. На берегу, куда высадились Язон со своими спутниками, «росло рядами множество ракит и ив, на верхушках которых висели привязанные веревками трупы»[50]. По этому

[45] См. П. Юрченко, Перевод с французск. издания Заг. ООИД, т. XI, Одесса, 1879, стр. 493.

[46] Там же.

[47] Ф. К. Брун, Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря, Зап. ООИД, т. IX, стр. 178.

[48] Ламберти Арканджело, Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией, Перевод с итальянского, СМООМПК вып. 43, Тифлис, 1913, стр. 189—190.

[49] Вахушти, География Грузии Зап. Кавказского отдел. РГО, т. XXIV, Тифлис, 1904, стр. 234—235.

[50] В. И. Сизов, Восточное побережье Черного моря, МАК, вып. II, М., 1889, стр. 162.

поводу Аполлоний замечает, что «еще теперь считается у колхов святотатством предавать огню трупы умерших мужчин; нельзя даже зарывать их в землю и насыпать сверху могильные холмы: их завертывают в недубленные шкуры и вешают на деревьях вдали от города... женщин же хоронят в земле[51].

Принимая во внимание весь вышеприведенный материал о наличии сходных обычаев у абхазов в XVII—XVIII вв., мы не будем иметь основания сомневаться в полной достоверности источника Аполлония в этом случае.

В таком случае обряд погребения путем искусственного расчленения, имевший место в Персии, Бактрии и Парфии, не имеет ничего общего с абхазско-колхидским обрядом вторичного погребения. Поэтому нет никаких оснований видеть в этом обычае отражение восточных культурных влияний, как это предполагали некоторые исследователи[52].

Вторичные погребения, вскрытые в Красномаяцком могильнике, доказывают, что погребальный обычай, описанный Аполлонием, мог быть значительно более древним, чем время его литературного засвидетельствования, и что подвешиваемые в шкурах покойники не оставлялись без дальнейших забот о них, а, напротив, по истечении известного срока подвергались вторичному погребению.

Самый факт вторичного погребения находит опору в очень позднем переживании этого обычая у абхазов в случае погребения убитого молнией. В этом отношении ценные сведения мы находим в сообщении этнографа-абхазца Соломона Званба (1809—1855 гг.), который в своей работе «Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии», опубликованной в 1955 году, писал: «Если громовым ударом будет убита скотина, то хозяин ее собирает всю деревню, без различия пола, устраивает на 4-х столбах вышку такой вышины, чтобы на нее не могли вспрыгнуть собаки или хищные звери. После приготовления вышки все присутствующие совершают вокруг убитой скотины пляску, напевая следующие слова: одна половина поет хором «Во-етла», а другая—«Чаупар-оу», причем скотину поднимают на вышку. Там она остается на жертву хищным птицам»[53].

Далее Соломон Званба пишет: «Если гром поразит человека, то и над его телом совершают подобный же обряд. Во время круговой пляски родственники убитого не должны плакать, потому что, по понятиям абхазцев, Афы поразит всех

[51] В. В. Латышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. 1, СПб., 1902, стр. 418.

[52] А. С. Уваров, Указ. соч.

[53] С. Т. Званба, Этнографические этюды, Под редакцией и с предисловием проф. Г. А. Дзидзария, Сухуми, 1955, стр. 67—68.

присутствующих одним ударом. Тело убитого громом человека остается на вышке в гробу до тех пор, пока не останутся одни кости. После этого гроб снимают с вышки и предают его с костьми земле при обычном обряде погребения и совершают поминки»[54].

Обращаясь к идеологической основе вторичного обряда захоронений, следует думать, что этот обряд является отражением представления о тесной связи души с телом, прежде всего с материальным телом. Последнее является вместилищем души, и душа может освободиться от тела лишь при полном разложении тела. Поэтому, до полного освобождения костей от мускулов и соединительных тканей, душа еще держится в теле, т. е. остается в кругу живых и следовательно, нуждается в пище и заботах.

Разнообразные приемы как искусственные, так и естественные, удаления мяса направлены в конечном итоге к одной цели — дать возможность умершему быстрее освободить душу от тела. Во многих случаях тот же смысл имеет и обряд кремации[55].

Любопытно распределение погребений описанных типов по раскопам могильника. Первые четыре раскопа (I—IV), так же, как и VII, содержали погребения только I и II типов, в том числе: 1 раскоп—11 погребений, II—8, III—11 и IV—7, VII—4.

В V раскопе из 15 погребений 11 относились к 1—2 типам, 3—к 3-му типу и одно—к 4-му типу. Примерно такое же распределение характерно для VI (11 погребений 1—2-го типов, 1—3-го типа и 2—4-го типа), IX (10 — 1—2-го типов, по одному — 3—4-го типов) и X (12—1—2-го типов, 3 — 3-го типа и 1—4-го типа) раскопов.

Лишь VIII раскоп содержал преобладающее число погребений 4-го типа (7 из 8) и лишь одно захоронение 1-го типа.

Складывается впечатление, что погребения 1—2-го типов более характерны для северо-западной половины территории могильника, а захоронения 3—4-го типов — для юго-восточной (рис. 25).

3. АНАЛИЗ ВЕЩЕВЫХ НАХОДОК

Вещевой инвентарь описанных выше погребений Красномаяцкого некрополя состоит из керамики, металлических, каменных, янтарных, гешировых, стеклянных, пастовых предметов, которые по своему назначению и употреблению разбиваются на следующие группы: посуда, предметы домашнего обихода, оружие, предметы убора и украшения.

54 С. Т. Званба, Указ. соч., стр. 68.
55 Б. А. Куфтин, Указ. соч., стр. 191—192.

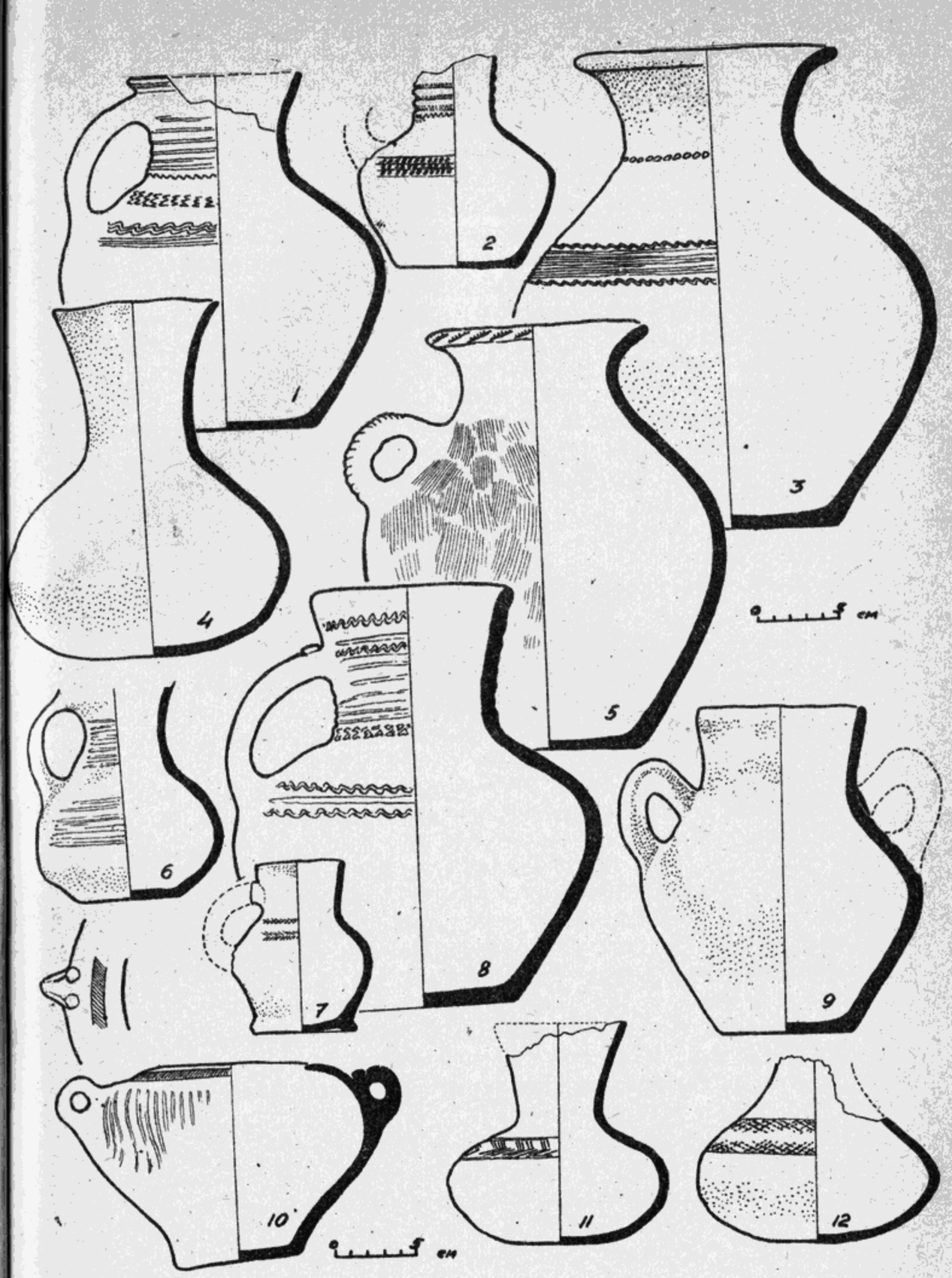

Таблица XVII. Красномаяцкий могильник. Глиняная посуда из погребений IX-VI вв. до н. э. 1, 3, 4, 8—погр. 38 (55); 2—погр. 21 (23); 5—погр. 13 (14); 6—погр. 24 (31); 7—погр. 30 (39); 8—погр. 38 (55); 9—погр. 87 (133); 10—погр. 36 (52); 11—погр. 82 (128); 12—погр. 26 (35)

Посуда представлена керамическими и бронзовыми сосудами.

Прежде чем перейти к рассмотрению Красномаяцкой глиняной посуды, следует отметить следующее. Если керамика кобанской бронзы с хорошо орнаментированными экземплярами глиняной посуды одного определенного стиля является широко известной, то керамика эпохи поздней бронзы на территории распространения колхидской культуры, т. е. в Западном Закавказье до недавнего времени оставалась малоизвестной. Впервые более или менее цельное представление о керамике колхидского типа эпохи поздней бронзы мы получаем в результате изучения нижеприведенных материалов.

Керамическая посуда, добытая в описанных выше погребениях Красномаяцкого могильника, сделана в основном на гончарном кругу из плохо промешанной глины с большой примесью песка, красно-серого, темного и темно-бурого обжигов. Она представлена кувшинами, горшками и одним кубком.

Особую группу составляет крупногабаритная урновая посуда.

Кувшины обнаружены в погребениях 13, 21, 24, 26, 30, 38, 81, 82, 87. Всего их 12 экземпляров. По форме тулова и некоторым другим деталям они принадлежат к четырем различным типам. Первый тип характеризуется выпуклым туловом (табл. XVII, 11), (погр. 24, 38, 82). К этой форме относятся еще два кувшина: один с округлым дном (погр. 26 — табл. XVII, 12), а другой со слегка выступающим краем дна (погр. 30 — табл. XVII, 7). Второй тип кувшинов с тупореберчатым туловом и гофрированной горловиной (табл. XVII,2, погр. 21). Третий тип — биконической формы с двумя ручками, как на амфорах (табл. XVII, 9, погр. 87). Четвертый тип имеет закругленное тулово, приближающееся к шаровидной форме (табл. XVII, 5, погр. 13). Все типы кувшинов имеют различную орнаментацию, состоящую из узких желобчатых поясков, косых овальных ямок, налепных пуговок, врезных волнообразных линий, елочных дорожек, ленточковидных поясков с косой штриховкой, валиков, шнуровидных поясков, сетчаток и т. п.

Некоторые из этих кувшинов как, например, кувшины с выпуклым и тупореберчатым туловом, близки к кувшинам, обнаруженным в нескольких погребениях VIII—VI вв. до н. э. на Сухумской горе в 1951 году[56]. В одном из этих погребений вместе с двумя кувшинами с выпуклым туловом находились

---

56 А. Н. Каландадзе, Археологические памятники Сухумской горы, Сухуми, 1954, стр. 76, 77, 79, 86, табл. V, 1, 3; XI, 8 и 9.

три бронзовых топора колхидского типа[57] и один круглопроволочный бронзовый браслет, украшенный схематизированными драконовидными головками на концах[58].

Кувшины красномаяцких типов, несомненно, имеют генетическую связь с более ранними кувшиновидными сосудами из Эшерских дольменов, датированных рубежом III—II тыс. до н. э.[59].

Горшки — 31 экземпляр (табл. XVIII). Они представлены в погребениях 1, 5, 12, 13, 15, 17, 22—25, 27, 36, 39, 46, 52, 53, 54, 61, 68, 69, 71—73, 77, 79, 80, 93, 95, 96, 103.

По форме тулова они принадлежат к трем различным типам.

Первый тип горшков приближается к баночной форме (табл. XVIII, 5, 14; погр. 1, 5, 13, 15, 23, 25, 27, 53, 54, 61, 69, 71, 77, 79, 80, 93, 95, 96).

Второй тип — горшок с широким выпуклым туловом (табл. XVIII, 2; погр. 24).

Третий тип — горшок, с воронкообразно расширяющимся от донышка выпуклым туловом, с сильно отогнутым во внутрь верхним краем и двумя петлевидными ушками (табл. XVII, 10; погр. 36).

Некоторые из горшковидных сосудов украшены врезными елочными дорожками и волнообразными линиями, налепными пуговками, вертикальными каннелюрами, круговыми желобчатыми поясками, косыми овальными ямками, ленточновидными полосками с косой штриховкой (табл. XVI—XVIII), т. е. орнаментацией, которая, как мы видели выше, была характерна и для кувшинов.

Горшковидные сосуды баночной формы имеют аналогию с сосудами из ряда погребений Сухумской горы VIII—VI вв. до н. э.[60].

На территории Западной Грузии близкие типы горшков баночной формы известны из слоя древнего селища в Нижнем Гоми Самтредского района, относящегося к переходной эпохе от бронзы к железу[61].

Любопытно, что горшки баночной формы весьма напоминают хорошо известные в колхидско-кобанском инвентаре бронзовые ситулы.

---

57 А. Н. Каландадзе, Указ. соч., стр. 76, табл. IV.

58 Там же, стр. 76, табл. VII, 5, рис. 9.

59 Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, 1, Тбилиси, 1949, стр. 287, 292, табл. XXXIII, 1.

60 А. Н. Каландадзе, Указ. соч., стр. 84, 85, табл. V, 4.

61 Б. А. Куфтин, Указ. соч., т. II, Тбилиси, 1950, стр. 121, 126, рис. 31, 12, 14, 17.

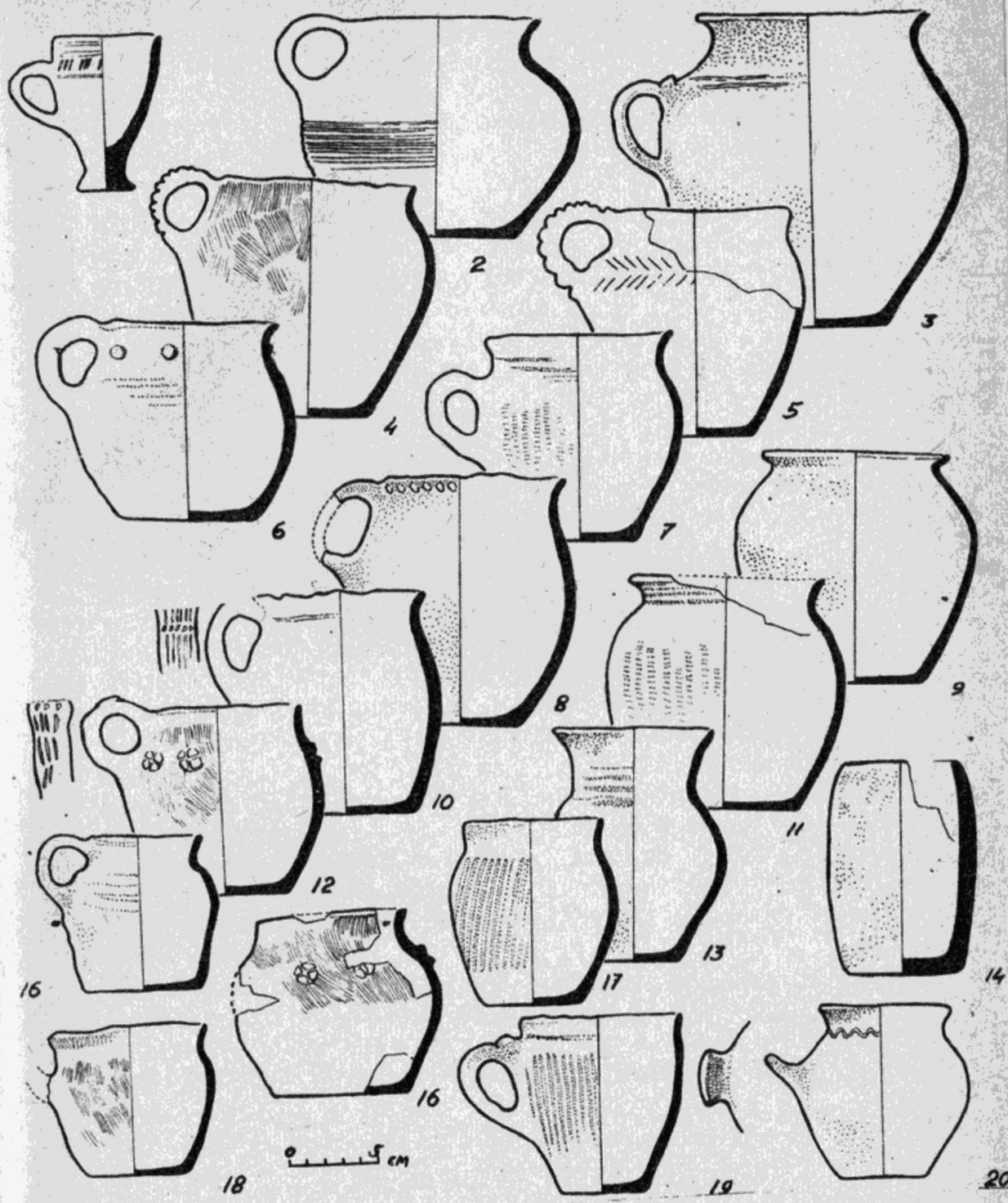

Таблица XVIII. Красномаяцкий могильник. Глиняная посуда из погребений VI-IX вв. до н. э. 1— погр. 90 (136); 2—погр. 24 (31); 3—погр. 79 (125); 4—погр. 80 (126); 5—погр. 1; 6—погр. 27 (36); 7—погр. 71 (108); 8—погр. 77 (123); 9—погр. 95 (141); 10—погр. 61 (91); 11—погр. 96 (142); 12—погр. 23 (25); 13—погр. 13 (14); 14—погр. 93 (139); 15—погр. 15 (16); 16—погр. 5; 17—погр. 69 (106); 18 - погр. 25 (34); 19—погр. 53 (76); 20—погр. 54 (77).

Вероятно, бронзовые ситулы возникли в подражание глиняным, отразив на себе отдельные детали, выработанные в керамике. Так, например, одна из двух бронзовых кружек из Лечхуми (село Окуми), в миниатюре повторяющая своим профилем бронзовую ситулу, в которой эти кружки были найдены вместе с кладом колхидско-кобанских топоров и других предметов[62], имеет на корпусе (тулове) вертикальные каннелюры, как на горшках.

Второй и третий типы красномаяцких горшков, т. е. с широким выпуклым туловом и воронкообразно расширяющимся от донышка туловом, не имеют пока аналогий в известной нам керамике кобанско-колхидского типа.

Они уходят своими корнями в глубокую древность. Генетически они связаны с керамикой, известной из Эшерских дольменов рубежа III—IV тыс. до н. э.[63] и даже из более ранних слоев энеолитического времени. Сосуды подобных типов были, в частности, найдены в энеолитическом селище близ гор. Очамчира, которое Б. А. Куфтин[64] приурочивает к ранней медно-бронзовой эпохе, Л. Н. Соловьев относит к середине III тыс. до н. э.[65]

Кубок чернолощенный, конической формы с рюмкообразной ножкой, снабжен петлевидной ручкой, украшен врезным орнаментом, состоящим из ленточновидного кругового пояска с косой штриховкой (табл. XVIII,1). Такие бокальчики являлись, по-видимому, принадлежностью поминальных трапез или других ритуальных собраний, совершавшихся на месте погребений.

Бокальчик рассматриваемой формы нам пока не известен в керамике колхидского типа эпохи поздней бронзы. Но в античное время бокальчики, имеющие сходство с красномаяцким, имели уже широкое распространение на территории исторической Колхиды, в частности в Сухуми, Нижнем Гоми[66] и т. д.

Погребальные урны Красномаяцкого могильника светло-бурого обжига, тонкостенно лепленные (табл. XVI). По характеру теста, способам обжига, форме и орнаментальным мотивам урновая посуда, несомненно, являлась продуктом

---

62 Б. А. Куфтин, Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Араксский энеолит, Вестник ГМГ, Тбилиси, 1944, стр. 27 и сл., табл. XI, 1.
63 Б. А. Куфтин, Указ. соч., I, Тбилиси, 1949, стр. 287, 293, 294, табл. XXXI, 3; XXXIII, 4.
64 Б. А. Куфтин, Указ. соч., II, Тбилиси, 1950, стр. 266, рис. 74, 3 и 4.
65 Л. Н. Соловьев, «Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии», Труды АбИЯЛИ, вып. XV, Сухуми, 1939, стр. 41, табл. X, 1, 3, 10.
66 Б. А. Куфтин, Указ. соч., I, Тбилиси, 1950, стр. 98, табл. 31, 1, 2, 7, 7.

местных гончаров. По форме тулова и некоторым другим деталям они подразделяются на три типа.

Первый тип характеризуется воронкообразно расширяющимся от донышка низким выпуклым туловом (табл. XVI, 3,5).

Для второго типа специфично тулово, конически расширяющееся от донышка (табл. XVI, 4).

Третий тип имеет округлое шаровидное тулово, с короткой горловиной, отогнутым наружу венчиком (табл. XVI, 2); одна из урн этого типа имела две петлевидные ручки в средней части тулова и широкое открытое горло (табл. XVI, 1).

Размеры всех трех типов урн: высота от 50 до 90 см, диаметр тулова от 45 до 80 см, диаметр горловины от 20 до 40 см. Совершенно очевидно, что в сосуды таких размеров тело взрослого человека не могло быть помещено, даже если предполагать, что труп укладывали через отбитую нижнюю часть сосуда. Сосуды эти, несмотря на сравнительно крупные размеры, поражают значительной тонкостью стенок, не более 8—9 мм толщины, что при относительно слабом обжиге, какому подвергались они, делает их крайне хрупкими и, безусловно, неспособными выдержать такую тяжесть, какую мог бы представлять человеческий труп. Поэтому эти урны не являлись вместилищем для всего человеческого тела, как, например, в Мингечауре, а представляли собой своеобразные оссуарии—емкости для захоронения лишь костей, да и то далеко не всех. Кости покойника, освобожденные от мяса, укладывались в сосуд, видимо, через горло.

Все типы погребальных сосудов орнаментированы; орнаментация состоит из следующих мотивов: горизонтальные и меридиональные рельефные валики (с елочными дорожками, сетчаткой, косыми черточками); рельефные шнуровидно витые, горизонтальные пояски; штриховые треугольники, врезанные волнообразные и ломаные линии, желобчатые пояски.

Рассматриваемые погребальные урны по форме тулова, размерам и некоторым орнаментальным мотивам близки к погребальным урнам дольменных погребений из с. Нижняя Эшера[67].

Черепки пифосов, близкие по своему профилю и некоторым орнаментальным мотивам к красномаяцким и эшерским погребальным урнам, обнаруженные в поверхностном слое холма Наохваму, выставлены в Потийском музее.

Сходные типы погребальных урн известны из с. Нижнего Гоми[68] в Западной Грузии.

---

[67] Б. А. Куфтин, Указ. соч., стр. 178, табл. XVI, 4; стр. 180—181, табл. XIX.

[68] Б. А. Куфтин, Указ. соч., II, Тбилиси, 1950, стр. 68—72, см. табл. 22; 24; 26; 27.

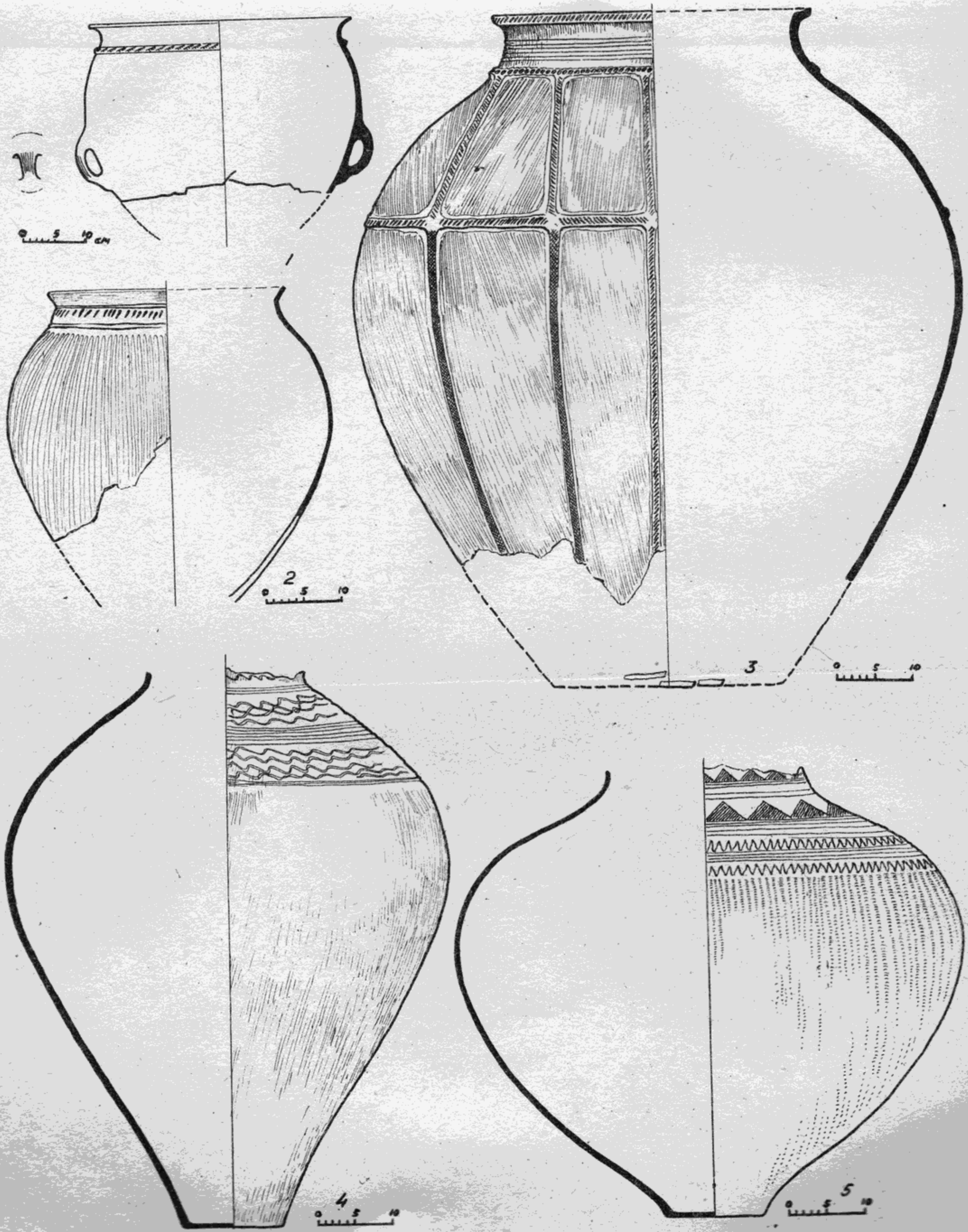

Таблица XVI. Красномаяцкий могильник. Урновая посуда погребений IX-VI вв. до н. э. 1—погр. 55 (80); 2—93 (139); 3—92 (138); 4—погр. 90 (136); 5—94 (140).

Подобно красномаяцким урнам, поверхность корпуса нижнегомских сосудов разделялась горизонтальными рельефными тяжами на четыре пояса, с той лишь разницей, что самый нижний и самый верхний пояса оставались гладкими и орнаментированы были меридианально и косо идущими рельефными тяжами только два средних пояса. Все рельефные тяжи одинаково украшены шнуровидной косой насечкой, зубчатым штампом, которые на нижнегомских погребальных урнах применялись лишь на плечевой и горловой частях сосуда.

Рассматриваемые погребальные сосуды по форме и назначению традиционно сохраняются и в более позднее время, в частности в урнах цебельдинских некрополей I—V вв. н. э.[69]

Следовательно, абхазские урны эпохи поздней бронзы и исходящие от них нижнегомские сосуды и сравнительно более поздние урны из цебельдинских некрополей являются продуктом местного развития так же, как и способ погребения в глиняных урнах с обрядом вторичного захоронения.

Посуда бронзовая в Красномаяцком могильнике представлена двумя сосудами: фиалом (табл. VIII, 2, погр. 26) и кружкой (табл. XIV, 4, погр. 91).

Фиал сильно фрагментирован, но форма его сохранилась благодаря глинистому заполнению сосуда. На основании этого сделан гипсовый слепок фиала. Судя по нему, фиал имел тупореберчатое тулово, приближающееся к биконической форме с широким открытым краем, отогнутым слегка наружу (табл. VIII, 2). По форме фиал копирует глиняные чашки эпохи бронзы.

Кружка-ситула, удовлетворительной сохранности, сделана из двух предварительно изготовленных тонкостенных бронзовых частей: корпуса и дна в виде чашки со слегка расширяющимися книзу прямыми и невысокими стенками. Скрепление частей сосуда по швам произведено с помощью бронзовых заклепок с тыльной стороны, где прикреплена и ручка, украшенная звериной головкой. Хотя на территории Абхазии кружки рассматриваемого типа встречаются впервые, они все же известны из ряда кладов и могильников Кавказа. Они представлены в Лечхумском (Западная Грузия)[70]. Жемталинском (Кабардино-Балкарская АССР)[71] и др. кладах. В

---

69 М. М. Трапш, «Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960—1962 гг.», Труды АбИЯЛИ, XXXII—XXXIII, Сухуми, 1963.

70 Б. А. Куфтин, «Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата, и Куро-Араксский энеолит», Вестник ГМГ, XIII—Б, Тбилиси, 1944, стр. 35, табл. XII, 1.

71 Е. И. Крупнов, «Жемталинский клад», Труды ГИМ, М., 1952, стр. 14—15, табл. II, 5 и 7.

могильниках эти кружки обнаружены в Тлийском (Южная Осетия)[72], в Верхне-Рутхинском (Северная Осетия)[73] и т. д. Такие сосуды с одной или двумя ручками встречены и в других пунктах Кавказа[74] и за его пределами, в частности в с. Жаботино Украинской ССР[75]. Они, как известно, бытовали в пределах VIII—VI вв. до н. э.[67]

Предметы домашнего обихода в Красномаяцком некрополе представлены оселками и железными ножами.

Оселки, обнаруженные в погребениях 10, 16, 83 и 84, сделаны из черной морской гальки, с двусторонне сверленным отверстием для подвешивания к поясу (рис. 32). Их четыре экземпляра и принадлежат они к трем типам.

Первый тип — оселки овальной формы (2 экз.).

Второй тип — оселок подтреугольной формы (погр. 83). Найден в погребении 83 рядом с железным ножом.

Третий тип — оселок вытянутой подчетырехугольной формы. Он найден в погребении 84 рядом с железным ножом.

Все описанные типы оселков применялись как точильные камни с глубокой древности. Такие предметы представлены и в некрополе Гуадиху в Сухуми (см. выше, стр. 55). Оселки везде и всюду появляются, видимо, в эпоху поздней бронзы, а в раннежелезном периоде получают широкое распространение как на Кавказе, так и за его пределами.

Ножи в количестве 21 найдены в погребениях 2, 4, 7, 9, 10, 11, 14, 21, 28, 33, 38, 43, 63, 82, 83, 84. Все они железные и по форме подразделяются на три типа.

К первому типу относятся ножи с прямой спинкой, лопасть которых переходит к черенку через прямоугольный уступ (табл. XX—9, 13). Всего таких ножей девять экземпляров. Найдены они в погребениях 4, 9, 10, 11, 21, 28, 43, 63, 84.

Железные ножи такого вида, т. е. с уступом под углом при переходе к черенку, известны из древнейших грунтовых погребений Самтаврского могильника, датированного XI—X вв. до н. э.[77]

Это время является, видимо, наиболее ранней датой появления в Закавказье железных ножей вообще. Широкое же распространение таких ножей на этой территории, судя по

---

72 Б. В. Техов, «Могильник в с. Тли», СА, 1, 1960, стр. 171, рис. 7, 1 и 2.
73 П. С. Уварова, «Могильники Северного Кавказа», МАК, вып. VIII, 1900, стр. 241, рис. 196.
74 Е. И. Крупнов, Указ. соч., стр. 22—26, табл. VI, 1.
75 Там же, стр. 22, табл. V, 4.
76 Там же, стр. 28.
77 Р. М. Абрамишвили, «К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных в Самтаврском могильнике», Вестник ГМГ, XIX—А и XXI—В, 1957, стр. 140, табл. 1, 148—151.

материалам закавказских могильников, в частности по хорошо датированному могильнику у с. Малоклю[78], начинается с VIII в. до н. э. К этому времени относится, очевидно, часть ножей из погребений Красномаяцкого могильника.

Ко второму типу принадлежат ножи с серповидным лезвием и выпуклой спинкой — всего таких ножей 11 экземпляров (табл. XX — 11, 12, 14). Обнаружены они в погребениях 2, 4, 7, 14, 21, 28, 33, 38, 82, 83. Средняя их длина — 12—14 см, ширина лезвия — 2—2,5 см.

Железные ножи с серповидным лезвием и выпуклой спинкой начинают встречаться с IX в. до н. э. во всех археологических культурах Закавказья. Широкое бытование их на этой территории относится, очевидно, к VIII в. до н. э. По крайней мере, в культурном слое урартского времени на Кармир-Блуре (около Еревана) серповидные ножи типа красномаяцких находились вместе с различными металлическими предметами в большом глиняном сосуде—карасе, перекрытом сверху бронзовым щитом урартского типа, на котором была вычеканенная надпись царя Аргишти 1 (781—760 гг. до н. э.), сына Менуа[79]. В VII в. до н. э. такого типа серповидные ножи получают широкое распространение на территории Восточной Европы: на Северном Кавказе, в Крыму, на Украине, в Поволжье и т. д. На Кавказе эти ножи, по мнению Е. И. Крупнова, происходят от более ранних бронзовых серпов.

К третьему типу относится оригинальный нож из 4 погребения, тупоугольно изогнутой формы, с треугольной в сечении лопастью; ручка снабжена четырьмя бронзовыми гвоздиками для прикрепления к ней планок (табл. XX—4).

Близкого типа нож был найден в пятом погребении Ворнакского могильника в Армении[80]. Это погребение, по мнению Б. Б. Пиотровского, соответствует могильникам VII—VI вв. до н. э. Лори-Памбакского района[81].

Оружие в инвентаре Красномаяцкого могильника представлено бронзовыми и железными изделиями. Бронзовое оружие состоит из колхидских топоров, наконечников копий и наконечника стрелы скифского типа. Железное оружие представлено кинжалами, топорами-молотками и наконечниками копий.

---

78 Б. А. Куфтин, «Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Араксский энеолит». Вестник ГМГ, XIII—В, 1944, стр. 27, 68, табл. VIII.
79 Б. В. Пиотровский, Кармир-Блур, II, Ереван, 1952, стр. 28—40.
80 Д. А. Мартиросян, Раскопки в Головино, Ереван, 1954, стр. 49, табл XVII, 6.
81 Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 64.

Бронзовые колхидские топоры обнаружены в погребениях 43, 63, 90, 94. Кроме того, 5 топоров, 3 целых и 2 обломка, относятся к типам «б» и «г», а по О. М. Джапаридзе[83] — к ти- (табл. XIX — 1—8). По классификации П. С. Уваровой[82], они относятся к типам «б» и «г», а по О. М. Джапаридзе[84] — к типам I—II. Если сравнить эти две классификации, то идентичными являются топоры типа «б» и II, «г» и I.

Топоры типа «б» и II имеют граненый обух, прямую лобную часть и резкое асимметричное, закругленное лезвие. Топоров такого типа пять экземпляров (табл. XIX—2, 4, 5—7).

Топоры типа «г» или 1 имеют клиновидный обух, прямое тулово и почти симметричное, закругленное лезвие. Топоры такого типа представлены двумя целыми и двумя обломками (табл. XIX — 1, 3, 7, 8). Один из целых топоров из погребения 94 покрыт богатым гравированным орнаментом, состоящим из сетчатых поясков, зубцевидных треугольников, остроугольных полосок, фантастических животных в виде собак с раскрытой пастью и стоячими ушами, рыб, полосок в виде извивающихся змей, головок фантастических животных со стоячими ушами и раскрытой пастью (табл. XIX — 1). Многие из этих видов орнаментации заполнены точечными наколами, а на собаковидных фантастических существах, наряду с точечными наколами, имеются елочные дорожки. Этот орнаментальный мотив в целом является характерным для памятников двух родственных культур: колхидской и кобанской. В Абхазии аналогичный орнаментальный мотив имеется на одном бронзовом топоре типа «г», или 1, известном из вторичного урнового погребения в с. Эшера[84], около Сухуми.

В центральной части Северного Кавказа, в Северной Осетии, собакообразные фантастические существа, рыбы, елочные дорожки изображены на многих бронзовых предмегах кобанского типа, в частности на топорах[85], пряжках[86] и т. д.

Следует отметить, что вместе с некоторыми описанными выше топорами обоих типов, были найдены однотипные железные кинжалы, бронзовые и железные наконечники копий, железные ножи (см., напр. погр. 43, 63, 90, 94, табл. XX—XXI). Факт нахождения с двумя разнотипными бронзовыми колхидскими топорами сравнительно значительного количества ранних форм железного оружия дает основание думать, что по-

82 П. С. Уварова, Указ. соч., стр. 15—16, табл. IV, 3 и 4.

83 О. М. Джапаридзе, «Бронзовые топоры Западной Грузии», СА, XVIII, 1953, стр. 285, рис. 1.

84 Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, I, Тбилиси, 1949, стр. 192, рис. 37; табл. XX, 6.

85 П. С. Уварова, «Могильники Северного Кавказа», МАК, вып. VIII, 1900, стр. 17—18, рис. 14; табл. V, 1 и 2; VII, 4.

86 Там же, стр. 42, табл. XIX, 1; XX, 1 и 4.

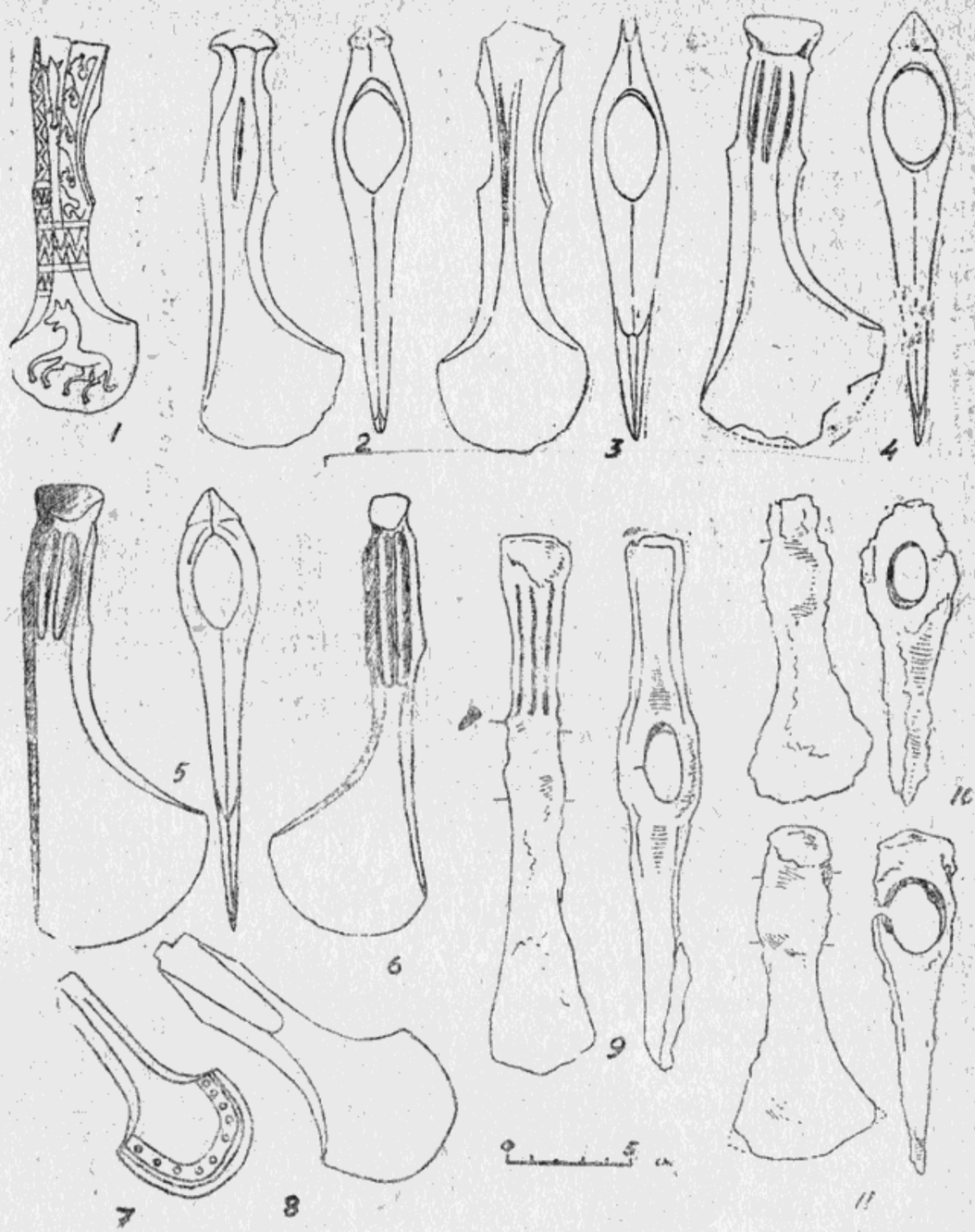

Таблица XIX. Красномаяцкий могильник. Бронзовые (1—8) и железные (9—11) топоры из погребений IX—VI вв. до н. э. 1—погр. 94 (140); 2 — погр. 63 (93); 3 — погр. 43 (62); 4 — погр. 90 (136); 5, 8 — раскоп № 5, 1958 г.; 6, 7—находки 1954 г.; 9—погр. 11; 10—погр. 4; 11—погр. 38 (55).

гребения 43 и 63 (табл. X, XIII), в которых были найдены эти топоры, относятся к периоду начала широкого освоения железа в Закавказье, хронологически падающего на вторую половину IX — первую половину VIII вв. до н. э.

Рассмотренные типы красномаяцких топоров имели широкое распространение в Абхазии*. Однако большая часть из них является случайными находками, не имеющими решающего значения для интерпретации наших памятников. Ввиду этого мы указали лишь на комплексный научно документированный материал, обнаруженный в Абхазии в ряде пунктов.

В 1930 году в селении Нижняя Эшера, около Сухуми, были обнаружены три погребения в крупных глиняных сосудах, в которых, кроме отдельных человеческих костей с обрядом вторичного захоронения, найдены разнообразные бронзовые предметы (широкий браслет цилиндрической формы, кинжалы, наконечники копий, ножные кольца, пряжки поясные с головкой животного) и сердоликовые бусы[87].

В число этих вещей входит и интересующий нас изящно выделанный бронзовый топор типа «г» с металлической рукояткой, длиной 29 см[88].

В этом же Эшерском могильнике в 1934 году Абхазской археологической экспедицией под общим руководством акад. И. И. Мещанинова было вскрыто еще одно погребение в крупном глиняном сосуде с обрядом вторичного захоронения, в котором также содержались различные металлические предметы, а именно: бронзовый кинжал, бронзовые и железные наконечники копий и другие вещи, среди которых оказался и один бронзовый топор типа «г» с богатым гравированным орнаментом[89].

Бронзовые топоры типа «г», в количестве трех экземпляров, найдены также в Аагстинском погребении в селении Мугудзырхва Гудаутского района в 1929 году[90]. Вместе с топорами в этом погребении обнаружены: ножные кольца, поясная пряжка со звериной головкой на длинной крючковидной шее, конические бляхи с фигурками животных, двуконусные бусы, бусы из сердолика и т. д.

В 1948 году в Куланурхвском могильнике, около Гудаута, в погребении № 1 автором было обнаружено пять бронзовых колхидских топоров[91]; из них три типа «б» и два типа «г»[92]; один топор типа «б» со скульптурной фигуркой собаки по обуху и один топор типа «г» на полой разрезной бронзовой рукояти. Вместе с топорами в этом погребении найдено большое количество бронзовых предметов: пластинчатые ребристые браслеты цилиндрической формы, поясная пряжка со звериной головкой на длинной крючковидной шее, схематическая фигурка летящей птицы с подвесками наподобие рыб, цепочек, а также сердоликовые, янтарные, стеклянные и пастовые бусы[93]. Присутствие здесь стеклянных, янтарных и пастовых бус позволило автору отнести погребение 1-ое Куланурхвского могильника ко времени не позднее первой половины VIII в. до н. э.[94].

В 1951 году археологической разведкой, произведенной автором на Сухумской горе, было обнаружено грунтовое погребение с инвентарем колхидской бронзы, состоявшем из 2-х глиняных сосудов (кувшин и горшочек), трех орнаментированных топоров типа «б», браслета из слегка граненого жгута[95]. Последний предмет напоминает бронзовые браслеты с овально расплющенными концами, встречающиеся в погребальных комплексах VIII—VII вв. до н. э.

Таковы те комплексные находки, которые обнаружены на территории Абхазии. Как мы видим, во всех случаях эти комплексы не выходят за пределы VIII—VII вв. до н. э.

Топоры этих же типов обнаружены в погребальных комплексах Самтаврского могильника Мцхетской археологической экспедицией, работавшей под общим руководством академиков И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа. В 1940 году здесь в погребении 208-м при скорченном человеческом костяке был найден бронзовый топор грубого варианта, типа «г»[96]. Вместе с ним в погребении находились два бронзовых меча (один с обрубленным концом, другой—с заостренным), нояс из широкой листовой бронзы, бронзовые фигурки оленя, бронзовый пинцет, глазурованная глиняная чаша, а также плоские наконечники стрел.

В 1946 году в том же Самтаврском могильнике в погребении 260-м был обнаружен топор типа «б», тоже грубой работы[97]. Остальной инвентарь этой могилы состоял из бронзовых

---

* См. об этом подробнее в соответствующем разделе I тома настоящего собрания (ред.).

87 М. М. Иващенко, Указ. соч., стр. 59—64, рис. XVI; XVII.

88 Там же, стр. 59, рис. XVI, 3.

89 Б. А. Куфтин, Указ. соч, стр. 192, рис. 37; табл. XX, 6.

90 А. Л. Лукин, «Материалы к археологии Бзыбской Абхазии», Труды ОИПКГЭ, том 1, Л., 1941, табл. III, 1—3.

91 М. М. Трапш, Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР, Сухуми, 1962, стр. 14—17.

92 Там же, стр. 29—53.

93 М. М. Трапш, Указ. соч., стр. 15—17.

94 Там же, стр. 37—40.

95 Там же, табл. X II, 1—3.

96 Р. М. Абрамишвили, Указ. соч., табл. 1, 163.

97 Там же, табл. 1, 81.

проволочных браслетов, бус сердоликовых, пастовых, янтарных и из других вещей.

Перечисленные грунтовые погребения, в том числе еще два погребальных комплекса (один с бронзовым топором типа «г»[98], другой с железным топором типа «б»[99] (из Самтаврского некрополя) принадлежат к разновременным культурным этапам. По схеме Р. М. Абрамишвили[100] погребения с топорами типа «г» вмещаются в хронологические рамки XIII—X вв. до н. э., а могильные комплексы с бронзовым и железным топорами типа «б» ограничиваются временем IX — первой половиной VII в. до н. э. Судя по этой схеме, видимо, в основном правильной, и учитывая то, что наши топоры в отличие от самтаврских исключительно хорошей отделки, изящной формы и с многочисленными орнаментальными мотивами, а также, по другим нашим данным, они относятся ко времени не позднее первой половины VIII в. до н. э.

В качестве сравнительного материала приведем еще один топор, связанный с погребальным комплексом. В 1939 году в могильнике у селения Бешташени в Триалети в грунтовом погребении № 11 был найден боевой топор[101] типа «г», вместе с которым обнаружены кинжал с бронзовой рукоятью пламевидного контура, поясная пряжка кобанской формы с головкой барана, бронзовый кинжал с ажурной головкой (специфический для Ганджакарабахского и Севанского производственных районов конца бронзовой эпохи). Инвентарь этого погребения (топор, кинжалы) был подвергнут намеренной порче и разбросан по дну могилы. Могильный инвентарь Бешташенского могильника Б. А. Куфтин относит к эпохе поздней бронзы и первого появления железа[102].

Интересующие нас типы топоров встречены также и в составе кладов, обнаруженных на территории Западной Грузии. Среди них значительный интерес представляют клады из Лечхуми[103] и Квишари[104].

Лечхумский клад состоит из листового бронзового сосуда с двумя ручками, украшенными звериными головками. В сосу-

---

98 Р. М. Абрамишвили, Указ. соч., табл. 1, 218.
99 Там же, табл. 1, 135.
100 Там же, стр. 139—140.
101 Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, 1, Тбилиси, 1941, рис. 69.
102 Б. А. Куфтин, Указ. соч., стр. 139—140.
103 Б. А. Куфтин, «Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Араксский энеолит», Вестник ГМГ, XIII—В, Тбилиси, 1944, стр. 27—35, табл. XII—XIV.
104 Г. К. Ниорадзе, «Археологические раскопки в сел. Квишари», СА, XI, 1949, стр. 185—194.

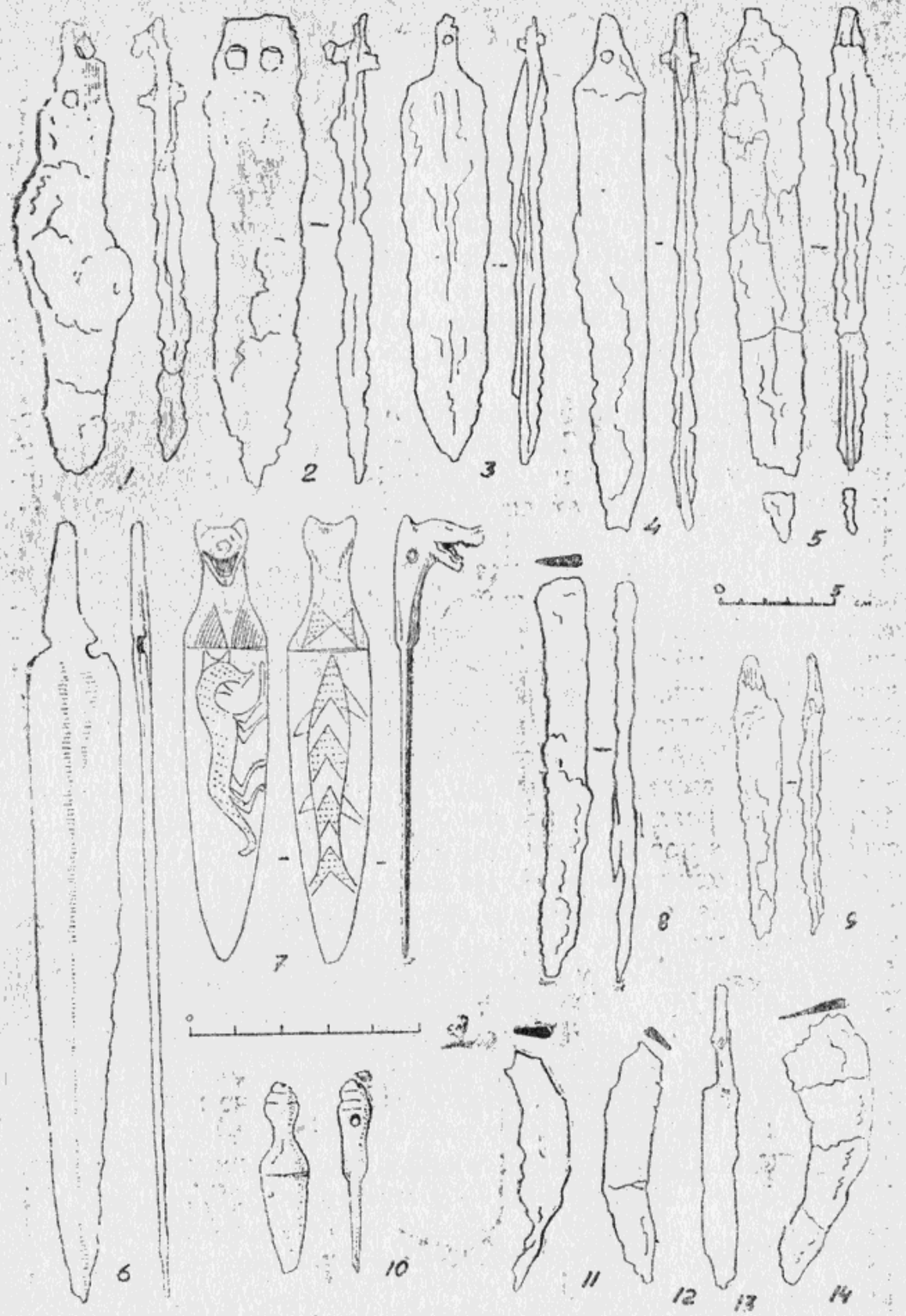

Таблица XX. Красномаяцкий могильник. Железные (1—5; 8, 9, 11—14) и бронзовые (6, 7, 10) кинжалы и ножи из погребений VIII—VI вв. до н. э. 1 — погр. 10; 2 — погр. 14 (15); 3 — погр. 66 (97); 4 — погр. 63 (93); 5—погр. 43 (62); 6—погр. 102 (148); 7—погр. 58 (87); 8 — погр. 14 (15); 9 — погр. 28 (37); 10 — погр. 89 (135); 11 — погр. 21 (23); 12—погр. 28 (37); 13—погр. 21 (23); 14—погр. 33 (47).

де, наряду с различными бронзовыми предметами (кружка с ручкой, украшенной звериной головкой, браслеты, ножные кольца и др.), находилось семь хорошо полированных топоров типа «г» и два более грубых и крупных топора типа «б», имеющих аналогию с красномаяцкими.

В Квишарском кладе[105] вместе с бронзовыми топорами была найдена одна бронзовая ручка (от сосуда) со звериной головкой[106], тождественная ручкам лечхумских бронзовых сосудов.

Для датировки наших топоров важное значение имеют сосуды типа лечхумских и бронзовая ручка от сосуда из Квишари.

Как мы видели выше, подобные сосуды, широко представленные в памятниках Северного Кавказа переходной от бронзы к железу поры, в том числе и в 91 погребении Красномаяцкого могильника, достаточно твердо датируются VIII—VII вв. до н. э.[107].

Для датировки красномаяцких топоров важное значение имеет также Новочеркасский клад бронзовых изделий, в котором представлен топор[108], имеющий сходство с красномаяцкими топорами типа «б». В состав этого клада, кроме топоров, входят удила, псалии и половина литейной формы для отливки бронзовых втульчатых наконечников стрел скифского типа. А. А. Иессен отмечает, что «Новочеркасский клад интересен прежде всего по сочетанию в одном комплексе топора, удил, псалиев и литейной формы для наконечников стрел, до сих пор в такой комбинации не встречавшихся, но, несомненно, синхронных[109]. На основании анализа уздечных наборов Северного Кавказа и Северного Причерноморья, комплекс Новочеркасского клада А. А. Иессен относит приблизительно к периоду времени от середины VIII до середины VII в до н. э. (750—650 гг.)[110].

Все вышеприведенное позволяет утверждать, что бронзовые топоры Красномаяцкого могильника бытовали в пределах IX—VIII вв. до н. э., может быть, даже не позже первой половины VIII в. до н. э.

Бронзовые наконечники копий в Красномаяцком могильнике найдены в погребениях 34, 42, 43, 56, 63, 67, 90, 94, 104,

105 Г. К. Ниорадзе, Указ. соч., стр. 186—187, рис. 2 и 3.
106 Там же, стр. 191, рис. 8, б.
107 Б. Б. Пиотровский, «Скифы в Закавказье», Труды отдела ист. культ. и иск. Востока, ГосЭрмитаж, т. III, Л., 1940, стр. 89—90; Е. И. Крупнов, Жемталинский клад, М., 1952.
108 А. А. Иессен, «К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР», СА, XVIII, 1953, стр. 50, рис. 1.
109 Там же, стр. 50.
110 Там же, стр. 107.

105. Все они — втульчатые с листовидно-подтреугольным пером, по продольной оси которого проходит четкое ребро, являющееся продолжением втулки (табл. XXI—1—6). На нижней части трубчатой втулки обычно имеются сквозные отверстия, служившие для закрепления копья на древке. По способу изготовления трубчатой втулки наконечники могут быть разделены на два типа.

К первому типу относятся наконечники с открытой раскованной и свернутой в трубку втулкой. Всего их 11 экземпляров, с различными геометрическими очертаниями перьев. Из них один наконечник (табл. XXI—6; погр. 94) овального очертания в нижней части пера. Два наконечника (табл. XXI—6, погр. 34 и 90) со скошенно-утолщенным очертанием краев пера при переходе к втулке. Три наконечника с тупоугольным очертанием нижней части пера (табл. XXI — 3, 5; погр. 34, 43).

У наконечника из погребения 34 (табл. XXI — 3) втулка в верхней части орнаментирована поясками высоких остроугольных зигзагов.

Пять наконечников имели перо в виде равнобедренного треугольника (табл. XXI — 1, 4; табл. XXI — 2; погр. 42, 63, 67, 104, 105). Размеры этих наконечников копий следующие: общая длина — 14—25 см; наибольшая ширина пера, обычно у основания,—3,1—3,3 см; диаметр втулки—1,1—1,5 см.

Ко второму типу относятся наконечники с цельнолитой втулкой, имеющей в разрезе смягченно ромбическое сечение. Всего их два экземпляра. Первый наконечник (погр. 56) овальной формы. Второй наконечник тупоугольного очертания при переходе пера к втулке; найден вместе с пятью железными наконечниками копий в одном из разрушенных погребений Красномаяцкого могильника в 1955 году. Размеры наконечников: длина 16,5 см, наибольшая ширина пера 3 см, диаметр втулки 1,3 х 1,4 см.

Первый тип красномаяцких бронзовых наконечников копий по способу изготовления трубчатой втулки является характерным для колхидской культуры Западного Закавказья.

На территории Абхазии подобные наконечники известны из могильников Приморского[111], Эшерского[112], Ново-Афонского[113], Абгархукского[114] и т. д.

Сходные наконечники копий происходят из Туапсе[115], Со-

111 Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, I, Тбилиси, 1949, стр. 140, табл. X, 1, 2.
112 Там же, стр. 140, 199, табл. XIV, 5—7; XV, 2, 5—7; XX, 4,5.
113 А. Л. Лукин, Указ. соч., табл. VII, 1, 2, 4.
114 Там же, табл. XV, 6.
115 А. А. Иессен, «Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века», МИА, 23, М., 1951, рис. 50, 4.

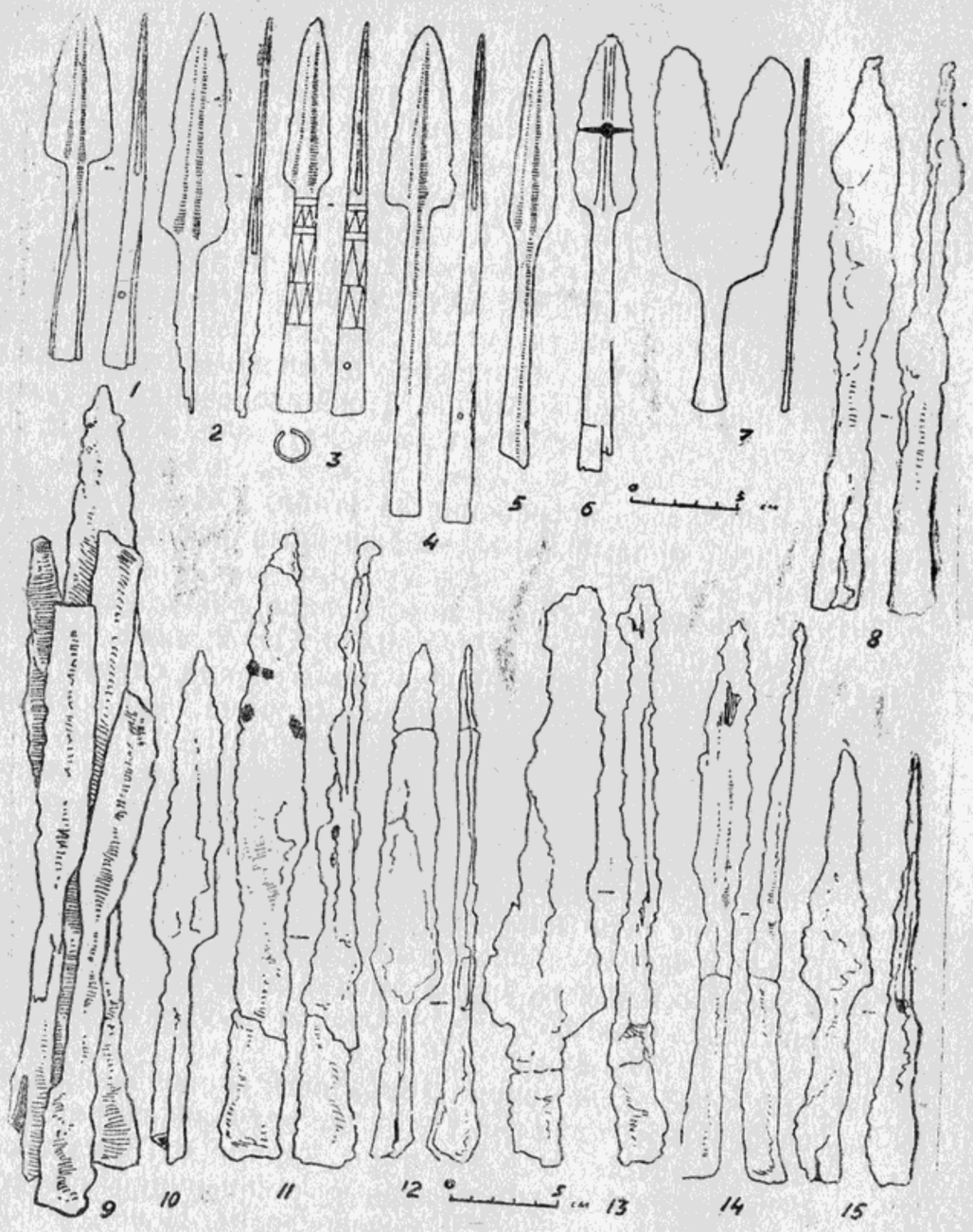

Таблица XXI. Красномаяцкий могильник. Бронзовые (1—7) и железные (8—15) наконечники копий из погребений VIII—VI вв. до н. э. 1 — погр. 67 (101); 2, 5, 8 — погр. 43 (62); 3, 6 — погр. 34 (48); 4, 12 — погр. 63 (93); 7 — погр. 94 (140); 9 — погр. 78 (124); 10, 14 — погр. 88 (134); 11 — погр. 56 (85); 13 — погр. 4; 15 — погр. 14 (15).

чи[116], курганообразных холмов Наохваму в Колхидской низменности[117], из Брильского могильника[118], из могильников Тлийского[119] и Квасатальского (Южная Осетия)[120], Самтаврского[121], из могильников у дороги Бешташени-Сафар-Хараба в Триалети[122].

В Восточном Закавказье рассматриваемый тип наконечников копий не засвидетельствован.

На Северном Кавказе бронзовые наконечники с раскованной широко открытой или щелевидно прорезной свернутой в трубку втулкой представлены единичными предметами, найденными в могильнике Верхняя Рутха[123], Андрюковской станице на Малой Лабе[124] и в одном погребении у сел. Первомайское[125].

Следовательно, первый тип наконечников копий Красномаяцкого могильника следует считать характерным не столько для кобанской, сколько для колхидской культуры Кавказа.

Из этой серии наконечников особенно примечательны наконечники с широкой равнобедренно-треугольной боевой частью. Такие наконечники пока известны лишь из археологических памятников Абхазии. Кроме Красномаяцкого могильника, они обнаружены в Приморском[126] и Эшерском[127] могильниках, в Сухуми у устья реки Беслетки и т. д.

Второй тип наконечников копий Красномаяцкого могильника, т. е. наконечники с цельнолитой трубкой, на территории Абхазии пока больше нигде не обнаружены.

---

116 Там же, рис. 31, 2.

117 Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, II, Тбилиси, 1950, табл. 52, 1; 54, 3.

118 Г. Ф. Гобеджишвили, Археологические раскопки в Советской Грузии (на груз. языке), Тбилиси, 1952, табл. X, 10, 11.

119 Б. В. Техов, «Могильники эпохи поздней бронзы в с. Тли», СА, М., 1960, стр. 164, рис. 1, 8.

120 О. М. Джапаридзе, «Квасатальский могильник эпохи поздней бронзы в Юго-Осетии», КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 24, рис. 2, 6—9.

121 Р. М. Абрамишвили, Указ. соч., табл. 1, 131, 179, 203, 225, 226.

122 Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, 1, Тбилиси, 1941, табл. X IV; X V; X VII; X IX; II.

123 Е. И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 225—226, табл. VI, 4—7.

124 А. А. Иессен, Указ. соч., стр. 83, рис. 5, 4.

125 Е. И. Крупнов, «Археологические работы в Кабарде и Грозненской области», КСИИМК, вып. XXXII, М., 1950, стр. 90.

126 Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, 1, Тбилиси, 1949, стр. 140, табл. X, 1.

127 Там же, стр. 140, табл. XIII, 7; XIV, 5; XV, 5—7.

В других пунктах Закавказья подобные наконечники копий засвидетельствованы в Юго-Осетии[128], в Самтаврском[129] и Мингечаурском[130] могильниках.

На Северном Кавказе наконечники копий с цельнолитой трубкой представлены сравнительно большим количеством. Они известны из окрестностей Майкопа[131], Крымской станицы[132], ст. Новосвободной[133], села Каменномостского[134], Клухори[135], Фаскау[136] и т. д.

Территориальное распространение наконечников копий с цельнолитой трубкой показывает, что этот тип характерен для всего Кавказа.

По мнению А. А. Иессена, наконечники копий с открытой раскованной и цельнолитой трубкой возникли разновременно. Более ранними, чисто типологически, он считает наконечники с открытой раскованной трубкой, сменившие не позже середины II тыс. до н. э. редкие на Кавказе и неизвестные в других районах СССР наконечники с массивным круглым стержнем, снабженным четырехгранным насадом, или загнутым в крючок[137].

Однако и наконечники копий с цельнолитой трубкой, как отмечает А. А. Иессен, появляются в отдельных районах очень рано, по-видимому, параллельно с наконечниками первого типа. Такие ранние наконечники копий известны из курганов среднего периода эпохи меди и бронзы в Триалети[138] и, в несколько более позднее время, в Бессарабском кладе, сейминской культуре и связанных с ними комплексах[139].

В древнейших грунтовых погребениях Самтаврского могильника наконечники копий с открытой раскованной и цельнолитой втулкой сосуществовали в XIII—первой половине VII вв. до н. э.[140]

Наличие в Красномаяцком могильнике двух типов бронзовых наконечников копий, в целом характерных для эпохи бронзы, свидетельствует об известном архаизме изучаемого некрополя. Погребения, где обнаружены бронзовые наконечники, очевидно, следует датировать временем не позже середины VII в. до н. э.

Бронзовый втульчатый наконечник стрелы скифского типа найден в погребении № 82; он—трехперый, овальной формы; размеры: длина 3,2 см, наибольшая ширина пера 8 мм, диаметр втулки 5 мм.

Наконечники стрел этого типа имели широкое распространение на территории Кавказа и Переднего Востока, где они встречаются в комплексах VII—VI вв. до н. э.

В Куланурхвском могильнике один трехперый бронзовый наконечник стрелы овальной формы, тождественный рассматриваемому, найден в погребении № 5 с инвентарем скифского типа, датированном концом VII — началом VI в. до н. э.[141]

В Самтаврском могильнике наконечники стрел, сходные с красномаяцкими, происходят из грунтовых погребений второй половины VII—VI вв. до н. э.[142]

Бронзовый кинжал (погр. 102) имеет листовидную форму с язычковидным черенком, снабжен двумя сквозными отверстиями у перехода от клинка к рукоятке (табл. XX—6). Вместе с ним в погребении 102 найдены также керамические бусы сферической формы, покрытые тонким слоем бронзы.

Рассматриваемый кинжал по своей форме близок к бронзовым кинжальным клинкам из Эшерских дольменов в Абхазии[143], датированных началом II тыс. до н. э.[144]. Подобного типа листовидные кинжалы хорошо известны также из районов Северного Кавказа[145].

---

128 Ряд экземпляров в Цхинвальском музее.

129 Р. М. Абрамишвили, Указ. соч., табл. 1, 80, 132, 180, 212.

130 Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе, Древний Мингечаур, Баку, 1959, стр. 79, табл. XV, 17—21.

131 А. А. Иессен, Указ. соч., рис. 49, 1; 50, 8.

132 Там же, рис. 49, 2, 3.

133 Там же, рис. 50, 1.

134 Там же, рис. 50, 5.

135 Там же, рис. 50, 7.

136 П. С. Уварова, «Могильники Северного Кавказа», МАК, вып. VIII, М., 1900, табл. CXVII, 2 и 3.

137 А. А. Иессен, Указ. соч.

138 Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, 1, Тбилиси, 1941, табл. CVI.

139 О. А. Гракова, «Бессарабский клад», Труды ГИМ, М., 1949, табл. I—II.

140 Р. М. Абрамишвили, Указ. соч., стр. 139—140, табл. 1, 80, 104, 131, 132, 179, 180, 203, 212, 224—226.

141 М. М. Трапш, Указ .соч., стр. 23—25, 49, 54, табл. XVIII, 5.

142 Р. М. Абрамишвили, Указ. соч., стр. 140, табл. 1, 64.

143 Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, 1, Тбилиси, 1949, стр. 269—270, табл. XXX, 2, 3; О. М. Джапаридзе, «Дольменная культура в Грузии (результаты Абхазской археологической экспедиции за 1955—1956 гг.)», Труды ТГУ, т. 77, 1959, рис. 10.

144 Б. А. Куфтин, Указ. соч., стр. 287; О. М. Джапаридзе, Указ. соч., стр. 103.

145 В. И. Марковин, «Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы» (II тыс. до н. э.) МИА, № 93, М., 1960, рис. 7, 28, рис. 9, 42, рис. 13, 69—76.

А. А. Иессеном[146] и В. И. Марковиным[147] они относятся к первому этапу развития северокавказской культуры (начало II тыс. до н. э. — 1700 г. до н. э.).

Красномаяцкий кинжал, очевидно, является дальнейшим развитием ранних листовидных кинжалов общекавказского происхождения и относится к сравнительно более позднему времени.

По материалам Брильского могильника подобные кинжалы бытовали от середины II тыс. до н. э. до начала I тыс. до н. э.[148]

В эпоху расцвета колхидской культуры, т. е. во второй половине IX в. до н. э. листовидные кинжалы становятся более длинными и массивными. На это, в частности, указывают, кроме красномаяцкого кинжала, бронзовые кинжалы из нижне-эшерских кувшинных погребений в Абхазии[149].

Совершенно оригинальными являются два бронзовых кинжальчика с фигурными рукоятками (табл. XX—7, 10). Один из них (табл. XX—7, погр. 58) имеет двулезвийный клинок (длина 9,7 см, ширина 2 см), покрытый черной блестящей благородной патиной. Короткая и массивная рукоятка, надетая на клинок, завершается головкой собачки с раскрытой пастью и стоячими ушами.

Нижняя часть рукоятки так же, как и весь клинок, орнаментирована гравировкой из штриховых треугольников, треугольников со сходящимися вершинами, фантастического животного со стоячими остроугольными ушами, рыбы с плавниками. Три последних контура заполнены точечными ямками (наколами). Аналогичные изображения встречаются нередко на различных памятниках колхидской и кобанской культур.

Кинжальчиковидная подвеска (табл. XX — 10; погр. 89) с треугольной формы клинком завершена ручкой, верхняя часть которой имеет овальное утолщение, снабженное сквозным отверстием для подвешивания. Размеры: длина 4,2 см, наибольшая ширина клинка 1,1 см, диаметр сквозного отверстия ручки 2 мм.

Оба кинжальчика являлись, очевидно, предметами вотивного характера и поэтому должны рассматриваться не столько как оружие, сколько как вещи культового назначения.

---

146 А. А. Иессен, «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе», Известия ГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 80 и сл.; Его же, Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии, Доклады на III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии, М.—Л. 1933.

147 В. И. Марковин, Указ. соч., стр. 50.

148 Г. Ф. Гобеджишвили, «Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях с. Геби», сообщения АН Грузинской ССР, т. XIII, № 3, Тбилиси, 1952, стр. 188—189, рис. 3.

149 Б. А. Куфтин, Указ. соч., стр. 156—158, табл. XV, 3, 4.

Панцирь из тонкой листовой бронзы (рис. 29; погр. 7) изображает грифа с распростертыми крыльями и распущенным хвостом. К туловищу грифа бронзовыми стерженьками приклепаны крылья. Вокруг грифообразного панциря расположены выпуклые кружочки, сделанные чеканным способом. Чеканкой же искусно изображены глаза грифа, «чешуйчатые» перья на шее и груди, перья крыльев и хвоста. У краев панциря имеются парные пятимиллиметрового диаметра сквозные отверстия, служившие, очевидно, для прикрепления панциря к кожаной подкладке. Размеры панциря: длина 54 см, размах крыльев 60 см, толщина листовой бронзы 0,3—1 мм.

Описываемый панцирь изготовлен с высоким художественным мастерством. Это—уникальная находка, принадлежащая к числу замечательных памятников искусства.

В изображении грифа обращает на себя внимание особая «чешуйчатая» разделка перьев. Такая разделка перьев встречается на некоторых памятниках искусства, известных в восточных районах СССР (Армения, Западная Сибирь, Горный Алтай и т. д.)[150], находившихся в тесных связях с культурным миром рабовладельческих государств Передней Азии. Этот художественный стиль принадлежит вообще к древнеассирийскому или урартскому искусству[151]. Поэтому разбираемый памятник, по-видимому, ассирийского происхождения.

Описанный панцирь принадлежал, безусловно, не рядовому, а видному воину, видимо, военачальнику. Об этом же свидетельствует единственное на могильнике конское захоронение, расположенное рядом.

Железные топоры-молотки обнаружены в погребениях 4, 11, 38. Всего их три экземпляра (табл. XIX—9—11). Все они проушные, с вытянутым и слегка расширенным лезвием и молоточковидным, четырехгранным обухом. Один из них (табл. XIX—9; погр. 11) длиной в 21 см с высоким обухом, имеющим с обеих сторон по три узких продольных желобка, разделенных между собой тупыми ребрами. Такой стиль оформления обухов, но с более широкими желобками и острыми ребрами, как известно, является характерной особенностью для некоторых типов колхидско-кобанских бронзовых топоров.

---

150 Б. А. Куфтин, «Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Араксский энеолит», Вестник ГМГ, XIII—В, Тбилиси, 1944, стр. 44—45, рис. 31; С. И. Руденко, Горноалтайские находки и скифы, М., 1952, стр. 189—223, рис. 74 и рис. 107, 6.

151 Всеобщая история искусств, т. 1, М., 1956, стр. 387 сл.

Два других (табл. XIX—10—11; погр. 4 и 38) имеют короткие обухи, практически завершающие верхнюю часть проушины. Длина их 12,5—13,5 см.

Все три топора очертаниями (овальное насадочное отверстие, общий профиль и др.) имеют сходство с бронзовыми колхидскими топорами типа «б», по Уваровской классификации.

Подобные топоры, особенно ярко представленные в погребальном инвентаре некрополя Гуадиху в Сухуми, подробно рассмотрены в предыдущей главе, с привлечением соответствующего сравнительного археологического материала из разных областей Кавказа и степной полосы европейского юга СССР (см. выше, стр. 58—60).

Красномаяцкие железные топоры еще раз подтверждают неоднократно высказанную мысль о развитии железных кобанско-колхидских топоров на базе соответствующих форм бронзовых.

Железные короткие кинжалы в Красномаяцком могильнике обнаружены в погребениях 10, 14, 43, 63 и 66 (табл. XX—1—5). Их пять экземпляров. По форме клинка они принадлежат к двум различным типам.

К первому типу относится кинжал с клинком треугольной формы, без черенка, с двумя стерженьками у прямого его основания для прикрепления рукояти (табл. XX—2; погр. 14). Длина клинка 20 см, наибольшая ширина 4,5 см.

Ко второму типу относятся 4 кинжала листовидной формы, с язычковидным черенком для прикрепления рукояти (табл. XX—1, 3—5; погр. 10, 43, 63, 66). У некоторых из них (табл. XX—3, 5) по продольной оси клинка наблюдается слабо выраженное ребро. Средняя их длина — 19—22 см, наибольшая ширина 3,3—4 см.

Железные втульчатые наконечники копий обнаружены в погребениях 2, 4, 7, 9, 11, 14, 28, 43, 56, 63, 78, 82, 83, 84, 85, 88, 104. Всего их 35 экземпляров (табл. XXI—9—15). Все они с плоским листовидным пером, по продольной оси которого нередко наблюдается ребро, переходящее в разрезную снизу втулку. По форме пера они принадлежат к двум различным типам.

К первому типу относятся наконечники лавролистной формы. Всего их 14 экземпляров (табл. XXI—9, 11, 12, 15). Эти наконечники достаточно крупные. Средняя их длина достигает 25 см, хотя имеются и более крупные, например, копье длиной 36,5 см из погр. 78 (табл. XXI—9), и относительно небольшие, например, копья длиной в 15 см из погр. 2 и 9. Длина пера и длина втулки таких наконечников при хорошей

сохранности обычно равны между собой (см. погр. 14, 56, 78—табл. XXI—9, 11, 15). Наибольшая ширина приходится на нижнюю часть пера — 3—3,5 см. Диаметр втулки обычно не превышает 2 см.

Ко второму типу относятся наконечники листообразной формы, у которых перо переходит во втулку под выраженным углом. Всего их 21 экземпляр (табл. XXI—10, 12, 13, 15; погр. 4, 7, 11, 14, 28, 43, 63, 82—84, 88, 104). Средняя их длина 25—30 см, хотя есть и экземпляры (погр. 4, 7, 11) длиной в 34 и даже 45 см. Длина пера обычно равна или чуть-чуть больше длины втулки. Ширина пера колеблется около 3 см, а диаметр втулки не превышает 2 см.

Принадлежности конской сбруи представлены бронзовыми удилами с неподвижными, под углом согнутыми псалиями, отлитыми вместе с мундштуком, поверхность которого покрыта мелкими шипами. Псалии заканчиваются кнопкообразными шляпками; они снабжены кольцами и петельками; конец одной псалии сломан в древности (табл. XXII—2; погр. 8). Длина мундштуков — 5—5,5 см, длина всей псалии 18,2 см.

Рассматриваемые удила скорее всего ассирийского производства, датируются VII в. до н. э. На территории Абхазии они встречаются впервые.

Удила, имеющие близкое сходство с нашими, известны из ряда пунктов Грузии, как например, из сел. Цхавати (в Ксанском ущелье), Свири (Зестафонского района), Ацхури и с территории Азербайджана, как, например, из сел. Доланлар[152]. Были они, очевидно, известны и ранним скифам[153]. За пределами СССР такие изделия встречены в Греции, в частности в Афинском акрополе, где они датируются VI в. до н. э.[154]

Личные украшения и металлические детали одежды — височные кольца и завитки, гривны и ожерелья из бус, фибулы и булавки, браслеты и перстни, поясные пряжки и накладки, бляшки и подвески.

Серебряные круглопроволочные сережки обнаружены парно в погребениях 26 (табл. VIII—6, 7) и 29 (табл. XXVII—12). Всего их 4 однотипных экземпляра. Они имеют кольцеобразную форму, с заходящими друг на друга концами в виде фантастических звериных головок с раскрытой пастью и ма-

---

152 Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941, стр. 60—61.

153 Такие удила вместе с предметами скифской культуры экспонированы в Историческом музее в Киеве и датируются они VII—VI вв. до н. э.

154 Б. А. Куфтин, Указ. соч., стр. 61.

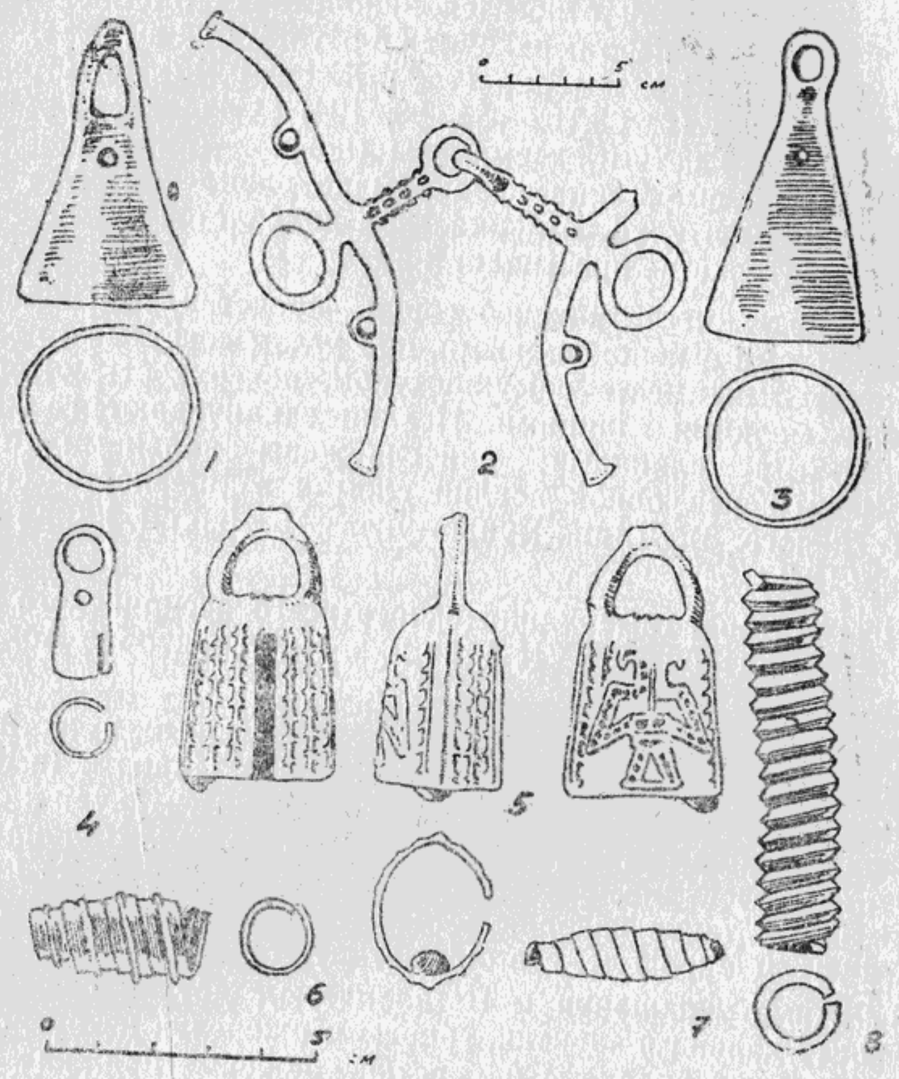

Таблица XXII. Красномаяцкий могильник. Бронзовые удила (2); колокольчики (1, 3—5) и пронизи (6—8) из погребений VII—VI вв. до н. э. 1, 3 — погр. 21 (23); 2, 5 — погр. 8; 4 — погр. 22 (24); 6 — погр. 50 (69); 7 — погр. 59 (89); 8—погр. 62 (92).

ленькими ушами. Первая пара сережек из погребения 26 (табл. VIII—6, 7) имеет внутренний диаметр 1,7 х 1,8 см при толщине проволоки около 2 мм. У второй пары (погр. 29, табл. XXVII — 12) сережек внутренний диаметр 1,9 х 2 см, а толщина проволоки 2,5 мм. Звериные головки последней пары сережек украшены в трех местах мелкой зернью.

Бронзовые височные спиральные проволочные колечки, или завитки, свернутые в 1,5 оборота, найдены в погребениях 5, 38 (табл. IX—8), 42 (табл. XXVII—4), 43 (табл. X—9), 47 (табл. XI—9, 10; XXVII—7), 75, 89. Всего из 9 экземпляров. Они принадлежат к двум различным типам.

К первому типу относятся восемь круглопроволочных височных колец. Из них 2 круглой формы (погр. 47—табл. XXVII—7), с внутренним диаметром до 1 см и толщиной проволоки 5 мм. Остальные семь колец овальной формы (табл. XXVII—4; XI—9), с наибольшим внутренним диаметром 1,8 х 2,4 см и толщиной сечения проволоки 4—6 мм.

Ко второму типу относится височное колечко (погр. 5), сделанное из граненой проволоки с ромбическим сечением в разрезе.

Близкого типа пара височных колец, но только свернутые в 1,5 оборота, из серебряной проволоки, найдены в погребении № 38 (табл. IX—8). Кольца эти имеют овальную форму, с расплющенными концами, орнаментированными врезными косыми насечками. Внутренний их диаметр 1 х 1,6 см, толщина круглого сечения проволоки 2 мм.

Бронзовые шейные гривны представлены в погребениях 10, 21, 24, 29, 34, 67, 84, 104. Всего их десять экземпляров. Они принадлежат к двум типам.

К первому типу относятся массивные гривны из толстого, круглого сечения прута, с закрученными в противоположные стороны пластинчатыми концами (табл. XXIII—1). Всего их три экземпляра. Гривны из погребений 34 и 67 покрыты ближе к концам врезным елочным орнаментом (табл. XXIII—1). Внутренний их диаметр 10—11 см, диаметр круглого сечения 1,2—1,4 см.

Ко второму типу относятся 6 гривен из скрученной проволоки (табл. XXIII—2). Гривна из погребения № 21 (табл. VII—25) имеет на концах ромбовидно уширенные пластины, завершенные крючковидными концами. Пластинчатые уширения покрыты гравированным орнаментом, состоящим из косых насечек и ленточковидной ломаной линии с косой штриховкой, заключенных в ромбическом вырезе. Внутренний диаметр

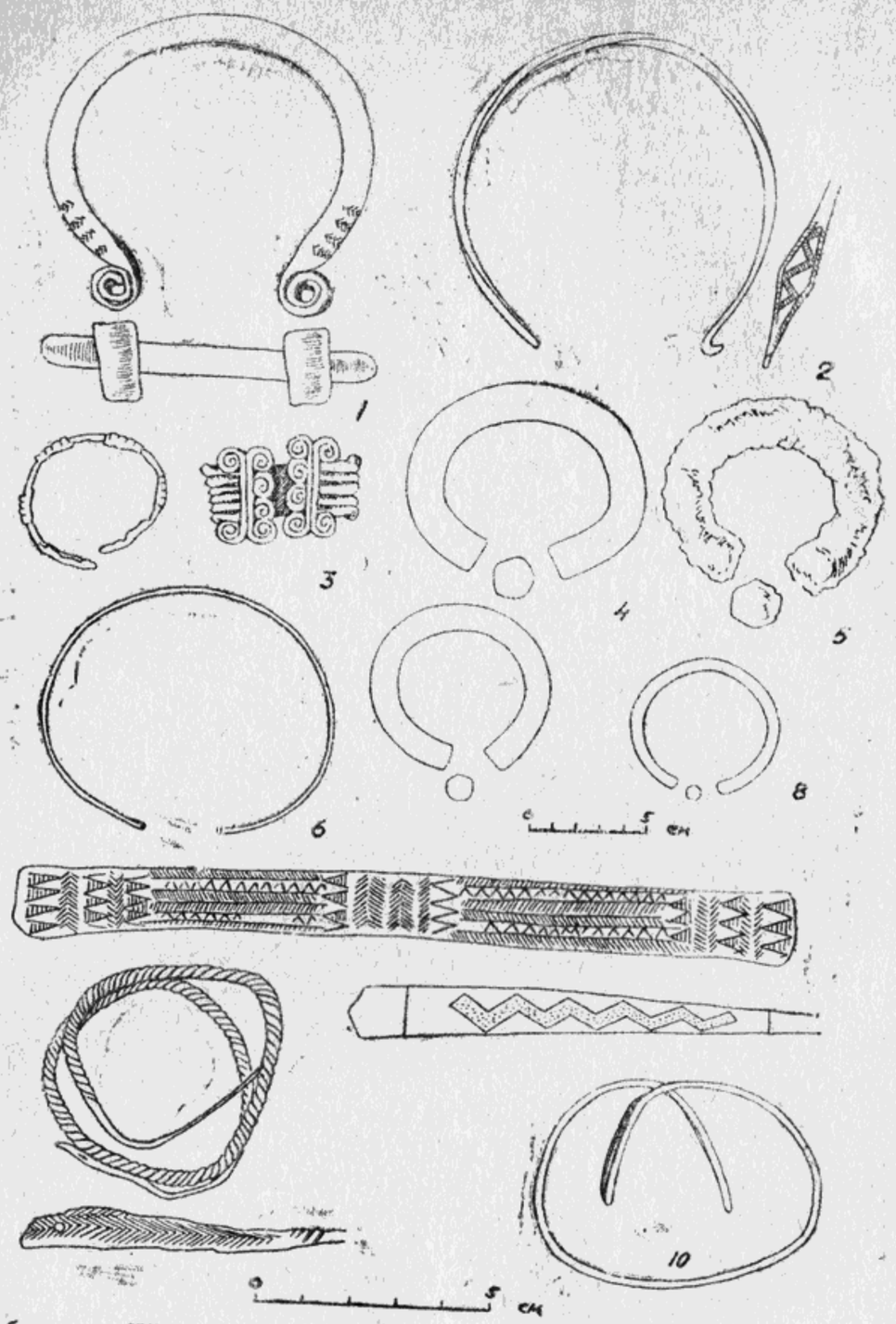

Таблица XXIII. Красномаяцкий могильник. Бронзовые гривны (1, 2) и браслеты (3—10) из погребений VIII — VI вв. до н. э. 1 — погр. 34 (42); 2 — погр. 21 (23); 3 — погр. 4; 4 — погр. 62 (92); 5 — погр. 32 (45); 6 — погр. 38 (55); 7 — погр. 41 (59), 8 — погр. 100 (146); 9 — погр. 30 (39); 10 — погр. 47 (66).

гривны 13 см. Гривна из погребения № 29 имеет расплющенные концы, снабженные сквозными отверстиями, а гривна из погребения № 84 — крючковидные концы, соединенные между собой тонкой проволокой. Внутренний диаметр последней 16 см. Две гривны из погребения № 84 имеют веслообразные пластинчатые концы и внутренние диаметры в 15 см.

Бусы как правило, включенные в ожерелья, составляют наиболее многочисленную часть инвентаря могильника. Наряду с бронзовыми здесь обнаружены в большом количестве прекрасно обработанные бусы из сердолика, янтаря, стекла, пасты, а также керамики, нередко покрытые бронзой.

Бронзовые бусы обнаружены в погребениях 15, 26, 32, 35, 39, 41, 42, 44, 47, 49, 50, 52, 58, 65, 69, 86, 89, 93, 94, 101. Бусы эти принадлежат к четырем различным типам.

К первому типу относятся бусы двуконусные, обнаруженные в погребениях 32, 41, 47, 52, 69, 86, 94. Всего их 10 экземпляров (табл. XXVII—22, 23, 25; XV — 4). Это довольно крупные экземпляры длиной от 1,2 до 3,3 см и диаметром от 1,1 до 2,5 см, диаметр отверстия от 2 до 4 мм.

Ко второму типу принадлежат бусы биконической формы, обнаруженные в погребениях 35, 41, 47, 49, 52, 58, 93, 101 (табл. XXVII—24). Всего их 170 экземпляров. Из них 163 бусины диаметром от 5 до 13 мм сделаны из согнутых трехгранных прутиков, а остальные семь бусин (погр. 41 и 49) цельнолитые, величиной от 8 до 17 мм (табл. XXVII—24).

К третьему типу относятся бусы колечкообразной формы, обнаруженные в погребениях 15, 26, 42, 44, 50. Всего их 75 штук. Из них 70 мелкие, из узеньких пластинок со сходящимися концами (табл. XI — 4). Эти бусы, имеющие всего лишь 3—4 мм в диаметре, были собраны в погребениях 15 и 26. Остальные пять бусин более крупные, округлой формы, но изготовлены также из пластинок с сомкнутыми концами.

К четвертому типу относятся бусы почти цилиндрические по форме, но со слабой выпуклостью по бокам (табл. XXVII—26), обнаруженные в погребениях 39, 49, 65, 89. Всего их 101 экземпляр. Они сделаны из узких пластинок со сходящимися концами и достигают 3—7 мм в диаметре.

Сердоликовые бусы представлены в погребениях 1, 4, 11, 12, 21, 26, 32, 41, 42, 44, 52, 59, 89, 91, 93, 98. Все они близки между собой по цвету (цвет гива) и хорошей, до полировки, обработки поверхности. По форме же они различаются и принадлежат к четырем различным типам.

К первому типу относятся бусы шарообразной формы, обнаруженные в погребениях 11, 12, 21 (табл. VII — 18), 32, 41, 89, 91 (табл. XIV—1,2). Всего их 18 штук. Диаметры их колеблются от 0,7 до 1,5 см.

Ко второму типу относятся бусы округлой формы, обнаруженные в погребениях 1, 4 (табл. VI—5, 6), 11, 26 (табл. VIII—15), 32, 41, 42, 44, 52, 59, 93, 98. Всего их 89 штук; из них 23—с односторонне сверленным цилиндрическим каналом (погр. 4, 32, 42, 44, 93, 98), а остальные — с двусторонне сверленным цилиндрическим каналом (погр. 1, 11, 26, 32, 41, 44, 52, 59). 20 бусин (погр. 32, 41, 42, 44) имеют надпилы у входных отверстий. Диаметры окружности бусин колеблются от 5 мм до 1,4 см.

К третьему типу относятся 3 бусины биконической формы, обнаруженные в погребении 32. Они имеют двусторонний сверленный цилиндрический канал, не превышающий в диаметре 1 см. К четвертому типу относится одна бусина бипирамидальной формы, обнаруженная в погребении 42. Она с двусторонне сверленным цилиндрическим каналом, длиной 12 мм.

Янтарные бусы представлены в погребениях 4, 6, 12, 21 (табл. VII — 5—13), 23, 26 (табл. VIII—21), 29. Всего их 60 штук; большая часть из них фрагментирована. Целые сохранившиеся бусы по своей форме подразделяются на девять различных типов.

К первому типу относится бусина односторонне выпуклая, в виде дуги, величиной 1,1 см (табл. VI — 7) из погребения № 4.

Ко второму типу принадлежат бусы многогранные (табл. VII—10, 13), в количестве 11 экземпляров (погр. 6. 12, 21, 23, 29) величиной от 7 мм до 3 см.

К третьему типу относятся бусины ромбовидной формы (табл. VII — 8), в шести экземплярах (погр. 12 и 21), величиной 1—1,3 см (бусина из погребения 12 с усеченной четырехугольной площадкой).

К четвертому типу принадлежат плоские круглые бусы пуговицеобразной формы, в трех экземплярах (табл. VII—5—7) (погр. 21), с диаметром окружности 1,1—1,2 см.

К пятому типу относится бусина из погребения 21 бипирамидальной формы (табл. VII — 9), величиной 1,1 см.

К шестому типу принадлежат 4 бусины колечкообразной формы (табл. VIII—21; погр. 26 и 29), диаметром окружности 3—4 мм.

К седьмому типу относится бусина биконической формы (табл. VII—12; погр. 21), величиной 1 см.

К восьмому типу принадлежат бусины овальной формы (погр. 12, 21), величиной от 1,1 до 1,5 см, в трех экземплярах.

К девятому типу относится бусина цилиндрической формы, величиной 9 мм.

Стеклянные бусы обнаружены в погребениях 12 и 26, в 13 экземплярах. Они биконической формы (табл. VIII—18, 19),

золотисто-желтого, золотисто-зеленого, золотисто-коричневого цветов, с односторонне сверленным цилиндрическим каналом, 7—12 мм в диаметре.

Гешировые бусы представлены в погребениях 6 и 38 в 11 экземплярах, с цилиндрическим отверстием. Одна из них шарообразной формы (погр. 6), с надпилом у входных отверстий, размером 1,1 см в диаметре, диаметр отверстия 2 мм. Остальные десять бусин (погр. 38) слегка выпуклые, бочонкообразной формы, величиной 5—6 мм (табл. IX—14).

Пастовые бусы обнаружены в погребениях 1, 25, 47, 52, 71 в количестве 52 экземпляров. По своей форме они принадлежат к четырем различным типам.

К первому типу относится бусина цилиндрической формы (погр. 1), светло-серого цвета, со слабым утолщением в средней части, длиной 1,8 см. Наружная поверхность ее орнаментирована косыми врезными линиями.

Ко второму типу принадлежат 6 бусин шарообразной формы голубого цвета (погр. 25), с диаметром сечения 5 мм.

К третьему типу относится одночастный, двучастный и трехчастный бисер колечкообразной формы (табл. XI—5, 6), голубого цвета, диаметром сечения 2—3 мм. Всего 50 экземпляров (погр. 47 и 58).

К четвертому типу принадлежат 12 бисерин биконической формы светло-серого цвета, диаметром сечения 4 мм, найденные в погребении № 71.

Керамические бусы обнаружены в погребениях 44, 98 и 102. Всего их 22 экземпляра, все они сферической формы (табл. XXVII—15, 16). Из них 20 бусин (погр. 98 и 102) размером от 8 мм до 1,4 см покрыты тонким слоем бронзы. Остальные две бусины (погр. 44) являются чисто керамическими, без металлического покрытия и имеют крупные размеры — 2,5—2,7 см в диаметре (табл. XXVII—15, 16).

Бронзовые фибулы в Красномаяцком могильнике представлены в погребениях 4, 6, 12, 13, 16, 19, 21, 26, 29, 38, 39, 49, 62, 64, 100, 103. Всего их 18 экземпляров. Они с одним витком у зарождения дуги и вертикальным лопатообразным приемником. По форме дуги они принадлежат к трем различным группам. (A, B, C).

Первая группа фибул, характеризующаяся круглопроволочной дугой, подразделяется на пять типов:

К типу A_1 относятся 4 фибулы с крутой, слегка вздутой дужкой из погребений №№ 6, 39 (табл. XXV—5); 49 (табл. XXV—6); 62 (табл. XXV—7; XII—3). Дуга у них, обычно с нижней стороны, украшена насечками в виде рядов косых линий или елочных дорожек. Их длина колеблется от 4,7 до 9,5 см при высоте дуги от 3,2 до 5 см.

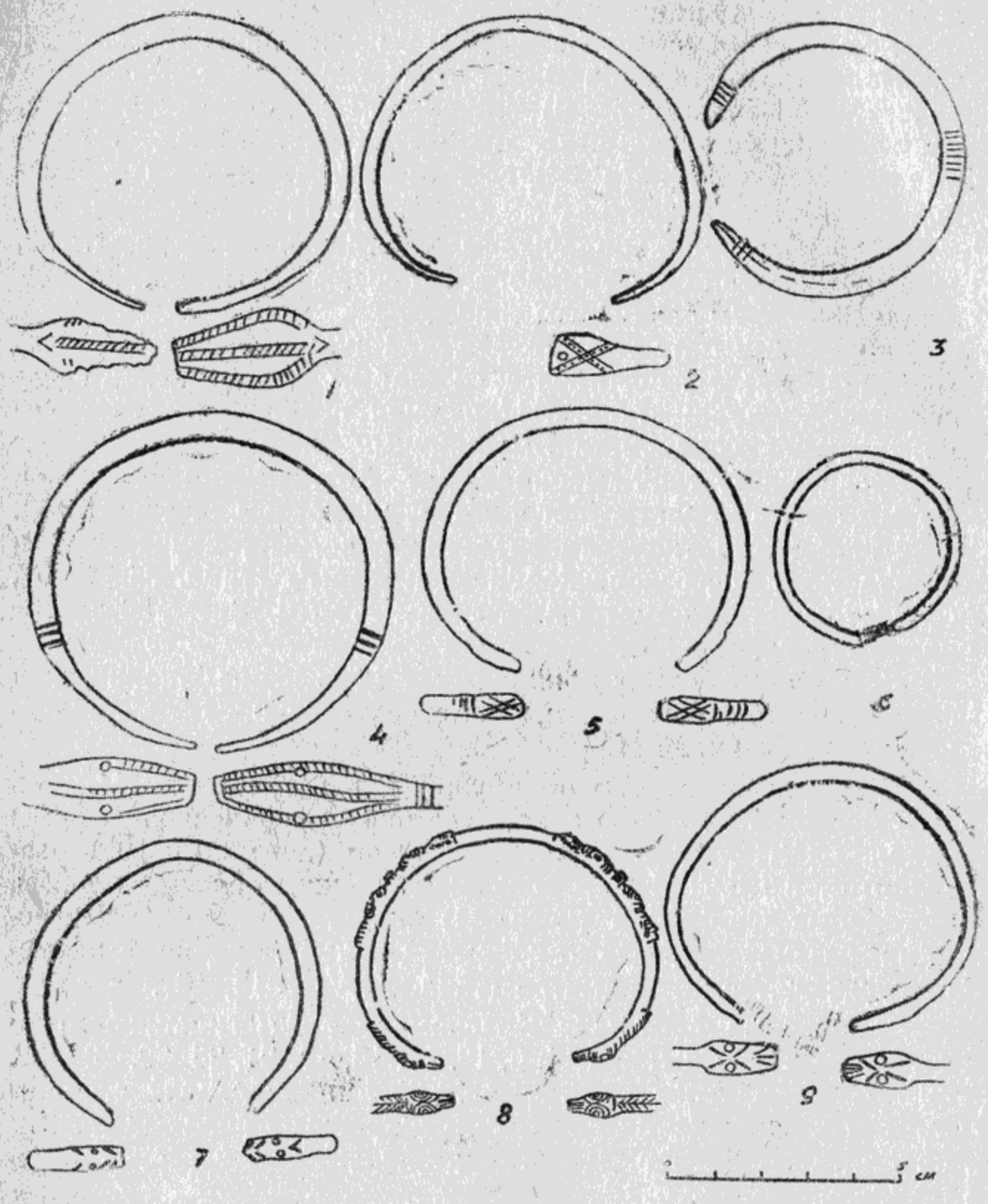

Таблица XXIV. Красномаяцкий могильник. Бронзовые браслеты (1—9) из погребений VIII—VI вв. до н. э. 1 — погр. 4; 2, 5, 7, 9 — погр. 26 (35); 3 — погр. 21 (33); 4 — погр. 18 (20); 6 — погр. 50 (69); 8 — погр. 3.

К типу A_2 относится фибула из погребения 100 с гладкопроволочной дужкой, длиной 7,2 см и высотой 4,7 см (табл. XXV—4). Она лишена орнамента.

К типу A_3 принадлежит фибула из погребения 64, дужка которой покрыта винтообразной нарезкой (табл. XXV—8). Длина фибулы 9 см, высота дуги 6 см.

К типу A_4 относятся 2 фибулы из погребения 38. Они с крутой дужкой, верхняя часть которой включена как поперечина в кружок, снабженный по краям десятью шариками (табл. XXV—3; IX—5, 7). Эта ажурная розетка, составляющая площадку дуги, достигает диаметра 2—2,2 см. Общая длина фибул не превышает 4 см, высота—3 см.

К типу A_5 относятся 2 фибулы из погребений 12 и 21 (табл. XXV—9; VII—2). Они имеют ромбовидное утолщение в верхней части дужки, украшенное в двух местах желобчатыми поперечными надрезами. Длина их колеблется от 6,4 до 7 см, высота 3,8—4,8 см.

Вторая группа (группа В) фибул характеризуется граненно-проволочной дугой. Таких фибул 4 экземпляра. Они подразделяются на два типа.

К типу B_1 относятся 2 фибулы с крутой вздутой дужкой из погребений 29 (табл. XXV—1) и 26 (табл. XXV—2; VIII—3). Фибула из погребения 29, длиной 5,6 см и высотой 4,8 см, с гравированным орнаментом, состоящим из лентовидных овалов, заполненных косой насечкой (табл. XXV—1). Фибула из погребения 26, длиной 6,6 см и высотой 4,1 см, по дужке покрыта гравированным орнаментом из косых черточек, ломаных линий и елочных дорожек (табл. XXV—2; VIII—3).

К типу B_2 принадлежат 2 фибулы с невздутой и неорнаментированной дужкой из погребений № 4 (табл. VI—4) и № 13. Длина их—4—4,8 см, высота дуги — 2,7—3,4 см.

Третья группа фибул (группа С), характеризующаяся пластинчатой дужкой, подразделяется на два типа.

К типу C_1 относятся фибулы с плоским ромбическим брюшком, орнаментированными врезными елочными дорожками, симметрично расположенными глазками и косыми насечками (табл. VI—2). Всего таких фибул два экземпляра. Первая фибула (погр. 4, табл. VI—2) длиной 4 см и высотой 2,4 см. Вторая фибула (погр. 19) длиной 2,9 см и высотой 1,6 см.

К типу C_2 относится фибула (погр. 103) с овально вытянутой пластинчатой дужкой, орнаментированной врезными косыми насечками. Длина ее 3,5 см, высота 1,7 см, наибольшая ширина дужки в средней части 5 мм.

Железные фибулы, обнаруженные в трех экземплярах в погребениях 1, 12, 26, представлены во фрагментированном виде (табл. VIII—5, 9).

Бронзовые булавки обнаружены по 1 экземпляру в погребениях 12 и 18. Иглы у них круглопроволочные, но головки по форме различаются.

Первая булавка (погр. 12) с петлеобразно свернутой в один оборот расплющенной головкой (табл. XXVII—1). Длина булавки 9,7 см.

Вторая булавка (погр. 18) с ажурной головкой из шести расходящихся в плоскости стерженьков с винтовидными нарезками, завершенными снизу ромбовидно расширенной частью иглы (табл. XXVII—2). Стерженьки упираются в перекладину длиной 4 см. Общая длина булавки 10,5 см. К булавке была прикреплена бронзовая цепочка, состоящая из овальной формы звеньев (6 x 10 мм) со сходящимися посередине концами. Одно более крупное звено (длиной 1,7 см) цепочки сохранилось в сквозном отверстии булавки.

Бронзовые браслеты в Красномаяцком могильнике представлены в погребениях 3, 4, 5, 17, 18, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 30, 38, 41, 47, 50, 62, 82, 89, 100, 101. Всего их 39 экземпляров, принадлежат они к трем различным группам (A, B, C).

Первая группа (группа А) браслетов — круглопроволочные (18 экз.). Браслеты подразделяются на восемь типов.

К типу A_1 относится 4 браслета с утоньшенными концами (табл. XXIV — 6; погр. 3, 22, 24, 50). Диаметр их колеблется от 3,5 до 5,7 см при толщине сечения в 0,3 см.

К типу A_2 принадлежат кольцевидные браслеты с обрезанными концами. Всего таких браслетов 12 экземпляров. По толщине сечения дрота они подразделяются на два подтипа:

Браслеты с толщиной сечения дрота в 1,2—1,5 см при внутреннем диаметре в 5—7 см (табл. XXIII—4,7; XII—1,2). Всего таких браслетов 6 экземпляров (по паре в погребениях 41, 62 и 89). Они напоминают известные позднекобанские и позднеколхидские бронзовые браслеты с заполнителями.

Браслеты тонкопроволочные с толщиной сечения в 0,2—0,5 см при внутреннем диаметре в 4—6 см (табл. XXIII—8). Таких браслетов также 6 экземпляров, но они найдены по одному в погребениях 3, 22, 101, и только в погребении 100 они встречены в трех экземплярах.

К типу A_3 относятся 3 браслета с расплющенными змеевидными концами. Расширенные концы браслета из погребения 4 с внутренним диаметром 5,8 x 6 см покрыты гравированным орнаментом из косых насечек и узких лентовидных полосок, заполненных косой штриховкой (табл. VI—3; XXIV—1). Концы браслета из погребения 18, имеющего внутренний диа-

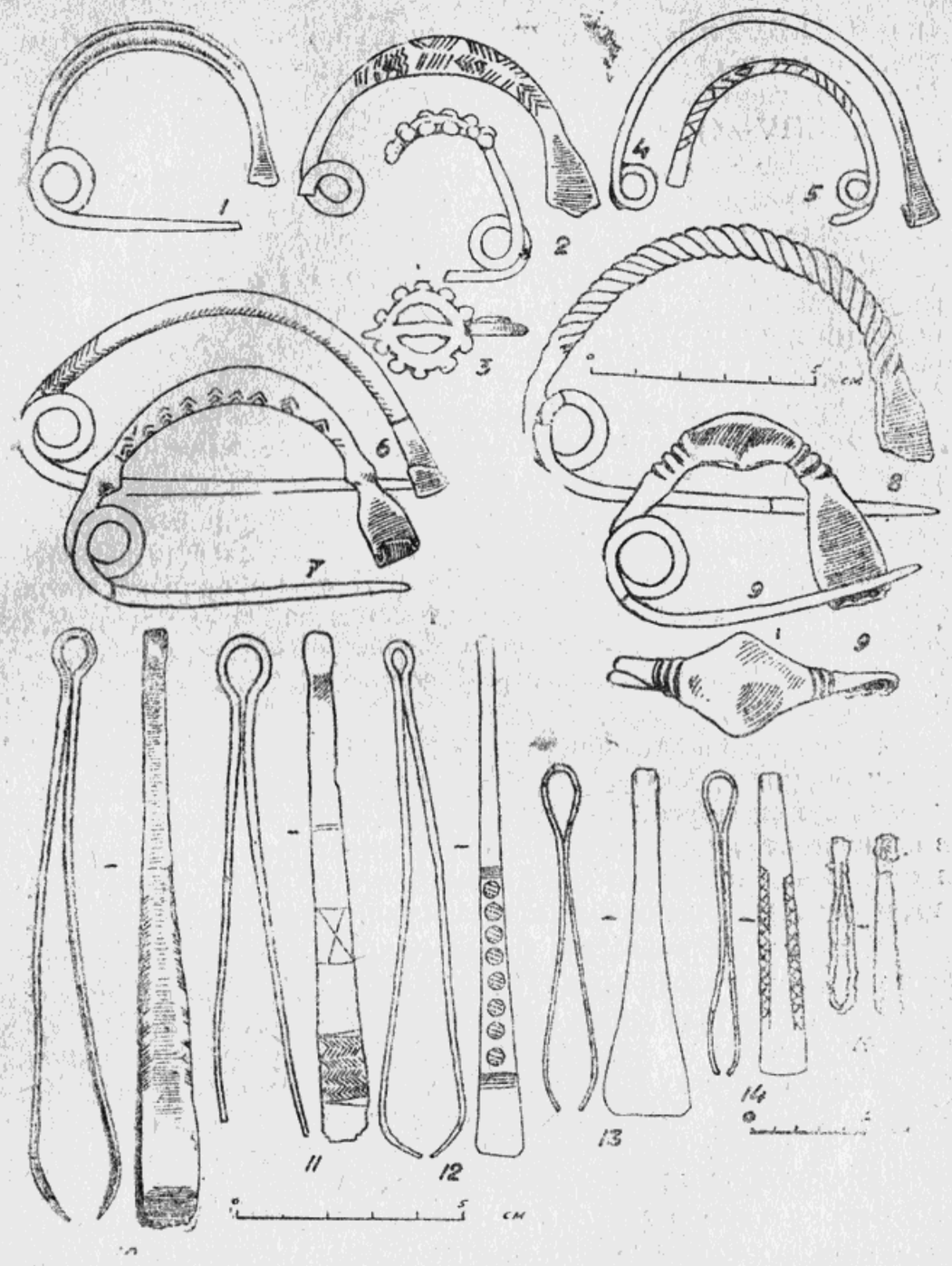

Таблица XXV. Красномаяцкий могильник. Бронзовые фибулы (1—9) бронзовые (10—14) и железный (15) пинцеты из погребений VIII—VI вв. до н. э. 1 — погр. 29 (38); 2 — погр. 26 (35); 3 — погр. 38 (55); 4 — погр. 100 (146); 5 — погр. 39 (56); 6 — погр. 49 (68); 7 — погр. 62 (92); 8, 11 — погр. 64 (94); 9 — погр. 2 (23); 10, 12 — погр. 92 (138); 13 — погр. 88 (134); 14 — погр. 87 (133); 15 — погр. 9.

метр 6,5 х 6,6 см, также покрыты гравированным орнаментом, состоящим из симметрично расположенных глазок, косых насечек и лентовидных полосок косой штриховкой (табл. VI—3; XXIV—4).

Браслет из погребения 21 с внутренним диаметром 4,2 х 4,7 см по концам имеет орнамент, состоящий из симметрично расположенных глазок и продольных полосок (табл. VII—3).

К типу A_4 относится браслет (погр. 17) с расплющенными веслообразными концами, украшенными врезными поперечными насечками. Внутренний его диаметр 5 х 5 см, толщина проволоки 3 мм.

К типу A_5 относятся 2 браслета из погребения 101 с заходящими друг на друга обрезанными концами. Внутренний их диаметр 3,8 х 4,2 см, толщина дрота 5 мм.

К типу A_6 принадлежат 2 браслета с заходящими друг на друга, расплющенными веслообразными концами (погребения 23 и 25) круглого сечения 2,5 см. Концы обоих браслетов с гравированным орнаментом, состоящим из косых крестиков, полосок, насечек и симметрично расположенных кружочков-глазков. Внутренний диаметр браслетов 3,1—3,4 х 3,6—6—3, 6—3,8 см.

Браслет типа A_7, обнаруженный в 1 экземпляре в погребении 30 (табл. XXII—9), своими расплющенными и заходящими друг на друга концами близок к браслетам типа A_6, но в отличие от последних он по дроту имеет винтовую нарезку, а его расплющенные концы, орнаментированные зигзаговой штриховкой—узкие сквозные отверстия.

К типу A_3 относятся 4 браслета, украшенные на концах зооморфными головками (табл. XXIV—7). Браслеты, найденные попарно в погребениях 26 (табл. VIII—11, 13; XXIV—7) и 82, обычно имеют слегка расширенные и утолщенные концы, на внешнюю сторону которых нанесены резцом стилизованные звериные морды. Внутренний их диаметр от 5,1 до 6 см, сечение дрота 0,4—0,5 см. Один из браслетов погребения 82 покрыт поперечными надрезами.

Вторая группа (группа В) браслетов, характеризующаяся граненно-проволочными дротами, подразделяется на три типа.

К типу B_1 относится браслет из погребения 21 с утоньшенными концами (табл. XXIV—3; VII—4). Внутренний его диаметр 4,6 х 4,8 см, сечение дрота 4—5 мм; средняя часть и концы браслета украшены тонкими поперечными надрезами.

К типу B_2 принадлежит браслет из погребения 27 с заходящими друг на друга обрезанными концами. Внутренний его диаметр 3,5 х 4,5 см, сечение дрота 0,5 см.

К типу B_3 относится браслет из погребения 32, украшенный рельефными звериными головками на концах и по спинке в двух местах (табл. XXIV—8). Внутренний его диаметр 4,3 х х 5,7 см, толщина дрота 0,4 см.

Третья группа (группа С), представленная пластинчатыми браслетами, подразделяется на два типа.

К типу C_1 относятся 4 браслета с несомкнутыми концами. Браслет из погребения 4 (табл. XXIII—3; VI—1) изготовлен из рельефной (5-полосной) пластины, завершенной на концах также рельефными бегущими спиралями и завитками. Внутренний диаметр браслета 4,5 х 6,1 см, ширина пластинки 2 см при толщине 2,5 мм. У браслета из погребения 5 пластинчатые концы свернуты в полуоборотную петлю. Внутренний диаметр браслета 3,6х4,1 см, ширина пластинки 6 мм при толщине около 1 мм. Два браслета из погребения 38 по широкой плоскости покрыты гравированным орнаментом из елочных дорожек, ломаных линий, остроугольников со штриховкой и косых насечек (табл. XXIII—6; IX—15, 16). Внутренний их диаметр 5,2 х6 см, ширина пластинки 1,5 см при толщине около 1,5 мм.

К типу C_2 относится пластинчатый браслет из погребения 47 с заходящими друг на друга веслообразно уширенными концами. Концы браслета покрыты гравированным орнаментом, состоящим из елочных дорожек и стилизованных зигзагообразно извивающихся змей, заполненных точечными наколами (табл. XXIII—10). Внутренний его диаметр 4 х 5,6 см, наименьшая ширина пластинки посередине 5 мм при наибольшей у концов 1 см, толщина пластинки 1,5 мм.

Железные браслеты в виде крупных колец в Красномаяцком могильнике обнаружены в двух экземплярах в погребении 32. Они сделаны из толстого, круглого в сечении дрота с обрезанными и разомкнутыми концами (табл. XXIII—5). По форме и размерам они копируют бронзовые кольчатые браслеты из толстого дрота, найденные в погребениях 41, 62 и 89 (табл. XXIII—4,7). Внутренний диаметр железных браслетов 5 х 5 см, сечение дрота 2 см.

Перстень серебряный, круглопроволочный, замкнутый, с овальным расплющенным щитком, найден в погребении 42. Щиток без каких-либо изображений. Внутренний диаметр кольца 1,6 х 1,7 см, длина щитка 1,4 см при наибольшей его ширине 5 мм, толщина проволоки 2 мм.

Молоточковидный предмет из погребения 64 (табл. XXVII—3) является, очевидно, головкой от костяной булавки. Он состоит из центрального вертикального стерженька, воронча-

того с двусторонне сверленным цилиндрическим отверстием и горизонтально отходящими от его основания в противоположные стороны плоскими стерженьками, завершенными овальной формы шляпками. Центральная часть орнаментирована с двух сторон рельефными спиральными завитками. Общая длина головки 5 см, длина стерженьков 2 см, диаметр отверстия вертикального стерженька 6 мм, величина овальных шляпок стерженьков 1,2 х 2,8 и 1, 3 х 3,3 см.

Бронзовые поясные пряжки. В Красномаяцком могильнике они представлены 24 экземплярами в погребениях 16, 31, 33, 40, 41, 42, 44, 45, 47, 51, 52, 58, 60, 62, 64, 65, 68, 69, 70, 75, 76, 91, 98, 99, 104. По своей форме они принадлежат к шести различным типам.

К первому типу относятся пряжки с бронзовым ленточным поясом. Сами пряжки состоят из массивного бронзового подчетырехугольного щитка с глубокой продольной расщелиной, снабженной крючком в виде длинношеей головки животного с торчащими в стороны ушами (табл. XXVI—1, 2, 7, 8, 9; XII—5; XIV—3). Всего таких пряжек с бронзовыми поясами 10 экземпляров, обнаружены они в погребениях 31, 41, 58, 62 (табл. XII—5), 64, (табл. XXVI—7), 65, 68 (табл. XXVI—1), 69, 91 (табл. XIV—3), 104 (табл. XXVI—2). Длина пряжек — 4—4,5 см, ширина 1,5—2 см. Ширина пояса 4—4,5 см, толщина—0,5 мм. Длина сохранившихся поясов (погр. 60, 104) достигает 104—110 см. Из этих сохранившихся экземпляров интересен пояс погребения 104 (табл. XXVI—2), пряжка которого была украшена бараньей головкой на длинной вытянутой шее с крючком для застежки на оборотной стороне (табл. XXVI—8). В продольную расщелину пряжки вставлен широкий лентовидный бронзовый пояс с сохранившейся длиной в 55 см и шириной 10 см. Длина пряжки 10,3 см, ширина—1,5 см. На поясе точечными наколами изображены две параллельно расположенные извивающиеся змеи со стилизованными остроугольными головками, обращенными в разные стороны. Такие пряжки с бронзовыми ленточными поясами встречены в сел. Эшера[155], около Сухуми, в сел. Мугудзырхва[156] и Куланурхва[157] (Гудаутский район). В известной мере к этим формам примыкают найденные в Кобани (Северная Осетия) пряжки с головками баранов[158].

---

155 Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, 1, Тбилиси, 1949, стр. 168, табл. XVI, 1.

156 Там же, стр. 150, табл. XI, 2.

157 М. М. Трапш, «Грунтовые погребения с инвентарем колхидского типа в сел. Куланурхва», Труды АбИЯЛИ, т. XXV, 1954, стр. 194—195, рис. 9.

158 П. С. Уварова, Указ. соч., стр. 41, табл. XXVI, 1.

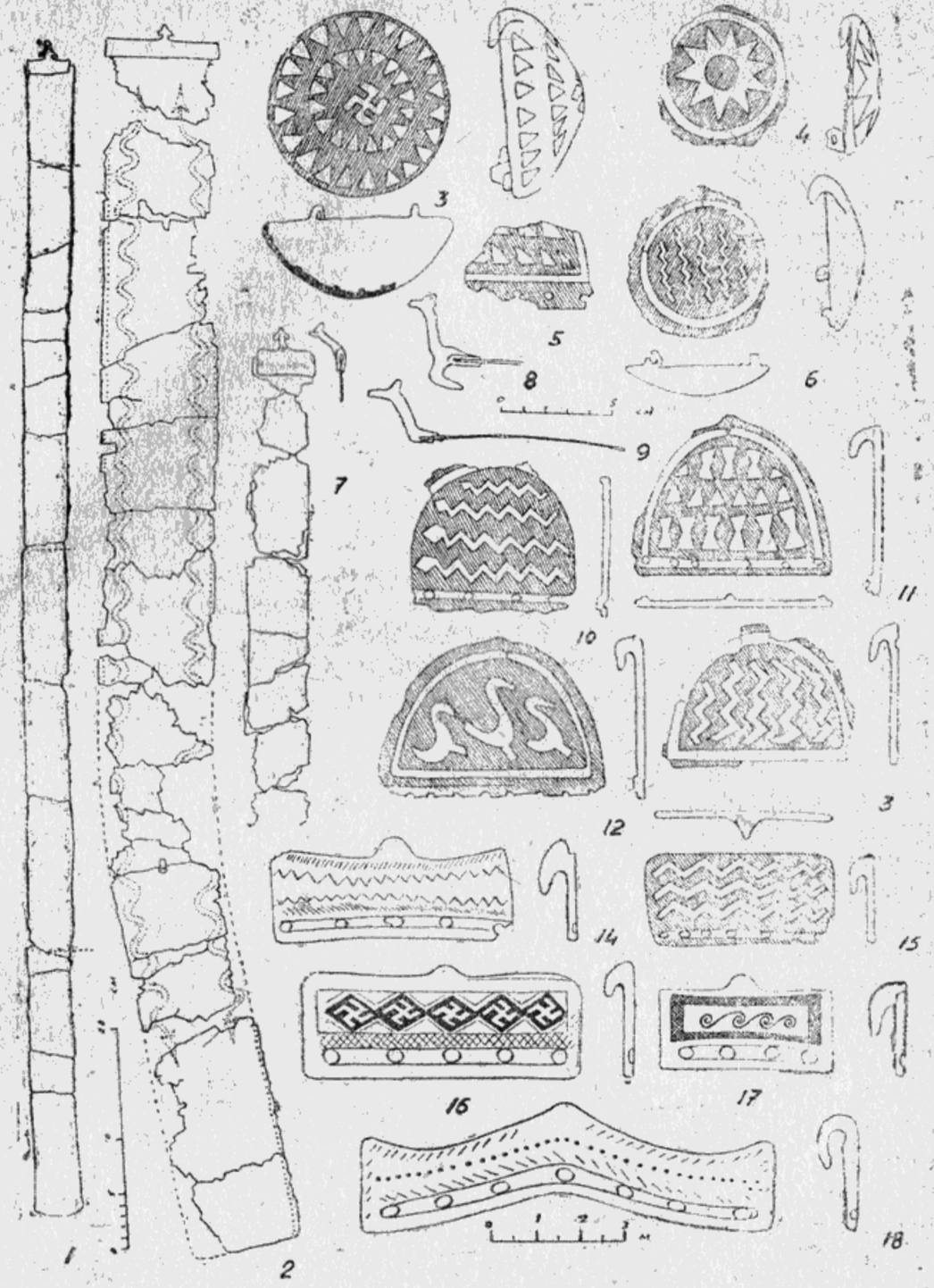

Таблица XXVI. Красномаяцкий могильник. Бронзовые пояса (1, 2, 7) и пряжки (3—6, 8—18) из погребений VIII—VI вв. до н. э. 1, 9—погр. 68 (102); 2, 8—погр. 104 (152); 3 — погр. 40 (57); 4 — погр. 99 (145); 5 — погр. 70 (107); 6 — погр. 52 (74); 10 — погр. 98 (144); 11 — погр. 75 (112); 12 — погр. 44 (63); 13 — погр. 42 (60); 14 — погр. 47 (66); 15 — погр. 60 (90); 16—погр. 76 (118); 17—погр. 5 (70); 18—погр. 16 (17).

Рассматриваемый тип пряжки характерен пока только для территории Абхазии и представляет местную особенность абхазской бронзы VIII—VI вв. до н. э.

Ко второму типу относится пряжка кобанской формы из погребения 16, с волнообразными продольными краями, семью сквозными отверстиями для прикрепления пояса и с крючком на оборотной стороне (табл. XXVI—18). Лицевая сторона пряжки слегка вытянутая, с гравированным орнаментом, состоящим из косых черточек и точечных наколов. Длина пряжки 9,5 см, наибольшая ширина в средней части и на концах 2,1 см.

К третьему типу относятся 4 пряжки вытянутой подчетырехугольной формы, с отверстиями для прикрепления пояса и крючком на оборотной стороне (табл. XXVI — 14—17). У трех из них (погр. 47, 51, 67 — табл. XXVI — 14, 16, 17) в средней части широкой стороны над крючком подтреугольное расширение. Пряжки различаются между собой числом отверстий для прикрепления ремня, орнаментацией лицевой стороны и некоторыми колебаниями размеров. Пряжка из погребения 47 с пятью отверстиями, а лицевая ее сторона с гравированным орнаментом, состоящим из горизонтальных полосок зигзага и косых насечек (табл. XXVI—14). Длина пряжки 5 см, ширина 2 см.

Пряжка из погребения 51 с четырьмя отверстиями. Лицевая ее сторона покрыта гравированным орнаментом, состоящим из горизонтального ряда спиральных завитков, заключенных в вытянутый четырехугольный поясок, заполненный сетчаткой (табл. XXVI—17). Длина пряжки 4 см, ширина 2 см. Пряжка из погребения 76 с пятью сквозными отверстиями (табл. XXVI—16). Лицевая ее сторона с гравированным орнаментом, состоящим из вытянутой, заштрихованной сетчаткой полоски и пяти в ряд расположенных свастик, заключенных в ромбики. Длина пряжки 6,5 см, ширина 2,5 см.

Четвертая пряжка (погр. 60) с семью сквозными отверстиями. Она не имеет краевого расширения. Лицевая ее сторона с металлической, темноватого цвета инкрустацией, изображающей три извивающиеся змеи (табл. XXVI—15). Размеры пряжки: длина 8,5 см, ширина 4 см.

К четвертому типу относятся 5 пряжек сегментовидной формы, с крючковой застежкой со стороны брюшка (табл. XXVI — 5, 10—13).

Все они по прямому краю имеют отверстия, заключенные в горизонтальный паз и служившие для глухого прикрепления ремня. Лицевая их поверхность инкрустирована железом (пряжки из погр. 42, 44, 70) или пастой (пряжки из погр. 75,

98). В первом случае со стороны брюшка обычно имеются следы заклепок.

Пряжка из погребения 42 (табл. XXVI — 13) по лицевой стороне украшена орнаментом из пяти вертикальных зигзагов, очевидно, имитирующих извивающихся змей, заключенных в полуовал. Длина прямого края пряжки 8 см, ширина — 5,5 см.

Пряжка погребения 44 орнаментирована тремя силуэтами идущих в ряд птиц, возможно, гусей, заключенных в полуовал (табл. XXVI—12). Длина прямого края пряжки 10,5 см, ширина — 7,5 см. По прямому краю заметны 8 отверстий для прикрепления ремня.

Пряжка из погребения 70 в значительной степени разрушена (табл. XXVI—5). Сохранившийся прямой край имеет пять отверстий для прикрепления ремня. На лицевой стороне—остатки инкрустированного орнамента, состоящего из двух рядов прямоугольных треугольников, заключенных в полуовал.

Пряжка из погребения 75 с шестью сквозными отверстиями и тремя петельками. Лицевая ее сторона с пастовой инкрустацией, изображающей расположенные в три ряда треугольники (два ряда треугольников со сходящимися вершинами), заключенные в полуовал (табл. XXVI — 11). Ширина пряжки 7 см, длина прямого края 10 см.

Пятая пряжка (погр. 98) с шестью сквозными отверстиями и двумя петельками. Лицевая ее сторона с пастовой инкрустацией, изображающей горизонтально извивающихся змей со стилизованными ромбическими головками (табл. XXVI—10). Ширина пряжки 6,5 см, длина прямого края 7,5 см.

К пятому типу относятся 4 умбоновидные пряжки, по краю брюшка которых друг против друга расположены крючковая застежка и пара петелек для крепления ремня (табл. XXVI—3, 4, 6). Выпуклая лицевая сторона пряжек орнаментирована или железной (пряжки из погребений 33, 40, 52), или пастовой (пряжка из погребения 90) инкрустацией.

На лицевой стороне пряжек из погребений 33 и 52 (табл. XXVI—6) изображены извивающиеся змеи, заключенные в круг. Диаметр пряжек—6—7 см, высота умбона—1 см.

Более сложна орнаментация пряжки из погребения 40 (табл. XXVI — 3). Она состоит из свастики, заключенной в два концентрических круга из треугольников, поставленных вершинами к центру пряжки. Диаметр пряжки 8,2 см, высота умбона 4 см.

Четвертая пряжка (погр. 99) с пастовой инкрустацией, изображающей десятиконечную звездочку, заключенную в круг (табл. XXVI — 4). Диаметр пряжки 6,4 см, высота 1,5 см.

К шестому типу относится плоская пряжка круглой формы из погребения 45. Оборотная сторона ее снабжена двумя петельками и крючком. Диаметр пряжки 4,3 см.

Пряжки последних пяти типов имеют сходство со многими пряжками, известными из Кобанского могильника[159] на территории Северной Осетии. Эти факты и некоторые другие данные, приведенные, выше, говорят о широких культурно-исторических связях древнего населения Абхазии с населением центральной части Северного Кавказа в VIII—VI вв. до н. э. и в последующее время.

Бронзовая круглая умбоновидная литая бляха с гладкой поверхностью и тупой плоской вершиной из погребения 37 (табл. XXVII—18). На оборотной ее стороне имеется дугообразная петля. Диаметр бляхи 3 см.

Подобные предметы, применявшиеся в качестве пуговиц, известны из могильников Верхняя Рутха[160] и Кобани[161]. Более крупные такие бляхи, встреченные в различных пунктах Кавказа, являлись принадлежностями конской сбруи[162].

К предметам туалета относятся и **бронзовые пинцеты,** обнаруженные в погребениях 64, 87, 88, 92. Всего их 5 экземпляров (в погребении 92—2 экземпляра). Они изготовлены из согнутой пополам бронзовой пластины с расширенными и иногда слегка загнутыми концами (табл. XXV—10—14). Поверхность некоторых из них (из погр. 87, 92) орнаментирована тонкой гравировкой и насечками в виде полосок, зигзагов, запунктиренных кружочков. Длина их колеблется от 6,7 до 13,2 см при ширине лопасти 1—2 см.

К бронзовым пинцетам близок железный, обнаруженный в погребении 9. Пинцет этот в основном хорошей сохранности, длиной 8 см, при наибольшей ширине лопасти 1,2 см.

Пинцеты вообще являются широко распространенными туалетными принадлежностями, существующими с эпохи бронзы и до настоящего времени, одной и той же формы в Европе, в Передней Азии и на Кавказе. Они бывают двух основных форм: из двух скрепленных отдельных пластин и из одной согнутой пластинки. На Южном Кавказе встречаются пинцеты обеих форм, но преобладает вторая форма. Что касается наших, то они относятся также к этой второй форме.

---

159 П. Уварова, Указ. соч., стр. 88—89, рис. 86, табл. XXXIV, 1; стр. 77, табл. XXIII, 2; стр. 77, табл. X, 12, 13; стр. 40, табл. XIV, 6; XIX, 3, XXXVII, 4, 5.

160 Е. И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, табл. XVI, 11.

161 П. С. Уварова, «Могильники Северного Кавказа», МАК, вып. VIII, М., 19. стр. 33, табл. XXXIII, 2.

162 Там же, стр. 33, табл. VI, 4.

Один пинцет, типа красномаяцкого, обнаружен в сел. Куланурхьа (Гудаутский район) археологическими раскопками, произведенными автором в 1951 году.

Большая группа бронзовых и изредка железных или керамических изделий в материале Красномаяцкого некрополя включает различные подвески, пронизи и цепочки.

Цепочки бронзовые, обычно служившие для прикрепления подвесок, найдены в погребениях 1, 12, 15, 16, 18, 21, 22, 23, 26. Они сохранились преимущественно в обрывках. По форме звеньев, в основном тонкопроволочных, они принадлежат двум типам.

К первому типу относятся цепочки, состоящие из овальной формы тонкопроволочных звеньев со сходящимися посередине концами. Всего их шесть экземпляров. Найдены они в погребениях 1 (табл. XXXVII — 8), 12, 15, 16, 18 (табл. XXVII—2) и 22. Наиболее хорошо сохранилась цепочка из погребения 15, имеющая длину в 60 см. Звенья обычно имеют овальную форму со средними размерами 1 х 0,5 см.

Ко второму типу относятся цепочки, сделанные из узеньких пластинчатых звеньев, округлой формы, со сходящимися концами. Всего их три экземпляра. Первая цепочка обнаружена в погребении 21 (табл. VII — 21). К ней были подвешены бронзовые колокольчики. Длина цепочки 90 см, внутренний диаметр звеньев 6 х 7 мм. Вторая цепочка (погр. 23) служила в качестве браслета (табл. XXVII—13), концы ее связаны тканевым шнурком. Длина ее 11 см, внутренний диаметр звеньев 4 х 5 мм. Третья цепочка, найденная в погребении 26, имела длину 120 см и внутренний диаметр звеньев 5 х 5 мм (табл. VIII — 8).

Бронзовые спиральные завитые трубки найдены в погребениях 50, 59, 62, 90, 93. Всего их шесть экземпляров. Они принадлежат к двум различным типам.

К первому типу относятся три спиральные двуконусные пронизи, сделанные из узких пластинок. Две пронизи найдены в погребении 59 (табл. XXII — 7). Длина их 3,7 см, наибольший внутренний диаметр колец 6 мм. Сходная пронизь, но в обломках, обнаружена в погребении 93.

Ко второму типу относятся три спиральные трубчатые пронизи цилиндрической формы. Пронизка из погребения 50 сделана из остроребертчатой пластинки, шириной 6 мм (табл. XXII—6). Длина сохранившейся части 3,5 см. Пронизь из погребения 62 сделана из трехгранной пластинки, шириной 4 мм (табл. XXII—8). Длина ее 8,2 см, внутренний диаметр колец 1 см. Трубчатая пронизь из погребения 90 сделана из

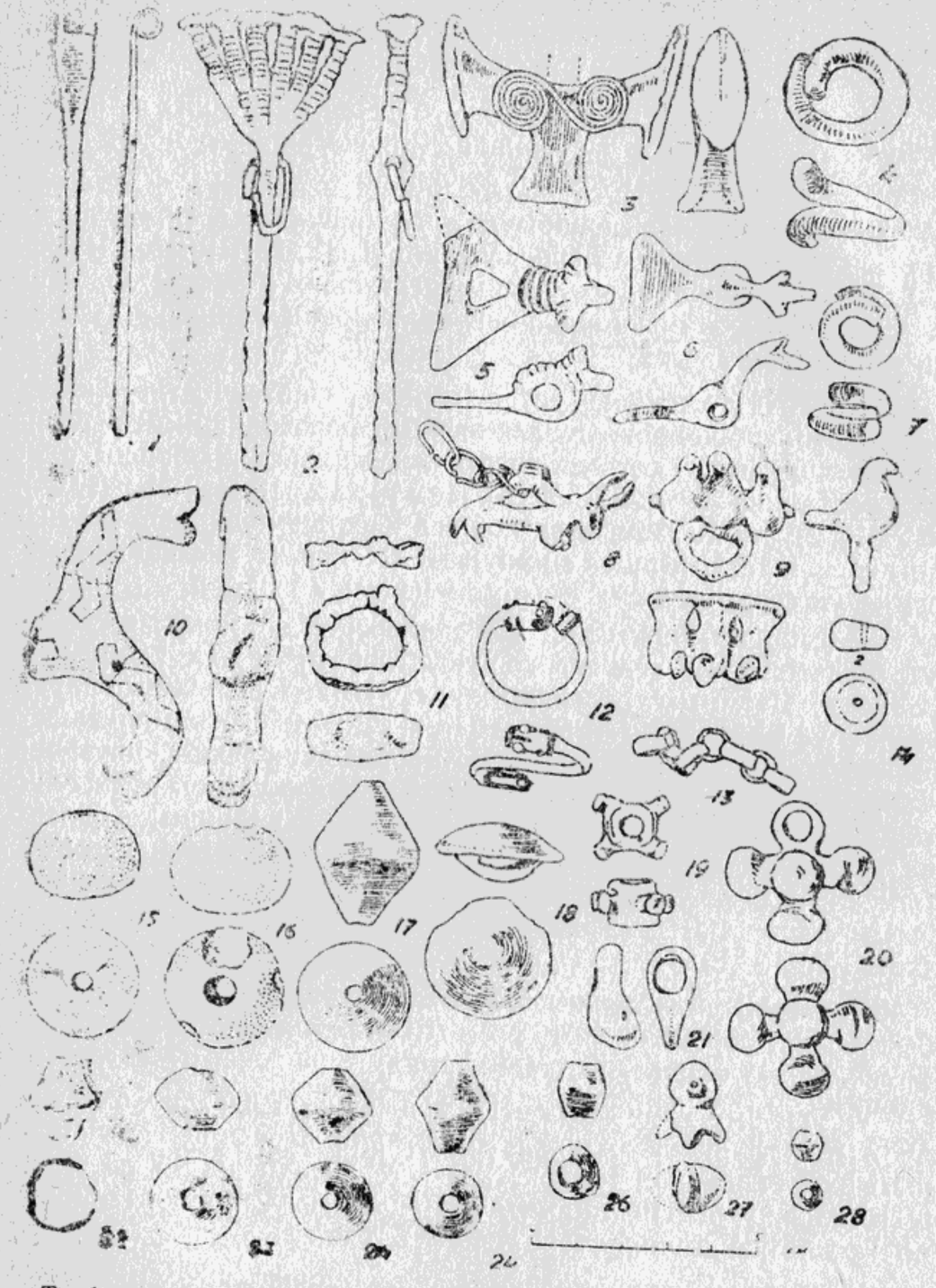

Таблица XXVII. Красномаяцкий могильник. Бронзовые (1—9, 13, 14; 17—26, 28), железная (11), серебряная (12) и глиняные (10, 15, 16, 27) подвески и украшения из погребений VIII—VI вв. до н. э. 1—погр. 12 (13); 2 — погр. 18 (20); 3, 5, 6 — погр. 64 (94); 4 — погр. 42 (60); 7, 28 — погр. 47 (66); 9, 14 — погр. 1; 9, 21 — погр. 21 (23); 10, 15, 16. 26 — погр. 44 (63); 11 — погр. 84 (13); 12 — погр. 29 (38); 13, 20 — погр. 23 (25); 17, 23—погр. 41 (59); 18 — погр. 37 (53); 19—погр. 57 (86); 22 — погр. 69 (106); 24 — погр. 49 (68); 25 — погр. 32 (45); 27 — погр. 102 (148).

двух миллиметровой пластинки. Длина сохранившейся части 1,2 см, внутренний диаметр колец 5 мм.

Подвески разнообразны по форме, назначению и материалу, из которого они изготовлены.

Интересны две однотипные пластинчатые подвески (3 х 3,5 см) из погребения 21 (табл. VII—16, 17). На каждой из них изображен треугольник, нанесенный точечным наколом. Посередине расположен точечный круг, с углубленной в центре круга ямкой. Этот орнаментальный мотив является, по-видимому, изображением солнца, небесного светила.

Из этого же погребения № 21 происходят еще 4 различные по форме подвески:

Четырехлучевая звездчатая подвеска из вогнутой тонкой пластины (табл. VII—19), снабженная с тыльной стороны тонкопроволочным спиральным завитком.

Миниатюрная подвеска в виде проушного топорика с выраженной лопастью (табл. VII — 22), аналогичная подвеске из могильника Гуадиху.

Подвеска в виде кольца, на котором сидят три птицы (голуби) с распущенными хвостами и поднятыми головками (табл. VII — 20).

Две колокольчиковидные подвески конической формы (табл. VII — 23, 24; XXII — 1, 3) с подтреугольными и колечковидными ушками. Высота их 5,2—5,8 см, диаметр основания 2,9 см.

Бронзовые колокольчики, но другого типа обнаружены также по одному экземпляру в погребениях 8, 20. Они имеют цилиндрическую форму и боковые прорези. Колокольчик из погребения 8 наиболее массивный. Высота его с ушком 5 см, без ушка 3,5 см, наибольший внутренний диаметр 3 см, наименьший—2 см, толщина стенки более 1 мм. На этом колокольчике имеется рельефный орнамент, состоящий из птицы—грифа с раскрытыми крыльями и вертикальных линий с косыми черточками (табл. XXI—5).

Колокольчик из погребения 20 с колечкообразными ушками круглой формы, со сквозным отверстием под вершиной, без орнамента (табл. XXII — 4). Высота его с ушком 2,9 см, без ушка 2 см, наибольший внутренний диаметр 1,3 см, наименьший 9 мм.

Крестообразные подвески в Красномаяцком могильнике представлены двумя экземплярами. Первая подвеска (погр. 23) пятиконечная, состоящая из стержня с петлей и пяти перпендикулярных друг другу стерженьков конической формы. Общая длина подвески 3,3 см, внутренний диаметр петельки 4 мм (табл. XXVII—20).

Одна подобная подвеска, относящаяся к эпохе поздней бронзы и раннего железа, известна из села Абгархук в Абхазии[163].

Форма таких подвесок генетически связана, вероятно, с пятиконечниками, оглавляющими булавки Кумбулты, а также с Казбегской подвеской, изощренно и пышно выполненными в своей основе[164].

Вторая крестообразная подвеска (погр. 57) прямоугольная, состоящая из четырех перпендикулярных друг другу стерженьков, оканчивающихся кнопкообразными шляпками. Подвеска эта снабжена сквозным отверстием посередине, в котором сохранился кусочек тканевого шнурка, пропитанного медной окисью. Общая длина подвески 2 см, длина стерженьков 6 мм, диаметр отверстия 5 мм (табл. XXVII—19).

Любопытная подвеска в виде фигурки горного козла найдена в погребении 1 (табл. XXVII—8). Фигурка имеет четыре ноги, выраженную морду с выставленными вперед рогами, на спине треугольную петлю, снабженную тонкопроволочной цепочкой. На вершине петельки расположен четырехугольный выступ в виде наковальни, с плоской четырехугольной площадкой. Длина фигурки 4,5 см, высота с рогами 2 см.

К серии подвесок в виде зооморфных головок относятся три бронзовых (погр. 64 и 85), одна глиняная (погр. 102) и одна янтарная (погр. 38).

Металлические однотипны по форме — это головки собачек с вытянутыми мордами, стоячими ушами и лопаточковидными хвостами подтреугольной формы. Расширение при переходе от шеи к хвосту обычно имеет сквозное отверстие (табл. XXVII—5, 6). Длина их — 3,5; 4; 4,5 см.

Подобные подвески известны в могильниках кобанской культуры, в том числе в Кобанском могильнике[165] и из-под гор. Нальчика[166].

Нахождение бронзовых подвесок со звериной головкой в различных районах Кавказа свидетельствует, с одной стороны, об общности колхидской и кобанской культур и, с другой — о тесных связях Абхазии с центральной частью Северного и Северо-западного Кавказа в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

Глиняная подвеска из погребения 102 изображает головку свиньи, с раскрытой пастью и стоячими ушами, с утолщенной шейкой сферической формы, снабженной сквозным отверстием (табл. XXVII—27). Как и керамические бусы из этого же погребения, подвеска покрыта тонким слоем бронзы.

163 А. Л. Лукин, Указ. соч., стр. 59, табл. XV, 8.
164 П. С. Уварова, Указ. соч., табл. XXXIX, 6; X XXI, 7; XCII, 2; рис. 185.
165 П. С. Уварова, Указ. соч., табл. XXXV, 2.
166 Е. И. Крупнов, Указ. соч., табл. V, 4—6.

Подобная головка свиньи, но бронзовая, в точности совпадающая с красномаяцкой, известна из Кобанского могильника в Северной Осетии[167].

Янтарное схематическое изображение свиньи (погр. 38), с отверстием для подвешивания (табл. IX — 10). Длина 1,8 см, высота 1,1 см.

В некоторой степени сходные, но бронзовые свиноподобные подвески, известны из села Куланурхва в Абхазии[168] и из Кобанского могильника в Северной Осетии[169].

Предметы культового назначения в Красномаяцком могильнике представлены одной бронзовой пластинчатой рогулькой (погр. 94) и глиняной подвеской (погр. 44).

Рогулька состоит из вертикального плоского черенка с двумя отходящими от него рожками (табл. XXI—7; XV—1). Общая длина 17 см, длина рожков 11 см, длина черенка 6 см, толщина пластинки 1—2 мм. Это пока единственная находка не только на территории Абхазии, но и на Кавказе.

Рассматриваемую рогульку на основании найденных вместе с ней предметов (см. табл. XV): бронзового топора колхидского типа, бронзового наконечника копья и других предметов — можно отнести ко времени не позднее IX в. до н. э.

В определении назначения интересующей нас рогульки существенную роль играют абхазские этнографические материалы, показывающие, что подобные рогульки связаны с древнейшим религиозным обрядом, посвященным культу молнии.

Богом грома и молнии в Абхазии, согласно древним воззрениям, считали Афы (в Гальском районе—Св. Георгий), который своей раздвоенной рогулькой якобы поражает дьявола и людей, творящих злодеяния. Где ударяла молния, там, по словам стариков, обыкновенно находили раздвоенную железную стрелу Афы. Все пораженное молнией, по представлению абхазов, являлось достоянием божества. Зажженный молнией дом нельзя было тушить и близко к нему подходить, чтобы не разгневать Афы, который его зажег. Пораженное молнией дерево считалось неприкосновенным; оно не использовалось для костра, ибо в противном случае Афы мог поразить нечестивца громом[170].

Бронзовая рогулька из погребения 94, вероятно, имела культовое назначение и была связана с религиозным обрядом,

167 П. С. Уварова, Указ. соч., стр 67, табл. XXXVIII, 6.
168 М. М. Трапш, Указ. соч., стр. 59—60, табл. XXII—1.
169 П. С. Уварова, Указ. соч., стр. 67, табл. X, 5.
170 Г. Ф. Чурсин, Материалы по этнографии Абхазии, Сухуми, 1957, стр. 54 и сл.

посвященным богу грома и молнии — Афы. Скорее всего этот предмет изображает атрибут бога Афы — его смертоносную стрелу.

Вероятно, с культом Афы связан и глиняный трехконечный предмет из погребения 44 (табл. XXVII—10). Концы его завершены стилизованными мордами, а на поверхности каждого из отвершков имеются полосатые зигзаги, вероятно, имитирующие или молнию, или змею. Длина каждого отвершка 3 см, толщина 1,1—1,2 см.

Вышеприведенные материалы из более чем 100 погребений Красномаяцкого могильника позволяют утверждать, что ранняя часть некрополя функционировала, очевидно, длительное время — от IX до VI вв. до н. э.

В этот период, как это отчетливо фиксируют результаты исследований Куланурхвского, Старшего Гуадихинского, Красномаяцкого и некоторых других могильников (в частности на Сухумской горе), на территории Черноморского Закавказья пышно развивалась колхидская культура, многими своими чертами близкая кобанской культуре Северного Кавказа.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ СУХУМИ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Глава III

ДИОСКУРИЯ

1. К ВОПРОСУ О ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ПОБЕРЕЖЬЯ СОВРЕМЕННОЙ АБХАЗИИ И ПРОБЛЕМА ДИОСКУРИИ

Возникновение греческих эмпориев, затем греко-местных поселений и городов на побережье современной Абхазии являлось, главным образом итогом исторического развития античных государств Средиземноморья. Этот процесс прежде всего был связан с широким эллинским колонизационным движением, являвшимся результатом внутренней социальной борьбы рабовладельческого строя во всем древнегреческом мире в VIII—VI вв. до н. э. Одной из причин этого колонизационного процесса являлись поиски рынков для выгодного сбыта греческих товаров, а также приобретение дешевого сырья и рабов. С самого начала наиболее активную роль в основании колонии играли такие греческие города, как Коринф, Халкида (на острове Эвбее), Милет, являвшиеся крупными торгово-ремесленными центрами античного мира. Основание колонии необходимо было также и для овладения новыми землями, на которых можно было бы интенсивно развивать сельское хозяйство. При всем этом решающее значение в расширении античной колонизации имели социально-экономические условия жизни в наиболее развитых древнегреческих городах, в которых рабовладельческий строй создавал «избыточное» население. В состав этого населения входили разорившиеся мелкие городские ремесленники и земледельцы, которые вынуждены были вместе со своими семьями отправляться за пределы родины и искать там применение своего труда[1].

Античному колонизационному процессу К. Маркс дал следующую характеристику:

«В древних государствах, в Греции и Риме, принудительная эмиграция, принимавшая форму периодического устройства колоний, составляла постоянное звено в общественной цепи. Вся система этих государств была построена на опре-

---

1 В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1948, стр. 12—13.

деленном ограничении количества народонаселения, которого нельзя было превысить, не подвергая опасности самого существования античной цивилизации. Но почему это так было? Потому, что им было совершенно неизвестно применение естественных наук к материальному производству. Только оставаясь в небольшом числе, они могли сохранить свою цивилизацию. В противном случае, они стали бы жертвами того тяжелого физического труда, который тогда свободного гражданина превращал в раба. Недостаточное развитие производительных сил ставило граждан в зависимость от определенного количественного соотношения, которого нельзя было нарушать. Поэтому единственным выходом из положения была принудительная эмиграция»[2].

Греки основывали свои колонии в таких населенных пунктах, где имелись богатые природные ресурсы для развития сельского хозяйства и различных ремесел, а также людские резервы, которых можно было бы заставить работать в качестве рабов и зависимых полусвободных производителей[3].

К началу античной колонизации на побережье современной Абхазии существовали местные ремесленно-земледельческие поселения, на базе которых греки-колонисты основали здесь ряд городов-колоний, как например, Диоскурия, Гюэнос и др.

Следует при этом подчеркнуть, что еще задолго до основания на побережье современной Абхазии греками своих колоний (сперва незначительные торговые фактории, затем города-колонии) между местным населением побережья и эллинами развивались торговые сношения. На это указывает, в частности, классический миф об аргонавтах—греческих мореплавателях, которые под водительством Язона отправились на корабле «Арго» в Колхиду за «золотым руном» — шкурой легендарного барана. В данном мифе, возникшем по мнению некоторых исследователей, еще во II тыс. до н. э.[4], получили отражение первые торгово-пиратские экспедиции древних греков к берегам далекой Колхиды.

В период греческой колонизации на территории Восточного Причерноморья существовало уже обширное племенное объединение, на базе которого не позднее VI в. до н. э. складывается единое государство, именовавшееся Колхидским царством. Это обстоятельство в определенной степени препятствовало грекам в свободном осуществлении своей колониальной политики в Восточном Причерноморье, так как вопрос об основании здесь колоний не мог быть решен без учета требований и интересов местных племенных союзов, а затем и местной государственной власти[5].

Все же надо полагать, что в возникновении греческих колоний на побережье Колхиды, в первую очередь, и главным образом была заинтересована социально-политическая верхушка местного населения, находившая в этих процессах дополнительный источник для обогащения[6].

Добытые путем раскопок археологические материалы за последние годы на побережье Абхазии и сообщения древних авторов позволяют говорить о том, что при основании и развитии городов на побережье Колхиды решающая роль принадлежала местному населению, являвшемуся уже подготовленным к городской жизни[7].

Это обстоятельство привело к преобладанию в причерноморских городах Колхиды местного элемента, определившего, главным образом, своеобразие развития городов Восточного Причерноморья[8].

Очевидно поэтому основание греческих колоний на побережье Колхиды, происходившее длительное время, протекало вначале относительно мирно, иначе невозможно было бы сосуществование греков-колонистов и местного населения. Только в последующее время колонизация греками восточного побережья Черного моря приобрела насильственный характер и происходила за счет притеснения местных жителей. «Греческая колонизация имела целью не только установление торговых сношений; греки стремились захватить также территорию и покорить местных жителей, сделать их рабами»[9].

То, что взаимоотношения местного населения с греками не всегда носили мирный характер, указывает инвентарь «городища» древнего города Гюэноса, раскопанного вблизи Очамчира, где греки, торгуя с местным населением, не забывали, на случай «осложнений», укрыться за широким водяным рвом и стеной из частокола[10].

---

2 К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения.

3 В. Ф. Гайдукевич, «История античных городов Северного Причерноморья», т. 1, М.-Л., 1955, стр. 23—24.

4 О. Д. Лордкипанидзе, Античный мир и древняя Колхида, Тбилиси, 1966, стр. 151.

5 З. В. Анчабадзе, История и культура древней Абхазии, М., 1964 стр. 147.

6 Н. Ю. Ломоури, Греческая колонизация побережья Колхиды, Тбилиси, 1962 (на груз. яз.), стр. 54.

7 З. В. Анчабадзе, Указ. соч., стр. 146—148.

8 М. П. Инадзе, «К вопросу о самоуправлении приморских городов Колхиды античной эпохи», Сообщения АН ГССР, № 2, 1959, стр. 241—242.

9 Ш. А. Месхиа, Города и городской строй феодальной Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 12—13.

10 Л. Н. Соловьев, «Диоскурия-Себастополис-Цхум», Труды АГМ, вып. 1, Сухуми, 1947, стр. 125.

Подобное деревянное укрепление, обнесенное водяным рвом, было устроено греческими колонистами, вероятно, и на берегах Сухумской бухты, у самого берега моря, где, по мнению ряда исследователей и согласно новым археологическим данным, была расположена древняя Диоскурия[11].

Первое наиболее раннее сообщение о Диоскурии принадлежит анонимному автору середины IV в. до н. э. Псевдо-Скилаку Кариандскому[12].

Диоскурия являлась наиболее значительным портом и торгово-ремесленным центром античной Абхазии; она в то же время принадлежала к числу крупнейших городов Черноморского побережья Кавказа.

Вопрос о местонахождении Диоскурии долгое время оставался спорным. Одни исследователи (Ф. Дюбуа де Монперэ, П. К. Услар, Д. И. Гулиа, А. В. Фадеев и др.) полагали, что Диоскурия находилась в устье р. Кодори. Одним из выдвигаемых ими доводов было то, что в этом районе находится местность под названием Скурча, а в эпоху позднего средневековья здесь была расположена торговая фактория Исгаур. Эти названия они сопоставляли с Диоскурией. Однако другие авторы (В. И. Чернявский, И. А. Орбели, М. М. Иващенко, Б. А. Куфтин, Л. Н. Соловьев и др.[13]), опираясь на сведения античных авторов и некоторые материалы раскопок, помещали древнюю Диоскурию на берегу Сухумской бухты.

Этот вопрос удалось окончательно разрешить лишь в послевоенные годы, когда на территории Сухуми и его ближайших окрестностях были проведены крупные археологические работы (в районе крепости, на Сухумской горе, горе Гуадиху, в пос. Красный Маяк и др.), а также подводные разведки на дне Сухумской бухты[14]. В результате сделанных открытий можно считать твердо установленным, что древняя Диоскурия была расположена именно в районе Сухуми. Причем результаты раскопок и подводных исследований говорят о том, что остатки основной части древнего города находятся на дне Сухумской бухты, а на территории современного Сухуми располагались лишь его окраины.

Следует отметить, что очертание и площадь Сухумской бухты в древнюю эпоху существенно отличались от ее современного вида. В раннеантичное время р. Гумиста впадала в море в районе нынешнего Сухуми. Дельта ее вместе с дельтой Келасури образовывала выступ, вдававшийся в море на 2 км дальше, чем современный берег. При впадении в море р. Гумиста имела лиманообразный залив, представлявший собой удобную гавань. На указанном выступе и была в основном расположена Диоскурия. Постепенно русло Гумисты переместилось на 6 км к западу, море затопило указанный выступ, а вместе с ним и основные жизненные центры Диоскурии (крепость, порт и др.)[15]. Это событие произошло не позже рубежа н. э.[16].

В настоящее время остается еще нерешенным вопрос о времени основания Диоскурии. Одни авторы полагают, что Диоскурия возникла на рубеже VII—VI вв. до н. э.[17] Другие исследователи считают, что основание ее вряд ли могло произойти ранее второй половины VI в. до н. э.[18]

Материалы многолетних археологических раскопок, проведенных в различных пунктах Сухуми, позволяют утверждать, что Диоскурия как греческая фактория, возникла не ранее последней четверти VI в. до н. э. По сообщению Флавия Арриана (II в. н. э.), Диоскурия была основана выходцами из Милета — крупного города-порта в западной части Малой Азии. Если принять во внимание это сообщение и новые материалы археологических раскопок в Сухуми, то крайней верхней датой возникновения Диоскурии, как милетской фактории, мог быть только конец VI в. до н. э., так как город Милет был разрушен персами в 494 г. до н. э., после чего прекратилась его колонизационная деятельность.

Античные авторы, кроме уже упомянутого нами Арриана (II в. н. э.), ничего не сообщают об основателях Диоскурии. Поэтому вопрос этот пока остается нерешенным. Как известно, большая часть колоний на Черноморском побережье была основана выходцами из Милета. Но, по мнению В. Ф. Гайдукевича, колонизация Колхиды «осуществлялась, может быть, выходцами не из самого Милета, а из одной из милетских колоний на южном берегу Черного моря, с которыми Фасис и Диоскурия были в течение всего их существования

---

11 Л. Н. Соловьев, Указ. соч., стр. 125.

12 Д. И. Гулиа, История Абхазии, т. 1, Сухуми, 1925. Приложение второе, Древнейшие сведения о Колхиде и колхах (Извлечение из древнегреческих и римских описаний Кавказа), стр. 249.

13 З. В. Анчабадзе, Указ. соч., стр. 150.

14 См. об этом ниже, стр. 219 и сл.

15 Л. Н. Соловьев и Л. А. Шервашидзе, Предварительное сообщение о расчистке комплекса сооружений на набережной у Сухумской крепости в конце 1958 г. и первой половине 1959 г., Тезисы докладов научной сессии Института истории им. Джавахишвили, посвященной итогам археологических исследований 1959 г., Тбилиси, 1960, стр. 45—46.

16 З. В. Анчабадзе, Указ. соч., стр. 151.

17 Н. Ю. Ломоури, Указ. соч., стр. 47—51.

18 В. Ф. Гайдукевич, История античных городов Северного Причерноморья, М.-Л., 1955, стр. 29.

в тесных сношениях»[19]. Такого же мнения придерживается и З. В. Анчабадзе[20].

Рассматривая вопрос об основании Диоскурии как города, необходимо отметить, что на территории Сухуми еще задолго до возникновения античного поселения находились населенные пункты местных племен, история которых восходит к глубокой древности[21].

В числе этих поселений мы можем отметить археологически исследованные остатки в районе пос. Красный Маяк, на Сухумской горе, на горе Гуадиху, в. Лечкопе и др.

В районе поселка Красный Маяк вся оконечность Гумистинского мыса опоясывалась цепью солеварных промыслов. Дело в том, что климат тогда был значительно теплее и суше, чем сейчас. Соль выпаривалась из морской воды в больших четырехугольных сосудах из обожженой глины. При формовке этой посуды пользовались куском ткани, почему их поверхность и сохранила четкие отпечатки самых разнообразных тканей — шерстяных и льняных[22].

Остатки льняных тканей найдены между прочим, в погребениях Красномаяцкого могильника[23].

Таким образом, известный по сообщениям античных авторов знаменитый Диоскурийский соляной торг и выработка не менее известных колхидских льняных тканей практиковались здесь, на побережье Сухумской бухты, задолго до основания Диоскурии. На месте развивались и другие ремесленные производства. На базе пластичных желтых глин Лечкопа (Завокзальная часть города) изготовлялась хорошая керамика.

На вершине Сухумской горы и на ее южных склонах в 1951—1952 гг. обнаружены следы большого поселения, укрепленного, по-видимому, деревянными стенами. Там же найден большой клад бронзовых топоров и слитков[24].

Поселение с остатками жилых помещений открыто и на горе Гуадиху в 1951 — 1954 гг. Здесь, как и на Сухумской горе, обнаружены остатки медеплавильного производства[25].

19 В. Ф. Гайдукевич, Указ. соч., стр. 29.

20 З. В. Анчабадзе, Указ. соч., стр. 151.

21 М. М. Трапш, «Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 гг.», СА, XXIII, 1955, стр. 262; Л. Н. Соловьев, Указ. соч., стр. 104—105.

22 Л. Н. Соловьев, «Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии», СА, XIV, 1950, стр. 265 и сл.; М. М. Трапш, «Археологические раскопки в окрестностях Сухума», Труды АбИЯЛИ, XXIX, Сухуми, 1958, стр. 185 и сл.

23 М. М. Трапш, Указ. соч., стр. 202—204.

24 А. Н. Каландадзе, Археологические памятники Сухумской горы, Сухуми, 1954, стр. 74 и сл.

25 М. М. Трапш, «Некоторые итоги...», стр. 214; А. Н. Каландадзе, Указ. соч., стр. 89 и сл.

В Лечкопском предместье города был найден клад бронзовых заготовок в виде мотыжек или сечек. В то же время монеты еще нигде не чеканились, и некоторые авторы думают, что эти заготовки, имевшие одинаковый вес, являлись прообразом будущих денег[26].

В начале I тысячелетия до н. э. в районе современного Сухуми высоко было развито бронзолитейное ремесло. Об этом говорят разнообразные предметы быта и вооружения, найденные в обширных могильниках, расположенных на горе Гуадиху и на Гумистинском мысу, у поселка Красный Маяк (см. выше, главы I—II настоящей работы).

Все археологические памятники, обнаруженные на территории современного Сухуми, говорят и о большой древности поселения и о жизни, кипевшей на берегах Сухумской бухты в начале I тыс. до н. э. Нет никакого сомнения, что здесь находился крупный по тому времени экономический и социальный центр. Он имел все неотъемлемые признаки, которыми должно обладать поселение городского типа.

Во-первых, концентрация населения на основе развития ремесленного производства и торговли.

Во-вторых, наличие естественной или искусственной защиты, или искусственных оборонительных сооружений.

В-третьих, смешанный, разноплеменный состав населения, о чем свидетельствует исследование могильников IX—VI вв. до н. э. Как мы видели выше, в этих могильниках представлено несколько различных обрядов погребения, что можно объяснить лишь смешанным, разноплеменным составом населения, вероятно, родственного в своей основе, но жившего в различных районах страны. В районе Сухуми они, очевидно, были сконцентрированы для производственной и торговой деятельности.

Надо добавить ко всем этим данным, что от Сухумской бухты вглубь страны шел известный уже с эпохи ранней бронзы торговый путь, проходивший через Клухорский перевал на Северный Кавказ в верховье р. Кубани. Другой путь, шедший вдоль Черноморского побережья Кавказа, пересекался с ним как раз в том месте, где была исключительно удобная стоянка для судов — в устье рр. Гумиста и Басла.

Таким образом, на берегах лучшей на Черноморском побережье Кавказа естественной бухты, расположенной на приморском пути, соединявшем Северный Кавказ и Закавказье, у начала известной в древности Клухорской перевальной

26 М. М. Иващенко, «Материалы к изучению культуры колхов», МИГК, вып. II, Тбилиси, 1941, стр. 50.

ной дороги, уже к рубежу II—I тыс. до н. э. началось формирование поселения городского типа.

Как же называлось это поселение — предшественник Диоскурии? Смутные упоминания об имени города, предшествовавшего Диоскурии, сохранились у некоторых древних авторов. Так, Стефан Византийский, греческий автор VII в. н. э., пишет: «Диоскуриада — город у Понта, называемый также Севастополем, прежде, по свидетельству Никанора, он назывался Эйей»[27]. Это название вызывает в памяти миф о плавании на корабле «Арго» аргонавтов под водительством греческого героя Язона в Колхиду за «золотым руном». Этот миф, по мнению многих ученых, имеет в основе события конца II — начала I тыс. до н. э., того времени, когда возникло и данное поселение городского типа.

В мифе об аргонавтах упоминается город Эйя, а царем города назван Айет, его сын носит имя Апсирт, в котором, вероятно, сохранилась древняя форма наименования абхазов — Апсуа.

Позднее, при уже существовавшем древнем городе, в районе современного Сухуми, эллинские купцы, как уже было отмечено выше, создают свою торговую факторию, получившую название Диоскурии, в честь участников мифического похода аргонавтов, братьев-близнецов («диоскуров») Кастора и Полидевка, которые якобы являлись его основателями[28].

Одновременно с этим именем, возможно, существовало и абхазское название Сухуми — Акуа. Этимология слова Акуа, как нам кажется, удачно была объяснена Г. З. Шакирбай, как «минеральный серный источник», или по-абхазски азыкуа, т. е. тухлая (в смысле «серная») вода[29]. Действительно, в ближайшем соседстве от города имеются два таких источника — минеральные серные источники в районе Сухуми были, очевидно, известны и в древнее время. Об этом свидетельствует римская дорожная карта, составленная еще в IV в. н. э. (карта Кастория)[30]. На ней непосредственно под Себастополем (совр. Сухуми) отмечено несколько минеральных серных источников.

Следует заметить, что речка Сухумка, именуемая абхазами Акэ (Кэа), еще в недавнем прошлом принимала в себя

27 В. В. Латышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I, СПб., 1893, стр. 268.

28 Д. И. Гулиа, Указ. соч., Сухуми, 1925, стр. 271.

29 Г. З. Шакирбай, Значение основы «Кэа» в топонимике Абхазии (рукопись).

30 И. Грашеновский, Древнеримские курорты на Кавказском берегу Черного моря, Русская Ривьера, № 3—4, II, 1915; Дж. О. Томсон, История древней географии, М., 1953, стр. 518—520.

ряд серных источников, от чего, видимо, в древности эта речка и получила название «Акэ» (тухлая, в смысле серная, вода-река). Отсюда вполне закономерно, что абхазское наименование города Акуа (Сухуми) связано с названием речки Акэ (р. Сухумка). Еще до середины XIX века речка Сухумка (Акэ) впадала в р. Басла, против замка Баграта. Басла у Рейнеггса называется «Аку».

Таким образом, название города Акэ, надо полагать, происходило от одноименной речки с серным запахом.

По-видимому, Акуа очень древнее название. Об этом свидетельствуют находки двух золотых статеров колхидской чеканки[31] с подписью «Аку», относящихся к III в. до н. э. Д. Г. Капанадзе, транскрибируя греческую надпись этих статеров, как надпись «Аки», опустил лабиализованный звук «О», тогда как на статерах, в действительности, греческой транскрипцией запечатлено «Ако» (в родительном падеже). Г. З. Шакирбай, обративший впервые на это внимание, указывает, что греческое начертание надписи «Ако» на статерах Лисимаха, должно быть передано не как «Аки», а как «Аку»[32]. Эти монеты древнее известных в настоящее время монет, выпускавшихся Диоскурией, ибо последние относятся к рубежу II—I вв. до н. э.

Следовательно, мы имеем три древних названия Сухуми — Эйя, Акуа и Диоскурия. Древнейшему из них, а именно городу Эйя, соответствовало поселение городского типа, вскрытое археологическими раскопками на берегах Сухумской бухты и прилегающей возвышенности. Оно имело уже к рубежу II—I тыс. до н. э. все основные признаки города — значительную по тому времени концентрацию населения, богатые могильники, промыслы — солеварный, ткацкий, металлообрабатывающий, торговый порт у места пересечения важных путей, который охранялся большим горным укреплением. Это поселение может считаться достоверным родоначальником г. Сухуми.

Таким образом, крупное поселение городского типа в районе современного Сухуми возникло значительно раньше появления здесь греков, которые на базе местного древнего города основали свою торговую факторию и дали ей свое название — Диоскурия.

Вопрос о происхождении названия «Диоскурия» до недавнего времени оставался дискуссионным. Одни исследователи считали, что в основе наименования Диоскурии лежит местный корень, впоследствии по-своему осмысленный греками. Так, И. А. Орбели сводил слово «Диоскурия» к сред-

31 Д. Г. Капанадзе, Указ. соч., стр. 36—38, табл. 1, 10.

32 Г. З. Шакирбай, Указ. соч., (рукопись в печати).

невековому названию города — Цхуми, в основе которого он усматривал грузинское слово «ткупи» («близнец»), переведенное, по его мнению, в античную эпоху на греческий язык[33]. Однако, как полагает Г. З. Шакирбай, Цхуми — это искаженное абхазское географическое название Тхубын (Тэхэыбын), или Цкыбын (Цкыбын)[34]. Тхубын в переводе с абхазского языка означает «прогалина», т. е. поляна посередине леса. Так называлась территория, находящаяся у устья левобережья р. Келасури, где в средневековое время существовало поселение городского типа. Культурные остатки этого поселения, состоящие из фрагментов средневековых стен, значительного количества обломков поливной посуды, больших красноглиняных пифосов, зарытых в земле, были обнаружены автором в 1954 г. во время строительства магистрали Тбилисское шоссе. Второе упомянутое название Цкыбын в переводе с абхазского обозначает пастбище для скота-молодняка (лес с пастбищем для скота-молодняка). Так называлась современная Дранда, где находятся храм VI в. н. э. и средневековое поселение городского типа.

Незначительное расстояние между двумя вышеназванными средневековыми поселениями городского типа — Тхубын-Цкыбын и Акэ (совр. Сухуми) и, видимо, незнание некоторыми исследователями того времени абхазского языка и местности могло послужить причиной того, что Тхубын и Цкыбын получили другое, искаженное в определенной степени, но похожее по созвучию название Цхом или Цхум, которое в дальнейшем перешло и на город Акэ (Акуа). После первого искажения этого названия последовали другие искаженные новые наименования. Так, например, турки во время своего господства в Абхазии Цхуми (Цхоми) переделали на свой лад — на Сухум-Кале (Су — вода, хум — песок, кале — крепость), позже город стал называться Сухум, а с 1939 г. Сухуми.

Эти параллельные названия, появившиеся в средневековое время, постепенно в какой-то мере вытеснили подлинное и древнейшее название Акэ. Но характерно то обстоятельство, что абхазы с давних времен называют свой город не иначе, как Акэ (Акэа), но не Цхом, Цхуми, Сухум и даже не Сухуми. Ни один абхаз не скажет «Сухуми сцоит» — «Иду (или еду) в Сухуми», а скажет «Акэа сцоит» — «Иду (или еду) в Акэ или Акэа» — Сухуми.

Таким образом, мнение Г. З. Шакирбай об абхазском происхождении Цхуми от слова Тхубын или Цкыбын, надо

[33] И. А. Орбели, Город близнецов и племя возниц, ЖМНП, № XXXIII, 1911.

[34] Г. З. Шакирбай, Указ. соч.

полагать, является аргументированным. Следовательно, Цхуми — это искаженное абхазское слово, которое не имеет никакого отношения ни к греческому термину «Диоскурия», ни к грузинскому термину «Ткупи» («близнец»).

Другие же исследователи (С. Н. Джанашиа, Л. Н. Соловьев, Т. К. Микеладзе) высказывают противоположное мнение по вопросу о происхождении названия «Диоскурия». Они считают, что это сложное слово, состоящее из двух картвельских слов «диа» («мать») и «скури» («источник») и в переводе означает «мать рек», «мать вод». Однако эта гипотеза, как справедливо указывает З. В. Анчабадзе, является лишь более или менее правдоподобным предположением[35].

Диоскурия, по нашему мнению, произошла от «диоскуры» — греческого слова, являвшегося прозвищем близнецов Кастора и Полидевка, участвовавших в мифическом походе аргонавтов. Согласно греческой мифологии, они являлись сыновьями Тиндарея и Леды. По другим версиям, лишь Кастор был сыном Тиндарея, а отцом Полидевка являлся Зевс, даровавший сыну бессмертие; или же оба близнеца — сыновья Зевса. Согласно греческой мифологии, культ «диоскуров» был распространен в различных областях Греции. В Спарге «диоскуры» считались защитниками государства и покровителями гимнастики. Диоскуров чтили как покровителей воинов и мореходов. Культ диоскуров распространился и среди италийских племен. В 484 г. до н. э. в Риме был освящен храм диоскуров и т. д.

Таким образом, «Диоскурия» — это греческое слово; оно никак не связано по своему происхождению с картвельскими словами «диа» и «скури». Можно с уверенностью сказать, что поселение городского типа, существовавшее в районе современного Сухуми до появления здесь греков, имело свое местное абхазское наименование, видимо, Акуа. Это поселение, после основания при нем греческой торговой фактории, получило параллельно новое греческое наименование — «Диоскурия».

2. ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ ДИОСКУРИИ

Впервые необходимость выявления и исследования памятников культуры Диоскурии — Себастополиса отметил местный археолог-энтузиаст В. И. Чернявский на одном из заседаний подготовительного комитета V Археологического съезда в Тифлисе в 1878 г. Он подробно перечислял все известные ему места, где обнаружились археологические пред-

[35] З. В. Анчабадзе, Указ. соч., стр. 152.

меты[36]. Инициативу В. И. Чернявского тогда поддержали профессор Новороссийского университета П. Ф. Юрченко, А. Веденский, А. Комаров и др.[37]

В 1886 г. для археологических исследований в Сухуми прибыл В. И. Сизов, который произвел раскопки в районе расположения современного Сухумского драматического театра. В результате этих раскопок был обнаружен довольно мощный культурный слой, содержавший обломки черепиц, чернолаковых сосудов, амфор, глиняную подвеску пирамидальной формы. Здесь же были найдены монета г. Амиса[38] и открыты остатки каменной кладки[39]. По мнению В. И. Сизова, весь этот слой относится к эпохе, которую он называл греческой, и лишь несколько предметов, как, например, обломки краснолаковой посуды он относил к римской культуре[40].

Среди материалов В. И. Сизова особый интерес представляет обломок дна от чернолакового сосуда, в средней части которого оттиснуты штампом пальметки овальной формы[41]. Аналогичное украшение дна встречается обычно на киликах V—IV вв. до н. э.[42]

К более позднему времени (III—II вв. до н. э.) относятся найденные В. И. Сизовым фрагменты дна чернолакового лекифа[43] и мегарских чаш[44], а также упомянутая бронзовая монета г. Амиса, конца II — начала I в. до н. э.

Таким образом, раскопками В. И. Сизова был получен интересный археологический материал, свидетельствовавший о существовании в районе современного Сухуми античного поселения. Это открытие имело большое значение для начала изучения древнего Сухуми — Диоскурии.

В районе расположения того же Сухумского драматического театра в 1925 г. А. С. Башкиров произвел археологические работы разведочного характера. Раскопками он обнаружил культурный слой позднеантичного времени, содержащий обломки керамики, в том числе краснолаковой посуды I — III вв. н. э. Но А. С. Башкировым не было найдено здесь ни одного обломка чернолаковой керамики[45]. Он произвел исследование также в Сухумской крепости и отметил, что стены турецкой крепости местами воздвигнуты на более древнем фундаменте[46].

Он пришел к выводу, что «изучая комплекс руин юго-западной башни старинного укрепления, мы видим здесь остатки трех культур: турецкой, византийской и римской»[47]. А. С. Башкиров раскопочными работами в районе крепости выявил следующую стратиграфию культурных наслоений: а) растительный почвенный слой толщиной 0,55 м, б) культурный слой турецкой эпохи — 0,3 м, в) «византийский», или «средневековый» культурный слой, содержащий также обломки поливной посуды и г) римский слой II—IV вв. н. э.

Культурные остатки раннеантичного времени были открыты в 1940 г. при прокладке водопровода перед гостиницей «Рица». Этот слой здесь был исследован Л. Н. Соловьевым и И. Е. Адзинба. Он содержал керамические фрагменты, обломки кирпича, черепицы, угля и сожженные кости. В том же слое были найдены керамическое грузило пирамидальной формы, фрагменты амфор, амфориск, обломки чернолаковой и краснолаковой посуды, а также один фрагмент так называемой мегарской чаши. Этот слой датируется III—II вв. до н. э.[48] Он, видимо, увязывается с культурным слоем, исследованным В. И. Сизовым.

Наличие остатков античного поселения в Сухуми прослежено по левой стороне р. Басла (Беслетка), вдоль берега моря. Здесь в районе расположения военных санаториев кое-где под раннесредневековым культурным слоем М. М. Иващенко[49] были обнаружены обломки чернолаковой посуды. Такого же типа обломки чернолаковой посуды находили на холме замка Баграта[50].

В 1939 г. Л. Н. Соловьевым исследовано также частично разрушенное погребение на западном склоне вершины Ахвыла-абаа к востоку от замка Баграта. Это погребение на основании найденных в нем чернолаковых сосудов, железного оружия и других вещевых находок Л. Н. Соловьевым

---

36 В. И. Чернявский, «Записки о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно», V АС в Тифлисе, Протоколы подготовительного комитета, М., 1879, стр. 14 и сл.

37 Там же, стр. 51 и 324.

38 В. И. Сизов, «Восточное побережье Черного моря», МАК, вып. II, М., 1889, стр. 13 и сл.

39 Там же, стр. 14—15.

40 Там же, стр. 18.

41 В. И. Сизов, Указ. соч., фототипия 11.

42 В. Ф. Гайдукевич, «Раскопки Мирмекия», МИА СССР, № 25, М., 1952, рис. 19.

43 В. И. Сизов, Указ. соч., фототипия 1, 4.

44 Там же, фототипия 1, 6—7; А. Н. Зограф, «Распространение находок античных монет на Кавказе», Труды отдела нумизматики Гос. Эрмитажа, т. 1, 1945, № 194.

45 А. С. Башкиров, «Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г.» Изв. АбНО, вып. IV, 1926, стр. 6.

46 Там же, стр. 7 и сл.

47 Там же, стр. 10.

48 Л. Н. Соловьев, «Диоскурия — Себастополис — Цхум», Труды АГМ, вып. 1, Сухуми, 1947, стр. 120, 121.

49 М. М. Иващенко, «К вопросу о местонахождении Диоскурии древних», Изв. АбНО, вып. IV, 1926, стр. 100, 101.

50 Л. Н. Соловьев, Указ. соч., стр. 124, 125.

датируется III в. до н. э.[51] На Сухумской горе были открыты и исследованы погребения раннеантичной эпохи. Добытый инвентарь в погребениях состоит из чернолаковых сосудов (котил, канфар), амфор, амфорисок, железного оружия и других предметов. Инвентарь этот вмещается в хронологические рамки V—III вв. до н. э.[52]

Такова вкратце история археологического исследования г. Сухуми со времени первых раскопок В. И. Сизова по 1951 включительно.

Систематические археологические раскопки на территории Сухуми и его окрестностей проведены автором в 1952—1959 гг. Этими работами обнаружены и исследованы различные категории памятников античного времени: поселение и могильники на Сухумской крепости, на горе Гуадиху, в пос. Красный Маяк, на замке Баграта и т. п.

В Сухумской крепости культурный слой античного времени был открыт и исследован в 1952 г. Этот слой мощностью в 40 см дал интересный материал, состоящий из обломков чернолаковой посуды, амфор, кровельной черепицы, глиняных пирамидальных отвесов для ткацких станков. В нем обнаружены также кости животных, древесные угольки и т. д. Этот культурный слой на основании обломков чернолаковых сосудов, фрагментов хиосских, фососских и синопских амфор датируется концом VI — III вв. до н. э.

В районе той же Сухумской крепости раскопками 1959 г. был обнаружен и вновь вскрыт культурный слой эллинистического времени, мощностью до одного метра. Он содержал пирамидальные керамические отвесы для ткацких станков, обломки краснолаковых сосудов (видимо, пергамского производства), немногочисленные фрагменты чернолаковой посуды V — IV вв. до н. э., обломки миски с желтым ангобом, украшенной широкими чернолаковыми поясками. Здесь же найдены фрагменты мегарской чаши, двуствольной ручки от красноглиняной амфоры, амфорные ножки, обломки горшков, колхидских пифосов. Значительный интерес представляют косточки винограда и персика. Виноградные косточки, по определению М. Рамишвили, принадлежат древнейшему местному сорту винограда — качич[53].

---

51 Там же, стр. 124.

52 А. Н. Каландадзе, Археологические памятники Сухумской горы, Сухуми, 1954; М. М. Трапш, «Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 г.», СА, XXIII, 1955.

53 А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе, «Новые материалы к археологии Диоскурии — Себастополис», Труды АбИЯЛИ, XXXIII, Сухуми, 1963, стр. 221—222; М. М. Трапш, «Раскопки древнего Себастополиса», Труды АбИЯЛИ, XXXIII, 1963, стр. 241, 243.

В 1952 — 1954 гг. на северной окраине Сухуми на вершине горы Гуадиху и на ее юго-восточном склоне (рис. 1) раскопками автора были обнаружены культурные остатки поселения раннеантичного времени.

В культурном слое найдено сравнительно много черепков чернолаковой посуды, обломков синопских и местных амфор (ручки, донышки, горлышки), черепки толстостенных пифосов колхидского типа с горизонтальным гребенчатым рифлением, обломки кувшинов с вертикальными каннелюрами, пирамидальный керамический отвес для ткацкого станка.

В слое наряду с перечисленными вещевыми находками обнаружены очень интересные предметы, состоящие из железного лемеха, железного серпа, двух сравнительно больших железных ножей. Вместе с ними находились две фрагментированные импортные амфоры. Одна из них с двустворчатыми ручками изготовлена из хорошо отмученной глины розовато-красного обжига. В тесте ее прослеживается мелкое включение слюды. Эта амфора по форме тулова, а также по составу глины, видимо, родосского происхождения (III—II вв. до н. э.). Другая амфора снаружи светло-серого цвета, а изнутри красная. Глина содержит значительный процент черного вулканического песка. Эта амфора, судя по составу глины, видимо, южно-понтийского малоазийского происхождения.

Весь материал из раннеантичного поселения Гуадиху укладывается в хронологические рамки конца V—II вв. до н. э.

В 1956 — 1959 гг. в пос. Красный Маяк, между стеклозаводом и р. Гумиста, археологическими раскопками автора на двух участках №№ 1 и 2, у берега моря (рис. 23) были обнаружены культурные слои раннеантичного времени.

Участок № 1 занимает площадь около 2 гектаров; он в настоящее время заселен. Здесь, под дерновым покровом, на глубине 15—20 см в слое светло-серого песка, обнаружены обломки чернолаковой посуды, толстостенных пифосов, фрагменты привозной синопской черепицы (табл. XXVIII — 9). Синопская черепица обычно имеет толщину 2,2 см, при высоте борта 4,7 см. Борт, постепенно сходящий на нет к верхнему обрезу черепицы, приобретает острый край, а внутренняя стенка его, теряя крутизну, принимает пологий скат.

Культурный слой, обнаруженный и исследованный на участке № 1, на основании фрагментов чернолаковой посуды можно датировать IV — III вв. до н. э.

Следующий участок № 2, находящийся северо-западнее предыдущего, занимает площадь около одного гектара. Здесь еще в 1935 г. экспедиция ГАИМКа производила разведочные

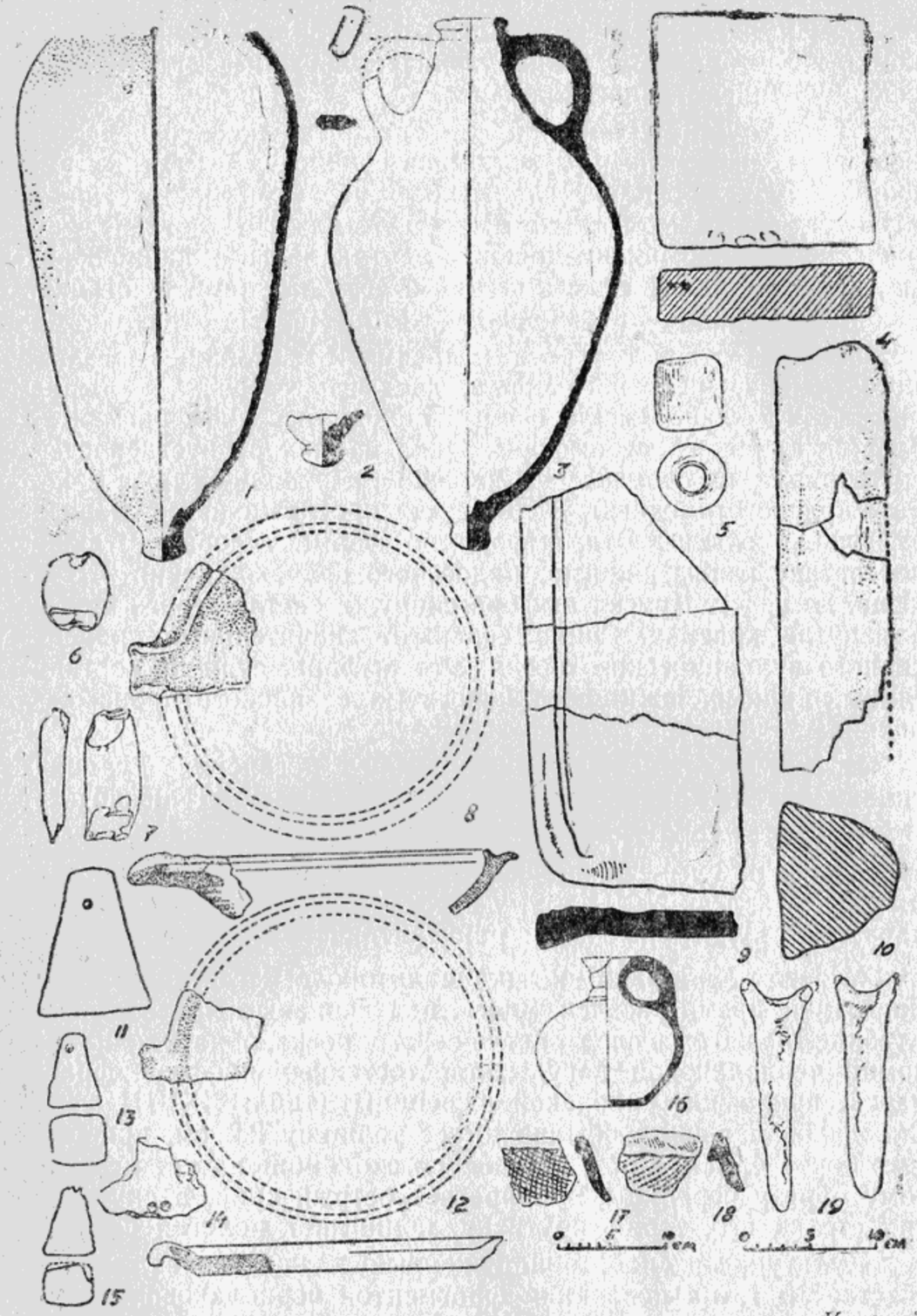

Таблица XXVIII. Вещевой инвентарь из поселения Красный Маяк. 1—5, 8—19—глина; 6, 7—камень.

археологические работы[54]. В обнажении верхней части берегового вала она обнаружила тогда небольшую вымостку из мелкой морской гальки, на которой стояли два глиняных сосуда. В 1947 г. в том же районе в 10 метрах от берега моря в песках берегового вала Л. Н. Соловьевым[55] были доисследованы остатки двух погребений, обнаруженных случайно при проведении канавы.

На территории участка № 2 в феврале 1955 г. при разработке песчаного карьера на глубине одного метра было найдено семь втульчатых наконечников копий (шесть железных и один бронзовый).

На выбранном для исследования участке № 2 в 1956 г. был заложен ряд раскопов, выявивших два разновременных культурных слоя. Верхний суглинистый слой, мощностью до 60—70 см, содержал культурные остатки раннеантичного времени. В нижнем слое на глубине 100 — 175 см от дневной поверхности обнаружены погребения эпохи поздней бронзы и раннего железа (см. выше, Красномаяцкий могильник).

В раннеантичном слое, вскрытом в раскопе 1 (рис. 23), обнаружены остатки разрушенной гончарной печи, занимавшей площадь 4 х 5 м. Печь, очевидно, была сложена из гранитных валунов и известняковых камней на глиняном огнеупорном растворе. Кладка печи и ее окружение несут следы сильной прокаленности, о чем свидетельствует кирпично-красный цвет остатков. Культурный слой здесь содержал многочисленные обломки пифосов, амфор, горшков, грузил пирамидальной формы, черепицы, кирпичей квадратной формы (табл. XXVIII — 4). Здесь же была сосредоточена глиняная обмазка печи и многочисленные комки теста, ошлакированные куски различных керамических изделий и т. д.

Рядом с площадью гончарной печи в разрезе северо-западной стенки раскопа прослежены контуры трех глубоких ямок конической формы для столбов, вероятно, перекрытия или навеса печи.

Культурный слой раннеантичного времени, мощностью 50—60 см, представлен и в остальных исследованных раскопах на участке № 2. Он дал многочисленные обломки амфор, чернолаковой посуды, черепки пифосов, горшков, мисок, фрагменты обжигательных подставок гончарной печи, обломки черепиц, керамические пирамидальные отвесы для ткацких станков и т. п.

---

54 А. А. Иессен, «Сухумская экспедиция ГАИМКа», СА, III, 1937, стр. 251—252.

55 Л. Н. Соловьев, «Селище с текстильной керамикой...», СА, XIV, 1950, стр. 281—283.

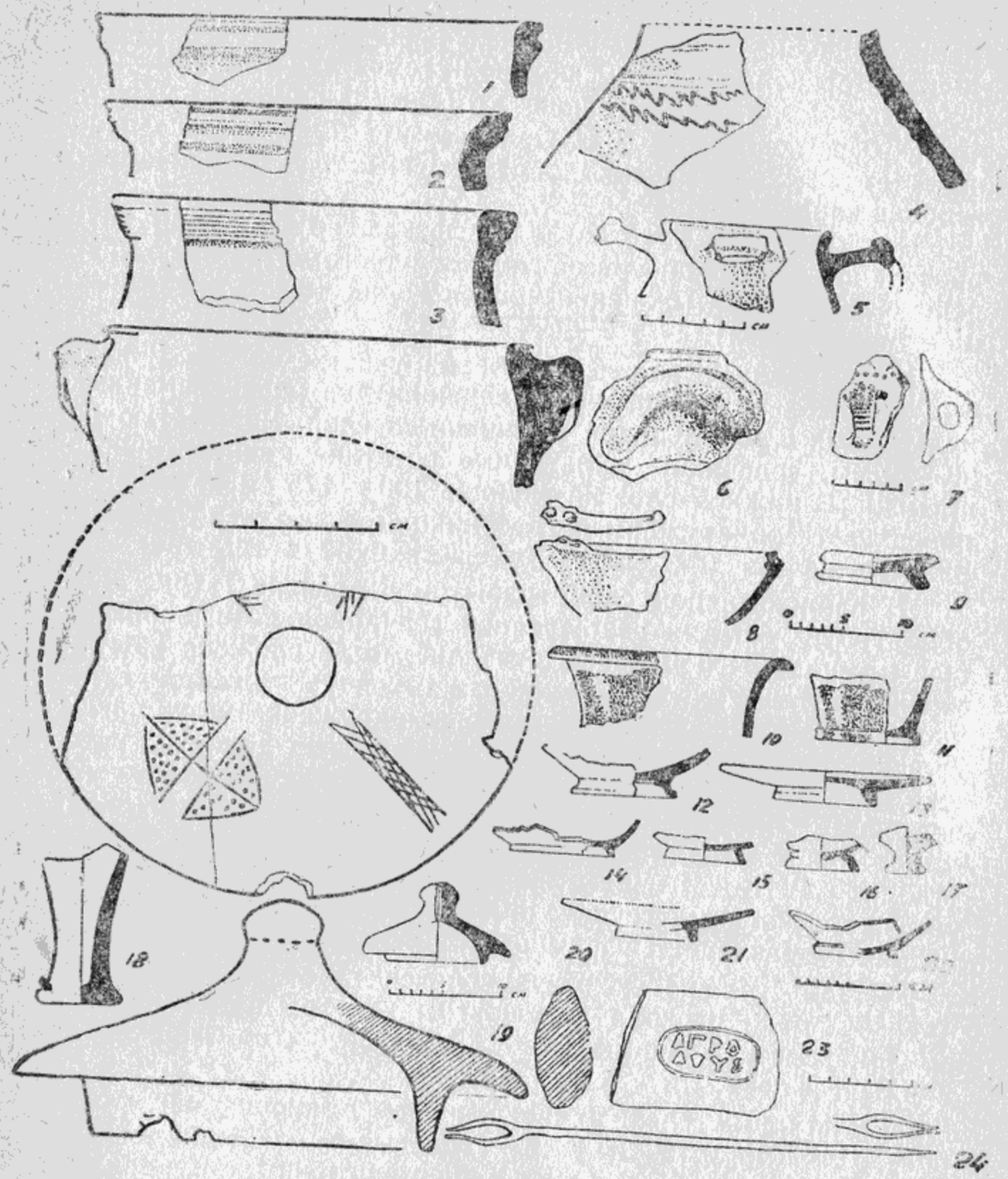

Таблица XXIX. Вещевой инвентарь из поселения Красный Маяк. 1—23 — глина; 24 — железо.

Часть керамических изделий (амфоры и черепица) синопского происхождения. В раскопе VI обнаружен обломок краснолакового сосуда с кольцевым поддоном (табл. XXIX — 20, 21).

Весь выявленный в слое античного поселения археологический материал на территории участка № 2 в пос. Красный Маяк на основании обломков чернолаковой посуды и синопских амфор можно вместить в хронологические рамки V — III вв. до н. э.

Культурный слой раннеантичного времени был выявлен раскопками автора в 1954—1955 г. на территории замка Баграта непосредственно под слоем средневекового времени. В античном слое найдены обломки чернолаковой посуды, амфор, фрагменты черепицы синопского происхождения и бронзовые псалии скифского типа.

Культурные остатки раннеантичной эпохи были обнаружены случайно около устья р. Басла на левом ее берегу во время земляных работ по строительству жилых корпусов санатория МО. В слое найдены: одна целая красноглиняная амфора фасосского типа, но местного производства (табл. XXX — 1), обломки импортных амфор фасосского происхождения (табл. XXX — 2), фрагменты чернолакового сосуда на кольцевом поддоне (табл. XXX—7).

Очевидно, с культурой Диоскурии связано также крупное керамическое производство, открытое А. И. Тереножкиным и В. А. Ильинской в 1964 г. в 15 км к западу от Сухуми у самого берега моря, на границе между с. Н. Эшера и Новым Афоном. Здесь обнаружено большое количество обломков амфор эллинистического времени с клеймом города Диоскурии.

Но, пожалуй, наиболее замечательной находкой раннеантичного времени, связанной с древней Диоскурией, является мраморная надгробная стела — выдающийся памятник древнегреческого искусства[56].

Эта стела с великолепным барельефным рисунком (рис. 42) была найдена в начале августа 1953 г. в Сухумской бухте, на глубине 2 метров, по левую сторону устья р. Басла, примерно в 7 метрах от лодочного причала, против санатория № 22. Барельеф в момент обнаружения лежал изображениями вниз, чем и объясняется хорошая сохранность данного памятника[57].

В районе, где был найден барельеф, приблизительно в 70 — 100 м от берега моря, находятся развалины древнего

---

[56] М. М. Трапш, «Мраморный барельеф из Сухуми», ВДИ, № 1, 1954, стр. 163—165.

[57] В настоящее время он хранится в Абхазском Гос. музее.

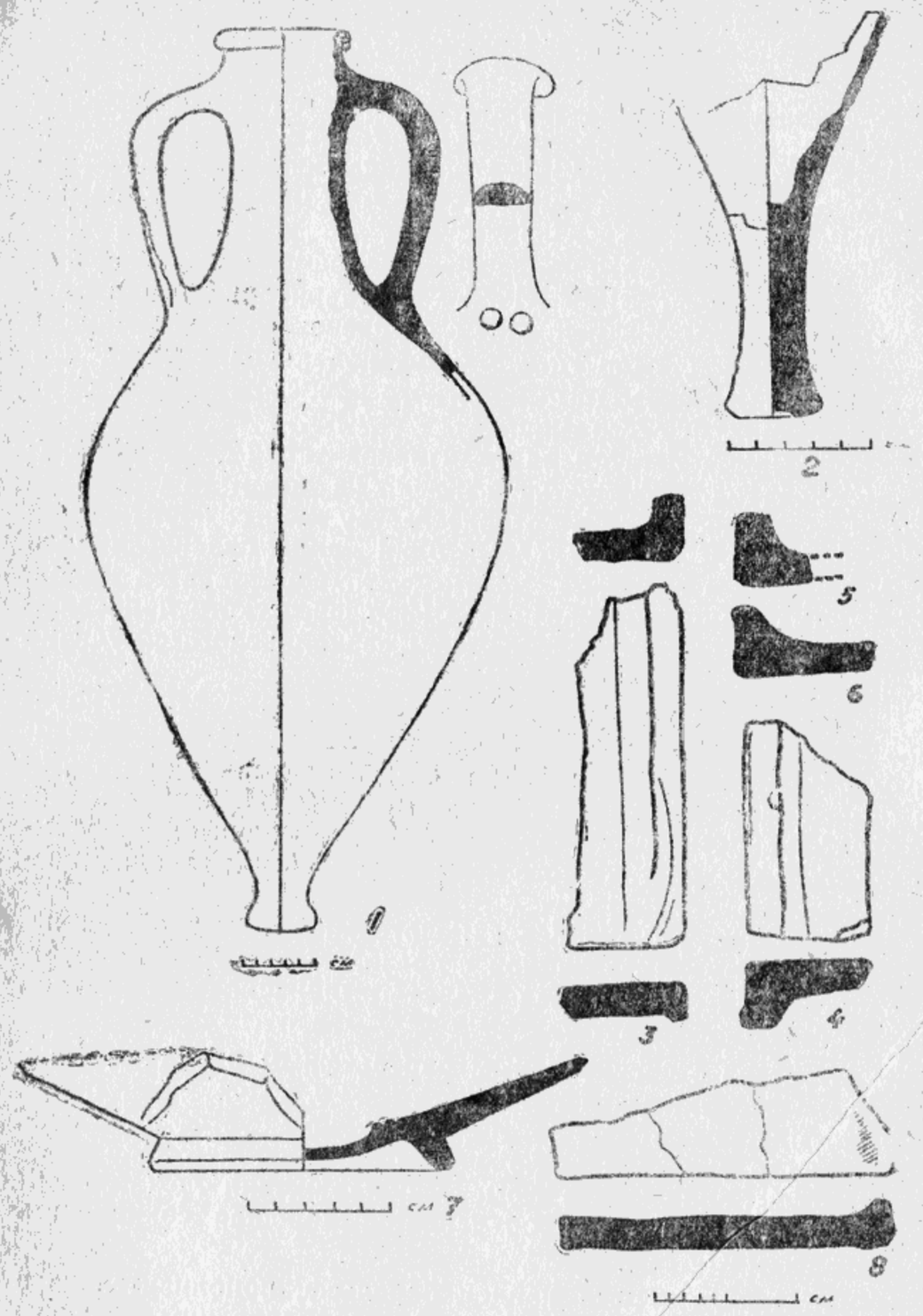

Таблица XXX. Раннеантичная керамика из различных мест г. Сухуми, 1, 2, 7—санаторий «Сухуми»; 5, 8—Синопа, 3, 4, 6.—ул. Калинина.

крепостного сооружения. По данным М. М. Иващенко[58], море здесь во время сильных штормов выбрасывало на берег фрагменты чернолаковой посуды и другие предметы.

Рассматриваемая мраморная плита имеет прямоугольную форму; у нее не достает нижнего левого угла, облом старый. Размеры плиты: длина 157 см, ширина 92 см, толщина 11—12 см. В плите, перпендикулярно плоскости верхней грани, проделано шесть круглых отверстий, расположенных друг от друга на расстоянии от 11,5 до 16,5 см. Они служили, несомненно, для укрепления на штырях фронтона, завершавшего надгробную плиту. Мрамор, из которого сделан памятник, серовато-пятнистого цвета. Подобный мрамор не встречается в Абхазии и, несомненно, привезен извне.

На лицевой стороне мраморной плиты изображены три изящно изваянные человеческие фигуры (рис. 45). Сидящая в кресле нарядно одетая молодая женщина обнимает правой рукой прислонившегося к ее коленям обнаженного мальчика, на которого она смотрит с глубокой печалью, как бы прощаясь с ним навсегда. Мальчик тоже с умоляющим выражением смотрит на нее и держит ее за бессильно опущенную левую руку. Перед ними стоит девушка, которая тоже грустно смотрит на сидящую в кресле молодую женщину. В левой приподнятой кверху руке девушка держит квадратный предмет, по-видимому, шкатулку с драгоценностями. С кресла свисает часть шкуры какого-то животного. Такова композиция этого замечательного памятника, отражающего сцену большого горя.

Памятник этот по изображенным фигурам, живописной трактовке форм и изяществу драпировки одежд, изумительной обработке мрамора является замечательным произведением античного искусства, в котором художник выявил свое высокое мастерство. Он не имеет аналогии среди известных мраморных барельефов из античных городов Северного Причерноморья. Этот памятник интересен и тем, что он относится к раннему времени, когда искусство в древней Греции стояло на высоком уровне развития. Такая композиция встречается в надгробных памятниках античного искусства второй половины V в. до н. э.[59]

О. Д. Лордкипанидзе, подробно изучивший этот памятник, датирует его 430 — 420 гг. до н. э.[60]

---

58 М. М. Иващенко, «К вопросу о местонахождении Диоскурии», Изв. АбНО, вып. IV, Сухум, 1926, стр. 101.

59 В. Метакса, Идеализация земной жизни на древнегреческих надгробных барельефах, С.-Пб, 1901, стр. 6—21.

60 О. Д. Лордкипанидзе, «Аттический барельеф, обнаруженный в Сухуми», Журнал «Сабчота Хеловнеба», № 4, Тбилиси, 1965 на груз. яз. стр. 69—70; Он же, Античный мир и древняя Колхида, Тбилиси, 1966, стр. 166—168.

Находка описанного мраморного барельефа не случайна. Видимо, в районе местонахождения мраморной надгробной стелы находился некрополь города Диоскурии.

3. Экономическое положение Диоскурии в конце V—I вв. до н. э.

Диоскурия как греческая колония существовала примерно более 500 лет, с конца VI в. до н. э. и до конца I в. до н. э. История ее по материалам археологических раскопок делится на классический и эллинистический периоды.

Классический период существования Диоскурии—VI—конец IV в. до н. э. Этот период, как показывают археологические данные, является временем постепенного превращения грекo-местного поселения в значительный греческий город. В эллинистический же период, падающий на III — I вв. до н. э., Диоскурия является уже крупным городом с рабовладельческим укладом хозяйства. Какую площадь занимала Диоскурия в классический и эллинистический периоды мы, к сожалению, не знаем, ибо археологические остатки города, как отмечалось выше, в основном находятся на дне Сухумской бухты.

Главными занятиями населения Диоскурии в классический период ее существования являлись торговля, сельское хозяйство и ремесленное производство.

В этот период взаимоотношения греков и местного населения в большинстве случаев были мирными. Пришельцы-греки были еще не настолько сильны, чтобы предпринять завоевание территории и подчинение себе местного населения. Руководящая верхушка местных племен, с которыми греки вступали в торговые связи, со своей стороны была заинтересована в развитии торговли с греками, в получении от них предметов более высокой культуры. Племенные вожди и родовые старейшины обладали, очевидно, значительными богатствами, которые они могли «обменять на предметы роскоши — изделия греческой художественной промышленности»[61].

Как показывают рассмотренные выше археологические материалы, рост города становится интенсивным уже в первой половине V в. до н. э. В это время осваивается обширная территория, прилегающая к Диоскурии, о чем свидетельствуют остатки раннеантичных поселений к северо-западу (Гумистинский мыс, Эшерское городище, раннеантичное поселение на участке Одынец, в пос. Лечкоп и др.) и к юго-востоку (пр. берег Келасури, Алексеевское ущелье, холм Багpата и др. — см. рис. 1) от предполагаемого места Диоскурии. Вскоре эти поселки превращаются в экономически взаимосвязанные пригороды Диоскурии, а сама Диоскурия становится одним из крупнейших на Кавказе политических и экономических центров.

Временем экономического расцвета Диоскурии является V — IV вв. до н. э. В этот период на принадлежавших Диоскурии городищах и поселениях интенсивно развивается сельское хозяйство: земледелие, виноградарство, скотоводство.

Рис. 42. Мраморный барельеф из Сухумской бухты.

На развитие земледелия в районе древней Диоскурии указывают обнаруженные здесь при раскопках остатков поселения археологические находки — орудия труда и прочий инвентарь.

---

61 Г. Д. Белов, Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 55.

Земледелие развивалось, главным образом, на склонах гор, в плодородных долинах и низменностях. Оно занимало ведущее место в прибрежной полосе. Сеяли, по-видимому, пшеницу, ячмень и особенно просо.

На несомненное развитие виноградарства указывают виноградные косточки, по определению М. Рамишвили, принадлежавшие местному сорту «качич». Эти остатки были обнаружены в культурном слое раннеантичного поселения V — IV вв. до н. э. в районе Сухумской крепости.

Представление о технике сельского хозяйства в Диоскурии дают сохранившиеся орудия труда. Землю обрабатывали мотыгами и плугом, снабженным железным сошником или лемехом. Такой сошник был найден в 1954 г. на горе Гуадиху. Он сделан из толстого железа и состоит из нижней плоской рабочей части конической формы с заостренным краем и верхней, имеющей открытую разрезную втулку, которая надевалась на деревянный стержень примитивного плуга или сохи. Среди находок в Западном Закавказье, относящихся к эпохе раннего железа, плужных лемехов или сошников неизвестно; это, по-видимому, первая находка. Одновременно с плужным лемехом бытовали железные ручные мотыги, серпы, железные цалды, изогнутые в виде дуги железные ножи.

Мотыжки в двух экземплярах были найдены в 1954 г. при раскопке поселения II в. до н. э. на горе Гуадиху. Одна из них сильно деформирована. Длина целой мотыжки 38 см, ширина 23 см. Они аналогичны бронзовым колхидским мотыжкам эпохи поздней бронзы. Таким образом, мотыжка, более древнее орудие, чем плуг, не утратила своего значения и с введением плужного земледелия. Ими, очевидно, разрыхляли крупные комья после пропашки плугом и заваливали семена при посеве. Иногда и в античную эпоху мотыга заменяла плуг, особенно при обработке полей, расположенных в горных местностях. Мотыга широко применялась также и при обработке виноградников[62].

Серпы употреблялись для уборки урожая. В качестве серпов, очевидно, использовались и железные ножи дуговидной формы, обнаруженные вместе со слабоизогнутыми серпами при раскопках могильников на горе Гуадиху и пос. Красный маяк в погребениях V в. до н. э.

Цалды с крючковидным концом являются дальнейшим развитием подобных орудий колхидско-кобанского времени. Они найдены на Сухумской горе и на горе Гуадиху при раскопке поселения III—II вв. до н. э.[63] Принадлежат они к двум типам: а) цалды с круглым обухом, оканчивающимся четырехугольным молоточком (длина 19 см, ширина лезвия 4 см); б) цалда с широко раскрытой втулкой для колодки на топорище, крупного размера (длина 32,5 см, ширина лезвия 5 см, диаметр втулки 4 см); крючковидный конец (или клюв) отходит от корпуса в сторону на 13 см. Такие орудия широко употреблялись в Колхиде для корчевания сорняков, с которыми приходилось бороться земледельцу. Они с успехом могли применяться и для резания стеблей виноградной лозы, проводившейся ранней весной или в конце зимы. Железные цалды, несколько видоизмененные, и сейчас находят широкое применение в сельском хозяйстве Абхазии[64].

И, наконец, к сельскохозяйственным орудиям относятся уже вышеупомянутые дугообразно изогнутые так называемые садовые ножи, применявшиеся для обрезывания фруктовых деревьев.

Такие орудия найдены при раскопках могильников на Сухумской горе, на горе Гуадиху в 1952—1959 гг., в погребениях IV—III вв. до н. э.

Таковы известные нам материалы по сельскохозяйственным орудиям, применявшимся в Диоскурии. Они, в сущности, не отличались от почти аналогичных инструментов, употреблявшихся местным населением еще до греческой колонизации Колхиды. Такие орудия традиционно сохранялись у абхазцев почти до современности.

Значительное место в хозяйственной жизни населения Диоскурии и всей Абхазии продолжало занимать скотоводство. В горной полосе оно по-прежнему играло ведущую роль и имело в целом, как в предыдущую эпоху, яйлажный характер, с сезонными перекочевками скота с побережья в горы и обратно. В долинах оно успешно сосуществовало с земледелием. По костным очень незначительным остаткам, найденным при раскопках в культурном слое в районе Сухумской крепости, можно установить, что основными видами домашних животных в классический и эллинистический периоды в Диоскурии были крупный и мелкий рогатый скот — корова, бык, овца, коза, а также свинья. Из домашних птиц встречались кости кур, гусей и уток. Широкое распространение имела лошадь, которой пользовались как для перевозки тяжести, так и для верховой езды.

Помимо земледелия и скотоводства, население Диоскурии занималось и охотой. Так, в районе Сухумской крепости

---

62 В. Д. Блаватский, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953, стр. 109.

63 А. Н. Каландадзе, Археологические памятники Сухумской горы, Сухуми, 1954, стр. 83, табл. X, 7—10.

64 Ш. Д. Инал-ипа, Абхазы, Сухуми, 1965, стр. 234 и сл.

при раскопках в культурном слое V — I вв. до н. э. найдены кости диких животных (оленя, косули, кабана) в небольшом, впрочем, количестве, что свидетельствует о подсобном значении охоты в хозяйстве населения Диоскурии.

В хозяйственной жизни Диоскурии немаловажное место занимало, по-видимому, и рыболовство. При раскопках местных поселений встречались рыбьи кости (камбалы) и чешуя. Ловили рыбу обычно сетями, до нас дошло множество грузил — керамических, пирамидальных и каменных (табл. XXVIII, 6, 7).

О значении рыбного промысла свидетельствуют и изображения дельфинов, рыб на плоских дужках серебряных фибул, найденных в некрополе на горе Гуадиху. Изображение рыб встречается и на бронзовых колхидских топорах, встреченных на побережье Абхазии. Рыбный промысел не ограничивался ловлей рыбы. Ловили также устриц, крабов и т. д. С рыбным промыслом тесно было связано солеварение, т. е. добыча соли путем выпаривания ее из морской воды. Этот промысел в I тыс. до н. э. бытовал в Диоскурии и в других пунктах на побережье Абхазии. Об этом свидетельствуют четырехугольные сосуды с тканевыми отпечатками и огнеупорные глиняные рогатки, обнаруженные в пос. Красный Маяк в культурном слое VI — V вв. до н. э. В начале IV в. до н. э. в Абхазию, в частности, в Диоскурию, стали завозить таврическую соль (из Крыма), и с этого времени солеварные промысловые поселения на побережье стали быстро исчезать.

Но Диоскурия и окружавшие ее поселения были и местом сосредоточения ремесленных производств — металлообработки, гончарного ремесла, ткачества и т. п. Местные мастера-гончары изготовляли высококачественные керамические изделия. Об этом свидетельствуют обнаруженные в различных пунктах Сухуми (Сухумская гора, гора Гуадиху, пос. Красный Маяк и т. д.) значительные керамические собрания, относящиеся к античному времени. В культурных слоях поселений и погребениях VI — II вв. до н. э. встречено значительное количество посуды, разнообразной по форме и высокой по качеству изготовления (пифосы, амфоры, кувшины, различные горшки, миски, кружки, чернолаковые канфары, котилы, амфориски и т. д.), отвечающей всем потребностям хозяйства и дома. Найдены также многочисленные обломки кровельной черепицы, отвесы для ткацких станков. Причем основная их масса, за исключением импортной чернолаковой посуды и синопской черепицы, является продукцией местного гончарного производства. Об этом, кроме характерных местных форм и особенностей глиняного теста, свидетельствуют таже исследованные остатки гончарных мастерских. Такая мастерская вместе с развалинами большой гончарной печи и массовым скоплением керамического брака была обнаружена, как мы отмечали выше, в Красномаяцком раннеантичном поселении.

В 1964 г. в с. Эшера, в 15 км от центра Сухуми, на морском береговом валу были обнаружены остатки еще одной гончарной печи. О форме этой печи судить не приходится, так как она почти целиком была размыта морем. В ее завале найдено большое количество обломков амфор (горловины, донышки, ручки с клеймами «Диоской»), тарелок, мисок, блюд, пифосов, кувшинов, горшков, черепиц и т. д. Печь датируется III в. до н. э.

В названных пунктах, где открыты гончарные печи, имеются залежи хорошей пластичной глины и водяные ресурсы для раствора глины.

Таким образом, в античное время Диоскурия имела ряд центров керамического производства. Как видно, в специальных гончарных мастерских производили не только амфоры, но и пифосы, кувшины, простую кухонную посуду, массивные блюда и миски, а также кровельную черепицу и кирпич.

Следует отметить, что керамика местного производства этой эпохи имела одну характерную особенность, «заключавшуюся в том, что она не знает резких смен керамических типов и дает пример последовательного местного развития, принимающего извне лишь отдельные детали и технические приемы. Даже воздействие античной колонизации не нарушило этой внутренней закономерности развития»[66].

В эллинистическое время в этих керамических мастерских, очевидно, начали изготовлять и местную чернолаковую посуду, а также черепицу, как и в античных городах Северного Причерноморья[67]. Изготовление черепицы, очевидно, диктовалось развитием градостроительства. Для строительства кирпичных и деревянных домов и зданий требовалось все больше черепицы, что уже не могло удовлетворяться за счет ввоза из Синопа.

К сожалению, мы не знаем о характере монументальных построек Диоскурии так же, как ничего не можем сказать и о ее планировке и т. п., ибо остатки города покоятся на заиленном дне Сухумской бухты. Можно полагать, что в городе были крупные каменные здания. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что даже за пределами города строились монументальные здания.

---

[65] Л. Н. Соловьев, «Селища с текстильной керамикой...», стр. 284.

[66] Л. Н. Соловьев, Указ. соч., стр. 272.

[67] Г. Д. Белов, Указ. соч., стр. 59.

Так, на Эшерском городище обнаружены остатки каменного здания эллинистического времени (капители, большие хорошо отесанные блоки и т. д.). В качестве связывающего раствора употреблялась здесь глина, особенно для внутренней забутовки стен. Наружные облицовочные ряды стен обычно клались насухо. В качестве строительного материала употреблялся известняк из Нового Афона. На территории этого городища найдено огромное количество кровельной черепицы, свидетельствующей о наличии здесь жилых зданий.

В Диоскурии и ее окрестностях хорошо было развито металлообрабатывающее ремесло. В Абхазии, как и во всем Закавказье в целом, особенно рано появилось и получило очень широкое распространение железо. В частности, раскопки в районе современного Сухуми и в других пунктах Абхазии показали, что уже в IX—VIII вв. до н. э. древние жители этого края для изготовления орудий и оружия употребляли железо. В памятниках V—IV вв. до н. э., например, в некрополях на Сухумской горе, на горе Гуадиху и в Красномаяцком совершенно отсутствует бронзовое оружие. Этот факт говорит об окончательном переходе к середине I тыс. до н. э. от бронзы к железу.

Местные мастера-металлурги в соответствии с потребностью населения изготовляли основную массу железного и бронзового трудового и боевого инвентаря, а также различные украшения. Из видов оружия изготовлялись железные топоры типа секиры-молотка с чрезвычайно широкими лопастями, топоры-молотки с полукруглым лезвием, короткие мечи, втульчатые наконечники копий с листовидным пером и т. п. (см. табл. XXXIII).

Как отмечалось выше, в это время основные сельскохозяйственные орудия уже изготовляются из железа. Из железа изготовлены и найденные при раскопках античных поселений гвозди, некоторый ремесленный инструментарий (топоры, клещи и т. п.).

На сравнительно высокий уровень развития металлообрабатывающего производства и связанного с ним ювелирного дела указывают также многочисленные предметы украшений тела и одежды — браслеты, перстни, булавки, шейные гривны, фигурки животных, фибулы, серьги, нашивные бляхи и др. Найденные в значительном числе при раскопках Сухумских некрополей, они отличаются высокими художественными качествами.

Высокого уровня развития для того времени достигло и ткацкое ремесло. На это конкретно указывают такие предметы, как, например, пирамидальные отвесы для ткацких станков (табл. XXVII, 11, 13), пряслица, куски шерстяных и

льняных тканей (рис. 34) и др., найденные при раскопках могильников и поселений в районе Сухуми и других пунктах на побережье Абхазии. Из изготовленных тканей шились различные одежды, скреплявшиеся бронзовыми булавками и застежками. Льняное полотно производилось не только для внутренних потребностей страны, но и для внешнего рынка.

Это подтверждается сообщением Геродота о том, что «они (колхи — М. Т.) и египтяне одни обрабатывают лен и притом одинаковым способом... Колхидское полотно у эллинов носит название сардонического»[68].

Страбон также сообщает, что жители Колхиды «выделывают много льняного полотна... Льняные ткани местного производства пользуются даже широкой известностью. Действительно, они (жители Колхиды — М. Т.) вывозили льняные ткани в чужие страны...»[69].

Следует отметить, что как в сельском хозяйстве, так и в различных производственных мастерских, в классический и эллинистический периоды в Греции главной рабочей силой были рабы. По аналогии с Грецией можно предполагать, что в Диоскурии и в других греко-местных поселениях на побережье Абхазии, рабы, вероятно, были значительной рабочей силой. Кроме общих соображений, мы располагаем и конкретными данными по этому вопросу. Если известно, что в Греции рабы привозились из Малой Азии, Сирии, Ливии, северного побережья Черного моря и др., то Диоскурия, находившаяся в непосредственном соседстве с источником рабочей силы, могла черпать ее в любом количестве в местной среде.

Развитие сельского хозяйства и различных ремесел привело к разделению труда, специализации в области производства, к появлению избыточных продуктов. Все это способствовало развитию внутренней и внешней торговли. Внутренняя торговля выражалась в обмене между населением горных районов, с одной стороны, и прибрежной полосы — с другой. Горные жители поставляли в Диоскурию и другие торгово-ремесленные пункты на побережье Абхазии продукты своего хозяйства (предметы скотоводства и охоты, мед, воск и др.) и обменивали их на нужные им товары — ремесленные изделия, соль и др.

В V—IV вв. до н. э. особенно широкий размах получает внешняя торговля, рост и развитие которой были тесно связаны с дальнейшей греческой колонизацией Колхидского побережья.

---

68 Д. И. Гулиа, Указ. соч., Приложение 2, стр. 244.
69 Страбон, География, Л., 1964, стр. 473.

Из Диоскурии и из торгового порта колхов Фазиса в метрополию и другие греческие колонии Средиземного и Черного морей вывозились карабельный лес, самшит, лен, льняные ткани, пенька, мед, воск, смола, скот, кожа, меха, рабы. Страбон сообщает: «Страна (Колхида — М. Т.) замечательна не только своими плодами (за исключением меда, который большей частью горчит), но и всем необходимым для кораблестроения. Они производят много леса и сплавляют его по рекам. Жители выделывают много льняного полотна, пеньки, добывают воск и смолу»[70]. Взамен этих товаров местное население получало от греков посуду, предметы роскоши, оливковое масло, вино, сало и др. Часть из этих вещей сохранилась до наших дней.

Археологические раскопки античного времени поселений и могильников в районе современного Сухуми обнаружили большое количество греческой керамики, и прежде всего амфор из-под вина, чернолаковой посуды и т. д. Этот материал конкретно указывает на торгово-экономические связи Диоскурии с внешним античным миром.

Торговля имела большое значение в хозяйственной жизни Диоскурии. Развитие торговых отношений с местным населением и внешними странами обусловило превращение Диоскурии в важный центр посреднической деятельности; проживавшее вокруг него население поддерживало экономические связи не только между собой, но и с внешним рынком. Многочисленные вещественные материалы позволяют установить и проследить во времени развитие торговых связей Диоскурии.

Во VI в. до н. э. завязываются торговые сношения с Ионией и Афинами. Из ионийских городов происходит так называемая ионийская посуда, найденная при раскопках в районе пос. Красный Маяк. К ионийской художественной школе, образовавшейся под сильным влиянием аттического искусства, относится знаменитый Сухумский мраморный барельеф. Из Афин в Диоскурию привозилась в большом количестве чернолаковая посуда. Наибольшее развитие торговли Диоскурии с прибрежными городами Черного и Средиземного морей относится к V — III вв. до н. э.

С IV в. до н. э. устанавливаются прочные связи Диоскурии с городами Малой Азии: Синопой, Гераклеей и др. Из Синопы в Диоскурию привозилось оливковое масло и черепица. В большом количестве находятся в Диоскурии амфорные ручки и обломки черепиц из Синопы, а также гераклейские амфоры.

70 Страбон, Указ. соч., 473.

В III — II вв. до н. э. существовала оживленная торговля с островной Грецией. Многочисленные амфорные ручки, происходящие с островов Родоса, Фасоса, из Книда, Пароса и других, говорят нам о вывозе из этих мест в Диоскурию вина и масла.

В IV — III вв. до н. э. Диоскурия играла на побережье Кавказа значительную экономическую и политическую роль. Об этом свидетельствует и то, что в IV — III вв. до н. э. Диоскурия снабжает керамической тарой — амфорами значительную часть Кавказского Причерноморья, а со II в. до н. э. начинает чеканить свою монету. По сообщению историка III в. до н. э. Тимофея Родосского известно, что в это время «в Диоскурии сходились (с торговой целью) триста племен, говорившие на разных языках»[71].

По словам Страбона, «...Диоскуриада является... общим торговым центром для живущих выше и соседних народностей. Во всяком случае, в этот город собирается 70 народностей (согласно другим, которые вовсе не заботятся о действительности, даже 300). Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто... сходятся в Диоскуриаду... главным образом за солью»[72].

Но в Диоскурии сходились не только пути местных племен и народов, здесь бывали купцы и торговцы из разных мест античного мира. Об этом свидетельствуют находки на территории Сухуми монет, чеканенных в различных городах.

Так, в 1936 г. в предместье Сухуми, в местечке Лечкоп, за зданием мебельной фабрики, на поверхности земли была найдена тетрадрахма Митридата Евпатора понтийской эры (74 г. до н. э.)[73]. В 1945 г. в окрестностях Сухуми была найдена тетрадрахма Митридата Евпатора[74]. В 1956 г. в Сухуми при раскопках на бывшей Ольгинской улице найдена бронзовая монета Амиса[75].

К категории тех же городских монет, указывающих на торгово-экономические связи Диоскурии с Северным Причерноморьем, выпускавшихся, по-видимому, по прямому приказу Митридата, относятся медные монеты Диоскуриады.

Эти монеты, представляющие собой типичную городскую чеканку, имеют весьма разнообразные весовые показатели

71 Д. И. Гулиа, Указ. соч., Приложение 2, стр. 255.
72 Страбон, География, стр. 472, 479.
73 А. Н. Зограф, «Распространение находок античных монет на Кавказе», Труды отдела нумизматики ГосЭрмитажа, 1, Л., 1945, стр. 146.
74 Д. Г. Капанадзе, «К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным», «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1949, стр. 145—146.
75 А. Н. Зограф, Указ. соч., № 194.

(например — 1,37; 1,25; 1,71; 2,95 и 4,28 грамм по экземплярам Государственного музея Грузии); различный размер указывает на наличие разных номиналов, чеканившихся по общему типу. На лицевой стороне монет — две шапки диоскуров с шести — или восьмилучевыми звездами над ними. Оборотная сторона монет с жезлом, по сторонам которого греческая надпись в три строки (ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΑΔΟΣ). Возникновение чеканки этой не очень редкой монеты относится ко времени Митридата VI Понтийского[76].

Вызывает интерес то обстоятельство, что из зарегистрированных Е. А. Пахомовым 12 случаев находок этих монет на территории юго-восточного Причерноморья приходится только один[77], тогда как на Северное Причерноморье — целых десять. Можно привести сведения об этих монетах из работ Е. А. Пахомова[78].

1. В 1890 г. на городище Херсонеса . . . . . — 1медн. монета Диоскуриады (V, № 1508).
2. В 1899 г. там же . — 1 медн. монета Диоскуриады (III, № 972).
3. В 1903 г. там же . — 5 медн. монет Диоскуриады (III, № 976).
4. В 1904 г. там же на разных участках . . — 5 медн. монет Диоскуриады (III, № 978 — 980).
5. В 1907 г. там же . — 1 медн. монета Диоскуриады (III, № 983).
6. В 1932 г. там же . . — 1 медн. монета Диоскуриады (V, № 1509).
7. В 1934 г. при раскопках Тиритаки на 2-х различных участках — 2 медн. монеты Диоскуриады (V, № 1513).
8. В 1934 г. при раскопках Мирмекия . . . — 1 медн. монета Диоскуриады (V, № 1514).
9. В 1936 г. при раскопках Херсонеса . . . — 1 медн. монета Диоскуриады (IV, № 1300).
10. В 1936 г. при раскопках на северном берегу Гераклейского полуострова . . . . . — 1 медн. монета Диоскуриады (V, № 1510).

Преобладание находок диоскурийских монет в Крыму, далеко от места их выпуска, объясняется результатами многолетних планомерных раскопок археологов на территории Северного Причерноморья, тогда как исследование Восточного Причерноморья, начато только в последние годы. Причем город Диоскурия, где выпускались эти монеты, в основном находится на дне Сухумской бухты.

Таким образом, «...в эллинистическую эпоху не только усиливаются существовавшие ранее торговые связи Колхиды с Северным Причерноморьем и Ближним Востоком, но и устанавливаются новые экономические связи с рядом малоазийских и восточносредиземноморских центров — Пергамом, Мегарой и особенно Родосом»[79].

Совершенно очевидна прогрессивная роль античных городов Восточного Причерноморья, выразившаяся в развитии их производства, земледелия, ремесла, культуры и искусства. Заметное своеобразие античной культуры Восточного Причерноморья в значительной мере было вызвано ролью местного населения.

Глава IV

КУЛЬТУРА МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ В РАННЕАНТИЧНОЕ ВРЕМЯ

Возникновение Диоскурии способствовало активному проникновению античной культуры в среду местного населения, сохранявшего, несмотря на это, свою культурную, а следовательно и этническую специфику.

Особенно ярко эти процессы восстанавливаются по материалам погребений V — II вв. до н. э., изученных на могильниках Гуадиху и Красный Маяк. Следует сразу же подчеркнуть, что в обоих некрополях погребения античного времени расположены на той же территории и в тех же группах, что и более ранние погребения VIII — VI вв. до н. э., т. е. до античного времени. Поэтому нет сомнения в том, что население античного времени генетически было связано с предшествующим населением.

---

[76] Д. Г. Капанадзе, Указ. соч., 40—41, табл. 1, 19, 19а.

[77] Е. А. Пахомов, Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. 1, Баку, 1940, № 308 и вып. IV, № 1308.

[78] Там же, вып. III, IV и V (Баку, 1949). Рядом с сообщением в скобках указаны номера выпусков и сообщения.

[79] М. П. Инадзе, «К вопросу о торговле в древней Колхиде», Кавказско-Ближневосточный сборник, т. II, 1962 (на груз. яз.), Тбилиси, стр. 110—114.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБЕНИЙ И ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА МЛАДШЕЙ ГРУППЫ МОГИЛЬНИКА ГУАДИХУ.

Как уже отмечалось выше, некрополь Гуадиху, расположенный на северном холме Сухумской горы, содержал две хронологические группы погребений — старшую (32 могилы), относящуюся к VII — VI вв. до н. э. (см. 1 главу), и младшую (59 могил), датированную V—III вв. до н. э.

В настоящей главе рассматривается вторая, или младшая группа погребений из некрополя Гуадиху, исследованная раскопками автора в 1954 гг.

Погребение 1. Вскрыто на северном склоне Гуадиху. Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (200 х 80 см), вытянутой с востока на запад. От костяка, выявленного на глубине 50 см, сохранились почти истлевшие обугленные кости левой руки, лежавшие в вытянутом положении вдоль северной стенки ямы. У северо-западного угла ямы находились следующие предметы;

Кувшин глиняный, серо-красного обжига, с низким выпуклым туловым, с дугообразной ручкой овального сечения, плоским дном (табл. XXXI, 2) ; горловина сосуда отходит воронкообразным раструбом от тулова, опоясанного гребенчатым рифлением. Высота сосуда 24 см, диаметр тулова 19 см, диаметр горловины 9,5 см, диаметр дна 12 см.

Кувшинчик красноглиняный, лепной со сферической формы туловом, с узеньким горлом, чашечкообразным венчиком, дугообразной ручкой круглого сечения, плоским дном (табл. XXXII, 15); ручка одним концом прикреплена к краю венчика, а другим—к предплечью тулова. Кувшинчик изготовлен из хорошо отмученной местной тонкой глины без примеси песка и слюды. Высота его 10 см, диаметр тулова 7,5 см, диаметр горловины 1,4 см, диаметр венчика 6 см, диаметр дна 4,5 см.

Котила фрагментированная, покрытая черным тусклым лаком, видимо, аттического происхождения. Она может быть датирована второй половиной V — началом IV в. до н. э.

Топор-секира железный, с четырехугольным молоточковидным обухом, широкой овально вытянутой лопастью (табл. XXXIII, 7). Длина его 14 см, ширина лопасти 12 см, диаметр проушины 2 х 2,5 см, наибольшая толщина топора под проушиной 2 см.

Гвоздь железный четырехгранный с кнопкообразной шляпкой длиной 9 см.

Шесть втульчатых железных наконечников копий, лежавшие в куче. Они подразделяются на два типа. К первому типу относятся 4 наконечника листообразной формы без средин-

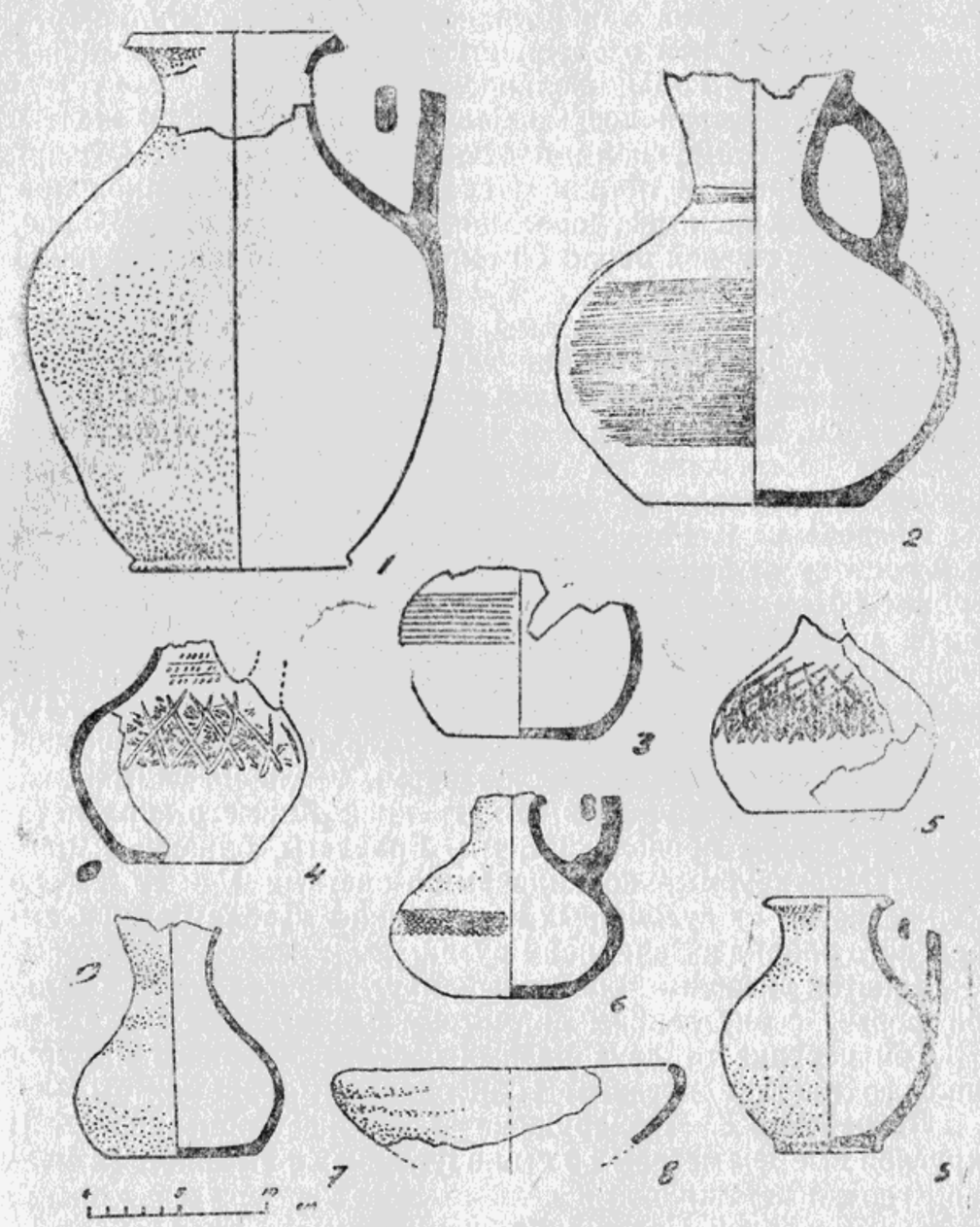

Таблица XXXI. Могильник Гуадиху. Младшая группа погребений V—II вв. до н. э. Глиняная бытовая посуда. 1 — погр. 41 (54); 2—погр. 1; 3 — погр. 40 (53); 4 — погр. 28 (41); 5 — погр. 17 (30); 6 — погр. 38 (51); 7 — погр. 49 (82); 8 — погр. 6 (18); 9 — погр. 39 (52).

ного ребра с уплощенно овальным сечением (табл. XXXIII, 4). Ко второму типу относятся 2 наконечника с пером лавролистной формы и срединным продольным ребром, типа табл. XXXIII, 9. Перо этих наконечников короче, чем втулка, что является характерной особенностью для наконечников копий предшествующего кобано-колхидского времени.

Рядом с лучевой костью левой руки находился железный меч с плоской ручкой и плоским широким клинком, плавно суживающимся к острию (табл. XXXIII, 1). Клинок при переходе к ручке имеет овально закругленное оформление. Длина меча с ручкой около 60 см, наибольшая ширина клинка у основания 5,5 см.

Посередине могильной ямы, примерно на месте расположения тазовой кости, лежали два железных ножа с прямой спинкой и плоским язычком для ручки. Размеры целого ножа: длина 12 см, ширина лопасти 1,5 см, толщина спинки 4 мм.

Дата погребения на основании чернолаковой котилы определяется второй половиной V — началом IV в. до н. э.

Погребение 2. Располагалось на расстоянии одного метра к востоку от предыдущего. В округлой яме (Д-45 см), на глубине 50 см обнаружено небольшое скопление мелких кусочков пережженных человеческих костей с древесными угольками и золой. Среди них найдены следующие предметы:

Браслет бронзовый круглопроволочный типа табл. XXXIV, 6, снабженный в пяти местах четырехгранно-призматической и четырехгранно-ободочковидной формы утолщениями с тонкими продольными рубцами. Внутренний диаметр браслета 5 x 5 см, сечение проволоки 3 мм. Браслеты, близкие к описанному, датируемые колхидскими монетами V — IV вв. до н. э., известны из кувшинных погребений в Дабла-Гоми[1] Самтредского района в Западной Грузии.

Завиток височный, бронзовый, круглопроволочный, овальной формы с внутренним диаметром овала 2 x 3 см.

Три черепка от двух разных сосудов — черного и бурокрасного цвета с врезным волнообразным орнаментом.

Погребение 3. Обнаружено восточнее описанного. В округлой яме диаметром 50 см на глубине 40 см найдены мелкие кусочки пережженных человеческих костей с древесными угольками и золой. Среди них обнаружены:

Два бронзовых браслета—круглопроволочные. Один с выгибом в средней части, со слегка утолщенными разомкнутыми концами, украшенными поперечными и продольными насечками. Внутренний его диаметр 4,5 x 6 см, ширина просвета между концами 3 см, сечение проволоки 3—4 мм. Второй браслет скорее всего типа табл. XXXIV, 6, украшен четырехгранно-призматическими утолщениями. Первый браслет аналогичен браслетам из Эшерского урнового погребения с обрядом кремации[2]. Оба описанных браслета близки браслетам, встреченным в кувшинных погребениях в Дабла-Гоми в Западной Грузии, датированных ахеменидской эпохой[3]. Такого типа браслеты доживают вплоть до конца эллинистического времени.

Черепок от черноглиняного сосуда с горизонтальным желобчатым орнаментом по всей наружной поверхности.

Погребение 4. (16).* Вскрыто в раскопе III. Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (190 x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад.

В погребальной яме на глубине 70 см обнаружен ряд вещей. Посередине могильной ямы у северной ее стенки лежали:

Браслет бронзовый из слегка граненой проволоки с разомкнутыми концами, украшенными стилизованными звериными головками, снабженными симметрично расположенными врезными кружочками-глазками (табл. XXXIV, 10). Браслет в шести местах с тонкими поперечными подрезами, чередующимися с остроугольниками. Внутренний его диаметр 4,5 — 5,5 см, ширина просвета между концами 2 см, толщина проволоки 2,5 мм.

Перстень-печать бронзовый, литой, замкнутый, с овальным щитком. Обод щитка граненый с ромбическим в разрезе сечением (табл. XXXV, 11). Щиток с врезным изображением, состоящим из сосудика, похожего на чернолаковый килик и сидящего в нем птицы-грифона с распущенным хвостом и распростертыми, вертикально направленными вверх крыльями. Внутренний диаметр кольца 1,5 x 1,8 см, длина щитка 1,1 см при ширине 7 мм, толщина обода 2 мм.

В средней части погребальной ямы у южной ее стенки находился фрагментированный браслет из слегка граненой бронзовой проволоки. Он с гравированным орнаментом, состоящим из елочных дорожек и косых насечек.

Погребение 5(17). Вскрыто в раскопе III. Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (180 x 80 см), вытянутой с востока на запад.

---

[1] Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, II, Тбилиси, 1950, стр. 43, 58, табл. 7, табл. 9, табл. 10.

[2] Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, I, Тбилиси, 1949, стр. 34, рис. 8, табл. 5.

[3] Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, II, Тбилиси, 1950, стр. 38, рис. 10, 4, 5, табл. 6, табл. 7, табл. 9, табл. 10, табл. 13.

* Двойная нумерация погребений, начинающаяся для младшей группы Гуадиху с погребения 4 (16), означает следующее: первая цифра — порядковый номер погребений младшей группы, цифра в скобках — общий порядковый номер всех погребений могильника.

На дне погребальной ямы на глубине 65 см найдено несколько предметов. У северо-западной стенки ямы находились черепки глиняного сосуда, видимо, кувшина, буро-красного обжига с гребенчатым рифлением.

В средней части могильной ямы у северной ее стенки найдены:

1. Бронзовый браслет—проволочный, с разомкнутыми концами, украшенными изящно выполненными драконьими головками, снабженными симметрично распсложенными вырезными глазками-кружочками (табл. XXXIV, 2). Средняя часть браслета украшена такими же драконьими головками, сходящимися мордочкой к мордочке. Браслет снабжен в десяти местах четырехгранно-призматической формы утолщениями, из которых пять с поперечными надрезами, а остальные пять с вырезным квадратно-шахматным узором. Внутренний диаметр браслета 5,5 см, ширина просвета между концами 2,5 см, толщина проволоки 4 мм.

Два бронзовых перстня—литые, замкнутые, с овальной формы щитком. Первый с овальным сечением и ободом. На щитке этого перстня имеется врезное изображение птицы, похожей на утку с распростертыми, вертикально направленными вверх крыльями и распущенным хвостом (табл. XXXV, 12). Внутренний диаметр кольца 1,5 x 1,8 см, размеры щитка 1,2 x 0,8 см. Второй перстень с ромбическим в разрезе сечение обода. На его щитке имеется врезное изображение грифона (табл. XXXV, 9). Внутренний диаметр кольца 1,8 x 1,9 см, размеры щитка 1,7 x 1,1 см.

Погребение 6(18). Обнаружено в раскопе III. Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (180x80 см). На дне ямы, на глубине 70 см, у северо-западной стенки стоял красноглиняный горшок типа табл. XXXI, 3, с шарообразной формы туловом, со слегка отогнутым наружу венчиком, плоским дном. Тулово с горизонтальным гребенчатым рифлением. Сосуд в изломе серого цвета, хорошего обжига, с большой примесью песка с белыми включениями. Высота его 13 см, диаметр тулова 13 см, диаметр горловины 9 см, диаметр дна 6 см, толщина стенки 7 мм.

Восточнее северо-западной стенки ямы на расстоянии 25 см найдены пять стеклянных бусин синего цвета. Первые четыре бусины кольцеобразной формы; три из них мелкие, диаметром 5 мм, диаметр отверстия около 3 мм (табл. XXXV, 17); четвертая бусина глазчатая (табл. XXXV, 19), диаметром 1,1 см, диаметр отверстия 4 мм. Пятая бусина округлой формы (табл. XXXV, 18), диаметр сечения 1 см, диаметр отверстия 2 мм.

Посередине могильной ямы у северной ее стенки лежал бронзовый перстень, литой, замкнутый, с овальным щитком,

с ободом ромбическим в сечении. На щитке перстня имеется врезное изображение животного, похожего на собаку или волка. Внутренний диаметр кольца 1,7 x 2 см, размеры щитка 1,5 x 1,1 см.

Погребение 7 (19). Вскрыто в раскопе III. Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (180 x 80 см). Костяк не сохранился.

В погребальной яме на глубине 70 см обнаружен ряд предметов. Около западной стенки ямы находились:

Котила чернолаковая фрагментированная, аттического происхождения, на высокой цилиндрической ножке с кольцевым поддоном (табл. XXXII, 6). Посередине дна — кружочек, видимо, знак мастера. Лак блестящий, но тускловатый, невысокого качества.

Скифос чернолаковый, фрагментированный, аттического происхождения, на кольцевом поддоне. Лак такой же, как на предыдущей котиле.

Кувшин красноглиняный, сильно фрагментированный. Ручка его овальная в сечении.

Топор-секира железный, типа табл. XXXIII, 7, с клиновидно вытянутой в ширину лопастью и четырехгранным обухом. Длина его 14,5 см, ширина лопасти 13 см, диаметр проушины 2 x 2,5 см, наибольшая толщина под проушиной 2 см.

Наконечник копья втульчатый, железный, типа табл. XXXIII, 9, с овально вытянутым листообразной формы пером, со слабо выраженным срединным ребром; втулка разрушена. Длина пера 14 см при наибольшей ширине в средней части 3 см.

Посередине могильной ямы, к северной ее стенке, находился меч однолезвийный (табл. XXXIII, 3), железный со слегка выпуклой спинкой (острие и рукоять не сохранились). Длина сохранившейся части меча 31 см, наибольшая ширина клинка 3,7 см, толщина спинки 7 мм. Меч этот имеет определенное сходство с греческими мечами типа «Махайры»[4].

Погребение 8 (20). Обнаружено в раскопе III. Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (190 x 80 см). Костяк не сохранился.

В погребальной яме на глубине 70 см обнаружено немало вещей. У северо-западного угла могильной ямы располагались:

Котила чернолаковая аттического происхождения с выпуклым воронкообразным туловым, на высокой цилиндрической ножке, с двумя горизонтально отходящими в противоположные стороны петлевидными ручками, со слегка отогну-

[4] Н. И. Сокольский, «Боспорские мечи», МИА, 33, 1954, табл. 1, 3.

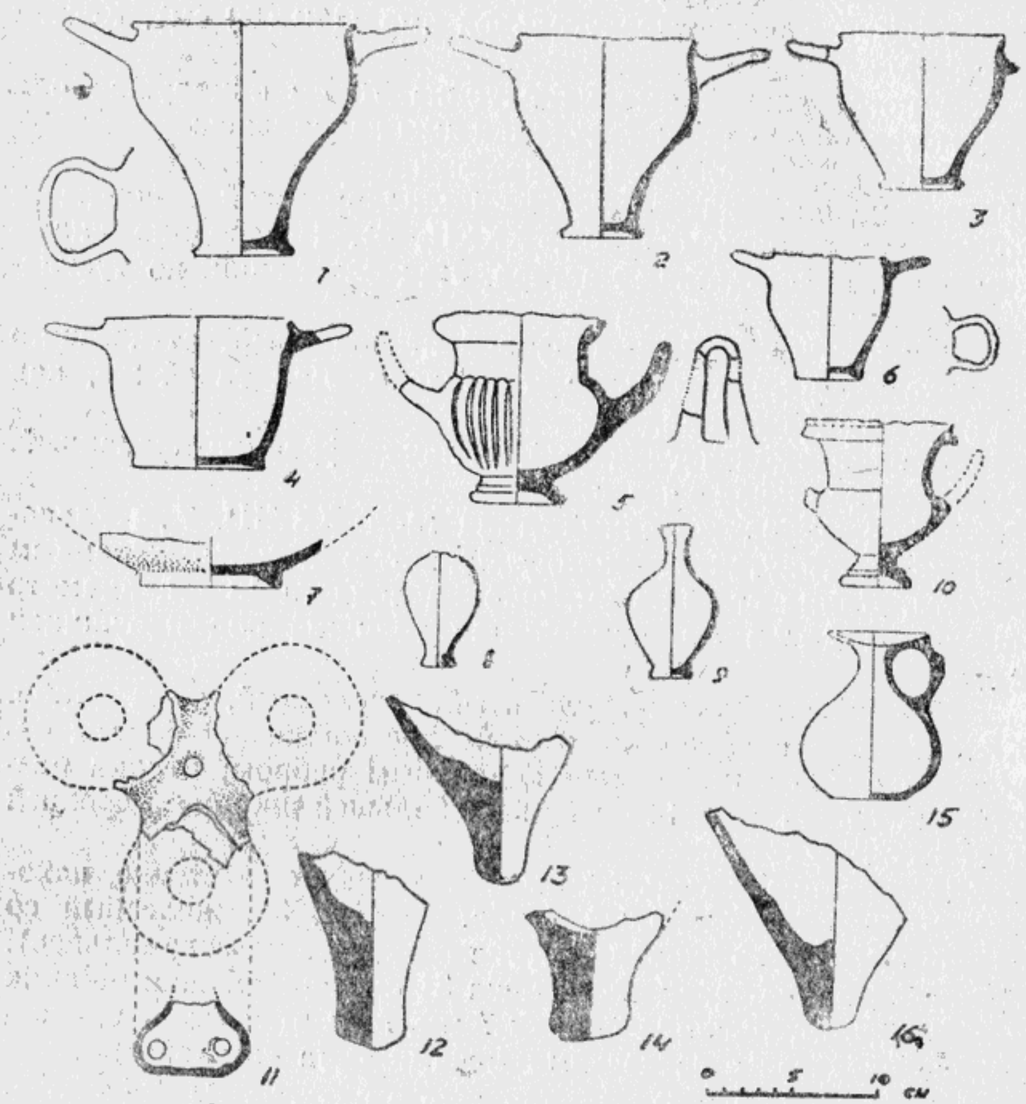

Таблица XXXII. Могильник Гуадиху. Младшая группа погребений V—II вв. до н. э. Античная посуда. 1, 12 — погр. 8 (20); 2 — погр. 38 (51); 3, 4 — погр. 9 (21); 5 — погр. 13 (25); 6, 14 — погр. 7 (19); 7—8 — погр. 50 (83); 9, 10 — погр. 38 (51); 11 — погр. 39 (58); 13 — погр. 29 (42); 15 — погр. 1; 16 — погр. 14 (26).

тым наружу венчиком (табл. XXXII, 1). Посередине кольцеобразного поддона—кружковый знак, вероятно, клеймо мастера. Высота сосуда 14 см, наибольший диаметр тулова 11,5 см, диаметр верхнего открытого края 12 см, диаметр дна 5,8 см. Лак немного тускловатый, невысокого качества. Котила эта может быть датирована второй половиной V—началом IV в. до н. э.

Миска красноглиняная с загнутым во внутрь краем (сохранилась не полностью), со скошенной стенкой, без орнамента (табл. XXXI, 8). Тесто грубоватое с большой примесью песка, белыми включениями. Толщина стенки 4 мм.

Обломки красноглиняного кувшина, орнаментированного врезной волной и желобчатыми ленточными горизонтальными поясками типа табл. XXXI, 6; тесто грубое, с большой примесью песка. Толщина черепков 5 мм.

4 наконечника копий, втульчатые, железные, лежали в куче. Подразделяются на два типа. К первому типу относятся 2 наконечника с пером овально вытянутой лавролистной формы, со слабо выраженным продольным ребром (табл. XXXIII, 5, 8). Общая длина первого наконечника: 24,5 см, длина пера 14 см, длина втулки 10,5 см, наибольшая ширина пера в средней части 4 мм, диаметр втулки 2 см (табл. XXXIII, 8). Общая длина второго наконечника 36 см, длина пера 22,5 см, длина втулки 13,5 см, наибольшая ширина пера в средней части 3,8 см, диаметр втулки 1,8 см (табл. XXXIII, 5). Во втулке сохранилась часть древка, пропитанная железной окисью. Второй тип наконечников характеризуется листообразной формой пера, со слабо выраженным остроугольным срединным ребром (табл. XXXIII, 9, 10). Перо переходит во втулку под косым углом. Длина пера первого наконечника 17,5 см, длина сохранившейся части втулки 8,5 см, наибольшая ширина пера у основания 3 см, у конца—1,5 см (табл. XXXIII, 9). Длина пера второго наконечника 11,5 см, длина сохранившейся части втулки 10 см, наибольшая ширина пера у основания 2,5 см, у конца—1,3 см (табл. XXXIII, 10). Во втулке сохранились остатки древка, пропитанные железной окисью.

Топор-секира железный, с клинообразно вытянутой в ширину лопастью и четырехгранным молотковидным обухом (табл. XXXIII, 11). Длина его 14 см, ширина лопасти 12,5 см, диаметр проушины 1,8 x 2,2 см, наибольшая толщина под проушиной 1,8 см.

Посредине могильной ямы у северной ее стенки лежал острием на восток железный двухлезвийный меч с поперечной перекладиной на вершине рукояти. Клинок имеет треугольно вытянутую форму и плоскоовальное в разрезе сечение. На его поверхности местами сохранились куски дерева от но-

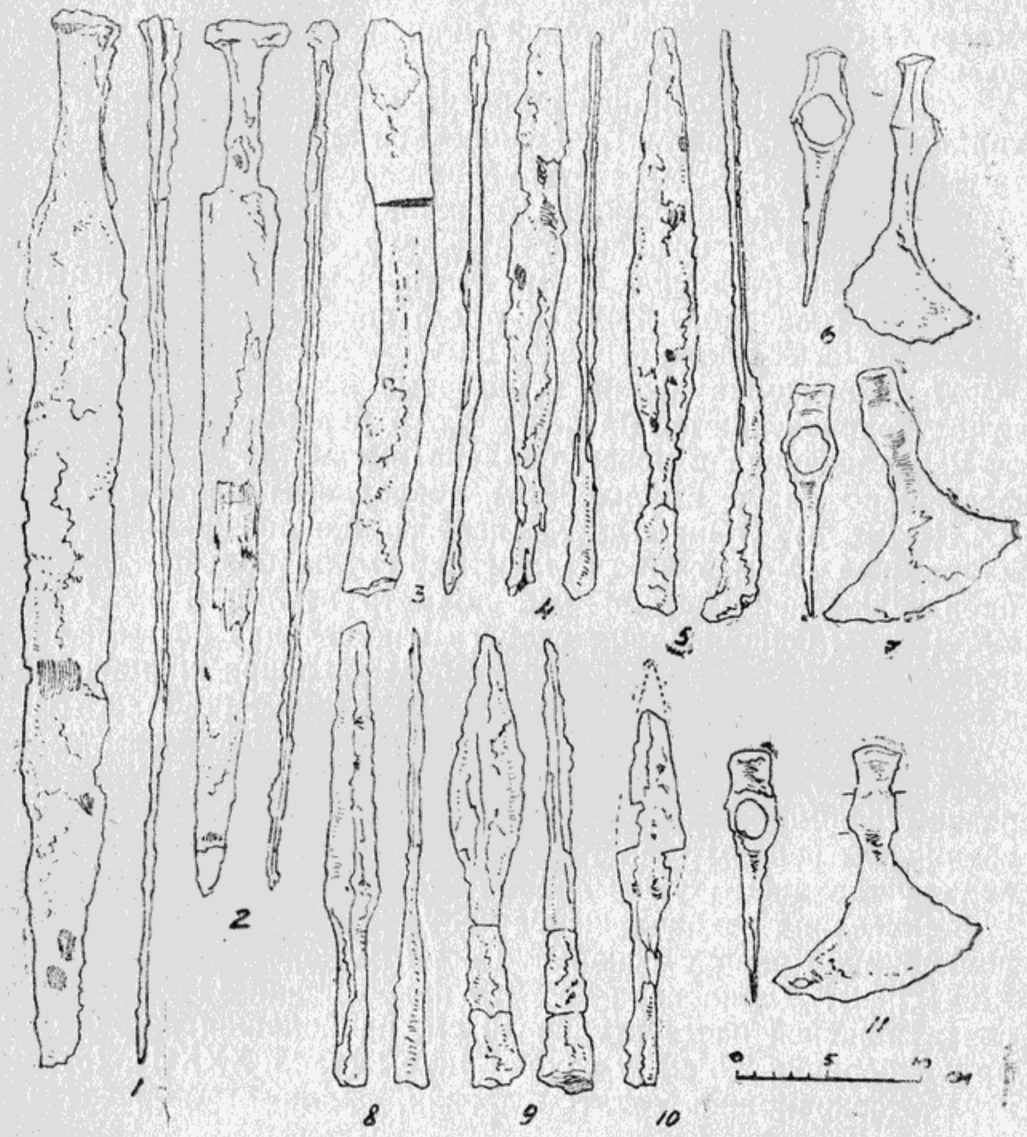

Таблица XXXIII. Могильник Гуадиху. Младшая группа погребений V—II вв. до н. э. Железное оружие. 1, 4, 7—погр. 1, 2, 5, 8, 9, 10, 11 — погр. 8 (20); 3 — погр. 7 (9); 6 — погр. 49 (82).

жен, пропитанные железной окисью (табл. XXXIII, 2). Общая его длина вместе с рукоятью 46,5 см, длина клинка 37,5 см, длина ручки 9 см, наибольшая ширина клинка у основания 4,5 см, ширина плоской рукояти 2 — 2,2 см.

Южнее, рядом с мечом, находились: 2 бронзовых браслета, круглопроволочные, с разомкнутыми концами. Первый браслет со змеиными головками на концах (табл. XXXIV, 11). Внутренний его диаметр 4,9 — 5,7 см, ширина просвета между концами 1,5 см, толщина проволоки 3 мм. Второй браслет снабжен в пяти местах ободочковидными утолщениями с продольными тонкими надрезами (табл. XXXIV, 3). Внутренний его диаметр 4,8 x 5,5 см, ширина просвета между концами 55 мм, толщина проволоки 2,5 мм. Нож железный, с прямой спинкой, переходящей в язычковидный треугольный черенок. Длина ножа 5 см. У середины южной стенки ямы лежал еще один браслет — бронзовый, круглопроволочный, с легким изгибом спинки, с разомкнутыми концами. Он в пяти местах снабжен четырехгранно-призматической формы утолщениями, расчерченными продольными и поперечными надрезами (табл. XXXIV, 8). Внутренний его диаметр 4,4 x 5,8 см, ширина просвета между концами 1 см. Под этим браслетом находился деформированный железный предмет, видимо, браслет.

Восточнее лежала на боку раздавленная землей красноглиняная амфора с цилиндрической ножкой (табл. XXXII, 12); она оказалась сильно фрагментированной и реставрации не поддалась. По составу глины, форме дна и ручек эта амфора гераклейского происхождения. Глина хорошо отмучена, тонкая, с черными блестками слюды, вулканического происхождения.

Погребение 9 (21). Вскрыто в раскопе III. Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (200 x 80 см).

В могильной яме на глубине 70 см находилось сравнительно много вещей. В северо-западном углу ямы располагались:

Обломки двух глиняных кувшинов бурого обжига. От них сохранились горловины в виде воронкообразных раструбов. Один из кувшинов имел дугообразную ручку с овальным в разрезе сечением. Кувшины сделаны из сравнительно грубого, не тонкого теста глины с большой примесью песка и толченого известняка.

Две котилы чернолаковые аттического происхождения с воронкообразно уширяющимися кверху туловом, на короткой цилиндрической ножке, с двумя горизонтально отходящими в противоположные стороны петлевидными ручками, со слегка отогнутым наружу венчиком (закраиной) (табл. XXXII, 3, 4). Посередине кольцевых поддонов кружковые

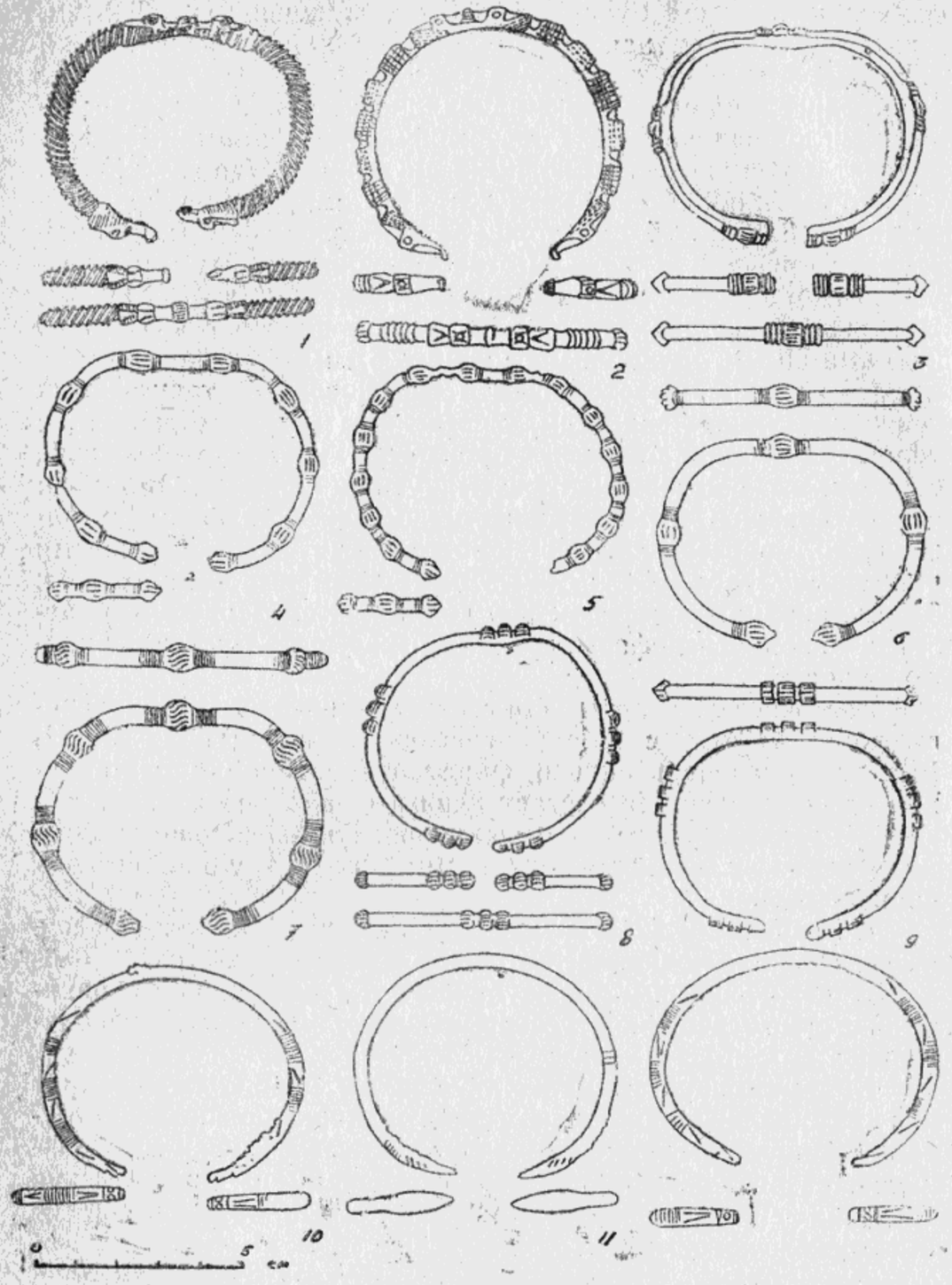

Таблица XXXIV. Могильник Гуадиху. Младшая группа погребений V—II вв. до н. э. Бронзовые браслеты. 1, 12—погр. 9 (21); 2—погр. 5 (17); 3, 8, 11 — погр. 8 (20); 4—7 — погр. 38 (51); 10 — погр. 4 (16).

знаки, вероятно, клейма мастера. Высота первой котилы 9,5 см, наибольший диаметр тулова 8 см, диаметр верхнего открытого края 9 см, диаметр дна 5 см (табл. XXXII, 3). Высота второй котилы 7,4 см, наибольший диаметр тулова 7 см, диаметр верхнего открытого края 7 см, диаметр дна 4 см (табл. XXXII, 4). Лак на обоих сосудах хороший, блестящий, высокого качества, по которому можно датировать их второй половиной V — началом IV в. до н. э.

Восточнее западной стенки ямы на расстоянии 25 см располагались гешировые и стеклянные бусы. Бусы из гешира черные, усеченные, короткие, цилиндрической формы, в количестве 26 экземпляров, длиной 4 — 5 мм, диаметр отверстия 1 мм. Бусы из стекла черного цвета кольцевидной формы, всего их 32 экземпляра, диаметр 7 — 8 мм, диаметр отверстия 3 — 4 мм.

У середины северной стенки погребальной ямы находились: 3 бронзовых браслета — круглопроволочные, с разомкнутыми концами. Первый браслет с винтовой нарезкой по наружной поверхности, украшен драконьими головками на концах с симметрично расположенными глазками-кружочками; средняя часть браслета украшена такими же драконьими головками, сходящимися мордочкой к мордочке (табл. XXXIV, 1). Внутренний диаметр браслета 4,7 — 5,7 см, ширина просвета между концами 1,5 см, толщина круглого сечения проволоки 4 мм. Второй браслет с гладкой поверхностью, с птицеобразными головками на концах. Он украшен в четырех местах тонкими поперечными надрезами, чередующимися вырезными косыми крестиками. Внутренний диаметр браслета 5 х 5,7 см, ширина просвета между концами 1,5 см, диаметр круглого сечения проволоки 3 мм. Третий браслет, как и предыдущий, с гладкой поверхностью, украшен стилизованными звериными головками с симметрично расположенными глазками-кружочками. Он украшен в шести местах почти стершимися тонкими поперечными надрезами, чередующимися вырезными остроугольниками и косыми черточками (табл. XXXIV, 12). Внутренний его диаметр 4,7 х 5,9 см, ширина просвета между концами 2,7 см, диаметр сечения около 4 мм.

У середины южной стенки могильной ямы найдены еще три сложенных вместе круглопроволочных бронзовых браслета с разомкнутыми концами, украшенными стилизованными, схематически выполненными звериными головками, снабженными симметрично расположенными глазками-кружочками типа табл. XXXIV, 12. Внутренний их диаметр 4,7 х 5,7 см, ширина просвета между концами 1,5 см, диаметр круглого сечения проволоки 3 — 3,5 мм.

Посередине могильной ямы лежали в куче восемь литых

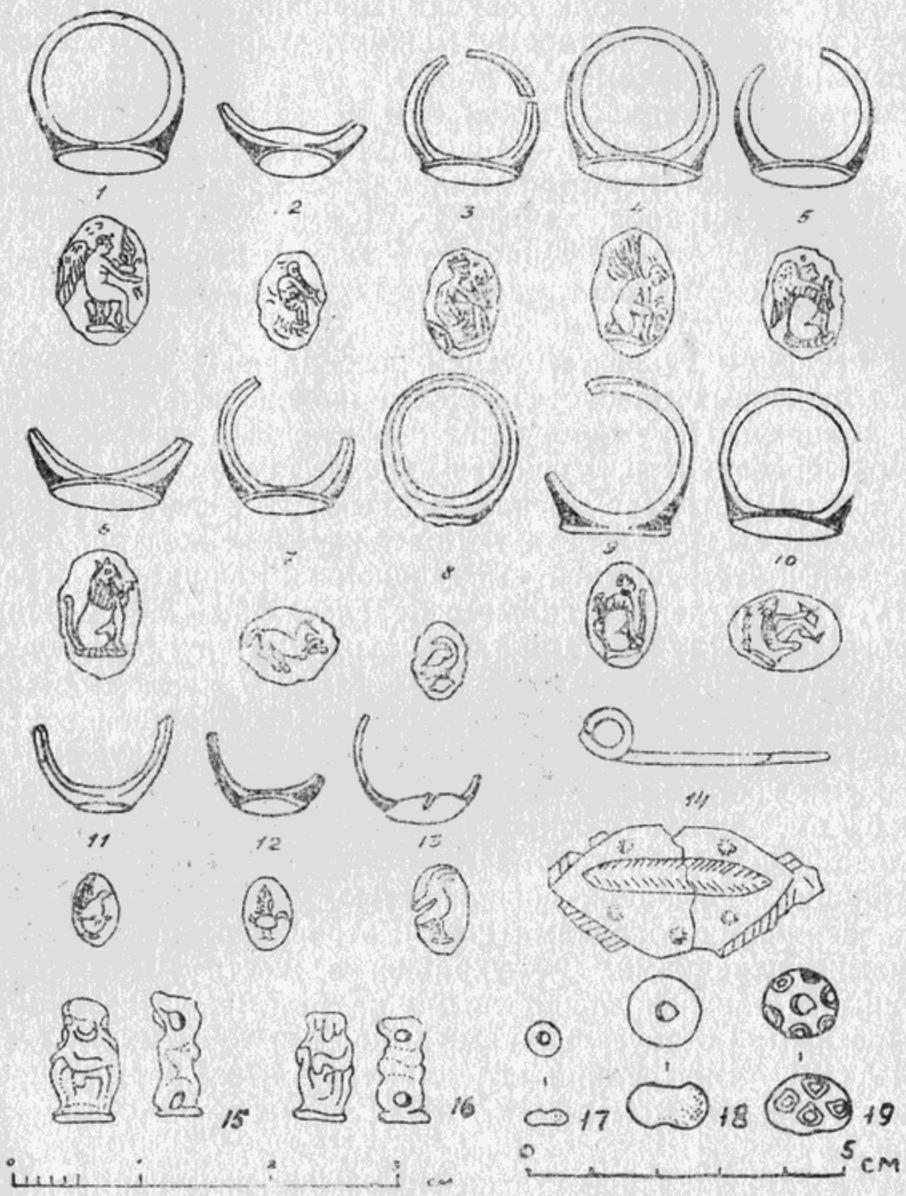

Таблица XXXV. Могильник Гуадиху. Младшая группа погребений V—II вв. до н. э. Перстни, бусы и фаянсовые подвески. 1—4, 6—8 погр. 9 (21); 5—погр. 48 (81); 9, 12—погр. 5 (17); 10—погр. 13 (25); 11—погр. 4 (16); 13 — погр. 48 (81); 14 — погр. 10 (22); 15, 16—погр. 26 (39); 17—19— погр. 6 (18).

бронзовых перстней с овальной формы щитком со слегка граненым ободом. На щитках их имеются тончайше выполненные вырезные изображения животных и человеческих фигур, нанесенных обычно в профиль вправо.

Первый перстень с изображением обнаженного крылатого мужчины, находящегося в исходном положении к полету или бегу (табл. XXXV, 4). Внутренний диаметр кольца 1,9 см, размеры щитка 1,9 x 1,2 см.

Второй перстень с изображением сидящей в кресле женщины, одетой в тонкое длинное платье, с лавровым венком, надетым на голову (табл. XXXV, 3). Женщина держит в руках ветвь, видимо, маслиновую. Внутренний диаметр кольца 1,8—1,9 см, размеры щитка 16 x 1,1 см, толщина обода 1 — 1,5 мм.

Третий перстень с изображением сидящей на колонне (столбце) крылатой обнаженной женщины с модной прической на голове; на правой вытянутой ее руке сидит птица с вертикально направленными вверх распростертыми крыльями и распущенным хвостом (табл. XXXV, 1). Внутренний диаметр кольца 1,9 x 2 см, размеры щитка 1,9 x 1,1 см, толщина обода 1,5 x 2 мм.

Четвертый перстень с изображением сидящего в кресле обнаженного выше талии мужчины, играющего на двойной свирели (табл. XXXV, 2). Внутренний диаметр кольца 1,8 x 1,9 см, размеры щитка 1,5 x 1 см.

Пятый перстень с изображением скачущей лошади (табл. XXXV, 7). Внутренний диаметр кольца 1,8 x 1,9 см, размеры щитка 1,5 x 1 см.

Шестой перстень с изображением сидящего грифона (табл. XXXV, 6). Внутренний диаметр кольца 1,9 см, размеры щитка 1,9 x 1,2 см.

Седьмой перстень с изображением сидящего сфинкса, типа табл. XXXV, 5. Внутренний диаметр кольца 1,8x1,9 см, размеры щитка 1,7 — 1 см.

Восьмой перстень с изображением сидящего орла, с резким поворотом головы влево назад (табл. XXXV, 8). Внутренний диаметр кольца 1,7x1,8 см, размеры щитка 1,4x0,7 см.

По ряду деталей (изготовление печаток на бронзе) и сюжету рисунков (скачущие животные, крылатые божества с птицей в руке и т. п.) описанные печати скорее всего относятся к V — IV вв. до н. э.[5]

Погребение 10 (22). Вскрыто в раскопе IV. В округлой яме (Д=60 см) на глубине 55 см обнаружены мелкие пережж-

[5] М. И. Максимова, «Античные резные камни Эрмитажа», Путеводитель по выставке, Л., 1926, стр. 38—39, 56—58. О. М. Да

женные человеческие кости с древесными угольками и золой, среди которых находились:

Фибула серебряная, одночленная, с тонкопластинчатой дужкой овальной формы, одним витком у зарождения дуги (табл. XXXV, 14). Фибула эта с гравированным орнаментом, состоящим из косых насечек, овального линейного круга, елочной дорожки, окаймленной овально-вытянутой ленточновидной линейной полоской; она украшена также мелкими выпуклинами, выдавленными с оборотной ее стороны. Длина фибулы около 4 см, ширина пластинчатой спинки дужки 2,4 см.

Нож железный, деформированный.

Погребение 11 (23). Обнаружено в раскопе IV. В округлой яме (Д=60 см) на глубине 50 см найдены кусочки пережженных человеческих костей с древесными угольками и золой, среди которых находились следующие предметы:

Фибула серебряная одночленная, с тонкопластинчатой дужкой овальной формы типа табл. XXXV, 13, одним витком у зарождения дуги (фрагментирована).

Браслет бронзовый круглопроволочный, снабженный четырехгранно-призматической формы утолщениями типа табл. XXXIV, 3.

Канфар чернолаковый аттического происхождения. От него сохранились: ножка и несколько черепков от тулова сосуда. Ножка состоит из коротенького стержня с чашечкообразно перевернутым вниз профилированным основанием. Лак снаружи черный, блестящий, хорошего качества. Судя по качеству лака, канфар этот может быть датирован IV в. до н. э. Канфар являлся обычно одним из постоянных атрибутов бога вина — Диониса.

Нож железный деформированный.

Погребение 12 (24). Вскрыто в раскопе IV. В округлой яме (Д = 60 см) на глубине 50 см встречены мелкие кусочки пережженных костей с древесными угольками и золой, среди которых находились две серебряные фибулы, одночленные, с тонкопластинчатой дужкой овальной формы, одним витком у зарождения дуги типа табл. XXXV, 13 (фрагментированы). Погребения 10, 11 и 12, где найдены однотипные серебряные фибулы, очевидно, одновременны.

Погребение 13 (25). Обнаружено в раскопе IV. В округлой яме (Д=60 см) на глубине 55 см найдены мелкие кусочки пережженных костей с древесными угольками и золой, среди которых находились следующие предметы: канфар чернолаковый, аттического происхождения, с загнутыми вверх в вида парных стержней ручками, представляющими П-образную дужку. Сосуд с цилиндрической шейкой, с широким отогнутым венчиком, выпуклым шарообразным туловом, по которому нанесены вертикальные ребра, отделенные друг от друга

желобками, с профилированными чашечкообразно перевернутым вниз основанием-дном (табл. XXXII, 5). Высота сосуда 10,5 см, диаметр венчика 9 см, диаметр тулова 9 см, диаметр дна 5,5 см. Следует отметить, что парные П-образные ручки встречаются и на чернолаковых кратерах аттического происхождения.

Фибула бронзовая круглопроволочная, одночленная, с одним витком у зарождения дуги, вздутой дужкой, украшенной мелкими шипами. Размеры: длина 5,5 см, высота 2,5 см.

Перстень бронзовый, литой, замкнутый, с овальным щитком, сделан из проволоки, овальной в сечении. Щиток с вырезным изображением полусидящего стрелка с натянутым луком. За спиной воина изображена колонна (столб), спирально опоясанная лентой (табл. XXXV, 10). Внутренний диаметр кольца 1,8 см, размеры щитка 1,7 x 1,2 см.

Погребение 14 (26). Вскрыто в раскопе IV. В округлой яме (Д=60 см) на глубине 50 см найдены мелкие фрагменты пережженных костей с древесными угольками и золой, среди которых располагались: пластинчатый бронзовый предмет круглой формы с крючковидно изогнутым краем. Диаметр окружности его 2,2 см, толщина—2 мм. Донышко амфоры желтовато-серого обжига синопского происхождения (табл. XXXII, 16); сделана она из хорошо отмученной глины с черными включениями вулканического пепла. Донышко чернолакового сосуда аттического происхождения, профилированное (табл. XXXII, 7).

Погребение 14а (27). Обнаружено в раскопе IV. В округлой яме (Д=60 см) на глубине 50 см встречены кусочки пережженных костей с древесными угольками и золой, среди которых находились: бусина из голубого стекла, округлой формы типа табл. XXXV, 18, с тремя мозаичными кружочками, снабженными синими глазками-крапинками, обведенными белыми ободочками, отделенными друг от друга коричневатыми полосками. Диаметр бусин 1,7 см. Бусы из синего стекла в нескольких экземплярах; среди них одна целая, выпуклой формы, диаметр сечения 3 мм, диаметр отверстия около 1 мм. Фрагмент донышка чернолакового сосуда, видимо, от котилы. Лак с коричневым оттенком. Датировка сосуда, судя по лаку, III — II вв. до н. э.

Погребения 15 (28), 16 (29). Вскрыты в раскопе IV. В округлых ямах (Д=60 см) этих могил на глубине 50 см обнаружены лишь мелкие обломки пережженных костей с древесными угольками и золой.

Погребение 17 (30). Обнаружено в раскопе IV. В округлой могильной яме (Д=60 см) на глубине 50 см найдены мелкие пережженные кости с древесными угольками и золой, среди которых находились следующие предметы:

Кувшинчик красноглиняный со сферической формы туловом, с плоским дном (горловина с венчиком и ручкой не сохранилась). Тулово сосуда орнаментировано врезной ромбической сеткой и волнообразными линиями. Глина грубая, плохо отмученная, с большой примесью песка и мелкими блестками слюды. Высота сохранившейся части кувшина 11 см, диаметр тулова 11,5 см, диаметр дна 8,5 см.

Подобные кувшины с такими же видами орнаментации, относящиеся к IV в. до н. э., известны из Эшерского могильника и Очамчиры в Абхазии[6].

Височное спиральное кольцо, сделанное из серебряной проволоки, свернутой в 1,5 оборота, с расплющенными трехгранными концами, украшенными поперечными надрезами. Размеры: внутренний диаметр овала 8 х 12 мм, толщина проволоки более 1 мм, ширина расплющенных трехгранных концов 3 мм.

Погребения 18 (31), 19 (32), 20 (33), 21 (34), 22 (35), 23 (36), 24 (37), 25 (38). Вскрыты в раскопе IV. В округлых ямах этих могил на глубине 45 — 50 см при среднем диаметре их 60 см обнаружены обломки пережженных костей с древесными угольками и золой. Среди костей не оказалось ни одной вещи, за исключением одного кусочка меди в погребении 23 (36).

Погребение 26 (39). Обнаружено в раскопе IV. В округлой яме (Д=60 см) на глубине 50 см встречены мелкие кусочки пережженных костей с древесными угольками и золой, среди которых найдены следующие предметы:

Фрагменты двух серебряных фибул, одночленных, с тонкопластинчатой дужкой овальной формы, одним витком у зарождения дуги. На спинке гравированный орнамент, состоящий из косых насечек, овального круга, елочной дорожки в овально вытянутой лентовидной полоске; они украшены также мелкими выпуклинами, нанесенными вдавлениями с оборотной стороны. По форме и орнаментальным мотивам они относятся к группе фибул из погребений 10, 11, 12.

Две подвески, фаянсовые светло-голубые, египетского происхождения, четырехгранно-призматической формы. Каждая из них величиной 8 мм при ширине 4 мм, толщине 3 мм, с двумя сквозными поперечными отверстиями диаметром 1 мм (табл. XXXV, 15 — 16). Эти подвески представляют, видимо, образ египетского бога Бэса. В основе образа Бэса лежат черты божества, отгоняющего злых духов, змей, скорпионов и противостоящего «дурному глазу». В то же время Бэс — покровитель плодородия. Все эти черты способствовали тому, что египтяне носили статуэтки Бэса как амулеты. Бэс почитался и как божество пляски и музыки[7].

[6] Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, I, Тбилиси, 1949, стр. 43—44, рис. 12, табл. IV (нижний ряд).

Погребение 27 (40). Вскрыто в раскопе IV. В округлой яме (Д=60 см) на глубине 45 см обнаружены мелкие кусочки пережженных костей без сопровождаемого инвентаря.

Погребение 28 (41). Обнаружено в раскопе V. В округлой яме (Д=60 см) на глубине 45 см встречены фрагменты мелких пережженных костей, среди которых найдены следующие предметы:

Кувшинчик красноглиняный, узкогорлый, с выпуклым туловом и с плоским дном (верхняя часть горловины с ручкой не сохранились). Глина грубая, с большой примесью песка и мелких блесток слюды. На тулове врезной орнамент, состоящий из косых насечек, ромбической сетки и почти стертых ломаных линий. Высота сохранившейся части кувшинчика 13 см, диаметр горловины 2 см, диаметр тулова 12,5 см, диаметр дна 6,5 см.

Три гешировые мелкие бусины колечкосбразной формы. В погребении их было больше, но они оказались полностью деформированными, видимо, под действием огня. Диаметр сохранившихся бусин около 4 мм.

Погребение 29 (42). Вскрыто в раскопе V. В округлой яме (Д=60 см), на глубине 50 см, обнаружены мелкие кусочки пережженных костей, вместе с которыми найдены: остродонная амфора желтовато-серого обжига синопского происхождения (табл. XXXII, 13); сделана она из хорошо отмученной глины с включениями вулканического пепла. Дата IV в. до н. э. Колокольчик бронзовый миниатюрного размера (фрагментирован).

Погребения 30 (43), 31 (44), 32 (45), 33 (46), 34 (47), 35 (48), 36 (49), 37 (50). Обнаружены в раскопе V. В округлых могильных ямах средним диаметром около 60 см на глубине 45 — 50 см встречены мелкие кусочки пережженных человеческих костей в смеси с золой и углями. В погребениях 30, 31, 36, 37 не оказалось ни одной вещи. В погребениях 32, 33, 34, 35 среди костей обнаружены: кусочки бесформенной меди в двух экземплярах (погр. 32 и 33); фрагментированное чернолаковое блюдо (погр. 34) с кольцевым поддоном, аттического происхождения. Лак тусклый. Дата — III—II вв. до н. э.; по медной монете плохой сохранности (погр. 34 и 35).

Погребение 38 (51). Вскрыто в раскопе V. Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (190 х 100 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. В погребальной яме обнаружено немало вещей (рис. 42). В северо-западном уг-

[7] М. Э. Матье, Древнеегипетские мифы, М.-Л., 1956, стр. 163, табл. XVI, 1 и 3, табл. XVII, 1.

лу ямы стоял кувшинчик глиняный буровато-серого обжига, с выпуклым туловом, ручкой (часть не сохранилась), коротенькой узкой горловиной (венчик и часть горловины не сохранились), плоским узким дном, ручка плоская, имеет в разрезе 4-гранное сечение (табл. XXXI, 6). Глина грубая, плохо отмученная, с большой примесью песка и мелкой из-

Рис. 43. Могильник Гуадиху. Младшая группа погребений. Погребение 38 (51).

вестняковой крошки. Кувшин украшен врезным волнообразным орнаментом. Высота сохранившейся части 12 см, диаметр горловины 2,5 см, диаметр тулова 12 см, диаметр дна 6 см.

Рядом с кувшином лежали: котила чернолаковая аттического происхождения, на высокой цилиндрической ножке, с выпуклым воронкообразным туловом, со слегка отогнутым

наружу бортиком, двумя отходящими в противоположные стороны петлевидными стерженьковыми ручками (табл. XXXII, 2). В центре наружной стороны нанесен концентрический кружочек с выпуклиной в центре — клеймо мастера. Высота сосуда 12 см, диаметр верхнего открытого края 10,5 см, диаметр тулова 10 см, диаметр дна 5 см. Лак немного тускловатый, невысокого качества. Сосуд этот может быть датирован IV в. до н. э.

Канфар чернолаковый аттического происхождения, с профилированным чашечкообразно перевернутым вниз основанием-дном, выпуклым воронкообразным туловом, цилиндрической шейкой, кольцеобразно выступающим наружу выпуклым бортиком, снабженным сверху слегка отогнутой наружу закраиной. Сосуд имел парные стержневые ручки, загнутые вверх в виде П-образной дужки (табл. XXXII, 10). Высота 9,7 см, диаметр края 8,5 см, шейки — 5,7 см, тулова — 7 см, дна — 4,4 см. Лак немного тускловатый, невысокого качества. Канфар можно отнести к IV в. до н. э.

Амфориск красноглиняный, с конусообразно расширяющимися кверху выпуклым туловом, воронкообразной горловиной, косым ребристым венчиком, утолщенным дном (табл. XXXII, 9). Глина не очень хорошо отмучена, с малой примесью песка, иногда крупного. Глина скорее местного происхождения. Высота сосудика 9 см, диаметр верхнего открытого края (венчика) 1,5 см, тулова у предплечья — 5 см, дна — 2,5 см.

В южном углу ямы почти вплотную к стенке лежали: топор-секира железный, с четырехгранным молотоковидным обухом, широкой овально вытянутой лопастью типа табл. XXXIII, 11. Ширина лопасти топора 12 см, наибольшая толщина под проушиной 2 см. 4 наконечника копий—втульчатые, железные (сильно фрагментированы). По форме пера удалось установить, что они принадлежат к двум различным типам.

Первые три наконечника листообразной формы, слегка уширенные к острию, типа табл. XXXIII, 8. Четвертый наконечник с пером лавролистно-овальной формы типа табл. XXXIII, 5.

Посередине могильной ямы ближе к северной ее стенке лежали три круглопроволочных браслета с разомкнутыми концами. Первые два браслета бронзовые, снабжены в пяти местах четырехгранно-призматическими утолщениями с тонкими продольными надрезами (табл. XXXIV, 9). Внутренний их диаметр 4,3х5,5 см, 4,7х5,9 см, диаметр сечения проволоки 2,2—3 мм. Третий браслет железный, фрагментированный.

Посередине могильной ямы, но ближе к южной ее стенке, находились еще три круглопроволочных браслета с разомкнутыми концами. Первый браслет — бронзовый, снабжен в пяти местах четырехгранно-призматическими утолщениями с тонким дугообразным продольным рифлением, типа табл. XXXIV, 9. Внутренний его диаметр 4,8 x 5,9 см, толщина сечения проволоки 3 мм. Второй браслет также бронзовый, с шарообразно утолщенными концами. Он украшен в четырех местах поперечными надрезами, чередующимися с остроугольниками. Внутренний его диаметр 5 x 6,5 см, диаметр сечения проволоки 3 мм. Третий браслет железный, фрагментированный. Погребение по чернолаковой посуде датировано IV в. до н. э.

Погребение 39 (52). Вскрыто в раскопе V. Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (200 x 90 см), вытянутой с востока на запад. Покойник, подвергнутый частичной кремации, в основном истлел. В могильной яме на глубине 50 см находилось значительное количество предметов. По углам западной части ямы располагались:

Котила чернолаковая аттического происхождения, на сравнительно высокой цилиндрической ножке, с воронкообразным выпуклым туловом со слегка отогнутой наружу закраиной и с двумя горизонтально отходящими стержневидными ручками. Цилиндрическая ножка в отличие от предыдущих котил упирается к основанию. Размеры сосуда не установлены из-за неполной его сохранности. Лак тускловатый, невысокого качества. Котилу эту, судя по ее форме и тускловатому, не блестящего цвета лаку, можно датировать не ранее IV в. до н. э.

Фрагментированный кувшин желтовато-серого цвета (обжига), с массивным, слегка выступающим от тулова плоским дном. От сосуда сохранилось мало черепков, и реставрировать его не удалось. Глина сравнительно хорошо отмучена, с включениями вулканического пепла, блесток слюды. Глина не местная, видимо, синопского происхождения. Диаметр дна 9 см, толщина стенки сосуда 8 мм.

Кувшинчик буро-красно-серого обжига, с широким выпуклым у предплечья туловом, короткой, широкой горловиной, ребристым, слегка отогнутым наружу венчиком, ручкой плоско-овального сечения, с кольцевидным поддоном (табл. XXXI, 9). Глина хорошо отмучена, с небольшой примесью песка; она, видимо, не местная. Высота сосуда 15 см, диаметр венчика (горловины) — 6,5 см, тулова — 11 см, кольцевого поддона — 5,5 см.

Сосуд в виде фляги с тремя сообщающимися резервуарами овальной формы, соединенными шейкой с общей горловиной, под которой имеется сквозное отверстие для подвешивания (табл. XXXII, 11). Все резервуары фрагментированы. Сосуд бурого обжига. Глина местная, грубая, плохо отмученная, с примесью мелкого песка и блестками слюды.

Топор-секира железный с широкой вытянутой лопастью (молоточная часть вместе с проушиной не сохранилась). Размеры: ширина лопасти 12 см, наибольшая толщина под частично сохранившейся проушиной 1,5 см.

2 железных втульчатых наконечника копий, листообразной формы, со слабо выделяющимся срединным ребром типа табл. XXXIII, 9,10. Длина пера — 16—17 см, наибольшая ширина 2,5 — 3 см.

Дротик втульчатый, железный, с конической боевой частью. Длина его 10 см, наибольший диаметр сечения 2 см, диаметр втулки 1,5 см.

На расстоянии 25 см от западной стенки могильной ямы находилась серебряная монета колхидка — полудрахма. На лицевой ее стороне профиль человеческой головы, на оборотной — греческая буква и голова быка, повернутая влево. Оба изображения окаймлены линейным ободком. Диаметр монеты 1,2 мм, толщина около 2 мм, вес 1,4 гр. Монета эта имеет аналогию с серебряными монетами колхидками — полудрахмами, опубликованными Д. Г. Капанадзе[8].

Посередине могильной ямы, к северной ее стенке, лежали просветом к просвету четыре круглопроволочных браслета с разомкнутыми концами. Первые два браслета бронзовые, снабженные наплывами в семи местах и тонкими поперечными надрезами в 12 местах (табл. XXXIV, 7). Наплывы браслетов украшены продольными рубцами. Внутренний диаметр 4,5 x 6,2 см, диаметр сечения проволоки 3—4 мм. Третий браслет также бронзовый, снабженный в пяти местах четырехгранно-призматическими утолщениями с продольными дугообразными врезными линиями. Размеры браслета: внутренний диаметр 5,4 см, ширина просвета между концами 1,2 см, диаметр сечения проволоки 3 мм. Четвертый браслет железный, фрагментированный.

Посередине могильной ямы к южной ее стенке располагались просветом к просвету еще четыре круглопроволочных бронзовых браслета с разомкнутыми концами. Первый браслет снабжен наплывами в десяти местах и тонкими поперечными надрезами в 18 местах, чередующимися с гладкой поверхностью; наплывы с продольными дугообразными врезными линиями. Размеры браслета: внутренний диаметр 4,5 x 6 см, диаметр сечения проволоки около 3 мм (табл. XXXIV, 4).

---

[8] Д. Г. Капанадзе, Грузинская нумизматика, М., 1955, стр. 33—34, табл. 1, 6, 8.

Второй браслет, снабженный наплывами в 16 местах и тонкими поперечными надрезами в 30 местах, чередующимися с гладкой поверхностью; наплывы с продольными рубцами. Размеры браслета: внутренний диаметр 4,5 х 6 см, диаметр сечения проволоки 2 мм (табл. XXXIV, 5). Третий и четвертый браслеты фрагментированы; они тоже с наплывами и тонкими пеперечными надрезами; наплывы с продольными рубцами. Диаметр сечения проволоки 3 мм.

В средней части погребальной ямы, немного восточнее, находился нож железный, серповидный, с остроугольным черенком, являющимся продолжением ножа. Размеры: длина 10 см, ширина лопасти 1,8 см, толщина спинки 3 мм.

Дата погребения, надо полагать, IV в. до н. э.

Погребение 40 (53). Обнаружено в раскопе V. Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (190 х 80 см), вытянутой с востока на запад. На глубине 50 см проявились остатки покойника, подвергнутого частичной кремации.

В погребальной яме найден ряд вещей. У северо-западного угла ямы находился черноглиняный кувшин с выпуклым туловом, плоским дном, пребенчатым горизонтальным рифлением. Часть тулова вместе с предплечьем и горловиной не сохранились. Размеры сохранившейся части сосуда: диаметр тулова 12,5 см, диаметр дна 8 см, толщина стенки 5 мм (табл. XXXI, 3).

Восточнее западной стенки погребальной ямы, на расстоянии 20 — 25 см, располагались следующие предметы:

Фрагментированная шейная гривна, бронзовая, круглопроволочная, с крючковидными концами. Диаметр сечения 3 мм.

Серьги серебряные, круглопроволочные, кольцеобразные, в двух экземплярах; концевые части каждой из них с тонкими поперечными надрезами. Первая серьга с разомкнутыми концами. Размеры: внутренний диаметр 1,7 х 1,8 см, ширина просвета между концами 2 мм, диаметр сечения проволоки 2 мм. Вторая серьга со слегка заходящими друг на друга овально расплющенными концами, снабженными отверстиями (отверстием к отверстию). Размеры: внутренний диаметр 1,4 х 1,7 см, диаметр сечения проволоки 1,5 мм, диаметр отверстия 1 мм.

Бусы мелкие, грушевидной формы, сделанные из стекла желтого, синего, черного и голубовато-зеленого цветов. Всего их 28 экземпляров; из них 15—синего цвета, 10—желтого, две—черного цвета и одна—голубовато-зеленого.

Бусы гешировые четырехгранно-призматической формы, в двух экземплярах; наибольшая из них величиной 5 мм при ширине 3 мм.

В средней части могильной ямы находился круглопроволочный бронзовый браслет (фрагментирован). Он снабжен короткими ободочковидными утолщениями. Диаметр круглого сечения проволоки около 3 мм.

Погребение 41 (54). Вскрыто в раскопе V. В округлой яме (Д=60 см) на глубине 60 см обнаружены мелкие пережженные человеческие кости с древесными угольками и золой.

В могильной яме находились следующие предметы:

Кувшин глиняный желтовато-серого обжига, с яйцевидно расширяющимся кверху туловом, широкой горловиной и остроугольно реберчатой, слегка отогнутой наружу закраиной (бенчиком); ручка плоско-овального в разрезе сечения. Глина отмучена сравнительно хорошо, видимо, не местная, с большой примесью черных включений вулканического происхождения; она имеет сходство с синопской. Размеры сосуда: высота сохранившейся части 26,5 см, наибольший диаметр тулова 20 см, диаметр дна 11,5 см, толщина стенки 4 — 5 мм (табл. XXXI, 1).

Кусочек бесформенной меди.

Погребения 42 (62), 43 (63), 44 (64), 45 (66), 46 (67). Обнаружены в раскопе VI. В округлых ямах (Д=60 см) на глубине 45 — 50 см встречены мелкие пережженные кости с древесными угольками и золой. В погребениях 42, 44, 46 не оказалось ни одной вещи. В остальных погребениях 43, 45, 47 среди костей обнаружены следующие предметы:

Кусочек бесформенной меди (погр. 43).

Бесформенная бронзовая или медная пластиночка, толщина ее 4 мм (погр. 45).

Погребение 47 (74). Вскрыто в раскопе VII. В округлой яме (Д=60 см) на глубине 45 см обнаружены мелкие пережженные кости с древесными угольками и золой. Среди костей находилась одна бесформенная бронзовая или медная пластинка толщиной 4 мм.

Погребение 48 (81). Обнаружено в раскопе VIII. Разрушенное. Захоронение было произведено в удлиненной яме. Древесные угольки и зола встречались на площади 1 х 2 м. Следов костяка не сохранилось.

В погребении на глубине 30—40 см найдены следующие предметы:

Скифос чернолаковый аттического происхождения, фрагментированный. Не все фрагменты сосуда оказались в погребении. Лак тусклый, невысокого качества, что дает основание отнести этот скифос к IV — III вв. до н. э.

Кубок чернолаковый, аттического происхождения, фрагментированный. От него в погребении оказалась одна вертикальная ручка и несколько стенок — черепков тулова. Дата — IV — III вв. до н. э.

Кувшин сероглиняный, фрагментированный. От него сохранилась часть шарообразного тулова с плоским дном; диаметр дна 6 см. Глина грубая, с большой примесью мелкого песка и с белыми включениями.

Наконечник копья втульчатый, железный, овально-вытянутой формы. Поверхность его деформирована. Часть втулки и концевая часть пера не сохранились. Наибольшая ширина пера 2,5 см.

Перстни бронзовые, литые, замкнутые, с овальной формы щитком, в двух экземплярах. На щитках обоих перстней имеются вырезные изображения животных. Первый перстень с изображением сидящего на ветке орла в профиль вправо с раскрытым клювом, сложенными крыльями. Размеры кольца: внутренний диаметр 1,8 см, длина щитка 1,5 см при ширине около 1 см, толщина обода около 1 мм (табл. XXXV, 13). Второй перстень с изображением сфинкса в профиль вправо. Обод фрагментирован. Длина овального щитка по слепку 1,7 см, при ширине 1 см (табл. XXXV, 5).

Погребение 49 (82). Вскрыто в раскопе VIII. Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (190 x 80 см), вытянутой с востока на запад. На глубине 60 см проявились остатки покойника, подвергнутого частичной кремации.

В погребальной яме обнаружен ряд вещей. В северо-западном углу ямы располагались следующие предметы:

Кувшин сероглинятный, с короткой горловиной, расширяющимся кверху раструбом, с низким выпуклым туловом, широким плоским дном. Глина местная, тесто грубое, с большой примесью мелкого и крупнозернистого песка. Размеры: высота 14 см, диаметр воронкообразного раструба 5,5 см, диаметр тулова 11 см, диаметр дна 8,5 см (табл. XXXI, 7).

Топор-секира с многогранным молоточковидным обухом, с длинной четырехугольной шейкой, овально вытянутой лопастью. Боковые поля проушины топора имеют ромбовидную форму со слабо выделяющимися на них продольным и поперечным крестообразно расположенными ребрами. Размеры топора: длина 16 см, диаметр проушин 2,4 x 2,8 см, ширина лопасти 7 см (табл. XXXIII, 6).

Наконечник копья втульчатый, железный с четырехгранной боевой частью. Втулка частично фрагментирована. Общая длина наконечника вместе с сохранившейся частью втулки 16,5 см, диаметр сохранившейся части втулки 1,4 см, наибольшая толщина граненой боевой части 1,5 см.

Посередине могильной ямы, у северной и южной ее стенок, находились по два полностью деформированных круглопроволочных бронзовых браслета.

В средней части могильной ямы, немного восточнее, лежал сильно коррозированный железный нож.

Погребение 50 (83). Вскрыто в раскопе VIII. Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (190x 80 см), вытянутой с юго-востока на северо-запад. На глубине 60 см проявились остатки покойника, подвергнутого частичной кремации.

В северо-западном углу могильной ямы находились следующие предметы:

Скифос чернолаковый аттического происхождения с двумя горизонтально отходящими в противоположные стороны петлевидными стержневыми ручками с прямым верхним краем и с кольцевидным поддоном. Размеры сосуда: высота 8,5 см, диаметр верхнего открытого края 10 см, диаметр дна 7,5 см. Лак тускловатый, невысокого качества, что дает основание датировать этот сосуд IV в. до н. э.

Амфориск красноглиняный, с яйцевидной формы туловом, массивной конусообразно уширяющейся от тулова ножкой. Горловина не сохранилась. Размеры сосуда: высота сохранившейся части 6,5 см, наибольший диаметр тулова у предплечья 4,5 см, диаметр плоского основания ножки 2 см (табл. XXXII, 8).

Четыре железных втульчатых наконечника копий. Полностью деформированы.

В средней части могильной ямы, немного восточнее, находился сильно разрушенный железный нож.

Посередине могильной ямы, к южной ее стенке, обнаружены остатки двух или трех круглопроволочных бронзовых браслетов.

Погребения 51 (84), 52 (85), 53 (86), 54 (87), 55 (88), 56 (89), 57 (90). Обнаружены в раскопе VIII. В округлых ямах (Д = 60 см) на глубине 45 — 50 см встречены мелкие фрагменты пережженных костей с древесными угольками и золой. Среди них во всех могильных ямах не оказалось ни одной вещи.

Погребение 58 (91). Вскрыто в раскопе VIII. На площади 70 x 90 см встречены мелкие кусочки пережженных костей с древесными угольками и золой. На глубине 20 — 40 см обнаружены следующие предметы:

Блюдо чернолаковое аттического происхождения с кольцевым поддоном. От него в разрушенной яме осталось несколько фрагментов.

Браслет бронзовый круглопроволочный. Судя по одному найденному фрагменту, он был снабжен ободочковидными утолщениями, чередовавшимися, видимо, в нескольких местах продольными рубцами. Диаметр круглого сечения проволоки 3 мм.

Браслет железный, круглопроволочный. От него на площади разрушенной погребальной ямы найдено несколько

фрагментов. Диаметр круглого сечения проволоки 3 мм.

Бусы гешировые, усеченно-цилиндрической формы в шести экземплярах. Диаметр сечения от 1,5 до 4 мм, диаметр отверстия 1 — 2 мм.

Бусы стеклянные, мелкие, грушевидной формы, в двух экземплярах; один из них желтого цвета, другой — синего.

2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБЕНИЙ И ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА МЛАДШЕЙ ГРУППЫ (V — II ВВ. ДО Н. Э.) КРАСНОМАЯЦКОГО НЕКРОПОЛЯ

Красномаяцкий могильник, как уже было отмечено выше (см. гл. II), является одним из широко изученных могильников Кавказа I тыс. до н. э. Здесь в течение IX—II вв. до н. э. хоронило своих покойников местное население данного района Абхазии.

Археологическими раскопками 1956 — 1959 гг. в этом могильнике вскрыто всего 152 погребения. Из них 113 погребений, относящихся к финалу колхидско-кобанского времени, рассмотрены во второй главе данной монографии.

В настоящей главе мы рассматриваем остальные 39 погребений, вмещающихся в хронологические рамки V — II вв. до н. э.

Погребения V — II вв. до н. э. вскрыты почти во всех раскопах. Они располагаются на той же территории, что и более ранние погребения IX—VI вв. до н. э. (рис. 25), и оставлены, очевидно, одним и тем же, только хронологически разновременным населением. В отличие от более ранних погребений могильные ямы младшей группы все вытянуто-овальной или подчетырехугольной формы. Здесь нет ям колодцеобразного типа так же, как нет и захоронений в кувшинах. Дно ям галечникового подстила не имеет. В остальном погребальный обряд сходен. Переходим к описанию погребений.

Погребение 1 (12*). Обнаружено в раскопе II. Захоронение произведено в округлоовальной яме (200 x 100 см). От костяка, выявленного на глубине 80 см, сохранились истлевшие части рук и бедер, по которым удалось установить, что покойник лежал на спине в вытянутом положении, с ориентацией головы на северо-запад (рис. 44).

Покойнику было положено немало вещей (табл. XXXVI). Севернее, рядом с остатками черепа, было сложено

* Здесь так же, как и в предыдущих описаниях, номер в скобках означает общий порядковый номер всех погребений, вскрытых на могильнике, а номер перед скобкой — порядковый номер погребения данной группы.

семь железных наконечников копий с разрезными втулками, лежавших острием на северо-запад.

Один наконечник имеет узкое листовидное перо, переходящее во втулку под резко выраженным косо срезанным углом, со срединным ребром (табл. XXXVI, 13). Длина наконечника со втулкой 62 см, ширина 4 см, диаметр втулки 2 см.

Остальные шесть наконечников имеют узкое лавролистно-овальное перо (табл. XXXVI, 7 — 12), одно со срединным ребром. Длина их со втулкой от 26 до 40 см, наибольшая ширина пера от 2 до 3 см, диаметр втулки от 1,4 до 2 см.

Рис. 44. Красномаяцкий могильник. Младшая группа погребений. Погребение 1 (12).

В юго-западном углу могильной ямы стоял аттический чернолаковый сосуд — скифос (табл. XXXVI, 3), с двумя горизонтально отходящими в противоположные стороны петлевидными ручками (V в. до н. э.). Высота его 10 см, диаметр верхнего открытого края 11 см, диаметр дна на кольцевом поддоне 7,3 см, толщина стенки 5 мм.

Между наконечниками копий и чернолаковым сосудом находился железный нож с прямой спинкой, короткой язычковидной ручкой, снабженной одним железным стерженьком (табл. XXXVI, 6). На ручке сохранились следы деревянных

планок. Длина ножа 14,5 см, ширина 2,2 см, толщина спинки 4 мм.

Юго-восточнее чернолакового сосуда, на расстоянии 30 см, располагались два кувшина из темно-серой глины с большой примесью песка (табл. XXXVI, 1, 2). Предплечье одного из сосудов опоясано узкими врезными полосками (табл. XXXVI, 1).

Сверху развала кувшинов лежал бронзовый цедильник, состоящий из остова и прикрепленных к нему на заклепках процеживателя-сетки и ручки (табл. XXXVI, 4). Ручка цедильника массивная, толщиной 5 мм; конец ее, загнутый в крючок, украшен утиной головкой. Края ручки у основания ее прикрепления к остову украшены зубцами. Внутренний диаметр остова — 13,8 см, диаметр процеживателя 10 см, длина ручки 20 см.

В северо-восточном углу погребальной ямы обнаружен железный кинжальчик в виде кортика, воткнутый острием в песок (рис. 43). Основание кинжала имеет ромбовидное оформление (сердцевидное или бабочковидное перекрестие). На ручке сохранился кусочек тканевого материала, пропитанного железной ржавчиной (табл. XXXVI, 5). Длина с ручкой 17,5 см, наибольшая ширина лезвия 2,7 см, ширина ручки 2 см.

Вместе с кинжальчиком находились: обломок втульчатого железного наконечника копья и ручка другого железного кинжала. Дата погребения — V в. до н. э.

Погребение 2 (18). Вскрыто в раскопе II. Захоронение произведено в округлоовальной яме. Размеры: длина 180 см, ширина 80 см, глубина 80 см. Костяк полностью перегнил.

В могильной яме, ориентированной с юго-востока на северо-запад, не оказалось никаких вещей.

Погребение 3 (26). Обнаружено в раскопе III. Захоронение произведено в овальной яме (140 x 80 см). На глубине 85 см проявились остатки костяка и раздавленный тяжестью земли череп, находившийся в северо-западной части погребальной ямы. Следовательно, покойник был ориентирован головой на северо-запад.

В погребальной яме найден ряд предметов. В средней ее части находился массивный короткий железный однолезвийный меч (секач-нож) с толстой прямой спинкой, клиновидным острием, со стержневидной ручкой круглого сечения. У широкого основания меча сохранились два симметрично расположенных железных гвоздя для прикрепления деревянных планок. Размеры меча: длина 35 см, наибольшая ширина у основания и в средней части 5,2 см, у конца 1,5 см, толщина спинки у основания 1,3 см, у конца 5 мм (табл. XXXVII, 14).

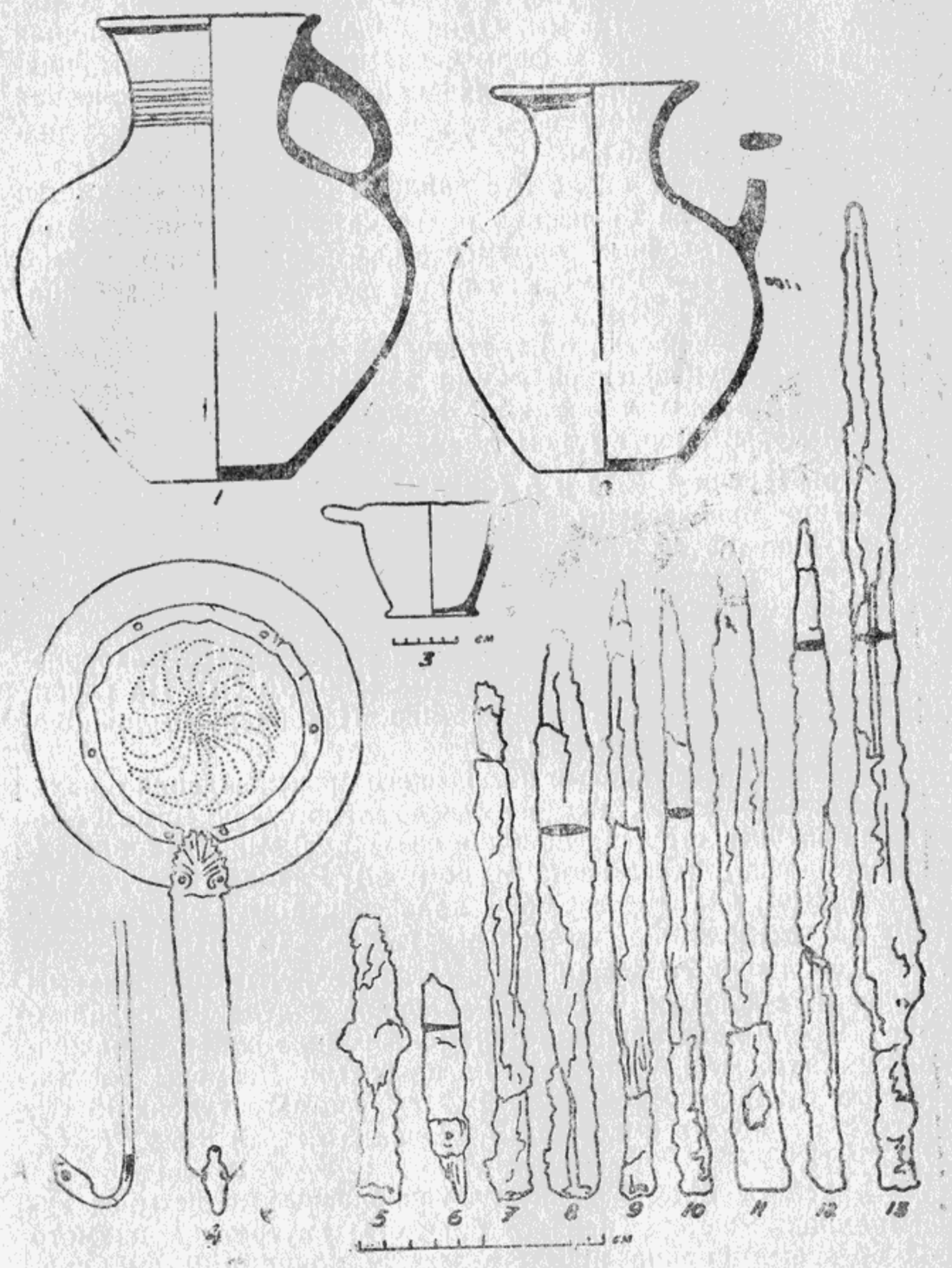

Таблица XXXVI. Красномаяцкий могильник. Младшая группа. Погребение 1 (12). 1—3 — глина; 4 — бронза; 5—13 — железо.

Вокруг шеи собраны 10 мелких стеклянных колечковидных бусин голубовато-синего цвета. Диаметр сечения 3 мм, диаметр отверстия 1,5 мм. Одна более крупная стеклянная бусина того же цвета и формы, диаметр сечения 6 мм, диаметр отверстия 3 мм. Здесь же найдена одна трехконечная пастовая бусина серовато-светлого цвета, величиной 7 мм, диаметром отверстия 1,5 мм.

Юго-восточнее около бус найдены следующие предметы:

Пластинчатая бронзовая подвеска ромбовидной формы, с чеканным точечным орнаментом, изображающим прямоугольный крестик. Размеры: длина 4 см, толщина 0,5 мм, диаметр отверстия 1,5 мм.

Фибула бронзовая с пластинчатой овальной формы крутой дужкой, украшенной двумя зонально расположенными врезными ломаными линиями; у зарождения дуги один виток. Размеры: высота 1,8 см, длина 2,5 см (табл. XXXVII, 12).

Погребения 4 (27) и 5 (28). Вскрыты в раскопе III. Захоронения произведены в подовальных ямах (160 x 80 см). На глубине 85 см проявились остатки костяков. В могильных ямах, ориентированных с юго-востока на северо-запад, не обнаружено никаких предметов.

Погребение 6 (29). Обнаружено в раскопе III. Захоронение произведено в подовальной яме (160 x 70 см). На глубине 90 см проявились следы костяка. Покойнику были положены следующие предметы:

Скифос чернолаковый аттического происхождения с кольцевидным поддоном, двумя горизонтально отходящими в противоположные стороны петлевидными ручками. Лак блестящий, хорошего качества (V в. до н. э.). Размеры сосуда: высота 8,2 см, диаметр верхнего края сосуда 10,5 см, диаметр дна 7,2 см, толщина стенки 5 мм (табл. XXXVIII, 6).

Кувшинчик сероглиняный с сильно вздутым шаровидным туловом, с плоской ручкой. Горловина сосуда не сохранилась. Предплечье кувшина орнаментировано слабо выраженными круговыми желобчатыми поясками. Размеры сосуда: высота сохранившейся части 12,5 см, диаметр тулова 15 см, диаметр плоского дна 10,5 см, толщина стенки 8 мм, (табл. XXXVIII, 5).

Браслеты бронзовые круглопроволочные, в четырех экземплярах. Размеры первого браслета: внутренний диаметр 4,5 x 4,8 см, ширина просвета между концами 2 см, диаметр сечения проволоки 5 мм (табл. XXXVIII, 3). Остальные три браслета фрагментированы (табл. XXXVIII, 1, 2, 4): два из них со стилизованными схематически выраженными звериными головками на концах, в том числе один украшен тонкими поперечными надрезами, чередующимися с гладкой по-

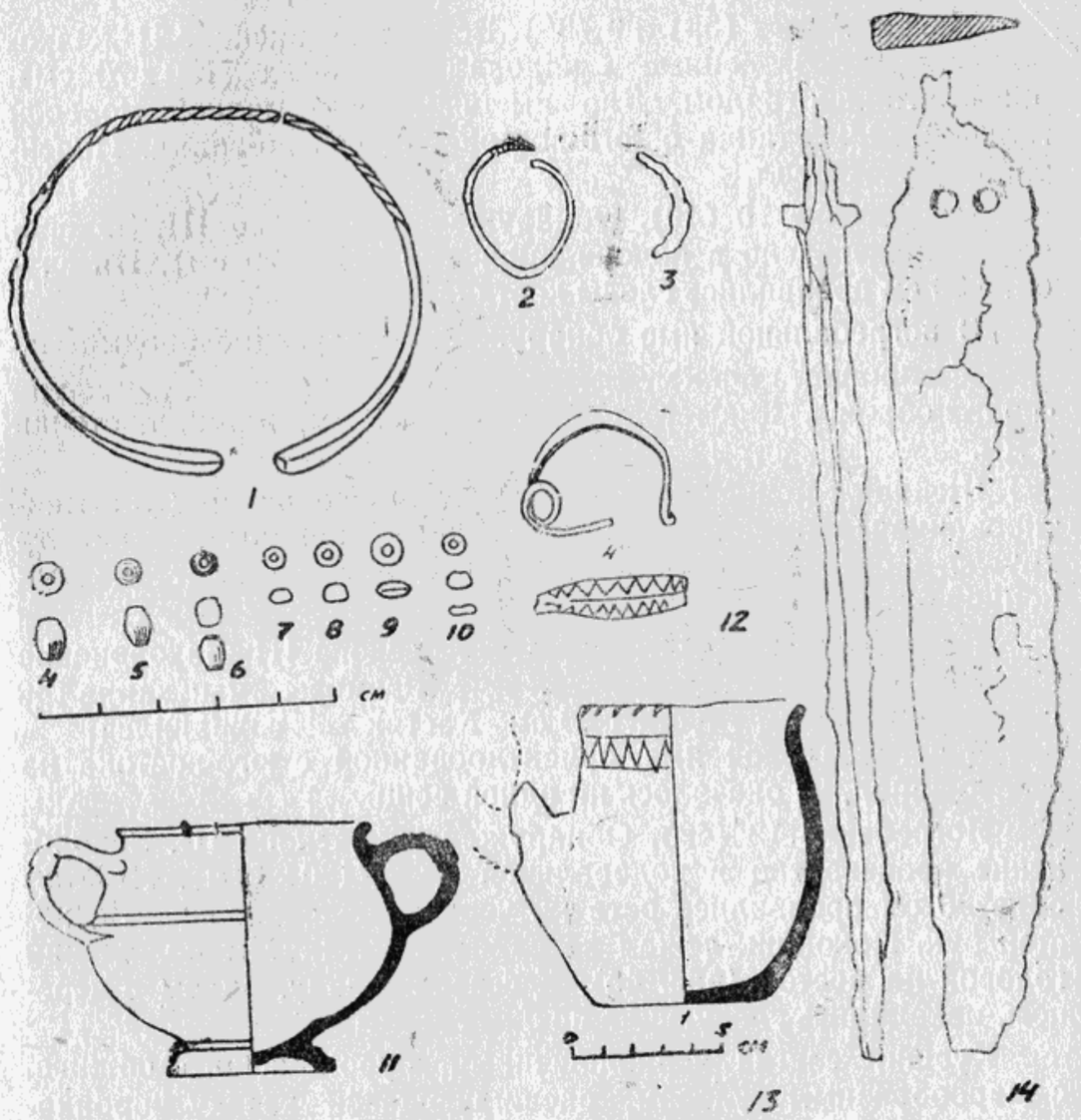

Таблица XXXVII. Красномаяцкий могильник. Младшая группа погребений V—II вв. до н. э. 1—11 — погр. 32 (113); 12, 14 — погр. 3 (26); 13 — погр. 27 (98); 1, 4 — бронза; 2—3 — серебро; 4—6 — сердолик; 7,8—паста; 9, 10 — стекло; 11—бурый лак.

верхностью (табл. XXXVIII, 4). Диаметр сечения последних трех браслетов 3 мм.

Погребение 7 (30). Обнаружено в раскопе III. Захоронение произведено в подовальной яме (150 x 70 см), ориентированной с юго-востока на северо-запад. На глубине 75 см проявились следы костяка. Инвентарь отсутствовал.

Погребения 8 (32) и 9 (33). Вскрыты в раскопе III. Захоронения, произведенные в подовальных ямах (150 x 70 см), располагались рядом. Дно ям вымощено мелкой морской галькой. Ориентация с юго-востока на северо-запад. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 10 (40). Обнаружено в раскопе III. Захоронение произведено в подовальной яме (160 x 70 см). На глубине 80 см проявились следы костяка.

В погребальной яме обнаружены следующие предметы:

Кувшинчик фрагментированный тонкостенный, красно-серого обжига. Диаметр плоского дна 9 см, толщина стенки 3 мм.

Шейная гривна бронзовая, круглопроволочная (фрагментированная), с уширенными плоскими концами. Диаметр круглого сечения проволоки 2,5 мм, ширина пластинчатых концов 6 мм.

Погребение 11 (41). Вскрыто в раскопе III. Захоронение произведено в округлоовальной яме. Размеры ямы: длина 140 см, ширина 70 см, глубина 80 см. Костяк не сохранился.

В погребальной яме, ориентированной с юго-востока на северо-запад, не оказалось ни одной вещи.

Погребение 12 (42). Обнаружено в раскопе III. Захоронение произведено в подовальной яме (180 x 1 м). На глубине 80 см проявились остатки черепа, бедренной кости, костей рук. Покойник лежал на спине в вытянутом положении головой на восток (рис. 45). К северо-западу, рядом с черепом, находились следующие предметы:

Кувшин слегка чернолощенный, буро-красного обжига, с шарообразным туловом, расширяющейся кверху воронкообразной горловиной. Предплечье сосуда украшено желобчатым горизонтальным пояском. Размеры кувшина: высота 23 см, диаметр тулова 14 см, диаметр горловины 8 см, толщина стенки 5 мм (табл. XXXIX 2).

Горшок банкообразной формы буро-красного цвета, плохого обжига (хрупкий, почти без примеси песка), с прямым верхним краем. Предплечье сосуда украшено врезными косыми насечками. Размеры: высота 20 см, диаметр горловины 9 см, диаметр тулова 14,5 см, диаметр дна 11 см, толщина стенки 8 мм (табл. XXXIX, 3).

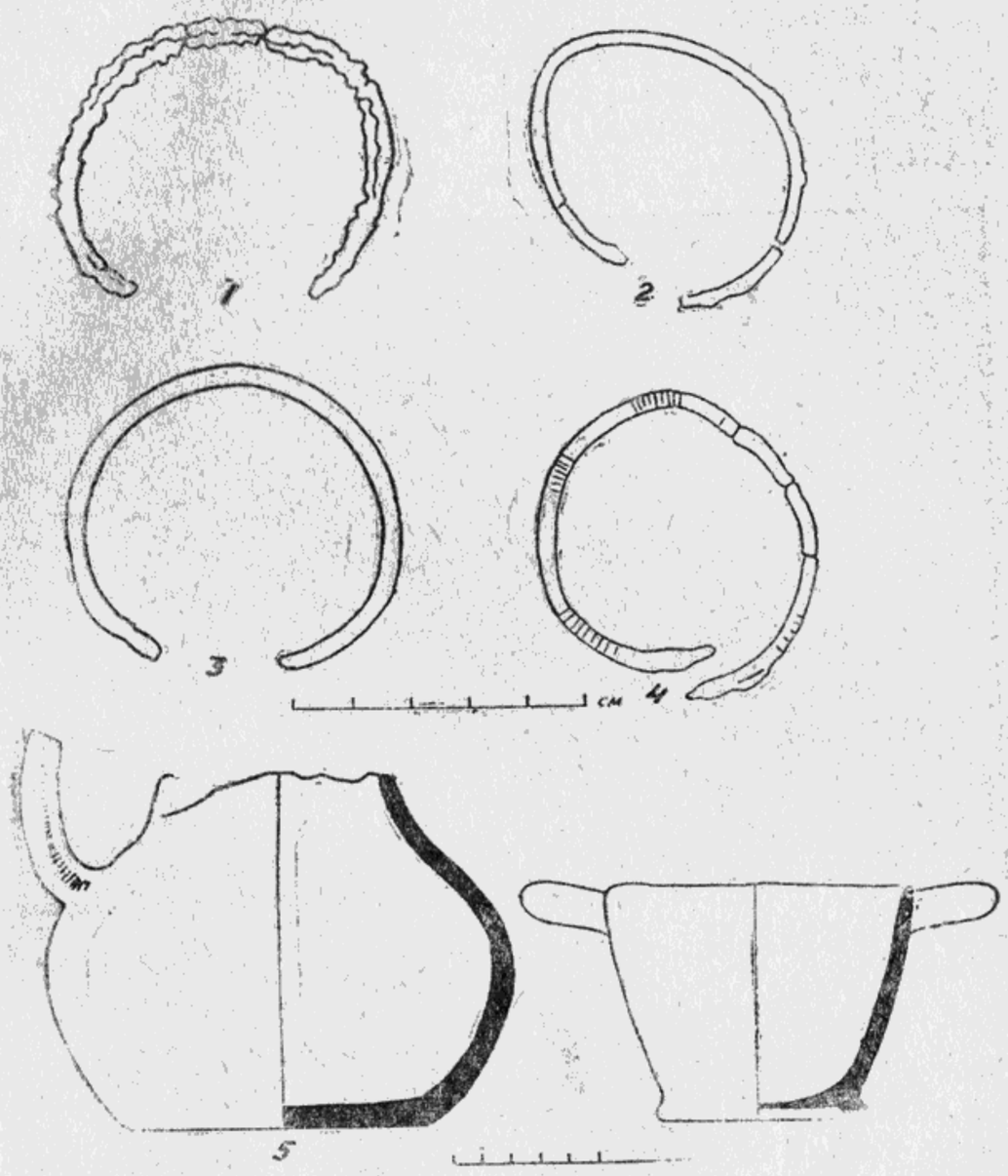

Таблица XXXVIII. Красномаяцкий могильник. Младшая группа погребений V—II вв. до н. э. Погребение 6 (29). 1—4—бронза; 5 — глина; 6 — черный лак.

Чернолаковая чашка с кольцевидным поддоном, со слегка отогнутой закраиной, опоясанной желобком. Лак с хорошим блеском, темно-бурого цвета. Размеры сосуда: высота 7,5 см, наибольший диаметр тулова 11,5 см, диаметр горловины 11 см, диаметр дна 8 см (табл. XXXIX, 4).

Ножичек железный с прямой спинкой, треугольной лопастью. Ручка образует прямой уступ при переходе к лопасти. Размеры ножа: длина 7,8 см, наибольшая ширина лезвия 1,5 см, у конца 4 мм, толщина спинки 3 мм (табл. XXXIX, 5).

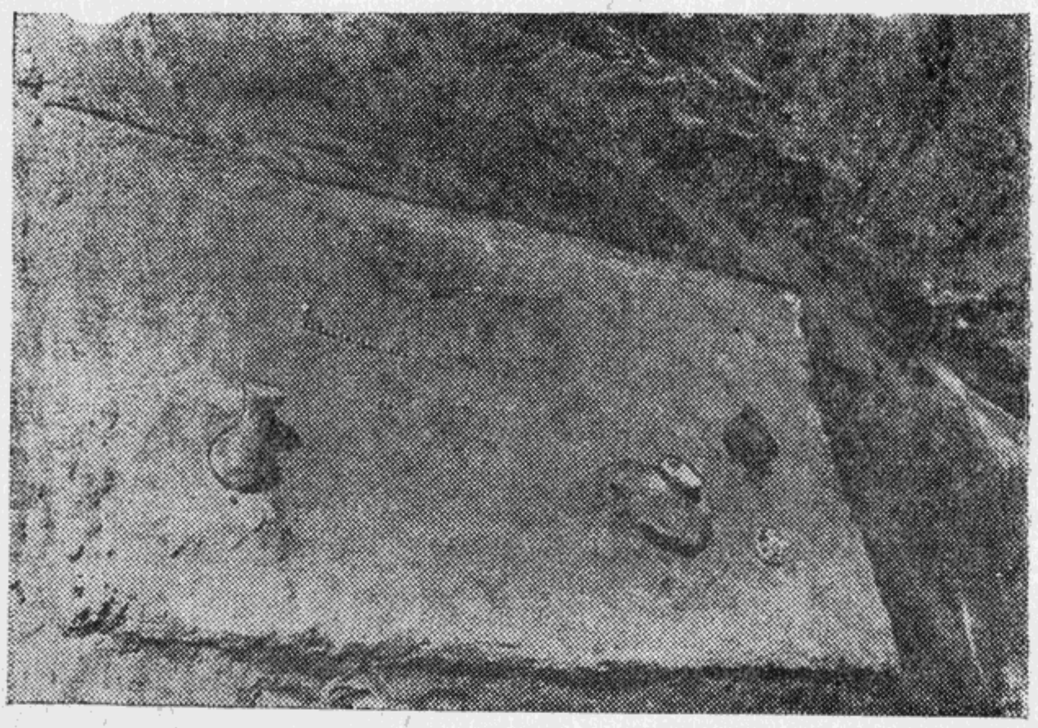

Рис. 45. Красномаяцкий могильник. Младшая группа погребений. Погребение 12 (42).

У висков находились золотые височные кольца овальной формы (два экземпляра) с заходящими друг на друга концами, сделанные из тонкой, круглой в сечении проволоки; концы их украшены поперечными надрезами. Размеры завиток: наружное очертание овала 8 x 11 мм, диаметр сечения проволоки в средней части 2 мм, у конца 1,5 мм (табл. XXXIX, 14).

Вокруг шеи собраны следующие предметы:

Бусины золотые полые шаровидной формы. Всего их 31 экземпляр; из них шесть с продольным рифлением, остальные с гладкой поверхностью. Размеры бус: диаметр сечения в средней части 6 мм, диаметр отверстия 1 мм (табл. XXXIX, 18).

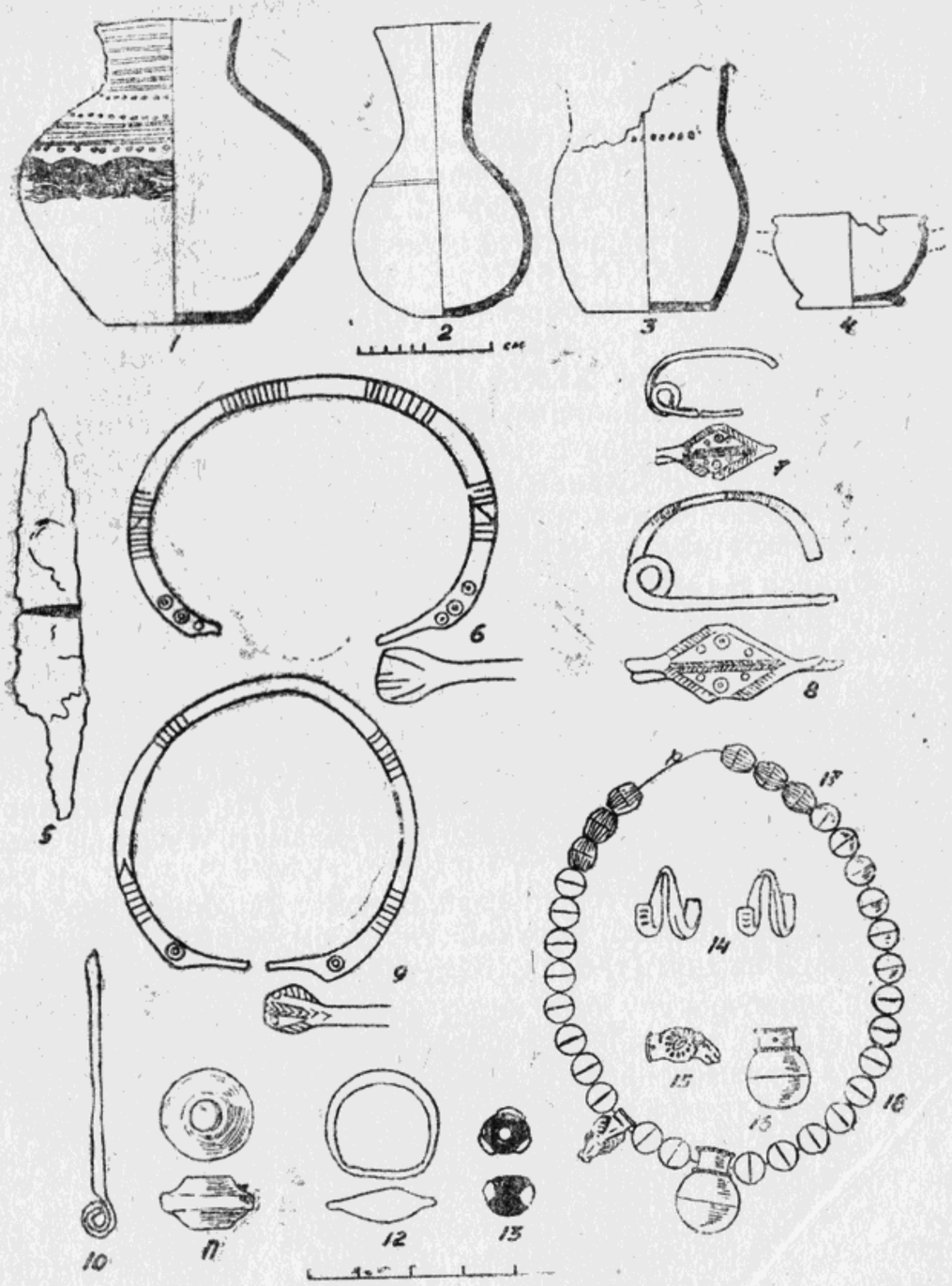

Таблица XXXIX. Красномаяцкий могильник. Младшая группа погребений V—II вв. до н. э. Погребение 12 (42). 1—3 — глина; 4 — черный лак; 5 — железо; 6, 8—10—бронза; 7, 12—серебро; 11 — свинец; 13 — паста; 14—18 — золото.

Полая золотая подвеска в виде бараньей головки. На ней рельефной чеканкой изображены: закрученные рога с поперечным рифлением, морда, глаза, уши. Размеры головки-подвески: длина 13 мм, наибольшая ширина 7 мм (табл. XXXIX, 15).

Полая золотая подвеска в виде кувшинчика с шарообразной формы туловом; украшена мелкой зернью. Размеры: высота 1,5 см, диаметр тулова 1,3 см. Горловина сосудика-подвески наглухо закрыта пластинчатой крышкой из того же металла (табл. XXXIX, 16).

Бусина из темно-синего стекла шаровидной формы, с синими глазками. Размеры: диаметр сечения 1 см, диаметр отверстия 3 мм (табл. XXXIX, 13).

На груди покойника лежали следующие предметы:

Фибула бронзовая с пластинчатой ромбовидной дужкой, украшенной гравированным орнаментом, состоящим из насечек, елочной дорожки, кружочков. Размеры: высота 2,4 см, длина 4,2 см (табл. XXXIX, 8).

Фибула серебряная с пластинчатой ромбовидной дужкой, украшенной гравированным орнаментом, состоящим из косых насечек, елочной дорожки, ромбика и кружочков. Размеры: высота 1,3 см, длина 2,5 см, ширина ромбовидной дуги в средней ее части 1,1 см (табл. XXXIX, 7).

Булавка бронзовая круглопроволочная с закрученной пластинчатой головкой. Размеры: длина 5,7 см, ширина закрученной пластинчатой головки 6 мм, диаметр сечения 3 мм (табл. XXXIX, 10).

Пряслицевидный свинцовый предмет биконической формы. Размеры: диаметр окружности 1,8 см, диаметр отверстия 6 мм, толщина 1 см (табл. XXXIX, 11).

На правую руку был надет бронзовый круглопроволочный браслет с уширенными пластинчатыми концами. Спинка браслета орнаментирована поперечными надрезами, чередующимися с гладкой поверхностью. Размеры: внутренний диаметр 4,5 x 6 см, ширина просвета между концами 2 см, диаметр круглого сечения 5 мм (табл. XXXIX, 6).

На кисти той же руки обнаружен круглопроволочный серебряный перстень с овальным плоским щитком. Размеры: внутренний диаметр кольца 1,6 x 1,8 см, диаметр сечения проволоки 1,5—2 мм (табл. XXXIX, 12). Вместе с этим предметом найдены фрагменты бронзового перстня.

На левой руке находился браслет бронзовый круглопроволочный с уширенными пластинчатыми концами, украшенными врезными остроугольниками и косыми насечками. Спинка браслета орнаментирована тонкими поперечными надрезами, чередующимися с гладкой поверхностью. Размеры браслета: внутренний диаметр 5 x 5 см, ширина просвета между концами 4 мм, диаметр круглого сечения 4 мм (табл. XXXIX, 9).

Левее, рядом с бедренной костью, стоял глиняный кувшин с биконической формы туловом, короткой горловиной, без ручки, буро-красного обжига. Он украшен врезным орнаментом, состоящим из волнообразных линий, горизонтальных поясков и косых насечек. Размеры кувшина: высота 20 см, диаметр горловины 10,7 см, диаметр тулова 26 см, диаметр дна 11 см, толщина стенки 5 мм (табл. XXXIX, 1).

Погребение 13 (43). Вскрыто в раскопе III. Захоронение произведено в подовальной яме (140 x 70 см); на глубине 80 см проявилась часть черепа, находившаяся у северо-западной стенки могилы. Следовательно, покойник был ориентирован головой на северо-запад.

В погребальной яме обнаружено одно фрагментированное круглопроволочное свинцовое колечко, лежавшее рядом с черепом покойника. Диаметр круглого сечения проволоки 7 мм.

Погребение 14 (49). Вскрыто в раскопе IV. Захоронение произведено в подовальной яме (140 x 80 см). На глубине 80 см проявились следы костяка.

В погребальной яме, ориентированной с юго-востока на северо-запад, не оказалось никаких вещей.

Погребение 15 (50). Обнаружено в раскопе IV. Захоронение произведено в подовальной яме (150 x 80 см). На глубине 80 см проявились остатки костяка, лежавшего на правом боку в скорченном положении головой на северо-запад.

В погребальной яме оказался только один тонкостенный сероглиняный горшочек плохого обжига, раздавленный тяжестью земли.

Погребение 16 (54). Вскрыто в раскопе IV. Захоронение произведено в подовальной яме (180 x 80 см). На глубине 80 см проявились следы костяка.

В погребальной яме, ориентированной с юго-востока на северо-запад, не найдено ни одной вещи.

Погребение 17 (58). Обнаружено в раскопе V. Захоронение произведено в подовальной яме (170 x 60 см). На глубине 90 см проявились остатки бедренных костей, лежавших параллельно друг другу посередине могильной ямы, что указывает на то, что покойник находился в вытянутом положении на спине с ориентацией головы на северо-запад.

В погребальной яме не оказалось ни одной вещи.

Погребение 18(71). Обнаружено в раскопе V. Захоронение произведено в подовальной яме (120 x 55 см). На глубине 80 см проявились следы костяка, среди которых были следующие предметы:

Два железных наконечника копий лавролистной формы с разрезными втулками. Первый наконечник со срединным ребром. Размеры: длина 32 см, наибольшая ширина в средней части 3,5 см, у конца 1,4см, диаметр втулки 1,8 см. Второй наконечник без срединного ребра. Размеры: длина 29 см, наибольшая ширина в средней части 3,5 см, у конца 1,5 см, диаметр втулки 2,3 см.

Фрагмент железного предмета с шипообразно отходящим изогнутым стержнем.

Погребение 19 (72). Вскрыто в раскопе V. Захоронение произведено в подовальной яме (140 x 60 см). На глубине 80 см проявились следы костяка без предметов.

Погребение 20 (73). Обнаружено в раскопе V. Захоронение произведено в подовальной яме (115 x 60 см). На глубине 80 см проявились остатки костяка.

В погребальной яме найдены следующие предметы:

Шейная круглопроволочная бронзовая фрагментированная гривна с изогнутыми в противоположные стороны концами. Диаметр сечения проволоки 3 мм.

Фрагментированный бронзовый браслет, сделанный из ленточновидной пластинки с закрученными в противоположные стороны концами. Судя по размеру он, видимо, детский.

Обломок четырехугольного долотообразного бронзового предмета. Размеры: длина сохранившейся части 2 см, толщина 3 мм.

Погребение 21 (78). Обнаружено в раскопе VI. Захоронение произведено в подовальной яме (190 x 60 см). На глубине 75 см проявились остатки костяка.

Посередине могильной ямы находился пластинчатый бронзовый браслет. Размеры: внутренний диаметр 5,5 x 6,5 см, ширина просвета между концами 2,5 см, толщина пластинки 2 мм при ее ширине 6 мм.

Погребение 22 (81). Обнаружено в раскопе VI. Захоронение произведено в подовальной яме (120 x 70 см). На глубине 80 см проявились следы костяка. Вещей не было.

Погребение 23 (82). Вскрыто в раскопе VI. Захоронение произведено в подовальной яме (150 x 70 см). На глубине 80 см проявились следы костяка. Вещей не было.

Погребение 24 (83). Обнаружено в раскопе VI. Захоронение произведено в подовальной яме (120 x 60 см). На глубине 70 см проявились остатки костяка. Вещей не было.

Погребение 25 (88). Обнаружено в раскопе VI. Захоронение произведено в подовальной яме (150 x 60 см). Костяк не сохранился. В погребении вещей не оказалось.

Погребение 26 (96). Вскрыто в раскопе VII. Захоронение произведено в подовальной яме (130 x 60 см). На глубине 90 см проявились следы костяка. Предметов не было.

Погребение 27 (98). Обнаружено в раскопе VII. Захоронение произведено в подовальной яме (140 x 70 см). На глубине 80 см проявились следы костяка.

В могильной яме находился один глиняный горшочек биконической формы, без ручки, со слегка отогнутым наружу венчиком, бурого обжига. Он с врезным орнаментом, состоящим из косых черточек и ломаных остроугольных линий. Размеры горшка: высота 10,3 см, диаметр венчика 9 см, диаметр тулова в средней части 10 см, диаметр дна 6 см, (табл. XXXVII, 13).

Погребение 28 (100). Обнаружено в раскопе VII. Захоронение произведено в подовальной яме (150 x 70 см). На глубине 80 см проявились следы костяка.

В северном углу погребальной ямы стоял сероглиняный горшочек с отбитой верхней частью. Размеры сосуда: диаметр тулова в средней части 10 см, диаметр дна 5,3 см, толщина стенки 5 мм.

Погребения 29 (103), 30 (104), 31 (105). Вскрыты в раскопе VII. Захоронения произведены в подовальных ямах (140 — 150 x 60 см). На глубине 80 см проявились следы костяка. Вещей не найдено.

Погребение 32 (113). Вскрыто в раскопе VIII. Захоронение произведено в подовальной яме (160 x 80 см). На глубине 60 см проявились следы костяка. По всей могильной яме встречались обломки плоской красноглиняной черепицы раннеантичной эпохи. Видимо, захоронение это имело черепичное перекрытие.

В погребальной яме обнаружены следующие предметы:

Кубок с выпуклым биконической формы туловом, двумя петлевидными ручками, со слегка отогнутой наружу закраиной, глубоким кольцевидным поддоном. Ручки украшены рельефными валиками. Сосуд покрыт оранжево-красным и темно-бурым лаками, сделан из хорошо отмученной тонкой глины, без заметных примесей, палевого обжига. Средняя часть тулова кубка опоясана двумя параллельно расположенными врезными линиями. Размеры сосуда: высота 8,5 см, диаметр тулова в средней части 10 см, диаметр верхнего открытого края 8 см, диаметр расширенной ножки 5,5 см. Чаша по составу глины, покрытию лака и форме малоазийского происхождения (табл. XXXVII, 11).

Браслет бронзовый, из крученой, круглой проволоки с изгибом в средней части, с граненными ромбического сечения утолщенными концами. Размеры: внутренний диаметр 5 x 5 см, ширина просвета между концами 2 см, диаметр сечения в средней части 2,5 см (табл. XXXVII, 1).

Бусы пастовые голубого цвета, мелкие, округлой формы (50 экз.), диаметр сечения 3—4 мм, диаметр отверстия 1—1,5 мм (табл. XXXVII, 7, 8).

Бусы стеклянные золотистого цвета (7 экз.); из них две биконической формы величиной 5—6 мм, диаметр отверстия 1 мм; остальные пять округлой формы, диаметр сечения 4 мм, диаметр отверстия 1,5 мм (табл. XXXVII, 9, 10).

Бусы сердоликовые цвета пива, бочонкообразной формы (3 экз.) хорошей полировки, величиной 7 мм, диаметр отверстия 1 мм (табл. XXXVII, 4—6).

Серьги (?) серебряные круглопроволочные в виде кольца с заходящими друг на друга утоньшенными концами, украшенными поперечными надрезами. Размеры: диаметр овала 1,6 x 2,2 см, диаметр сечения проволоки 1 мм (табл. XXXVII, 2, 3).

Погребение 33 (116). Обнаружено в раскопе VIII. Захоронение произведено в подовальной яме (150 x 70 см), ориентированной с юго-востока на северо-запад. Дно ее вымощено мелкой морской галькой. На глубине 80 см проявились следы костяка. Предметов не найдено.

Погребение 34 (117). Вскрыто в раскопе VIII. Захоронение произведено в подчетырехугольной яме (160 x 70 см). На глубине 80 см проявились следы костяка.

В погребальной яме обнаружен фрагментированный железный нож.

Погребение 35 (119). Обнаружено в раскопе IX. Захоронение произведено в подовальной яме (150 x 70 см). На глубине 80 см проявились следы костяка.

В северо-западном углу могильной ямы находился черноглиняный горшок банкообразной формы со слегка отогнутым наружу венчиком. Сосуд хрупкий, пористый, плохого обжига, сделан из плохо отмученной глины с малой примесью песка.

В средней части ямы обнаружены фрагменты пластинчатого ленточковидного бронзового пояса.

Погребение 36 (121). Обнаружено в раскопе IX. Захоронение произведено в подовальной яме (150 x 70 см). На глубине 80 см проявились следы костяка.

В могильной яме найдены фрагменты круглопроволочного бронзового браслета с тонкими поперечными надрезами, чередующимися с гладкой поверхностью.

Погребение 37 (122). Вскрыто в раскопе IX. Захоронение произведено в подовальной яме (150 x 70 см). На глубине 80 см проявились следы костяка. Вещей не было.

Погребение 38 (149). Обнаружено в раскопе X. Захоронение произведено в подовальной яме (150 x 70 см). На глубине 80 см проявились следы костяка.

В погребальной яме найдены следующие предметы:

Браслет бронзовый круглопроволочный с изгибом в средней части. Размеры: внутренний диаметр 4,2 x 5,8 см, ширина просвета между концами 2 см, диаметр круглого сечения 2 мм.

Нож железный фрагментированный.

Горшочек сильно фрагментированный бурого обжига, с гребенчатым рифлением.

Погребение 39 (150). Вскрыто в раскопе X. Захоронение произведено в подовальной яме (160 x 70 см). На глубине 80 см проявились следы костяка.

В погребальной яме обнаружен ряд вещей. У северо-западного угла ямы найдены следующие предметы:

Амфора красноглиняная с конусообразно вытянутым вниз туловом, массивной короткой ножкой, слегка расширяющейся к основанию. Горловина и ручки не сохранились. Размеры сосуда: высота сохранившейся части 58 см, наибольший диаметр тулова 30 см (табл. XL, 3).

Амфориск красноглиняный с яйцевидной формы туловом, высокой цилиндрической формы ножкой. Горловина не сохранилась. Размеры: высота сохранившейся части 11 см, диаметр тулова 4,2 см, толщина стенки 3 мм. Амфориск, видимо, был предназначен для наливания духов (табл. XL, 2).

В средней части могильной ямы на расстоянии 35 см друг от друга располагались два бронзовых круглопроволочных браслета с выгибом в средней части с утолщенными концами, изображающими стилизованные звериные головки. Первый браслет: внутренний диаметр 5,4 x 6,3 см, ширина просвета между концами 12 мм, диаметр сечения проволоки 3—4 мм. (табл. XL, 4). Второй браслет: внутренний диаметр, 4,5 x 5,5 см, ширина просвета между концами 2 мм, диаметр сечения проволоки 3—4 мм (табл. XL, 5).

В юго-восточной части могильной ямы находилась на боку красноглиняная амфора с конусообразно расширяющимся кверху выпуклым туловом, с двумя ручками, короткой широкой горловиной, массивной короткой ножкой, слегка расширяющейся к основанию. Размеры: высота 56 см, наибольший диаметр тулова 32 см, диаметр горловины 7,5 см (табл. XL, 1).

По всем материалам описанные погребения датируются в основном V—II вв. до н. э. Они характеризуют, с одной стороны, достаточно оригинальную культуру местного населения, а с другой — показывают определенное включение в эту местную среду античной культуры населения Диоскурии.

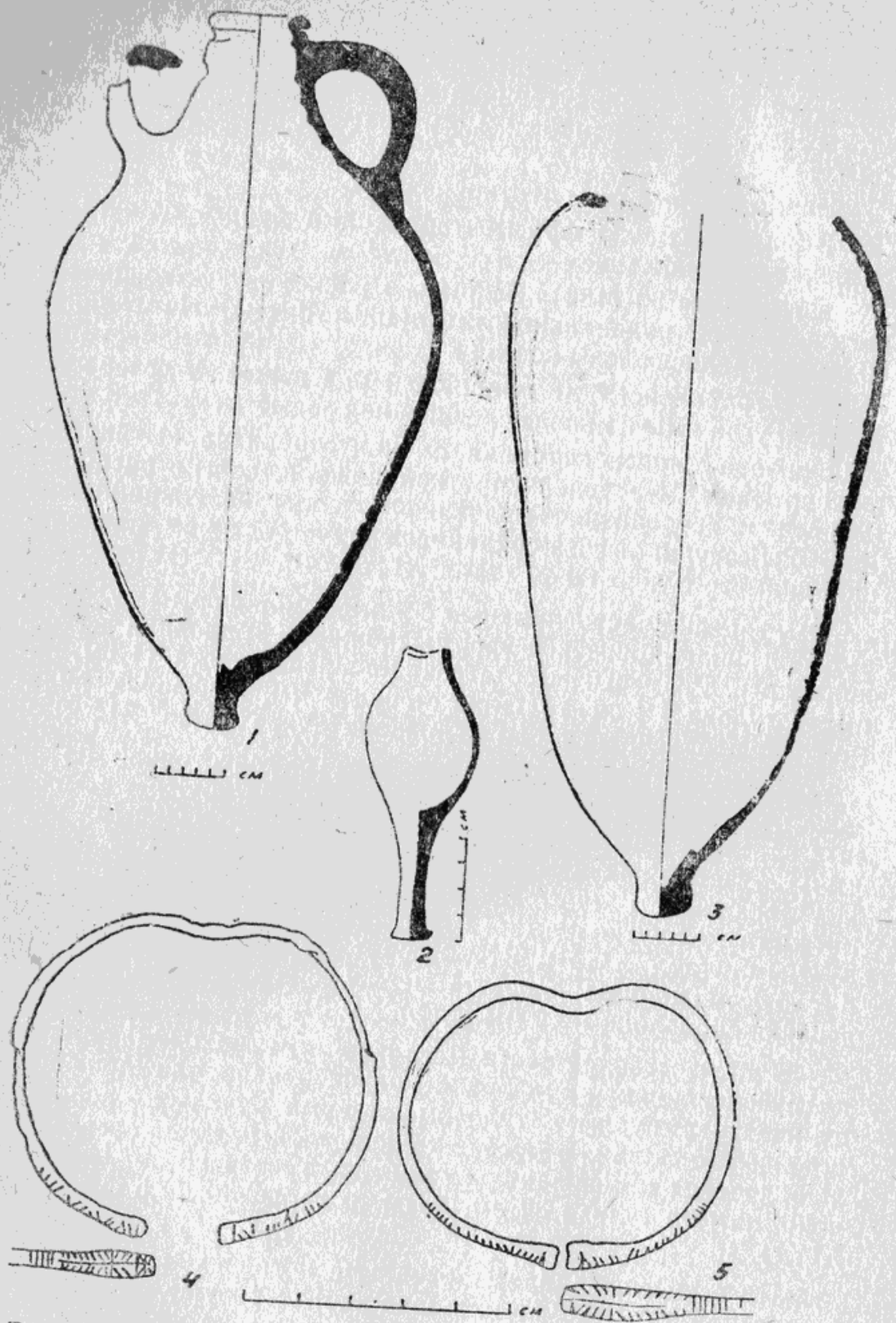

Таблица XL. Красномаяцкий могильник. Младшая группа погребений V—II вв. до н. э. Погребение 39 (150). 1—3—глина, 4—5 бронза.

Глава V

СУХУМИ В ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ ВРЕМЯ

1. РИМСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ НА ПОБЕРЕЖЬЕ АБХАЗИИ

В последней четверти II в. до н. э. в северо-восточной части Малой Азии существовало сильное Понтийское государство, возглавлявшееся царем Митридатом VI Евпатором. В конце этого времени Митридат VI присоединил к своим владениям значительную часть Черноморского побережья Кавказа, в том числе и Абхазию. В его владения входило и Северное побережье Черного моря — Боспорское царство.

Римское рабовладельческое государство, которое с III в. до н. э. вело завоевательные войны на Востоке, уже в конце II в. до н. э. имело свои владения в Малой Азии. Оно стремилось полностью завоевать Малую Азию и побережье Черного моря. Такая политика со стороны Рима привела к столкновению интересов двух государств. Митридат вступил в решительную схватку с Римом, продолжавшуюся около 25 лет. Союзниками Митридата VI были армянский, иберский и албанский цари. Борьба в конечном итоге закончилась победой римлян.

По сообщению Аппиана, когда Митридат VI под натиском римлян в 66 г. до н. э. отступил из Малой Азии, то он вместе с остатками своей разгромленной армии закрепился в Диоскурии, где провел целую зиму[1].

После бегства Митридата из Малой Азии римские легионы под командованием Гнея Помпея захватили Армению, Иберию и вторглись в Колхиду. Говоря о причинах вторжения римлян в Закавказье, Г. А. Меликишвили пишет: «Нельзя думать, что причиной данного похода было лишь преследование Митридата, или, идя в поход против этих закавказских областей, Помпей стремился лишь к увеличению своей славы, простому расширению пределов римских завоеваний, захвату добычи, пленных и т. д. Несомненно, римляне должны были иметь также и другие, особые интересы в Закавказье. Для них должно было стать ясным исключительно большое стратегическое значение Закавказья как барьера против северных кочевников. К этому следует добавить и то, что Закавказье представляло важную артерию для связи с Северным Причерноморьем, особенно влекущим римлян как богатейший источник добычи рабов. Закавказье привлекало римлян также и с точки зрения его использования в качестве торгово-транзитной дороги, связывающей Средизем-

[1] Аппиан, Митридатовы войны, Тбилиси, 1959, стр. 195—196.

номорье со странами Средней Азии, Индии и далекого Китая»[2].

По сообщению Диона Кассия, преследуя Митридата, Помпей «прошел через земли колхов и их соседей, действуя то убеждением, то страхом». Так он дошел до Фазиса, где его встретил Публий Сервий с римской эскадрой. Однако двигаться дальше Помпей не решился, опасаясь сопротивления местного населения. По словам Диона Кассия, Помпей, «узнавши здесь, что путь по материку идет через земли многих неизвестных и воинственных племен, а морской путь еще затруднительнее вследствие отсутствия гаваней в этой стране и суровости его обитателей, приказав флоту сторожить Митридата... сам отправился против албанцев»[3].

Позднеантичный автор Аппиан указывает, что Помпей, отправляясь против албанцев, поставил во главе колхов некоего Аристарха[4]. Одна монета (драхма), чеканенная именем Аристарха и датируемая 52—51 гг. до н. э., опубликована Д. Г. Капанадзе[5].

Во второй половине I в. до н. э., в Риме, в результате внутренних социально-политических противоречий, произошло падение республики и установление монархического строя во главе с императором. Этим событием воспользовался сын Митридата VI Евпатор Фарнак, стоявший во главе Боспорского царства. Он поднял восстание и отложился от них. Дион Кассий сообщает по этому поводу следующее: «Фарнак начал стремиться к возвращению себе отцовского царства и захватил много местностей... Он без труда подчинил себе Колхиду и всю Армению, некоторые города Каппадокии и Понта»[6].

Таким образом, Колхида перешла под власть Фарнака, на короткий срок превратившегося в царя не только Боспора, но и Колхиды, Понта и Малой Армении[7]. Однако в борьбе с Римом Фарнак потерпел в конечном итоге поражение и вскоре погиб.

После его смерти развернулась ожесточенная борьба между новым правителем Боспора Асандром и ставленником Рима в Понтийском царстве Митридатом Пергамским. Колхида стала ареной военных действий[8] и подверглась сильно-

2 Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 324.
3 В. В. Латышев, Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе, т. II, вып. 1, стр. 615.
4 Аппиан, Митридатовы войны, стр. 221.
5 Д. Г. Капанадзе, Грузинская нумизматика, М., 1955, стр. 42.
6 В. В. Латышев, Известия..., т. II, вып. 1, стр.
7 Г. А. Меликишвили, Указ. соч., стр. 332.
8 Там же, стр. 333.

му разорению. Практически она потеряла в это время свою экономическую и политическую целостность[9].

В конце I в. до н. э. Колхида входила в состав владений понтийского царя Полемона. Страбон сообщает: «С падением Митридата рушилось все подвластное ему царство и было разделено между многими лицами. В последнее время Колхидой владел Полемон, а после его смерти правит супруга его Пифодорида, царствующая и над колхами, Трапезундом, Фарнакией и живущими выше ее варварами»[10]. Таким образом, в начале нашей эры под властью Пифодориды находилось все юго-восточное Причерноморье, а сама она являлась вассалом Римской империи.

В 63 г. н. э. римляне, аннулировав вассальную зависимость Пифодориды, превратили Понт в свою провинцию и утвердились в районе Восточного Причерноморья и в Крыму. В этом отношении интерес представляет следующее сообщение античного автора того времени Иосифа Флавия, который писал: «Гениохи и колхи, и племя тавров, и бесфораны, и народы, живущие вокруг Понта и Меотийского озера, которые прежде не знали даже и собственного повелителя, повинуются теперь трем тысячам гоплитов (тяжело вооруженных), а сорок военных кораблей создали спокойствие и мир на диком море (Понте), по которому прежде нельзя было плавать»[11].

По данным других древних авторов, положение в Колхиде в I в. н. э. было не совсем спокойно и мирно. Так, Страбон указывает, что набеги соседних племен (гениохов и др.) на римские владения продолжались. От них, по его словам, «области, подчиненные римлянам, более беспомощны вследствие нерадения посылаемых ими правителей»[12]. Он же свидетельствует, что все побережье Черного моря подчинено римлянам, «если не брать в расчет земель арейцев, зихов и гениохов, ведущих разбойническую и кочевую жизнь в тесных и скудных местах»[13].

При таком положении дел население Колхиды все больше и больше проявляло недовольство римским господством; оно подняло в 69 г. н. э. массовое восстание против римлян во главе с представителем местных племен Аникетом[14]. Хотя основным очагом восстания была Южная Колхида, но, по-ви-

9 Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 333.
10 Д. И. Гулиа, История Абхазии, т. 1, Сухум, 1925, Приложение второе. Древнейшие сведения о Колхиде и колхах (Извлечение из древнегреческих описаний Кавказа), стр. 254.
11 Там же, стр. 276.
12 Там же, стр. 252.
13 Там же, стр. 257.
14 А. И. Болтунова, «Восстание Аникета», ВДИ, 1939, № 2; см. Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 365—367.

димому, и Северная Колхида не оставалась в стороне от этой борьбы. Во всяком случае, одно из североколхидских племен (седохезы), жившее вблизи Ингури, на определенном этапе восстания принимало в нем активное участие. Не случайно, что после поражения восстания Аникет и многие его сторонники бежали именно сюда, но впоследствии были выданы римским властям «царем» седохезов[15]. Восстание Аникета показало Риму несбыточность его замысла полного подчинения Колхиды. Для Рима становится очевидным, что в Колхиде, как ранее в Иберии, фактически придется довольствоваться установлением союзнических отношений. Не случайно поэтому, что уже при императоре Траяне (98—117 гг.) Колхида начинает фигурировать наравне с Иберией. По сообщению римского историка Евтропия, Траян «принял колхов в подданство» так же, как иберов и некоторые другие народы[16].

Надо полагать, что уже не позднее I в. н. э. между Римом и новыми политическими образованиями, возникшими на территории Колхиды, складываются отношения вассально-политической зависимости. В «Перикле» Флавия Арриан отметил на территории, соответствующей нынешней Абхазии, три политические единицы. В своем отчете императору Адриану он сообщает: «За лазами следуют апсилы; у них царь Юлиан, получивший царство от своего отца. С апсилами граничат абазги: у абазгов царь Рисмаг; этот также получил свою власть от тебя. Рядом с абазгами—саниги, в земле которых лежит Себастополис; царь санигов Спадаг получил царство от тебя»[17].

Приведенное сообщение показывает, что правители трех названных местных политических образований находились в вассальной зависимости от Рима и признавали в какой-то степени верховную власть Римского императора. Эта зависимость сводилась, надо полагать, к формальному утверждению Римом прав правителей новых абхазских политических образований. В чем остальном выражалась эта зависимость от Рима, сказать трудно; по-видимому, она не выходила за рамки дипломатических или военных сфер[18].

В I в. н. э. римляне не имели еще своих укреплений на побережье Абхазии и не смогли превратить этот край в свою провинцию. Греческий географ Страбон в начале I в. н. э. говорит о Диоскурии, как о богатом цветущем городе[19]. Его

15 З. В. Анчабадзе, История и культура древней Абхазии, М., 1964, стр. 190.
16 Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 369.
17 Д. И. Гулиа, Указ. соч., Приложение второе, стр. 263.
18 З. В. Анчабадзе, Указ. соч., стр. 191.
19 Д. И. Гулиа, Указ. соч., Приложение второе.

младший современник Гай Плиний Секунд (29—79 гг. н. э.), родившийся спустя 5 лет после смерти Страбона, в отношении этого города уже сообщает, что «теперь он (Диоскурия — М. Т.) находится в запустении»[20].

Письменные сообщения Плиния Секунда наглядно подтверждаются материалами археологических раскопок в районе древних городов Абхазии. Так, культурные слои I в. до н. э. — I в н. э. на территории Сухумской крепости и на участке гр. Одинца оказались очень слабо выраженными и дали лишь единичные находки, что явно свидетельствует об упадке и кризисе в жизни древней Диоскурии. Этот факт также указывает на то, что в I в. н. э. на побережье Абхазии, очевидно, еще отсутствовали римские укрепления. Только в последующее время римляне начинают создавать здесь свои укрепления.

В первой половине II в. н. э. на месте Диоскурии возникает римский укрепленный пункт-город, названный Себастополисом в честь римского императора Августа (27 г. до н. э.—14 г. н. э.), имевшего прозвище «Себастос» (священный, достойный поклонения).

Себастополис, как и Диоскурия, связан с современным Сухуми. Непосредственным доказательством этого является интересный полузабытый фрагмент известняковой плиты с латинской надписью[21]. История находки такова. В 1896 г. в Сухумской крепости строили набережную Российского пароходного общества. Во время этих работ были случайно открыты остатки древнего каменного сооружения, напоминавшего мол. При разборке этого мола местный краевед, любитель археологии В. И. Чернявский нашел заделанный в кладку мола фрагмент известняковой плиты с хорошо сохранившейся надписью.

Сохранившийся фрагмент плиты (17 x 16,5 см) представлял собою нижнюю часть посвятительной надписи, буквы которой были глубоко вырезаны в камне и окрашены в красный цвет для большей видимости. Сохранившаяся часть надписи имеет следующий вид:

1 строка Had...
2 строка pev Fl. A...
3 строка leg...

Содержание ее связано с командировкой Флавия Арриана, направленного императором Адрианом для осмотра гар-

20 Д. И. Гулиа, Там же, стр. 274.
21 М. И. Ростовцев, Надпись из Сухума, Зап. Одесского Общ. ист. и древн. России, т. XXVII, 1907, приложение к проток. 365 заседания, стр. 4—6; Его же, Латинские надписи юга России, ИАК, вып. 33, СПб., 1909, стр. 12, табл. 1.

низонов по южному и восточному берегам Черного моря. Согласно докладу Арриана императору, им были осмотрены римские крепости в Трапезунте, Апсаре, Фасисе и Себастополисе, причем, кроме осмотра, местами делался ремонт укреплений и производилась установка надписей, как, например, в Трапезунте. Найденная в Сухуми надпись содержит в верхней строке часть имени императора Адриана, во второй — указание на акт, произведенный через Флавия Арриана, и, наконец, в последней строке — или титул leg/atus (легат) или принадлежность упомянутого в средней строке лица какому-нибудь легиону leg (ionis)[22].

Так как Себастополис был конечным пунктом путешествия Арриана, эта надпись, найденная в Сухуми, дала возможность еще В. И. Чернявскому поставить вопрос о местонахождении римской крепости и вместе с тем древней Диоскурии в районе современного Сухуми[23].

Говоря о Себастополе, Арриан называет его то Себастополисом, то Диоскурией, оговариваясь иногда, что теперь его называют Себастополисом. «Себастополис основан милетянами и раньше назывался Диоскурией».

Свидетельства Арриана ясно показывают, что к его времени на месте древней Диоскурии, разрушенной, по-видимому, незадолго до того, уже образовалось римское военное поселение Себастополис, однако название это еще не привилось, и автор, сам римлянин, все время то прямо называет Себастополь Диоскурией, то оговаривается, что его так называли раньше. Местоположение Себастополиса-Диоскурии, по Арриану, таким образом, с большой точностью совпадает с современным Сухуми.

Город Себастополис в первой половине II в. н. э. представлял небольшую крепость с римским гарнизоном. Этому не противоречит описание посещения крепости римским легатом (послом) Аррианом: «Миновав Астелеф, мы раньше полудня прибыли в Себастополь, двинувшись от Хоба, в 120 стадиях от Астелефа, Поэтому мы в тот же день успели выдать жалование солдатам, осмотреть коней, оружие, прыгание всадников на коней, больных и хлебные запасы, обойти стену и ров»[24].

Приведенное сообщение Арриана определенно указывает на то, что крепость с ее гарнизоном была незачительна по величине, и она находилась близко от берега, если Арриан

22 М. И. Ростовцев, Надпись из Сухума..., стр. 5; Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, 1, Тбилиси, 1949, стр. 124—126; З. В. Анчабадзе, Указ. соч., стр. 225.

23 Газета «Черноморский вестник», Батуми, 27. VII—1896 г.

24 В. В. Латышев, Указ. соч., стр. 222.

выполнил свои инспекторские обязанности в столь короткое время. Во всяком случае, она значительно уступала укрепленному Фазису, которому Арриан явно отдает предпочтение. О Фазисе он, в частности, говорит: «Прежде стена была земляная и на ней стояли деревянные башни, но теперь и стена и башни построены из обожженного кирпича»[25]. В Себастополисе ему нечего отмечать, по-видимому, он сохранял еще характер временного укрепления, со рвом, наполненным водой, и земляным валом, на котором стояли деревянные стены и башни. Он ни слова не говорит о сторожевых постах (башнях) за городом. Их, по-видимому, в это время просто еще не было.

В сообщениях Арриана ничего не сказано также о хозяйственной жизни города Диоскурии-Себастополиса. Это говорит о том, что город утратил свое прежнее экономическое значение и превратился в обычное военное поселение.

Однако в последующее время, примерно со второй половины II в. н. э., Себастополис постепенно растет, а к III в. н. э. становится сравнительно крупным торгово-ремесленным центром. Культурный слой, относящийся к тому периоду, в отличие от предшествующего времени, насыщен разнообразными находками[26].

В наше время остатки Себастополиса так же, как и Диоскурии, располагавшиеся на берегу моря, находятся в значительной части под водой, вследствие постепенного опускания берега, начавшегося в первых веках нашей эры. Но все же о памятниках культуры Себастополиса, о хозяйственной жизни города и о его экономическом уровне развития мы можем судить больше, ибо часть города Себастополиса оказалась доступной для исследования.

Во второй половине II в. н. э. римляне превратили в укрепленный город другой пункт в древней Абхазии—Питиунт, который еще во времена Флавия Арриана являлся простой стоянкой. В этом городе, как и в Себастополисе, римляне разместили свой гарнизон. Об этом, прежде всего, свидетельствует найденная в Пицунде, в культурном слое второй половины II—первой половины III в. н. э. керамическая плитка с сохранившейся частью надписи „leg", что, надо полагать, является клеймом размещенного здесь легиона, как это обычно было принято у римлян[27].

Археологическими раскопками, произведенными в районе Пицундского мыса, установлено, что «Великий Питиунт»,

25 В. В. Латышев, Указ. соч.

26 А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе, «Новые материалы к археологии Диоскурии-Себастополиса», Труды АбИЯЛИ, XXXIII, Сухуми, 1963, стр. 222.

27 Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 372—373.

как его называют древние авторы Артемидор и Страбон, являлся действительно большим, богатым торговым городом, центральная часть которого была укреплена грандиозной каменной стеной, снабженной четырехугольными и многоугольными башнями и контрфорсами. На территории центральной укрепленной части города выявлены и раскопаны многочисленные остатки разнохарактерных сооружений кремля-акрополя «Великого Питиунта». Среди его развалин особо выделяются оборонительные, культовые, хозяйственные, санитарно-технические сооружения и жилые кварталы, характеризующие жизнь и коммунальное хозяйство населения города. Привлекает внимание раскопанная баня, типичная для II—III вв. н. э. Баня, имевшая канализационную и водопроводную сеть с центральным коллектором, состояла из четырех залов, среди которых один был предназначен для отдыха. Пол этого зала был выложен квадратными и ромбовидными керамическими и каменными плитами.

Особенно ценным открытием следует считать древнейший храм с великолепной мозаикой, расположенный на территории акрополя. Храм с базами 10 мраморных колонн представляет собой трехнефную базилику с выступающей пятигранной абсидой, которая отличается разновременными наслоениями, что дает возможность считать его памятником эпохи распространения христианства в Грузии. Архитектурные формы базилики, строительная техника и мотивы декоративного убранства позволяют отнести храм к IV в. н. э. Следовательно, этот храм является древнейшим из всех христианских храмов Северного и Восточного Причерноморья. Особый и наибольший интерес представляет мозаика пицундского храма; она сложена из местных белых, темно-синих, буро-красных, светло-желтых камешков различных форм. Здесь изображен растительный и животный мир: коровы, телята, голуби, павлины, дуб, гранат и т. д., отражающие местную языческую религиозную символику. Имеется также изображение большой вазы с обнаженной человеческой фигурой. Мозаика, видимо, была сделана на средства одного из представителей местной знати, некоего Орэла, имя которого написано на мозаичном полу в центральной части алтаря. Надпись эта гласит: «В моленьи за Орэла и за весь его дом»[28].

Раскопки культурных слоев города дали большое число бытовой хозяйственной керамики III в. н. э., главным образом, местного призводства. Эти керамические изделия характеризуются амфорами, краснолаковыми сосудами, среди которых встречаются и привозные образцы III в. н. э.[29] Представлены также обломки импортных стеклянных сосудов. Очень много фрагментов кровельной черепицы.

В культурных слоях Питиунта найдено более 1050 монет, относящихся в основной своей массе к I—IV вв. н. э. Подавляющее большинство монет происходит из Малой Азии, главным образом, из Трапезунта. Значительная часть монет (312 экз.) относится к III в. н. э. Это наглядно свидетельствует о том, что III в. был временем экономического расцвета городской жизни в Питиунте. Экономический уровень развития Питиунта был высок еще и в IV в. н. э. Монет, относящихся к этому времени, насчитывается 500 экземпляров[30].

Римские укрепления существовали и в других пунктах на побережье Абхазии: Гагра, Новый Афон. В Гагра на территории средневековой крепости ранее располагалось, очевидно, упоминаемое Аррианом римское укрепление Нитика, называвшееся в раннеантичное время Триглитом. В нижней части кладки раннесредневековой крепости местами прослеживаются фрагменты стен, относящихся, видимо, к римскому времени. К сожалению, никаких археологических работ по исследованию места расположения крепости еще не проведено. Раскопки могут дать интересные материалы.

В Афоне остатки римского укрепления сохранились и на вершине Иверской горы, где расположен акрополь Анакопии. Фрагмент южной стены этого акрополя с восточной башней относится к позднеантичному времени. Раскопками, проведенными на вершине Иверской горы и у северной ее подошвы, найдены единичные обломки римской краснолаковой посуды III—IV вв. н. э.

Римские правители, создавая укрепленные пункты на побережье Абхазии, преследовали, главным образом, свои военно-стратегические и политические цели. Поэтому сношения Рима с Кавказским побережьем не приобрели характера прочных экономических и культурных связей. Восстановленные и укрепленные ими города являлись, прежде всего, военными форпостами на дальных подступах к империи, опираясь на которые, они не раз пытались подчинить себе весь край. Однако все их попытки проникнуть в глубь страны неизменно наталкивались на активное сопротивление местного населения. Археологические раскопки, проведенные в последние годы во внутренних районах Абхазии, в частности в Цебельде, показывают, что местное население в рассматриваемую

---

28 См. сообщения А. М. Апакидзе, сделанные на научных сессиях Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили АН Груз. ССР, посвященные итогам полевых археологических работ с 1952 по 1960 г.

29 О. Д. Лордкипанидзе, Краснолаковая керамика из раскопок Пицунды, Вест. отд. обществ. наук АН ГССР, Тбилиси, 1962, № 1, стр. 231 и сл.

30 З. В. Анчабадзе, Указ. соч., стр. 198—199.

эпоху было весьма хорошо вооружено. Наличие большого количества оружия в Цебельдинских некрополях свидетельствует об исключительно воинственном характере местного населения, которое во II—IV вв. н. э. вело упорную борьбу с римскими захватчиками[31].

Уже с конца III—IV вв. н. э. все римские укрепления-города, в том числе Себастополис и Питиус, как показывают материалы раскопок, подвергались частым нападениям и разрушениям со стороны местных племен, стремившихся к полной политической независимости от римской империи. Племена эти в I — первой половине II в. н. э. были уже известны у римлян под названием апсилов, абазгов, санигов — непосредственных предков абхазского народа.

В конце V в. н. э., как свидетельствуют археологические материалы, римские укрепления-города (Себастополис, Питиус и др.) на побережье Абхазии теряют свое прежнее значение, и жизнь уже здесь к тому времени в основном замирает. Поэтому, очевидно, на обследованных участках в Сухуми нет соответствующих культурных слоев, которые могли бы говорить об обратном. Аналогичное же положение наблюдается и в Пицунде.

2. ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ СЕБАСТОПОЛИСА

В 1952 г. при проведении набережной через территорию Сухумской крепости автор произвел расчистку приморской стены и установил, что в серых глинах, лежащих в ее основании, встречаются черепки чернолаковой посуды времени Диоскурии.

В 1958 г. начались работы Абхазского института языка, литературы и истории. Отрядом[32], работавшим в 1958 году, была раскопана третья стена с башнями и контрфорсами («восточное укрепление», по терминологии Л. Н. Соловьева и Л. А. Шервашидзе), восточный участок первой приморской

31 М. М. Трапш, «Некоторые итоги раскопок Цебельдинских некрополей в 1960—1962 гг.» Труды АбИЯЛИ, XXXIII, Сухуми, 1963, стр. 266.

32 Состав отряда: научные сотрудники Абхазского института: кандидат искусствоведческих наук Л. А. Шервашидзе (начальник отряда), кандидат исторических наук Л. Н. Соловьев (археолог); лаборанты Е. Х. Скорнякова, В. В. Бжания, С. И. Новицкий. Позже приняла участие в работах младший научный сотрудник Института истории им. Джавахишвили АН ГССР Р. Г. Путуридзе. В исследовании дна Сухумской бухты, помимо Л. А. Шервашидзе, принимали участие начальник Сухумской спасательной станции В. И. Скасырский и водолазы С. М. Аветисян, К. Д. Пархариди, Ч. Д. Кобалия, П. С. Саркисян.

стены («западное укрепление», по терминологии Л. Н. Соловьева и Л. А. Шервашидзе), расположенный внутри парапета набережной, была расчищена снаружи третья стена с двумя башнеобразными выступами.

В 1959 г. работы Абхазского института были продолжены[33]. Были описаны кладки первой приморской стены, выходящие к пляжу, за пределы парапета набережной. Были изучены культурные слои, прилегающие снаружи ко второй стене с двумя башнеобразными выступами, а также заполнение этих выступов. Были исследованы культурные слои, заполняющие угловую башню третьей стены. Против фронта третьей стены был заложен ряд больших шурфов для изучения площади перед стенами. В западной части участка вне линии стен была открыта и исследована гончарная печь.

В том же 1959 г. экспедиция Института им. Джавахишвили АН ГССР под руководством А. М. Апакидзе и О. Д. Лордкипанидзе[34] произвела раскопку участка набережной, примыкающего к западной части первой приморской стены. Здесь были обнаружены и исследованы остатки жилого комплекса и двора рубежа I—II в. н. э.

Углубившись ниже уровня моря, грузинские археологи нашли в слое серых иловатых глин, насыщенных водой, многочисленные зерна винограда, сопровождаемые черепками чернолаковой посуды времени Диоскурии.

Настоящий раздел посвящен итогам археологических работ исследований М. М. Трапша в 1952 и 1959 гг. и работ перечисленных трех отрядов в 1958 и 1959 гг.[35]

Древний Себастополис, как показывают археологические исследования дореволюционного и советского периодов, имел, несомненно, несколько цитаделей. Об этом свидетельствуют остатки оборонительных стен, сохранившиеся в различных пунктах современного Сухуми и на дне Сухумской бухты.

33 Состав отряда М. М. Трапш (нач. отряда), Л. Н. Соловьев (зам. начальника) лаборанты В. С. Орелкин, Е. Х. Скорнякова.

34 Кроме указанных лиц, в составе отряда находились: Д. Г. Капанадзе, К. И. Бердзенишвили, Р. В. Путуридзе, В. А. Леквинадзе, А. В. Бохочадзе, Г. Ф. Дундуа, М. К. Хотелашвили, Ю. Н. Воронов, В. В. Канделаки, Л. В. Асатиани, К. К. Квес, Ю. Д. Пахомов, Р. Атоян.

35 Результаты работ 1958—1959 гг. опубликованы в следующих статьях: 1) Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьев, «Исследование древнего Себастополиса», СА, № 3, 1960; 2) М. М. Трапш, «Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г.», Труды АбИЯЛИ, т. XXXIII—XXXV, Сухуми, 1963; 3, А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе, «Новые материалы по археологии Диоскурии-Себастополиса», Труды АбИЯЛИ, т. XXXIII—XXXIV, Сухуми, 1963; 4. В. А. Леквинадзе, «Оборонительные сооружения Себастополиса», СА, № 1, 1966; 5. Л. А. Шервашидзе, Повесть о городе, взятом волнами, Сухуми, 1967.

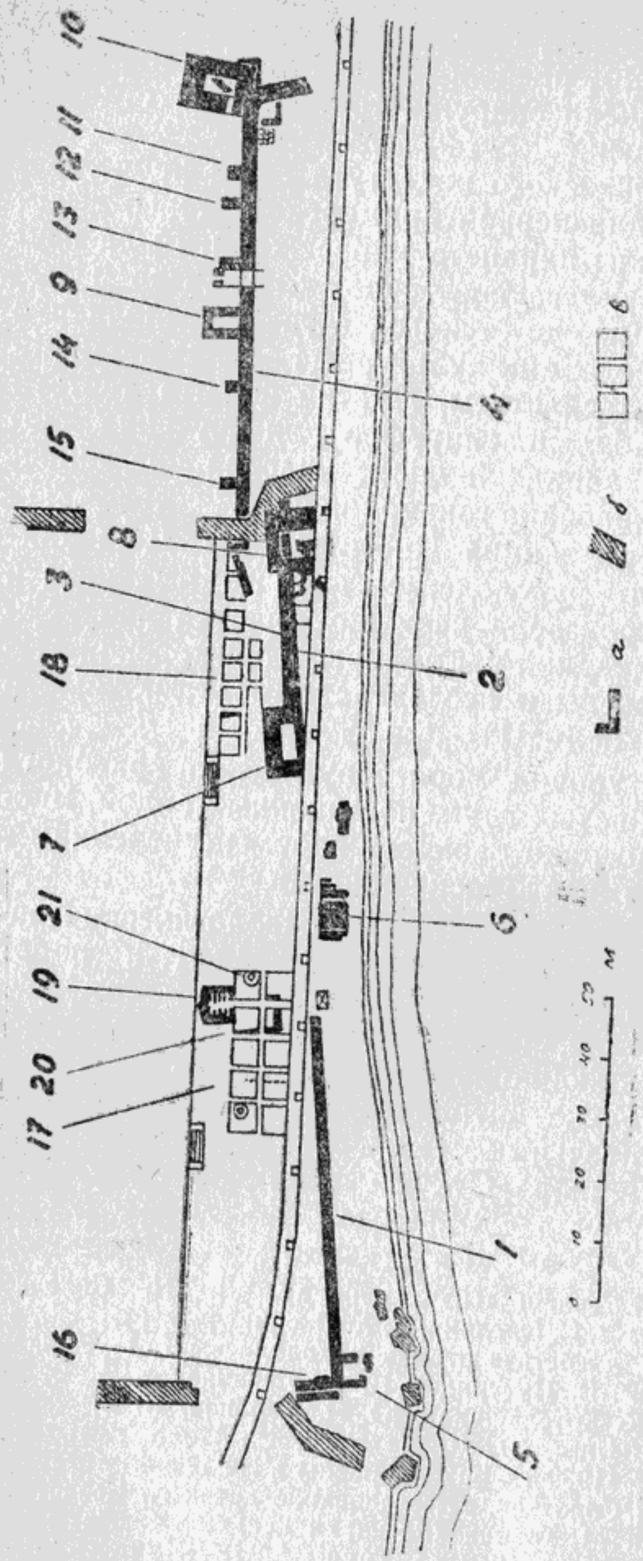

Рис. 46. Схематический план исследованного района в Сухумской крепости с расположением комплекса оборонительных сооружений и других памятников Себастополиса (по материалам Л. Н. Соловьева, Л. А. Шервашидзе, М. М. Трапш) крепости; в) — раскоп 1959 г. 1—2 — фрагменты главной стены Себастополиса; б) — стены турецкой восточного укрепления; 5—6 — башни главной стены западного укрепления; 3, 4 — стены ные выступы короткой стены восточного укрепления; 7—8 — башнеобразного укрепления; 9—10 — башни главной стены восточного укрепления; 11—15 — контрфорсы главной стены восточного укрепления; 16 — фрагменты стены начала VI в. н. э.; 17 — раскоп № 1; 18 — раскоп № 3; 19 — гончарная печь; 20 — части стен жилого здания; 21 — колодец.

В. И. Чернявский[36] еще в 70-х годах XIX века указывал, что между р. Басла и так называемой Сухумской крепостью, заключающей в себе фрагменты древних стен византийского и римского времени, выходят в море из-под мощных наносов берега толстые стены, сложенные из голыша с обломками античных черепиц и плоского кирпича на «греческом» красноватом цементе. На плане В. И. Чернявского, прилагаемом к путевым заметкам П. С. Уваровой[37], эти стены отмечены уходящими далеко, метров на 60—100, в море.

Фрагменты оборонительных стен, на которые указывает В. И. Чернявский, автором этой работы были действительно засвидетельствованы в 1956 г. во время проводившихся земляных работ на набережной проспекта Руставели при строительстве здания Абхазского обкома КП Грузии (рис. 1). Стены эти, пересекая проспект Руставели, уходили в сторону моря. Ближе к морю они были перекрыты мощными наносами берега. Кладка стен состоит из морского булыжного камня на хрупком известковом растворе с морским гравием и песком с примесью шамота.

Тот же В. И. Чернявский в конце прошлого столетия сообщал о том, что на расстоянии нескольких сот метров от набережной, в Сухумской бухте, есть место, где пловец мог опереться ногой на какие-то стены, имевшие круглые очертания, наподобие башни[38].

А. А. Миллер, побывавший в Сухуми в 1907 году, пишет: «При производстве земляных работ для постройки новой пристани, между этой крепостью и зданием музыкального кружка, срыта была часть берега от поверхности до уровня моря. Оказалось, что весь этот слой земли, около 2 метров, состоял из древнего строительного мусора, на уровне же моря, под слоем, обнаружилась широкая каменная кладка на цементе, имевшая связь с основанием старой крепости»[39].

В. И. Сизов, производивший раскопки в Сухуми в 1886 гг., также отмечал, что «Не доходя до крепости, на краю берега, встречаются большие обломки подмытых водою стен. Несколько дальше от воды, на поверхности возвышенного берега, заметны очертания в форме квадратов каменных стен (башни—М. Т.), заплывших землею. Наконец, в нескольких саженях от берега выдаются из воды части обрушенной стенки. Все эти развалины, включая сюда и нижнюю часть крепос-

---

36 В. И. Чернявский, Из исследований в юго-западном Закавказье, ИИРГО, 1887, т. XIII, С.-Пб., стр. 341—343.

37 П. С. Уварова, Кавказ, Путевые заметки, ч. II, М., 1891, стр. 90, 91.

38 В. И. Чернявский, «Записки о памятниках Зап. Закавказья» «Труды предварительного комитета V археол. съезда», Тифлис, 1882, стр. 14—25.

39 А. А. Миллер, «Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году», ИАК, вып. 33, СПб., 1909, стр. 73.

ти, хотя и сложены из булыжников, но по качеству цемента носят на себе несомненный характер античной древности»[40].

Приведенные выше некоторые фактические данные убеждают нас в том, что древний Себастополис действительно имел ряд цитаделей.

Следует отметить, что этот тезис впервые в качестве рабочей гипотезы на основании анализа письменных сообщений Арриана был поставлен В. И. Сизовым еще в 90-х годах XIX века. Он писал: «Мне кажется, что если бы Арриан обходил только ров, вокруг крепости, то об этом не стоило писать императору (Адриану—М. Т.), так как этот ров можно было оглядеть и с крепостных стен. Вообще упоминание об обходе рвов и стен, по моему мнению, должно относиться не к одной цитадели. Чтобы убедиться вполне в этих предположениях, следует произвести раскопки вокруг крепости, а также и исследование северного вала; эти раскопки могли бы окончательно установить план укреплений времен Арриана»[41].

Эпизодические археологические работы в Сухуми по выявлению и исследованию памятников культуры как Диоскурии, так и Себастополиса, проводились Абхазским институтом языка, литературы и истории Академии Наук ГССР в 1952—1959 гг. В результате этих работ в различных пунктах Сухуми обнаружены: оборонительные стены древнего Себастополиса, гончарная печь, многочисленный рядовой вещевой инвентарь из культурных слоев поселений, в том числе антропоморфный человеческий бюст со дна Сухумской бухты.

3. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ДРЕВНЕГО СЕБАСТОПОЛИСА

Монументальные памятники культуры Себастополиса открыты: в районе Сухумской крепости, на участке гр. Одинца, около Дома отдыха Северного флота и на дне Сухумской бухты.

В районе Сухумской крепости наиболее значительный комплекс оборонительных сооружений раскопан на набережном проспекте Руставели между Октябрьской улицей и Сухумской спасательной станцией. Здесь, на этом небольшом участке, находится известное литературе крупное разновременное оборонительное сооружение, именуемое в настоящее время Сухумской крепостью.

---

[40] В. И. Сизов, «Восточное побережье Черного моря. МАК, вып. II, М., 1889, стр. 13.

[41] В. И. Сизов, Указ. соч., стр. 20.

Сухумская крепость и ее территория давно привлекала внимание исследователей. Здесь представлены различные этапы исторической жизни населения, начиная с эпохи раннеантичной и кончая позднейшим средневековьем.

Из дореволюционных специалистов-археологов впервые на этот памятник обратил внимание В. И. Сизов[42], производивший в 1886 г. разведки в Сухуми. Тщательно осмотрев эту крепость, В. И. Сизов указал на разновременность ее стен.

В советское время, летом 1925 года, этот памятник частично исследовал А. С. Башкиров[43], который установил в приморской части крепости наличие трех разновременных культурных слоев, охватывающих II—IV вв. н. э., XI—XIII вв. и позднейшее средневековое время.

В районе Сухумской крепости оборонительные сооружения древнего Себастополиса, открытые и исследованные в 1952 и 1958 гг., представлены тремя мощными стенами получившими ранее предварительное освещение в научных отчетах Л. Н. Соловьева, Л. А. Шервашидзе[44] и автора настоящей работы[45].

Первая древняя стена, названная нами приморской, идет параллельно берегу моря. Обнаружена она в 1952 г. в связи со строительством берегоукрепительной стены и состоит из двух оторванных друг от друга линий — западной и восточной (рис. 46). Западная линия приморской стены с двумя его башнями была расчищена и исследована автором в 1952 году. Она относится к более позднему времени, чем восточная линия приморской стены.

Рассматриваемая приморская стена, ориентированная в направлении восток-запад, длиной более 140 м, при наибольшей ширине в верхней части 1,3 м, в нижней части (за счет уширения цоколя) увеличивается до 1,8—2,0 м. Стена эта у развалины южного позднесредневекового бастиона Сухумской крепости поворачивается под прямым углом в сторону моря. Она сложена из гранитного валуна на известковом растворе с морским гравием и песком. Гранитный валун представляет из себя чрезвычайно крепкий материал, но весьма неудобный для кладки, т. к. не имеет постели. Для того, чтобы валун имел постель, в особенности в облицовочной части кладки, его подвергают гранению, отбивая у него округлые части и создавая таким образом верхнюю и нижнюю постель.

---

[42] В. И. Сизов, Указ. соч., стр. 16, 18, 19.

[43] А. С. Башкиров, «Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г.», Изв. АбНО, вып. IV, Сухуми, 1926, стр. 6—18.

[44] Л. Н. Соловьев, Л. А. Шервашидзе, «Исследование древнего Себастополиса», СА, № 3, 1960.

[45] М. М. Трапш, Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г., Труды АбИЯЛИ, XXXIII—XXXIV, Сухуми, 1963.

Кладка приморской стены произведена на своеобразной основе из деревянных бревен (брусьев), так называемых «лежнях», проложенных горизонтально как вдоль, так и поперек стены. Создавались таким образом своеобразные, залитые в кладке с забутовкой, не сшитые между собой огромные рамы, назначение которых заключалось в том, чтобы кладка стен дала равномерную осадку без перетяжек и без выпучин поперек их.

Комплексы лежней (брусьев) приблизительно были проложены на расстоянии один от другого на 2,4—2,5 м. Деревянные лежни прогнили и выветрились, образовав в кладке стены отверстия квадратной формы.

Своеобразная форма переплетающихся деревянных ложвстречается и в позднесредневековой кладке стен Сухумской крепости.

Способ кладки стен с применением деревянных брусьев был известен еще в глубокой древности — в месопотамской архитектуре. Яркие образцы встречаются и в архитектуре «эгейской культуры» (трояно-микенской)[46].

Следует отметить, что кладка стен с лежнями жива на Востоке и до сих пор, особенно там, где идет кладка всухую из мелкого плитняка или из сырцового кирпича[47].

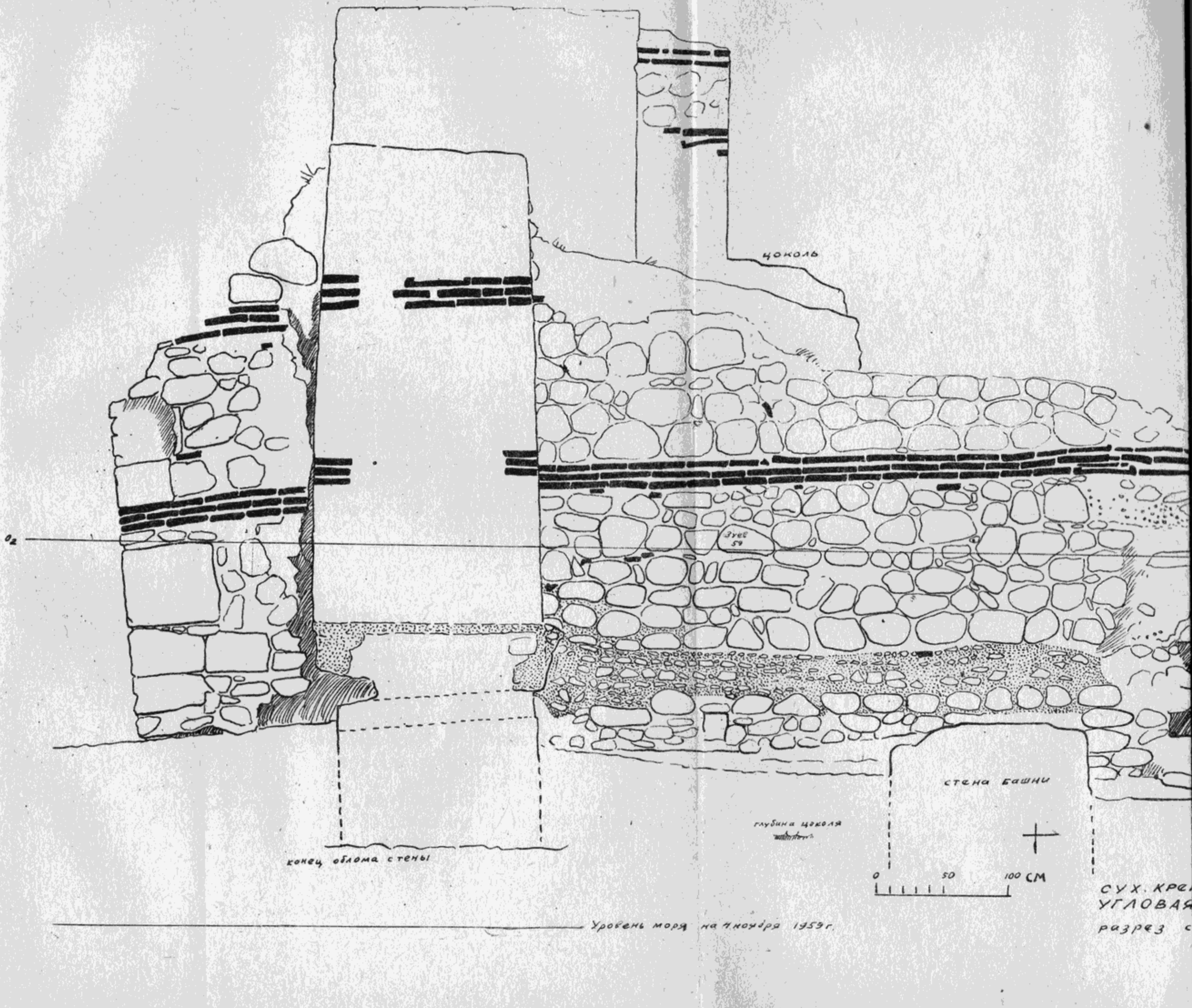
По рассматриваемой оборонительной линии приморской стены сохранились со стороны моря остатки двух четырехугольных башен №№ 1 и 2 (башня № 1—юго-восточная и башня № 2 — угловая юго-западная), расположенных на расстоянии 100 м друг от друга. Башня № 1, как и крепостная стена, была сложена из гранитных валунов на известковом с морским песком растворе. На полу, сложенном той же кладкой, обнаружены многочисленные обломки различных керамических изделий (черепица, кирпич, посуда), относящиеся к средневековому времени. Задняя стена башни с подстройкой той же кладки, но на растворе с морским гравием и обломками средневековых керамических изделий. Эти данные говорят о том, что башня № 1, построенная в римское время, подверглась ремонту или восстановлению в эпоху средневековья.

Что касается башни № 2, то кладка ее иная, чем приморской стены древних стен башни № 1. Стены башни № 2 сложены из того же валунного камня (рис. 47), но в растворе кладки, кроме морского песка, содержался значительный процент толченого кирпича. Кроме того, если в приморской стене, как отмечалось, для урегулирования осадки кладки употреб-

---

[46] Способ кладки с применением деревянных брусьев описывается Ветрувием.

[47] А. С. Башкиров, Указ. соч., стр. 8.

СУХ. КРЕ
УГЛОВАЯ
разрез с

КРЕП. 59
ВАЯ ЗАПАДНАЯ БАШНЯ
3 с видом на сѣвѣр.
Вл. Орёлкин

лена система деревянных лежней, то в стенах башни № 2 с той же целью введены прослойки кирпича в 3 ряда на толстом известковом растворе (рис. 47). Аналогичным по своей конструкции со стенами башни № 2 является остаток стены, прилегающей к наружной стороне северо-западного угла указанной башни № 2. Этот фрагмент выложен из массивных блоков песчаника с той же кирпичной прослойкой в 3 ряда. Кирпичные прослойки, как в конструкции этой стены, так и башни № 2, располагаются друг над другом на высоте 1,15—1,17 м. Толщина прослоек 0,20—0,23 м, толщина раствора между кирпичами 0,02—0,25 м, размер кирпича — 0,27 х 0,27 м при толщине его в 0,045 м. Кирпичи сформованы из хорошо промытой и промешанной глины, с большой примесью слюды, хорошо обожженной. Все это дает им поразительную крепость.

В самой кирпичной прослойке, описанной еще ранее А. С. Башкировым[48], встречается иногда вместо кирпича крупная черепица. Эта черепица той же прекрасной выработки, как и кирпичи. Она обычно имеет вид продолговатого квадрата (0,43 х 0,50 х 0,025 м) с загнутыми по длинным сторонам под прямым углом бортиками, высотой в 0,05 м (табл. XLI). Тип этой, так называемой плоской «квадратной» черепицы, хорошо известен в археологической литературе. Материал, техника изготовления, форма и размер говорят о позднеримской и ранневизантийской традиции.

Своеобразная конструктивная деталь кладки башни № 2 и прилегающей стены резко бросается в глаза и одновременно свидетельствует о иной, чем у строителей приморской стены и башни № 1, архитектурной традиции, характерной уже для ранневизантийского зодчества[49].

Но все же, несмотря на отмеченные конструктивные различия в кладках приморской стены и башни № 2, надо полагать, что они сооружены в близкое время и, по-видимому, относятся к одной исторической эпохе.

Об этом свидетельствует следующий факт. В 1925 году А. С. Башкиров, не ограничившись научным описанием древних стен юго-западной угловой башни № 2, произвел здесь зондажное обследование целика (длиной 5,66 м, высотой 6,60 м), располагавшегося западнее рядом с башней № 2[50]. Он сделал вертикальный разрез этого целика и выявил культурные слои средневекового (X—XVIII вв.) и позднеантичного (II—IV вв. н. э.) периодов. На основании данных стратиграфии А. С. Башкиров пришел к выводу, что стены башни

---

48 А. С. Башкиров, Указ. соч., стр. 10.
49 Там же. стр. 9.
50 А. С. Башкиров, Указ. соч., стр. 11—17.

№ 2 врыты в культурные слои позднеантичного времени (II—IV вв. н. э.)[51]. Но стены эти он, главным образом, на основании сохранившихся в кладках кирпичных и черепичных поясов отнес почему-то к X—XII вв.[52], тогда как данный строительный материал, как и сама кладка, характерен в основном для позднеантичного времени.

Наблюдение А. С. Башкирова для нас важно тем, что ему удалось показать, что время сооружения стен и башни не может быть раньше II—IV вв. н. э. или соответствует этому времени.

Мы полагаем, что разбираемая первая приморская стена с ее двумя башнями принадлежит, несомненно, к одной из цитаделей древнего Себастополиса и является, очевидно, северной стеной крепости. Три стены этой цитадели (восточная, западная и южная), видимо, были затоплены морем в результате опускания берега моря в силу каких-то тектонических явлений.

В вопросе датировки рассматриваемой приморской стены решающее значение имеют данные стратиграфии. Стратиграфическими наблюдениями при расчистке западной линии приморской стены выявлены четыре культурных наслоения.

Под растительным почвенным слоем залегал культурный слой, мощностью 3,25 м, являвшийся насыпным грунтом. В этом слое были найдены водопроводные трубы, плоские черепицы, обломки от различных глиняных сосудов, кувшины, горшки и другие предметы, относящиеся к позднесредневековому времени.

Второй культурный слой, толщиной 1 м, залегавший под первым, образовался путем наслоения разных отбросов, строительного и иного мусора. В этом слое встречались обломки стеклянных браслетов, черепки, покрытые темно-зеленой, светло-желтой и коричневой глазурью, гончарные трубы, кирпичи, черепицы, многоярусный керамический светильник и другие вещи, которые могут быть отнесены к X—XII вв. Ниже этого слоя находилась погребенная в древности растительная почва, толщиной от 20 до 40 см, лишенная культурных остатков, что, несомненно, свидетельствует о длительном перерыве в жизни человеческого поселения на этом участке.

Третий культурный слой, мощностью до 2,5 м, залегающий под погребенной почвой, состоит из темно-серо-табачного цвета глины с примесью песка, гальки и гравия. Он насыщен многочисленными вещественными находками местного и импортного происхождения, относящимися к позднеантичному

[51] А. С. Башкиров. Указ. соч., стр. 17.
[52] Там же, стр. 10.

времени, т. е. к I—V вв. н. э. Причем западная часть первой приморской стены врыта в культурные слои I—III вв. н. э. Расчистка показала, что культурные остатки этого времени, прилегавшие к этой части стены, оказались перемешанными. Отдельные предметы I—II вв. н. э., в частности монеты и черепки краснолаковых сосудов, встречались вместе с обломками амфор, краснолаковых сосудов и монет, как у основания западного остатка приморской стены, так и выше основания стены. При этом здесь же, т. е. в слое I—III вв. н. э. встречались очень редкие включения вещей IV в. н. э. Следовательно, при строительстве западной части приморской стены уже существовали, очевидно, культурные остатки I—III вв. н. э. Это обстоятельство дает основание полагать, что западный остаток первой приморской стены был построен не ранее IV в. н. э.

Такому выводу не противоречит и кладка стены, в которой прослеживаются признаки как позднеантичной, так и ранневизантийской архитектурной традиции.

В слое, залегающем под предыдущим третьим, обнаружены культурные остатки раннеантичного времени, датируемые VI—I вв. до н. э.

Полная расчистка западной части первой приморской стены показала также, что основание ее залегает над слоем I в до н. э. — начала I в. н. э., непосредственно соприкасаясь с ним, уплотненными 1,5—2 метров длины деревянными сваями, над которыми местами положена подушка из крепкого известкового раствора с гравием, песком и толченым кирпичом. Благодаря таким приемам, также свойственным для позднеантичной и ранневизантийской строительной традиции, стена и по сей день стоит почти без перекоса.

Таким образом, все вышеприведенные фактические данные позволяют отнести постройки западной части первой приморской стены ко времени не ранее IV в. н. э.

Что касается восточной части той же приморской стены, то она выложена без применения лежней, на тонком известковом растворе и является менее мощной по толщине, чем западный участок приморской стены. Кроме того, эта часть стены (т. е. восточная), по своему направлению заметно отклоняется к юго-западу от западной линии (рис. 46) стены. Эти данные позволяют полагать, что восточная часть приморской стены относится к более раннему времени, вероятно, ко II в. н. э.

Об этом свидетельствует и стратиграфия залегания фундамента восточной линии стены, прослеженной в 1959 г. раскопками экспедиции Института истории им. И. А. Джавахи-

швили АН ГССР. Экспедицией были выявлены следующие культурные напластования[53].

Первый верхний слой, представляющий черный гумус, мощностью в 0,3—0,7 м, оказался перекрытым и перемешанным различными строительными работами. Этот слой, содержавший многочисленные обломки керамической посуды (амфоры, краснолаковые сосуды, пифосы, горшки и т. д.), а также фрагменты стеклянных сосудов, отнесен А. М. Апакидзе и О. Д. Лордкипанидзе к IV—V вв. н. э.[54].

Нижележащий, второй сверху слой (мощность 1,20 — 1,40 м), глинистый с охристым оттенком, содержал остатки строительного мусора, известкового раствора, кусочки древесных угольков и синей краски. В слое богато представлен керамический материал, состоящий из горшков. котлов, сковородок, амфор, лутерий, краснолаковых блюд, мисок, кубков, кувшинов, ручек кратеров со скульптурными изображениями утиных и бараньих головок, светильников со следами красного лака. Наряду с керамикой встречены стеклянные изделия (мелкие бальзамарии, четырехугольные сосуды, обломок сосуда вишневого цвета, украшенного желтыми и красными линиями), бронзовые фибулы и костяная ложечка, монеты II—III вв. н. э., в том числе монеты римские (малоазийские), трапезундские, кесарийские. Этот слой А. М. Апакидзе и О. Д. Лордкипанидзе датируют концом II — первой половиной III в. н. э.[55]

В нем попадались, как отмечают А. М. Апакидзе и О. Д. Лордкипанидзе, единичные фрагменты краснолаковых сосудов I в. н. э. из нижележащего слоя[56]. Следовательно, в период накопления этого слоя, т. е. в конце II—первой половине III в. н. э., в результате каких-то строительных работ был частично разрушен более ранний слой I в. н. э.

В этом третьем слое раскопками 1959 г. вскрыты остатки жилого комплекса, состоящего из фрагментов стен комнаты и хозяйственного двора[57].

Жилое помещение имело четырехугольную форму. Стены его были выложены булыжными камнями на известковом растворе. При раскопке хозяйственного двора обнаружены остатки пифосов и колодец круглой формы с булыжной облицовкой внутри (рис. 46). На поверхности колодца найдена монета II в. н. э., а при внутренней его расчистке найдены

53 А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе, «Новые материалы к археологии Диоскурии-Себастополиса», Труды АбИЯЛИ, XXXIII—XXXIV, Сухуми, 1963, стр. 209 и сл.

54 Там же. стр. 217—218.

55 Там же, стр. 218—221.

56 Там же, стр. 221.

57 Там же, Указ. соч., стр. 221.

двуручный краснолаковый кувшин, черепки синопских амфор, сероглиняного кувшина, деревянная пластинка, остатки кожаной стельки для обуви и две монеты. Одна из монет боспорского происхождения, датируется серединой I в. н. э.

Третий слой по всей площади раскопок беден вещественными находками. Но все же на основании найденных в нем отдельных предметов, в частности по монетам, краснолаковому кувшинчику и другим вещам, следует датировать его I—II вв н. э. Что касается залегающего в этом слое жилого комплекса, перекрываемого вторым сверху слоем, то он, надо полагать, относится к рубежу II—III вв. н. э.[58].

Основание стены жилого помещения покоится на известковой прослойке, прослеживаемой по всей территории раскопа и образовавшейся, очевидно, в результате активных строительных работ, производившихся здесь, надо полагать, не позже II в. н. э. Ниже этой известковой прослойки, на всех исследованных в районе Сухумской крепости участках, залегают последующие (четвертый и пятый по счету) культурные слои раннеантичного времени, т. е. III в. до н. э. — начало I в. н. э.[59]

Итак, исследованиями 1959 г. установлено, что к периоду существования Себастополиса относятся три культурных горизонта, которые соответствуют трем хронологическим этапам функционирования римского и ранневизантийского времени. Соответственно третий культурный слой, или горизонт, может быть отнесен к периоду возникновения Себастополиса, т. е. к I — II вв. н. э.; второй слой — началу расцвета, т. е. к II—III вв. н. э.; третий слой — к расцвету и гибели города, т. е. к IV—V вв.

Строительство каменных стен Себастопольской крепости, очевидно, производилось во втором и третьем хронологических этапах, т. е. с конца II по IV вв. н. э.

Что же касается первого хронологического этапа, т. е. вторая половина I—третья четверть II вв. н. э., то культурный слой этого времени очень беден вещественными находками, что, очевидно, свидетельствует о весьма замедленном экономическом развитии Себастополиса в этот исторический отрезок времени. Это обстоятельство определенно указывает на то, что в I в. н. э. Себастополис еще не имел мощных оборонительных сооружений. Строительство оборонительных сооружений древнего Себастополиса началось, очевидно, лишь в конце II в. н. э. Если первая приморская стена, как полагают Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьев, была бы построена в I в.

58 А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе. Указ. соч., стр. 221.

59 Там же, стр. 221—222.

н. э.[60], то в районе такого крупного оборонительного сооружения I—II вв. н. э, т. е. в течение почти 200 лет, должен был образоваться сравнительно солидной мощности культурный слой, к тому же насыщенный строительным мусором. Но, к сожалению, культурный слой I в. н. э. на всей исследованной площади Сухумской крепости, как уже отмечалось выше, очень беден вещественными находками и почти не содержит следов строительства. Поэтому нет никакого основания относить время сооружения первой приморской стены к I в. н. э.

Вторая стена, более короткая, чем первая, вплотную прилегает к последней. Она имела длину 35 м и толщину 1,75 м. По концам ее возвышались башни (рис. 46). Стена и башни были выложены, как и предыдущее сооружение, из гранитного валуна на известковом с морским песком растворе. В кладке стены частично использованы квадратные кирпичи (0,37 х 0,25 х 0,05 м) и тесаные квадры известняка. Последние применены по углам сооружений. Размеры кирпичей: длина 37 см, ширина 25 см, толщина 5 см.

Стена и башнеобразные выступы посажены на массивный и глубокий ступенчатый фундамент, выравненный местами кирпичом.

Наружные башнеобразные выступы №№ 1 и 2 идут в сторону моря; выступ № 1 обрывается современным парапетом набережной, а выступ № 2 упирается в приморскую стену.

При расчистке второй стены, произведенной Л. Н. Соловьевым и Л. А. Шервашидзе в 1958 г.[61], были раскрыты остатки еще двух толстых стен, идущих в сторону моря параллельно боковой стенке башнеобразного выступа № 1; они также обрываются новым парапетом набережной. В углу, образованном одной из этих стен, располагались остатки двух больших красноглиняных пифосов.

Вторая стена, очевидно, была сооружена при расширении крепости Себастополиса и укрепляла с севера более раннюю (первую) стену.

Севернее, рядом со второй стеной, нами был заложен раскоп № 3 с задачей проследить стратиграфию культурных слоев, установить датировку стены, собрать как можно больше вещевого археологического материала для характеристики экономического и культурного развития древнего населения Себастополиса. Раскоп этот, длиной 31 м при ширине 2—5 м, был ориентирован с востока на запад и разбит на восемь квадратов, размером 3 х 4 м. Раскоп выявил следующую стратиграфию культурных слоев (рис. 48).

[60] Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев, «Исследование древнего Себастополиса», СА, № 3, 1960, стр. 177.
[61] Там же.

Первый верхний слой, мощностью в среднем 40—100 см, местами, как, например, в квадратах №№ 7 и 8, до 110—125 см, представляет темно-серую супесь, перемежающуюся углистыми полосами и налегающую на площадку известкового раствора (с песком и толченой керамикой), сглаженного сверху. Площадка эта располагается на уровне цоколя второй стены и связана, видимо, со строительством этой стены. Толщина известковой площадки в квадратах №№ 2, 3, 8 составляет 5—12 см. На эту площадку в квадратах №№ 7 и 8 упирались своим основанием остатки стен жилого помещения, выложенные булыжными камнями на известковом растворе. Сам же слой оказался в определенной степени перемешанным. В слое попадались обломки глазурованной посуды. В нем встречались также ранние вещи из нижележащего культурного слоя II—III вв. н. э.; монеты, обломки красно-лаковых сосудов, узкогорлых амфор, которые, несомненно, были выброшены при закладке фундамента второй стены.

Первый слой в целом достаточно интенсивно насыщен культурными остатками. Он содержит многочисленные обломки керамической посуды (пифосы, кувшины, горшки, миски, амфоры, краснолаковые сосуды, лутерии и т. д.) и фрагменты стеклянных сосудов. Здесь же найдены римские малоазийские медные монеты, четырехгранные железные гвозди; обломки плоских черепиц-калиптер, кирпичей, жернова ручной мельницы, каменной ступки; кости различных животных (коровы, овцы, кабана, лошади, оленя, косточки камбалы и т. д.).

Рассматриваемый культурный слой на основании найденных здесь черепков амфор с цилиндрическим горлом и ребристыми ручками, амфорных обломков с глубоким и частым рифлением, монеты римского императора Аркадия (395—408 гг. н. э.) датируется IV—V вв. н. э. В средневековое время этот слой в некоторых квадратах частично был разрушен, о чем свидетельствуют, в частности, захоронения этого времени; из них одно (№ 1) в 1 квадрате, три (№№ 2—4) в 3-м, по одному в 5, 6 и 7 квадратах. Захоронения, произведенные в культурном слое на глубине 40—60 см, не имели выраженных ям. Во всех прослеженных случаях (1—5, 7) костяки лежали на спине, вытянуто головой на северо-запад с руками, сложенными на груди или на животе, т. е. по христианскому обычаю.

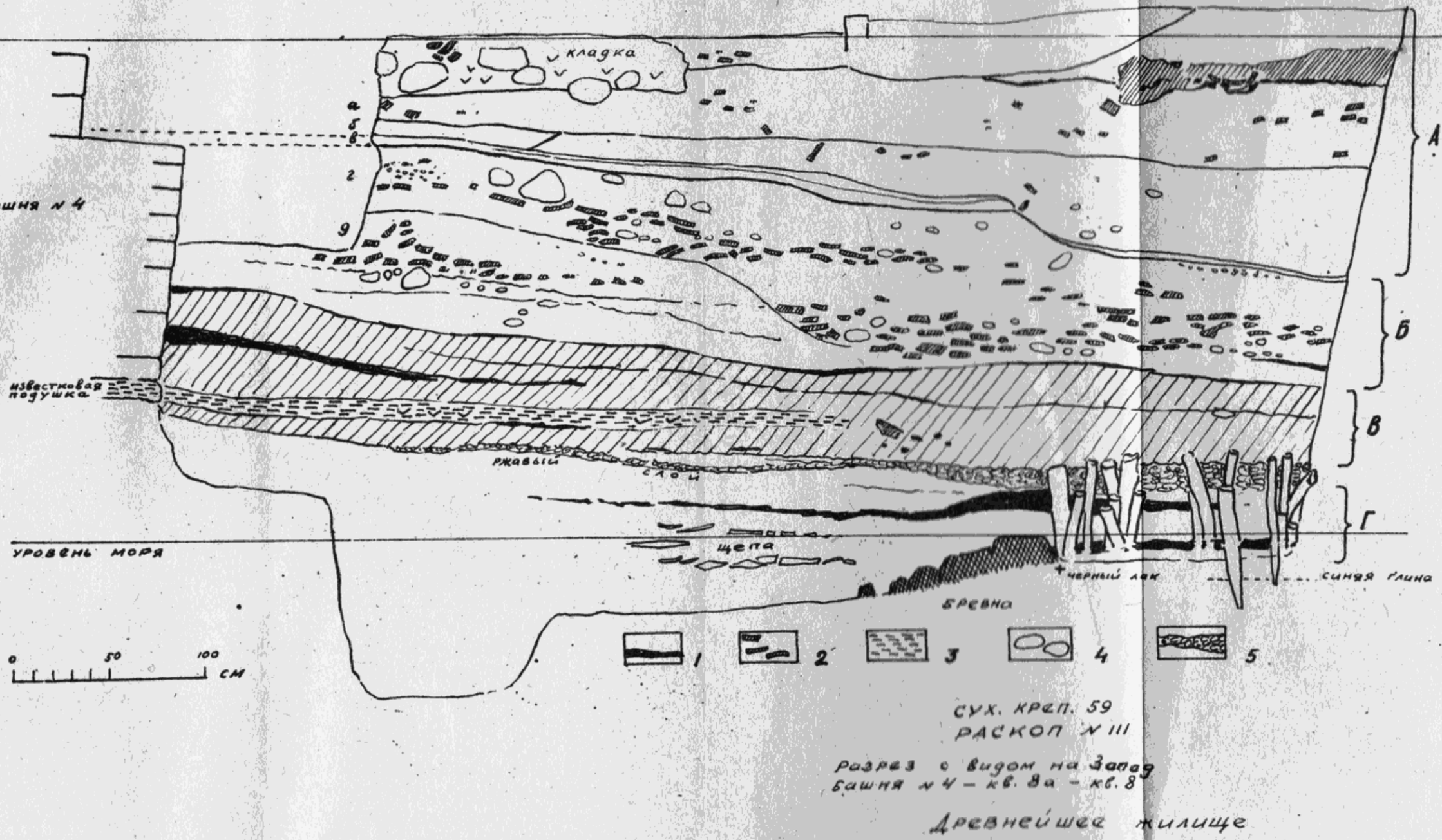
Погребального инвентаря при захоронениях не обнаружено, кроме отдельных гешировых (погр. 1) или стеклянных (погр. 2) бус бронзового колечка (погр. 2), фибулы (погр. 4) и железной пряжки (погр. 3). Судя по этим вещам, а так-

же по тому, что могилы были впущены в слой IV—V вв. н. э., погребения должны быть датированы временем не раньше VI—VII вв. н. э.

Второй культурный слой, залегающий под предыдущим первым слоем, в некоторых квадратах представляет черный гумус, а в других имеет темно-серый цвет. Он отделяется от верхнего первого слоя вышеотмеченной известковой прослойкой. Мощность слоя 50—80 см.

В этом слое, севернее башнеобразного выступа № 2, прослежен фрагмент стены, выложенной булыжными камнями на известковом растворе, с охристым оттенком из-за примеси глины. Стена эта имеет толщину около 1 м. С северо-западного конца ее прослеживается разрушенный угол, с противоположного же конца — выступ из тесаного камня, возможно, часть входного проема. Остатки кладки позволяют предположить, что здесь находилось какое-то небольшое помещение со стенами, облицованными тесаным камнем. В том же слое у самой подошвы нижнего его горизонта в квадратах №№ 3 и 4 прослежены фрагменты еще двух стен, сложенных из булыжного камня на глине, без известкового раствора. Возможно, что это остатки какой-то вымостки.

Второй слой насыщен многочисленными культурными остатками. Основным массовым материалом является керамическая посуда, представленная обломками пифосов, горшков, мисок, кувшинов, амфор (местного и импортного происхождения), амфорисок, краснолаковых сосудов (мисок, блюд, чашек, кувшинов и т. д.), лутерий. На одном черепке от сосуда синопского происхождения имеется греческая буква На закраине лутерии синопского происхождения сохранилось греческое клеймо: Σωσίβι(ος), под ним пальмовая ветвь вправо. Небольшая часть фрагментов краснолаковой посуды, например, блюда, покрыты сравнительно хорошим лаком ярко-красного цвета. Посуда с таким лаком относится к III в. н. э. В квадрате № 4 обнаружены: целый краснолаковый кувшинчик со вздутым туловом на короткой ножке и медная монета римской чеканки с изображением бюста императора Антонина Каракаллы (211—217 гг. н. э.). В слое встречены также обломки стеклянных изделий: бальзамариев, стаканов, рюмкообразных сосудов, кувшинчиков и т. п. Здесь же найдены: бронзовый рыболовный крючок, железные ножи, долото, фрагменты жернова ручной мельницы и плоское керамическое грузило круглой колесикообразной формы со сквозным отверстием посередине, кости животных (коровы, овцы, козы, кабана, лошади, оленя и т. д.). В слое обнаружены многочисленные строительные остатки: четырехгранные железные гвозди, керамические четырехгранные бруски удлиненно-квадратной

СУХ. КРЕП. 59
РАСКОП № III

Разрез с видом на Запад
башня № 4 – кв. 8а – кв. 8

Древнейшее жилище

Рис. 48. Профиль западной стенки квадрата № 8 раскопа III 1959 г. в Сухумской крепости. А—первый слой (супесь серого цвета); Б—второй слой (гумус черного цвета); В—третий слой (супесь табачно-серого цвета); Г—четвертый слой синевато-серая глина). 1—углистый слой; 2—обломки черепицы; 3—прослойки извести; 4—булыжник; 5—железистый слой.

формы, обломки плоских черепиц, калиптер, кирпичей. В квадрате № 8 на глубине 160 см лежало в куче большое количество железного шлака. Здесь же найден булыжный мраморный известняк, ошлакированный под воздействием огня.

Описываемый второй слой на основании обломков краснолаковых блюд, кувшинов, узкогорлых амфор, вышеупомянутой медной монеты Антонина Каракаллы (211—217 гг. н. э.) можно датировать рубежом II—III вв. н. э. Этот слой в ряде мест (квадр. 5 и 6) прорезается глубокими ямами (до 2—2, 10 м), в которых найдены обломки глазурованной посуды средневекового времени.

Третий слой, залегающий под вторым, имеет мощность 30—50 см и представляет комковатую супесь желто-серого цвета, насыщенную остатками строительного мусора и известкового раствора. В квадратах №№ 2, 4 и 8 между вторым и третьим слоями залегает прослойка древесных угольков, видимо, следы большого пожара. В самом нижнем горизонте третьего слоя в квадрате № 8 обнаружены расположенные группами деревянные колышки, служившие для уплотнения грунта (рис. 48). В описываемом слое между башнеобразными выступами №№ 1 и 2 проходят две стены, сложенные из булыжного камня на глине, без известкового раствора Надо полагать, что это остатки дренажного канала для отвода излишней воды. В слое, у подошвы нижнего его горизонта, появляются грунтовые воды. Полное исследование слоя потребовало выкачивания воды при помощи насоса. В слое оказалось сравнительно мало находок. Среди них преобладает керамическая посуда, состоящая из пифосов, горшков, кувшинчиков, амфор, краснолаковых сосудов. На одном из черепков амфор с внутренней стороны сохранилось черное смолистое вещество, видимо, остатки меда (или нефти). В слое найдено также несколько обломков стеклянной посуды. Наряду с керамической и стеклянной посудой в рассматриваемом слое найдены: гончарная труба (квад. 3), обломки плоских черепиц, калиптер, кости различных животных (коровы, кабана, овцы и т. д.). Третий слой на основании обломков краснолаковых мисок и кувшинов с ярко-красным лаком, закраин краснолаковых блюд с рельефной орнаментацией, фрагментов косских амфор можно датировать I—II вв. н. э. При этом нужно сказать, что в исследованной части Сухумской крепости очень мало находок I в. н. э.

Следует отметить, что основание фундамента второй стены, прорезая полностью третий культурный слой (строительный мусор и известковый раствор), залегает в слое сероватосиней глины, на глубине более 2,5 м.

В слое синевато-серой глины на глубине 2,80—2,90 м,

встречались культурные остатки эллинистического времени, в частности чернолаковая посуда.

Итак, раскоп № 3 показал, что между интересующими нас культурными слоями, относящимися к позднеантичному и ранневизантийскому времени (I—V вв. н. э. — слои 1—3), нет стратиграфического разрыва. Следовательно, в этот период жизнь в Себастополисе никогда не прерывалась. Но все же можно заметить, что процесс образования отдельных слоев происходил то быстрее, то медленнее. Или, говоря иначе, интенсивность жизни в отдельные периоды истории Себастополиса была различной. Если первый (верхний) слой IV—V вв. н. э., содержащий большой процент строительного мусора, накапливался значительно быстрее путем наслоения разных отбросов, то образование второго слоя (конец II—III в. н. э.) происходило медленнее, преимущественно путем естественного накапливания культурных остатков. Что же касается третьего слоя (I—II вв. н. э.), содержащего, как и первый, значительный процент строительного мусора, то он также образовался сравнительно быстрее, чем второй слой. Очевидно, процесс накопления второго слоя был более затяжным, чем процесс образования первого и третьего культурных слоев. Одновременно раскоп № 3 показал, что фундамент второй стены врыт в культурные слои I—IV вв. н. э. Следовательно, вторая стена может быть отнесена ко времени не ранее конца IV в. н. э.

Третья стена находится северо-восточнее, рядом с вышеописанной второй короткой стеной; она идет параллельно морскому берегу в направлении приблизительно юго-запад—северо-восток. С северо-восточной стороны стена, у Октябрьской улицы, поворачивает в сторону моря (рис. 46). Длина ее около 120 м, ширина—2,25 м. Стена сложена из булыжных камней на известковом растворе; ее внутренний массив не имеет забутовки. В кладке стены, для равномерного регулирования ее осадки, применена система кирпичных поясов из двух, трех и четырех рядов. Размеры кирпичей: длина 37—50 см, ширина 26—28 см, толщина 5—6 см.

У северо-восточного угла стены имеется сквозное квадратное отверстие, предназначенное, видимо, для отвода воды из крепости наружу. Юго-восточнее, вблизи этого водоотводного отверстия, внутри некогда существовавшей крепости, открыт пол, выложенный большими керамическими плитами квадратной формы (53 x 53 см; толщина 7—8 см). Сохранившаяся часть пола длиной 4 м, шириной 1,73 м. Плиты пола покрыты черной копотью, а лежащий под полом слой грунта насыщен смолистыми отходами горения. В настиле пола обнаружены обломки круглых кирпичей, применявшихся, как известно, нередко при укладке утеплявшегося пола бани. Эти фрагменты кирпичей свидетельствуют о том, что рассматриваемый керамический пол был переложен позднее и принадлежал, очевидно, к остаткам разрушенной бани позднеантичной эпохи.

Сама же третья стена имела две четырехугольные в плане башни. Обе они непосредственно со стеной не связаны. Первая башня № 1 находится у северо-восточного угла стены (рис. 46). Основание ее почти на 0,8 м выше основания крепостной стены, что свидетельствует о более поздней по сравнению со стеной постройке башни № 1. Сама башня имеет мощные стены, толщиной около 3 м, сложенные из булыжных камней на известковом растворе. В ее кладке применены также квадры тесаного известняка. Северо-восточная и юго-восточная стены башни стоят основанием на кладке из тесаного известняка, причем с северо-восточной стороны эта кладка уходит далеко под стену. Это обстоятельство дает основание полагать, что кладка является остатками более древнего сооружения, над которыми позднее была построена башня № 1. Этой кладке из тесаных камней хронологически, очевидно, соответствует вскрытый здесь фрагмент арки, принадлежащий также к более древней, чем третья стена, постройке.

Вторая башня находится на расстоянии 30 м от первой. Стены ее сооружены на выступающем цоколе, сложенном, как и стены башни, из булыжных камней на известковом растворе.

К третьей стене с наружной ее стороны примыкают без привязи с ней пять массивных контрфорсов, сложенных из булыжного камня на известковом растворе на фундамент в виде суживающейся вниз усеченной пирамиды (рис. 46). Первые три контрфорса, №№ 1, 2 и 3, расположены между башнями №№ 1 и 2, остальные два контрфорса, №№ 4 и 5, —между башней № 1 и стеной турецкой Сухумской крепости. Основание контрфорсов лежит на 1 метр выше основания крепостной стены, что указывает на определенный хронологический разрыв между постройкой стены и контрфорсов.

Массивные контрфорсы были возведены для того, чтобы предотвратить падение наклонившейся к северо-западу третьей стены, деформированной в связи с начавшимся наступлением моря на крепость Себастополис. Однако контрфорсы не только не смогли приостановить падение стены, но и сами также стали наклоняться.

Третья стена, за исключением башни № 2, была расчищена и исследована Л. Н. Соловьевым и Л. А. Шервашидзе в 1958 году[62]. Стену эту они датируют I—II вв. н. э., хотя до-

[62] Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев, Указ. соч., стр. 171 и сл.

бытый ими при расчистке стены археологический материал в основном относится к концу III—V вв. н. э.

Слой I—II вв. н. э. здесь в основании третьей стены фактически не выявлен и представлен только несколькими предметами, которые едва ли могут датировать интересующую нас стену. Если третья стена была бы построена в I—II вв. н. э., то культурный слой этого хронологического этапа должен был бы здесь залегать и содержать культурные остатки своего времени. Поэтому вопрос об отнесении стены к I—II вв. н. э. следует, по-моему, снять.

В 1959 году мы произвели полное исследование упомянутой башни № 2, примыкавшей к третьей стене. Небольшой П-образный раскоп, заложенный вокруг этой башни с наружной стороны крепостной стены выявил в основном отложения второго культурного слоя. Этот слой, состоящий из черной гумисированной земли, местами с сероватыми оттенками, имеет мощность до 1,30 м и насыщен многочисленными вещественными находками. Основным массовым материалом является бытовая керамическая посуда, представленная обломками горшков, кувшинов, амфор, краснолаковых сосудов (блюд, мисок, тарелок, кувшинов). Встречены также и фрагменты стеклянных сосудов. Следует отметить среди бытовой керамики преобладание краснолаковой посуды. На некоторых красноглиняных и белоглиняных черепках от блюд имеются раннехристианские прямоугольные крестики, характерные для IV в. н. э. Подобные блюда, в частности, хорошо представлены на городище Китея в Крыму[63].

В этом же слое найдены предметы хозяйственного назначения — железные долото, нож, бронзовая игла (шилс), фрагменты жернова ручной мельницы, светильник из местной простой глины, а также предметы строительного назначения: железные четырехгранные гвозди, обломки плоских черепиц, калиптер, кирпичей. Интересны единичные предметы, имеющие датирующее значение: медная римская монета малоазийского происхождения, бронзовая двучленная фибула с крестовидной пластинчатой дужкой, бронзовая булавка. По всей толщине культурного слоя встречались кости различных животных — коровы, овцы, кабана, раковины устриц и т. д.

Описанный слой на основании обломков краснолаковых блюд, мисок, амфор с цилиндрическим горлом и ребристыми ручками, бронзовой фибулы с пластинчатой крестовидной дужкой следует датировать концом IV—V вв. н. э. Этот слой образовался, вероятно, уже после строительства третьей стены, которое производилось не раньше рубежа III—IV вв. н. э.

63 В. Ф. Гайдукевич, «Некрополи некоторых Боспорских городов», МИА, № 69, М.-Л., 1959, стр. 236, рис. 108.

В этом же раскопе рядом с северной стеной башни № 2 на глубине 1,40 м было вскрыто человеческое погребение (№ 8, по общей нумерации). Покойник лежал на спине вытянуто головой на юго-запад. Руки в соответствии с христианским погребальным обрядом были сложены на животе. На груди лежала полая стеклянная подвеска удлиненной каплеобразной формы. На кисти левой руки находилось бронзовое круглопроволочное колечко. Погребение это, надо полагать, относится ко времени не ранее VI—VII вв. н. э.

Это, и отмеченные выше семь погребений, вскрытых в раскопе 3, так же, как и сама стратиграфия культурных отложений (рис. 48), показали, что примерно в VII—IX вв. н. э. этот район уже не являлся населенным пунктом, он был заброшен и превращен в кладбище. Сам же Себастополис, очевидно, перестал существовать в VI веке.

Значительный интерес для характеристики ремесленного производства, а также строительного дела позднего Себастополиса имеет обжигательная гончарная печь конца III—IV вв. н. э., изученная экспедиционными работами 1959 г. (рис. 46). Так как результаты исследования этой печи уже получили освещение в печати[64], мы здесь ограничимся лишь констатацией этого факта и обратимся к еще неопубликованным материалам.

В этом плане в первую очередь следует отметить остатки оборонительных сооружений Себастополиса за пределами крепости.

В 1954 г. на участке гр. Одынец в северо-западной части Сухуми, около дома отдыха Северного флота, обнаружена сторожевая башня позднеантичной эпохи. Башня эта находится на расстоянии более двух километров от Сухумской бухты (рис. 1)—района расположения остатков древнего Себастополиса. Она расположена на юго-восточном крае глинисто-галечного холма. Холм спадает на восток в Батарейное ущелье, на запад—в долину р. Гумиста и господствует на подступах к городу Сухуми с северо-запада.

Башня, в плане квадратной формы, ориентирована углами по странам света с некоторым отклонением (рис. 49, 50). Размеры башни в плане: внутри 5,40 х 5,47 м; снаружи 6,30 х х 6,45 м при толщине стен 0,90 м. Высота сохранившихся стен от нижнего основания цоколя до верхнего края стен 1,30—1,80 м (рис. 50). Стены сложены на грунте (без дополнительного фундамента, из булыжных камней на известковом растворе с морским песком и гравием, местами с включением тол-

64 М. М. Трапш, «Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г.», Труды АбИЯЛИ, XXXIII—XXXIV, Сухуми, 1963, стр. 247—252.

ченой керамики и обломков черепиц. От северо-западного угла башни на север проходила стена, толщиной в 0,9 м, от которой сохранились отдельные фрагменты (рис. 49). Вероятно, это остатки укрепленного двора, к углу которого примыкала описываемая башня.

При наружной и внутренней расчистке башни выявлены стратиграфические горизонты культурных отложений.

Верхний слой, состоящий из черной гумусированной земли, имеет мощность до 60—70 см. Он содержит углистые прослойки и линзы, остатки строительного мусора, известкового раствора, в том числе булыжные камни от разрушившихся верхних частей стен башни. Этот культурный слой насыщен обломками глиняных горшков, кувшинов, амфор, лутерий, мисок с тусклым буро-красным лаком. Здесь же найдены фрагменты стеклянных сосудов. В слое обнаружены обломки жернова ручной мельницы, каменное пряслице, железные ножи, плоское керамическое грузило круглой формы со сквозным отверстием, железные четырехгранные гвозди, многочисленные обломки плоских черепиц, костей различных животных. Этот слой на основании широкогорлых амфор, мисок и других предметов можно датировать IV—V вв. н. э.

Второй, нижележащий слой, темно-серого цвета, мощностью 40—50 см, насыщен остатками строительного мусора. В слое обнаружены: обломки плоской черепицы, узкогорлых амфор, краснолаковых мисок, горшков, костей животных. Интересны также светильники, в том числе один импортный краснолаковый, терракотовая статуэтка петуха, медные и серебряные монеты малоазийского происхождения. Слой этот на основании серебряных и медных монет, обломков краснолаковых сосудов, краснолакового светильника можно датировать последней четвертью II—III вв. н. э.

Любопытно, что и здесь культурных отложений I в. н. э. фактически не прослежено. Это обстоятельство указывает на то, что интересующая нас башня могла быть построена только в последней четверти II в. н. э., так как наиболее ранние позднеантичные вещи, обнаруженные во втором культурном слое, как, например, монеты, относятся к 186—187 гг. н. э.

При дальнейшем углублении путем раскопок внутри башни, под основанием ее стен в глинисто-галечном слое обнаружены погребения III—II вв. до н. э., говорящие о том, что здесь еще до строительства этой башни существовал могильник эллинистического времени.

Наличие в вышеописанных культурных слоях позднеантичного времени бытовой посуды, фрагментов жернова ручной мельницы, пряслица, черепицы свидетельствует о том, что интересующая нас сторожевая башня являлась одновременно

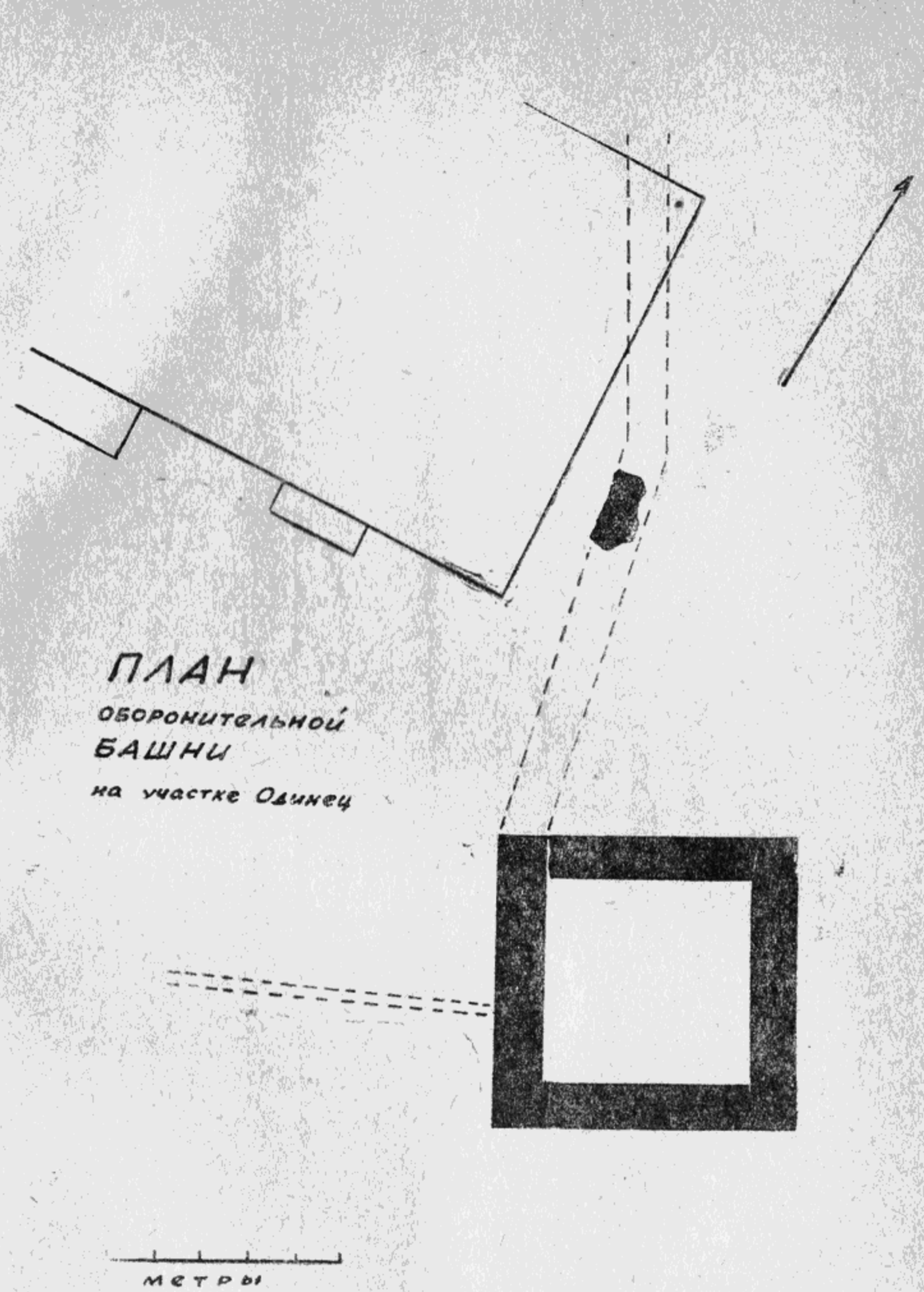

Рис. 49. План оборонительной башни на участке Одинец.

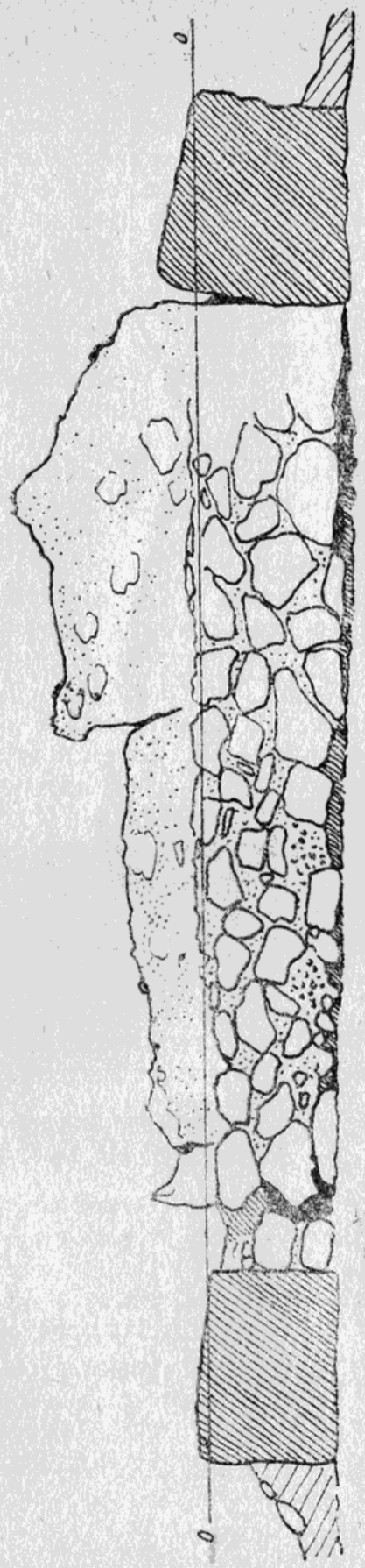

Рис. 50. Разрез башни на участке Одинец с южной стороны.

и жилым помещением, имела, как было отмечено выше, небольшой укрепленный стенами двор.

В 1953 г. на дне Сухумской бухты у левого устья р. Басла, напротив военного санатория № 22, обнаружены стены крепости древнего Себастополиса (рис. 1). Фрагменты этих оборонительных стен с одной круглой башней находятся на расстоянии около 200 метров от берега моря[65]. Башня стоит в нормальном вертикальном положении. Толщина ее стен достигает 1,5 м, внутренний диаметр 3—3,5 м. Стены и башня выложены из морского булыжного камня и кирпичных поясов на крепком известковом растворе с морским гравием и песком.

В последующие годы подводными археологическими исследованиями фрагменты крепостных стен Себастополиса обнаружены и в других пунктах дна Сухумской бухты[66]. Они засвидетельствованы напротив ресторана «Диоскурия», в районе морской пароходной пристани и т. д. Эти остатки стен, как и вышеописанные только что фрагменты оборонительного сооружения у левого устья р. Басла, выложены из гранита—морского валуна на крепком известковом растворе с морским гравием и песком и имеют следы кирпичных поясов.

Все эти наблюдения показывают, что значительная часть древнего Себастополиса, как и Диоскурии, находится на дне Сухумской бухты. Эта часть города Себастополиса является, несомненно, более ранней, чем те вышеописанные крепостные стены города, расположенные на суше в различных пунктах Сухуми. Следовательно, на дне Сухумской бухты должен быть культурный слой I — первой половины II в. н. э., который, как уже отмечено выше, очень слабо представлен на суше в районе современного Сухуми.

4. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И АНАЛИЗ ВЕЩЕВЫХ НАХОДОК ДРЕВНЕГО СЕБАСТОПОЛИСА

В результате многолетних и планомерных археологических исследований памятников культуры древнего Себастополиса, проведенных в различных пунктах Сухуми, добыт массовый вещевой инвентарь, состоящий в основном из строительного материала, посуды, предметов труда и быта, украшений и одежды, железного шлака, костей животных и т. п.

---

65 Это, видимо, те фрагменты стен городской крепости, на которые указывал еще В. И. Чернявский в 70-х гг. XIX в.

66 М. М. Трапш, «Город под водой», журнал «Смена, № 7, 1958, стр. 14; Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев, «Исследование древнего Себастополиса», СА, № 3, 1960, стр. 172, рис. 1; Л. А. Шервашидзе, «Повесть о городе, взятом волнами», Сухуми, 1967.

Строительный материал представлен фрагментами кирпичей, брусочками, обломками черепиц, водопроводными трубами, четырехгранными гвоздями и другими предметами.

Кирпичи сформованы из хорошо промешанной глины, с большой примесью песка, со слюдой нормального обжига. Они принадлежат к двум типам.

Тип I — кирпичи круглой формы (Д = 17,5 — 21,5 см, толщина 6,8 см). 8 экземпляров таких кирпичей, в том числе 2 целых, найдены в культурном слое IV—V вв. н. э. при раскопках первой приморской стены в районе Сухумской крепости.

Тип II — кирпичи квадратной и подчетырехугольной форм (32—50 x 25—26 x 5—6 см). Из таких кирпичей сложены были гончарная печь, плинфы стен IV—V вв. н. э. На трех кирпичах, обнаруженных в районе Сухумской крепости, посередине длинной их стороны имеются различные изображения (табл. XLI, 3, 4, 5). Первый кирпич с двумя параллельно расположенными выпуклыми дуговидными полосками (табл. XLI, 3). Второй кирпич с врезными волнообразными линиями; на нем имеется отпечаток лапы собаки, наступившей на сырой кирпич до его обжига (табл. XLI, 4). Третий кирпич с врезным перекрещивающимся косым крестом. Кирпичи с изображениями нередки в позднеантичных городах Причерноморья. В частности, они найдены при раскопках Тиритакской базилики V—VI вв. н. э.[67]

Брусочки. Во всех исследованных раскопах в районе Сухумской крепости в культурных слоях позднеантичного времени (II—V вв. н. э.) обнаружено немало керамических четырехгранных брусочков (14 x 5 x 4 см), сделанных из хорошо промешанной и отмученной глины и подвергнутых прочному обжигу.

Подобные бруски, очевидно, применялись при обкладке полов, а также могли служить подставками в керамических горнах.

Черепица. Среди керамических изделий обычны обломки кровельной черепицы, по форме подразделяющейся на два типа:

Тип I — черепицы плоские, прямоугольные, удлиненно-квадратной формы (керамиды) (табл. XLI, 12—24, 26—28; XLII, 1—6, 9—15), длиной до 42 см, шириной от 32 до 36 см и толщиной 1,5—2,5 см. На поле одной черепицы прочерчены две параллельные волнообразные линии. Края черепицы имеют бортики, высотой 2—3 см; реже до 4 см, различной формы: прямоугольные, остроугольно-прямоугольные, дуго-

[67] В. Ф. Гайдукевич. «Памятники раннего средневековья в Тиритаке», СА, VI, 1940, стр. 200, рис. 12.

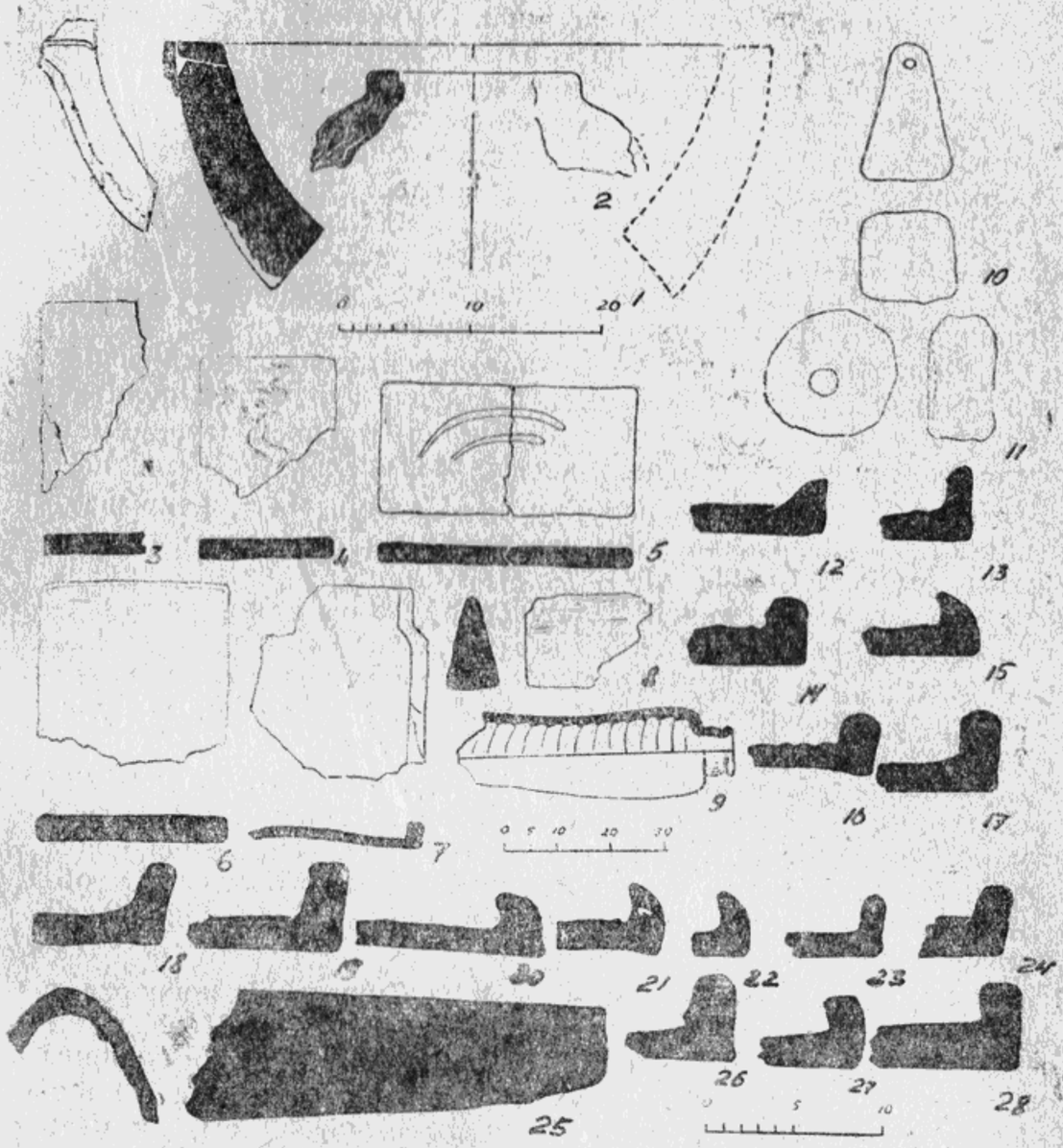

Таблица XLI. Себастополис, строительные материалы (3—9, 12—28) и предметы быта (1—2, 10—11). 1 — камень; 2—28 — глина. 1, 12—17—1 слой; 2, 18—21 — 2 слой, 3—9, 11, 22—24—3 слой; 10, 26—28—4 слой; 25—башня № 2.

видные (полукруглые). Вдоль внутреннего края бортиков нередки водосливные желобки (табл. XLII, 3—6).

Черепица обычно высокого светло-красного обжига, изготовлялась из хорошо промешанной, отмученной глины с примесью песка и редкими включениями слюды. Она обычно формовалась при помощи деревянных матриц, состоявших из двух частей: нижней доски, на которой раскатывался слой глины, и верхней, придававшей определенную форму бортикам. При формовке черепицы матрицы засыпались крупным песком. После формовки черепица сушилась на открытом воздухе. Этим, очевидно, объясняется наличие на некоторых черепицах отпечатков лап домашних животных — собаки, кошки, бегавших по двору, где сушилась черепица.

Описанный тип черепицы характерен для позднеантичного времени. В районе Сухумской крепости и других пунктах Сухуми (башня «Одынец» и др.) обломки такой черепицы в массовом виде представлены в культурных слоях II—V вв. н. э.

Тип II — черепицы полукруглые (калиптеры), закрывавшие стыки между плоскими черепицами. Представлен обломками (табл. XLI, 25; XLII, 7—8). Калиптеры изготовлялись из хорошо промешанной и отмученной глины с примесью песка и подвергались хорошему обжигу. Этот тип черепицы, как и предыдущий, засвидетельствован в культурных отложениях позднеантичного времени (II—V вв. н. э.) в различных пунктах Сухуми.

Наличие большого количества черепиц почти во всех исследованных позднеантичных памятниках говорит о том, что жилые помещения древнего Себастополиса были в основном покрыты кровельной черепицей, которая изготовлялась и обжигалась, возможно, здесь же и в районе Себастопольской крепости.

Водопроводные трубы. В районе Сухумской крепости в культурных слоях позднеантичного времени (II—V вв. н. э.) встречены водопроводные трубы (табл. XL1, 9). Они сделаны из хорошо промешанной, отмученной глины красного и красно-бурого обжига. В длину они достигают 80 см, диаметр раструба 14—15 см, диаметр суженого втульчатого конца 8—11 см.

Довольно большое число находок глиняных труб свидетельствует о том, что в позднеантичное время древний Себастополис имел достаточно разветвленную канализационную и водопроводную сети.

Гвозди. Почти во всех раскопанных позднеантичных поселениях и сооружениях Себастополиса, преимущественно в культурных слоях II—V вв. н. э., обнаружено более 80 экземпляров железных гвоздей (табл. LVII, 11—13). Они, употреб-

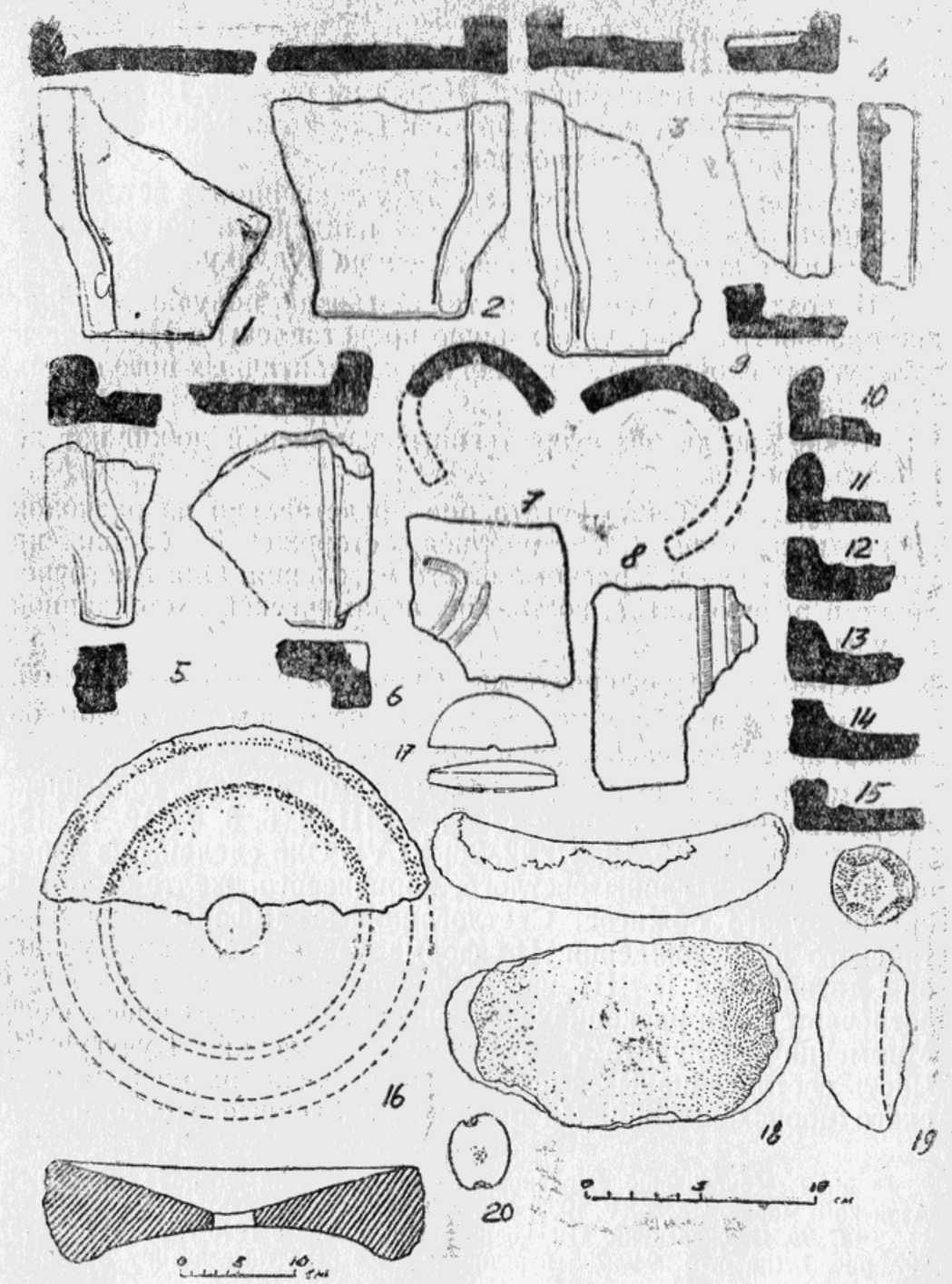

Таблица XLII. Башня Одынец, строительные материалы (1—15) и предметы быта (16—20). 1—17 — глина; 18 — 20 — камень.

лявшиеся преимущественно для скрепления деревянных балок перекрытия построек,имеют вид четырехгранных стержней с кнопкообразными шляпками. Длина их от 3 до 13 см, сечение от 0,4 до 1,5 см, диаметр шляпок 1,5—2 см. Редко встречались костыли с загнутым концом.

Железные гвозди в древнем Сухуми начинают встречаться с раннеантичного времени — они найдены в погребениях IV—II вв. до н. э. на Сухумской горе и на Гуадиху.

В позднеантичное время такие гвозди получают широкое распространение. Они хорошо представлены в Пицунде в культурных слоях II—V вв. н. э. в позднеантичных поселениях Боспора[68].

Такие гвозди без существенных изменений доживают до нашего времени.

Посуда. Особенно богато она представлена из раскопок крепостных стен Себастополиса, сторожевой башни на усадьбе Одынец и Красномаяцкого поселения. Она многочисленна и разнообразна, состоит из керамической и стеклянной посуды.

Керамика характеризуется импортной и местной посудой.

Импортная керамика состоит в основном из обломков амфор, краснолаковой посуды, чаш-лутерий.

Амфоры представлены фрагментами стенок, горлышек, ребристых ручек, донышек (табл. XLIII, 3, 5, 6, 9—12, 14, 19; XLIV, 8, 10, 11—13, 18, 21, 22, 26; XLV). Они сделаны из хорошо отмученной глины светлого, коричневого, желто-серого и красно-бурого обжигов. Светлоглиняные амфоры южнопонтийского происхождения. По форме узких горловин, ручкам они датируются II—III вв. н. э. Подобная посуда нередко встречается при раскопках Херсонеса[69], Неаполя Скифского[70], Мирмекия[71], Илурата[72], Танаиса[73], поселения Кучугуры[74]. Часть светлоглиняных амфор с двухстольными ручками косского происхождения. Их обломки, найденные в основном в

---

68 Н. Т. Кругликова, «Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря», СА, XXV, 1956, стр. 240, рис. 4,4—6.

69 С. Ф. Стржелецкий, «Раскопки в Инкермане в 1940 г.», СА, IX, стр. 292, рис. 7 (на стр. 294—295 перечислены все известные автору аналогии изданной им амфоре).

70 В. Ф. Гайдукевич, «Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг.», МИА, 25, стр. 170, рис. 64.

71 И. Б. Зеест, «К вопросу о торговле Неаполя и ее значение для Боспора», МИА, 33, стр. 73, табл. 14, стр. 76.

72 В. Ф. Гайдукевич, «Илурат», МИА, 85, стр. 36, рис. 20. В. Ф. Гайдукевич предположительно относит их к синопским изделиям.

73 Т. Н. Книпович, Танаис, М.—Л., 1949, стр. 73.

74 М. М. Кубланов, «К истории Азиатского Боспора», СА, XXIX, 1959, стр. 210, рис. 104.

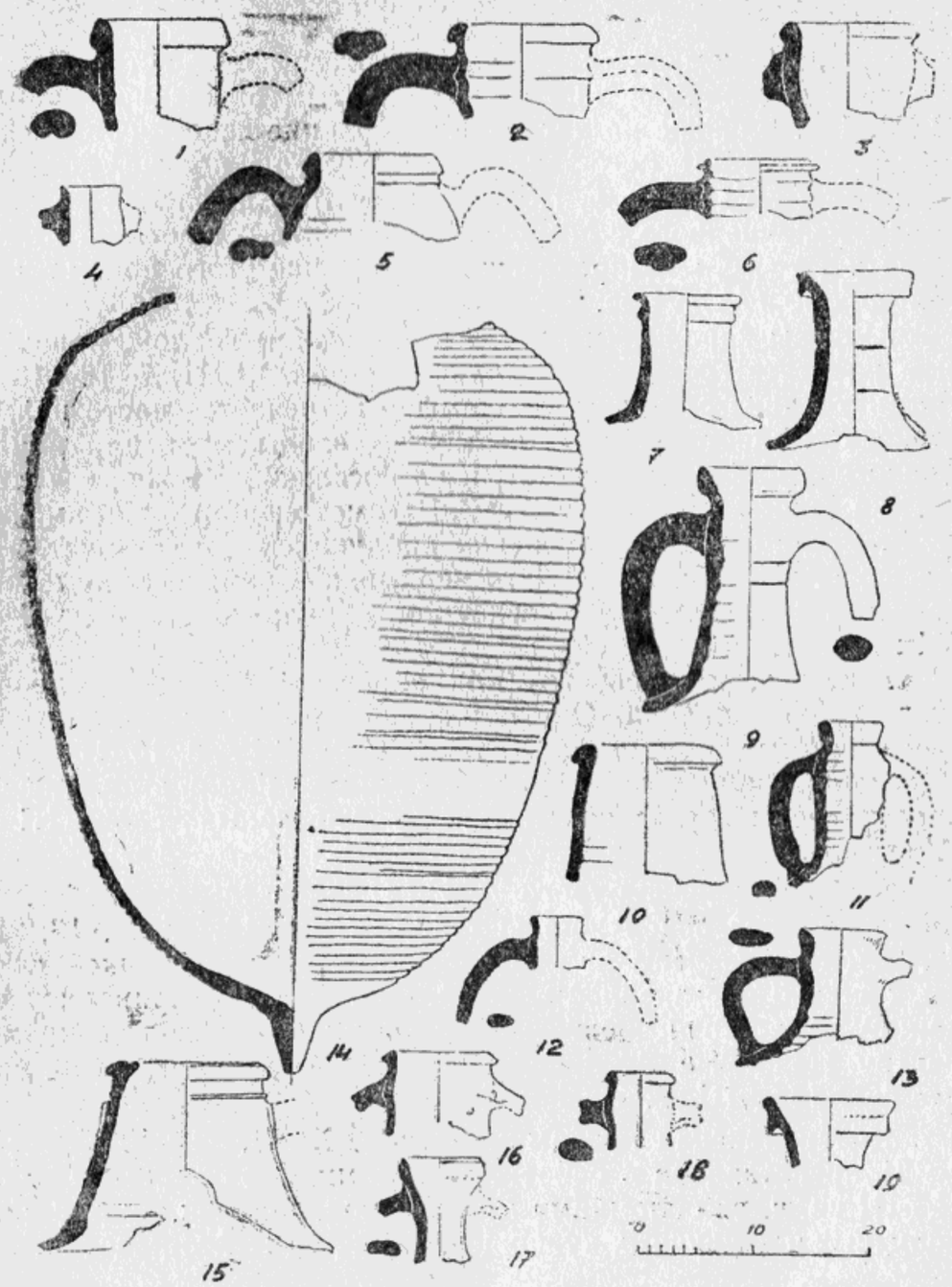

Таблица XLIII. Себастополис. Амфоры. Местные 1, 2, 4, 7, 8, 13 — 15—18; синопские — 3, 6, 9; привозные неопределенные — 5, 10—12, 14, 19. 3, 9, 18—1 слой; 1, 5, 8, 10, 11, 13—15, 19; 2, 4—3 слой; 6, 7, 12, 16, 17— башня № 2.

районе Сухумской крепости, датируются I в. до н. э. — началом I в. н. э. Обломки подобных амфор встречаются и в Пицунде.

Среди обломков светлоглиняных амфор встречаются стенки с глубоким и частым гребенчатым рифлением (табл. XLIII, 14). Близкое по характеру рифление известно из Херсонеса, Мангупа[75] (юго-западный Крым), на посуде, относящейся к V—VI вв. н. э. Появление густого рифления на амфорах, исполненного с помощью гребенчатого шаблона, относится к IV в. н. э. Широкое же применение этого приема характерно для V—VI вв. н. э.[76].

Амфоры коричневого цвета с невысоким горлом, припухлым на месте соединения с ручкой (табл. XLIII, 5, 16—18). На внутренних стенках таких амфор встречается часто налет черного смолистого цвета, возможно, следы меда или вина. Аналогичные факты известны и из поселений Крыма, в частности в Тиритаке[77] и Херсонесе[78]. Рассматриваемый тип амфор И. Б. Зеест считает синопской продукцией и датирует его I в. до н. э. — I в. н. э.[79] Эта керамика в районе Сухумской крепости представлена в основном в культурном слое II—III вв. н. э.

Амфоры желто-серого (или сиреневого) обжига синопского происхождения. Они с широким цилиндрическим горлом и острым дном (табл. XLIII, 3, 6, 9; XLIV, 8, 10, 11—13). В позднеантичных поселениях Сухуми обломки этих амфор представлены преимущественно в культурных слоях III—IV вв. н. э.

Амфоры красно-бурого обжига со светлым ангобом и гофрированной поверхностью (табл. XLIII, 14; XLIV, 18, 21, 22, 26). Изготовлены они из хорошо отмученной тонкой глины, обильно насыщенной слюдой. Они, видимо, принадлежат какому-то восточносредиземноморскому производственному центру. Подобные гофрированные амфоры датируются не ранее конца II—III вв. н. э.

Краснолаковая керамика (табл. XLVI, 1—10; XLVII, 1—5) представлена в основном типами, характерными для II—III вв. н. э., обломками мисок, блюд, тарелок, кубков, одноручных и двуручных кувшинов. Глина их желто-красная, ко-

---

75 А. Л. Якобсон, Дворец (отчет. раскопки 1938 г. в Мангупа), МИА, 31, стр. 401, рис. 15а-в.

76 В. Ф. Гайдукевич, «Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.», МИА, 25, 1952, стр. 100, рис. 120.

77 Там же, стр. 51.

78 А. Л. Якобсон, «Раннесредневековые поселения Крыма», МИА, 85, 1958, стр. 473.

79 И. Б. Зеест, «Новые данные о торговых связях Боспора с южным Причерноморьем», ВДИ, 1951, № 2, стр. 114, рис. 7.

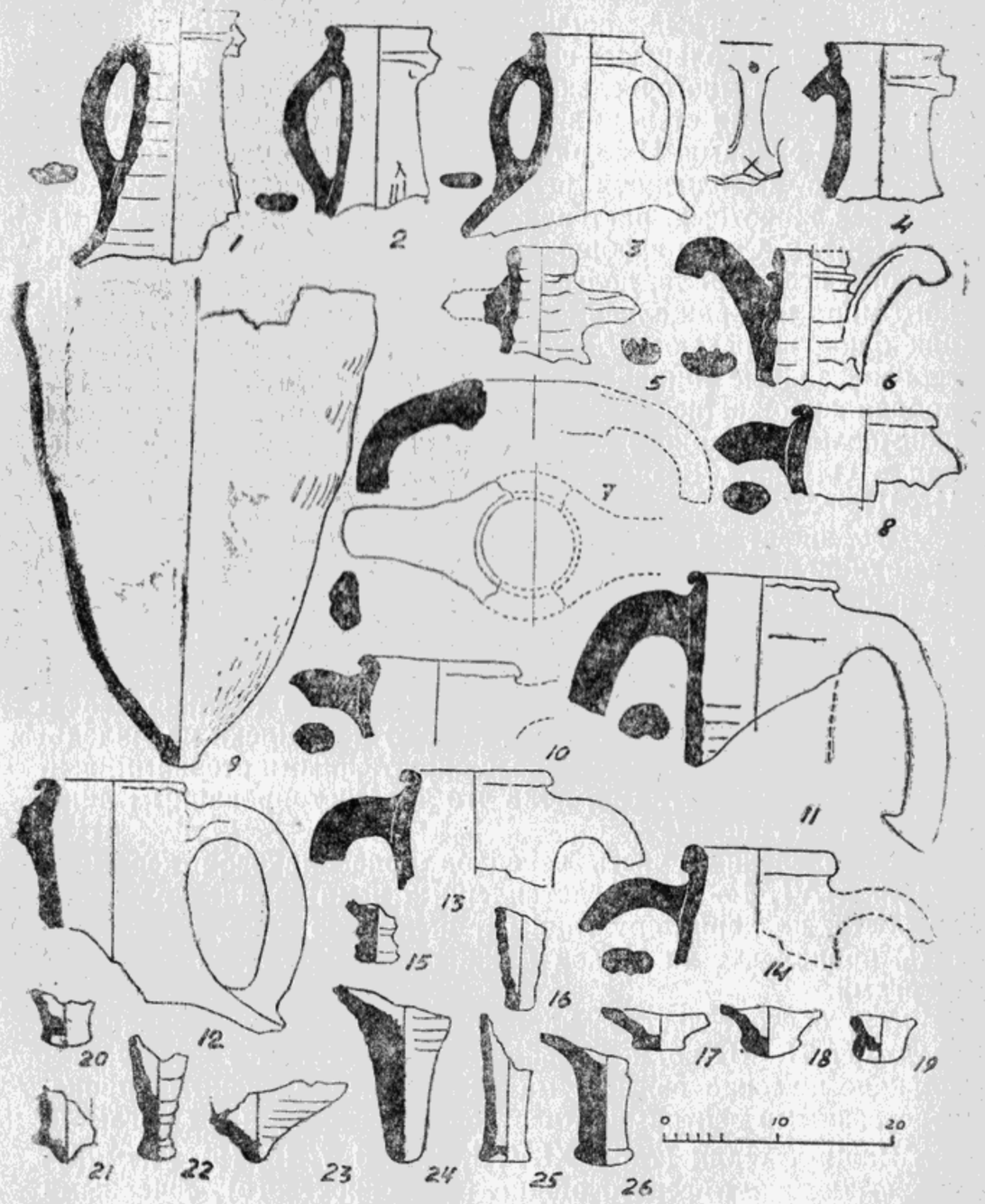

Таблица XLIV. Себастополис. Амфоры. Местные — 1—7, 9, 14 — 17, 24, 25; синопские—8, 10, 11—13; восточно-средиземноморские—18, 21, 22, 26; неопределенные привозные — 19, 20, 5—8, 18, 20, 21, 26 — 1 слой; 1—4, 9, 11—17, 19, 22—25—2 слой; 10—3 слой; 9—башня № 2.

ричнево-оранжевая или белая с желтоватыми оттенками; она имеет незначительную примесь мелких блесток слюды. Лак не блестящий, красный, коричневый или оранжевый. Все они в основном на кольцевых поддонах.

Особенно многочисленны фрагменты блюд овальной формы с округлыми стенками, горизонтально отогнутым краем и плоскими ручками. Их края и ручки нередко украшены художественно выполненной рельефной орнаментацией, изображающей животных, растения, жертвенник с двухскатным навесом и т. п. Среди изображений животных встречаются козы, кабаны, осел, цапля, дельфин, рак, рыба и др. Из растительного мира изображались кипарисы, пальмы и пр. На закраинах блюд встречаются рубчики, врезные волнообразные и горизонтальные линии, рельефные выпуклые бугорочки. Подобная художественная керамика известна и из других римских колоний Черного моря — Пицунды[80], Илурата[81], Мирмекии и Ольвии[82]. Везде они датируются в основном рубежом II—III вв. н. э.

Обращает на себя внимание одна группа блюд, мисок и кувшинов из светлой (желто-красной) глины, являющаяся, по-видимому, продукцией одного и того же, пока неизвестного нам производственного центра. Особый интерес представляют два типа этой группы: 1) глубокие миски с высоким гофрированным вертикальным бортиком и горизонтально налепленными ручками (табл. XLIX, 21—26) и 2) миски на маленькой кольцеобразной подставке, с округленными стенками, венчиком с острыми углами, пока что зарегистрированным лишь в Сухуми и Пицунде[83].

Определенная часть черепков краснолаковой керамики (табл. XLVI, 1—11), представленных в материалах раскопок крепости, по характеру глины и покрытию лака, надо полагать, происходит из Малой Азии, скорее всего, из Самоса и Пергама.

Это обстоятельство наряду с монетами указывает на то, что во II—III вв. н. э. Себастополис (Сухуми) имел торгово-экономические связи с малоазийскими античными производственными центрами, в частности, с Самосом и Пергамом.

Чаши-лутерии (табл. XLVIII, 1, 2, 6, 7, 10, 15), упомянутые выше, желто-серого обжига (или сиреневого), с черными

80 О. Д. Лордкипанидзе, «Краснолаковая керамика из раскопов Пицунды», Вестник отделения обществ. наук АН ГССР, Тбилиси, 1962, № 1, рис. 1—3.

81 Л. Ф. Силантьева, «Краснолаковая керамика из раскопок Илурата», МИА, 85, 1958, стр. 301, рис. 16, 1 и 2.

82 Т. Н. Книпович, «Краснолаковая керамика первых веков н. э.», МИА, 25, стр. 306, рис. 6.

83 О. Д. Лордкипанидзе, Указ. соч., рис. 9.

Таблица XLV. Башня Одынец. Амфоры.

включениями в черепке, происходят из Синопа. На закраине одного из них имеется плохо сохранившееся греческое клеймо: Σωσίβι(ος) [84], под ним пальмовая ветвь вправо (табл. XLVIII, 8).

Местная керамика по форме сосудов подразделяется на две разнокультурные группы. Первую группу керамики мы называем условно апсило-абазгской, вторую—позднеантичной.

Апсило-абазгская керамика представлена, главным образом, обломками пифосов, горшков, мисок, кувшинов, сковородок и др.

Пифосы (табл. L, 1—6) с полочковидным венчиком со слегка выступающим от тулова массивным плоским дном, с воронкообразно расширяющимся кверху выпуклым туловом. Они сделаны из довольно хорошо промешанной глины красного обжига с примесью песка. Высота их достигает 90 см, наибольший диаметр тулова 66 см, диаметр горловины 20 см. Горловины и предплечья некоторых пифосов с врезными вертикально расположенными волнообразными полосками и ребристыми, треугольными в разрезе рельефными поясками (табл. L, 1,6). Подобная керамика характерна для культуры Цебельдинских некрополей III—V вв. н. э.[85]

Горшки (табл. LI; II, 1—15) сделаны из довольно грубой глины с большой примесью песка, хорошего обжига, серого, черного, красно-бурого цветов. Среди горшков, наряду с обычными имеются одноручные и двуручные сосуды. Все горшки с отогнутым наружу бортиком, округлой и банкообразной формы туловом, плоским дном. Это, в основном, кухонная посуда. Многие из горшков орнаментированы врезной волной и гребенчатым рифлением.

Миски (табл. XLIX, 1, 3, 5), как и горшки, сделаны из недостаточно промешанной, довольно грубой глины со значительной примесью песка. Они сравнительно высокого обжига, серого, черного и красно-бурого цветов. Некоторые из мисок с горизонтально отходящим краем, снабженным кольцеобразным выступом для прочного удержания на сосуде крышки.

Кувшины (табл. LII, 21) с конусообразно расширяющимся кверху выпуклым туловом, с дугообразной ручкой, плоским дном. Их немного. Сделаны они из хорошо отмученной глины буро-красного обжига, с примесью песка.

Сковородки (табл. XLIX, 10; LII, 20) найдены только в районе Сухумской крепости, в основном в культурном слое IV—V вв. н. э. Они с широким открытым краем, с низкой,

---

[84] Приношу глубокую благодарность Б. Н. Гракову, определившему это клеймо.

[85] М. М. Трапш, «Некоторые итоги раскопок в Цебельдинских некрополях в 1960—1962 гг.», Труды АбИЯЛИ, XXXIII, Сухуми, 1963, рис. 3, 1.

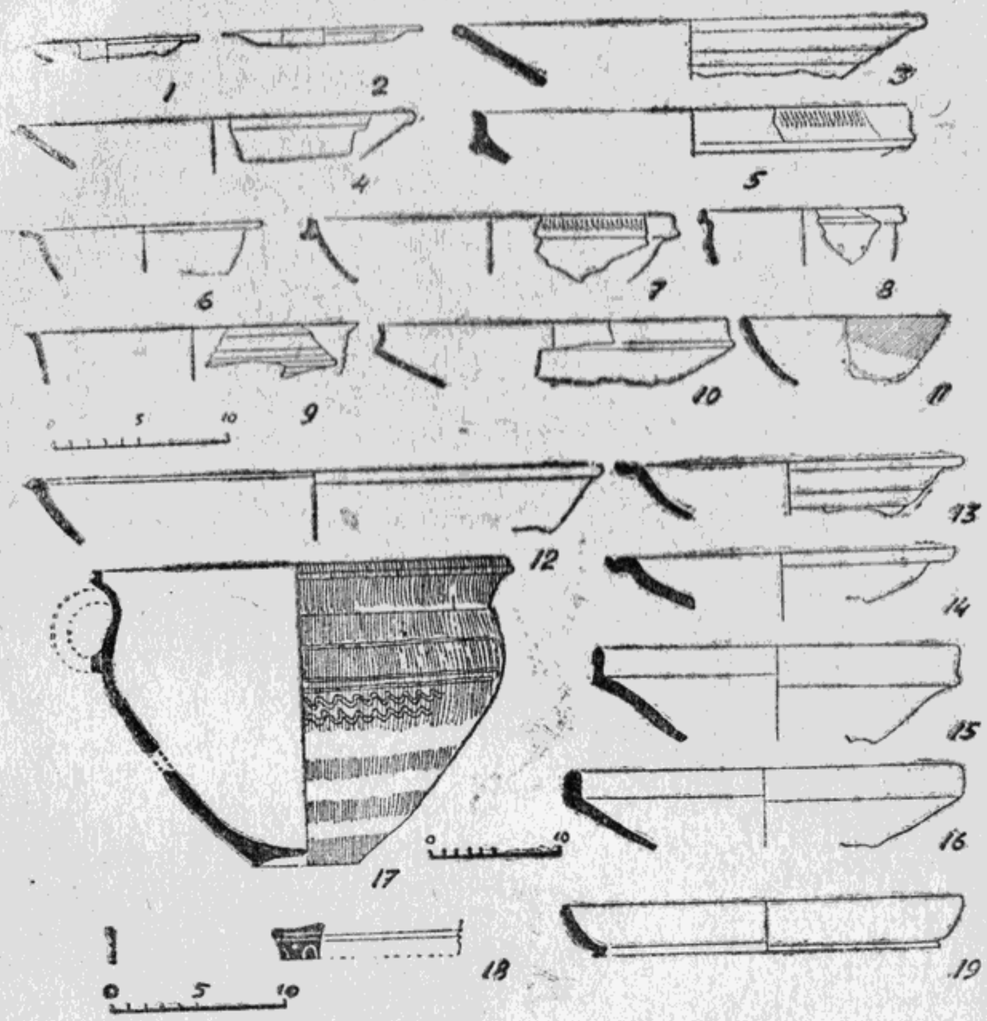

Таблица XLVI. Себастополис. Краснолаковая (1—17) и чернолаковая (18—19) керамика. Пергамская — 1—11; синопская — 17; привозная неопределенная — 12—16, 18, 19.

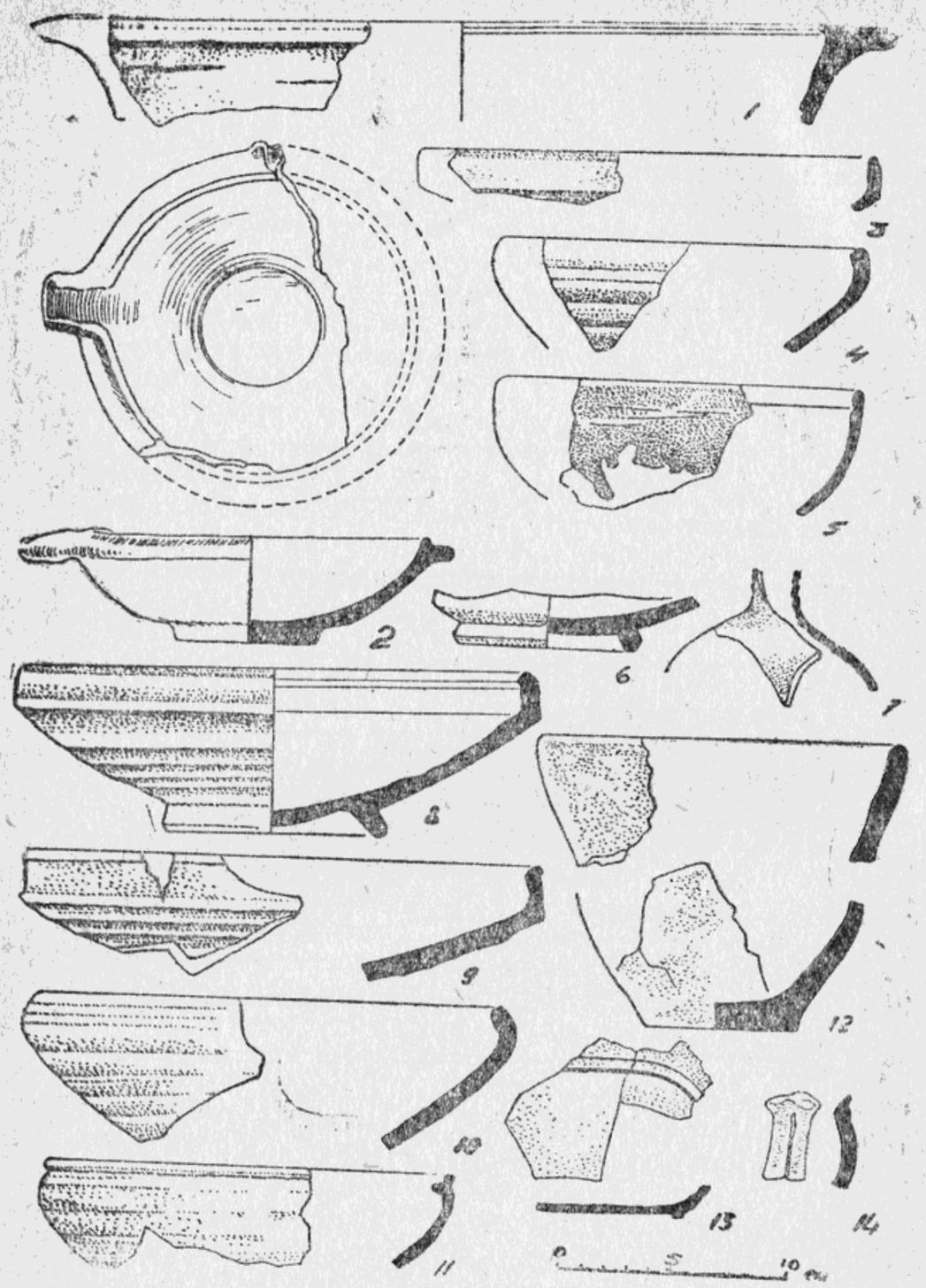

Таблица XLVII. Башня Одынец. Краснолаковая (1—5, 7—8, 12—14) и буролаковая (6,9—11) керамика.

слегка скошенной стенкой, плоским дном. Эти сковородки предназначались для выпечки различных мучных изделий.

Вся рассмотренная посуда, известная почти во всех раскопанных позднеантичных поселениях Сухуми (Сухумская крепость, участок Одынец, пос. Красный Маяк), относится в основном к III—V вв. н. э. Почти все формы этой посуды, в особенности кувшины, горшки и миски, имеют глубокую местную традицию, уходящую корнями в раннеантичное и доантичное время. Значительная часть этой керамики (пифосы, миски, горшки) характерна для абазго-апсилийской культуры Цебельды. Эти факты свидетельствуют о том, что в позднеантичных кварталах Себастополиса определенная часть городского населения состояла из эллинизированных выходцев из среды местных абазго-апсилийских племен.

Вторая группа местной керамики, воспроизводящая формы и детали позднеантичной посуды, представлена обломками амфор, ойнохои, лутериев, патер, краснолаковых сосудов.

Амфоры (табл. XLIII, 1, 2, 4, 7, 8, 13, 15—18; XLIV, 1—7, 9, 14—17, 24, 25; XLV) изготовлены из хорошо отмученной глины красного обжига с примесью мелкого песка и мелкой известковой крошки. По оформлению горловин и ручек они принадлежат к трем различным типам.

Тип I — амфоры узкогорлые, имитирующие импортные. Они отличаются от привозных устройством венчиков.

Подобного типа амфоры относятся преимущественно к II—III вв. н. э. Они известны также из раскопок А. М. Апакидзе и О. Д. Лордкипанидзе в Сухуми в 1959 году[86].

Тип II — амфоры, у которых дугообразные ручки верхним концом прикреплены к предплечью, а нижним—к тулову сосуда (табл. XLV, 30). Подобные амфоры засвидетельствованы раскопками А. М. Апакидзе и О. Д. Лордкипанидзе в Сухуми в 1959 г. Такая посуда найдена в раскопанной О. Д. Лордкипанидзе башне у оз. Инкит в 1957 году[87].

Тип III — амфоры с широким цилиндрическим горлом, с ребристыми или желобчатыми ручками овального сечения (табл. XLIV, 12—14). Этот тип амфор, представленный в позднеантичных поселениях Сухуми, засвидетельствован в основном в культурных слоях IV—V вв. н. э.[88].

Ойнохои (табл. LIII, 8, 17), представленные немногочисленными фрагментами горлышек, сделаны из сравнительно

---

[86] А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе, «Новые материалы к археологии Диоскурии — Себастополиса», Труды АбИЯЛИ, XXXIII, Сухуми, 1963, стр. 219, табл. VI, 1—3.

[87] Там же, стр. 219—220, табл. VII, 1.

[88] Там же, стр. 217, табл. II, 1—2.

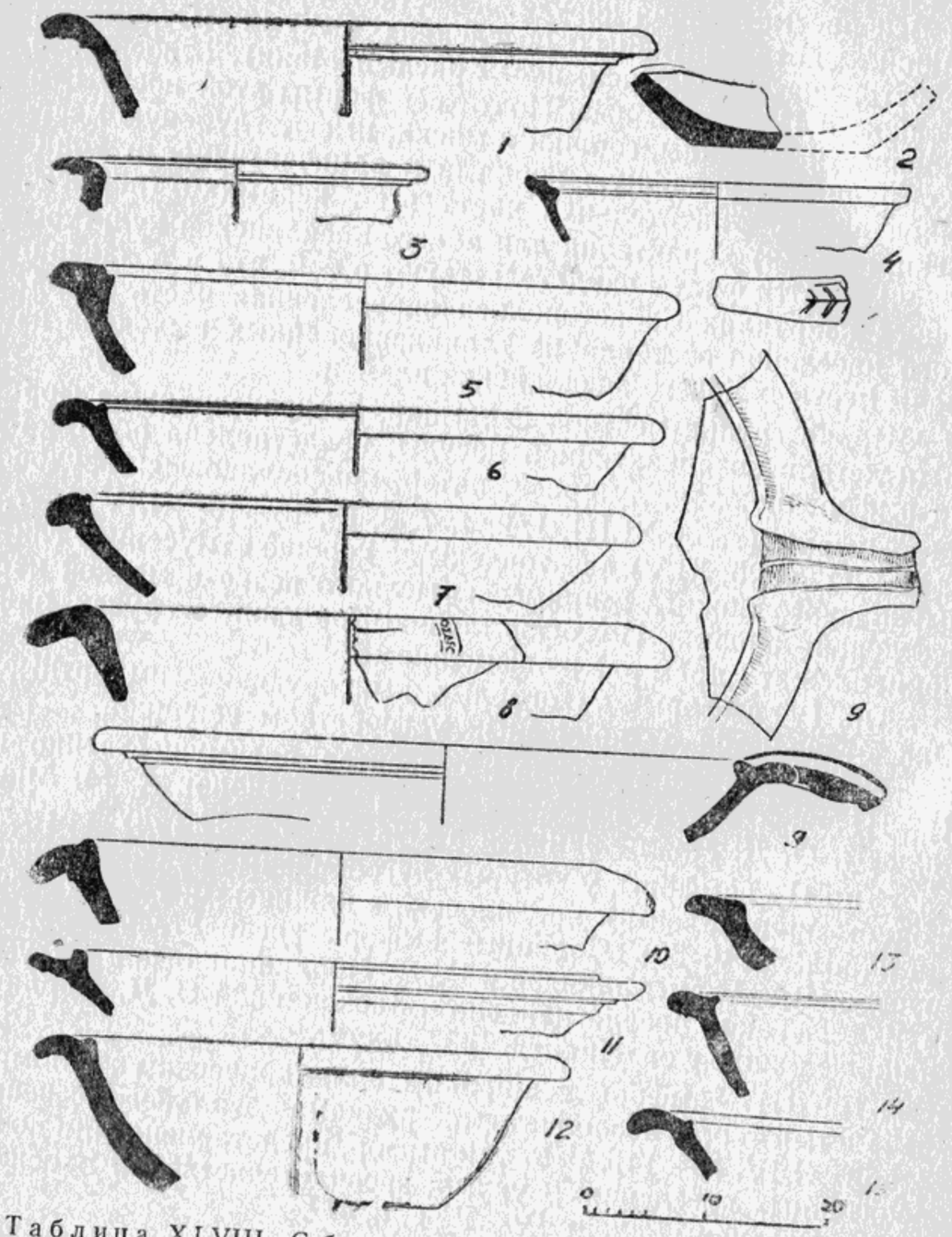

Таблица XLVIII. Себастополис. Лутерии. Местные—3—5, 11—14; синопские — 1, 2, 6, 7, 9, 10, 15; восточно-средиземноморские — 8. 1—6— 1 слой; 7—11, 13—15 — 2 сл.; 12 — 3 слой.

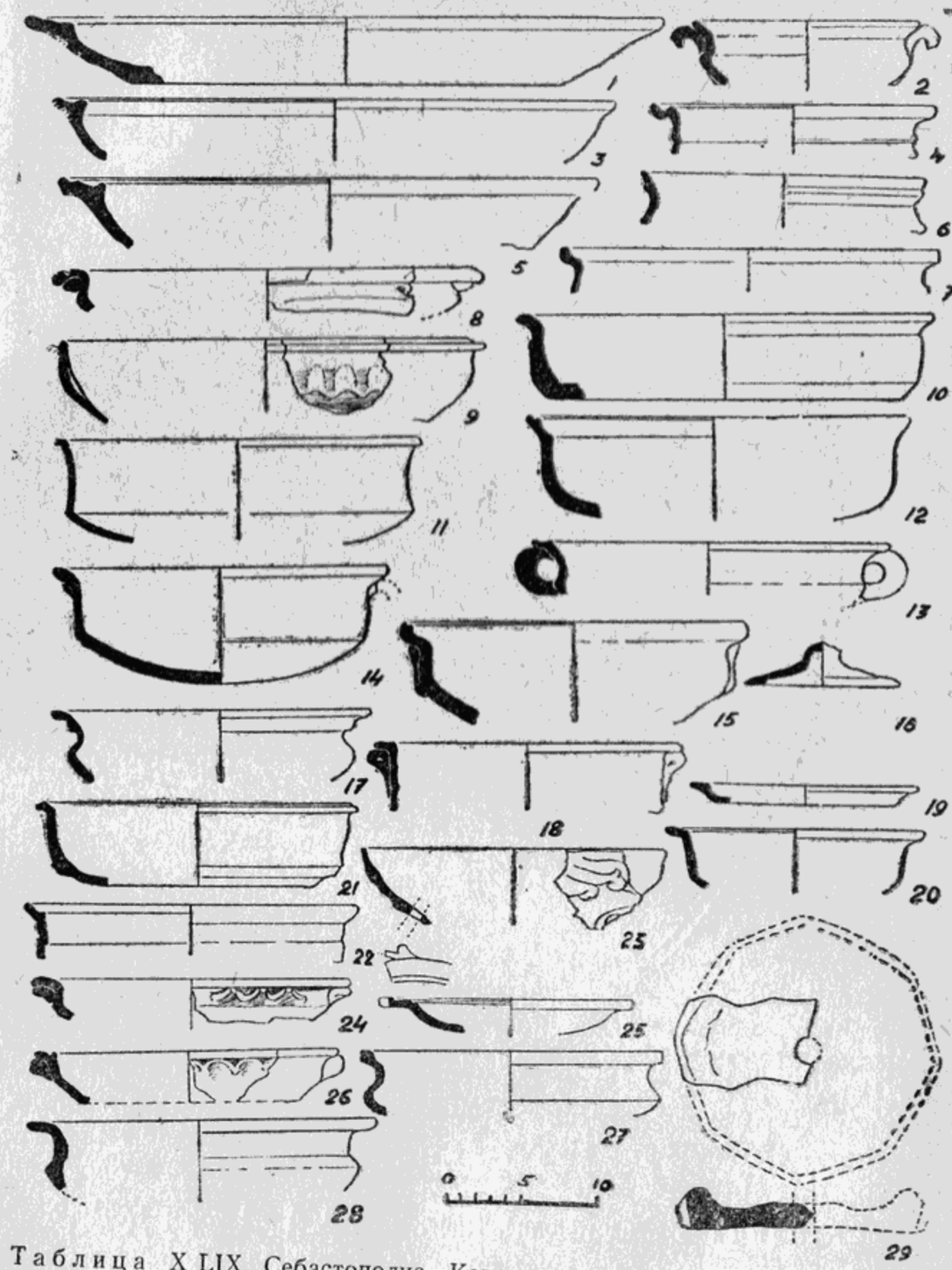

Таблица XLIX. Себастополис. Керамические изделия. Местные— 1—24, 26—29; восточно-средиземноморские—25; 4, 13, 18, 23, 25—1 слой; 13, 5, 8—12, 14, 15, 17, 21, 24 — 2 слой; 6, 7, 16, 19, 20, 22, 29—3 слой.

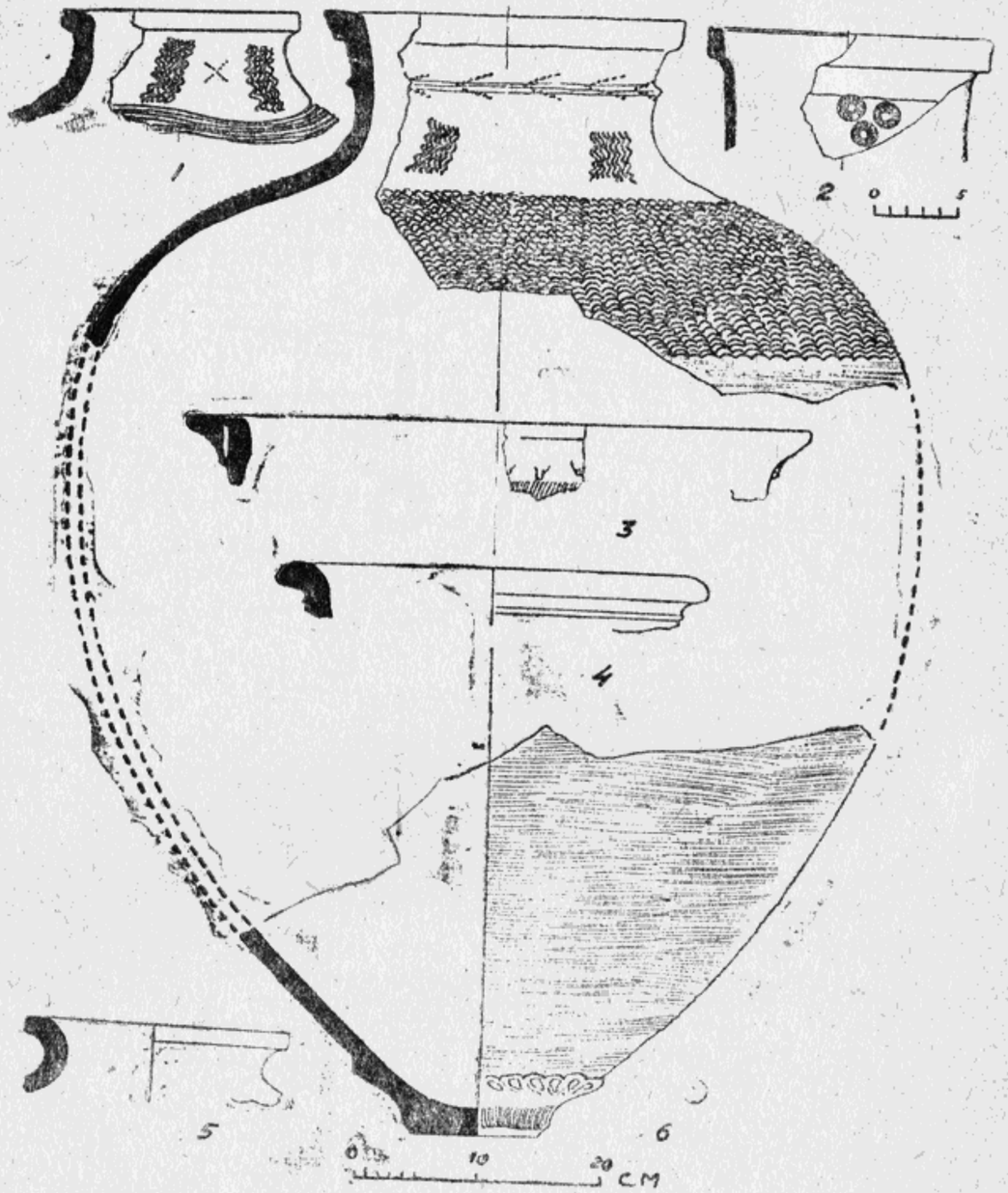

Таблица L. Себастополис. Пифосы. 2, 3, 6 — 1 слой; 1, 5 — 2 слой; 4 — слой.

грубой, недостаточно отмученной глины красно-серого обжига с примесью песка. Встречены в Сухумской крепости и на участке гр. Одынец (табл. IV, 24) в культурных слоях III—IV вв. н. э.

Лутерии-чаши (табл. XLVIII, 3—5, 11—14) изготовлены из хорошо отмученной глины красного обжига, с примесью мелкого песка. Они по своей форме подражают импортным сосудам синопского происхождения. Эта керамика на исследованных объектах в Сухуми (Сухумская крепость, сторожевая башня на усадьбе гр. Одынец, Красный маяк) засвидетельствована в основном в культурных слоях IV—V вв. н. э.

Патеры с цилиндрическими ручками представлены тремя экземплярами, найденными в районе Сухумской крепости, в культурном слое IV в. н. э. (табл. LIII, 4). Две из них сделаны из хорошо отмученной тонкой глины бледно-красного обжига, с белыми включениями. Третья патера, лепная, изготовлена из довольно грубой недостаточно промешанной глины ярко-красного обжига с примесью песка и известковыми включениями. Ручка ее, длиной 16,5 см, оканчивается схематическим изображением головки животного, видимо, барана (табл. LIII, 1).

Патеры употреблялись преимущественно для культовых омовений и обычно встречаются в погребениях в сопровождении бронзовой посуды.

Краснолаковая местная посуда (табл. XLVI, 12—16) представлена типами, характерными для IV—V вв. н. э. Это больших размеров миски со слегка расходящимися кверху стенками, с плоским дном на кольцеобразной подставке и совсем низким и узеньким ободком. По форме среди них выделяются большие тарелки с вертикально и прямоугольно отогнутым вверх краем (табл. XLVI, 15, 16). Чашки полушаровидной формы с горизонтально отогнутым краем на маленькой кольцеобразной подставке; чашки с воронкообразно расширяющимся кверху туловом и прямоугольно отогнутым кверху краем. В состав этой посуды входят три фрагмента донышек, украшенных многолинейным рифленым орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом. Такие чаши характерны для первой половины IV в. н. э.[89] В этой группе керамики представлено также несколько черепков краснолаковых мисок с изображением христианских крестиков. Подобные миски известны в материале городища Китея в Крыму[90].

Рассмотренная краснолаковая местная посуда сделана из хорошо отмученной тонкой глины красного обжига, с белыми

[89] В. Ф. Гайдукевич, «Некрополи некоторых Боспорских городов», МИА, 69, М., 1959, стр. 235, рис. 105.

[90] Там же, стр. 236, рис. 108.

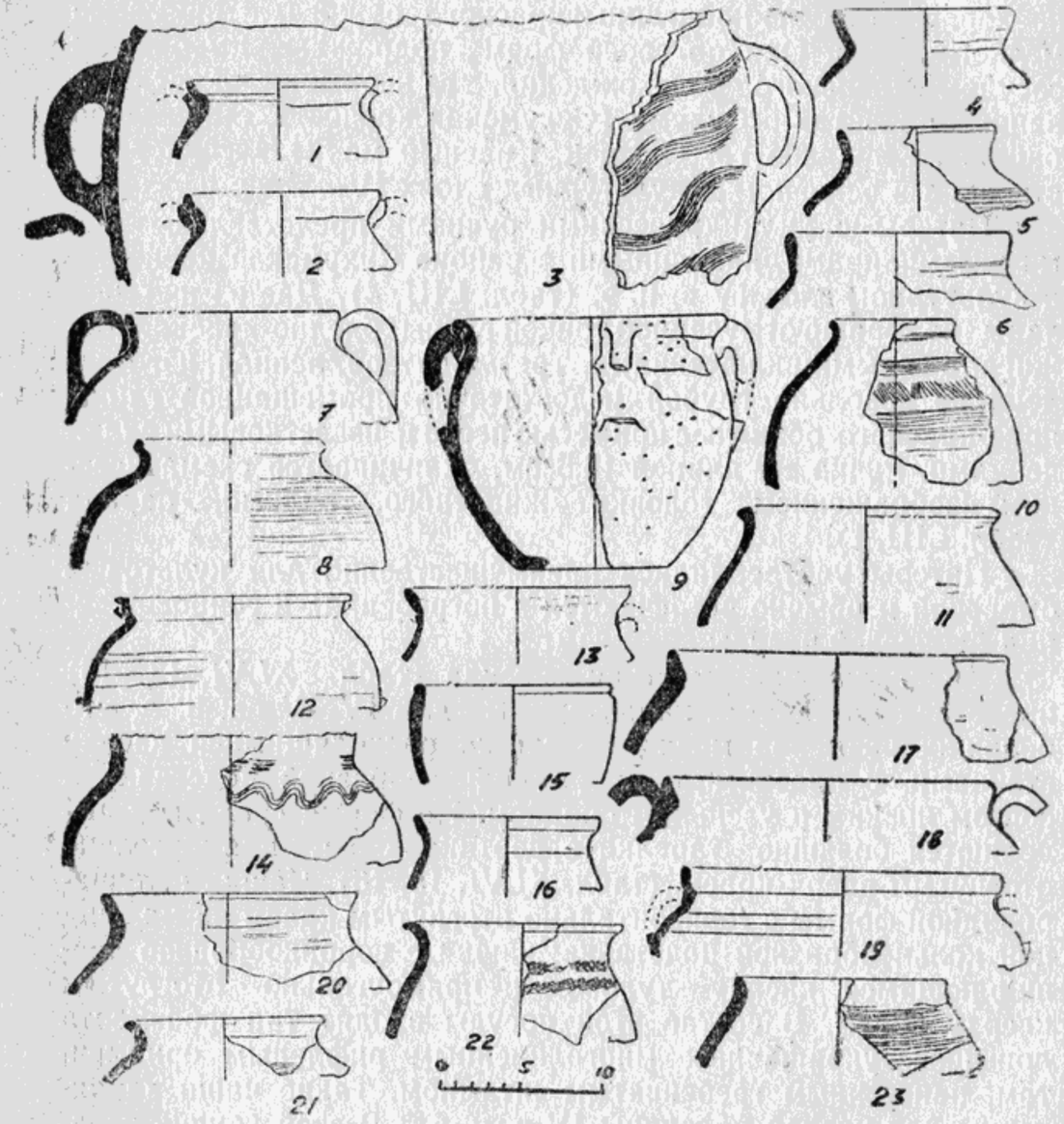

Таблица LI. Себастополис. Кухонная посуда. 4—6, 10, 11, 13—18, 20—23 — 1 слой; 1, 2, 7—9 — 2 слой; 12, 19—4 слой; 3—башня № 2.

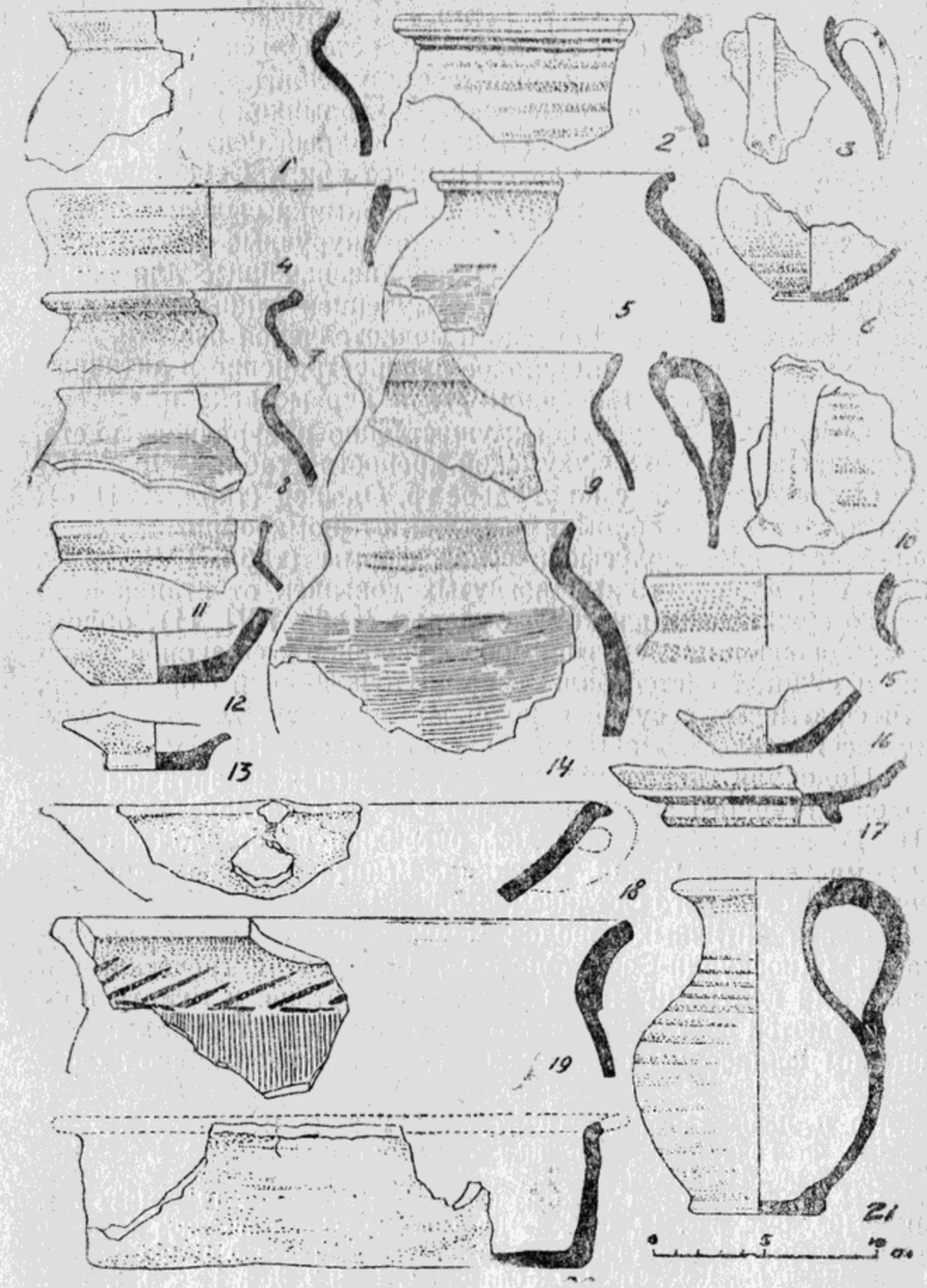

Таблица LII. Башня Одынец. Кухонная посуда.

включениями, лак в отличие от импортной посуды плохого качества, что вместе с тестом глины достаточно хорошо отличает эту керамику от привозной. Себастопольская краснолаковая керамика по цвету лака, составу глины, формам сосудов имеет сходство с краснолаковой керамикой соседней Пицунды[91], что указывает, очевидно, на единый центр их производства, находившийся или в Питиусе или в Себастополисе.

Среди местной позднеантичной керамики выделяется еще одна группа сосудов — это большие двуручные котлы-чаши (табл. XLIX, 2, 11—18, 20, 21), предназначенные для варки пищи. Они сделаны из хорошо отмученной глины буро-красного обжига, с примесью песка и мелкотолченой извести. Аналогичные сосуды имели широкое распространение в античных городах Северного Причерноморья в первые века н. э.[92]

Стеклянная посуда преимущественно празрачного цвета, обнаружена в районе Сухумской крепости (табл. LVI, 1—15) и в сторожевой башне на усадьбе гр. Одынец (табл. LVII, 4). Она представлена обломками ножек от рюмкообразных сосудов-бокальчиков полусферической формы (табл. LVI, 7, 12, 13; LVII, 4), обломками вогнутых донышек от стаканов со слегка суживающимся книзу туловом (табл. LVI, 11), обломками донышек пандор, горлышек кувшинов и флаконов, верхних и нижних частей бальзамария грушевидной формы и др. Эти фрагменты сосудов в позднеантичных поселениях Сухуми засвидетельствованы в культурных слоях III—IV вв. н. э.

Подобная стеклянная посуда, известная из античных городов Северного Причерноморья, где она датируется также III—IV вв. н. э.[93], происходит, очевидно, из стеклоделательных мастерских Сирии, Финикии, Египта и других древних центров Восточного Средиземноморья[94].

Связи античных городов Черноморского побережья Абхазии (Диоскурии-Себастополиса, Питиуса) с греческими и римскими центрами малоазийского побережья и Египта прослеживаются достаточно четко и по другим материалам: египетским фаянсовым подвескам-амулетам, малоазийской кера-

---

[91] О. Д. Лордкипанидзе, Указ. соч., рис. 5, 7, 10, 11. 12.

[92] В. Ф. Гайдукевич, «Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг.», МИА. 25, стр. 92, рис. 111, 1.

[93] Н. П. Сорокина, «Стекло из раскопок Пантикапея 1945—1959 гг.», МИА, 103, 1962, рис. 12, 1—6, 8—10; Она же, Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища, Керамика и стекло древней Тмутаракани, М., 1963, стр. 135 и сл., рис. 1, 1—4; 2, 3; 4, 1—4, 5, 1, 5—8, 11; 7, 1, 8—10; Она же, Стеклянные сосуды из Тамани, Древности Нижнего Дона, М., 1965, стр. 203 и сл., рис. 1, 9; 5, 1—4; 6, 8; 10, 1, 3, 4, 6,9; 11, 10; 12, 1; В. Д. Блаватский, «Раскопки некрополя Фанагории», МИА. 19, 1951, рис. 14, 5, стр. 290.

[94] O. Vessberg, Roman glass in Cyprus, Opuscula archaolgyca, V. VII Lund, 1952, pl. IV, 17, 18; X, 6, 8.

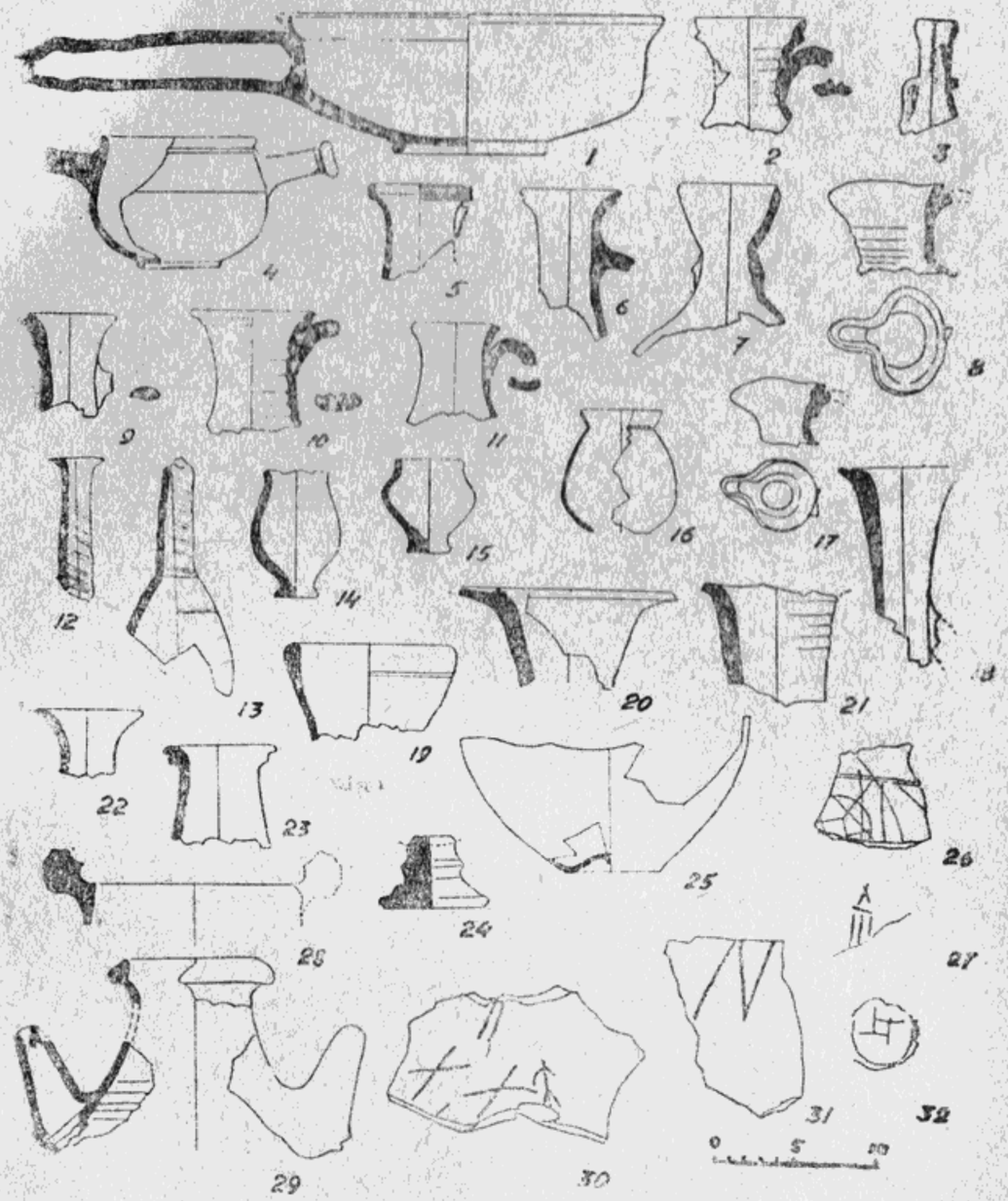

Таблица LIII. Себастополис. Керамические изделия. Местные — 1, 5, 8, 11, 14, 15, 17, 22—24, 27, 29, 32; синопские — 18, 30, 31; восточно-средиземноморские — 2—4, 7, 10, 12, 13, 16, 21, 25, 28; привозные неопределенные—6, 9, 19, 20, 26. 1, 9, 26—1 слой; 2—5, 7, 8, 10—24.

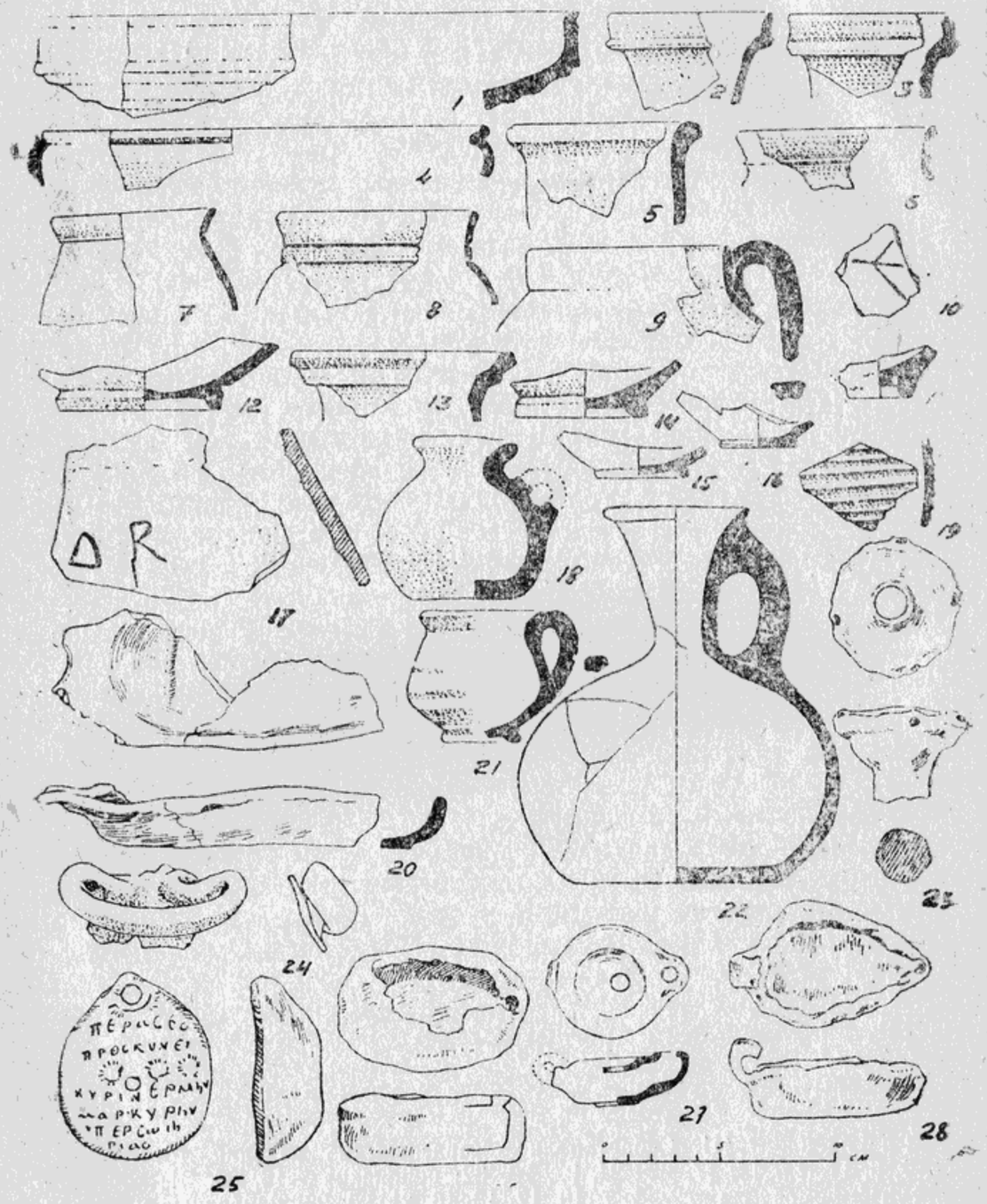

Таблица LIV. Башня Одынец. Керамические изделия.

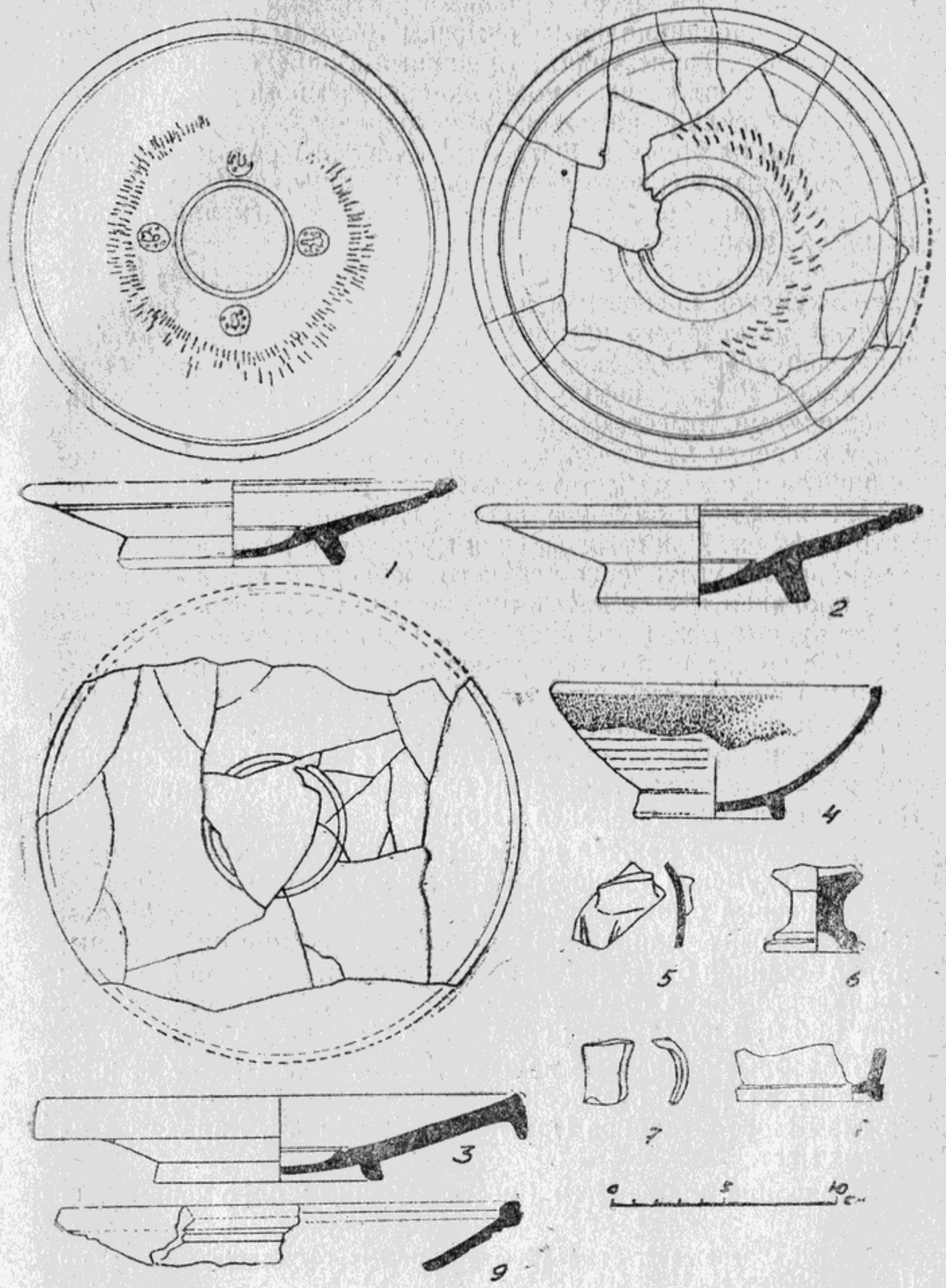

Таблица LV. Башня Одынец. Черполаковая керамика.

мике, стеклянным бусам сирийского и финикийского происхождения, провинциальным римским монетам чекана Антиохии, Кесарии, Трапезунда. Эти данные в определенной степени подкрепляют тезис о восточно-средиземноморском происхождении стекла из раскопок Себастополиса.

Предметы труда и быта. Представлены обломками ручных каменных жерновов, рыболовными крючками, пряслицами, грузилами, долотами, ножами, шильцами, иглами, кольцами, ложками, светильниками и т. п.

Жернова ручной мельницы в 8 обломках найдены в районе Сухумской крепости и на усадьбе гр. Одынец. Они изготовлены из твердого камня и принадлежат к типу круглых вращающихся жерновов. Два жернова из участка Одынец имеют парные камни (табл. XLII, 16). Нижний камень неподвижный, имеет форму невысокого конуса, верхний — снизу и сверху имеет конусообразные выемки, соединяющиеся круглым сквозным отверстием. Высота обоих жерновов, положенных друг на друга, достигает 20 см, наибольший диаметр их 32 см. Для изготовления муки зерно насыпалось в конусообразное углубление верхнего жернова и при его вращении, проникая между двумя жерновами, протиралось в муку. Такие ручные мельницы впервые в Причерноморье появляются в V в. до н. э. Эти мельницы известны по находкам их в античных городах Эгейского бассейна. Они засвидетельствованы также и в Северном Причерноморье[95].

Сохраняются они в позднеантичное время. Близкие нашим жернова, в частности, известны из раскопок В. Д. Блаватского позднеантичного Харакса в Крыму[96].

Рыболовные крючки найдены по одному экземпляру в районе Сухумской крепости на усадьбе гр. Одынец. Крючки эти бронзовые с шипообразным зубцом на отогнутом остром конце; первый — длиной 3,6 см, диаметр сечения около 2 мм; второй—длиной 6 см, диаметр сечения 4 мм. Последний найден у западного конца третьей стены Сухумской крепости на глубине 1,30 м, в культурном слое конца III — начала IV в. н. э.

Подобные бронзовые крючки, датируемые III—IV вв. н. э., известны из ряда позднеантичных поселений и некрополей Крыма—Ново-Отрадное Приморского района[97], Харакс[98] и из других мест.

Пряслица для веретен (шесть каменных, одно керамичес-

---

95 В. Д. Блаватский, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953, стр. 136.

96 Там же, стр. 141, рис. 65.

97 И. Т. Кругликова, «Позднеантичные поселения Боспора», СА, XXV, стр. 240, рис. 5 и 5-а.

98 В. Д. Блаватский, «Харакс», МИА, 19, стр. 266, рис. 10, 2.

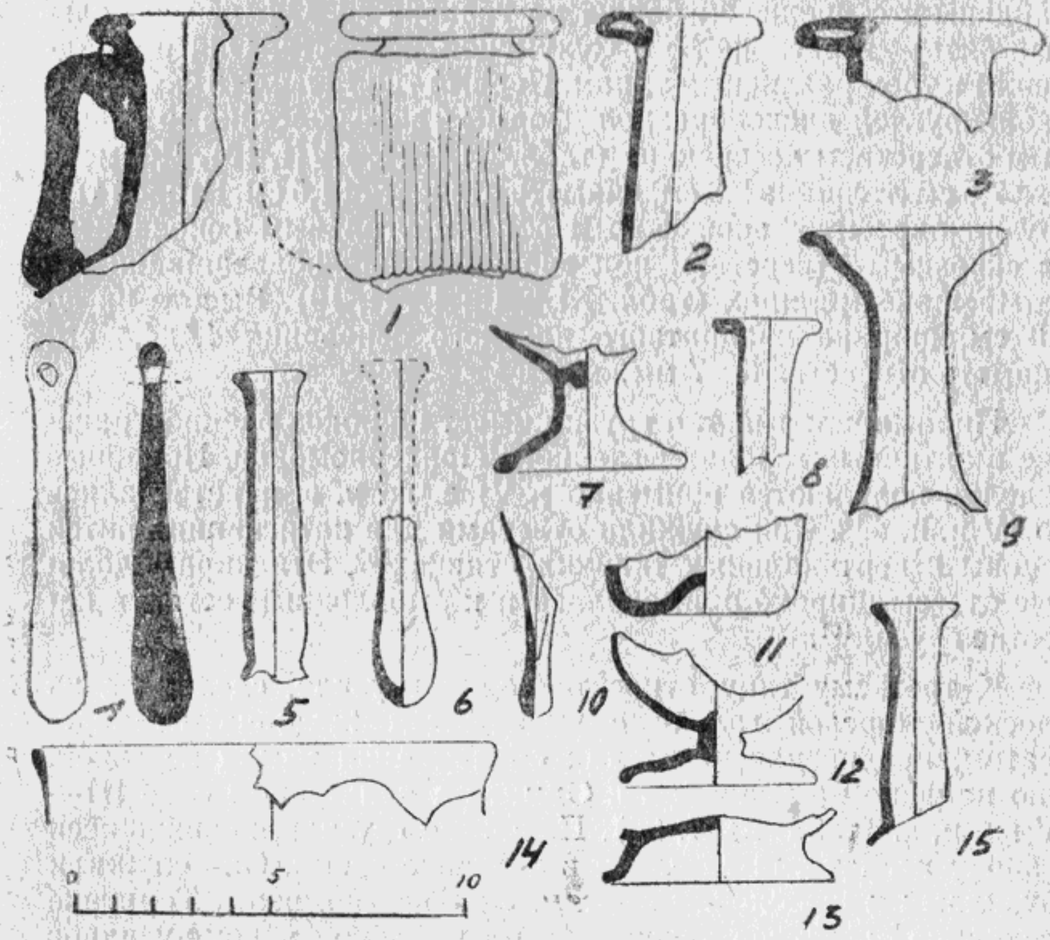

Таблица LVI. Себастополис. Стеклянные изделия из 2 слоя (1—3, 5; 6, 8, 11—15) из башни 2 (4, 7, 9, 10).

кое) обнаружены в ряде позднеантичных поселений Себастополиса (табл. XLII, 17; LVII, 15). Пряслица эти имеют преимущественно коническую форму при диаметре от 1,8 см до 5 см. Пряслица вместе с керамическими грузиками-отвесами от ткацких станков служили для ткацкого производства.

Грузила керамические в восьми экземплярах; из них три найдены в сторожевой башне на усадьбе гр. Одынец, остальные пять — в раскопе № 3 Сухумской крепости. Они принадлежат к трем различным типам. Первый тип грузил (3 экз.) плоской, круглой дискообразной формы в виде колесика со сквозным отверстием посередине (табл. XLI, 11; LVII, 15). Диаметр их 7,5 см толщина 2,3 см, диаметр отверстия 1,5 см. Второй тип грузил пирамидальной формы с прямоугольным основанием, со сквозным отверстием под вершиной для подвешивания, в четырех экземплярах (табл. XLI, 10; LVII, 19). Высота их до 8,3 см, ширина квадратного плоского основания 4,4х4,4 см, диаметр отверстия 6—7 мм.

Пирамидальный тип грузил имеет широкое распространение в античных городах Северного Причерноморья. Подобные изделия появляются примерно в VI в. до н. э. и встречались по IV в. н. э.[99]. Они служили отвесами для натягивания нитей основы в вертикальных ткацких станках[100]. Эти пирамидальные отвесы широко применялись и к рыболовным сетям в качестве грузил[101].

К третьему типу относится одно грузило, сделанное из плоской морской гальки с высеченным желобчатым перехватом, предназначенным для обвязывания камня веревкой. Оно найдено на усадьбе гр. Одынец в культурном слое III—IV вв. н. э. (табл. XLII, 20). Подобные грузила, появившиеся в эпоху неолита, бытовали и в античное время. Они служили грузилами к рыболовным сетям. Любопытно, что в Тиритаке несколько десятков таких грузил найдено в доме-усадьбе III—IV вв. н. э., принадлежавшем одному из тиритакских рыбопромышленников[102]. Довольно много таких грузил было найдено при наших раскопках раннеантичного поселения у Красного Маяка.

Долотообразное железное орудие, длиной в 6 см, с остроугольно расширенной лопастью, переходящей в четырехгранное тулово. Найдено в Сухумской крепости при исследова-

99 Н. А. Онайко, «О фанагорийских грузилах (по материалам из раскопок 1936—1940 гг. и 1947—1952 гг.)», МИА, № 57, 1956, стр. 156, рис. 1, 1, 8, 10; рис. 2, 2, 3, 5, 9, 10, 12; рис. 3, 5, 6.

100 В. Ф. Гайдукевич, «К вопросу о ткацком ремесле в Боспорских поселениях», МИА, № 25, 1952, стр. 395, см. табл. I—III.

101 Н. А. Онайко, Указ. соч., стр. 154 и сл.

102 В. Ф. Гайдукевич, Указ. соч., стр. 399—400.

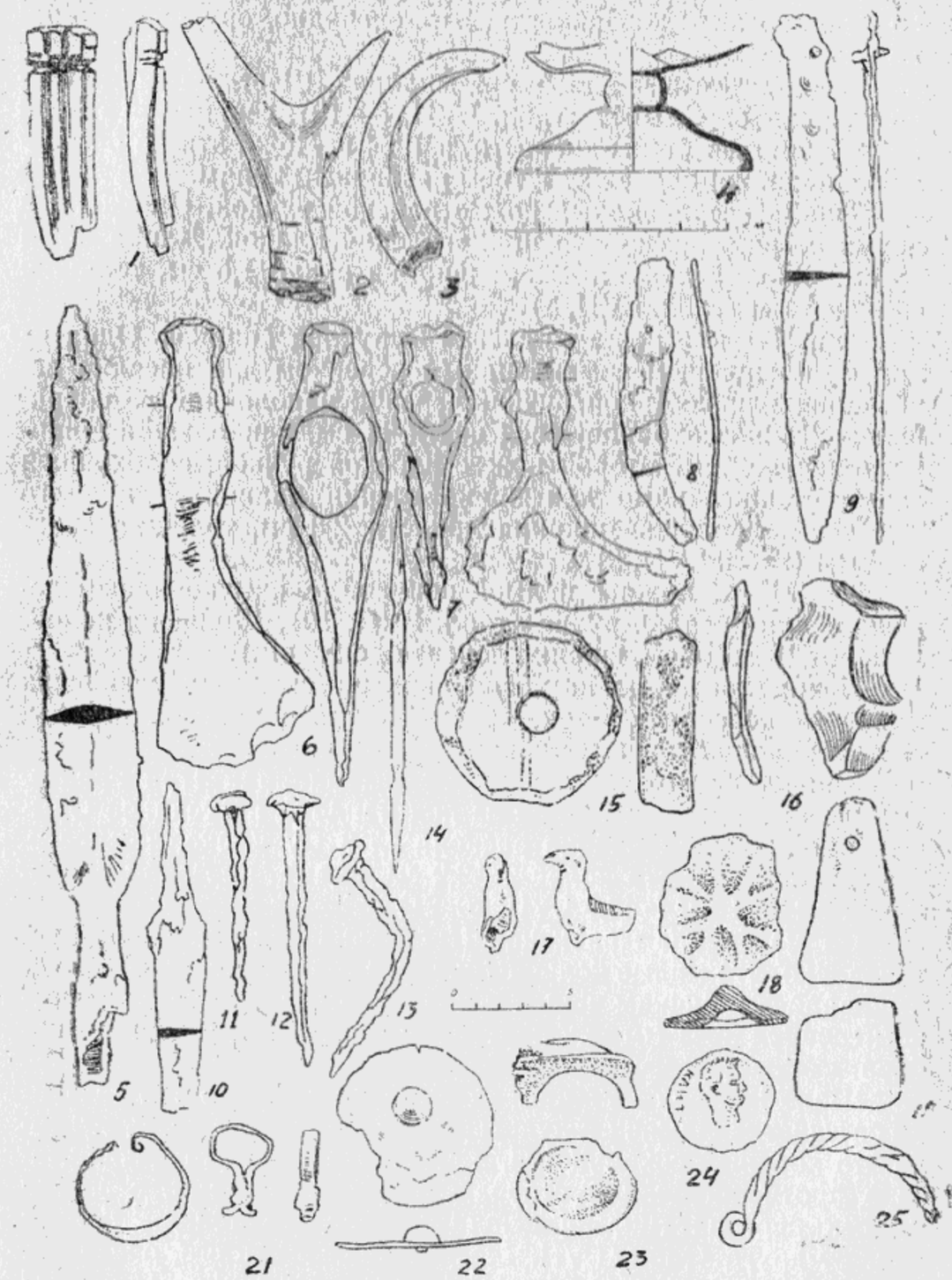

Таблица LVII. Башня Одынец. Различные изделия. 1—3—кость; 4—стекло; 5—14, 25—железо; 20—23, 24—бронза; 17—19—глина; 16 — кремень.

нии башни № 2 третьей стены, в слое IV в. н. э., на глубине 90 см от дневной поверхности. Это, очевидно, орудие мастера-каменотеса.

Ножи железные в семи экземплярах. Шесть из них найдено на усадьбе Одынец (табл. LVII, 8—10), седьмой — в башне № 2 третьей стены крепости, в 1954 г. Ножи эти по очертанию спинок принадлежат к трем различным типам.

Тип I — серповидный нож с плоской ручкой, снабженной двумя стерженьками для прикрепления планок. Длина ножа 13 см, ширина лопасти 2 см, ширина ручки 1,5 см, толщина спинки 3 мм (табл. LVII, 8).

Тип II — два ножа со слегка выпуклой спинкой. Один из них с уплощенным язычковидным черенком для насадки деревянной или костяной ручки; черенок наполовину не сохранился. Длина сохранившейся части 11 см, наибольшая ширина лопасти 2 см. Второй нож с плоской ручкой, снабженной двумя стерженьками для прикрепления планок. Длина его 22,5 см, наибольшая ширина лопасти 2,8 см, толщина спинки 4 мм (табл. LVII, 9).

Тип III—4 ножа с прямой спинкой, с язычковидным черенком для насадки ручки (табл. LVII, 10). Длина их колеблется от 10 до 18 см, ширина лопасти до 2,3 см.).

Ножи этого типа на основании римских малоазийских монет из серебра и меди, обломков краснолаковой посуды, светильников датируются концом II—IV в. н. э.

Кольца проволочные в шести экземплярах (три бронзовых и три железных). Одно из них найдено на усадьбе Одынец, остальные—в районе раскопа № 3 Сухумской крепости. Внутренний диаметр колец 2—2,2 см, диаметр сечения проволоки от 2 до 4 мм (табл. LVII, 20, 21).

По материалам раскопок Цебельдинских некрополей установлено, что малые кольца (диаметром сечения в 2 мм) подвешивались к ручкам ножей и к фибулам, а кольца с диаметром сечения 3—4 мм — к портупеям от мечей и уздечного набора.

Шило железное в одном экземпляре найдено при раскопке на участке Одынец в культурном слое III—IV вв. н. э. Шило это хорошей сохранности, с конусообразно утончающимися в противоположные стороны острыми концами, с двумя узкими перехватами, находящимися на расстоянии 6,5 см друг от друга (табл. LVII, 14). Средняя часть его, очевидно, имела костяную или деревянную трубчатую ручку. Длина его 16 см, толщина в средней части 6 мм.

Иглы бронзовые в трех экземплярах, найдены в раскопе № 3 в 1959 году в слое III—V вв. н. э. Все они прямые, с заостренными концами, сильно окислены, ушко на одном экземпляре не сохранилось. Длина их от 4,5 до 10,5 см.

Ложка бронзовая найдена также в раскопе № 3, в культурном слое III в. н. э. Ручка, сохранившаяся лишь наполовину, у места присадки к черпальной части петлеобразно изогнута, имеет в разрезе четырехгранное сечение. Длина сохранившейся части ложки 9 см, наибольшая ширина черпака 3,5 см, толщина ручки на гранях 4 мм.

Железный металлургический шлак. В 1959 г. в раскопе № 3 обнаружено значительное количество кусков железного металлургического шлака. Он особенно обилен в культурном слое конца II—III вв. н. э. Он, несомненно, связан с выплавкой железа, на что указывают и найденные в культурном слое глиняные огнеупорные тигельки для выплавки железа.

Вероятно, где-то здесь поблизости располагалась в древности слобода кузнецов-металлургов.

Светильники глиняные со сквозными отверстиями в верхней части для наливания масла и вставления фитиля (табл. LIV, 25—28). Всего одиннадцать экземпляров. Пять из них, в том числе три краснолаковых импортных, найдены в районе Сухумской крепости в 1952 и 1959 гг., а остальные шесть обнаружены на усадьбе Одынец в 1954 г. (табл. LIV, 25—28). По форме они подразделяются на четыре типа.

Тип I—3 светильника с корпусом округлой формы. Два из них краснолаковые, третий — простой. Первый из краснолаковых светильников, диаметром тулова 4,9 см и высотой 2 см (табл. LIV, 27) с нагаром и копотью на носике найден на усадьбе Одынец в культурном слое II—III вв.н. э. Он имеет аналогию с краснолаковым светильником I—II вв. н. э., известным из Херсонеса[103]. Второй краснолаковый светильник, диаметром округлого тулова в 6,5 см, высотой около 3 см, найден в раскопе № 3, в культурном слое конца II—III вв. н. э.[104] На верхней крышке светильника имеется рельефное изображение трех изящно выполненных граций, аналогичных по форме и стилю изображению трех рельефных граций, нанесенных на известняковой плите, найденной при раскопках южно-причерноморского античного города Амиса и относящейся, по мнению исследователя, ко времени правления римского императора Траяна[105].

Простой глиняный светильник с диаметром тулова в 9 см и ручкой со срединным продольным желобком найден при-

---

[103] Г. Д. Белов. «Итоги раскопок в Херсоне за 1949 — 1953 гг.». СА, XXIV, 1955, стр. 270, см. рис. 15 (нижний ряд, средний светильник).

[104] М. М. Трапш. «Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г.», Труды АбИЯЛИ, XXXIII—XXXIV, Сухуми, 1963, стр. 242, рис. 5 и 5-а.

[105] Дж. Хайнд, «Памятники античных городов Южного Причерноморья», СА, 3, 1964, стр. 182, рис. 8.

исследовании башни № 2 третьей оборонительной стены в культурном слое до н. э. [106]

Тип II—два светильника лодочкообразной формы, найденные в культурном слое IV—V вв. н. э. на усадьбе Одынец (табл. LV, 26, 28). Они, с шероховатой поверхностью, вылеплены от руки из местной, довольно грубой и плохо промешанной глины с большой примесью песка, буро-красного обжига. Длина их 8 см, ширина 5,3 см, высота 2,6 см.

Тип III — пять светильников, близких по своим очертаниям к овальной форме (табл. LIV, 25). 4 из них целые, один — в обломках. Размеры целых светильников близки: площадь овального тулова 5,3—6,5 x 8—8,5 см, высота — 2,5—3 см.

Три целых светильника, из них два с петлевидной ручкой, с шероховатой поверхностью изготовлены из местной, недостаточно промешанной глины с примесью песка. Обжиг их буровато-красный. Все они найдены на участке Одынец в слое конца IV—V вв. н. э. Два других светильника, один в обломке, — краснолаковые, импортные. Они изготовлены из хорошо промешанной глины с мелкими блестками и почти без примеси песка. Светильники эти, орнаментированные выпуклыми валиками, желобками и «жемчужинами»[107], найдены в раскопках I и 3 Сухумской крепости в слое II — III вв. н. э. Достаточно близкие аналогии имеются среди краснолаковых светильников I — II вв. н. э. из Херсонеса[108].

В описанных светильниках особенно интересен один из лепных (табл. LIV, 25). Он без ручки. На его верхней крышке в центре ряд из трех кружочков с ресничками и греческая надпись в 6 строк, написанная по сырой глине, до обжига. Эта надпись, скорее всего молитва, читается так:

По мнению Т. С. Каухчишвили, надпись гласит: «Давай поклоняйся владыке Гермесу-Меркурию ради спасения[109], а переводе Л. А. Ельницкого читается: «Соверши поклонение всемогущему Гермесу-Меркурию о спасении (души)»[110]. В этой молитве уникально сочетание греческого (Гермес) и римского (Меркурий) имен одного и того же бога.

Гермес, как известно, является одним из основных божеств древней Греции. По данным греческой мифологии он первоначально был богом скотоводства, покровителем пастухов и дорог. В античной литературе имя Гермеса встречается с эпохи Гомера, в поэмах которого Гермес фигурирует как

106 М. М. Трапш, Указ. соч., рис. 5, 6.
107 М. М. Трапш, Указ. соч., рис. 5, 7.
108 Г. Д. Белов, Указ. соч., стр. 270, рис. 15 (два крайних справа светильника).
109 Т. С. Каухчишвили, «Греческая надпись на Сухумском светильнике, Труды АбИЯЛИ, XXVII, 1957, стр. 228.
110 Л. А. Ельницкий, «Новые документы антихристианской реакции в Римской империи в IV в. н. э.», СА, 4, 1962, стр. 231.

«водитель душ» и посланник Зевса. В последующее время он считался защитником торговли, прибыли, путешественников, покровителем послов, хранителем неприкосновенности посольств.

Римляне заимствовали у греков культ Гермеса и почитали его по имени Меркурия — вначале бога торговли. В V в. до н. э. в Риме был построен храм, посвященный Меркурию, ставшему после этого божеством судьбы, прибыли, защитником путешественников и т. д. Поздние римские поэты отождествляли Меркурия с Гермесом и его стали считать посланником богов, водителем душ и т. д.

Молитвенная надпись Сухумского светильника обращена к Гермесу-Меркурию. Содержание ее свидетельствует о том, что все странствовавшие в позднеантичную эпоху купцы, в том числе и владетель Сухумского светильника, поклонялись Гермесу-Меркурию ради спасения и сохранения своей жизни.

Рассматриваемый светильник, как отмечалось выше, был в слое IV—V вв. н. э. В этот период Себастополис имел широкие торгово-экономические связи с позднеантичными городами Малой Азии и Северного Причерноморья, а также с горным населением Абхазии и городами позднеантичной Колхиды.

Надпись на Сухумском светильнике является интересным эпиграфическим памятником, указывающим на наличие в Себастополисе культа Гермеса (того же Меркурия), как божества торговли и путешественников.

Вместе с тем рассматриваемая надпись наряду с другими известными греческими эпиграфическими памятниками в Абхазии дает основание утверждать, что в античную эпоху на территории Абхазии сравнительно широкое распространение получает греческий язык, который, очевидно, сохраняется и в римское время. Об этом, кроме надписи на нашем светильнике, свидетельствует ряд других письменных памятников позднеантичного времени с греческими реликтами.

К таковым относятся молитвенный текст и посвятительная надпись на мозаике Пицундского храма[111], датируемые IV в. н. э.[112], а также греческая надпись религиозного содержания — «Единый бог, помогающий приносящему» — на серебряном медальоне I половине IV в. н. э. из Цебельдинского некрополя[113].

111 Т. С. Каухчишвили, «Греческая надпись бичвинтской мозаики», Сообщения АН ГССР, Тбилиси, 1955, № 1, стр. 73.
112 Она же, Тезисы доклада о бичвинтской мозаике, Тезисы докладов научной сессии Института истории АН ГССР, Тбилиси, 1953, стр. 35.
113 М. М. Трапш, «Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960—1962 гг.», Труды АбИЯЛИ, XXXIII—XXXIV, Сухуми, 1963, стр. 273.

Тип IV—два светильника круглой формы. Первый из них со слегка выступающим от корпуса дном (диаметр тулова 5,7 см, высота 2,5 см, диаметр дна 3 см). Он с нагаром и копотью на носике, изготовлен из местной недостаточно промешанной, отмученной глины красного обжига, с большой примесью песка, мелкими блестками слюды. Найден в 1952 г. при исследовании первой приморской стены, в культурном слое I—III вв. н. э.

Второй светильник (табл. LIV, 23) с массивной цилиндрической ножкой (отломана) и пятью отверстиями по крышке: одно для наливания масла расположено в центре, остальные четыре отверстия для вставления в них фитилей расположены по краю крышки. Диаметр тулова 5,5 см, высота сохранившейся части 4 см, диаметр ножки 2,5 см. Светильник с шероховатой поверхностью сделан из местной, недостаточно отмученной глины красно-серого обжига, с примесью песка без слюды. Он найден в усадьбе Одынец, в культурном слое IV—V вв н. э.

В античную эпоху керамические светильники служили для освещения домов, улиц, площадей, общественных мест. Одновременно они выполняли и религиозно-культовое назначение, применялись в святилищах, храмах, в погребальных церемониях (ставились около надгробной стелы или склепа). Эта традиция затем перешла в обряды христианской церкви.

Стили-проколки костяные в семи экземплярах найдены в основном в раскопе 3 в 1959 году, в культурных слоях III—V вв. н. э. По своим очертаниям и деталям они принадлежат к двум типам.

Тип I — костяной, гладко отполированный стержень с полусферической головкой и выпуклым утолщением в средней части; острие частично отломано. Длина сохранившейся части 8 см, диаметр утолщения в средней части 5 мм.

Тип II — костяные, также гладко отполированные стержни, конусообразно утончающиеся к острию. Таких стилей шесть экземпляров. Длина их от 6,5 до 8 см, наибольший диаметр сечения около 4 мм.

Такие стили-проколки служили обычно для письма по сырой глине, на вощеных досках и т. п. Одновременно они могли применяться и в качестве шильев-проколок.

Предметы украшения и одежды представлены фибулами, браслетами, сережкой, бусами, пряжками.

Фибулы в семи экземплярах; одна из них, железная, найдена на усадьбе Одынец (табл. LVII, 25), остальные шесть, бронзовые, обнаружены в районе Сухумской крепости в раскопах 1952 и 1959 гг. Они принадлежат к трем различным типам.

Тип I — фибула бронзовая, одночленная, позднелатенской схемы, с четырехвитковой пружиной, с довольно высокой пластинчатой дужкой, близкой к овальной форме и с широким приемником. Длина 6 см, высота 2,5 см, наибольшая ширина пластинчатой дуги 1 см. Фибула эта найдена в 1952 г. в разрушенных культурных слоях I—III вв. н. э.

Такого типа фибулы известны из Усть-Лабинского могильника в погребениях, датируемых приблизительно II в. н. э.[114]

Тип II — фибула железная двучленная, со скрученной круглопроволочной дужкой (табл. LVII, 25); приемник и игла с пружиной не сохранились. Длина сохранившейся части 4,8 см. Фибула эта на основании обломков амфор, краснолаковых сосудов, римских медных монет малоазийского происхождения датируется III в. н. э.

Тип III — пять фибул бронзовых, двучленных с пластинчатой, равномерно расширенной крестовидной дужкой с подвесным приемником; приемник и игла вместе с пружиной фрагментированы. Такие фибулы в районе Сухумской крепости найдены в культурном слое IV—V вв. н. э.

Аналогичные фибулы в большом количестве найдены раскопками автора в 1960—1964 гг. в некрополях IV—V вв. н. э. в селе Цебельда. Они известны и из других позднеантичных пунктов Абхазии (с. Мцара, Пицунда, Гагра и т. д.). Рассматриваемый тип фибул характерен для культуры населения Абхазии IV—V вв. н. э. Он является местной формой и изготовлялся древнеабхазскими мастерскими.

Браслеты бронзовые в 4-х экземплярах (фрагментированы), найдены в раскопе 3 в 1959 году, в культурном слое IV—V вв. н. э. Все они круглопроволочные, с разомкнутыми концами. Конец одного из фрагментов браслетов с рельефным орнаментом, представляющим схематическое изображение звериной головки.

Серьга бронзовая круглопроволочная кольцеобразной формы, с утолщением в средней части, со спиралевидно свернутой во внутрь петлей и застежкой на концах (табл. LVII, 20). Внутренний его диаметр 2,1 см. Найдена на усадьбе Одынец в культурном слое конца III—IV вв. н. э.

Бусы в десяти экземплярах из различных материалов, найдены в районе Сухумской крепости в 1952 и 1958 гг. Они сделаны из стекловидной пасты, камня и гешира.

Стекловиднопастовые бусы красного цвета кольцеобразной формы, в двух экземплярах, диаметром 1,3 см. Найдены в культурном слое IV—V вв. н. э. Аналогичные бусы нередко встречаются в Цебельдинских некрополях.

---

114 Н. В. Анфимов, «Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской», МИА, 23, 1951, стр. 191, рис. 18, 11.

Каменная (халцедоновая) бусина вытянутой бочонкообразной формы, длиной 3,5 см. Найдена в разрушенных культурных слоях I—III вв. н. э. при расчистке западного фрагмента приморской стены.

Гешировые бусы четырехгранные, удлиненно-подквадратной формы, в шести экземплярах, с двумя продольными сквозными отверстиями для нити. Бусы эти длиной 6—8 мм и шириной 5 мм. Найдены в раскопе 3 в позднем погребении № 3, относящемся ко времени не ранее VI в. н. э.

Пряжки в двух экземплярах найдены в районе Сухумской крепости при раскопках 1952 и 1959 гг. Они принадлежат к двум различным типам.

Тип I—пряжка бронзовая круглой кольцеобразной формы, с подвижным язычком, сделана из четырехгранной проволоки. Язычок с треугольным в разрезе сечением; под петельчатым его основанием имеется квадратный выступ, украшенный мелкими надрезами; конец язычка, нависающий над кольцом, украшен звериной головкой с раскрытой пастью и стоячими ушами. Внутренний его диаметр 2 x 2,2 см. Пряжка найдена при расчистке первой приморской оборонительной стены в разрушенных культурных слоях I—III вв. н. э. По форме она должна быть отнесена ко времени не ранее III в. н. э.

Тип II — пряжка серебряная круглопроволочная сегментовидной формы, с подвижным свисающим за кольцо язычком, с двухстворчатой прямоугольной обоймицей, скрепленной заклепками. Внутренний его диаметр 1,5 x 2 см. Пряжка найдена в погребении 11, относящемся ко времени не ранее VI в. н. э.

Терракотовые статуэтки представлены фигурками голубя и мужчины.

Статуэтка голубя найдена на усадьбе Одынец в слое II—III вв. н. э. Она сделана от руки, из темно-синей сухумской глины, с примесью песка и белыми включениями, крепкого хорошего обжига, красно-серого цвета. Ножки и хвостовая часть туловища обломаны в древности. Оперения переданы врезными косыми черточками. Глаза изображены двумя симметрично расположенными ямчатыми кружочками по бокам головки. Высота фигуры (без сохранившихся ножек) 4 см, длина 4,9 см, наибольшая толщина 1,5 см (табл. LVII, 17).

Терракотовые голуби засвидетельствованы в античных городах Северного Причерноморья, в частности, при раскопках городищ Пантикапея и Фанагории[115]. Статуэтки эти, как и сухумская, являлись детскими игрушками, культовыми принадлежностями или же настольным украшением жилища. Они встречаются иногда в сочетании с человеческими скульптурными фигурками. Так, например, одна статуэтка девушки в хитоне из Пантикапеи изображена с голубем — птицей, посвященной Афродите[116].

Терракотовая фигурка мужчины найдена в раскопе № 3 1959 г. Статуэтка эта представляет собой обломок круглой базы, расширяющейся книзу, без внутренней полости. Размеры: высота 5,3 см, диаметр в области талии 1,5 см, диаметр расширенного основания базы 2,5 см. Она сделана из сухумской темно-синей хорошо промытой, довольно тонкой глины, тщательно отмученной, крепкого обжига, имеющего в изломе красно-серый цвет. Статуэтка изготовлена от руки и обработана при помощи стека. Следы такой обработки в виде плоских срезов сохранились на поверхности статуэтки особенно отчетливо в районе головки и лица.

Статуэтка эта с оживленным выражением лица. Черты лица довольно схематичны: большой нос, оканчивающийся книзу широким треугольным срезом, горизонтальная полоска рта, узкий треугольный подбородок, высоко поднятые брови, овально-ромбовидно очерченные веки вокруг узких врезных глаз. Голова большая, шея и руки толстые и массивные, они не соответствуют фигуре с узкими плечами. Ни усов, ни волос на щеках и голове нет. На фигуре не выделена одежда, которая сливается с общей массой тела. На верхнюю часть туловища (корпуса) через правое плечо надето широкое рельефное ленточковидное изображение. Левая рука, согнутая в локте, держит толстый массивный кружочек в виде лепешки, прижатой к груди; пальцы кисти этой же руки изображены врезными линиями. Правая рука, согнутая в локте, не сохранилась ниже локтя[117].

Разбираемая статуэтка по приданным ей атрибутам и стилистической манере исполнения, надо полагать, изображает образ местного жреца, выполняющего какой-то культовый обряд.

Сухумская терракотовая фигурка жреца по своим техническим деталям оформления, в частности, по конфигурации головы, сливающейся с толстой шеей, высоко поднятым дугообразным бровям, коротким толстым рукам, талии и расширяющейся бедренной части имеет некоторое сходство с одной статуэткой, датируемой II—III вв. н. э. и происходящей из Северного Причерноморья[118].

---

115 М. М. Кобылина, «Мастерская корропласта в Пантикапее», СА, XXVIII, 1958, стр. 168.

116 Там же.

117 М. М. Трапш, «Раскопки древнего Себастополиса...», рис. 5—1.

118 М. М. Кобылина, Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории, М., 1961, стр. 163—164, табл. XXXVII, 1.

Представляет интерес тот факт, что изображенный в левой согнутой руке нашей статуэтки жреца лепешкообразный кружочек аналогичен кружочку, изображенному на плоской четырехугольной дошечке, которую держит на левой вытянутой руке одна пантикапейская статуэтка в виде сидящей на троне богини[119]. Здесь мы видим некоторое совпадение идеологического содержания этих терракот.

Рассмотренные сухумские терракоты, судя по тесту, изготовленного из местной глины, и своим стилистическим особенностям, несомненно, местного производства. Это обстоятельство дает основание предполагать, что в позднеантичное время в Себастополисе существовала мастерская по коропластике.

Антропоморфное надгробие в виде бюста женщины было найдено в августе 1957 г. на дне Сухумской бухты, около большой пристани в 50 м от берега моря. Надгробие это имеет вид четырехфасадного прямоугольного плоского блока, сделанного из местного плотного известняка. Нижняя часть надгробия сравнительно короткая и широкая, обработана с лицевой и тыльной сторон. Размеры: высота 35 см, ширина нижней прямоугольной плиты 24 см при ее толщине 12 см, ширина головы 18,5 см при ее толщине 15 см (рис. 51).

Лицо женщины вместе со лбом плоское, суживается к подбородку; оно сильно стерто морской водой. Губы обозначены врезной горизонтальной черточкой; нос снизу постепенно сходит на нет, сливаясь с плоскостью лица; узкие горизонтально вырезанные глаза имеют рельефные овальные веки; зрачок выражен в виде точечной врезной конической ямки; волосы, обработанные суммарно, имеют определенную моделировку; шея короткая.

Довольно тщательно сделан переход от нижнего прямоугольного бюста к венчающей верхней части, хорошо передающей плечи и шею. Таким образом, пропорции получаются более или менее стройные.

Под подбородком на груди имеется треугольный вырез, указывающий на то, что полуфигура была одета. Одежда изображена сплошной, нерасчлененной массой, слитно с телом. Шея и голова открыты.

В рассматриваемом надгробном памятнике ощущается известная трафаретность и схематизм, присущие позднеантичному времени. Но при этом все же резец в определенной степени сумел без лишних линий выразить все, что хотел.

Антропоморфные надгробия были распространены во всем Северном Причерноморье в позднеантичное время (Ольвия, Херсонес, Пантикапея, Неаполь-Скифский, Фанагория и др.)[120]. Они, как и сухумский женский бюст, обычно вытесывались из местного известняка.

К сожалению, обстоятельства нахождения сухумского надгробия не дают основания для правильного решения вопроса его датировки. Этот памятник пока не имеет прямых аналогий с антропоморфными надгробиями, известными на Боспоре. Но все же некоторые сравнительные материалы позволяют предполагать, что сухумский женский бюст имеет в определеной степени сходство с некоторыми надгробными памятниками, известными из античных городов Северного Причерноморья. Так, один местный надгробный рельеф из склепа Нимфея с изображением Афины по трактовке глаз и суживающемуся к лицу подбородку находит некоторое сходство с надгробным бюстом из Сухуми; он датируется суммарно I—II вв. н. э.[121] Другой местный антропоморфный надгробный рельеф, известный из Херсонеса, по стилистической отделке носа, рта и суживающегося к подбородку лица, имеет

Рис. 51. Скульптурный бюст. I—II вв. н. э. из известняка. Найден в Сухумской бухте, в 1953 г.

[119] М. М. Кобылина. Указ. соч., стр. 160—161, табл. XXXVI, 2.

[120] А. П. Иванова. Скульптура и живопись Боспора, Киев, 1961.

[121] В. Ф. Гайдукевич и С. И. Капошина, «К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья», СА, XV, 1951, рис. 11.

некоторое сходство с сухумским бюстом. Херсонесский рельеф относится к римскому времени, но не позднее II в. н. э.[122]

А. И. Вощинина, осмотревшая сухумское надгробие, склонна датировать его концом I в. до н. э.—началом I в. н. э. Крайней верхней датой она считает II в. н. э.

Таким образом, приведенные выше некоторые сравнительные данные позволяют рассматриваемый антропоморфный надгробный памятник отнести к I—II вв. н. э.

Монеты. Найдены нами в 42 экземплярах при раскопках на усадьбе Одынец (8 монет) и в районе Сухумской крепости (34 монеты). Среди монет, найденных на усадьбе Одынец, выделяются:

1. **Рим. Коммод.** Чекан. 186—187 гг. Серебро, 2,29 гр.

Лиц. ст. /M/ COMM/AN T-P/FEL/AVG/BRIT. Голова Коммода в лавровом венке вправо.

Об ст. (AVCT/PIE/T/PM/TP/P/XII/IMP/VIII/COS/V/PP). Олицетворение благочестия (Pietas) в виде задрапированной женской фигуры, стоящей прямо; в левой руке ящик, из которого она сыплет правой рукой ладан на горящий жертвенник.

2. **Рим. Септимий Север.** Чекан 195—196 гг. Серебро, 2,24 гр.

Лиц. ст. L/SEPT/SEV/PERT/ABG/IMP/VII. Голова Септимия Севера в лавровом венке, вправо.

Об. ст. ARAB/ADIAB/COS/II/PPI.

Крылатая Виктория, идущая влево, в правой протянутой руке—венок, на правом плече—трофей.

3. **Рим. Септимий Север.** Чекан 196—197 гг. Серебро. 3,49 гр.

Лиц. ст. L/SEPT/SEV/PERT/AVG/IMP/VIII. Голова Септимия Севера в лавровом венке вправо.

Об. ст. FORTUNAE — (PEDUCI). Олицетворение счастья (**Fortuna**) в виде задрапированной женской фигуры, сидящей влево. В правой вытянутой руке—руль, поставленный на шар; в левой руке—рог изобилия. Внизу—колесо.

4. Трапезунд. Коммод (180—192 гг.) Медь. 12,52 гр.

Лиц. ст. ... ANTω... Бюст Коммода в лавровом венке, вправо.

Об. ст. ... AΠEZ.... ωN. Бюст Митры, вправо, за ним протома коня.

---

122 М. А. Наливкина, «О некоторых памятниках античной эпохи Северо-западного Крыма», СА, VI, 1940, рис. 4а.

5. **Трапезунд. Коммод** (?) Медь 12,04 гр. Описание, как у № 4.

6. **Кесария Каппадокийская.** Лиц. ст. Один из императоров конца II — начала III вв.

Голова императора в лавровом венке, вправо.

Об. ст. Гора Аргей.

7. Не определена.

8. Не определена.

В районе Сухумской крепости раскопками Абхазского института в 1952[123] и 1959 г. обнаружено всего 34 монеты. Все они медные.

9. (1). Антиохия Гальба (?). Чеканена в 68—69 гг.

Лиц. ст.: Голова императора, вправо. Надчеканено — краб.

Об. ст.: SC внутри стилизованного венка. Диаметр монеты 28 мм. Вес 8,77 гр.

10. (2). **Антиохия.** Монета датируется II — началом III в. н. э.

Лиц. ст. — стерта.

Об. ст.: С внутри стилизованного венка. Диаметр монеты 21 мм.

11. (3). **Трапезунд. Коммод** (180—192 гг.).

Лиц. ст.: голова императора, вправо.

Об. ст.: голова Митры и коня, вправо.

12. (4). **Трапезунд. Коммод** (?) (180—192 гг.). Описание, как у № 3. Диаметр монеты 26 мм.Вес 11, 12 гр.

13. (5). **Трапезунд. Коммод** (?) (180—192 гг.). Описание, как у № 11 (3 и 12 /4). Диаметр монеты 26 мм. Вес 7,03 гр.

14 (6). **Трапезунд. Макрин** (?) (217—218 гг.). Диаметр монеты 31 мм.

Лиц. ст.: голова императора, вправо

Об. ст.: голова Митры, вправо.

15. (7). **Трапезунд Орбина** (?). Жена Александра Севера. Диаметр монеты 31 мм. Вес 13, 51 гр.

Лиц. ст.: голова императора, вправо.

Об. ст.: Митра верхом, вправо, перед жертвенником.

16. (8). **Трапезунд.** Монета датируется II — началом III в. н. э. Диаметр 28 мм. Вес 12, 26 гр.

Лиц. ст.: голова императора, вправо. Об. ст.: голова Митры, вправо (?).

17. (9). **Трапезунд** (?) Монета датируется II—III вв. н. э. Диаметр 26 мм.

Лиц. ст.: голова императора.

---

123 Краткое предварительное сообщение о монетах 1952 г. сделано К. В. Голенко в заметке «Монеты из находок в Сухумской крепости (1952 г.)», Труды АбИЯЛИ, XXXIII—XXXIV, Сухуми, 1963, стр. 254 и сл.

Об. ст.: голова Митры и коня (?).

18. (10). **Кесария Каппадокийская**. Каракалла (211—217 гг. Диаметр 23 мм. Вес 6,60 гр.

Лиц. ст.: AVKMAVPHADI—ANT..., голова императора, вправо.

Об. ст.: МНТРОП... гора Аргей, на вершине которой 4 фигуры под обрезом ETIH—210 г. н. э.

19. (11). **Один из городов Малой Азии.** Диаметр 18 мм.

Лиц. ст.: изображение смерти, квадратная надчеканка.

Об. ст.: изображение смерти, виден край украшенного алтаря или кисти.

20. (12)—21 (13). Совершенно стертые монеты, судя по кружку — провинциальные, римского времени. Диаметр монеты № 20/12—24 мм, № 21/13—31 мм.

22. (16). Сохранность монеты плохая. Диаметр монеты 20 мм.

23. (241)*. **Римский денарий,** по типу II—III вв. н. э. Диаметр монеты 19 мм. Сохранность плохая.

24. (350). **Рим.** Первая половина IV в. н. э. Диаметр монеты 20 мм. Сохранность плохая.

25. (383). Сохранность плохая. Осталась невыясненной. Диаметр монеты 23 мм. Найдена в квадрате № 3 (раск. № 3), на глубине 65 см.

27. (506). Сохранность плохая, осталась невыясненной. Диаметр монеты 23 мм. Найдена в квадрате № 6 (раскоп № 3) на глубине 36 см.

28. (507). **Рим. Константин Великий** (323—337 гг.). Диаметр монеты 21 мм. Найдена в квадрате № 7 (раскоп № 3) на глубине 56 см.

29. (508). **Рим.** II в. н. э. Диаметр монеты 23 мм. Найдена в квадрате № 6 (раскоп № 3) на глубине 12 см.

30. (509). Сохранность плохая, осталась невыясненной. Найдена в квадрате № 6 (раскоп № 3) на глубине 40 см.

31. (510). **Рим. Каракалла** (211—217 гг.). Диаметр монеты 39 мм. Найдена в квадрате № 4 (раскоп № 3) на глубине 1,10 м.

32. (511). **Трапезунд. Коммод** (180—192 гг. н. э.). Диаметр монеты 29 мм. Найдена в квадрате № 4 (раскоп № 3) на глубине 1,50—1,70 м.

33. (512). **Рим.** Вторая половина III в. н. э. Диаметр монеты 23 см. Найдена на глубине 1,35 м.

34. (513). Сохранность плохая, осталась невыясненной. Диаметр монеты 24 мм. Найдена в квадрате № 8а (раскоп № 3), на глубине 40 см.

---

* В скобках указано общее число монет, найденных при раскопках Себастополиса в 1958—1959 гг. (Ред.).

35. (514). Сохранность плохая, осталась невыясненной. Диаметр монеты 26 мм. Найдена в квадрате № 8а (раскоп № 3), на глубине 36 см.

36. (515). Сохранность плохая, осталась невыясненной. Диаметр монеты 33 мм. Найдена в квадрате № 8а (раскоп № 3), на глубине 90 см.

37. 516). Рим. Неясная монета I—III вв. н. э. Диаметр 27 мм. Найдена в квадрате 5а (раскоп № 3), на глубине 78 см.

38. (517). Сохранность плохая, осталась невыясненной. Диаметр монеты 21 мм. Найдена в квадрате № 7а (раскоп № 3), на глубине 1,50 м.

39. (518). Сохранность плохая, осталась невыясненной. Диаметр монеты 20 мм. Найдена в квадрате № 7а (раскоп № 3) на глубине 1,50 м.

40. (1111). Сохранность плохая, осталась невыясненной. Диаметр монеты 20 мм. Найдена в башне третьей восточной стены на глубине 1,05 м.

41. **Рим. Каракалла** (211—217 гг.). Диаметр монеты 39 см. Найдена у топочного канала Сухумской гончарной печи, на глубине 1,60 м.

42. **Рим. Коммод** (180—192 гг.) Диаметр монеты 29 мм. Найдена на 4-й западной опорной арке Сухумской гончарной печи, на глубине 30 см.

Все определенные монеты (22 и 342) вмещаются в хронологические рамки I — первой половины IV в. н. э., 12 из них датируются концом II в. н. э.

Как мы видим, монеты в целом достаточно убедительно подтверждают основное время бытования Себастополиса — II—IV вв. н. э.

Наряду с этим монеты, обнаруженные при раскопках Себастополиса, в какой-то степени раскрывают систему денежного обращения в районе древнего Сухуми.

По своему происхождению сухумская группа монет принадлежит к четырем нумизматическим центрам: римскому, антиохийскому, трапезундскому и кесарийскому.

К выпускам центральных римских мастерских относятся 11 монет (№№ 1—3, 24, 28, 29, 31, 33, 37, 41, 42), чеканенных между I — началом IV вв. н. э. Из них 7 (остальные 4 не определены ввиду стертости) выпущены в различные периоды правления римских императоров: две монеты (№№ 1 и 42) — **Коммода** (180—192 гг.; 186—197 гг.); две (№№ 2 и 3) — **Септимия Севера** (195—196 гг.; 196—197 гг.); две (№№ 31 и 41) — **Каракаллы** (211—217 гг.; одна (№ 28) — **Константина Великого** (323—337 гг.).

К антиохийскому чекану относятся две монеты; одна из них (№ 9) времени **Гальбы** (?) (68—69 гг.); другая монета № 10—II — начала III в. н. э.

К трапезундской чеканке принадлежат 10 монет (№№ 4, 5, 11—17, 32). Из них восемь императора **Коммода** (180—192 гг.), одна **Орбины** (?) (жены **Александра Севера)** и одна монета **Макрина** (?). (217—218 гг.).

В Кесарии Каппадокийской изготовлены две монеты; одна из них (№ 6) относится к концу II — началу III вв. н. э.; другая монета (№ 18) **Каракаллы** (211—217 гг.).

Рассматриваемый монетный материал показывает, что наибольшее число монет, относящихся в основном ко времени правления Коммода, чеканено в Трапезунде. Находки римских монет, известные в настоящее время по всему Черноморскому побережью Абхазии и Западной Грузии, позволяют сказать определенно, что в приморских городах исторической Колхиды в конце II в. н. э., точнее в период правления императора Коммода (176—192 гг.), произошло резкое изменение в составе денежного обращения[124].

С конца II в. н. э. совершенно новым и в то же время основным элементом денежного обращения становится крупная провинциальная медь, в подавляющем большинстве трапезундского чекана. Об этом, кроме сухумских монет трапезундского чекана, наглядно свидетельствует значительное число монет, обнаруженных при раскопках в Пицунде[125], где из 51 монеты конца II в. н. э. 32 принадлежат Трапезунду, 11— Кесарии Каппадокийской и только 8 (?) чеканены в центральных римских мастерских. На территории того же пицундского городища обнаружен монетный клад[126], состоящий из 139 медных монет Трапезундского чекана и 10 кесарийских серебряных монет.

Эти данные наглядно свидетельствуют об экономической ориентации Колхиды в конце II в. н. э. Любопытно, что в силу слабого развития товарно-денежных отношений во внутренних районах исторической Колхиды туда проникала только полноценная с точки зрения металлического содержания серебряная монета.

В этих районах, например, в Цебельде и др., находки римских медных монет до сих пор не засвидетельствованы.

Преобладание в составе денежного обращения приморских городов Колхиды (Себастополис, Питиунт) медных монет трапезундского чекана позволяет утверждать, что в прибрежных районах северной части Колхиды, начиная со времени правления Коммода (176—192 гг.) и до середины III в. н. э. основным платежным средством была трапезундская медь; все остальные виды римских монет в местном денежном обращении, как об этом пишет К. В. Голенко[127], играли второстепенную, подчиненную роль.

Таким образом, в интересующее нас время в Колхиду поступала монета из южного приморского центра — города Трапезунда. И это закономерно, ибо Трапезунд, благодаря своей географической близости к Колхиде и тесной связи с внутренними районами Малой Азии, играл значительную роль в восточной политике Рима[128]. Значение Трапезунда увеличилось особенно после 76 г., когда легатом Каппадокии была построена стратегическая дорога, идущая от Трапезунда вдоль восточной границы римской империи и связывавшая город как с южной частью Малой Азии, так и с дорогой, пересекавшей полуостров с запада на восток[129]. В силу этих обстоятельств Трапезунд, как крупный торговый центр на южном побережье Черного моря, в конце II — середине III в. н. э. приобрел еще большее влияние на приморские города исторической Колхиды.

Рассмотренный выше большой фактический материал, добытый многолетними археологическими исследованиями, проведенными в различных пунктах Сухуми, позволяет окончательно решить вопрос о местонахождении в районе современного Сухуми города Себастополиса. Причем значительная часть Себастополиса, как устанавливается подводными археологическими работами, находится на дне Сухумской бухты.

На дне моря находится, очевидно, и некрополь Себастополиса, о чем свидетельствует найденный на дне Сухумской бухты надгробный антропоморфный женский бюст.

Материалы раскопок, в частности, гончарная печь, огромное количество керамических находок, металлические изделия и шлаки, керамические огнеупорные тигельки для плавки железа, орудия обработки зерна и ткацкого ремесла, рыболовные крючки, значительное количество костей животных указывают на то, что население древнего города Себастополиса и его окрестностей занималось различными отраслями ремесла и хозяйства: керамическим производством, металлообрабатывающим и кузнечно-слесарным ремеслом, земледелием, скотоводством, рыболовством и т. д.

---

124 К. В. Голенко. Денежное обращение Колхиды в римское время, Л., 1964, стр. 33.
125 Там же, стр. 38.
126 Там же, стр. 34.
127 К. В. Голенко, Указ. соч., стр. 37.
128 М. И. Максимова, Античные города юго-восточного Причерноморья, М.-Л., 1956, стр. 71.
129 Там же, стр. 313.

В культурных слоях Себастополиса найдено немало монет и импортных сосудов, свидетельствующих, как отмечалось выше, о широких торгово-экономических связях Себастополиса с различными позднеантичными производственными центрами Малой Азии в I—V вв. н. э.

Значительная часть монет и импортных сосудов относится к рубежу II—III вв. н. э. В это время Себастополис уже стал крупным, богатым в экономическом отношении торгово-ремесленным городом. Экономический уровень развития Себастополиса был высок и в IV в. н. э., на что указывают значительные культурные отложения и находки монет этого времени. От Себастополиса шли торговые пути в глубь современной Абхазии. Об этом говорят прежде всего богатейшие материалы (стеклянные изделия, римские монеты и др.), раскопанные за последние годы в Цебельде, являвшейся в I—V вв. н. э. одним из районов исторической Апсилии. Торговый путь через Цебельду и через Клухорский перевал шел далее на Северный Кавказ.

Население Себастополиса в III—IV вв. н. э., очевидно, было смешанным. Здесь наряду с римскими колонистами доживали и потомки греческих переселенцев. Но основу населения, вероятно, составляли представители местных абазго-апсилских племен, о чем свидетельствуют массовые находки в слоях Себастополиса местной керамики и других изделий.

Апсилы и абазги в интересующее нас время в социальном, экономическом, политическом и культурном отношениях находились на высоком уровне развития, что достаточно наглядно устанавливается как материалами Себастополиса, так в особенности результатами исследования цебельдинских некрополей.

В конце V в. н. э. город Себастополис утратил свое прежнее значение как ремесленный и торговый центр. В это время инициатива развития культуры и экономики края полностью перешла в руки местного населения — предков абхазского народа.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Абрамишвили Р. М. 174.
Абрамишвили Р. М. 56, 59, 61, 63, 65, 168, 173, 174, 179, 180, 181.
Абу-Хамид эль-Андалузи 157.
Август 288.
Аветисян С. М. 294.
Адзинба И. Е. 13, 221.
Адриан 288, 289, 290, 298.
Айет 216.
Аникет 287, 388.
Анучин Д. Н. 76, 157.
Анфимов Н. Ф. 53, 54, 61, 351.
Анчабадзе З. В. 214, 219.
Анчабадзе З. В. 211, 212, 213, 214, 219, 288, 293.
Апакидзе А. М. 9, 304, 295, 331.
Апакидзе А. М. 9, 222, 291, 292, 295, 304, 305, 331.
Аппиан 285, 286.
Апполоний Родосский 160, 161.
Апсирт 216.
Аргишти I 169.
Аристарх 286.
Арриан Флавий 213, 288, 289, 290, 291, 298.
Артамонова-Полтавцева О. А. 64.
Артамонова-Полтавцева О. А. 55, 56, 64, 65, 74, 76.
Артемидор 202.
Асандр 286.
Асатиани Л. В. 295.
Асланов Г. М. 180.
Атоян Р. 295.
Аханов И. И. 56, 59.
Башкиров А. С. 13, 220, 221, 299, 301, 302.
Башкиров А. С. 221, 299, 300, 301, 302.
Белов Г. Д. 230, 235, 347, 348.
Бердзенишвили К. И. 295.
Бжания В. В. 294.
Блаватский В. Д. 232, 342.
Блаватский В. Д. 238, 342.
Бобринский Н. А. 49, 55, 56, 62.
Болтунова А. И. 287.
Бохочадзе А. В. 295.
Бранденбург Н. Е. 49.
Бранденбург Н. Е. 49.
Брун Ф. К. 150.
Вахушти 160.
Вахушти 160.
Ваидов Р. М. 180.
Введенский А. 220.
Вербицкий В. И. 151.
Веселовский Н. И. 154.
Ветрувий 300.
Воронов Ю. Н. 11.
Воронов Ю. Н. 295.
Вощинина А. И. 356.
Гайдукевич В. Ф. 67, 213.
Гайдукевич В. Ф. 67, 209, 210, 213, 214, 220, 312, 318, 322, 324, 335, 338, 344, 355.
Гермес-Меркурий 348, 349.
Геродот 159.
Гзелишвили И. А. 65.
Гзелишвили И. А. 65.
Гобеджишвили Г. Ф. 48, 58.
Гобеджишвили Г. Ф. 48, 52, 53, 58, 60, 61, 64, 68, 74, 75, 179, 182.
Голенко К. В. 357.
Голенко К. В. 360, 361.
Гомер 349.
Граков Б. Н. 328.
Гракова О. А. 180.
Грашеновский И. 216.
Грязнов М. П. 55.
Гулиа Д. И. 212.
Гулиа Д. И. 212, 216, 237, 239, 287, 288, 289.
Гуммель Я. И. 158.
Гуммель Я. И. 158.
Дашевская О. Д. 53.
Деген Б. Е. 157.
Джавахишвили И. А. 173.
Джанашиа С. Н. 173, 219.
Джапаридзе О. М. 58, 170.

---

* Фамилии, набранные в разрядку, упоминаются в сносках; без разрядки — в тексте.

Джапаридзе О. М. 58, 170, 179, 181.
Дион Кассий 286.
Долбежов В. И. 61.
Дундуа Г. Ф. 289.
Дюбуа де Монпере 212.
Ельницкий Л. А. 348.
Ельницкий Л. А. 348.
Европий 288.
Званба С. Т. 161.
Званба С. Т. 161, 162.
Зевс 219, 349.
Зеест И. Б. 322, 324.
Зноско-Боровский 49.
Зограф А. Н. 220.
Зограф А. Н. 239.
Иванова А. П. 355.
Иващенко М. М. 14, 155, 212, 221, 229.
Иващенко М. М. 14, 76, 155, 172, 215, 221, 229.
Иессен А. А. 154, 176, 180, 182.
Иессен А. А. 50, 54, 55, 60, 64, 80, 154, 176, 177, 179, 180, 182, 225.
Ильинская В. А. 60, 227.
Ильинская В. А. 53, 60.
Инадзе М. П. 211, 241.
Инал-ипа Ш. Д. 233.
Ионе Г. Н. 180.
Италик Кай Силий 159.
Казвини 157.
Каландадзе А. Н. 59, 61, 63.
Каландадзе А. Н. 48, 52, 53, 58, 61, 64, 65, 67, 163, 164, 214, 222, 233.
Канделаки В. В. 295.
Капанадзе Д. Г. 217, 286.
Капанадзе Д. Г. 217, 239, 240, 286, 295.
Каракалла 308, 309, 358, 359, 360.
Кастор 216, 219.
Касторий 216.
Каухчишвили Т. С. 348.
Каухчишвили Т. С. 348, 349.
Квес К. К. 295.
Кипович Т. Н. 322, 326.
Кобалия Ч. Д. 294.
Кобылина М. М. 352, 353, 354.
Коммод 356, 357, 358, 359, 360.
Комаров А. 220.
Константин Великий 358, 359.
Кругликова Н. Т. 322, 342.
Круглов А. П. 74.
Крупнов Е. И. 59, 62, 75, 77, 154, 167, 169, 176.
Крупнов Е. И. 53, 54, 55, 56, 59, 60, 62, 64, 68, 73, 74, 75, 76, 154, 168, 179, 202, 206.
Кубланов М. М. 322.
Куфтин Б. А. 63, 76, 155, 156, 159, 165, 174, 177, 212.
Куфтин Б. А. 48, 52, 53, 54, 55, 56, 59, 63, 64, 66, 68, 69, 75, 76, 154, 155, 156, 159, 162, 164, 165, 166, 167, 169, 170, 172, 174, 177, 179, 180, 181, 182, 183, 185, 198, 212, 244, 245, 258.
Ламберти Арканджело 160.
Ламберти Арканджело 160.
Латышев В. В. 286.
Латышев В. В. 159, 161, 216, 286, 290, 291.
Леда 219.
Леквинадзе В. А. 295.
Либеров П. Д. 49.
Либеров П. Д. 49.
Ломоури Н. Ю. 211, 213.
Лордкипанидзе О. Д. 9, 295, 304, 331.
Лордкипанидзе О. Д. 9, 210, 222, 229, 291, 293, 295, 304, 305, 326, 331, 338.
Лукин А. Л. 67, 71.
Лукин А. Л. 66, 67, 69, 71, 74, 76, 172, 177, 206.
Люча Джиовани 160.
Мазараки С. А. 60.
Макалатия С. Н. 58.
Макалатия С. Н. 56, 61, 63.
Макаренко М. 153.
Максимова М. И. 255, 361.
Марковин В. И. 182.
Марковин В. И. 181, 182.
Маркс К. 209.
Маркс К. 210.
Мартиросян А. А. 56, 64, 75, 169.
Матье М. Е. 259.
Меликишвили Г. А. 285.
Меликишвили Г. А. 286, 287, 288, 291.
Месхиа Ш. А. 211.
Метакса В. 229.
Мещанинов И. И. 172.
Мельниковская О. Н. 56.
Микеладзе Г. К. 219.
Миллер А. А. 297.
Миллер А. А. 62, 297.
Миллер Вс. 155.
Миллер Вс. 155.
Митридат Евпатор 239, 240, 285, 286.
Митридат Пергамский 286.
Мнацаканян А. А. 156.
Морган Ж. 64.

Мунчаев Р. М. 153, 154, 156, 157, 158.
Назаров Ф. 159.
Назаров Ф. 159.
Наливкина М. А. 356.
Никанор 216.
Ниорадзе Г. К. 174, 176.
Новицкий С. Н. 294.
Онайко Н. А. 344.
Орбели И. А. 212, 217.
Орбели И. А. 218.
Орелкин В. С. 11.
Орелкин В. С. 295.
Орэл 292.
Пархариди К. Д. 294.
Пахомов Е. А. 240.
Пахомов Е. А. 240.
Печенкин Н. И. 49.
Пиотровский Б. Б. 59, 64, 77.
Пиотровский Б. Б. 54, 59, 64, 169, 176.
Пифодорида 287.
Плиний Секунд Г. 289.
Полемон 287.
Полидевк 216, 219.
Помпей Гней 285, 286.
Попов А. А. 151.
Попов А. А. 151.
Путуридзе Р. В. 294, 295.
Рамишвили М. 222, 232.
Ренгортен В. П. 71.
Репников Н. И. 68.
Репников Н. И. 68, 75.
Реслер 48.
Рисмаг 288.
Ростовцев М. И. 289, 290.
Руденко С. Н. 183.
Русов А. А. 154.
Самоквасов Д. Я. 60, 62, 74.
Самоквасов Д. Я. 60, 62, 74.
Саркисян П. С. 294.
Септимий Север 356. 359.
Сервий Публий 286
Сизов В. И. 13, 220, 221, 222, 297, 298, 299.
Сизов В. И. 13, 160, 220, 297, 298, 299.
Силантьева Л. Ф. 326.
Скасырский В. И. 294.
Скорнякова Е. Х. 294, 295.
Смирнов К. Ф. 54, 62, 64, 75, 154, 157, 158.
Смирнов Я. Н. 74.
Сокольский Н. И. 247.
Соловьев Л. Н. 9, 13, 14, 153, 165, 212, 221, 225, 294, 295, 299, 305, 306, 311.
Соловьев Л. Н. 9, 14, 53, 80, 153, 156, 165, 211, 212, 213, 214, 221, 225, 234, 235, 294, 295, 299, 306, 311.
Сорокина Н. П. 338.
Спадаг 288.
Стефан Византийский 216.
Страбон 238, 239, 287, 289, 292.
Страбон 237, 238, 239.
Стражев В. И. 155.
Стражев В. И. 155.
Стржелецкий С. Ф. 322.
Тереножкин А. И. 227.
Техов Б. В. 58.
Техов Б. В. 168, 179.
Тиндарей 219.
Томсон Дж. О. 216.
Трапш М. М. 9, 10, 11, 207, 295.
Трапш М. М. 9, 10, 14, 17, 20, 56, 58, 61, 63, 71, 73, 75, 82, 167, 173, 181, 198, 216, 222, 227, 294, 295, 299, 313, 317, 328, 347, 348, 349, 353.
Траян 288, 347.
Трубникова Н. В. 54, 62.
Уваров А. С. 158, 161.
Уварова П. С. 58, 67, 170, 297.
Уварова П. С. 53, 54, 58, 59, 69, 71, 73, 74, 75, 168, 170, 180, 198, 202, 206, 207, 297.
Услар П. К. 212.
Фадеев А. В. 212.
Фарнак 286.
Федоров Н. И. 80.
Флавий Иосиф 287.
Хайнд Дж. 347.
Халиков А. Х. 11.
Ханенко Б. Н. и В. Н. 55, 60, 65.
Хвойко В. В. 60.
Хотелашвили М. К. 295.
Хоштария Н. В. 54.
Челеби Эвлия 160.
Чернявский В. И. 212, 219, 220, 289, 290, 297.
Чернявский В. И. 220, 297, 317.
Чубинишвили Т. Н. 156.
Чубинишвили Т. Н. 156.
Чурсин Г. Ф. 207.
Шакирбай Г. З. 216, 217, 258.
Шакирбай Г. З. 216, 217, 218.
Шервашидзе Л. А. 9, 294, 295, 305, 306, 311.
Шервашидзе Л. А. 9, 213, 294, 295, 306, 311, 317.
Штернберг Л. Я. 150, 151.
Штернберг Л. Я. 151.
Шульц П. Н. 68.

Энгельс Ф. 210.
Юлиан 288.
Юрченко П. 160.
Юрченко П. 220.
Язон 160, 210.
Якобсон А. Л. 324.
Яшкин Е. И. 80.
Coutenau G. 50.
Ginters W. 62.
Ginters W. 62.
Gordon Child V. 50.
Picard C. 10.
Vessberg O. 338.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Акинак 60.
Амфора 13, 14, 16, 67, 81, 220, 221,222, 223 225, 227, 234, 235, 238, 239, 251, 257, 259, 283, 292, 303, 304, 305, 307, 308, 309, 312, 314, 322, 323, 325, 331, 351.
Амфориск 14, 78, 221, 222, 261, 267, 283, 308.
Антропоморфное надгробие 354, 355, 356, 361.
Бляшка 26, 38, 47, 73, 83, 153, 172, 185, 202, 236.
Браслет 24, 26, 28, 29, 32, 33, 34, 35, 36, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 47, 65, 66, 67, 77, 78, 84, 85, 87, 97, 98, 102, 104, 105, 107, 112, 114, 121, 123, 130, 132, 135, 137, 141, 147, 152, 153, 164, 172, 173, 174, 176, 185, 188, 194, 195, 196, 197, 236, 244, 245, 246, 251, 252, 253, 256, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 272, 274, 278, 280, 281, 282, 283, 302, 351.
Брусочек 308, 318.
Булавка 22, 24, 32, 33, 35, 39, 40, 47, 65, 69, 70, 71, 77, 93, 97, 109, 152, 185, 194, 197, 236, 237, 278, 312.
Бусы 26, 32, 38, 39, 40, 41, 43, 47, 65, 74, 75, 77, 82, 85, 88, 92, 93, 98, 102, 104, 107, 108, 110, 112, 114, 116, 118, 121, 123, 124, 126, 127, 132, 133, 134, 139, 140, 143, 146, 147, 148, 152, 153, 172, 173, 174, 181, 185, 189, 190, 191, 246, 253, 254, 257, 259, 264, 267, 272, 276, 278, 282, 307, 342, 351, 352.
Височный завиток 107, 110, 115, 118, 121,134, 135, 139, 140, 147, 152, 185, 187, 244, 258, 276.
Водопроводные (гончарные) трубы 302, 309, 320.
Вторичное захоронение 121, 125, 136, 141, 143, 144, 149, 154, 161.
Гвозди 236, 242, 307, 308, 312, 314, 320, 322.
Глиняный сосуд 17, 18, 19, 20, 24, 25, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 43, 45, 47, 48, 52, 53, 54, 80, 81, 82, 87, 93, 95, 97, 98, 101, 102, 104, 106, 107, 110, 112, 114, 116, 120, 121, 123, 124, 125, 127, 130, 133, 134, 135, 136, 137, 140, 141, 143, 144, 146, 148, 152, 153, 163, 164, 173, 214, 225, 234, 235, 238, 242, 243, 244, 245, 246, 249, 251, 258, 259, 260, 262, 263, 264, 265, 266, 270, 272, 274, 279, 281, 282, 283, 292, 302, 304, 307, 308, 309, 312, 314, 322, 326, 328.
Гривна 31, 32, 38, 47, 65, 68, 77, 78, 90, 91, 98, 102, 107, 109, 132, 138, 143, 148, 152, 153, 185, 187, 188, 236, 264, 274, 280.
Гробница 14.
Грузило (отвес) 14, 17, 18, 81, 221, 222, 223, 225, 234, 236, 308, 314, 342, 344.
Депорпация 157, 158.
Долото 344.
Дольмен 56, 59, 155, 156, 165, 166, 181.
Дротик 263.
Жернов 307, 308, 312, 314, 342.
Зернотерка 18.
Игла 312, 342, 346.
Канфар 234, 256, 264.
Капитель 236.
Кинжал 15, 21, 26, 28, 47, 57, 58, 59, 60, 61, 94, 117, 118, 126, 131, 132, 140, 148, 170, 172, 174, 175, 181, 182, 184, 270.

Кирпич 81, 221, 225, 235, 300, 301, 302, 306, 307, 309, 310, 312, 318.
Клещи 236.
Колечко 32, 39, 41, 42, 77, 87, 107, 109, 118, 139, 140, 147, 185, 205, 258, 264, 276, 279, 307, 313, 342, 346.
Конское захоронение 81, 90, 183.
Контрфорс 311.
Котила 242, 247, 249, 251, 253, 260, 262.
Краснолаковая посуда 13, 15, 220, 221, 222, 227, 258, 292, 293, 303, 304, 305, 307, 308, 309, 312, 314, 324, 326, 331, 335, 338, 351.
Кратер 257, 304.
Кремация 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 162.
Крючок 308, 342, 361.
Курган 49, 50, 59, 60, 153, 158, 180.
Легион 291.
Лекиф 220.
Лемех (сошник) 223, 232.
Ложка 347.
Лутерий 304, 307, 308, 309, 328.
Мегарская чаша 14, 220, 221, 222.
Меч 17, 60, 67, 236, 244, 247, 249, 251, 270, 346.
Монета 13, 220, 239, 240, 241, 259, 263, 286, 293, 303, 304, 305, 307, 308, 309, 312, 314, 326, 342, 351, 356, 357, 358, 359, 360, 362.
Мотыга 18, 232.
Мраморная стела 15, 227, 229, 238.
Муфта 42.
Наконечник копья 15, 17, 20, 21, 26, 29, 31, 32, 33, 36, 38, 39, 43, 44, 45, 57, 60, 62, 63, 64, 65, 71, 84, 85, 87, 89, 90, 91, 94, 95, 106, 109, 115, 116, 117, 125, 131, 132, 135, 138, 139, 140, 141, 144, 148, 169, 170, 172, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 184, 185, 225, 236, 242, 244, 247, 249, 261, 263, 266, 267, 269, 270, 280, 282.
Нож 21, 27, 28, 29, 30, 38, 39, 42, 43, 44, 54, 55, 57, 60, 84, 85, 87, 89, 90, 91, 92, 94, 95, 101, 106, 109, 112, 118, 130, 138, 139, 152, 168, 170, 175, 223, 233, 256, 264, 266, 269, 270, 276, 283, 308, 312, 314, 342, 346.
Ножные кольца 108, 172, 176.
Оселок (точильный камень) 26, 27, 29, 30, 54, 55, 91, 96, 138, 139, 168.
Панцирь-гриф 88, 89, 153, 183.
Патера 335.
Перстень 26, 28, 34, 185, 197, 236, 245, 246, 247, 254, 255, 257, 266, 278.
Печь 81, 225, 235, 313, 389.
Пинцет 90, 131, 140, 143, 152, 173, 192, 202, 203.
Пифос 81, 222, 223, 225, 234, 235, 304, 306, 307, 308, 309, 328.
Пластинка 38, 65, 73, 77, 94, 102, 112, 265.
Подвеска 26, 29, 38, 39, 41, 65, 70, 77, 78, 83, 99, 102, 112, 118, 126, 131, 139, 148, 153, 173, 185, 203, 204,205, 206, 207, 220, 254, 258, 272, 278, 313, 338.
Пояс 30, 42, 59, 95, 107, 115, 127, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 146, 149, 172, 173, 174, 185, 198, 199, 200, 201, 282.
Пронизь 29, 30, 38, 42, 65, 69, 77, 95, 114, 118, 186, 203.
Пряжка 67, 95, 96, 107, 109, 110, 114, 115, 116, 118, 120, 121, 123, 124, 127, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 143, 146, 147, 149, 152, 153, 172, 173, 174, 185, 198, 199, 200, 201, 307, 352.
Пряслице 41, 54, 55, 278, 314, 342, 344.
Псалий 60, 90, 176, 185, 227.
Рогулька 141, 144, 153, 207.
Саркофаг 15.
Светильник 302, 304, 314, 342, 347, 348, 349, 350.
Серп 223, 232.
Серьга 41, 47, 65, 74, 78, 83, 104, 106, 107, 152, 185, 187, 236, 264, 282, 351.

Сечка 23, 24, 54, 77.
Ситула (кружка) 58, 59, 77, 141, 143, 152, 164, 165, 167, 176.
Скифос 247, 265, 267, 269, 272.
Спираль 123, 130, 141, 144, 153, 203.
Стеклянный сосуд 293, 304, 307, 308, 309, 312, 338, 348, 362.
Стержень 83, 84, 138.
Стиль 350.
Стрела 58, 60, 61, 67, 138, 153, 169, 173, 176, 181.
Ступка 307.
Терракотовая статуэтка 352, 353.
Ткань 84, 85, 87, 95, 107, 108, 117, 147, 214, 237, 238.
Топор 15, 17, 18, 20, 21, 22, 25, 26, 33, 45, 56, 57, 58, 59, 60, 67, 77, 87, 91, 112, 116, 130, 141, 144, 164, 165, 169, 170, 171, 173, 174, 176, 183, 184, 205, 236, 242, 247, 249, 261, 263, 266.
Трупоположение 48, 49, 149, 153.
Удила 90, 153, 176, 185, 186.
Фиала 105, 152, 167.
Фибула 24, 39, 40, 41, 47, 59, 65, 71, 82, 83, 85, 88, 93, 94, 95, 97, 104, 105, 107, 112, 114, 123, 130, 131, 185, 191, 192, 193, 234, 236, 256, 257, 258, 272, 278, 304, 307, 312, 346, 350, 351.
Храм 218, 219, 349.
Цалда 232, 233.
Цепочка 24, 28, 35, 40, 83, 93, 95, 97, 98, 101, 102, 105, 139, 153, 203.
Черепица 81, 220, 221, 222, 223, 225, 227, 234, 236, 238, 281, 293, 301, 302, 307, 309, 312, 314, 318, 320.
Чернолаковая посуда 13, 14, 17, 67, 78, 220, 221, 222, 223, 225, 227, 229, 234, 238, 242, 247, 249, 251, 253, 256, 257, 259, 260, 262, 265, 267, 269, 270, 272, 276, 294, 295, 310.
Шило 118, 346.

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ И КУЛЬТУР

Аагстинское погребение 76.
Абгархук (м-к) 66, 71, 177, 206.
Аксютинцы (м-к) 55, 59, 60.
Алексеевское ущелье (м-к) 230.
Амиранис-гора (м-к) 156.
Анакопия (крепость) 293.
Ани-ирзо (м-к) 64.
Ахалгорийский клад 74.
Ахвыла-абаа (м-к) 221.
Ахгала (м-к) 64.
Баграта замок 10, 14, 21, 217, 221, 222, 227, 230.
Байдарская долина (м-к) 68.
Бамборская поляна (м-к) 74.
Березовский (м-к) 68.
Беслетка (Басла) 215, 217, 221, 227.
Бессарабский клад 180.
Бойси-ирзо (м-к) 64.
Брильский м-к 48, 49, 58, 64, 68, 69, 74, 179, 182.
Верхняя Рутха (м-к) 168, 179.
Волковцы (м-к) 60.
Ворнак (м-к) 169.
Глущино городище 65.
Гоми Нижние (дабла) 53, 55, 66, 164, 166, 167, 244.

Гуадиху (м-к и поселение) 9, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 42, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 150, 181, 208, 212, 214, 222, 223, 232, 233, 241, 242, 248, 250, 252, 253, 260, 322.
Гюэнос 53, 210, 211.
Дванский м-к 56, 58, 61.
Дергавс (м-к) 59.
Диоскурия 9, 10, 13, 14, 210, 212, 213, 214, 216, 217, 219, 227, 230, 231, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 283, 285, 288, 289, 290, 291, 294, 295, 338.
Дранда 218.
Жаботинский клад 168.
Жемталинский клад 59, 60, 167.
Журовка (м-к) 62.
Змейское пос. 54, 55.
Илвар (м-к) 64.
Исти-су (м-к) 55, 64, 76.
Карабудахкентский м-к 180.
Каркома-хола (м-к) 157.
Катараган-така (м-к) 156, 157.
Квасатальский м-к 179.
Квишарский клад 174, 176.
Келасури 213, 215, 218, 230.
Келасурская стена 15.
Кизил-яр (м-к.) 157.
Кобанский м-к 53, 69, 73, 74, 198, 202, 206, 207.
Кобанско-колхидская культура 14, 15, 16, 47, 71, 77, 78, 164, 182, 184, 244.
Корца (м-к) 59.
Красный Маяк (м-к и пос.) 10, 58, 63, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 86, 88, 89, 91, 92, 96, 99, 100, 103, 108, 111, 113, 115, 117, 119, 120, 122, 124, 128, 129, 136, 142, 145, 149, 150, 152, 153, 163, 165, 167, 168, 169, 175, 176, 177, 178, 179, 181, 182, 184, 186, 187, 188, 191, 192, 194, 195, 197, 198, 199, 203, 204, 205, 207, 208, 212, 214, 222, 223, 235, 238, 241, 268, 269, 271, 273, 275, 276, 277, 284, 322, 331, 335, 344.
Куланурхвинский м-к 9, 55, 58, 71, 74, 75, 78, 172, 181, 198, 207, 208.
Культура полей погребений 49.
Кумбульта (м-к) 53, 206.
Лечкоп 214, 215, 230.
Лечхумский клад 167, 174.
Луговой м-к 53, 55, 64, 76.
Майкопская культура 154.
Малоклю (м-к) 48, 56, 169.
Мариупольский м-к 153.
Мингечаурский м-к 180.
Моздокское пос. 54.
Мугудзырхва (м-к) 198.
Мусиери (м-к) 64.
Наохваму (пос.) 166, 179.
Нестеровский м-к 54, 55, 59, 62, 64, 68, 69, 74, 77, 78.
Ново-афонский м-к 177.
Новочеркасский клад 176.
Озынец (башня) 10, 230, 298, 313, 315, 316, 320, 321, 322, 327, 330, 331, 335, 337, 338, 340, 341, 342, 344, 345, 346, 347, 348, 350, 351, 352.
Очамчира (м-к) 258.
Пашковский м-к 54, 64, 75.
Питиунт 292, 293, 294, 322, 324, 326, 338, 349, 351, 360.

Понтийское царство 255.
Приморское (м-к) 63, 155, 177, 179.
Самтаврский м-к 53, 56, 61, 63, 64, 75, 168, 173, 174, 179, 180, 181.
Себастополис 9, 10, 13, 289, 290, 291, 294, 296, 298, 302, 304, 305, 311, 313, 317, 318, 319, 320, 322, 323, 325, 326, 329, 331, 332, 333, 334, 336, 338, 339, 342, 343, 354, 359, 360, 361, 362.
Смела (м-к) 55, 56, 62.
Сухумская бухта 212, 215, 227, 235, 298, 317, 354, 355, 361.
Сухумская гора 9, 10, 16, 17, 48, 53, 61, 64, 65, 67, 74, 208, 212, 214, 222, 233, 322.
Сухумская крепость 9, 222, 223, 289, 294, 297, 298, 299, 306, 311, 320, 324, 328, 331, 335, 338, 342, 344, 347, 348, 350, 351, 352.
Тайшебаини (Кармир-блур) 64, 169.
Таманский м-к 67, 78.
Таркинский м-к 157.
Таш-баш (м-к) 156.
Тлийский м-к 58, 77, 168, 179.
Триалетский (Бешташенский) м-к 53, 56, 59, 63, 64, 68, 75, 174, 179.
Усть-Лабинский м-к 54.
Фасис 213, 238, 290, 291.
Хртаноц (м-к) 64, 75.
Цебельдинские некрополи 65, 167, 294, 328, 331, 346, 349, 351, 360, 362.
Цинцкаройский м-к 64.
Чми (м-к) 53, 59.
Эгейская (трояно-микенская) культура 300.
Энеолит 18, 153, 155, 165.
Эшерское городище 230, 236.
Эшерский м-к 63, 76, 155, 170, 172, 177, 179, 182, 198.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АбИЯЛИ	— Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР.
АбНИИ	— Абхазский научно-исследовательский институт.
АбНО	— Абхазское научное общество.
АГМ	— Абхазский государственный музей.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии.
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры.
ГМГ	— Государственный музей Грузии.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения.
ИАК	— Известия археологической комиссии.
ИА	— Институт археологии АН СССР.
ИИРГО	— Известия имп. русского географического общества.
ИРАИМК	— Известия Российской академии истории материальной культуры.
КНИИ	— Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
ЛГУ	— Ленинградский гос. университет.
МАА	— Материалы по археологии Абхазии.
МАО	— Московское археологическое общество.
МАК	— Материалы по археологии Кавказа.
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии АН СССР.
МИА	— Материалы по археологии СССР.
МИГК	— Материалы по истории Грузии и Кавказа.
ОАК	— Отчеты археологической комиссии.
ОИПК	— Отдел истории и первобытной культуры Гос-Эрмитажа.
ООИД	— Одесское общество истории и древностей.
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РГО	— Русское географическое общество.
СА	— Советская археология.
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
ТГУ	— Тбилисский государственный университет.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакционной коллегии 9
Введение 13

Раздел первый

Культура населения Сухуми в эпоху поздней бронзы и раннего железа

Глава I. **Некрополь Гуадиху** (Старший могильник) . 17
1. Общая характеристика некрополя и вскрытых погребений 17
2. Погребальные обряды 45
3. Погребальный инвентарь 52
4. Датировка некрополя 76

Глава II. **Красномаяцкий некрополь** 78
1. Описание погребений Красномаяцкого могильника VIII—VI вв. до н. э. 82
2. Погребальные обряды 149
3. Анализ вещевых находок 162

Раздел второй

Культура населения Сухуми в античную эпоху

Глава III. **Диоскурия** 209
1. К вопросу о греческой колонизации побережья современной Абхазии и проблема Диоскурии 209
2. Исследование памятников культуры Диоскурии 219
3. Экономическое положение Диоскурии в конце V —I вв. до н. э. 230

Глава IV. **Культура местного населения в раннеантичное время** 241
1. Общая характеристика погребений и погребального обряда младшей группы могильника Гуадиху 242

2. Общая характеристика погребений и погребального обряда младшей группы (V—II вв. н. э.) Красномаяцкого некрополя . . . 268

Глава V. **Сухуми в позднеантичное время** . . . 285
1. Римские укрепления на побережье Абхазии . 285
2. Исследование памятников культуры Себастополиса 294
3. Оборонительные сооружения древнего Себастополиса 298
4. Общая характеристика и анализ вещевых находок древнего Себастополиса 317

Именной указатель 363
Предметный указатель 366
Указатель археологических памятников и культур . 368
Список сокращений 373

Тҭаҵшь Михаил Мамет-иҧа
ИУСУМТАҚУА
ҧшь-томкны
II-атом
(урысшәала

●

თრაფში მიხეილ მამეთის ძე
ШРОМЕБИ
ოთხ ტომად
ტომი II
რუსულ ენაზე)

●

Редактор издательства ХАШБА Р. А.
Художественный редактор ЦКВИТАРИЯ П. Г.
Техредактор ХАХМИГЕРИ М. Д.
Корректоры: ЖУЛЕВА С. Е., МХИТАРЯН А. А.

ЭИ00316. Сдано в производство 16.VII.1969 г. Подписано к печ. 30.X.1969 г. Типогр. бумага № 1, ф. 60x90¹/₁₆. Печ. л. 23,45. Уч.-издат. л. 18,41 + 4,11 (табл.) = 22,52.
Зак. № 1726. Тираж 1300. Цена 2 р. 90 к.

Издательство «Алашара», Сухуми, ул. Ленина, 9.
Сухумская типография № 7 им. Ленина Главполиграфпром Госкомитета Совета Министров Грузинской ССР по печатиа Сухуми, ул. Ленина, 6